

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы
VII Международной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева

12 – 13 мая 2022 г.

Москва, МГППУ

УДК 316.6
ББК 88.5
С69

Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2022 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – 566 с.

Рецензент:

Волкова Е.Н., доктор психологических наук, профессор.

Настоящий сборник отражает результаты исследований, выполненных квалифицированными специалистами, аспирантами и студентами из университетов, научных лабораторий, образовательных, производственных и других организаций. Представлены достижения в различных отраслях современной социальной психологии. Большое внимание уделено актуальным проблемам социальной психологии личности и группы, межкультурной коммуникации, взаимодействия участников дорожного трафика. Ряд статей отражают современное состояние и тенденции развития организационной психологии, психологии управления, педагогического общения, киберпсихологии. Обсуждаются актуальные вопросы осуществления психологического тренинга и консультирования, а также современные технологии в психологии и образовании.

Сборник адресован психологам, педагогам, а также специалистам других профессий, интересующимся проблемами оптимизации и повышения эффективности взаимодействия между людьми. Также сборник будет полезен руководителям разного уровня и исследователям свойственных современному обществу социально-психологических феноменов.

ISBN 978-5-94051-261-5

© ФГБОУ ВО МГППУ, 2022.

ПРЕДИСЛОВИЕ	20
Абдулина Ю.А., Погодина А.В. К вопросу о профессиональной идентичности современного студента магистратуры.....	21
Аймаганбетова О.Х., Адилова Э.Т. Прикладное исследование ценностных ориентаций казахстанских студентов (на примере КазНУ им. аль-Фараби).....	23
Аймаганбетова О.Х., Кенесбаев А.М. Изучение особенностей религиозной идентичности и толерантности молодых казахстанцев	27
Аксеновская Л.Н. Проблема идеала в духовной психологии: социально-психологические аспекты	31
Аликин М.И., Каташин С.Ю., Лукьянченко Н.В. Восприятие спортивной деятельности младшими подростками, занимающимися тхэквондо	34
Алферьев К.В., Маринова Т.Ю. Проблема выбора профессии современными старшеклассниками	37
Архипова А.С., Корниенко Д.С. Взаимосвязь FoMO с личностными чертами, использованием социальных сетей и удовлетворенностью жизнью	39
Архипова М.С., Расходчикова М.Н. К вопросу об особенностях эмоционального благополучия и адаптации первоклассников к обучению.....	42
Афони娜 Н.В., Маринова Т.Ю. Взаимосвязь эмпатии и личностных предпочтений в мультипликации	44

Ахламова А.В., Бурдукова Ю.А. Травматическая память о репрессиях в системе современных социальных представлений .	46
Бабанин П.А., Шишлова Н.С. Особенности профессионального выгорания у инструкторов по вождению.....	50
Бабкин Д.В., Бубнова И.С. Психическое выгорание и увлеченность работой педагогов.....	52
Балухта А.И., Молев В.В., Мухин В.В., Кочетков Н.В., Кочетова Т.В. К вопросу изучения взаимосвязи ошибок и когнитивных искажений водителей с мотивацией к водительской деятельности	55
Барбосова Ю.В., Пашенко А.К. Нормативность и конформность сотрудников в организациях с разными стилями управления.....	57
Бекшиева М.С., Денисенкова Н.С. Социализация современных старших дошкольников.....	60
Белинская Е.П. Социальная психология личности в эпоху онтологической неопределенности.....	62
Белодед Д.Р. Роль психолого-юридических компетенций в противодействии деструктивному влиянию в интернете.....	65
Бельков М.М., Кочетова Т.В. Динамика корпоративной приверженности, мотивации и уровня субъективной незащищенности сотрудников в ходе корпоративных преобразований	68
Богачева Т.И. Добровольческая деятельность как ресурс формирования социальной активности молодежи	71

Бочкова М.Н. Мешкова Н.В. Об исследовании девиантного поведения сотрудников внутренних дел в современной российской психологии	74
Браткина М.А., Гриценко В.В. Исследование идеального образа бабушки в обыденном сознании представителей русского и армянского этносов	77
Брызньев Ю.В., Кривцова А.С. Взаимосвязь длительности проживания русских мигрантов в Чехии с показателями их аккультурации	80
Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Пандемия COVID-19: динамика изменения эмпатического поведения среди московских студентов	82
Васин Н.В., Кузнецов И.М. Психологические функции религиозных практик современных москвичей	85
Волков Р.С., Сачкова М.Е. Групповая идентичность юных спортсменов: возрастные и половые различия.....	88
Гвоздкова Р.И., Чикер В.А. Тактики самопрезентации и жизненные ценности представителей поколения Z	91
Горелов И.О., Крушельницкая О.Б. Взаимосвязь стратегий совладания и особенностей межличностного общения у старшекласников	94
Гриднева Д.А., Толстых Н.Н. Временная перспектива современных старших подростков на пути их профессионального самоопределения	97
Грушевский И.А., Кочетова Т.В. Проблема изучения отношения основных участников дорожного движения к дорожному законодательству	99

Давыдова Е.А., Хаймовская Н.А. Особенности мотивации сотрудников при разных стилях руководства в организации.....	102
Даниленко О.В. Особенности детско-родительских отношений в семьях девочек-подростков с проблемами пищевого поведения	105
Даниленко О.И., Нигоренко Е.Н. Гендерно-ролевые представления студентов разного пола	109
Данилова Е.А., Александрова Е.А. К вопросу об изучении паттернов детско-родительской коммуникации в межкультурных семьях.....	112
Денисенкова Н.С., Вурзель А.Н. Использование гаджетов детьми с детским церебральным параличом и умственной отсталостью.	115
Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И. Использование цифровых устройств дошкольниками самостоятельно и в сопровождении взрослых	117
Дмитриева О.П., Ковалева Т.В. К вопросу взаимосвязи компонентов трудового потенциала сотрудников со стилем управления руководителя	120
Дубовских Ю.В., Чикер В.А. Представления о ценностях супружества, родительства и родства у людей, относящихся к различным поколениям.....	123
Ершов С.В. Проблема исследования поведения индивида в условиях дорожного трафика	126
Заболоцкая С.В. Опыт апробации психологического тренинга «Страх - не проблема» в работе с водителями, побывавшими в аварии или ДТП	129

Зарецкая Н.Е., Шнейдер Л.Б. Межличностные отношения как источник кризисного состояния личности	132
Зими́на А.А. Индивидуально-личностные ресурсы как фактор антистарения у мужчин и женщин предпенсионного возраста (Северная Осетия)	135
Золина В.В. Эмоциональное выгорание сотрудников HR-сферы государственных и коммерческих организаций	138
Зотова Л.Э., Сидячева Н.В. Осознанность как ключевая социальная характеристика личности	142
Истомин В.В. Проект «Время Взрослеть»: отношения субъектов образования и развитие «сквозных», ресурсных качеств личности	145
Камнев А.Н., Макарова С.А. Нейробика в детском лагере. Использование современных развивающих технологий в работе с детьми с ОВС	148
Каракаш А.А., Кочетков Н.В. Социально-психологические аспекты фаббинга	151
Карасев А.Д., Олиндер Н.В. Эмпирическое исследование взаимосвязи копинг-стратегий и готовности к изменениям.....	154
Карачун М.Л., Ткаченко Н.В. Феноменология переживания эффективного межкультурного общения.....	157
Карпова Ю.К., Погодина А.В. Отношение студентов психологических факультетов к традиционной и альтернативной формам трудовой занятости	160

Кауненко И.И. Современные проблемы исследования этнической идентичности в ситуации неопределённости (на примере Республики Молдова).....	163
Ким Р.В., Дашко И.В., Конопельчева Н.А. Влияние взаимоотношений в системе «родитель – спортсмен» на результат спортивной деятельности.....	165
Киселева Е.А., Ильиных Ю.В. Проблемы цифровой социализации детей и подростков в контексте культурно-исторической концепции Л.С. Выготского	168
Ковалева Т.В. К вопросу об авторской позиции в построении собственной карьеры в новых реалиях хрупкого мира	171
Ковыльникова Е.А. Отношение молодежи к здоровью в период пандемии Covid-19	174
Когай И.А., Шукшина Л.В. Изучение социально-психологической адаптации у студентов разных курсов	176
Козлова М.Н., Феоктистова С.В. Психологические технологии по развитию речи детей с ОВЗ дошкольного возраста	179
Кононыхина В.Б., Огнев А.С. Диагностика эмоционального интеллекта и эмоциональной сферы у детей с ОВЗ	182
Корнеева А.Н., Пожарская Е.Л. Копинг-стратегии как один из факторов влияния на процесс адаптации молодых специалистов в организации	184
Кочетков Н.В. Профайлинг: социально-психологические проблемы	187

Красило Д.А., Репещук К.Ю. Проблема актуализации профессионально-значимых личностных качеств у студентов-психологов.....	190
Красмик Ю.Н., Аймаганбетова О.Х. Этнопсихологические особенности мотивации к занятиям художественной гимнастикой девочек дошкольного возраста (на примере Казахстана).....	192
Кривцова А.С., Халиуллина Д.Р. Кросскультурные различия индивидуальных ценностей современной русской молодежи на примере г. Москва, г. Ставрополь и г. Казань.....	195
Кружкова О.В., Матвеева А.И., Воробьева И.В. Особенности навигации молодежи в городской среде: построение маршрутов	198
Ксенда О.Г., Марченко А.Э. Личностные предикторы переживания одиночества в подростковом и юношеском возрасте	201
Кудряшов Д.П., Кочетков Н.В. Особенности формирования первого впечатления у представителей учащейся молодежи в СССР и современной России	204
Кузнецов И.М., Снисар К.А. Влияние массовых коммуникаций на формирование личностных мотивов потребления	206
Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н. Взаимосвязь компьютерной зависимости и социальной адаптации в подростковом возрасте	209
Курилович А.Н., Харченко М.А. Ментальные карты как инструмент изучения пространственного представления водителей.....	212

Куфтяк Е.В., Бехтер А.А., Газзаева Н.М., Сиукаева Е.Г. Совладание с трудными ситуациями молодыми людьми: социокультурные различия	214
Кушнир О.А., Толстых Н.Н. Динамика изменения социальных представлений учителей о школе в период пандемии COVID-19217	
Лазарева Ю.И., Сачкова М.Е. Ценности сотрудников с разным неформальным статусом в организации	220
Лебедева В.Е., Рягузова Е.В. Социальные представления личности о переживаемой травме: различия в уровнях травматизации и ресурсах.....	223
Лебедева С.Ю., Кожухарь Г.С. Субъективное благополучие и его соотношение с социальным доверием и поддержкой у взрослых людей	225
Леонова Е.Н. Проактивные копинг-стратегии в зависимости от выраженности альтруистической установки личности	228
Лесин А.М. Воспитанность в ценностной картине мира молодых людей	232
Логвинова М.И. К вопросу о молодежных субкультурах просоциальной направленности	235
Лосинская Т.С., Толстых Н.Н. Связь учебной мотивации подростка со стилем взаимоотношений в школьном коллективе	238
Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И. Стилиевые особенности оценки подростками девиантности	241

Лысанская П.А., Кожухарь Г.С. Стратегии поведения в межличностном конфликте и отношения у старшеклассников ..	243
Майсак Н.В. Фокус-группа в развитии комплаенса студентов медицинского вуза	246
Макарова Ю.О., Кочетков Н.В. Взаимосвязь проблемного использования интернета и личностной значимости блогера	249
Максимова А.М. Мешкова Н.В. К вопросу развития коммуникативных способностей у подростков с ОВЗ с помощью театрального искусства	253
Максимова М.А., Погодина А.В. Человекоцентрированный подход в российских организациях.....	255
Малахова А.А., Литвинова Е.Ю. Копинг-стратегии работников различных форм занятости.....	258
Маленова А.Ю. Гендерные особенности родительских установок и отношения молодежи к сознательно бездетному браку	261
Манджиева М.Л., Кожухарь Г.С. Соотношение эмоционального выгорания и мотивации профессиональной деятельности сотрудников полиции.....	264
Маньшина А.Ю., Красило Т.А. Взаимосвязь проблемного использования интернета и межличностных отношений в юношеском возрасте.....	266
Матвеев В.П., Маринова Т.Ю. Исследование психологических особенностей адаптации и смысложизненных ориентаций у студентов разных курсов.....	269

Матвеев С.А., Кочетова Т.В. Характеристика модели обучения безопасному вождению, ее использование для модификации курса «Психофизиологические основы деятельности водителя»	271
Матвеева А.И., Воробьева И.В., Кружкова О.В. Эмоциональный интеллект в цифровой образовательной среде: различия в проявлениях у педагогов и обучающихся	274
Маринова Т.Ю., Шаталова И.И., Шевченко Е.В. К вопросу о формировании интернет-зависимости у младших школьников	278
Махмутова Е.Н., Воронина Р.Н. Социально-психологические аспекты формирования предпринимательских компетенций студентов	281
Мельничук А.С. Конькова Н.В. Перфекционизм в контексте мотивации труда	284
Мешкова Н.В., Жаринова Ю.И., Муковнина Д.Д. К вопросу о связи социальной креативности, моральной идентичности и толерантности.....	287
Миллер Э.А., Литвинова Е.Ю. Формирование мета-компетентности специалистов по обучению и развитию персонала посредством проведения тренинга	290
Моисеенко К.И., Хухлаев О.Е. Взаимосвязь межкультурной компетентности и особенностей межкультурного контакта в профессиональной среде.....	293
Мурзабек кызы М., Василенко В.С. Связь самоэффективности со стилями реагирования на успех и неудачу	297
Нажимидин А.И., Аймаганбетова А.Х. Влияние эмоционального интеллекта на развитие синдрома выгорания	299

Назарова Л.Д. Научные обоснования наличия антагонистического симбиоза в диаде мать-ребенок	303
Нащинцева А.В., Василенко В. Механизм контроля эффекта социальной фасилитации в ситуациях пищевого поведения	307
Нестерова А.А., Феклисова А.А. Исследования фаббинга в сфере образования.....	310
Никитская М.Г. Сравнительное исследование учебной мотивации в разных группах старших подростков	313
Николаева Л.В., Литвинова Е.Ю. Представление водителей о велосипедистах как «чужих» на дороге (на примере зарубежных исследований)	316
Новак Н.Г., Расходчикова М.Н. К вопросу о социальной тревожности у младших школьников.....	318
Носкова Л.А., Захарова И.В. Формирование ценности здоровьесбережения: технологии начальной школы	321
Опекина Т.П. Взаимосвязь сочувствия к себе и совладающего поведения у взрослых с ограниченными возможностями здоровья	324
Орлов В.А. Нравственный мини-тренинг для старшеклассников «Виды добра» в контексте тренинга личностного роста.....	327
Павлов А.В., Крушельницкая О.Б. Особенности профессиональной идентичности студентов колледжа при разных типах учебно-практической подготовки	330
Павлова К.Н. Виртуальная (сетевая) идентичность студенческой молодежи	334

Павлова О.С., Разумова С.П. Соотношение компонентов этнической идентичности российской молодежи: кросс-культурный анализ	337
Павлова Ю.Б., Крушельницкая О.Б. О формировании ценностно-смысловых ориентаций воспитанников кадетской школы	340
Пак Е.О., Кочетков Н.В. Социально-психологические аспекты социальных верований студентов вуза.....	343
Пашкова Я.А., Гайдар К.М. Образ «Мы» в контексте развития семьи как группового субъекта.....	346
Пенькова В.Н., Палагина А.А. Отношение молодежи к институту выборов: результаты исследования	349
Петрова П.Н., Пожарская Е.Л. Особенности самоотношения как основа формирования индивидуального имиджа	353
Петрушихина Е.Б. Распределенное лидерство в команде: понятие и проблемы исследования	355
Полежаева Л.В. Реквием тестам?	358
Полякова О.А., Орлов В.А. Связь стилей взаимоотношений в родительской семье студентов вуза и особенностей их профессиональной идентичности	362
Попович Ю.А., Кочетков Н.В. Специфика романтических отношений представителей разных сексуальных ориентаций ...	365
Рахманов Р.П. Взаимосвязь карьерных и ценностных ориентаций у студентов различных направлений подготовки	368

Репенко М.С., Устинова Н.В. Особенности школьной тревожности младших и старших подростков в период дистанционного обучения	371
Решетко С.А. Проблема табакокурения в условиях пандемии коронавируса	374
Робин С.Д., Кружкова О.В. Диагностика риска аддиктивного поведения молодежи методом айтрекинга	376
Ромашева Ж.Ж. Институциональное доверие казахской и русской молодежи	379
Рубан Е.В., Погодина А.В. Взаимосвязь социальных типов личности с уровнем профессионального выгорания у банковских работников	382
Рубцова Е.А., Александрова Е.А. Саморепрезентация и социально-психологическая адаптация современной южнокорейской молодежи	385
Саламанка С.П.С., Ткаченко Н.В. Экологическая осведомленность: установки и убеждения в колумбийской культуре.....	388
Самосюк А.А., Смирнова Ю.С. Взаимосвязь личностных особенностей и типа реагирования на конфликт в период средней зрелости	392
Саргсян А.А. Хухлаев О.Е. Различие между понятиями «mindfulness» и «awareness»	394
Сардарян Е.Д., Ткаченко Н.В. Особенности самоотношения людей, склонных к созависимости в близких отношениях	397

Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Специфика представлений о врачах у разных групп учащейся молодежи в условиях новой коронавирусной инфекции	400
Свечникова Ю.А. Коммуникативный танец как средство социализации и творческого развития дошкольников (на примере Центра эстетического развития).....	403
Свириденко И.Н., Расходчикова М.Н. Использование метода семантического дифференциала в исследовании представлений студенческой молодежи о нарушителях правил дорожного движения	406
Селезнева Е.В., Рожок А.В. Сферы ответственности современных российских государственных служащих в их представлениях ...	410
Серегина А.А. Тренинг уверенности и асертивности с применением когнитивно-поведенческих технологий как инструмент совладания в ситуации эмоциональной напряженности	412
Сереченко А.А., Ковалева Т.В. Роль профессиональной ориентации в профилактике профессионального выгорания	415
Серова О.А. Социально-психологическое обоснование исследования семейной истории как фактора психологического благополучия личности	418
Силантьева С.В., Камнев С.В. К вопросу о формировании гражданской ответственности подростков и молодежи в условиях оздоровительного лагеря.....	421
Синицына А.С., Сачкова М.Е. Социально-психологические особенности среднестатусных студентов колледжа.....	425

Собкин В.С., Калашникова Е.А. Особенности взаимоотношений подростка с родителями: роль полноты семьи и статуса среди одноклассников	427
Соловьева Е.Л., Литвинова Е.Ю. Ситуативная и личностная тревожность у водителей разного пола	430
Сорокина Т.А., Нестерова А.А. Взаимосвязь жизнеспособности, ответственности и стремления к автономии личности	433
Стеценко А.Г., Беловол Е.В. Факторы интеллектуально развития личности как детерминанты формирования культурного интеллекта в юношеском возрасте	436
Судакова В.Д., Кочетков Н.В. Взаимосвязь ответственности и удовлетворённости отношениями респондентов с различным статусом отношений	439
Суннатова Р.И. Удовлетворенность отношением значимых взрослых как условие нормативного поведения школьников	441
Сутягина А.А., Кожухарь, Г.С. Факторы, регулирующие проявление помогающего поведения в социально-психологической практике специалистов	444
Сушкова А.А., Крушельницкая О.Б. Психологические особенности адаптации учащихся при переходе в среднее звено школы	447
Сысоева А.В. К вопросу о содержании понятия «ценность»	450
Тарасов А.С., Гриценко В.В. Взаимосвязь образа будущего, субъективного благополучия и эмиграционных намерений студенческой молодежи	453

Тарасов С.В., Дробышева Т.В. Социально-психологические факторы психологической атмосферы в полужакрытой учебной группе.....	455
Таратухин А.В., Хухлаев О.Е. Копинг-стратегии жителей разных стран в период COVID-19.....	458
Терещенко А.А., Кочетков Н.В. Рефлексия и удовлетворенность браком в супружеских отношениях.....	462
Титовец Т.Е. Использование образовательных технологий и методов с целью развития системного мышления студентов	465
Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Морозова Д.Н. Переживание разлуки с родителями у первокурсников и их психологическое благополучие	468
Толстикова В.В. Психологическая готовность оперативной смены АЭС к работе в нештатных ситуациях как социально-психологическое условие ее групповой надежности	472
Троицкая Е.А. Связь воспринимаемой социальной поддержки со склонностью к открытому агрессивному поведению	475
Трушкова С.В., Чмож А.А. Факторы эмоционального выгорания у психологов-консультантов.....	478
Туйчиева М.Д., Делибалт В.В. Взаимосвязь проблемного использования интернета и склонности к девиантному поведению	480
Тычинина М.И., Мельникова О.Т. Межличностные дискурсы и нарративы поколений X, Y и Z	483

Улитина А.А., Кожухарь Г.С. Субъективная незащищенность в сфере труда и удовлетворенность в разных сферах жизни	486
Умнов В.П. О влиянии снижения общественного внимания на личность спортсмена.....	488
Федяева А.Ю., Кочетова Т.В. Взаимосвязь профессиональной зависти и мотивационного профиля сотрудников	490
Финашина М.Е., Павлова О.С. Я-концепция подростков, склонных к аутоагрессивному поведению.....	493
Фисханова Г.Р., Захарова И.В. Развитие социальной активности студентов среднего профессионального образования.....	496
Фоке-Алехин Ф., Лалу С. Факторы эффективности в совместной деятельности: вклад теории интересности и цифровой этнографии.....	499
Хавыло А.В., Седенкова И.С., Пригожева Н.Е. Гендерные стереотипы и гендерное насилие в межличностных отношениях	502
Хван А.А. Особенности копинг-поведения учителей в контексте задач организационной психологии.....	505
Храмшина, К.Е., Хаймовская Н.А. Особенности социально-коммуникативной сферы подростков.....	508
Цветкова А.В., Сачкова М.Е. Взаимосвязь уровня социально-психологической адаптации и конфликтности у студентов-первокурсников.....	510

Чернецова М.И., Ткаченко Н.В. Феноменология переживания неопределенности у эмигрантов из России: опыт исследования случая.....	513
Шарапов Н.А., Погодина А.В. Сравнительный анализ социально-психологических факторов профессиональной деятельности работников разных возрастных групп	516
Шипова Н.С. Осознание субъективной ценности самореализации в случае нарушенного развития.....	520
Шнейдер Л.Б. Человек в сетевой круговерти: позитивное и девиативное.....	522
Щит Е.А., Красилов Т.А. Удовлетворенность браком и тип привязанности у женщин в разных видах брака	526
Эйфир М.М., Шукшина Л.В. Исследование социальной фрустрированности и зависти у современной молодежи	529
Ядигаров Э., Павлова О.С. Социально-психологические особенности азербайджанцев в Грузии	532
Якунин И.М., Сачкова М.Е. К проблеме изучения феномена «стеклянного потолка» в социальной психологии	535
Янова Н.Г., Маслова И.В. Образовательная супервизия в психологической службе образования	538
Ясюкевич Е.Г., Смирнова Ю.С. Взаимосвязь удовлетворенности браком и конфликтности супружеских отношений в молодых и зрелых семьях	541
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	544

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ежегодно факультет социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета проводит конференцию «Социальная психология: вопросы теории и практики», посвященную памяти профессора, доктора психологических наук, члена-корреспондента Российской академии образования М.Ю. Кондратьева.

Михаил Юрьевич – основатель и первый декан факультета социальной психологии МГППУ, выдающийся социальный психолог, ученый, организатор науки. Комплексность, системность исследований, осуществленных Кондратьевым и его учениками, позволила развить идеи научной психологической школы академика РАО А.В. Петровского применительно к условиям современного общества. На основании деятельностного подхода к изучению психологических явлений, на факультете социальной психологии МГППУ проводятся исследования в русле психологической теории коллектива. Многие из них связаны с изучением закономерностей отношений в образовательной среде. Методологические основания исследований варьируются от классических социально-психологических подходов до междисциплинарных, позволяющих анализировать новые общественно значимые явления.

Перед вами – сборник материалов VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (ФГБОУ ВО МГППУ, 12-13 мая 2022 года). Представленные в нем статьи отражают тематические направления работы конференции и посвящены актуальным проблемам социальной психологии личности и группы, анализу современного состояния и тенденций развития организационной психологии, практическим вопросам применения психологических технологий в образовании, этнопсихологии, социальной психологии дорожного трафика, киберпсихологии.

Авторы статей – исследователи, психологи и педагоги, а также руководители разного ранга и специалисты, работающие с людьми в различных сферах профессиональной деятельности. Многие статьи написаны преподавателями отечественных и зарубежных вузов в соавторстве со студентами, эти материалы отражают результаты совместных с молодыми учеными исследований.

К вопросу о профессиональной идентичности современного студента магистратуры

*Абдулина Ю.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
abdulina-youlia-27@yandex.ru, allavan@yandex.ru*

Профессиональная идентичность личности отражает степень осознанного принятия ею профессии, профессионального сообщества, действующих в нем норм и правил, а также себя как члена этого сообщества. Уровень зрелости профессиональной идентичности специалиста является косвенным индикатором уровня его эффективности на рабочем месте и удовлетворенности профессиональным трудом, что в конечном счете во многом и определяет желание человека оставаться в выбранной профессии и дальнейший путь его развития в ней [1]. По этим причинам изучение профессиональной идентичности имеет большое практическое значение и не теряет своей актуальности со временем.

Наиболее активное формирование профессиональной идентичности происходит в период профессионального обучения и первые годы самостоятельной работы по профессии, но дальнейшие ее трансформации продолжаются на протяжении всей трудовой жизни индивида. Эти процессы подвержены влиянию целого ряда внутренних (психологических и психофизиологических) и внешних (экономических, политических, социальных) факторов [2]. Социальные трансформации различного рода неизбежно затрагивают жизнь любого человека и заставляют адаптироваться к ним. В отношении профессиональной сферы это может быть достигнуто благодаря получению дополнительного профессионального образования, приобретению новых профессиональных и межпрофессиональных компетенций или кардинальной смене профессии. Переход на двухуровневую систему образования в нашей стране в определенной степени упрощает эти процедуры, позволяя благодаря обучению в магистратуре в относительно короткие сроки на бюджетной основе получить новые теоретические знания и практические навыки в связи с актуальными трудовыми задачами как по ранее освоенной профессии, так и по смежным и принципиально новым специальностям. Однако, на сегодняшний день мало изучена специфика идентичности такого профессионала, неясно, как

трансформируется профессиональная идентичность индивида во время обучения в магистратуре, насколько эффективна может быть подобная повторная профессионализация и т.д.

Целью настоящего исследования стало сравнение особенностей профессиональной идентичности магистрантов, продолжающих обучение по ранее освоенной специальности и осваивающих новую профессию.

Для оценки статуса профессиональной идентичности студентов использовали методику МИПИ Л.Б. Шнейдер. Применение методики изучения групповой и микрогрупповой идентичности, предложенной А.В. Сидоренковым, позволило оценить уровень развития когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов групповой идентичности респондентов в отношении профессионального сообщества. Качественное описание профессиональной идентичности магистрантов было получено с помощью модифицированной методики «Кто я?» М. Куна и Т. Мак-Партланда.

Исследование проводилось на базе Московского государственного психолого-педагогического университета и носило скорее пилотажный характер, поэтому охватило всего 57 студентов (49 женщин и 8 мужчин; возраст от 23 до 56 лет) второго курса магистратуры, среди которых 21 человек продолжал обучение по профессии, а 36 – меняли профессию.

Анализ собранных социально-демографических данных об испытуемых выявил, что группа респондентов, продолжающих обучение по ранее освоенной профессии, более однородна по возрастному признаку и в среднем моложе (среднее – 25, мода – 23), чем группа респондентов, меняющих профессию при обучении (среднее – 36, мода множественная - 23, 33, 37, 38, 43, 46). Порядка половины испытуемых, как среди тех, кто продолжает обучение по специальности, так и меняющих профессию, уже имеет опыт работы по ней продолжительностью до 5 лет.

По данным МИПИ у студентов магистратуры наиболее представлены незрелые формы идентичности. Диффузная идентичность встречается у 57,1% студентов, продолжающих обучение по специальности, и у 52,8% - меняющих профессию. Преждевременная идентичность чаще наблюдается у продолжающих обучение по профессии (19,0% против 2,8%), а мораторий – наоборот, у меняющих профессию студентов (33,3% против 19,0%). Статистическое сравнение полученных данных с помощью критерия

Манна-Уитни не выявило значимых различий между двумя группами испытуемых. Оценка групповой идентичности респондентов в отношении профессиональной группы выявила преимущественно средний уровень развития ее когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов у студентов выборки. Контент-анализ самоописаний испытуемых, собранных благодаря модифицированной методике «Кто я?», указывает на довольно низкий уровень осознания ими принадлежности к профессиональному сообществу, а также наличие у продолжающих обучение по специальности студентов не столько профессиональной, сколько смешанной учебно-профессиональной идентичности.

Таким образом, у студентов магистратуры, продолжающих обучение по ранее освоенной специальности и профессионально переориентирующихся, уровень зрелости профессиональной идентичности по осваиваемой в магистратуре профессии существенно не различается.

Результаты данного исследования могут быть полезны для организационного и карьерного консультирования, а также для корректировки учебных программ вузов.

Литература

1. *Малютина Т.В.* Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. 2014. №5 (132).
2. *Бороздина И.Е.* Компоненты и условия формирования профессиональной идентичности // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. №9.

Прикладное исследование ценностных ориентаций казахстанских студентов (на примере КазНУ им. аль-Фараби)

Аймаганбетова О.Х., Адилова Э.Т.
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
alnara25@mail.ru, elnura.adilova@mail.ru

Основой нашего прикладного исследования послужила теория и методика базовых индивидуальных ценностей Шолома Шварца [2; 3].

В исследовании приняли участие 179 студентов (39% юношей и 61% девушек) с 1 по 4 курс. Респонденты были вовлечены в исследование по субъективным критериям – доступности, типичности и равного представительства.

С помощью парного t-критерий Стьюдента были сопоставлены два изучаемых уровня ценностей – уровень нормативных идеалов и уровень индивидуальных приоритетов по методике измерения культурных ценностных ориентаций.

Таким образом, мы видим, что значимые различия между нормативными идеалами и индивидуальными приоритетами у современной молодежи выявлены по 9 из 10 изучаемых ценностей: конформность ($p=0,000$); традиции ($p=0,020$); доброта ($p=0,000$); универсализм ($p=0,000$); самостоятельность ($p=0,000$); стимуляция ($p=0,000$); власть ($p=0,000$); безопасность ($p=0,000$); гедонизм ($p=0,000$).

По 8 изучаемым ценностям – конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, власть и безопасность значимые различия в пользу нормативных идеалов.

Этот уровень ценностей более стабилен и отражает представления молодежи о том, как нужно поступать, определяя тем самым их жизненные принципы поведения [1].

По ценности гедонизма различия напротив выражены в сторону личных приоритетов. Данный уровень более зависим от внешней среды, от группового давления и соотносится с конкретными поступками человека. Это говорит о том, что на уровне убеждений для современной молодежи более значимы такие ценности, как конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, власть и безопасность, тогда как на уровне поступков в наибольшей степени проявляется такая ценность, как гедонизм.

Ценность достижения обладает одинаково высокой значимостью и на уровне убеждений, и на уровне поступков. Этот уровень ценностей более стабилен и отражает представления молодежи о том, как нужно поступать, определяя тем самым их жизненные принципы поведения.

По ценности гедонизма различия, напротив, выражены в сторону личных приоритетов. Данный уровень более зависим от внешней среды, от группового давления и соотносится с конкретными поступками человека. Это является свидетельством того, что на уровне убеждений для современной молодежи более значимы такие ценности как конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, власть и безопасность, тогда как на

уровне поступков в наибольшей степени проявляется такая ценность, как гедонизм.

Ценность достижения обладает одинаково высокой значимостью и на уровне убеждений, и на уровне поступков. Вместе с тем у студентов более значима ценность самотрансцендентности (Self-Transcendence), включающей универсализм (18) и доброту (11,4).

На следующем этапе исследования посредством метода канонической корреляции была изучена взаимосвязь между двумя уровнями ценностных ориентаций. Скорректированная по объему наблюдений величина коэффициента канонической корреляции между уровнем убеждений (идеалов) и поступков (приоритетов) равна +0,987 ($RCi=+0,987$, $p<0,000$). Результаты позволяют констатировать наличие достаточно сильной положительной связи ($Canonical R>0,9$) между двумя множествами: уровнем убеждений и уровнем приоритетов, что говорит о том, что в своих поступках современная молодежь руководствуется своими убеждениями (идеалами).

Представляем данные об интенсивности вклада разных уровней ценностных ориентаций в каждую из новых канонических осей.

Согласно результатам, максимальные вклады в каждую из новых канонических осей (по мере убывания) вносят такие убеждения (идеалы), как гедонизм ($RCi=1,022$) – мотивационная цель – наслаждение или чувственное удовольствие (удовольствия, наслаждение жизнью), власть ($RCi=0,957$) – достижение социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание), универсализм ($RCi=0,883$) – понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы, традиции ($RCi=0,514$) – уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность) и следование им.

На уровне приоритетов (поступков) максимальный вклад (по мере убывания) вносят такие ценности: достижения ($RCi=0,684$) – личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами, стимуляция ($RCi=0,660$) – стремление к новизне и глубоким переживаниям, доброта ($RCi=0,646$) – сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах (полезность, лояльность, снисходительность, честность,

ответственность, дружба, зрелая любовь), «Самостоятельность» ($RC_i = -0,549$) – самостоятельность мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности.

Из представленных результатов следует, что социальная идентичность выражает себя через такие ценности (идеалы) как гедонизм, власть, универсализм и традиции, тогда как личностная идентичность проявляет себя в таких ценностях (приоритетах) как достижения, стимуляция, доброта и самостоятельность. Полученные результаты отражают, с одной стороны, формирование и трансформацию ценностей у современной молодежи, с другой стороны – конфликт, между тем, как должно, и тем, как хочется, какие ориентиры задает внешняя социальная реальность.

Таким образом, проведенное исследование показало, что у современной казахстанской молодежи развиты больше ценности самотрансцендентности, включающей универсализм и доброту. Сформированные ценности в полной мере проявляют себя в сфере нравственного сознания, нравственных поступков и личностных нравственных (духовных) свойств, что подтверждается статистически выявленными взаимосвязями. Получение результаты указывают на сформированность социальной религиозной идентичности.

Литература

1. *Забелина Е.В., Честюнина Ю.В., Трушина И.А., Дейнека О.С.* Модель психологического времени молодого поколения в период глобализации, обусловленная динамикой универсальных ценностей // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2018. № 2. С. 182-192.
2. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб: Речь, 2004. 70 с.
3. *Панюшева Т.Д., Ефремова М.В.* Анализ русскоязычной версии опросника ценностных ориентаций (SVS) Ш. Шварца методом когнитивного интервью // Социальная психология и общество. 2012. Т.3. № 3. С. 116-128.

Изучение особенностей религиозной идентичности и толерантности молодых казахстанцев

Аймаганбетова О.Х., Кенесбаев А.М.

*КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
asxat11405@gmail.com, alnara25@mail.ru*

В современный период, характерными особенностями которого является все возрастающая напряженность и нестабильность, как в социально-экономической, так и в нравственной и культурных сферах жизни современных казахстанцев, религия превращается в важный объединяющий фактор, и в то же время, способствующий формирования ин- и аутгрупповой идентичности [6]. Более того, в последние годы религиозная идентичность, сопряженная с экстремистской деятельностью [8; 11] часто превращается в источник межгрупповой враждебности [5; 9].

Что касается непосредственно толерантности, то она рассматривается «как социальная норма, определяющая устойчивость к конфликтам в полиэтническом межкультурном обществе» [7, с. 3; 10, с. 155], во многом определяемая процессами идентификации и принятием этнического, конфессионального многообразия [1; 3; 4].

В связи с этим исследование религиозной идентичности и толерантности у казахстанской молодежи приобретает особую значимость и актуализируется в связи с последними событиями, потрясающими современный цивилизованный мир.

Следовательно, проблемное поле нашего исследования задано динамикой развития у молодых казахстанцев религиозной идентичности и толерантности как социальной нормы межличностного взаимодействия в полиэтническом, поликонфессиональном обществе.

Объект исследования: молодые казахстанцы – представители студенческой молодежи.

Предмет исследования: особенности религиозной идентичности и толерантности.

Цель исследования: изучение особенностей религиозной идентичности личности и толерантности в межличностных отношениях молодых казахстанцев.

В исследовании приняло участие 107 студентов (43% юношей и 57% девушек) с 1 по 4 курс различных специальностей вузов Алматы.

Были зафиксированы пол и возраст респондентов; вуз, специальность не фиксировались, что позволило обеспечить максимальную анонимность и достоверность полученных данных.

Средний возраст респондентов равен 21,6 лет, минимальный возраст 17 лет (4% от общей выборки), максимальный возраст 24 года (9% от общей выборки).

Для проведения диагностического тестирования было взято две методики: опросник «Компоненты религиозной идентичности», основанный на англоязычном опроснике «Измерение индивидуальных и социальных компонентов религиозной идентичности» Д. Ван Камп [12], адаптация В.А. Шороховой [6]; методика «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» Г.Л. Бардиер [2].

Проведенное исследование показало, что у современной казахстанской молодежи наибольшее развитие получили два компонента религиозной идентичности: религия как способ социального взаимодействия (ср.ариф.=28,5) и духовная идентичность (ср.ариф.=28,2).

Наименее развитый аспект религиозной идентичности – религия как способ индивидуальных позитивных изменений (ср.ариф.=18,6).

Таким образом, мы видим, что в структуре религиозной идентичности у современной казахстанской молодежи религиозная идентичность, с одной стороны, отражает ее потребность в контактах, дружбе, а, с другой стороны, выступает как значимая мировоззренческая ценность, как внутренний личностный аспект духовности. Вместе с тем, молитвы и религиозные практики не становятся средствами личностной (внешней и внутренней) саморегуляции.

У молодых казахстанцев два мета-компонента религиозной идентичности получили максимальное развитие: социальная направленность религиозной идентичности (ср.ариф.=53,5) и внутреннее переживание религиозной принадлежности (ср.ариф.=53,2). Самый слаборазвитый мета-компонент – индивидуальная направленность религиозной идентичности (ср.ариф.=46,8).

Проведенное исследование толерантности показало, что у молодых казахстанцев преобладают четыре вида толерантности (на высоком уровне): толерантность управленческая (ср.ариф.=54,4), толерантность профессиональная (ср.ариф.=54,0), толерантность межпоколенная (ср.ариф.=53,8) и толерантность этническая (ср.ариф.=54,0). На

высоком уровне развития (ср.ариф.>50) у молодых казахстанцев также межличностная толерантность, социально-экономическая толерантность к среде, межконфессиональная толерантность и межкультурная толерантность. Отметим также две наименее развитые толерантности у молодых казахстанцев (ср. уровень): толерантность политическая (ср.ариф.=47,6) и толерантность гендерная (ср.ариф.=50,9).

У молодых казахстанцев преобладают четыре компонента толерантности (на высоком уровне): этико-нормативный компонент (ср.ариф.=60,2), когнитивный компонент (ср.ариф.=56,4), идентификационно-личностный компонент (ср.ариф.=55,3) и аффективный компонент (ср.ариф.=55,2). На высоком уровне развития (ср.ариф.>50) у молодых казахстанцев также такие компоненты толерантности как личностно-смысловой и ценностно-ориентационный. Отметим также два наименее развитых компонента толерантности у молодых казахстанцев (ср. уровень): потребностно-мотивационный компонент (ср.ариф.=48,0) и идентификационно-групповой компонент (ср.ариф.=46,9).

Следовательно, у молодых казахстанцев толерантность в своих структурных компонентах опирается на личностную идентичность, этику поведения в социуме, эмпатичность и стремление понять, узнать мнение другого человека, то есть толерантность как черта имеет личностную направленность в большей степени, чем социальную.

Таким образом, проведенное исследование показало, что структура религиозной идентичности определяется действием двух таких компонентов, как духовная идентичность и религия, рассматриваемая как способ социального взаимодействия.

Что касается второго изучаемого феномена, то исследование показало, что молодые казахстанцы определяются достаточно высоким уровнем толерантности, при этом, толерантность характеризуется в большей степени личностной направленностью, чем социальной.

В ходе проведенного исследования также было установлено, что индекс дисгармоничности отношений соответствует среднему значению, что является свидетельством того, что казахстанская молодежь стремится к стабильным и гармоничным отношениям, к положительному взаимодействию в группе, эмоциональному комфорту.

Литература

1. Камзина О.А., Мышкина М.С. Содержательные особенности толерантности у студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 124-129.
2. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
3. Савельева А.Е., Хакимова Н.Р. Особенности структуры толерантности студентов вуза первого курса обучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 4. С. 1008-1017.
4. Тутов Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 2–9.
5. Трофимова Е.Л. Исследование видов и уровней толерантности у студентов // Психология в экономике и управлении. 2012. № 2. С. 64-72.
6. Шорохова В.А. Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ // Minbar. Islamic Studies. 2019. №12 (2). С.585–598.
7. Broer N.A., de Muynck A., Potgieter F.J., van der Walt J.L., Wolhuter Ch.C. W. Religieuze tolerantie vraagt onderwijs in gastvrijhei // Hts Theological Studies. 2018. №74 (4). P.1-9.
8. Cohen A.B. Many form of culture// American Psychologist. 2009. №64 (3). P.194–204.
9. Dudin N., Protsenko I.O., Frolova E.E., Voykova N.A., Hokonov A.A. Formation of religious tolerance among undergraduates in the multireligious environment of university // European Journal of Science and Theology. 2018. №2. P. 77-87.
10. Niewenhuis A.J. The Interdisciplinary Relations between Religion and the State: Some Comparative Legal Commentary. Oxford, 2012. 155p.
11. Różycka-Tran J. Love thy neighbor? The effects of religious in/out-group identity on social behavior // Personality and Individual Differences. 2017. №115. P. 7–12.
12. Van Camp D., Barden J., Sloan L. Social and Individual Religious Orientations Exist Within Both Intrinsic and Extrinsic Religiosity // Archive for the Psychology of Religion. 2016. № 1. P. 22–46.

Проблема идеала в духовной психологии: социально-психологические аспекты

Аксеновская Л.Н.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия

Liudmila_aksenovskaya@mail.ru

Духовные аспекты психики являются наименее изученными в научной психологии. Вместе с тем, роль духовного фактора в жизни общества и отдельного человека исключительно велика. Обострение актуальности социально-психологических исследований духовности в современных условиях вызвано напряженными событиями начала 2022 года. Ситуация может быть охарактеризована как переход от глобального «VUCA – мира» (изменчивость, неопределенность, сложность, двусмысленность) к проявляющемуся в России «ОРРО – миру» (определенность, революционность, решимость, оптимистичность). Духовный фактор играет в новых условиях важную роль и оказывает существенное влияние на процесс и результат противоборства российского общества со своими западными оппонентами.

Основы духовной психологии, как специальной области психологического знания, в нашей стране заложил С.Л. Франк (1877-1950). По Франку, *сущность феномена духовности* состоит в его наиндивидуальном характере. Духовная жизнь человека – это глубинный уровень, на котором «наша душевная жизнь слита с абсолютным всеединством» [3, с. 296]. Соответственно, душа есть «самоосуществляющаяся творчески-формирующая сила **абсолютной идеи**» [3, с. 297]. «Абсолютность» обнаруживается в высших направляющих силах человеческого бытия, трансцендентных душевной жизни. Эти силы действуют через субъективно-индивидуальное «я», делая «я» проводником начал «духовного порядка» – нравственной, религиозной, познавательной и эстетической жизни [3, 287]. Через эти начала духовного порядка объективируется «духовная культура» – свидетельство внутреннего единства и «общности человеческой жизни» [3, с. 323].

Духовность, по Франку, проявляется доступным для наблюдения образом через нравственное сознание общества и человека. Очевидно, именно он одним из первых предложил в качестве подхода к

исследованию духовности/нравственного сознания методы эмпирического исследования добра и зла. Он был убежден, что общественная жизнь (социальная реальность) – это жизнь человеческого духа, а главное отличие человека от других форм жизни заключается в его духовном начале. В фокусе исследовательского внимания С.Л. Франка прежде всего находилось российское общество. При этом общественная жизнь, по его мнению, организуется вокруг проблемы *общественного идеала*, который является движущей силой развития общества. Из общественного идеала вывелись и общие принципы общественной жизни: служение, солидарность, свобода. Логическим завершением системы духовной психологии С.Л. Франка является «религия человеческой личности» [1, с. 8] с моделью «человека духовного», включающей четыре характеристики: самопреодоление, духовность, внутренняя связь с Богом, нравственный характер общественного бытия.

Возможности обретения российским обществом универсального идеала посвящена статья С.Л. Франка «Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции)» (1909) [2]. Франк формулирует общественный идеал как «счастье народа», критически анализируя его социально-политические аспекты и предлагая переход «к созидающему культуру религиозному гуманизму» [2, с. 110].

В целях дальнейшей разработки социально-психологических исследований духовности обратимся к определениям основных понятий: *духовность*, *нравственность*, *идеал*. Следуя за С.Л. Франком, можно предположить, что *духовность* – это абсолютная идея, укорененная в «свете единого разума» человечества, характеризующаяся действенным триединством познавательного, этического и эстетического аспектов и энергетически насыщенная. Духовность объективируется в нравственном сознании общества и отдельного человека, ее «проводником» выступает отдельная личность.

В ордерном подходе к социально-психологическому изучению организационной культуры, развивающем ряд идей С.Л. Франка, *нравственность* определяется в широком смысле слова как универсальный закон, регулирующий отношения части и Целого, а также отношения частей внутри Целого. Нравственность изучается на уровне этико-смысловой подсистемы культуры, в которой выделяются базовые и функциональные этические смыслы.

Соответственно, *идеал* (в том числе, общественный) есть смыслонесущий образ совершенства, к которому человек или общество стремится, но который недостижим по определению (по крайней мере в пределах человеческой жизни). Идеал, как системообразующий фактор, лежит в основании построения системы мировоззрения общества и человека, их мировоззренческих координат. Основным вопросом в классификации идеалов является вопрос о возможности существования *общечеловеческого идеала*, своего рода «общего знаменателя» для всех его разновидностей. Одним из известных решений этой задачи является формулирование культурного идеала как единства Истины (гносеологический аспект), Добра (нравственный аспект) и Красоты (эстетический аспект). Если сравнить этот общекультурный идеал с религиозным идеалом (Бог как идеал для человека), то на уровне возможности его реализации отдельным человеком мы видим ступени восхождения к идеалу: добродетельность, праведность и, наконец, святость. Здесь критерием «освоения» идеальной формы и идеального содержания выступает мера нравственного развития человека, а способом – подражание Богу.

Идеал выполняет ряд значимых функций, направляющих и регулирующих активность в разных сферах жизнедеятельности общества и человека. Среди них можно выделить ориентирующую, смыслонаделяющую, мотивирующую, мобилизующую и развивающую функции. Отсутствие идеала как общественного, так и организационного или личностного, приводит к дезориентации и несогласованности реакций и поведения во всех случаях.

Социально-психологическая природа идеала связана с его формированием под воздействием общественной среды, общественной рефлексии способов и результатов решения значимых для общества проблем в исторической транспективе, выводов, которые делают участники общественной рефлексии.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что вопрос наличия или отсутствия общественного идеала в условиях наступившего ОРРО-мира (определенность, революционность, решимость, оптимистичность) имеет важное значение как для консолидации российского общества, так и для реорганизации жизни отдельного человека в новых исторических условиях. Выявление зарождающихся смыслонесущих символов нового времени может помочь социальным психологам в организации поиска ответа на вопрос о том, как видит российское общество свой общественный идеал и как он связан с

духовными основаниями российского многонационального народа. Решение такой задачи будет важным вкладом российских психологов в коллективную рефлексию исторических событий, разворачивающихся сегодня в мире и в стране.

Литература

1. *Сенокосов Ю.П.* Семен Людвигович Франк / С.Л. Франк. Сочинения. Москва, 1990.
2. *Франк С.Л.* Сочинения. М., 1990.
3. *Франк С.Л.* Душа человека. М., 2015.

Восприятие спортивной деятельности младшими подростками, занимающимися тхэквондо

Аликин М.И.

ФГБОУ ВО КГПУ, Красноярск, Россия

Каташин С.Ю.

МАОУДО ДЮСШ по видам единоборств, Красноярск, Россия

Лукьянченко Н.В.

ФГБОУ ВО СибГУ, Красноярск, Россия

pm2486@mail.ru, dussh_edinoborstva@bk.ru, lukyanchenkov@gmail.com

Включение детей и подростков в спортивную деятельность – важнейшее направление институализированной социализации, формирования качеств, важных для будущей жизнедеятельности, в том числе внутренних стратегий восприятия действительности и себя в ней [1]. Некоторые спортивные направления в настоящее время являются сферой, в которой преломляются проблемы гендерной специфики самореализации. Традиционно рассматриваемые как мужские, занятия единоборствами стали доступны для представительниц «слабого» пола. Это определяет актуальность исследования как общих, так и специфических для девочек и мальчиков особенностей восприятия юными единоборцами своей спортивной активности и связанных с ней аспектов жизнедеятельности. Эти особенности, конкретизированные в параметрах эмоциональной значимости и причинного анализа, были проанализированы в исследовании, проведенном с младшими

подростками, занимающимися тхэквондо (N=51, 30 мальчиков и 21 девочка).

Методическое обеспечение исследования составили:

1) «Цветовой тест отношений» (ЦТО) А.М. Эткинда [2], предназначенный для выявления эмоциональной значимости оцениваемых объектов (в данном исследовании: Я, тренировка, тренер, одноклассники, друзья, родители, успех, неуспех, счастье, здоровье, красота, дружба, будущее, настоящее, прошлое, школа, учителя);

2) анкета каузального анализа со шкальной формой ответов. Респондентам предлагалось проанализировать причины успешных и неуспешных исходов ситуаций тренировки, общения с тренером и соревнования в параметрах локуса и стабильности. Оценивалось: в какой мере причина зависит от самого респондента, насколько она зависит от тренера и насколько часто она будет повторяться в будущем.

В силу невозможности подробного обсуждения в ограниченном объеме публикации позволим себе, несмотря на принадлежность оцениваемых в ЦТО объектов к разным классификаторам, составить общие ряды их значимости. У мальчиков выстроилась следующая последовательность от наиболее к наименее значимому объекту оценивания: счастье, Я, друзья, тренер, красота, учителя, здоровье, будущее, родители, прошлое, дружба, настоящее, тренировка, успех, неуспех, одноклассники, школа. У девочек: Я, красота, тренировка, счастье, тренер, дружба, родители, успех, будущее, настоящее, здоровье, учителя, друзья, одноклассники, школа, прошлое, неуспех. Процедура выявления достоверности различий (использовался U-критерий Манна-Уитни) показала, что для девочек существенно более значимы, чем для мальчиков тренировка и красота, а существенно менее значимы неуспех, друзья, здоровье, счастье, школа, учителя, прошлое, будущее.

Анализ данных анкеты каузального анализа показал, что фактор собственного влияния респонденты оценивают высоко, характеризуя ситуации успеха в тренировочном процессе и на соревнованиях. Для ситуации неуспешной тренировки подростки дают менее интернальное объяснение. А для ситуации соревнования собственная ответственность за результат в случае негативного исхода в понимании респондентов почти такая же, как в случае положительного результата. Мера тренерского влияния на результативность оценивается ниже, чем собственного, как для

ситуаций успеха, так и для ситуаций неуспеха. Для ситуации неуспеха на соревновании влияние тренера характеризуется значениями ниже нулевого. Оценки стабильности для ситуаций успеха средние. Стабильность неуспеха видится респондентам гораздо меньшей, чем успеха, а для ситуации соревнования имеет уровень маловероятности.

Собственную способность влиять на результативность общения с тренером респонденты оценивают ниже, чем влияние на результаты тренировок и соревновательных поединков. Но влияние на общение тренера оценивается ещё ниже. В видении респондентов, ответственность за обеспечение взаимопонимания у обеих сторон взаимодействия ниже в случае негативного результата общения, нежели в случае коммуникативной продуктивности. Вероятность положительного и отрицательного результата общения с тренером юными единоборцами оценивается практически одинаково (близкие значения по показателю стабильности).

Процедура выявления достоверных различий показала, что девочки в сравнении с мальчиками выше оценивают стабильность успеха в тренировочном процессе, в большей мере усматривают вклад тренера в положительные результаты тренировки и меньше приписывают ему ответственности за неудовлетворительные результаты тренировок. Вместе с тем выше, чем мальчики они оценивают роль тренера в недостаточно хорошем взаимопонимании. Особенно много различий обнаружено в данных причинного анализа ситуации соревнования. Для успеха девочки строят гораздо более интернальное (приближающееся к абсолютным значениям интернальности) объяснение, чем мальчики, приписывают успеху перспективы гораздо большей стабильности и ниже оценивают вклад в соревновательную успешность тренера. За неуспех в соревнованиях они также считают себя более ответственными, чем мальчики, но при этом верят в то, что его воспроизводимость в будущем будет иметь маловероятный характер.

Результаты исследования свидетельствуют, что для девочек тренировочный процесс более эмоционально значим, чем для мальчиков, лидируя в конкуренции с другими аспектами жизнедеятельности. Девочки также в большей степени, чем мальчики, считают себя ответственными за результаты соревновательных поединков, при этом более уверены в перспективах успеха. Возможным объяснением столь выраженной «спортивной направленности» может быть актуальный социально-психологический контекст: то, что для девочки занятия единоборствами считаются чем-

то неординарным, не лежащим в русле привычных траекторий активности, выделяющим ее из общего социального фона.

Литература

1. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Смысл, 2003.
2. Эткин А.М. Цветовой тест отношений: метод. рекомендации. Л., 1983.

Проблема выбора профессии современными старшеклассниками

Алферьев К.В., Маринова Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Kirill.Alferiev@gmail.com

Профессиональное самоопределение – не самая простая тема для старшеклассников, да и даже студентов и выпускников вузов. Отечественная и зарубежная психология в качестве основной глубинной внутренней проблемой выбора профессии ставит такое понятие как мотивация, а именно то самое нечто, что побуждает человека к той или иной профессиональной деятельности, и уже в дальнейшем отождествляет себя как профессиональное «Я» в конкретной отрасли [2; 3]. Однако, как показал ряд исследований, как отечественных, так и зарубежных авторов, еще одной проблемой старшеклассников является уровень осознания особенностей трудовой деятельности в различных сферах с учетом специфики переживаемого периода [1; 2].

Целью нашей работы стало исследование уровня осознания трудовой деятельности через игровые тренинговые методы, которые поспособствуют старшеклассникам попробовать себя в той или иной трудовой деятельности.

Выборкой исследования стали ученики 10 классов общеобразовательной школы, количеством 52 человек, в возрасте от 15 до 17 лет. Классы поделили на экспериментальную и контрольную группы, которым предъявлялись следующие методики: «Дифференциально-диагностический опросник» (Е.А. Климова); «Карта интереса» (А.Е. Голомшток); вопрос: «По шкале от 1 до 10 оцените, насколько вы знаете, кем будете работать?». Далее, для экспериментальной группы проводилась программа тренинга

длительностью в 10 встреч, содержащая в себе игровые упражнения, основанные на трудах Н.С. Пряжникова [4].

Основная гипотеза предполагала, что уровень осознания трудовой деятельности у старших школьников недостаточно сформирован, что затрудняет его профессиональное самоопределение и является основной проблемой при выборе будущей профессии.

Анализ результатов диагностики позволил выявить изначальный уровень профессионального интереса учащихся, насколько наши выборки равнозначны по отраслям. По результатам выявленного познавательного интереса мы попытались сделать прогноз профессиональной деятельности.

Для большинства испытуемых обеих групп характерен смешанный познавательный интерес. Соотношение интересов по сферам деятельности говорит о том, что учащихся, попадающих в категорию профессий типа «человек-человек» большинство, далее идут категории «человек-художественный образ», «человек-техника» и меньше всего «человек-природа». Предыдущие исследования показали, что чем уже сфера интересов («человек-техника», «человек-природа»), тем проще человеку определится с профессией, поэтому преобладающее количество респондентов категории «человек-человек» представляют интерес даже при таком объеме выборки.

В ходе анкетирования также были получены данные, что на момент начала исследования 67% опрошиваемых не могут точно сказать, что они уверены, кем они будут работать в будущем.

Полученные результаты на экспериментальной группе показали, а контрольной подтвердили, что уровень осознания трудовой деятельности играет ключевую роль в выборе будущей профессии. Так, в экспериментальной группе, в ходе анкетирования после проведения тренинговой программы процент учащихся, более четко представляющих свое профессиональное будущее, возрос на 42%, в то время как в контрольной группе с течением временных рамок этот процент вырос всего на 9%. Соотношение интересов же по сферам деятельности в группах осталось неизменным.

Литература

1. *Божович Л.И.* Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности. М: Просвещение, 1995. 212 с.
2. *Болотова Е.Л.* Профильное обучение в старшей школе. М: Просвещение, 1996. 264 с.

3. Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю. О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. - 2016. Т. 7. № 1. С. 9-22.
4. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. М.: Издательство «Институт практической психологии», 1997. 56 с.

Взаимосвязь FoMO с личностными чертами, использованием социальных сетей и удовлетворенностью жизнью

Архипова А.С., Корниенко Д.С.

РАНХиГС, Москва, Россия

aarhipova524@gmail.com, dscorney@mail.ru

В данной исследовательской работе рассматривается такой феномен как «страх упущенной выгоды» или, иначе, «FoMO» (Fear of missing out) и его взаимосвязь с использованием социальных сетей, личностными чертами и удовлетворенностью жизнью.

В ранних психологических исследованиях, посвященных FoMO этот феномен понимался как «тревожное, а иногда и всепоглощающее чувство, что человек что-то упускает; что другие люди делают что-то более интересное, что они были осведомлены о чем-то интересном раньше или что они обладают чем-то большим и лучшим» [2]. Это чувство может приводить к тому, что человек чаще посещает социальные сети и в целом проводит там больше времени. Посещение социальных сетей, в свою очередь, может приводить к снижению удовлетворенности жизнью [1]. Но и само посещение социальных сетей и их частотность могут обуславливаться личностными характеристиками индивида, поэтому мы провели исследование, в выборку которого вошли пользователи социальных сетей в возрасте от 14 до 41 года. Всего в исследовании приняло участие 73 человека: из них 64 женщины и 9 мужчин. Средний возраст: 19,603 SD: 3,542.

Исследование проводилось в гугл-формах. Каждый респондент должен был заполнить шесть разделов. Первый раздел включал в себя демографические данные. Во втором разделе содержательной части исследования респондент должен был заполнить короткий портретный опросник Большой пятерки (Б5-10). Второй и третий разделы были посвящены определению интенсивности и навязчивости использования социальной сети Instagram соответственно. Для этого

использовалась адаптированная версия Facebook Intensity scale и Facebook Intrusion Scale для ВКонтакте (Корниенко, 2018), в которых ВКонтакте был заменен на Instagram в целях проверки гипотез и в связи с интенсивным ростом популярности социальной сети Instagram в России. В четвертом разделе требовалось заполнить опросник на определение выраженности «феномена упущенной выгоды». В этих целях использовалась неадаптированная версия опросника FoMOs [Przybylski, A. K., Murayama, K., DeHaan, C. R., & Gladwell, V., 2013], подвергшаяся впоследствии психометрической проверке. В заключительном пятом разделе респонденту необходимо было пройти опросник на определение степени удовлетворенности жизнью. Для этого нами использовалась русская версия Satisfaction with life Scale [Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S., 1985] в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина.

Для психометрической проверки опросника нами была проведена его факторизация методом главных компонент с последующим варимакс вращением. В результате данной процедуры было установлено, что все вопросы опросника попадают в один фактор с суммарной долей объяснимой дисперсии 44%. Далее FoMO-опросник был проверен на надежность путем подсчитывания коэффициента Альфа Кронбаха (0,851). В ходе психометрической проверки англоязычного опросника, не имеющего русскоязычного адаптированного аналога, было установлено, что FoMO может быть измерен тем опросником, который был использован в рамках данной работы.

Следующий этап статистической обработки касался проверки выдвинутых в исследовании гипотез посредством корреляционного анализа (по Пирсону). В ходе анализа рассматривались и сопоставлялись взаимосвязи между FoMO и другими показателями. Проверялись следующие основные гипотезы.

1. Существует значимая прямая взаимосвязь между FoMO и навязчивым интенсивным использованием социальной сети Instagram;

Гипотеза №1 подтвердилась: значимая прямая связь между FoMO и навязчивым и интенсивным использованием социальной сети Instagram действительно существует. В пользу этого свидетельствует факт того, что FoMO обнаружило положительную корреляцию с интенсивным ($r=0,360$, $p<0,01$) и навязчивым ($r=0,237$, $p<0,05$) использованием социальной сети Instagram.

2. Существует значимая прямая взаимосвязь между FoMO и такими личностными чертами, как экстраверсия, доброжелательность, сознательность и открытость опыту, и значимая обратная взаимосвязь между FoMO и нейротизмом.

Гипотеза №2 подтвердилась частично: была установлена связь между отдельными вопросами опросника на FoMO и некоторыми чертами большой пятерки. А именно: вопросы «меня беспокоит, если я упускаю возможность встретиться с друзьями» и «меня беспокоит, когда я пропускаю запланированную встречу с друзьями» обнаружили положительную корреляцию с переменной «экстраверсия» ($r=0,254$, $p<0,05$ и $r=0,264$, $p<0,05$ соответственно), так же, как и с переменной «открытость опыту» ($r=0,271$, $p<0,05$, $r=0,280$, $p<0,05$ соответственно), а вопросы «я начинаю беспокоиться, когда узнаю, что мои друзья веселятся без меня» и «мне становится тревожно, если я не знаю, чем сейчас занимаются мои друзья» обнаружили отрицательную корреляцию с переменной «доброжелательность» ($r=-0,253$, $p<0,05$ и $r=-0,329$, $p<0,01$ соответственно). Значимых корреляций между вопросами FoMO-опросника и сознательностью и нейротизмом получено не было. Причина, по которой не удалось обнаружить значимую взаимосвязь самого феномена FoMO с личностными характеристиками может заключаться в том, что опросник, прошедший лишь психометрическую проверку на небольшой российской выборке, требует дальнейших доработок.

3. Существует значимая обратная взаимосвязь между FoMO и удовлетворенностью жизнью.

Гипотеза №3 подтвердилась: значимая обратная взаимосвязь между FoMO и удовлетворенностью жизнью существует. Так, FoMO обнаружило отрицательную корреляцию с удовлетворенностью жизнью ($r=-0,262$, $p<0,05$).

Литература

1. Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 59. С. 9.
2. Przybylski, A. K., Murayama, K., DeHaan, C. R., & Gladwell, V. (2013). Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out. *Computers in Human Behavior*, 29, 1814-1848.

К вопросу об особенностях эмоционального благополучия и адаптации первоклассников к обучению

*Архинова М.С., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ams77@inbox.ru*

Младший школьный возраст уже много лет остается под пристальным вниманием психологов и является объектом многочисленных исследований. Этот возраст имеет особое значение для формирования личности ребенка. В первые школьные годы закладывается фундамент, на котором будет базироваться последующее развитие ученика, его успешность не только в школьном обучении, но и в других сферах жизни.

Битянова М.Р. рассматривает адаптацию первоклассника не просто как его приспособление к окружающей среде и эффективное функционирование в ней, а как освоение ребенком образовательного пространства, способность к социальному, психологическому и личностному развитию [2]. Балл А.Г. рассматривает процесс адаптации намного шире, нежели приспособление к окружающей среде. Он пишет о том, что это часть социализации, посредством которой человек получает знания, ценности, социальные навыки и социальную чувствительность, позволяющие влиться в общество [1]. Овчарова Р.В. называет поведение адаптивным тогда, когда с его помощью получен полезный результат. Получение такого результата, по мнению Р.В. Очаровой, возможно в том случае, когда «границы» поведения и условия, в которых оно осуществляется, соответствуют друг другу [3].

Все изменения в жизни ребенка, поступившего в первый класс (новое окружение, другой образ и ритм жизни, другая ведущая деятельность и другая социальная роль), сопровождаются нестабильным эмоциональным фоном. Высокий темп жизни современного мегаполиса создает всё больше стрессовых ситуаций и для взрослых, и для детей. У ребенка меньше жизненного опыта и меньше внутренних ресурсов для преодоления сложных ситуаций и стабилизации своего эмоционального состояния.

В целом тема адаптации первоклассников к школе широко изучена, но мир в 21 веке меняется настолько быстро, что люди вынуждены постоянно приспосабливаться к новым условиям и вносить изменения во все сферы своей жизни. Обучение в 1 классе тоже сопряжено с факторами, с которыми еще несколько лет назад

школьники не сталкивались. Прежде всего, это последствия пандемии коронавируса и активное внедрение инклюзивного принципа в образовании.

Теперь обучение стали проводить как в традиционной форме, так и с использованием дистанционных технологий. На дистанционное обучение порой отправляют целыми классами в период, когда адаптационные процессы еще не завершены. А вернувшись в школу, первоклассники начинают заново привыкать к школьным нормам и правилам, длительным урокам (ведь в дистанционном формате они короче), привыкать друг к другу.

Появление в последние годы новых факторов, влияющих на эмоциональное благополучие первоклассников и на процесс их адаптации к школе, и является проблемой исследования. Целью нашей работы стало исследование особенностей эмоционального благополучия и социально-психологической адаптации первоклассников к обучению. В качестве основной гипотезы исследования выступает предположение о том, что существуют различия в уровне социально-психологической адаптации и эмоционального благополучия первоклассников при различных условиях обучения.

В исследовании приняли участие 68 первоклассников (36 мальчиков и 32 девочки), обучающихся в образовательных организациях города Москвы в инклюзивных и обычных классах, по смешанному типу с применением дистанционных технологий и без их использования. Возраст испытуемых от 6,5 до 7,5 лет. Исследование проводилось в 2021-2022 учебном году.

Для сбора эмпирической информации применялись следующие методики: «Лесенка» В.Г. Щур на выявление самооценки; «Анкета для определения школьной мотивации» Н.Г. Лускановой; «Проективная методика для диагностики школьной тревожности» А.М. Прихожан; «Карта наблюдений за состоянием и поведением учеников начальных классов для диагностики эмоционального благополучия».

В результате эмпирического исследования подтвердилась основная гипотеза о существовании различий в уровне социально-психологической адаптации и эмоционального благополучия первоклассников при различных условиях обучения. Было обнаружено статистически значимое различие в выраженности тревожности первоклассников при взаимодействии с учителем ($p=0,026$) и в учебных ситуациях (решение задач в классе, ответ у доски, проверка знаний) ($p=0,036$) при разных формах обучения. При

смешанном типе обучения с применением дистанционных технологий тревожность выше. Также было выявлено статистически значимое различие ($p=0,025$) в уровне эмоционального благополучия первоклассников. Ученики, обучающиеся в традиционном формате без применения дистанционных технологий, более эмоционально благополучны. Обнаружено статистически значимое различие в уровне школьной тревожности первоклассников, обучающихся в инклюзивном и обычном классе ($p=0,010$), а также в уровне их эмоционального благополучия ($p=0,040$). В инклюзивном классе тревожность учеников ниже, а эмоциональное благополучие выше. Эти данные могут послужить предметом для дальнейших исследований и проверке гипотез о влиянии уровня психолого-педагогических компетенций учителя и численности учеников класса на эмоциональное благополучие первоклассников.

Литература

1. Балл Г.А. Понятие адаптации и её значения для психологии личности / Балл Г.А. // Вопросы психологии. 1989, №1.
2. Битянова М.Р. Адаптация ребенка к школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка / М.Р. Битянова. Мн., 1997. 145с.
3. Овчарова Р.В. Практическая психология в начальной школе / Овчарова Р.В. М.: ООО АПРЕЛЬ Пресс, 2000. 208с.

Взаимосвязь эмпатии и личностных предпочтений в мультипликации

Афонина Н.В., Маринова Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
m-nata@yandex.ru

Современная мультипликация имеет большое значение в развитии детей и подростков. Мультфильмы, безусловно, могут иметь колоссальное воспитательное значение, формируя у подрастающего поколения представления о любви, добре и зле, а могут быть, к сожалению, лишены морально-нравственных основ. Тогда как субъектно-личностное и нравственное становление подростка связано в том числе с развитием эмпатии как базового человеческого чувства сопричастности [3; 4].

Мультипликация рассматривается нами и как образец визуальной культуры, и как вид синтетического аудиовизуального искусства, знакомство с которым начинается с раннего детства. Спецификой мультипликационного искусства является то, что оно не имеет границ и расширяет возможности нашего восприятия до границ фантазии. Мир мультипликации насыщен условными выразительными средствами и имеет огромное влияние на развитие детей и подростков, в том числе и в контексте совершенствования механизмов эмпатии.

Исследование эмпатии в отечественной и зарубежной психологии имеет богатую историю, ей посвящены работы: А.А. Бодалева, В.В. Бойко, В.А. Лабунской, Ю.В. Лебедевой, К. Роджерса [1; 5].

В психологии искусства большое значение уделяется механизмом вчувствования и сопереживания при восприятии произведения искусства, чему посвящены работы Р. Арнхейма, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, Ю.М. Лотмана [2; 5].

В нашем исследовании изучалась взаимосвязь между уровнем развития эмпатии и личностными предпочтениями подростков в области мультипликации, для чего была использована методика диагностики уровня развития эмпатических способностей В.В. Бойко и авторская анкета для подростков, направленная на изучение личностных предпочтений в области мультипликации и соотнесение различных вариантов мимических выражений эмоций мультипликационных персонажей с имеющимся эталоном.

В ходе предварительного опроса, проведенного в рамках заявленной проблемы, были получены следующие результаты, свидетельствующие о личностных предпочтениях подростков в области мультипликации.

1. Предпочтения мультипликационных фильмов по странам производства распределились следующим образом: на первом месте американская мультипликация (производство: Walt Disney Animation, Nickelodeon Animation Studio), на втором месте советская (производство студии «Союзмультфильм»), на третьем месте европейская, затем японская анимация.

2. Лидерами в области личностных предпочтений подростков являются мультфильмы: «Король Лев» (студия «Walt Disney Pictures»), «Walt Disney Feature Animation»), «Трое из Простоквашино» (студия «Союзмультфильм»), «Мой сосед Тоторо» (студия «Studio Ghibli»), «Приключения домовенка» (студия «Союзмультфильм»).

3. В области мультипликационных сериалов лидерами в контексте личностных предпочтений подростков выступают: российский сериал «Смешарики» (студия «Петербург», «Мастер-фильм»), советский сериал «Ну, погоди!» (студия «Союзмультфильм, 1-18 серии), «Чип и Дейл спешат на помощь» (студия Walt Disney Television Animation), «Наруто» (студия Studio Pierrot).

В результате проведенного эмпирического исследования сделан вывод о том, что личностные предпочтения подростков в области мультипликации во всем своем многообразии форм и способах ретрансляции могут оказывать влияние на развитие эмпатии.

Полученные результаты требуют уточнения и дополнительного осмысления, соотнесения с механизмами развития эмпатии у подростков.

Литература

1. *Бодаев А.А.* Восприятие человека человеком // СПб., «Мир», 2015.
2. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте // Москва, «Перспектива», 2020.
3. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 9-22.
4. *Маринова Т.Ю.* О восприятии телевизионной рекламы детьми и их родителями // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 1. С. 155-162.
5. *Феоктистова С.В., Васильева Н.Н., Маринова Т.Ю.* Психология. Учебное пособие для академического бакалавриата. Москва, «Юрайт» (2 издание, исправленное и дополненное). 2017. С.241

Травматическая память о репрессиях в системе современных социальных представлений

Ахламова А.В., Бурдукова Ю.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Asenok.asya@yandex.ru, julia_burd@inbox.ru

С каждым днем проблема передачи травматического опыта через поколения привлекает все больше внимания исследователей – их

46

интересует то, как социальные представления связаны с нашим прошлым и как влияют на будущее. Данная проблематика лежит в междисциплинарном поле, а значит, испытывает серьезные трудности при построении методологии и разработке, а тем более, применении на практике социо-клинических подходов и принципов.

Явление *травматической памяти* нужно изучать, придерживаясь максимально возможной позиции нейтральности: данное понятие является в значительной степени политизированным, кроме этого, исследователь находится в уникальной ситуации поля, влияние которого на самого исследователя исключить нельзя.

Если рассмотреть представленность проблемы травмы в литературе, мы увидим *свидетельство*: основной нарратив с которым можем работать. В рассказах «прокричанных сквозь слезы» (В.Т. Шаламов) или же в проявлениях сугубо клинических факторов. Век, в который нам довелось жить, задает определенный дискурс [5; 9].

Целью работы является изучение современной литературы на тему межпоколенческой трансляции памяти, на примере изучения опыта репрессий; выявление с помощью глубинного интервью способов передачи и интериоризации травматического прошлого в поколениях, а также поиск методов для прикладного характера работы и возможности применения в психологической практике наших «терапевтических упований» (Ф.Е. Василук).

Концепция объективности «социальных фактов» Э. Дюркгейма впервые актуализирует проблему «коллективной памяти», при этом Э. Дюркгейм подчеркивал, что она не является суммой памяти индивидов, так как представления фиксируются во временном континууме и перетекают из одного в другое, являясь основой психической жизни [3].

М. Хальбвакс, основоположник концепции «коллективной памяти», говорил о том, что для человека важна принадлежность к группе, и соответственно, он перенимает те социальные установки, которые эта группа транслирует. Следовательно, память имеет социальные основы, а не индивидуально-личностные [6].

М.К. Лавабр рассматривает мифологизацию прошлого как результат эмоционального восприятия пережитой истории и наделения ее личностным смыслом через память конкретных людей или групп [4].

Ю.Б. Гиппенрейтер совместно с К. Бэйкер нашли связь между жизненной успешностью семьи и тем, насколько семья обращалась к опыту предыдущих поколений. Данное исследование проводилось на

ограниченной выборке, соответственно, полученные данные требуют дополнительной валидации, но авторы уверены, что полученные результаты могут показать репрезентативность и на расширенных группах [1].

Была выявлена высокая обратная связь, между тем, насколько сильно проявляются переживания травмирующих событий, степенью воздействия посттравматического напряжения и психологическим здоровьем человека. Важно учитывать, что настрой человека на добровольное и просоциальное поведение и готовность к социальной поддержке, оказывают положительное влияние на психологическое благополучие, которое может служить одним из маркеров психического здоровья человека и быть ресурсной базой, используемой при столкновении со сложными или травматическими ситуациями [2].

В процессе нашего исследования было проведено несколько глубинных интервью, которые показали представленность и выраженность травмы у разных поколений. С помощью тематического анализа мы выделили категориальные системы травматических переживаний респондентов. Так, например, ключевые темы, которые прозвучали в ответах на вопросы: отношение к транслируемому семьей опыту; отношение к истории семьи, в зависимости от полученного опыта; периоду репрессий; текущей политической обстановке. Многоплановость представлений можно увидеть даже на небольшой выборке, что дает основания для проведения полномасштабных исследований.

Психологическая наука, по крайней мере пока, не может отделить один травматический опыт от другого: культурно-временной континуум – неразрывный процесс, где события могут пересекаться и накладываться друг на друга. Поэтому мы можем работать только с той травмой, которая была обозначена и озвучена. Также прослеживается связь между изменением нарративов и снижением посттравматической симптоматики. Согласно данным другого исследования психологическое функционирование можно изменить и улучшить с помощью эмоциональной регуляции и в итоге добиться когнитивной переоценки впечатлений [8; 10].

Если факт трансляции травматической памяти сомнению не подвергается, то в рамках непосредственной работы с межпоколенческой травматизацией перед исследователями встают все новые вопросы и задачи. Такие как: определение степени влияния межпоколенческого опыта; потенциальное разделение «разных

травматических опытов», изучение особенностей и причин травматического наследования, поиск копинг-стратегий [7] и ресурсов для преодоления переживаний. Необходимо разработать теоретические и прикладные методы работы с посттравматическим прошлым в аспекте клинико-психологического подхода.

Литература

1. *Гинпенрейтер Ю.Б., Бейкер К.* Влияние сталинских репрессий конца 30–х годов на жизнь семей в трех поколениях [Электронный ресурс] // Вопросы психологии: электронный психологический журнал. 20.12.1994. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1995/952/952066.htm>.
2. *Дымова Е.Н., Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е.* Параметры психологического благополучия/неблагополучия при разном уровне психической травматизации // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 2.
3. *Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995. С. 208–243.
4. *Лавабр М.К.* Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психоанализ и науки о человеке: По мат. российско-французской конференции 30.03–03.04.1992 г. / Под ред. Н.С. Автономовой, В.С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 233–244.
5. *Соловьев С.М.* Неизбежность одиночества. Варлам Шаламов и идеологическая традиция / С. М. Соловьев // Человек. 2012. № 3. С. 140–148.
6. *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб.: Алетейя, 2000. 509 с.
7. *Danieli, Y.* Families of survivors of the Nazi Holocaust: Some short and long-term effects. Research Perspective // International Handbook of Multigenerational Legacies of Trauma / Y. Danieli (Ed.). New York and London: Plenum Press. 1998. P. 43–68.
8. *Pennebaker, J.W., Susman J.R.* Disclosure of trauma and psychosomatic process // Social Science and Medicine. 1998. V. 26. P. 327–332. Foa, 1998.

9. *Felman Sh., Laub D.* Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. New York: Taylor & Francis. 1992.
10. *Foa E.B., Rothbaum, B.O.* Treating the trauma of rape: A cognitive-behavioral therapy for PTSD. NY: Guilford Press, 1998.

Особенности профессионального выгорания у инструкторов по вождению

Бабанин П.А., Шишлова Н.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
babaninpa@mgppu.ru, shishlovans@mgppu.ru

Профессиональное выгорание – специфический синдром, заключающийся в эмоциональном и физическом истощении, отчуждении от людей, с которыми человек взаимодействует, а также в отсутствии профессиональных планов и крушении надежд, развивающийся в процессе профессиональной деятельности [1]. Данный синдром был впервые описан американским психиатром Г. Фрейденбергером в 1974 году и получил название *burnout* (выгорание).

Наиболее разработанной и общепринятой зарубежной моделью выгорания принято считать трехфакторную модель К. Маслач и С. Джексона [3], в которой они впервые предложили рассматривать выгорание, как синдром, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений, которые возникают при работе с людьми. Под *эмоциональным истощением* понимается эмоциональное перенапряжение и нехватка сил, наблюдается равнодушие к профессиональной деятельности. *Деперсонализация* характеризуется деформацией межличностных отношений на работе, в общении все чаще появляется цинизм, но индивид причины проблем видит только в окружающем. *Редукция профессиональных достижений* сопровождается резким снижением профессиональной мотивации, человек негативно относится к своим служебным обязанностям, делает попытки ограничить их объем и вообще снять с себя всякую ответственность.

Наиболее разработанной отечественной моделью, описывающей выгорание принято считать процессуальную модель, предложенную

В.В. Бойко [2]. Автор условно разделяет эмоциональное выгорание на следующие три фазы.

Первая фаза – нервное (тревожное) напряжение – характеризуется тревогой, депрессией, неудовлетворенностью собой и отсутствием выхода.

Вторая фаза – резистенция (сопротивление) – характеризуется эмоционально-нравственной дезориентацией, расширением сферы экономии эмоций.

Третья фаза – истощение – характеризуется эмоционально-личностной отстраненностью.

Профессии типа «человек-человек» чаще всего подвержены профессиональному выгоранию, т.к. их работа связана с общением с другими людьми, большой ответственностью за других, эмоциональным сопереживанием. Представители данной профессии – медицинские работники, преподаватели, артисты, психологи, водители и, конечно, инструкторы по вождению.

Целью нашего будущего исследования будет изучение особенностей профессионального выгорания у инструкторов по вождению. Свое исследование мы планируем провести в нескольких автошколах г. Москвы. В работе предполагается использовать методику диагностики профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой), которая состоит из трех субшкал: «эмоциональное истощение», «деперсонализация», «редукция профессиональных достижений».

Новизна и значимость планируемого исследования заключается в том, что данная работа существенно расширит проблемное поле исследования эмоционального выгорания, дополнит научные представления об особенностях формирования симптомов эмоционального выгорания в разных рабочих условиях. Также данная работа станет основой для целого цикла исследований, связанных с работниками автошколы, как одного из видов образовательных организаций.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты послужат основой для разработки методических рекомендаций по преодолению профессионального выгорания, программ сопровождения по профилактике и коррекции профессионального выгорания автоинструкторов, а также тренингов, направленных на общение и личностный рост.

Литература

1. *Бабанин П.А., Бирюков Д.А., Ковыльникова Е.А.* Профессиональное выгорание у водителей // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. М.: МГППУ, 2019. С. 451-453.
2. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 1999. 105 с.
3. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.

Психическое выгорание и увлеченность работой педагогов

Бабкин Д.В., Бубнова И.С.

*ФГБОУ ВО КубГУ, Краснодар, Россия
irinaz-bubnova@yandex.ru*

В настоящее время в эпидемиологически нестабильной ситуации в мире возрастает риск не только снижения мотивации и увлеченности работой у педагогов образовательных организаций, но и развития у них психического выгорания.

Негативные последствия психического выгорания педагогов блокируют эффективное и успешное выполнение ими профессиональной деятельности, что способно привести к снижению ее качества. Опираясь на подходы к проблеме выгорания, представленные в работах В.Е. Орел, Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой, К. Маслач, подчеркнем, что выгорание можно определить, как сформировавшееся вследствие влияния различных факторов чётко выделяемое состояние [1]. Иного подхода придерживался В.В. Бойко. Так, автор рассматривал психическое выгорание как стадийно протекающий динамический процесс [4].

Увлеченность работой определяется нами как устойчивое состояние, детерминирующее отношение личности к работе в целом. В структуре увлеченности правомерно выделить эмоционально-когнитивные и мотивационные компоненты, совокупность которых отражается на отношении к выполняемой работе, желании более активно участвовать в процессе трудовой деятельности. Успешная трудовая деятельность педагога определяется также устойчивостью в

различного рода педагогических ситуациях, в том числе, стрессогенных и эмоциогенных, обладание гибкостью в динамических условиях труда и профессиональных ситуациях; высокой степенью устойчивости к физиологическим и эмоциональным перегрузкам [2]. Профессиональная мотивация, таким образом, является одним из наиболее значимых факторов эффективности, выполняемой педагогическим работником деятельности, а также удовлетворенностью последней [3].

В настоящем исследовании были применены следующие диагностические методики: utrechtская шкала увлечённости работой, методика диагностики социально-психологических установок личности, методика диагностики мотивации к профессиональной деятельности, методика диагностики психического выгорания. Эмпирическое исследование проводилось в период 2020-2021 годов. В исследовании приняли участие 163 педагога из Краснодарского края.

Обратимся к результатам исследования. Проведение методики диагностики психического выгорания показало, что опрошенные респонденты продемонстрировали средний уровень эмоционального истощения и деперсонализации, что свидетельствует о неподверженности апатии, утомлению, эмоциональной опустошенности. Однако по шкале «Редукция личных достижений» педагоги продемонстрировали высокие значения, что говорит о сильном занижении ими своих профессиональных достижений, профессиональной и личностной самооценки. Интегрированный показатель выгорания показал, что психическое выгорание в данной выборке можно оценить на среднем уровне.

Анализируя результаты исследования увлечённости работой педагогов с помощью методики «Утрехтская шкала увлечённости работой», отметим, что наша выборка разделилась на четыре группы. В первую группу респондентов вошли учителя с очень высоким уровнем увлеченности работой (13% испытуемых), еще 23% респондентов вошли в группу с высоким уровнем увлеченности. Средний уровень увлеченности работой был выявлен у 32% опрошенных учителей, низкий – 32%. Следует отметить, что преобладающее число респондентов составили учителя со средним и низким уровнем увлечённости трудом, однако в нашей выборке всё же достаточно большой процент респондентов с высоким и очень высоким уровнем увлеченности работой (36%).

Результаты методики диагностики мотивации к профессиональной деятельности показали, что преобладающим видом трудовой

мотивации у 50% опрошенных респондентов является внутренняя мотивация. 36% опрошенных учителей продемонстрировали влияние внешней отрицательной мотивации, тогда как внешняя положительная мотивация просматривается лишь у 14% респондентов. Наличие внутренней мотивации демонстрирует значимость для личности самой трудовой деятельности.

Проведенная математическая обработка полученных результатов с помощью корреляционного анализа Спирмена, не показала наличие статистически значимых взаимосвязей между увлеченностью работой и ориентацией на труд у учителей, свободу и власть, что позволяет сделать вывод о том, что данная группа учителей слабо мотивируется процессом своей деятельности, ее значимостью, общественным признанием, возможностью влиять на других и на окружающих. Это подчёркивает значимость данной группы в материальных стимулах и условиях работы, которые и являются основными детерминантами к формированию увлечённости работой.

Также нами был проведен расчет процентного распределения уровней увлеченности работой у педагогов, данные которого показали, что увлечённость работой у педагогов находится, преимущественно на среднем уровне, высокая степень увлечённости работой у учителей детерминируется материальными благами, а также процессом и результатами трудовой деятельности.

Проведенное исследование показало, что психическое выгорание у обследованных педагогов можно оценить на среднем уровне. Увлечённость работой, продуктивность и качество работы учителя зависит от материальной составляющей профессиональной деятельности педагогов, то есть заработной платы, а также от их установки на труд. Проведенное исследование показало, что основными детерминантами увлеченности педагогов выступают значимость материальных стимулов, условий работы, а также сам труд.

Литература

1. *Бабкин Д.В., Бубнова И.С., Миронова С.Р.* Стрессоустойчивость и копинг поведение выпускников вуза как фактор их трудоустройства // Казанский педагогический журнал. 2021. № 6 (149). С.201-206.

2. *Барабанищикова В.В.* Профессиональные деформации в профессиях инновационной сферы: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2016. 359 с.
3. *Навазова Т.Г., Бубнова И.С., Пирожкова О.Б., Шибанкова Л.А.* Роль и место социально-психологической готовности к инновациям в системе профессионального роста педагога // Казанский педагогический журнал. 2019. № 6 (137). С. 122-133
4. *Темиров Т.В.* Психологические закономерности психического выгорания личности педагога в современных условиях: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Н. Новгород, 2011. 45 с.

К вопросу изучения взаимосвязи ошибок и когнитивных искажений водителей с мотивацией к водительской деятельности

Балухта А.И., Молев В.В., Мухин В.В., Кочетков Н.В., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Al_Balu@inbox.ru, Vmol72@gmail.com, vadim.v.mukhin@gmail.com

Обеспечение безопасности дорожного движения является комплексной общегосударственной задачей и имеет целью предупреждение, предотвращение и устранение аварийных ситуаций, несущих угрозу жизни и здоровью, имуществу людей. Выбранная актуальная тема обусловлена важностью и необходимостью психологических исследований, позволяющих понять причины различного рода ошибок водителей, приводящих к авариям и дорожно-транспортным происшествиям.

В настоящее время ряд научных исследований по изучению когнитивных искажений – ошибок мышления – проводились преимущественно в сферах когнитивной психологии, психологии управления, экономической психологии в связи с повышенным интересом к изучению познавательной деятельности человека и к оценке объективной реальности, а также изучению приемов и способов, с помощью которых человек принимает решение.

Так, в когнитивной психологии за последние 20-30 лет наблюдается рост научного интереса к изучению проблем сознания во взаимосвязи с вниманием. Такая тенденция, вероятно, представляет собой результат развития самой когнитивной психологии как отрасли психологического знания, которая ставит перед собой новые

исследовательские задачи, тем самым, вызывая необходимость переосмысления известных фактов с включением новейших разработок [1].

Для наиболее полного и глубокого понимания сути феномена «ошибки внимания» в психологической науке для начала следует обратиться к терминологии.

Значение слова «ошибка» (англ. – mistake, fault, error, blunder) можно найти в толковых словарях. Например, Т.Ф. Ефремова предлагает два толкования: «ошибка» – это то, что невозможно рассчитать и предсказать заранее, опираясь на накопленные знания; «ошибка» – неправильность в действиях, поступках, суждениях, мыслях» [2].

В психологической литературе трудно найти определение понятия «ошибка», не учитывая его техническую сторону. Примером может служить определение, данное в психологическом словаре Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко: «Ошибка – несоответствие между целями пользователя и ответом системы» [3, с. 325]. Не предлагают точного определения понятия «ошибка» и М.И. Еникеев, и И.М. Кондаков. Однако они раскрывают понятие «ошибочное действие»: «дефектность действия» [4, с. 289], «результат действия разнонаправленных поведенческих программ» [5, с. 407]. Как «неверность, неправильность в действиях, мыслях» трактует ошибку С.Ю. Головин [6, с. 472].

Наиболее актуальным направлением изучения ошибок в водительской деятельности является обращение к ошибочным действиям, связанным с моторикой, а также ошибок при принятии решений в условиях дорожно-транспортной среды. Так, согласно своим когнитивным схемам, в которых присутствуют те или иные искажения, водитель может воспринимать и истолковывать дорожную ситуацию «особым», специфическим образом.

Наряду с вышеперечисленным отметим, что существенную роль в восприятии той или иной дорожной ситуации и возникающих при этом искажений может играть и мотивация водителей. Так, например, водитель, который имеет высокую мотивацию как можно быстрее добраться в место назначения, может оказаться в ситуации, когда мотивы, связанные с безопасным управлением транспортным средством, «отходят на второй план». Другими словами, мотивы могут оказывать существенное влияние на характер деятельности, согласно А.Н. Леонтьеву, а также на отношении водителя к процессу вождения [7].

Таким образом, представляется логичным обратить внимание к целенаправленному изучению взаимосвязей ошибок вождения, а также когнитивных искажений водителей с их мотивацией к водительской деятельности.

Литература

1. *Кувалдина М.Б.* Феномен «слепоты по невниманию» как следствие неосознаваемого игнорирования: дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2010.
2. *Ефремова Т.В.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.efremova.info/word/oshibka.html> (Дата обращения: 09.04.2022).
3. *Большой психологический словарь* / сост. и общ. ред.: Б.Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб., 2007.
4. *Еникеев М.И.* Психологический энциклопедический словарь. М., 2010.
5. *Кондаков И.М.* Психология. Иллюстрированный словарь. СПб., 2007. 783 с.
6. *Словарь психолога-практика* / сост. С. Ю. Головин. Минск, 2001.
7. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Нормативность и конформность сотрудников в организациях с разными стилями управления

Барбосова Ю.В., Пащенко А.К.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Barbosova.yulia@yandex.ru, A.k.pashchenko@mail.ru

Современные реалии ставят знания, опыт и способности участников трудовых процессов на позицию ключевых источников эффективности и конкурентоспособности организаций. Все чаще становится ощущаемой необходимость в формализации организационных отношений, которая позволяет стандартизировать деятельность сотрудников, однозначно делегировать обязанности и область ответственности всех участников трудового процесса.

Организации рассматриваются Т. Парсонсом как открытые непрерывно изменяющиеся системы, в которых происходят быстрые изменения вследствие быстрых изменений во внешней среде [5]. Управление является неотъемлемой характеристикой деятельности любой организации, именно данный компонент определяет ее эффективное функционирование и развитие. Управление как самостоятельная область научного исследования раскрывается Ф.У. Тейлором, выделяющим основополагающие принципы управленческого труда [8]. Эти идеи находят также отражение в работах А. Файоля, описавшего последовательную систему принципов менеджмента [9]. Э. Роджерс указывал, что от влияния руководителя на организацию людей зависит мотивация сотрудников, их подход к работе, отношения и результаты деятельности организации [7]. Рассуждая об эффективности стилей управления, К. Левин выделял следующие стили – авторитарный, демократический и свободный, иначе пассивный [4]. А.Л. Журавлев расширил классификацию К. Левина, он добавил к основным стилями дополнительные промежуточные, а также смешанный стиль. Кроме этого, А.Л. Журавлевым подчеркивается зависимость поведенческих направленностей от стиля руководства [2]. А.И. Кочеткова говорит также о влиянии группового лидера на формирование норм в коллективе [3].

Понятие «норма» выделяется в работах В.Д. Плахова, который отмечает ее в качестве особой групповой характеристики, обособленной из процессов и связей, существующих в объектах реальности и в общественном сознании [6]. Нормативное пространство социального взаимодействия является важной характеристикой социализации человека в обществе. Существует несколько исследований, опирающихся на концепцию нормативной ситуации Н.Е. Вераксы, в ней выделяется «нормативность» как показатель поведения, который отражает процесс освоения нормативной ситуации [1]. Помимо этого, в теории личностных черт Р. Кеттелла «нормативность» понимается как устойчивая характеристика личности, которая определяет поведение человека в ситуации [10]. Нормативность выражается в двух противоположных тенденциях: стремлении следовать стандартам группы и желании направлять других на собственные, образованные в процессе жизнедеятельности, нормы. Нормативность сотрудников в организации и его регуляция должны рассматриваться в качестве особой психологической задачи управленческой деятельности

руководителя, потому как данный феномен подкрепляет стремление коллектива к целостности, поддерживает его оптимальные социальные связи.

Конформность, в свою очередь, особым образом выражается в деятельности участников организации. Данный феномен находит отображение в работах Л. Фестингера, М. Дойча и Г. Джерарда. В своих работах по изучению неформального социального общения и сравнения, исследованию нормативного и социального влияния ученые утверждают о том, что для реализации потребности в получении наиболее объективных сведений о действительности индивид нуждается в сравнении себя с окружающими [8]. Множество различных факторов влияют на конформность личности, именно это ставит вопрос об определении причин конформности и его прогнозирования в ряд сложных социально-психологических исследовательских задач. В конформности содержится психологическая характеристика отношения индивида к группе и ее участникам. Конформность включает в себе, с одной стороны, признание индивидом особенностей группы, отображающихся в стандартах, представлениях данной группы, но вместе с тем неприятие данных характеристик. Способность приживаться в коллективе зависит от способности людей принимать установленные порядки, на быстрое умение включаться в деятельность.

Обращает на себя внимание, что исследовательских работ, направленных на описание характера отношения стиля управления, нормативности и конформности личности, недостаточно. При этом исследования о взаимосвязи стиля управления и активности сотрудников зачастую не касаются аспекта нормативности и конформности, что определяют дальнейшую перспективу развития рассматриваемой проблемы.

Мы полагаем, что реализуемый руководителем стиль управления взаимосвязан с нормативностью и конформностью сотрудников и сотрудники организаций с руководителями разного стиля управления имеют различия в выраженности конформности и нормативности.

Литература

1. *Веракса Н.Е.* Понятие нормативной ситуации в психологии личности (структурно-диалектический подход) // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 1(2).

2. *Журавлев А.Л.* Стиль руководства и организация соревнования // Социально психологические аспекты социалистического соревнования. М., 1989.
3. *Кочеткова А.И.* Организационное поведение и организационное моделирование. В 3 ч. Часть 1. Основы, сущность и модели: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / А.И. Кочеткова, П.Н. Кочетков. 6-е изд., испр. и доп. М., 2018.
4. *Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.
5. *Парсонс Т.* Социальная система. М., 2018.
6. *Плахов В.Д.* Социальные нормы: философские основы общей теории. М., 1985.
7. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология. СПб., 2004.
8. *Файоль А.* Общее и промышленное управление. М., 1992.
9. *Cattell R.B.* Personality structure and measurement II: The determination and utility of trait modality / R.B. Cattell // British Journal of Psychology, 2009. №100.

Социализация современных старших дошкольников

Бекшиева М.С., Денисенкова Н.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

bekshievamaida@mail.ru, nataliya-enisenkova@yandex.ru

Проблема социального развития и социализации детей рассматривается многими исследователями (Е.П. Белинская, Л.С. Выготский, Т.Д. Марцинковская, Е.О. Смирнова, Г.В. Солдатова и др.) Одни видят это как единый процесс, другие отмечают значительные различия. Мы, вслед за Т.Д. Марцинковской понимаем социализацию широко, как вхождение ребенка в различные аспекты культуры, и включающую в себя представления ребенка о себе и месте в окружающем мире.

Целью нашего исследования было изучить компонент социализации современного старшего дошкольника, касающийся представлений ребенка о себе, своем месте в мире и самооценке. В исследовании приняли участие дети старшего дошкольного возраста в количестве 23 человека (10 мальчиков и 13 девочек).

В качестве методик, направленных на изучение самооценки, представлений о себе использовались «Лесенка» (В.Г. Щур) «Какой

ты» (Р.С. Немов), «Что ты знаешь о себе?» (Р.С. Немов), «Три главных слова о себе» (Р.С. Немов). Для изучения представлений о мире, месте ребенка в нем, способности анализировать ситуацию и предлагать ее решения применялись методики «Мир глазами ребенка» (Р. Жиль) «Сюжетные картинки с ситуацией выбора» (И.Б. Дерманова).

Анализируя самооценку старших дошкольников, мы выяснили, что около половины детей (52,2%) имеют среднюю самооценку, 13,5% – высокую самооценку, 21,8% детей демонстрировали низкую самооценку. 13,5% детей не понимали задачи. Таким образом, можно сказать, что современные старшие дошкольники имеют сниженную самооценку.

При более детальном анализе представлений детей о себе («Какой ты», «Что ты знаешь о себе?», «Три главных слова о себе») мы обнаружили расхождения с результатами применения методики «Лесенка». Оказалось, что 47,9% детей, т.е. почти половина, представляют себя красивыми, умными, хорошими. Дети говорили, что нравятся себе, но обосновать почему, не могли. 34,8% говорили о том, что им это говорят родители. 17,4 % воспитанников либо отказались от ответа вообще, либо не могли определить, какие они. В словаре детей был достаточный запас характерологической лексики. Они часто говорили о себе позитивно, но недостаточно дифференцировано. 69,6% детей ограничились словами «хороший», «плохой», «добрый», «красивый» «не знаю». Лишь некоторые (17,4%) употребляя такие слова как «веселый», «умный», «быстрый», «работающий», «сообразительный», «танцевальный». Остальные ничего не отвечали. Таким образом, мы можем сказать, что, при позитивном представлении о себе, дифференцированная самооценка у детей сформирована слабо.

Анализируя когнитивный компонент социализации, представления ребенка о мире и своем месте в нем («Мир глазами ребенка»), мы выяснили, что в 80% центральными объектами являются объекты неживой природы космического масштаба. В 20% рисунков ребенок рисовал себя. 10% рисунков изображали каракули.

В ответ на вопрос «Кто ты в этом мире?» большинство детей называли только свое имя. Значительная часть ответов была связана с профессиональной деятельностью человека. Встречались отказы от ответов. Анализ детских рисунков свидетельствовал о том, что у старших дошкольников накоплены знания об окружающем, однако, большинств детей не видят своего актуального места в мире. Они

ориентированы на будущее, которое, прежде всего представлено профессиональной ориентацией.

Методика «Сюжетные картинки с ситуацией выбора» показала представления старших дошкольников о возможностях решать проблемные ситуации. Около трети детей (30,4%) знали, как нужно себя вести, дали полные ответы, извинились, были доброжелательны. Подавляющее большинство детей (69,6%) не были способны предложить выход из ситуации, негативно реагировали на нее словами или эмоциями.

В результате проведенного исследования мы можем сделать вывод, что современные дошкольники имеют неоднозначную, слабо дифференцированную самооценку. С одной стороны, они не высоко оценивают себя, но описывая себя в большинстве случаев используют позитивные качества, считают, что их высоко оценивают близкие люди. У них имеется достаточный словарный запас для рассказа о мире, своем месте в нем, своем профессиональном будущем. Однако в рисунках они не изображают себя в мире. Круг их представлений о возможностях решения проблемных ситуаций узок и чаще представлен эмоциональными реакциями.

Социальная психология личности в эпоху онтологической неопределенности

Белинская Е.П.

*ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия
elena_belinskaya@list.ru*

Сегодня уже достаточно распространенным является характеристика социальной психологии личности как имеющей короткую историю, но богатое прошлое: предметное поле социальной психологии в целом в значительной степени формировалось через осмысление проблематики личности как социального субъекта. Возникшие на этом пути гносеологические противоречия и обусловили в последние десятилетия XX века ее выделение в самостоятельную предметную область, определив необходимость «вторичного прочтения» (со стороны личности) накопленного социально-психологического знания [1].

Собственное предметное поле социальной психологии личности формировалось в трех основных направлениях: изучении

возможностей/ограничений человека противостоять социальному влиянию, анализа соотносительной роли социальных и персональных ценностей в ситуации выбора каждым из нас вариантов социального поведения и прояснении на этой основе возможных линий конструирования образа социального мира и себя в нем. Отмеченные линии исследовательского поиска разворачивались в основном на методологических позициях ситуационного подхода, внося вклад в его основные принципы – от внимания к ситуационным факторам социального поведения, заставляющим нас мыслить предубежденно о Других, до анализа когнитивных искажений в построении образа своего «Я», от обращения к изучению дискурсивного контекста в возникновении социальных чувств до проблемы «банальности зла», которая в своем социально-психологическом прочтении неминуемо оказывалась демонстрацией этических тупиков рационализаций в современном мире [3].

Сейчас, на исходе первой четверти века XXI, логично было бы обратиться к определению будущих векторов развития социальной психологии личности. Но именно в этом – в словосочетании «будущие вектора», – кроется основное противоречие: онтологически сегодня и социальная, и персональная временная перспектива все более сужаются до точки настоящего. Гносеологически это выражается в утверждениях бифуркационного характера развития (соответственно, – бессмысленного для прогнозирования), если не отменяет данное понятие в принципе. Косвенным доказательством происходящих изменений является, на наш взгляд, постепенная модификация коннотатов понятия неопределенности, – как в социальной психологии, так и в психологии личности. Если в начале использования данного концепта речь шла о конкретных ее видах (например, об информационной, нормативной и т.п.), то в дальнейшем большая часть исследователей приходила к характеристике неопределенности как социальной, а сегодня – как онтологической, затрагивающей все сферы человеческого бытия. Поэтому при определении возможного развития социальной психологии личности стоит учесть, что подобные прогнозы скорее отражают «момент настоящего», нежели обращены в будущее.

Одним из трендов в динамике социальной психологии личности сегодня является закономерное изменение предметного поля проблематики идентичности. В условиях «текучей», неопределенной, не дающей человеку опоры в социальных самокатегоризациях и подверженной глобальным рискам современности констатация

кризиса идентификационных структур личности ставит перед исследователями задачу поиска новых оснований самоопределения, того «личностного ядра», которое вернет человеку переживание субъектности в ситуации социального выбора, а идентичности – его интегративную функцию. Соответственно, характерной особенностью актуального этапа развития проблематики идентичности является включение данного понятия в круг других психологических концептов, – прежде всего, смыслов и ценностей [2], а сами идентификационные структуры человека начинают мыслиться как результат его ценностного выбора и потому рассматриваться процессуально. При этом акцент на процессуальности идентичности закрепляется и на методическом уровне: все большее обращение социальных психологов к качественной методологии вызвано самой феноменологией самоопределения человека в онтологической неопределенности [4]. Другим характерным трендом современной социальной психологии личности является интерес к анализу социальных переживаний (страхов, вины, стыда), а также их более генерализованных результатов (обида, несправедливости), что в последнее время суммируется в понятии прекарности [5]. Последнее неудивительно, как минимум в силу двух причин. А именно, во-первых, логического развития «новой эпистемологии» при анализе социального познания, все более обращающей к синтезу его когнитивных и аффективных составляющих, и во-вторых, – попыток преодоления каждым человеком актуального социального обмана повседневности: сочетания необходимости сохранения собственной субъектности и острого переживания собственной уязвимости перед лицом непредсказуемых рисков.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. 160 с.
2. *Белинская Е.П.* Интервью о будущем психологии // Социальная и экономическая психология. 2020. Т.5. № 1(17). С. 251-268.
3. *Белинская Е.П.* Принцип ситуационизма в современной социальной психологии // Социальная психология и общество. 2019. № 1. С. 202-205.

4. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020. 236 с.
5. Хорошилов Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. №2. С. 64–83.

Роль психолого-юридических компетенций в противодействии деструктивному влиянию в интернете

Белодед Д.Р.

*КГУ им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия
dr_beloded@mail.ru*

Сложно игнорировать все те удобства, которые вносит в нашу повседневную жизнь пользование интернетом. К этому можно отнести получение доступа к требуемой информации с любой точки мира, популярность онлайн-общения с семьей и близкими посредством интернет-связи, упрощение и ускорение многих социально значимых процессов. Практически исключено, что нынешний пользователь может позволить себе отказаться от такого быстрого и комфортного способа получения и передачи информации, оплаты товаров, услуг.

Бесконечно растущее число пользователей приводит к переводу в онлайн-формат все новых сфер жизни. Каждый пользователь – потенциальный потребитель платных услуг или клиент, дающий просмотры, значимые для рекламодателей. Коммерциализация цифрового пространства вызывает желание овладеть вниманием пользователя интернета, что побуждает безответственных авторов медиафайлов отводить на второй план морально-нравственные аспекты жизни или вовсе их дискредитировать.

На данный момент существует ряд правовых мер, направленных на регулирование информационной сферы и массовых коммуникаций, но при этом данные меры не обеспечивают полную защиту несовершеннолетних в цифровом пространстве. Нередко информационные материалы, запрещенные российским законодательством, можно легко распространять и беспрепятственно привлекать к ним внимание несовершеннолетних, тем более что требования об удалении запрещенного контента представители

крупнейших корпораций выполняют с существенной задержкой или вовсе не исполняют [3]. Помимо юридически запрещенного контента, существует множество источников, публикующих фейковые новости [4]. В условиях недостаточности надзора над интернет-пространством, его разрушительное влияние на психологическую безопасность общества в целом станет неизбежным. Данный аспект порождает высокую потребность в создании психологической защиты несовершеннолетних со стороны государства, родителей и педагогов. Необходимы как юридические, так и психологические знания.

Комплекс принимаемых мер, направленных на устранение разрушительного влияния рекламных и информационных материалов на психологическую безопасность несовершеннолетних в общедоступных источниках, включает в себя совместную многоуровневую работу со стороны юристов, психологов, родителей и педагогов.

Текущая скорость жизни современного человека предполагает готовность к смене образа жизни и поддержанию психологической стабильности даже в условиях неопределенности. В сети интернет зачастую могут совершаться преступления, направленные против жизни и здоровья несовершеннолетних пользователей. Среди них растление детей, вовлечение их в преступные группы, декриминализация наркомании, восхищение «играми смерти», которые приводят к принятию решения о самоубийстве и т.д. [2].

Необходимость юридических компетенций обусловлена также тем, что криминальная активность в интернете приобретает глобальный масштаб и новые формы. Распространение информации сексуального характера, включая домогательства и насилие в отношении несовершеннолетних, способствует преждевременному половому созреванию, к фантазированию и приписыванию детьми таких явлений в качестве событий из собственной жизни. При этом озвученные ими истории не всегда имели место в реальной жизни. Зачастую установить истину возможно только в ходе судебно-психологической экспертизы. Следует заметить, что психологическая характеристика личности подэкспертного может быть получена с помощью анализа графических признаков почерка и с применением современных компьютерных технологий [1].

Цифровизация привела к переменам в коммуникативных формах общения. Обширность географического охвата сети интернет предоставляет множество возможностей для пользователей. При этом наряду с ее преимуществами существуют различные медиафайлы, несущие явную или скрытую угрозу психологической безопасности

личности. Интернет-пространство ежедневно возвращает в пользователях избыточную заботу о внешнем виде, но при этом опускает значимость возвращения духовно-нравственных ценностей у личности. Отмечают, что активные пользователи интернета, подростки и представители юношеского возраста, испытывают напряжение от стремления к тому, чтобы все вокруг них было идеальным: внешний вид, компания друзей, поведение, количество лайков, подписчиков и другие аспекты повседневной жизни [5].

С целью поддержания психологической безопасности несовершеннолетнего и противостояния разрушительному влиянию всемирной сети необходимо принять определенные меры как со стороны государства, привлекая специалистов из области психологии, юриспруденции, социологии, IT-сферы, так и со стороны родителей и педагогов. Принятые меры должны быть направлены на создание у личности грамотного и адекватного понимания мира, раскрытие потенциала, достижение желаемых результатов, формирование культуры и нравственности личности.

Литература

1. *Енгальцев В.Ф., Белодед Д.Р.* Роль компьютерных технологий в производстве судебной экспертизы с участием психолога / Наука и технологии XXI века: тренды и перспективы. Сборник статей по итогам IV Профессорского форума. В 2-х томах. Москва, 2021. С. 179-183.
2. *Миронова М.Н.* Наши дети и деструктивные интернет-сообщества. М. Просветитель. 2021. 165 с.
3. Роскомнадзор хочет взыскать с Google штраф до 17 млрд рублей. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/10/20/roskomnadzor-hochet-vzyskat-s-google-shtraf-do-17-mlrd-rublej.html> (дата обращения 13.04.2022)
4. Phys.org. 86 percent of internet users admit being duped by fake news: survey. [Электронный ресурс]. URL: <https://phys.org/news/2019-06-percent-internet-users-duped-fake.html>
5. *Umar T.I., Idris M.* Influence of Social Media on Psychosocial Behaviour and Academic Performance of Secondary School Students. Journal of education & entrepreneurship. Vol. 5. NO.2. 2018. P.36-46. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED583754.pdf>

Динамика корпоративной приверженности, мотивации и уровня субъективной незащищенности сотрудников в ходе корпоративных преобразований

Бельков М.М., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mikhail.belkov98@gmail.com

Согласно определениям перцепции, данный механизм может характеризоваться как способность человека воспринимать окружающий мир. Социальная же перцепция включает в себя восприятие, изучение, понимание, оценку людьми друг друга [1]. Под корпоративной культурой понимается динамическое образование, определение и развитие которого осуществляется через формальные и неформальные мероприятия, а также через ряд признаков: флаг, гимн, символика и др. [2; 6].

Приведенные механизмы и аспекты социальной жизни позволяют рассматривать сотрудников, как группу людей, отождествляющих себя с определенной организацией. Корпоративная идентичность представляется внешним обликом компании, который позволяет сформировать своё мнение без глубокого погружения в среду, без опыта взаимодействия с организацией.

Преобразованиями могут считаться различные изменения, направленность и цель которых была спланирована заранее, а результатом которых должны оказаться позитивные последствия для компании и для её сотрудников.

Целью нашего исследования можно задать выявление представлений сотрудников о своей организации в ходе корпоративных преобразований. Для этого проводится два этапа исследования, где мы изучаем характеристики работников до и после внедрения преобразований.

Мы предположили, что изменение представлений сотрудника об организации будет происходить через изменение его условий работы в данной организации: ощущение незащищенности, мотивационные факторы, уровень приверженности.

В качестве методологического аппарата исследования нами были выбраны следующие инструменты: «Диагностика субъективной незащищенности в сфере труда» (А.Ю. Смирнов) [5], опросник «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартин) [3; 4], методика

определения уровня организационной приверженности (Л. Портер, М. Магура) [2].

Выборка исследования представлена сотрудниками компании горнодобывающей промышленности, один из филиалов которой находится в России. Общее количество участников – 48 человек в возрасте от 25 до 50 лет.

В качестве корпоративных преобразований выступили следующие изменения: дополнительное финансирование маркетинговых отделов, переезд в новый большой офис, расширение штата сотрудников, привлечение новых проектов, увеличение доступности и качества тренинговых программ и курсов повышения квалификации, налаживание коммуникации с руководителями головного офиса в Канаде.

Результаты исследования организационной приверженности показали увеличение лояльности и отождествления себя с компанией после проведенных корпоративных преобразований, были найдены значимые различия по этому параметру.

Результаты мотивационных факторов сотрудников организации также претерпели изменения. Было обнаружено, что после корпоративных преобразований упала мотивация получения заработной платы, понизилась мотивация обретения и расширения социальных контактов, повысилась мотивация в получении четких инструкций и понятной структуры рабочего процесса, понизилась мотивация в завоевании признания, понизилось желание сотрудников формировать и поддерживать долгосрочные взаимоотношения, повысилась мотивация в постановке сложных целей в рамках своей деятельности, понизилась мотивация в разнообразии, повысилась мотивация в совершенствовании. Данные результаты позволяют сделать вывод об обретении большей стабильности в организации, а удовлетворенность по многим факторам понижает мотивацию их достижения. Доступность способов роста и развития позволяют с большим стремлением заниматься самообразованием, но высокая конкуренция вынуждает бороться за своё рабочее место и за новые условия, удовлетворяющие сотрудников. Снижение мотивации в разнообразии может объясняться недавними преобразованиями, после которых наступает стадия адаптации. Среди полученных данных мы обнаружили и факторы, выраженность мотивации по которым осталась на прежнем уровне. Например, потребность в хороших

условиях работы, потребность в креативности, потребность во власти и влиятельности.

Субъективная незащищенность в сфере труда была представлена двумя компонентами: когнитивным и аффективным. Выраженность обоих снизилась после проведения корпоративных образований, что позволяет сделать вывод об ощущении меньшей угрозы потери работы.

Проведенное исследование позволило нам доказать, что изменение представлений сотрудника об организации будет происходить через изменение его условий работы в данной организации. Сотрудники стали более приверженными, их мотивация изменилась, а ощущение незащищенности снизилось.

Литература

1. *Емельянова Т.П.* Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия / Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 39-47.
2. *Липатов С.А.* Проблема организационной приверженности и идентификации с точки зрения социальной психологии / С.А. Липатов // Мир психологии. 2004. № 2. С. 142-148.
3. *Почебут Л.Г.* Организационная социальная психология: учебное пособие для академического бакалавриата / Л.Г. Почебут, В.А. Чикер. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2017. 297 с.
4. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией. М.: Юнити-Дана, 2004.
5. *Смирнова А.Ю.* Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях: психологическое содержание и диагностика феномена // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvuhkomponentnaya-model-subektivnoy-nezascheschennosti-v-sfere-truda-v-zarubezhnyh-issledovaniyah-psihologicheskoe-soderzhanie-i> (дата обращения: 23.03.2022).
6. *Трофимова Е.Л.* Теоретические подходы к изучению корпоративной идентичности // Психология в экономике и управлении. 2017. №2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-korporativnoy-identichnosti> (дата обращения: 09.04.2022).

Добровольческая деятельность как ресурс формирования социальной активности молодежи

Богачева Т.И.

*ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия
logtat91@gmail.com*

Масштабные социально-экономические и политические изменения, происходящие в российском обществе, предъявляют новые требования к гражданской позиции молодежи. В связи с чем, возникла объективная необходимость в изучении механизмов и психологических детерминант включенности личности в жизнедеятельность малых и больших социальных групп. На основании чего, цель данной статьи заключается в теоретическом анализе потенциалов добровольческой деятельности в формировании социальной активности молодежи.

Отметим, что социальная активность является одной из форм проявления активности личности, наравне с социальной пассивностью и апатией [1]. В социальной педагогике она рассматривается как способ существования и развития личности в качестве субъекта общественной жизни, проявляющейся в ее стремлении к преобразованию окружающей социальной среды и в формировании собственных личностных качеств, необходимых для этого. М.А. Зайцева считает социальной активностью любые проявления социально-полезной активности личности. С точки зрения социологии социальная активность понимается как демонстрация личностью самостоятельности и самодетельности в социальной сфере. В психологическом контексте она предполагает индивидуальные и групповые действия, направленные на изменение социального «Я» личности, ее места в обществе, а также общества в целом [2].

Таким образом, исходя из результатов теоретического анализа содержания и сущности понятия «социальная активность», справедливо утверждать, что оно включает в себя два важных аспекта: первый указывает на роль социальной активности в личностном

становлении и развитии молодёжи; второй отражает значимость социальной активности молодежи в общественном развитии.

Содержание и специфика социальной активности как психологического феномена в том или ином аспекте описывается С.Л. Рубинштейном, К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, В.А. Петровским, А.Л. Журавлевым, Р.М. Шамионовым, М.В. Григорьевой, А.С. Чернышевым и др. К ключевым содержательным характеристикам данного социально-психологического феномена отечественные исследователи относят ее целенаправленность, осознаваемость, а также личное стремление человека быть субъектом общественной жизни и желание изменять окружающую социальную среду и самого себя [3].

Рассуждая о механизмах возникновения активности человека (в том числе и социальной), нельзя не обратиться ко взглядам Е.П. Ильина, который считает, что в ее основе лежит естественное стремление индивида удовлетворить ту или иную актуальную для него потребность. Данную точку зрения разделяет большинство отечественных исследователей, в связи с чем, можно утверждать, что возникновение социальной активности молодежи обусловлено ее стремлением удовлетворить одну из актуальных для нее потребностей [3].

Отметим, что, исходя из основных сфер жизнедеятельности человека, можно выделить три вида социальной активности личности: трудовую, общественно-политическую и социальную активность в сфере духовной жизни [3]. Причем два последние ее вида являются наиболее востребованными среди молодежи.

На наш взгляд, сформировать у молодежи позицию субъекта общественной жизни возможно посредством ее активного вовлечения в добровольческую деятельность. При этом максимальная реализация потенциалов добровольчества в формировании социальной активности возможна при организации деятельности добровольческих объединений с учетом следующих рекомендаций:

- обеспечение максимальной вовлеченности каждого добровольца в жизнедеятельность добровольческого объединения;
- наличие широкого спектра направлений деятельности в рамках добровольческого объединения и возможность выбирать из них то, которое обеспечит максимальное раскрытие внутренних потенциалов личности;

- обучение добровольцев навыкам групповой рефлексии и саморефлексии с целью анализа продуктивности собственной деятельности и определении возможных путей ее оптимизации;

- наличие в добровольческом объединении активных, целеустремленных и инициативных молодых людей, которые могут стать примером для девушек и юношей с несформированной позицией общественного субъекта;

- возможность в рамках добровольческой деятельности приобрести социально и профессионально значимые умения и навыки;

- создание и поддержание благоприятного психологического климата в добровольческом объединении, установление доброжелательных отношений между его членами, а также создание условий, обеспечивающих раскрытие индивидуальности каждого добровольца;

- возможность, посредством добровольческой деятельности, вносить личный вклад в значимые общественные, политические и социальные события страны;

- повышение интергрупповой активности добровольческого объединения, установление отношений сотрудничества с другими коллективами.

Итак, добровольческая деятельность обладает существенным потенциалом в формировании социальной активности молодежи. Однако для его реализации необходимо создание в рамках добровольческого объединения специальных условий, обеспечивающих как личностное, так и профессиональное развитие молодежи.

Литература

1. *Богачева Т.И.* Добровольческая деятельность как ресурс развития социальной одарённости молодёжи // Современные проблемы развития одаренности детей и молодежи: Материалы I Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: «Фонд науки и образования», 2019. С. 123-130.
2. *Зайцева М.А.* Основные направления изучения проблемы формирования социальной активности учащихся в педагогической теории во второй половине XX века // Педагогика. 2008. № 1(54). С. 8–13.

3. *Шамионов Р.М.* Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145-154.

Об исследовании девиантного поведения сотрудников внутренних дел в современной российской психологии

Бочкова М.Н. Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

bochkovam.84@gmail.com, nmeshkova@yandex.ru

Задача укрепления дисциплины и законности среди личного состава сотрудников отдела внутренних дел (далее ОВД) остается актуальной [3]. Исследования девиантного поведения сотрудников правоохранительных органов имеются, но их недостаточное количество [12]. За рубежом перспективным является исследование девиантности в рамках исследования креативности в межличностном взаимодействии [8; 14]. Исследователями показано, что креативное мышление может реализоваться во лжи, агрессии, злых шутках, т.е. в намеренном нанесении вреда другим людям [13] и, в частности, сослуживцам. Креативное мышление, используемое для намеренного нанесения вреда другим, получило название антисоциальная (malevolent) креативность [8]. Исследования этого явления в органах внутренних дел не проводились ни за рубежом, ни в России.

Исследования, изучающие девиантное поведение сотрудников ОВД, можно классифицировать по возрастным основаниям: исследования кадетов, курсантов и сотрудников ОВД с разным стажем службы. При этом практически отсутствуют лонгитюдные исследования и исследования, в которых сравнивались бы разные возрастные группы. В рамках изучения антисоциальной креативности, реализующейся в девиантном поведении, было показано, что существуют возрастные особенности антисоциальной креативности: у кадетов антисоциальная креативность выражена сильнее по сравнению с курсантами и имеет свою специфику [7].

Результаты исследований российских психологов девиантного поведения у кадетов показывают, что в этой возрастной группе имеются проблемы, связанные с межличностным взаимодействием и агрессией [4; 11].

Согласно результатам исследований, у курсантов выявлены высокие показатели лживости [2], склонности к обману, недисциплинированности, безответственности, эмоциональной неустойчивости, пренебрежительного отношения к людям; избыточная агрессивность, импульсивность поступков [6]. Исследования связи негативной креативности, проявляющиеся в виде злых шуток и лжи, на выборке курсантов показали, что важная роль в таком поведении принадлежит макиавеллизму, чертам Большой пятерки и моральной идентичности [9].

Сотрудники ОВД показали склонность к психологическому насилию и деструкции в межличностных отношениях в виде агрессивного поведения, для которого характерны активное вербальное воздействие в виде ненормативной лексики, использование кличек, необоснованная критика сослуживцев, оскорбительные или унижительные формы общения [10]. Более того, есть сотрудники ОВД, готовые оправдать агрессию, а более половины респондентов готовы к агрессивным действиям [5]. При этом у сотрудников ОВД выявляются проблемы в эмоционально-волевой сфере в виде раздражительности и конфликтности [1].

Перспективным для дальнейшего исследования нам представляется изучить особенности межличностного взаимодействия сотрудников ОВД в рамках исследования антисоциальной креативности и влияние, которое оказывает эмоциональный интеллект на реализацию креативности в девиантном поведении при межличностном взаимодействии.

Литература

1. *Жидкова О.А.* Критерии эмоционально-волевой компетентности сотрудников полиции // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 204-208.
2. *Кириллова Е.Б.* Личностные психологические детерминанты предрасположенности подростков к девиантному поведению. дисс. ... канд. психол. наук. СПб. 2019. 231 с.
3. *Колокольцев В.* Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России, 2021. URL:

- <https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/> (дата доступа 10.10.2021).
4. *Кузнецова С.О., Абрамова А.А.* Психологические особенности агрессивности в подростковом возрасте // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1.
 5. *Лапшин В.Е.* Психолого-педагогические аспекты коррекции личности сотрудников уголовно-исполнительной системы, склонных к проявлению агрессии / В.Е. Лапшин, Т.В. Галич // Прикладная юридическая психология. 2019. № 3(48). С. 46–52.
 6. *Ларина Л.А., Забавка В.И.* Правомерное поведение и правопонимание и их роль в формировании полицейского права в России. В сборнике: Актуальные вопросы эволюции полицейского права как характерного типа Российского права сборник профессорско-преподавательского состава и адъюнктов. М., 2015. С. 53–56.
 7. *Мешкова Н.В. и др.* Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Том 17. № 1. С. 59-71.
 8. *Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.* Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 86–107.
 9. *Мешкова Н.В. и др.* О предикторах негативной креативности у взрослых на примере курсантов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90–108.
 10. *Петров В.Е.* Психометрическое исследование опросника оценки склонности сотрудников к психологическому насилию // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2020): СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. С. 415-419.
 11. *Петронюк И.С.* Особенности межличностных отношений воспитанников кадетских корпусов // Психологическая наука и образование. 2008. №1. С.45-49.
 12. *Шарафутдинова Н.В.* Проблема диагностики и профилактики девиантного поведения личности. Психология и педагогика служебной деятельности. 4/2020. С. 154–156.

13. Hao N., et al. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. Vol. 7. P. 682.
14. Yip J.A. et al. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2018. Vol. 144. P. 125–144.

Исследование идеального образа бабушки в обыденном сознании представителей русского и армянского этносов

Браткина М.А., Гриценко В.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mbratkina@yandex.ru; gricenkovv@mgppu.ru*

В настоящее время достаточно актуальным и важным является изучение особенностей образа бабушки в обыденном сознании представителей различных этносов. Вопрос восприятия бабушек глазами современного поколения внуков стоит остро [4]. На поколение Y выпало немало изменений в общественной сфере. Скачок в развитии технологий последних двух десятилетий существенно отличается от предшествующего периода исторического развития. С появлением общедоступного интернета процессы глобализации ускорились в несколько раз, и это не могло не повлиять на восприятие молодыми людьми окружающей действительности, в частности – семьи и ее членов [2].

В XXI веке на трансформацию «института бабушек» повлиял целый ряд факторов: социальный, социально-психологический и демографический.

Вследствие приведенных выше факторов стало возможно разнообразие ролей «бабушек». Если в первой половине XX века бабушки, как правило, занимались хозяйственно-бытовой и воспитательной деятельностью и не работали, то, начиная с 1970-х гг., наблюдался рост числа женщин с высшим образованием, и, как следствие, увеличение количества бабушек, продолжающих трудовую деятельность после выхода на пенсию [3].

М.Ю. Арутюнян выделяла разные функциональные типы «бабушек», зависящие от характера взаимодействия с внуками, в

совокупности их можно поделить на две группы: традиционная субститутная роль и современные варианты ролей [1].

Изменения в социально-психологическом поле отражаются не только на межпоколенческом восприятии, но и на кризисе самого института семьи. Меняется внутренняя структура семьи. Происходит массовая нуклеаризация семьи, доля семей, состоящих из трех поколений, уменьшается, а доля пожилых людей, живущих отдельно, увеличивается.

Это привело нас к постановке цели нашего исследования.

Целью нашего исследования являлось выявление особенностей образа идеальной бабушки в обыденном сознании представителей разных этносов (на примере представителей русского и армянского этносов). Мы проанализировали, какими особенностями обладает образ идеальной бабушки и образ реальной бабушки в сознании представителей армянского и русского этносов, а также какие сходства и различия можно наблюдать между этими образами.

Для исследования образа бабушки были опрошены респонденты: первая группа - 67 человек (11 мужчин, 56 женщин) в возрасте 18-25 лет, являющиеся представителями армянского этноса. Вторая группа включала в себя 72 человека (16 мужчин, 56 женщин) в возрасте 18-25 лет, являющихся представителями русского этноса.

Нами использовалась авторская методика исследования образа бабушки, созданная на основе метода «семантический дифференциал», состоящая из биполярных шкал.

Полученные после опроса респондентов результаты мы сравнивали следующим образом: образ реальной и идеальной русской бабушки, образ реальной и идеальной армянской бабушки, а также существенность различий между реальными и идеальными образами бабушки двух этносов.

В ходе исследования нами было выявлено следующее.

1. Имеются существенные различия между идеальными образами армянской и русской бабушки. Идеальная армянская бабушка должна придавать большее значение послушанию детей, быть более амбициозной и настойчивой в достижении результатов, чем идеальная русская бабушка. В то же время, в идеальных образах бабушек обеих культур прослеживается сходство в отношении к неопределенности: и те, и другие относятся к переменам настороженно, стараясь избегать неопределенных ситуаций и рисков.

2. Существуют сходства и различия образов реальной и идеальной бабушки в обыденном сознании русского и армянского этносов

внутри группы. Реальный образ бабушки у представителей армянского этноса лишь частично соответствует идеальному. Респондентам данной подгруппы хотелось бы видеть в своих бабушках меньше напористости в достижении желаемого, а также, чтобы бабушки больше внимания уделяли своему досугу и удовлетворению своих желаний.

Идеальный образ бабушки у представителей русского этноса почти не соответствует реальному. Респондентам данной подгруппы хотелось бы, чтобы их бабушка придавала меньшее значение послушанию детей, больше занималась собственными интересами, более свободно распоряжалась финансами.

3. Различия между реальным и идеальным образом русской бабушки более значимы, чем различия между реальным и идеальным образом армянской бабушки. Возможно, это обусловлено более интенсивными изменениями в традиционной русской культуре по сравнению с армянской.

4. Существуют определенные различия в образах бабушки между русскими и армянами. Реальный образ армянской бабушки существенно, особенно у женщин, отличается от реального образа русской бабушки. Представители армянской культуры описывают своих бабушек как женщин, придающих большое значение послушанию детей, напористых и амбициозных. По описанию респондентов, армянские бабушки стремятся к власти, плохо переносят перемены, неизвестность и отсутствие контроля, а также склонны устанавливать четкие правила и строгие нормативы.

Представители русской культуры чаще отмечают в своих бабушках такие качества, как теплые отношения с домочадцами, забота об окружающих, открытость к переменам. Согласно исследованию, русские бабушки не требуют от родственников, в частности внуков, соблюдения большого количества правил и законов.

Литература

1. *Арутюнян М.Ю.* Изменение «института бабушек»: социально-психологический аспект // Народонаселение. 2012. № 1.
2. *Вовк Е.Ж.* Пожилые люди в сегодняшней российской семье // Социальная реальность. 2016. № 4.
3. *Короленко А.В.* Некоторые аспекты состояния современного «института бабушек»: опыт социологического исследования // Социальное пространство. 2018. № 4.

4. *Кучмаева О.В., Кучмаев М.Г., Петрякова О.Л.* Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестн. слав. культур. 2009. Т. 13. № 9.

Взаимосвязь длительности проживания русских мигрантов в Чехии с показателями их аккультурации

Брызнев Ю.В., Кривцова А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
6189109@gmail.com, edmond21@yandex.ru

Успех аккультурации как процесса взаимного влияния культур сегодня во многом зависит от специфики миграции людей. На это указывают мировые процессы, происходящие в обществе: глобализация, различные политические и экономические события. Эти процессы имеют тенденцию к росту с каждым годом в различных странах мира, в том числе и в России. Главные причины миграции русских из стран бывшего СНГ и России – личные, экономические и политические.

Чехия традиционно была и остается привлекательной для мигрантов из России. К факторам привлекательности можно отнести: относительную близость России и Чехии и то, что чешский язык относится к группе славянских языков. По данным различных официальных источников в 2020 году в Чехии проживало от 35 до 49 тысяч русских из стран СНГ.

При переезде в новую страну мигранты сталкиваются с новой для них культурой принимающего большинства, что порождает ряд неприятных ощущений. Для обозначения этих ощущений американским антропологом К. Обергом был введен термин «культурный шок» [4]. В основе культурного шока лежит разница в культурах. У индивида, оказавшегося в условиях новой культуры, ломаются привычные стереотипы поведения и алгоритмы действий. Симптоматически культурный шок может проявляться различным образом, от дискомфорта в эмоциональном состоянии до тяжелых депрессий.

После Оберга многие ученые занимались описанием стадий культурного шока, наибольшую известность получил перечень фаз П. Адлера и разработанная им U-образная кривая адаптации, на которой он выделил пять этапов адаптации [2].

Последний этап адаптации «комфорт» характеризуется отчетливым пониманием этнической и личностной идентификации и позволяет говорить о психологическом комфорте. В зависимости от индивидуальных свойств личности на прохождение всех фаз культурного шока мигранту может потребоваться от нескольких месяцев до нескольких лет.

В нашем исследовании мы решили проверить предположение о том, что чем дольше русский мигрант находится в стране пребывания (Чехии), тем комфортнее ему становится. Следовательно, повышается уровень психологической удовлетворенности собой. Отмечается положительная динамика в состоянии психологического здоровья, следовательно, понижается уровень социокультурной дезадаптации.

В качестве основного метода в нашем исследовании мы использовали социально-психологический опрос, для его проведения использовались шкалы из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies) для изучения аккультурации мигрантов и представителей этнических меньшинств в переводе и адаптации Н. Лебедевой и А. Татарко. [1; 3]: удовлетворенность жизнью, уровень депрессии, уровень тревоги, социокультурная дезадаптация.

В эмпирическом исследовании приняло участие 110 русских мигрантов, проживающих в Чехии. В выборку вошли люди от 18 до 71 года ($M_e=41$), 78 женщин и 32 мужчины. Заполнение опросника респондентами происходило самостоятельно, доступ к опроснику предоставлялся с помощью электронной ссылки на Google-опрос.

Для анализа результатов исследования применялась математико-статистическая обработка данных с помощью программы SPSS. Для опровержения или подкрепления «нулевой гипотезы» применялся коэффициент корреляции Спирмена, множественный регрессионный анализ использовался для определения взаимосвязи переменных.

В процессе проведения эмпирического исследования были получены следующие данные.

1. Между количеством лет, прожитых русскими мигрантами в Чехии, и удовлетворенностью жизнью есть статистически значимая взаимосвязь на уровне значимости 0,05 прямой направленности, то есть чем больше лет мигрант прожил в Чехии, тем больше удовлетворенность жизнью.

2. Между количеством лет, прожитых русскими мигрантами в Чехии, и уровнем депрессии есть статистически значимая взаимосвязь на уровне значимости 0,01 обратной направленности, то есть чем больше лет мигрант прожил в Чехии, тем ниже уровень депрессии.

3. Между количеством лет, прожитых русскими мигрантами в Чехии, и уровнем тревоги есть статистически значимая взаимосвязь на

уровне значимости 0,05 обратной направленности, то есть чем больше лет мигрант прожил в Чехии, тем ниже уровень тревоги.

4. Между количеством лет, прожитых мигрантом в Чехии, и оценкой социокультурной дезадаптации есть статистически значимая взаимосвязь на уровне значимости 0,001 обратной направленности, то есть чем больше лет мигрант прожил в Чехии, тем ниже оценка социокультурной дезадаптации.

Таким образом, в результате эмпирического исследования было установлено, что существуют взаимосвязи между количеством прожитых лет мигрантом в Чехии и удовлетворенностью собой, психологическим здоровьем и социокультурной дезадаптацией.

Повышение этих параметров (удовлетворенность собой и психологическое здоровье) характерно для пятого этапа адаптации по теории «культурного шока».

Литература

1. *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и принимающего населения. М.: РУДН, 2009.
2. *Adler P.S.* The transitional experience: An alternative view of culture shock / P.S. Adler // *Journal of Humanistic Psychology.* 1975. Vol. 15(4). P. 13–23.
3. *MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies)* URL: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>
4. *Oberg K.* *Practical Anthropology.* New Mexico, 1960.

Пандемия COVID-19: динамика изменения эмпатического поведения среди московских студентов

Буркова В.Н., Бутовская М.Л.

*ИЭА РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
burkovav@gmail.com*

Данная работа выполнена на средства гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00075).

Пандемия COVID-19 изменила жизни всех людей на планете. В условиях стресса люди выбирают такой тип поведения, который снижает отрицательные психологические последствия и помогает им

адаптироваться в новых условиях. Важным адаптационным механизмом в условиях глобального стресса и чувства незащищенности может служить эмпатия, так как она является одним из ключевых компонентом социальных взаимодействий, в том числе способствует просоциальному поведению и взаимопомощи между членами группы и снижает агрессию по отношению к ним [1].

В данной работе представлены результаты исследования, проведенного во время трех волн COVID-19 (общая выборка – 1581 чел.) среди московских студентов. Медианы дат трех волн, полученные в данной работе, в целом соответствуют датировкам волн, указанным Роспотребнадзором: первая волна – медиана 5 мая 2020, вторая волна – медиана 7 декабря 2020, третья волна – медиана 28 мая 2021. Для оценки уровня эмпатии использовались три шкалы многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса (Межличностный Индекс Реактивности (IRI)) [2], в русскоязычной адаптации [3]: шкала Perspective-Taking: *децентрация* – оценивает тенденцию восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека; шкала Empathic Concern: *эмпатическая забота* – оценивает чувства, направленные на другого, – симпатии и сочувствия к несчастьям других, жалости, желания помочь; шкала Personal Distress: *эмпатический дистресс* – измеряет чувства собственной тревоги и дискомфорта, возникающие в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей, и направленные на себя.

Результаты исследования показали половые различия изменений уровня эмпатии – уровень децентрации увеличивался от первой к третьей волне у мужчин, но у женщин только от первой ко второй волне, а к третьей волне уже снижался. Уровень эмпатической заботы не менялся в течение пандемии у мужчин, тогда как у женщин увеличивался от первой ко второй волне, а далее снижался. Эмпатический дистресс возрастал от первой к третьей волне у мужчин, тогда как у женщин значительно увеличивался от первой ко второй волне, а далее к третьей снижался. Все оценки по всем шкалам эмпатии были выше у женщин, чем у мужчин, во всех периодах пандемии COVID-19, что согласуется с большинством исследований половых различий эмпатии, проведенных до и во время пандемии [3; 4; 5]. Таким образом, мужчины, в целом, демонстрируют увеличение показателей эмпатии от первой к третьей волне COVID-19, тогда как у женщин пик высоких оценок приходится на вторую волну, а далее снижается. По-видимому, женщины более эмоционально реагируют

на стрессовую ситуацию (предыдущие исследования также показывают, что уровень стресса у женщин выше на фоне пандемии [6]) и быстрее «выгорают», чем мужчины. У мужчин же истинная эмпатия как эмоциональное сочувствие и сопереживание (шкала «эмпатическая забота») не изменяется. При сравнении с данными, полученными до пандемии среди студентов-психологов г.Москвы по аналогичному опроснику [3], наши результаты демонстрируют в среднем более высокие средние баллы по эмпатии, что косвенно указывает на то, что на фоне пандемии уровень эмпатии у людей повысился. Данные результаты согласуются с имеющимися данными по динамике эмпатии до и во время пандемии в других работах, однако исследователи указывают на то, что изменения сильно зависят от вида исследуемой эмпатии [7; 8].

Полученные нами результаты указывают на важность исследования психологического состояния населения в целом, и уровня эмпатии и стресса, в частности. Дефицит эмпатии связан с различными эмоциональными расстройствами, например, депрессивными и тревожными расстройствами [9], тогда как повышение уровня эмпатии на фоне стресса может улучшить кооперацию и взаимопомощь между людьми. Полученные результаты могут помочь при планировании мер психологической поддержки населения на фоне пандемии.

Литература

1. Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013, №1, с.202-227.
2. Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Апалькова Ю.И. Эмпатия, тревожность и агрессия у московских студентов // Этнографическое обозрение. 2019, № 5, с. 169-188.
3. Baiano C., Raimo G., Zappullo I., et al. Empathy through the Pandemic: Changes of Different Emphatic Dimensions during the COVID-19 Outbreak // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022, vol. 19, No 2435.
4. Baliyan S., Cimadevilla J.M., de Vidania S., et al. Differential susceptibility to the Impact of the COVID-19 pandemic on working memory, empathy, and perceived stress: The Role of cortisol and resilience // Brain Sci. 2021, vol. 11, No 348.

5. *Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., et al.* Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // *Sustainability*. 2021, vol. 13, No 4017.
6. *Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K., et al.* Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave // *Sustainability*. 2021, vol. 13, No 7431.
7. *Davis M.H.* A multidimensional approach to individual differences in empathy // *JSAS Cat. Sel. Doc. Psychol.* 1980, vol. 10, No 85.
8. *Eisenberg N.* Emotion, Regulation, and Moral Development // *Annu. Rev. Psychol.* 2000, vol. 51, pp. 665–697.
9. *Schreiter S., Pijnenborg G.H., Aan Het Rot M.* Empathy in adults with clinical or subclinical depressive symptoms // *J. Affect. Disord.* 2013, vol. 150, pp. 1–16.

Психологические функции религиозных практик современных москвичей

Васин Н.В., Кузнецов И.М.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nickolay_vasin@mail.ru, ingvar31@yandex.ru

В течение последних 25 лет наблюдается увеличение интереса исследователей к религиозно-духовной сфере в поле отечественной гуманитарной науки. Свобода выбора и даже сама возможность личной религиозности, ставшая неожиданностью, породила вопросы, традиционно лежащие в плоскости духовной жизни и соответствующих практик. «Запрос на религию», легализованный после десятилетий советской власти и актуализировавшийся в сложных социальных условиях, стал катализатором как массового восстановления православных храмов, так и появления незнакомых ранее российской действительности религиозных течений, наиболее крупные и влиятельные из которых стали культурными феноменами, знакомыми большинству жителей страны.

Как количественные, так и качественные данные исследований последних лет, посвященные религиозности россиян [1], указывают не только на наличие новых, стремительно укореняющихся в социуме форм верований, но и на изменения смысловой части религиозности. Век постмодерна, наступивший практически везде, где есть доступ к сети Интернет, во многом стирает любые ограничения и рамки.

Любой человек, за редкими исключениями граждан наиболее религиозно радикализованных стран, имеет возможность исповедовать любую религию. Кроме того, как отмечает французский социолог Д. Эрвье-Леже, существует тенденция конструирования собственных синтетических систем верований [2]. Вместе с тем, социологические опросы показывают стабильность соотношения верующих (вербально декларирующих принадлежность к той или иной конфессии) и неверующих [3]. Данный факт позволяет сделать предположение о неослабевающей актуальности религиозно-духовной сферы в современном российском обществе.

В то же время, обширный пласт работ в психологии религии и смежных областях науки указывает на противоречивость практической стороны религиозности, образующей наименее исследованное проблемное поле. Результаты трудов российских социологов и психологов утверждают повсеместное несоответствие ритуальных действий и воззрений индивидов, декларирующих собственную религиозность в рамках мировых конфессий, догматам и канонам последних. Вышеописанные современные тенденции личной религиозности, отмечаемые как зарубежными, так и отечественными учеными, представляют собой неоднородную картину, во многом состоящую из новых синтетических форм верований. Наличие таких форм вкупе с высоким уровнем общероссийской вербально декларируемой религиозности и низкой долей практикующих верующих создают предпосылки для междисциплинарного изучения как религиозных практик самих по себе, так и их психологических функций, первичное выявление и описание коих мы и попытались сделать в рамках качественной методологии. Предполагая наличие у религиозных практик психологических функций, мы руководствуемся общим принципом детерминизма.

Как и большинство понятий, которыми оперируют науки, изучающие религию и религиозность, религиозные практики – термин, четкое и общепринятое определение которого в настоящий момент отсутствует. В нашем исследовании, основываясь на соответствующей теории П. Бурдьё, мы рассматриваем религиозные практики как один из возможных видов социальных практик, и понимаем их как любые действия, относящиеся к воспроизводству устойчивых ритуально-обрядовых форм, либо оцениваемые индивидом как относящиеся к личной религиозно-духовной сфере.

Исследовательский вопрос нашей работы возникает из анализа имеющихся вышеописанных тенденций религиозности и социальной

ситуации: для чего, с какой субъективной целью и как современные москвичи продолжают выполнять религиозные практики?

Нами было проведено пилотажное исследование в рамках качественной методологии, участниками которого стали 4 москвичей в возрасте от 25 до 35 лет, совершающих религиозные практики в рамках личной принадлежности к конфессии. Каждый из респондентов представлял отдельную религию или религиозное движение: родноверие (язычество), мусульманство, католичество и православие.

Сбор данных происходил с помощью полуструктурированного интервью, продолжительность которого составляла от часа до полутора. Вопросы гайда были направлены на выявление психологических функций религиозных практик респондентов; на верификацию факта «незаменимости» осуществляемой практики как необходимого инструмента для исполнения описанной психологической функции.

Обработка и анализ данных в соответствии с методом Интерпретативного Феноменологического Анализа (Interpretative Phenomenological Analysis) по Смит [4].

Результаты пилотажного исследования показали, что, несомненно, общими психологическими функциями религиозных практик для всех респондентов являются следующие.

1. Функция самопознания или самопонимания. Темы респондентов, представляющие данную функцию, можно выразить как или «в практиках я узнаю о себе нечто новое».
2. Функция саморегуляции. «Практика структурирует меня», «практика упорядочивает мою жизнь».
3. Интегративная функция. «Практика позволяет мне быть частью чего-то большего».

Необходимо упомянуть также смысловую категорию, ставшую общей для трех респондентов. Каждый из них описывает практики как то, «без чего я буду другим/другой».

На основании пилотажного исследования мы можем выдвинуть следующие предположения:

- 1) существуют психологические функции религиозных практик современных москвичей, не зависящие от конфессиональной принадлежности;

- 2) существуют психологические функции религиозных практик современных москвичей, «замена» которых субъективно будет оцениваться как невозможная;
- 3) существуют различия между психологическими функциями религии и религиозных практик.

Таким образом, результаты нашего пилотажного исследования позволяют первично описать и выявить психологические функции религиозных практик и их значимость в жизни современных москвичей, обозначить наличие средств изучения практической стороны религиозности жителей современного мегаполиса и поставить вопрос о необходимости дальнейшего продолжения разработки междисциплинарного исследования психологических функций религиозных практик в современном российском социуме.

Литература

1. Синелина Ю.И. Религиозность в современной России // Отечественные записки. 2013. № 1(52). С. 243-255.
2. Филатов Л.Б., Лункин Н.Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // СоцИС. 2006. №. 6. С. 35-45.
3. Яцуценко Ю.В. Опыт определения современных религиозных представлений и практик: Даниэль Эрвье-Леже // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 18-32.
4. Smith J. Beyond the divide between cognition and discourse: Using interpretative phenomenological analysis in health psychology. *Journ. Psychology and health*. 1996. 11(2), 261-271.

Групповая идентичность юных спортсменов: возрастные и половые различия

Волков Р.С., Сачкова М.Е.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, г. Москва, Россия
volkov.roman@inbox.ru, sachkova@list.ru

В последнее время человечество столкнулось с тяжелыми потрясениями, такими как экономический, политический, демографический кризисы, пандемия, глобальное потепление и др. Во

времена кризисов изменения претерпевает не только внешняя реальность, но внутренний мир человека, прежде всего, его идентичность [5]. Становление идентичности – достаточно сложный процесс, в ходе которого личность должна приобрести свою целостность, историчность и индивидуальность. В научной литературе принято выделять два вида идентичности: личностную и социальную. Первая связана с индивидуальными характеристиками человека и проявляется в виде самооценки, самоотношения и самосознания индивидом личностных качеств. Вторая соотносится с социальными характеристиками, достигается индивидом в рамках малых и больших социальных групп в ходе сравнения (самокатегоризации) «своей» группы с «другими» группами.

По мнению многих исследователей (Э. Эриксона, Дж. Марсиа, А. Ватермана, Г.М. Андреевой, Д.Б. Эльконина, И.С. Кона и др.) подростково-юношеский этап является ключевым в становлении идентичности, в связи с этим данный возрастной период наиболее активно изучается, в том числе и в спортивных организациях. Так, в работе В.Д. Байрамовой и Э.А. Эльнуровой показано, что на поведение подростков, которые занимаются в спортивной группе, влияет степень выраженности их идентичности с этой группой [1]. В другом исследовании О.В. Гребенниковой было установлено, что процессы социализации (развитие групповой идентичности) происходило быстрее у ребят, которые занимались спортом, в отличие от тех, кто им не занимался [3]. Е.В. Шапкина выявила, что достигнутая групповая идентичность повышает спортивные результаты подростков, а также делает их деятельность более предсказуемой [4].

В нашем исследовании, целью которого стало выявление особенностей групповой идентичности и ее взаимосвязи с уровнем спортивных достижений, приняли участие 360 спортсменов, из них 180 старших подростков (в возрасте 15-16 лет) и 180 юниоров (в возрасте 17-18 лет). Были установлены различия в выраженности компонентов групповой идентичности (ГИ), а также выявлены различия во взаимосвязи компонентов ГИ и уровнем спортивных достижений (УСД). Для исследования ГИ был использован опросник О.В. Васьковой [2]. Для измерения УСД применялась методика измерения результативности спортивной деятельности.

Полученные данные подтвердили положение о важности изучения влияния групповых процессов на социализацию подрастающего поколения. Новизной нашего исследования стало то, что мы смогли

установить взаимосвязь между компонентами ГИ и УСД у подростков и юниоров, занимающихся боксом. При этом обнаруженная выраженность и взаимосвязь компонентов ГИ отличалась как по полу респондентов, так и по возрасту. Так, у юниоров наиболее выраженным оказались когнитивный и эмоциональный компоненты ГИ, чем у подростков. Поведенческий компонент оказался менее выраженным как у подростков, так и юниоров в структуре ГИ. Выявленные различия по полу показали, что у девочек-подростков общий уровень ГИ наиболее выражен, чем у мальчиков-подростков. В свою очередь у юниоров наиболее выраженным оказался когнитивный компонент ГИ, а у юниорок эмоциональный компонент ГИ.

Статистически значимой оказалась связь между когнитивным и эмоциональным компонентами ГИ и УСД как у девочек-подростков, так и у юниоров. В группе мальчиков-подростков была выявлена отрицательная взаимосвязь между когнитивным компонентом ГИ и УСД. У мальчиков по мере занятием боксом растут показатели ГИ, и они имеют прямую связь с их спортивными результатами, у девочек такая связь с возрастом пропадает. Скорее всего, это связано с тем, что бокс является сложным для девочек видом спорта как в физическом, так и в моральном плане, поэтому многие из них к возрасту 17-18 лет задумываются оставить его и заниматься другими видами деятельности.

Полученные данные и разработанная методика в нашем исследовании важна не только в теоретическом плане, но и в практическом. Например, с помощью нее специалисты, работающие с группами юных боксеров, могут отслеживать их социально-психологическую подготовку в процессе становления ГИ. Выявленные в структуре компоненты идентичности помогут тренерам заблаговременно принимать решения о целесообразности включать своих подопечных на предстоящие соревнования, а также осуществлять профотбор. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на выявление взаимосвязи компонентов ГИ и УСД на выборах спортсменов из других видов спорта.

Литература

1. *Байрамов В.Д., Эльнуров А.Э.* Специфика групповой идентичности в спортивной команде [Электронный ресурс] // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 2.

2. *Васькова О.В.* Применение опросника социальной идентичности для диагностики социально-психологических особенностей ученической группы старших подростков // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 87-96.
3. *Гребенникова О.В.* Групповая идентичность современных подростков 11-12 лет: особенности становления в процессе социализации // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2013. № 2. С. 73-82.
4. *Шапкина Е. В.* Социологический анализ групповой идентичности спортивной команды [Электронный ресурс] // Философия. Социология. Право. 2008. №8 (48).
5. *Эриксон Э.Г.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

Тактики самопрезентации и жизненные ценности представителей поколения Z

Гвоздкова Р.И., Чикер В.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

reginagvozdкова@gmail.com, vchiker@yandex.ru

Проблема взаимопонимания представителей различных поколений по-прежнему занимает одно из важнейших мест в области социальной психологии. Благодаря различным исследованиям и трактовкам определения понятия «поколение» ученые смогли предложить различные классификации поколений, где в основе лежит многообразие точек зрения, что говорит о том, что теория поколения не теряет своей значимости и актуальности и постоянно развивается [1; 2]. Теоретическим обоснованием работы является теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса, в которой понятие «поколение» трактуется как устойчивая диагностическая социально-психологическая характеристика, позволяющая описать ценности и социальное поведение определенных возрастных когорт [4].

Необходимо отметить, что первым и значимым этапом при социальных контактах людей различного возраста и пола является самопрезентация. Успех, к которому стремится человек посредством управления впечатлением, является фактором адаптации в окружающем мире [5]. Использование (осознанное или неосознанное) различных тактик самопрезентации показывает многомерность

феномена, где различные виды поведения характеризуют намерения человека [6]. Основная проблема поколенческих противоречий заключается в разных взглядах и жизненных подходах предыдущего поколения к условиям жизни настоящего времени. Несоответствие жизненных целей, меняющаяся культура, появление новых технологий сказывается на трудностях во взаимопонимании и общении, что отражается в самопрезентации.

Мы провели исследование, направленное на изучение идеалов и убеждений, формирующих личность и её ценности для каждого поколения (методика Ш. Шварца). Были выявлены основополагающие тактики самопрезентации (шкала измерения тактик самопрезентации С. Ли, Б. Куигли и др.) и определён уровень самомониторинга (шкала самомониторинга М. Снайдера) для представителей поколений Беби-бумеров, X, Y и Z.

Основная гипотеза исследования сформулирована следующим образом: представители различных поколений используют разные способы самопрезентации, отражающие доминирующие жизненные ценности.

В эмпирическом исследовании приняли участие 153 человека, сгруппированные по поколенческим когортам, в которых возраст испытуемых варьируется от 13 до 75 лет. Группа представителей поколения Z состояла из 45 участников, из них 29 женщин и 16 мужчин. Корреляции рассчитаны по критерию r-Спирмена.

Наибольшее количество положительных связей ценностей и тактик самопрезентации выявлено именно у поколения Z, что, вероятно, говорит о многообразии и большей свободе поведения представителей этого поколения в социальных ситуациях, что существенно отличает это поколение от всех предыдущих. Зафиксированы положительные связи между ценностью «власть» и тактиками «желание понравиться» ($r=0,540$; $p<0,01$), «запугивание» ($r=0,482$; $p<0,01$), «просьба/мольба» ($r=0,410$; $p<0,01$) и «преувеличение своих достижений» ($r=0,451$; $p<0,01$). Центральное содержание этого типа ценностей заключается в достижении социального статуса и престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами. Таким образом, чем выше желание занимать ведущую позицию в рамках социальной системы, тем больше тактик самопрезентации используется для достижения поставленных целей. Так же можно интерпретировать и взаимосвязь между ценностью «стимуляция» и тактиками «желание понравиться» ($r=0,526$; $p<0,01$), «запугивание» ($r=0,467$; $p<0,01$), «сообщение о достижениях» ($r=0,504$; $p<0,01$), «преувеличение своих достижений» ($r=0,558$; $p<0,01$), «негативная оценка других» ($r=0,465$; $p<0,01$). Так,

при разнообразии использования тактик осуществляется потребность в достижении поставленных задач.

Еще одна очень важная положительная связь выявлена между тактиками «желание понравиться» ($r=0,386$; $p<0,01$), «сообщение о достижениях» ($r=0,448$; $p<0,01$), «преувеличение своих достижений» ($r=0,395$; $p<0,01$) и ценностью «конформность». Таким образом, конформные люди, приверженные мнению группы, в своем поведении и самопрезентации хотят понравиться окружающим, говорят о своих достижениях и даже могут их преувеличивать. То есть, применяя такие тактики, они нацелены на привлечение внимания для получения необходимой выгоды.

Следует отметить, что все тактики, вошедшие в корреляционную плеяду, являются ассертивными, т.е. направленными на активные действия в формировании благоприятного впечатления о себе. Эти тактики входят в состав трех стратегий: самовозвышение (где представители поколения Z ярко демонстрируют высокую самооценку и доминируют); самопринижение (где демонстрируется слабость, для достижения поставленных задач) и силовое влияние (направленное на одновременное использование силы и слабости) [3].

Таким образом, полученные данные подтверждают нашу гипотезу о наличии связи между ценностями и тактиками самопрезентации. Центральными и системообразующими оказались три ценности: «конформность», «власть», «гедонизм». Представители поколения Z используют самые разнообразные стратегии и тактики самопрезентации в процессе социального взаимодействия, связанные с этими ценностями.

Литература

1. Волкова Н.В., Чикер В.А., Почебут Л.Г. Различия поколений в консолидации социального капитала: организационный и субкультурный аспекты // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 127–145.
2. Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978 № 3. С. 76-86.
3. Пикулева О.А. Психология самопрезентации личности. Монография. М.: 2019. 320 с.
4. «Проект теории поколений в России» RuGenerations - режим доступа: <https://rugenations.su/> [дата обращения 20.04.2021]

5. *Хороших В.В.* Психологические факторы успешности самопрезентации: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 193 с.
6. *W. Strauss, N. Howe*, Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York: William Morrow and Co, 1991. 538 pp.

Взаимосвязь стратегий совладания и особенностей межличностного общения у старшеклассников

*Горелов И.О., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
oscar1861@yandex.ru, social2003@mail.ru*

Изучение стратегий совладания личности с трудными ситуациями – актуальная тема психологических исследований. Однако применительно к старшеклассникам общеобразовательной школы она мало изучена [2; 3].

Теоретический анализ психологической проблемы выбора стратегий совладания в трудных ситуациях показывает, что старшеклассники выбирают копинг-стратегии в зависимости от своих личностных особенностей. Так, например, в исследовании Л.А. Коломеец выделены виды стратегий выбора в ситуациях неопределенности: смысловая, Я-стратегия, деятельностная, ситуативная. При этом первые три стратегии, как правило, определяются интернальностью, развитой рефлексией, высоким уровнем осмысленности жизни старшеклассника. Ситуативная стратегия свойственна учащимся с интернальным локусом контроля, неудовлетворенных своей жизнью, не способных к конструктивному принятию решений в сложных ситуациях [3].

В нашем эмпирическом исследовании изучалась связь между выбором стратегий совладания и особенностями межличностного общения у старшеклассников. Использовались следующие опросники: «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкмана (адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой), «Оценка самоконтроля в общении» (М. Снайдер), «Оценка уровня общительности» (В.Ф. Ряховский) и «Шкала субъективного ощущения одиночества» (UCLA Loneliness Scale) – тест-опросник, разработанный Д. Расселлом, Л. Пепло, М. Фергюсоном. В

исследовании приняли участие 117 учеников 10-11-х классов московской общеобразовательной школы.

У всех опрошенных были выявлены адекватные уровни коммуникативности (согласно результатам применения опросника В.Ф. Ряховского).

Результаты корреляционного анализа с помощью критерия г-Спирмена показали наличие прямой корреляции между уровнем общительности и выбором копинг-стратегий «планирование решений» и «положительная переоценка» ($r=0,351$ и $r=0,239$ соответственно; $p \leq 0,01$). Это значит, что наиболее коммуникативные старшеклассники стремятся преодолеть трудные ситуации с помощью их рационального осмысления, планируя возможные варианты своего поведения на основе прошлого опыта. Кроме того, они рассматривают возникающие проблемы в качестве стимула для дальнейшего личностного роста. Многие исследователи считают упомянутые стратегии адаптивными, благоприятствующими конструктивному решению сложных ситуаций.

Выявлена обратная корреляция ($p \leq 0,01$) между уровнем общительности и выбором копинг-стратегий «дистанцирование» (стремление к субъективному снижению значимости проблемы и степени эмоциональной вовлеченности в нее, $r=-0,255$), «принятие ответственности» (самокритика, признание себя в качестве источника проблемы, возможно даже – самообвинение, $r=-0,257$), «избегание» (уход от проблемы или ее отрицание, выбор неадекватных способов ее решения, $r=-0,405$). В психологической литературе, как правило, перечисленные стратегии рассматриваются как недостаточно конструктивные, неадаптивные.

Чем выше уровень коммуникативного контроля, тем чаще старшеклассники выбирают стратегии дистанцирования ($r=0,196$; $p \leq 0,05$), конфронтации и избегания ($r=0,251$ и $r=0,308$ соответственно; $p \leq 0,01$), практическое применение которых во многих случаях непродуктивно. Возможно, выбор этих копингов связан с тем, что старшеклассники, в силу свойственных им возрастных особенностей, еще не чувствуют себя уверенными в применении более продуктивных стратегий поведения. В то же время, при высоком уровне коммуникативного контроля – то есть при развитой рефлексии и способности гибко реагировать на изменение ситуации – старшеклассники предпочитают уходить от решения проблем, либо преодолевать их с не всегда оправданным упорством, возможно даже агрессивно [1; 4].

Чем выше уровень субъективного ощущения одиночества, тем чаще старшеклассники выбирают копинг-стратегии «принятие ответственности» ($r=0,343$) и «избегание» ($r=0,476$). И реже – «планирование решений» ($r=-0,238$) и «положительную переоценку» ($r=-0,251$). Корреляции значимы на уровне $p \leq 0,01$. Как видно из полученных данных, при высоких уровнях ощущения одиночества старшеклассники выбирают способы решения трудных ситуаций, требующие исключительно индивидуальных действий. А их сверстники с невыраженным ощущением одиночества предпочитают копинг-стратегии, средства реализации которых не ограничиваются собственными усилиями. Следовательно, старшеклассники с развитыми коммуникативными способностями, умеющие выстраивать гармоничные отношения с другими людьми, чаще других своих сверстников выбирают конструктивные стратегии преодоления проблем.

Таким образом, эффективность копинг-стратегий у представителей старшей школы может быть повышена не только через развитие способности к саморегуляции, уверенности в себе, рефлексивности, но и благодаря приобретению навыков эффективного коммуникативного взаимодействия. С этой целью в работе со старшеклассниками могут использоваться различные виды психологической поддержки, в том числе – в форме групповых занятий, направленных на выработку навыков конструктивного поведения, способов реагирования в различных ситуациях. Развитие эффективных копинг-стратегий старшеклассника должно осуществляться благодаря повышению уровня стрессоустойчивости, саморегуляции эмоциональной сферы, рефлексии собственного и чужого опыта поведения в сложных ситуациях.

Литература

1. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
2. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома, 2007. 60 с.
3. *Морозова И.С., Колomeец Л.А.* К проблеме классификации стратегий осуществления выбора старшеклассниками //

Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 112-114.

4. *Пенькова В.Н.* Отношение к «своим» и «чужим» в подростковом и раннем юношеском возрастах // автореф. дисс. ... канд.психол.н. ПИ РАО. М., 2006.

Временная перспектива современных старших подростков на пути их профессионального самоопределения

Гриднева Д.А., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
grda.msk@gmail.com, nnvt@list.ru

Сегодня в России, в условиях быстрой смены технологий, особое внимание уделяется развитию практико-ориентированного образования. Все больше подростков после завершения неполного среднего образования идут учиться в колледжи и техникумы, находящиеся в системе среднего профессионального образования. Причиной этому могут быть сложные экзамены, которые подростки боятся сдавать после 11 класса школы, сюда же можно отнести отсутствие в школах профильных предметов и сильных учителей, неуверенность в возможности поступить на бюджетное место в вузе и т.д. В субъективном представлении некоторых сегодняшних подростков схема «школа – вуз – хорошая работа» больше не работает.

Актуальность изучения особенностей временной перспективы будущего в контексте выбора программы образования, профессиональной ориентации обусловлена существенными изменениями социокультурных условий для большинства российских старших подростков [1]. В этом возрасте становление личности важно не только для индивидуального развития самих подростков, но и находится под пристальным вниманием социума, ведь именно эти сегодняшние подростки в ближайшем будущем займут свои позиции на рынке труда, от них будет зависеть будущее страны.

Несмотря на свою актуальность, проблема особенностей выбора подростками программы образования на этапе завершения неполного среднего образования в современных реалиях остается недостаточно изученной. Наше исследование задумывалось с целью ответить на вопросы: в чем отличие жизненных планов подростков, которые

определились с будущей профессией и которые не определились? Различаются ли у них профили временной перспективы? Гипотеза исследования состояла в предположении о наличии существенных различий жизненных планов и временной перспективы у подростков, принимающих решение после окончания 9-го класса продолжить свое обучение в школе, и тех, кто планирует в дальнейшем учиться в колледже или техникуме.

Цель эмпирического исследования – выявить психологические характеристики временной перспективы личности подростков с разным пониманием своего профессионального будущего и проверить предположение о том, что профессиональные и образовательные планы составляют значительную часть временной перспективы будущего в старшем подростковом возрасте.

Исследование проводилось с января по апрель 2022 года. На данный момент в нем приняли участие 31 подросток 8 класса и 33 подростка 9 класса, обучающихся в общеобразовательных школах города Липецка.

Для изучения особенностей интенциональности личности подростка используется опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) [2], а также авторская анкета, направленная на определение степени сформированности образовательных планов и профессиональных предпочтений. Первоначально для изучения временной перспективы и жизненных планов планировалось использовать также методику А.М. Прихожан «Мечты, надежды, страхи и опасения» [3, с. 331-334], представляющую собой модификацию широко используемой практическими психологами пробы «Мечты и опасения», однако наш опыт показал, что хорошо работающая в процессе индивидуального консультирования методика оказалась непригодной для группового тестирования: многие подростки или не понимали инструкцию или вовсе не могли ответить на вопросы, включенные в методику.

Литература

1. *Бочавер А.А.* Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории / А.А. Бочавер, А.В. Жилинская, К.Д. Хломов // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. С. 31-38.

2. *Зимбардо Ф.*, Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь // Науч. ред. Ю.Б. Гатанов. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
3. *Толстых Н.Н., Прихожан А.М.* Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата / Н.Н. Толстых, А.М. Прихожан. М.: Издательство Юрайт, 2016. 406 с.

Проблема изучения отношения основных участников дорожного движения к дорожному законодательству

*Грушевский И.А., Кочетова Т.В.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
igrushevski@gmail.com*

Актуальность изучения отношения основных участников дорожного движения – водителей и пешеходов – к дорожному законодательству обусловлено наличием проблемы высокой смертности среди населения, связанной с авариями и дорожно-транспортными происшествиями. Приходится констатировать, что количественные показатели смертности, связанной с ДТП, продолжают оставаться на высоком уровне несмотря на предпринимаемые меры. При таких обстоятельствах любая работа, посвящённая изучению отношения к дорожному законодательству и соблюдению Правил дорожного движения, является бесспорно актуальной и значимой, в также вносит свой вклад в дело сохранения жизни и здоровья людей.

Обеспечение безопасности движения – это комплексная проблема, которая должна решаться с учетом всех аспектов: развития и дизайна дорожной сети; индивидуально-психологических особенностей участников движения; формирования и обеспечения соблюдения правил и норм на законодательном уровне; исполнения и обеспечения эффективного и безопасного трафика на уровне исполнительной власти, на уровне общества и общественного сознания, а также на уровне каждого индивида. Важно подчеркнуть, что более пристальный взгляд на роль социальной группы, которой принадлежит тот или иной участник дорожного движения, позволит детализировать изучаемую проблему, что, в свою очередь, приведет к выработке более дифференцированного подхода к ее решению.

В настоящее время мало внимания уделяется именно социальному аспекту, когда «человеческий фактор» требует детального исследования, в том числе, психологического.

Наиболее важной задачей, требующей решения, на наш взгляд, является именно взаимодействие участников трафика и определение их отношения к нормам дорожного законодательства. В этой связи подчеркнем, что понятие «отношение» является всеобщим, поскольку охватывает взаимосвязи и взаимозависимости огромного количества признаков и свойств объекта. В психологии понятие «отношения» занимает одно из центральных мест, потому как ни одна психологическая категория не рассматривается изолированно, все находится в отношениях со всем [4]. Наиболее полно понятия «отношений» были исследованы и описаны В.Н. Мясищевым, который отводил им роль наиболее важной категории для описания и понимания сущности личности в психологии. Мясищев утверждал, что «исходя из того, что понятие отношения несводимо к другим и неразложимо на другие, надо признать, что оно представляет самостоятельный класс психологических понятий» [2, С. 104]. Так, В.Н. Мясищев утверждал, что отношения личности – ее потребности, интересы, склонности – представляют из себя прежде всего результат взаимодействия человека с другими людьми, с окружающей средой, и результат того, насколько среда способствует развитию индивидуальных черт личности, в том числе и в области предметной деятельности человека.

Отношение к законодательным и социальным нормам можно интерпретировать как правосознание, которое представляет собой особую форму общественного и индивидуального сознания, представляющую собой совокупность идей, взглядов, чувств, традиций, переживаний, которые выражают отношение людей к правовым явлениям общественной жизни.

Эффективность права и его предписаний представляет собой многоплановый, многоаспектный феномен, характеризующийся различными формами выражения. Важнейшим аспектом этой эффективности является социальный. Именно социальная эффективность права отражает его значимость, действенность как социального регулятора, как регулятивной системы, регламентирующей совместную общественную жизнь людей и деятельность их объединений [1]. Право в этом контексте следует

рассматривать как универсальное средство упорядочения общественных отношений и социального контроля над отклоняющимся поведением. При этом соблюдение – это форма реализации права, при которой субъект строго следует установленным запретам, не совершает запрещенных действий. Реализация запрещающих норм – это воздержание субъектов от поступков, на которые нормой права наложен запрет [5].

Правила дорожного движения представляют собой свод правил, регулирующих обязанности участников дорожного движения (водителей транспортных средств, пассажиров, пешеходов и так далее), а также технические требования, предъявляемые к транспортным средствам, для обеспечения безопасности дорожного движения. В этом их назначение. Поэтому исследование отношения к дорожному законодательству в целом и к ПДД, в частности, должно производиться в первую очередь, исходя из их назначения [3].

Вышесказанное задает определенный «исследовательский вектор» и позволяет сформулировать цель исследования как изучение отношения водителей и пешеходов к Правилам дорожного движения, а также обозначить предметную область: отношение к ПДД водителей и пешеходов различных социальных групп.

Литература

1. *Безносков Д.С.* Психология и правосознание. М., 2021. 228 с.
2. *Кабанов М.М., Зачепицкий Р.А.* Научная деятельность В.Н. Мяснищева. СПб., 2015. С. 104.
3. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020) «О Правилах дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // *Собрание актов Президента и Правительства РФ.* 1993. № 47. ст. 4531
4. *Утлик В.Э.* Психологические особенности конфликтов в дорожном движении // *Инновации в образовании.* 2006. № 5. С. 120–131.
5. *Хусьяйнова С.Г., Кагамлык М.Ю.* Обеспечение законности в сфере создания и эксплуатации комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // *Законность.* 2020. № 7. С. 12–14.

Особенности мотивации сотрудников при разных стилях руководства в организации

*Давыдова Е.А., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
davydovaea@26kadr.ru*

Мотивация выступает как одна из основных детерминант поведения человека. Изучение мотивационной сферы человека, который занят трудовой деятельностью и, в частности, особенностей мотивации, давно является одной из центральных проблем в ряде наук [1; 2]. Сложность познания мотивации определяется различными подходами к ее исследованию, описывающими структуру, функции, динамику мотивации. Классические и современные теории Д. Адамса, К. Алдерфера, В. Врума, Ф. Герцберга, К. Замфир, Д. Макклеланда, А. Маслоу, У. Оучи, В.А. Ядова и др. не противоречат, а дополняют друг друга, отражая многогранность и нестандартность процесса мотивации.

Эффективность работы сотрудников организации определяется взаимодействием множества факторов. Результаты, которые могут быть достигнуты в процессе трудовой деятельности, зависят от профессиональных знаний, компетенций, специфических умений и навыков, а также от наличия мотивации, желания и стремления работать [3]. Это один из основных факторов профессионального роста личности, определяющийся сложной системой внешних и внутренних причин. Факторы, обуславливающие особое внимание к проблеме мотивации труда, можно условно разделить на две группы: экономические и социологические (удовлетворение материальных и духовных потребностей, внешних и внутренних потребностей). На мотивацию влияют структура организации, специфика операционных процедур, и конечно же, выбранный стиль руководства [3; 4; 5]. Изучению стиля руководства как феномена, оказывающего значительное влияние на мотивацию сотрудников организации, было посвящено множество исследований, в том числе, это работы Р. Блейка и Дж. Муттон, А.Л. Журавлева, Р. Лайкерта, К. Левина, Д. Макгрегора, А.А. Русалиновой, Ф. Фидлера и др., где так или иначе утверждается, что стили руководства являются важными предпосылками, особенно в том, что касается мотивации сотрудников, удовлетворенности и командной работы. Этим определяется актуальность исследования.

Целью исследования выступило выявление особенностей мотивации сотрудников в соответствии с разными стилями руководства в организации.

В качестве основной гипотезы исследования выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между мотивационным профилем сотрудников и стилем руководства в организации.

В исследовании приняли участие 59 сотрудников ГБПОУ города Москвы «Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинженеринга №26» (ГБПОУ «26 кадр»), занятые в двух отделах (мужчины и женщины в возрасте от 27 до 52 лет). В каждом отделе имеется прямой линейный руководитель. В этой связи выборка была разделена на подгруппы. Количественный состав первой подгруппы – 26 человек, второй – 24 человека.

Для изучения преобладающего стиля руководства применялась методика «Определение стиля управления персоналом» (адаптированный вариант экспертной методики В.П. Захарова). Для изучения мотивации сотрудников был применен тест мотивационного профиля личности, разработанный Ш. Ричи и П. Мартином, а также методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкиной).

Анализ полученных результатов показал, что в первой подгруппе большинство сотрудников считают, что преобладает либеральный стиль руководства (69%). Во второй группе преобладающий стиль руководства – авторитарный – 46%.

Обработка результатов мотивационной сферы сотрудников в зависимости от стиля руководства по профилю Ш. Ричи и П. Мартина сводилась к определению доминирующих потребностей, требующих удовлетворения в трудовой деятельности. В подгруппе сотрудников с преобладающим либеральным стилем руководства у сотрудников преобладают потребности в высокой заработной плате (27%) и в четком структурировании работы (27%). Потребность в завоевании признания отмечена у 19%. Потребность в достижении целей у 11%. По 2% сотрудников испытывают потребности, связанные с выполнением интересной и общественно полезной работы и разнообразия.

Результаты исследования мотивационно-потребностной сферы по методике О.Ф. Потемкиной в данной подгруппе позволили выделить у сотрудников с либеральным стилем руководства следующие социально-психологические установки: большая часть персонала

ориентирована на процесс работы (35%), их интерес к работе угасает из-за рутинности деятельности. 23% сотрудников стремятся к увеличению финансовой независимости. 15% имеют выраженные установки, связанные со свободой. 11% имеют ярко выраженный эгоизм, ориентированы на собственное благополучие. 8% желают доминировать, ценят власть. По 4% в данной подгруппе связывают свою мотивацию с результативностью профессиональной деятельности и ориентаций на труд.

С помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена были установлены статистически значимая отрицательная взаимосвязь между выраженностью либерального стиля руководства и потребностью в хороших условиях труда (-0,546), а также отрицательная взаимосвязь между потребностью в высокой заработной плате и внешней мотивацией (-0,537).

В подгруппе сотрудников с преобладающим авторитарным стилем руководства 38% также испытывают стремление к удовлетворению потребности в заработной плате, 25% – в возможности поддерживать стабильные взаимоотношения в коллективе, предполагающие определенную степень близости. 17% нуждаются в четком структурировании работы и испытывают потребность в снижении неопределенности директив. 8% получают удовольствие от социальных контактов с коллегами. По 4% сотрудников данной подгруппы нуждаются в признании заслуг и достижений со стороны коллег и руководителя, испытывают потребность во власти и влиятельности, ставят для себя сложные цели.

В данной подгруппе преобладающими установками в мотивационно-потребностной сфере являются те, что связаны с ориентацией на процесс и на деньги – по 29% соответственно. 21% сотрудников с преобладающим авторитарным управлением ориентированы на власть, именно желание доминировать является для них главной ценностью в профессиональной деятельности. 12% желают быть свободными в своих профессиональных обязанностях и решениях. 8% сотрудников ориентируются в трудовой деятельности на альтруизм, работая чаще всего в ущерб себе.

У данной группы респондентов были выявлены взаимосвязи между выраженностью авторитарного стиля руководства и потребностью в достижении цели (-0,438) и потребностью в креативной работе (-0,410).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что стиль руководства оказывает влияние на особенности

мотивации сотрудников организации. Чем более выражена либеральный стиль, тем менее удовлетворены сотрудники условиями труда, заработной платой и нацелены на факторы внешне обусловленной мотивации. Чем более выражен авторитарный стиль руководства, тем более сотрудники избегают достижения целей и творчески обусловленной трудовой деятельности.

Литература

1. *Воробьева М.А.* Особенности трудовой мотивации сотрудников образовательных организаций / М.А. Воробьева, М.Ю. Дворникова, Е.С. Журавлева, К.В. Терещенко // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С.74-80.
2. *Гордеева Т.О.* Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации [Электронный ресурс] / Т.О. Гордеева // СПЖ. 2016. № 62. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-novye-podhody-diagnostika-prakticheskie-rekomendatsii>
3. *Гюнтер Т.В.* Анализ мотивации персонала ООО «УК «Жилбытсервис» по методике Ш. Ричи и П. Мартина / Т.В. Гюнтер, И.А. Цветочкина // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2012. № 1-1. С. 69-73.
4. *Карпов А.Б.* Эволюция системных представлений о трудовой мотивации / А.Б. Карпов, М.В. Смирнова // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 70-83.
5. *Ковальчук А.И.* Современный стиль управления: особенности, перспективы и риски / А.И. Ковальчук, В.А. Цхай // Карельский научный журнал. 2020. Т.9. № 1 (30). С. 65-67.

Особенности детско-родительских отношений в семьях девочек-подростков с проблемами пищевого поведения

Даниленко О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
olgapositive@yandex.ru

Проблемы пищевого поведения в настоящее время выходят за рамки узкоспециализированной работы психолога-консультанта. Недовольство своим образом тела в сочетании с попытками

регулировать вес и контролировать питание отмечается во все более раннем возрасте. Это явление настолько распространено, что становится актуальным для психолога, работающего с детьми и подростками, в том числе, в школе или колледже [1; 2].

Сообщается о том, что проблемы нарушения формирования образа тела отмечаются уже у девочек в младшей школе, а иногда первые признаки возникают даже в 5-6 летнем возрасте [3]. И основным компонентом оценки образа тела для детей и подростков чаще всего является вопрос веса. Под влиянием современных социальных стереотипов, активно транслируемых СМИ, у детей и подростков формируется культ худобы как эталона красоты и благополучия, и все в более раннем возрасте у девочек возникает тревога о том, что им может угрожать набор веса. О расстройстве пищевого поведения (РПП) специалисты говорят тогда, когда наблюдается нарушенное отношение к питанию. В этом случае прием пищи перестает быть средством утоления голода, а сам процесс еды связан с тревогой.

Это всегда влечет за собой и физические проблемы, связанные со здоровьем, и нарушения в психическом, эмоциональном, состоянии ребенка. Расстройство пищевого поведения у ребенка нарушает нормальное функционирование его семьи, затрудняет функционирование в обществе (сложности с питанием в школе, при посещении гостей, на отдыхе в отеле и т.д.). Попытки ограничения питания обычно провоцируют срывы, усиливающееся недовольство собой, что может приводить к проявлениям аутоагрессии.

Сформировавшиеся нарушения пищевого поведения, например, в форме булимии или анорексии, являются сложными системными проблемами, трудно поддающимися лечению и коррекции, которые наносят большой ущерб как физическому здоровью, так и психическому благополучию подростка. Поэтому важна профилактика и раннее выявление имеющихся проблем [3].

Формирование индивидуальной модели пищевого поведения начинается с момента рождения и первого кормления, в нем отражается вся гамма формирующейся системы эмоциональной связи с матерью и стиль взаимодействия между родителями и ребенком в семье. Поэтому для эффективной профилактики важно изучать особенности детско-родительских отношений в семье подростка с признаками нарушений пищевого поведения.

Нами проведено исследование особенностей пищевого поведения у девочек-подростков 15-17 лет, 23 из них – студентки колледжа, 18 – учащиеся 9 и 10 классов общеобразовательной школы. Для оценки

особенностей пищевого поведения использовался опросник EAT-26, разработанный для первичной скрининговой диагностики и ориентации в пищевых установках. Результаты показывают, что для всех испытуемых характерна тревога по поводу возможного набора веса, озабоченность вопросами питания. Ответы участниц исследования показывают, что такую тревогу испытывают «часто» 61% опрошенных нами школьниц, «как правило» – 39%. Среди студенток «часто» – 33%, «как правило» – 66%. Подавляющее большинство учащихся колледжа и немного больше половины школьниц стараются ограничивать потребление сахара и пищи, содержащей много углеводов. Они сообщают, что расстраиваются, когда съедают что-то «неправильное», с их точки зрения. 80% учащихся колледжа и 75% школьниц считают для себя важным проявлять самоконтроль в вопросах питания.

На основании степени выраженности озабоченности проблемами питания и признаков нарушений пищевого поведения все испытуемые были разделены на группу относительно благополучную (58% опрошенных) и ту, в которой проблемы достигали пограничного уровня (42%). В обеих группах было проведено исследование особенностей детско-родительских отношений с помощью опросника «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана) и изучены семейные особенности пищевого поведения с помощью авторской анкеты.

Исследование позволило сделать следующие выводы. Обнаружена достоверная связь с выраженностью напряжения, связанного с пищевым поведением, шкал, описывающих поведение матери: «позитивный интерес» и «враждебность» на уровне значимости $p < 0,01$, на уровне значимости $p < 0,05$ со шкалами «директивность матери», «непоследовательность матери». По отношению к отцу выявлена обратная связь на уровне $p < 0,01$ выраженности по шкале «позитивный интерес» и прямая «враждебность». Чем сильнее выражены признаки РПП у девушек, тем больше они оценивают своего отца как критикующего и не проявляющего интереса к их жизни и проблемам. Таким образом, чем сильнее выражены проблемы в пищевом поведении, тем чаще подростки определяют отношение матери как враждебное, критикующее и холодное. При этом отцовское отношение часто воспринимается как отстраненное, без глубокого внимания к переживаниям дочери, а также критичность по отношению к ней. В ответах на вопросы анкеты достоверно чаще в семье у девушек с большей выраженностью проблем пищевого

поведения отсутствует традиция совместного приема пищи, прием пищи может сопровождаться неприятным разговором, родители чаще критикуют внешность дочери, отец может иронично высказываться о ее весе и внешности, матери на уровне $p < 0,05$ чаще сами озабочены проблемами веса и используют диеты для контроля веса. Также более 70% подростков в обеих группах указывает на то, что не могут поделиться своими тревогами по поводу питания и веса с мамой или другими членами семьи и ищут информацию в интернете, 36% обсуждают проблему с близкой подругой.

Важно отметить, что проблема по поводу веса оказалась актуальной для всех участвовавших в исследовании подростков. Можно сделать вывод, что прием пищи для современных девочек-подростков часто сопровождается тревогой и внутренней борьбой. Больше половины испытуемых находятся в зоне риска развития расстройств пищевого поведения. Особенности взаимоотношений с матерью во многих семьях являются дополнительным фактором риска. При этом сами матери часто подвержены тревоге по поводу веса и испытывают тревогу по поводу собственного питания и пищевого поведения своих детей. Половина семей относительно благополучной группы и почти 80% группы с риском формирования пищевых нарушений редко практикует совместный прием пищи. Можно предположить, что родители, наблюдая формирующиеся проблемы пищевого поведения дочерей, реагируют раздражением, пытаются оказывать давление, критикуя подростка, что приводит к отдалению, потере контакта и усугублению проблем. Родители, особенно матери, сами нуждаются в помощи для налаживания системы пищевого поведения всей семьи и для того, чтобы быть готовыми оказывать поддержку своим подрастающим дочерям. Большинство девочек-подростков остаются в одиночестве перед проблемами с пищевым поведением. Неправильная информация из сомнительных источников может угрожать здоровью и даже жизни. В психологическом сопровождении детей и подростков, а также их семей, важно уделять больше внимания вопросам профилактики проблем пищевого поведения.

Литература

1. *Даниленко О.В.* Опыт ведения онлайн группы для подростков из трудной жизненной ситуации в условиях самоизоляции / В сборнике: Социальная психология: вопросы теории и

- практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М., 2020. С. 173-174.
2. Павлова Н.В., Филиппова Е.В. Взаимосвязь пищевого поведения и формирования образа тела у детей и подростков в контексте детско-родительских отношений [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4. С. 32-44. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090403>.
 3. Tremblay L.G., Limbos M. Body Image Disturbance and Psychopathology in Children: Research Evidence and Implications for Prevention and Treatment // Current Psychiatry Reviews February, 2009. 5(1):62-72. DOI:10.2174/157340009787315307.

Гендерно-ролевые представления студентов разного пола

Даниленко О.И., Нигоренко Е.Н.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

danilenko.olga@gmail.com, st070369@student.spbu.ru

Гендерно-ролевые представления личности обуславливают социальные ожидания и готовность субъекта вести себя определенным образом в соответствии с нормами и правилами поведения, характерными для представителя конкретного пола. На формирование и трансформацию гендерных ролей влияют экономические, социальные и культурные факторы. Долгое время в обществе главная роль отводилась мужчинам; женщинам в большинстве случаев социального взаимодействия предписывалось подчинение мужчине. Такая модель взаимодействия признает гендерное неравенство и поддерживает дифференциацию гендерных ролей. В современном мире ситуация постепенно меняется в сторону все большего признания гендерного равенства. При этом «представления о гендерных отношениях, существующие в различных сферах жизни, трансформируются медленно и крайне неравномерно» [2, с. 115]. Люди, принадлежащие к разным группам, обладающие разным культурным опытом, склонны в большей или меньшей степени принимать традиционные или современные модели гендерного поведения. Существенные расхождения позиций чреваты конфликтами в ситуациях межличностного взаимодействия. Этим объясняется значимость поиска факторов, определяющих отношение к

традиционным и современным моделям гендерного поведения. Такими факторами, в частности, являются возраст и биологический пол субъекта.

Цель нашего исследования – выявить различия представлений о гендерных ролях у студентов разного пола. Проверялась гипотеза: студентки более позитивно относятся к современным гендерно-эгалитарным представлениям, чем студенты мужского пола. В исследовании приняли участие 104 человека, из них 39 мужчин и 65 женщин в возрасте от 18 до 24 лет; средний возраст мужчин 21 год, женщин – 20 лет. Эмпирические данные собраны посредством адаптированного для российской выборки [1] краткого варианта шкалы полоролевых представлений Gender Role Belief Scale (GRBS). Методика создана американскими психологами М. Brown и N. Gladstone в 2012 году. Опросник включает десять утверждений, степень согласия с которыми респондент отмечает по шкале Лейкерта. Методика позволяет получить количественный показатель полоролевых представлений от 10 до 70 баллов, причем чем больше сумма баллов, тем больше склонен субъект принимать современные представления о гендерных ролях. Наряду с этим показателем опросник позволяет получить данные по двум субшкалам. Показатель первой субшкалы свидетельствует о степени принятия респондентом современных полоролевых предписаний в отношении роли женщины в профессиональной и семейной жизни. Показатель второй субшкалы говорит о степени принятия современных моделей гендерного поведения в повседневной жизни; на наш взгляд, этот показатель свидетельствует об отношении к гендерному этикету. Сбор эмпирических данных получен посредством google-формы опросника. Участие респондентов было добровольным и анонимным. Для обработки полученных данных использовались описательные статистики и непараметрический критерий U-Манна-Уитни для двух независимых выборок. Вычисления производились на базе программы IBM SPSS.

Результаты исследования. Средняя сумма баллов по шкале полоролевых представлений для общей выборки 47,15 баллов. Авторы русскоязычной версии методики приводят средние значения для разных возрастных групп, полученные в процессе валидации методики; для диапазона от 18 до 25 лет оно максимально и составляет 31,3 балла [1, с. 191]. Респонденты нашей выборки – студенты вузов – проявили значительно более высокую степень принятия современных гендерно-ролевых представлений, по

сравнению с выборками, где участвуют люди более старших возрастов и с разным образовательным цензом. Сравнение показателей субшкал обнаружило существенные различия: уровень одобрения современных представлений о распределении гендерных ролей в профессиональной и семейной сферах значительно выше, чем в сфере повседневного взаимодействия, где действуют традиционные правила гендерного этикета (27,45 против 19,55 баллов).

Сравнение показателей, характеризующих представления о гендерных ролях в подвыборках мужчин и женщин обнаружило наличие статистически значимых различий. У женщин показатели общей шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) выше, чем у мужчин ($p < 0,05$). Это свидетельствует в пользу гипотезы нашего исследования: студентки более позитивно относятся к современным гендерно-эгалитарным представлениям, чем студенты мужского пола.

Выявлены различия в показателях первой субшкалы опросника: в женской подвыборке они выше ($p < 0,05$). Женщины в большей степени соглашаются с современными представлениями об эгалитарном распределении гендерных ролей в профессиональной и семейной жизни, чем мужчины. Что касается второй субшкалы, различий в показателях, характеризующих представления о современных моделях гендерного этикета у мужчин и женщин, не обнаружено.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Показатели как мужской, так и женской частей нашей выборки свидетельствуют о более высокой степени принятия студентами современных гендерно-ролевых представлений по сравнению с традиционными представлениями о содержании гендерных ролей. При этом женщины, по сравнению с мужчинами, более позитивно оценивают современные эгалитарные представления о гендерных ролях, и прежде всего в сфере профессиональной и семейной жизни.

Литература

1. Мдивани М.О., Лидская Э.В. Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 185-195.
2. Нечаева Н.А. Представления студенческой молодежи о гендерных семейно-брачных отношениях // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / Под ред. И.И.Елисейевой. СПб., 2018. С.114-141.

К вопросу об изучении паттернов детско-родительской коммуникации в межкультурных семьях

*Данилова Е.А., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
DanilovaLiza2012@yandex.ru*

Глобализация сегодня оказывает существенное влияние на частоту и качество выстраивания коммуникации между представителями разных культур. Языковые и религиозные барьеры, благодаря повсеместному распространению доступа в интернет и повышению уровня доступности образования, начинают стираться и уже не представляют из себя серьезных препятствий для налаживания близкого контакта в рамках межнациональных и межэтнических отношений. Все это не могло не повлиять на учащение случаев межкультурных браков и выработку в современном российском обществе толерантности к возможности подобных союзов. В связи с этим, как никогда остро встает вопрос о воспитании детей, рожденных в обстановке пересечения нескольких культурных контекстов, в том числе, и воспитательных.

Отношения в любой семье регламентированы целым рядом паттернов (от англ. pattern – образец, шаблон) – определенных наборов поведенческих реакций на определенную ситуацию, формируемых в процессе обучения и воспитания и представляемых конкретными шаблонами общения с внешним миром, сознательными и бессознательными. Следует заметить, что для тесного общения внутри малой социальной группы (в данном случае – семьи) наиболее подходящим становится понятие паттернов коммуникации или паттернов коммуникативного типа, т.е. конкретных мимических, интонационных, жестикоуляционных и вербализованных типов, используемых человеком при коммуникации с определенными собеседниками [1]. Они призваны пунктировать поведение супругов и их детей, устанавливать границы дозволенного и обозначать реакцию индивидов на интеракции коммуницирующего.

Актуальность данной работы заключается в необходимости определить специфику паттернов детско-родительской коммуникации в межкультурных семьях и проанализировать признаки их отличий от шаблонов поведенческих реакций, характерных для монокультурных семей. Это позволит расширить инструментарий для дальнейших

исследований в данной области, а также модифицировать комплекс методик по проработке детско-родительских отношений в малоизученной специфике межкультурных семей.

Цель работы: рассмотреть теоретический пласт исследований феномена паттернов детско-родительской коммуникации и проанализировать способы его применения к специфике межкультурных семей.

Гипотезы исследования:

1. на паттерны детско-родительской коммуникации, возникающие в межкультурных семьях, оказывает влияние как специфика феноменов паттернов коммуникации и межкультурной коммуникации, так и совокупность межкультурных различий (в том числе, и в том, что касается вопросов воспитания ребенка) между родителями, принадлежащими к различным этническим группам;

2. анализ паттернов детско-родительской коммуникации в межкультурных семьях требует применения иного комплекса методик, чем исследование паттернов детско-родительской коммуникации в монокультурных семьях.

В проведенной нами работе была использована обширная теоретическая база, состоящая из исследований Г. Бейтсона, П. Вацлавика, И.В. Денисова, Г.М. Сучковой, Т.Г. Стефаненко, А. Черникова и т.д. На основании анализа данного материала, нами были выявлены следующие особенности в теоретических и в методических подходах к рассмотрению особенностей паттернов детско-родительской коммуникации, а также к рассмотрению специфики межкультурной коммуникации.

1. Выделение нескольких типов паттернов коммуникации (симметричных, комплиментарных и метакомплиментарных) [3] по принципу стремления к максимизации или минимизации различий между коммуницирующими свидетельствует о том, что на сложность их структур оказывают прямое влияние как выраженные особенности характера индивида, так и его социальные представления, этническая принадлежность и пр. Это коррелирует со спецификой межкультурной коммуникации, подразумевающей осознание (со стороны обоих собеседников) культурных различий между друг другом [4].

2. Процесс этнической социализации (инкультурации) ребенка напрямую сопоставлен с этапами развития его психики, т.е. и с формированием детско-родительских отношений [2]. Семья, таким

образом, становится основополагающим социальным институтом этнической социализации.

3. Паттерны детско-родительской коммуникации находятся в прямой зависимости от трех основных типов детско-родительских отношений: типа излишней вовлеченности, типа излишней отстраненности и оптимального типа. При этом в случае с межкультурной семьей на тип воспитания оказывают влияние не только разница в том, как был воспитан каждый из родителей, но и специфический подход к воспитанию, формируемый внутри их культуры.

Из этого следует, что проведение качественных и количественных исследований в этом отношении требует расширения инструментария специалиста. Нами предлагается применение совокупности следующих методик.

1. Аддитивная методика «Незаконченные предложения», разработанная Дж. М. Саксом и С. Леви.

2. Методика «Кто Я», предложенная М. Куном и Т. Мак-Партландом.

3. Методика этнической аффилиации (Г.У. Солдатова и С.В. Рыжова).

Применение указанных методик позволит составить представление об осознаваемых и неосознаваемых установках человека, провести анализ его отношения к разным сторонам собственной социальной жизни, выявить ряд содержательных характеристик идентичности личности, а также уровень выраженности его идентификации со своей культурой. Это даст возможность в полной мере оценить специфику паттернов детско-родительской коммуникации в межкультурных семьях и, вероятно, может стать подспорьем для дальнейших исследований в этом направлении, требующем комплексного подхода.

Литература

1. *Вацлавик П.* Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон; пер. с англ. И. Авидон, П. Румянцева. СПб., 2000. 300 с.
2. *Черников А.* Системная семейная психотерапия: Интегративная модель диагностики. М., 2001.
3. *Денисова И.В., Еременко А.П.* Типы межкультурных коммуникаций // IV Международная студенческая

электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15 февраля – 31 марта 2012 года. 2012.

4. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. М.: Аспект Пресс, 2003. 368 с.

Использование гаджетов детьми с детским церебральным параличом и умственной отсталостью

Денисенкова Н.С., Вурзель А.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nataliya-denisenkova@yandex.ru, vurzela@mail.ru

В последние десятилетия учеными активно обсуждается и изучается проблема цифровой социализации. Сегодня ребенок очень рано погружается в мир цифровых технологий, иногда опережая родителей в освоении компьютерных технологий. Исследования показывают, что современный ребенок все больше информации черпает из цифрового контента, меньше времени общается со взрослыми. У детей появляется новый вид деятельности, в котором взрослый уже не играет главную роль. В то же время использование цифровых устройств помогает в развитии таких процессов как внимание, образное и логическое мышление [2; 3; 4; 5; 6].

Большинство исследователей изучают влияние гаджетов на жизнь современного нормотипичного ребенка, в то время как использование цифровых устройств дети с особыми образовательными потребностями рассматривается редко. В то же время для таких детей цифровые устройства нередко становятся средством общения и обучения.

Мы поставили перед собой цель изучить, как дети с особыми образовательными потребностями (ДЦП и умственной отсталостью) используют гаджеты и как их родители проводят мониторинг этого процесса.

В исследовании использовался опросник «Регламент использования ребенком гаджетов» (М.В. Борцов, С.Д. Некрасова) [1]. В нем приняли участие 54 родителя, воспитывающих детей с ДЦП и умственной отсталостью и их дети в возрасте от 2 до 7 лет.

Анализ ответов родителей показал, что дети раннего и дошкольного возраста чаще всего смотрят телевизор (64,8%), планшетом и смартфоном пользуются около половины респондентов (50%), компьютером – 29,6%, игровой приставкой – 5,5%.

При этом большинство детей используют сразу два гаджета (44,4%) и только два ребенка не используют гаджеты (3,7%).

В основном цифровые устройства используются для просмотра мультфильмов (57,4%) и развивающих занятий (25,9%), также дети слушают музыку, смотрят видео и играют в игры.

Большая часть родителей контролируют процесс использования гаджетов. 55,5% детей используют устройства в присутствии родителей, 14,8% совместно с сиблингами или другими взрослыми (бабушки, дедушки, няни).

Время использования цифровых устройств распределилось следующим образом.

Больше всего времени дети проводят за просмотром телевизора. За просмотром мультфильмов и видео контента в будние дни дети проводят в основном до 5 часов – 64,8% (27,8% до 5 часов, 37% до 2,5 часов) и примерно 35% детей проводят перед экраном до 10 часов и больше. В выходные дни примерно 50% детей тратят на просмотр видео до 2 часов и столько же детей до 4 часов и больше.

Гаджеты используются для игры или развивающих занятий значительно реже: в будни: 20,3% – не используют совсем, 48,1% – используют до 2,5 часов, 16,7% до 5 часов, а 10 часов и более всего 14,7%; в выходные примерно такая же статистика, 18,5% – не используют, 46,2% – до часа и 35% от 2 до 4 часов.

Родители активно используют гаджеты в воспитательных целях. Примерно в половине случаев используют гаджеты как средство поощрения или наказания (49%). При этом делают это редко около 38% родителей и от 6 до 11% часто используют гаджеты как средство стимуляции (чаще как наказание).

Итак, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что дети раннего и дошкольного возраста с ДЦП и умственной отсталостью активно используют гаджеты как для развлечения (просмотра мультфильмов, видеоигр и др.) и в развивающих целях. Пассивное экранное время (просмотр мультфильмов и т.д.) доминирует над активным (развивающими занятиями и др.). Родители сами участвуют в использовании гаджетов и используют их в воспитательных целях.

Ограничением нашего исследования является отсутствие сравнительного анализа использования гаджетов нормотипичными детьми и детьми с особыми образовательными потребностями. Мы продолжим наше исследование именно в этом направлении.

В заключении можно сказать, что использование цифровых устройств детьми с особыми образовательными потребностями и

участие в этом их родителей оказалось значительным по времени и разнообразным по содержанию. Следовательно, очень важно учитывать потребности данной аудитории при создании контента для цифровых устройств. Таким образом можно помочь таким семьям развивать и социализировать ребенка с особыми образовательными потребностями.

Литература

1. *Борцова М.В., Некрасов С.Д.* Ребенок и гаджеты: практикум. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
2. *Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А., Алмазова О. В.* Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 106-132.
3. *Денисенкова Н.С., Красило Т.А.* Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации // Современное дошкольное образование. 2019. №6 (96). С. 50-57
4. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т.9. №3. С. 71–80.
5. *Эльконин Б.Д.* Кризис детства и основания проектирования форм детского развития [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1992. №3. С. 7–13.
6. Балашова Е. Специфика родительских отношений к детям в условиях киберсоциализации. <https://www.kommersant.ru/doc/4323118>.

Использование цифровых устройств дошкольниками самостоятельно и в сопровождении взрослых

Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nataliya-denisenkova@yabdex.ru, taruntaev.pavel@mail.ru

Взрослые играют важную роль в освоении ребенком цифровых технологий, так как именно они организуют первичную домашнюю «цифровую» среду и помогают ребенку осваивать ее, отбирая для

определенное медиа-содержание [2; 5; 7]. Кроме того, родители активно осуществляют мониторинг детской медиа-активности, применяя различные стратегии посредничества детской медиа-активности (“Parental mediation”), которые включают применение ограничений по времени и содержанию использования цифровых устройств, обсуждение содержания различных медиа-продуктов и совместное использование цифровых устройств в различных целях.

Целью нашего исследования был сравнительный анализ цифровой активности детей, использующих цифровые устройства самостоятельно и детей, использующих их в сопровождении взрослого, а также сравнение характеристик детско-родительских отношений этих групп детей. Наша гипотеза состояла в том, что между детьми, использующими цифровые устройства самостоятельно и в сопровождении взрослого существуют значимые отличия по цифровой активности и характеристиках детско-родительских отношений.

Исследование проводилось в пяти детских садах г. Москвы и Московской области. Выборка состояла из 363 детей старшего дошкольного возраста (5-7 лет) (225 мальчиков и 138 девочек) и их матерей. Нами использовались: «Регламент использования ребенком гаджетов» (М.В. Борцов, С.Д. Некрасова) [1]; опросник позиции родителей по отношению к психическому развитию детей (Е.Л. Пороцкая и В.Ф. Спиридонов) [3]; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» в детском варианте (3-10 лет) (Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис) [4]; родительское посредничество медиа-активности ребенка (Г. Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас) [6].

Опрос показал, что самостоятельно цифровые устройства используют 51,2% детей, а в сопровождении взрослого – 48,8% детей.

Для сравнения двух групп детей по времени, которое они проводят перед экранами цифровых устройств, нами использовался t-критерий Стьюдента. Результаты показали, что дети значимо ($p < 0.001$) отличались по времени, которое они проводили перед экранами цифровых устройств. Экранное время у детей, которые использовали цифровые устройства самостоятельно ($M=16,2$; $SD = 9,7$), больше, чем у детей, использующих цифровые устройства в сопровождении взрослых ($M=10,5$; $SD = 6,8$).

Были получены результаты, свидетельствующие и о разнице в потребляемом медиа-контенте дошкольников.

Дети, использующие цифровые устройства самостоятельно, чаще смотрят блоггеров (67%), чаще играют в Аркады (68,2 %) и чаще

играют в Майнкрафт (64,2%) по сравнению с детьми, которые используют цифровые устройства в сопровождении. Также дети, использующие цифровые устройства самостоятельно, реже смотрят зарубежные полнометражные мультфильмы (Дисней, Пиксар и др.) (31,0%) и мультфильмы с участием супергероев (Человек-паук, Бэтмен) (35,5%) по сравнению с детьми, использующими цифровые устройства в сопровождении взрослых.

Нами также были получены различия в характеристиках детско-родительских отношений детей, использующих цифровые устройства самостоятельно и в сопровождении взрослого.

Для сравнения двух групп родителей по уровню принятия необходимости своего участия в развитии ребенка использовался *t*-критерий Стьюдента. Родители, сопровождающие активность ребенка в цифровом устройстве, имеют более высокий балл по шкале «активности» ($M=7$; $SD=4.10$) по сравнению с родителями, предоставляющие ребенку возможность использовать цифровые устройства самостоятельно ($M=5.5$; $SD=4.6$).

Также нами были получены значимые отрицательные корреляционные связи между применением родителями различных стратегий посредничества медиа-активности и шкалой гипопротекции *r* Спирмена= $-0,35$ при $p<0.01$.

Таким образом, полученные данные позволяют подтвердить нашу гипотезу. Дети, использующие цифровые устройства самостоятельно, больше времени проводят перед экраном цифровых устройств и чаще выбирают определенные медиа-продукты по сравнению с детьми, использующих цифровые устройства в сопровождении взрослого. Родители, предоставляющие ребенку возможность использовать цифровые устройства самостоятельно, менее вовлечены в процесс развития ребенка. Также, если ребенок находится на периферии внимания родителя, то он менее вовлечен в процессы посредничества детской медиа-активности, меньше ограничивает ребенка в использовании цифровых устройств, меньше обсуждает с ребенком различный медиа-контент и реже использует цифровые устройства в совместной активности.

Литература

1. Борцова М. В., Некрасов С. Д. Ребенок и гаджеты: практикум. Краснодар, 2020.

2. *Денисенкова Н.С., Красило Т.А.* Развитие дошкольников в эпоху цифровой социализации // Современное дошкольное образование. 2019. №6(96). С. 50–57. DOI: 10.24411/1997-9657-2019-10058.
3. *Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф.* Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии. 2004. №. 4. С.31-39.
4. *Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. СПб, 2002.
5. *Nikken P.* (2017) Parental Mediation of Media. The International Encyclopedia of Media Effects. Rössler P., Hoffner C.A., Zoonen L. (eds.). Willey-Blackwell. 2017. DOI:10.1002/9781118783764.wbieme0204.
6. *Nimrod, G., Elias, N., and Lemish, D.* (2019). Measuring mediation of children’s media use. Int. J. Commun. 13, 342–359.
7. *Wood E., Petkovski M., De Pasquale D., Gottardo A., Evans M.A. and Savage R.S.* (2016) Parent Scaffolding of Young Children When Engaged with Mobile Technology. Front. Psychol. 7:690. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00690.

К вопросу взаимосвязи компонентов трудового потенциала сотрудников со стилем управления руководителя

Дмитриева О.П., Ковалева Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
o.dmitrieva@group-msc.ru

В экономически развитых странах уже не первое десятилетие компании сталкиваются с дефицитом кадров, и понятие «Война за таланты», введенное Эдвардом Майклз – директором McKinsey & Company в 1997, становится актуальной и для Российской действительности. Актуальной является проблема дефицита трудовых ресурсов в развивающейся экономике России, которую можно попробовать решить при помощи развития имеющегося трудового потенциала сотрудников [2].

Понятие трудовой потенциал в большей степени рассматривается в смежных науках, таких как экономика, социология, менеджмент, и имеет различные определения. Попытку дать определение данному феномену и выделить компоненты осуществляют в своих трудах Ю.Г.

Одегов и П.В. Журавлев [1], Н.И. Шаталова [3], Т.В. Хлопова [4]. Несмотря на разнообразие подходов, под трудовым потенциалом в самом общем виде понимаются такие свойства и возможности личности, которые могут реализоваться во взаимоотношениях между ним и окружающим миром, прежде всего, организацией. Трудовой потенциал, по мнению большинства исследователей, включает следующие компоненты: психофизиологический, профессионально-квалификационный и мотивационные блоки.

По итогам проведенного анализа литературы мы отметили, что тема трудового потенциала на данный момент крайне мало раскрыта с точки зрения эмпирических исследований. Именно поэтому мы решили в нашей работе уделить внимание не просто феномену трудового потенциала персонала, а взаимосвязи с внешними факторами в рамках организации. Социально-психологические процессы, протекающие в организациях, раскрываются через множество переменных, и нами был выбран процесс, связанный с управленческой деятельностью, а именно стиль руководства.

Цель нашего исследования – выявить взаимосвязь компонентов трудового потенциала сотрудников со стилем руководства.

Нами был определен следующий методический инструментарий: опросник оценки вовлеченности Gallup – Q12; методика диагностики профессионального выгорания (Маслач, Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой); методика А.Л. Журавлева «Стиль руководства»; методика «Самооценка стиля управления» Е.П. Ильина, опросник «Самооценка стиля руководителя LBAII Self», разработанный The Ken Blanchard Companies.

Наше исследование проводилось в трех коммерческих организациях, в нем приняло участие 96 сотрудников и 15 руководителей из разных департаментов.

Опросник «Стиль руководства» и «Самооценка стиля управления» позволили нам определить соответствие представлений сотрудников и руководителей о стиле управления в каждом подразделении. Было выделено две группы: сотрудники, чье восприятие стиля управления соответствует самооценке руководителя, и чье не соответствует. Выявлены статистически значимые различия уровня вовлеченности ($p=0,015$) и уровня психологического выгорания ($p=0,0001$) в данных группах. У сотрудников, у которых согласовано восприятие стиля управления с самооценкой руководителя, уровень вовлеченности выше, а уровень выгорания ниже.

Для сравнения уровня вовлеченности сотрудников в отделах с разными стилями управления применялся критерий U-Манна-Уитни, где попарно сравнивались директивно-коллегиальный, коллегиальный и смешанный стили управления. Были выявлены значимые различия ($p=0,029$) уровня вовлеченности сотрудников в отделах, где руководители используют коллегиальный и директивно-коллегиальный стиль управления, а также тенденция к значимым различиям ($p=0,098$) с коллегиальным и смешанным стилем управления. Во всех случаях уровень вовлеченности выше в отделах с коллегиальным стилем управления. Также выявлено отсутствия значимых различий в уровне вовлеченности ($p=0,63$) у сотрудников в отделах с директивно-коллегиальным и смешанным стилем управления.

Похожая тенденция прослеживается при сравнении уровня психологического выгорания сотрудников. Были выявлены значимые различия ($p=0,007$) между уровнем психологического выгорания у сотрудников и коллегиальным и директивно-коллегиальным стилем управления, а также тенденция к значимым различиям ($p=0,075$) с коллегиальным и смешанным. Во всех случаях с коллегиальным стилем управления уровень психологического выгорания ниже. С директивно-коллегиальным и смешанным стилем управления статистически значимых различий уровня психологического выгорания не выявлено ($p=0,671$).

Корреляционный анализ показал, что существует взаимосвязь между уровнем вовлеченности и всеми компонентами психологического выгорания (эмоциональным истощением, деперсонализацией, редукцией личных достижений). С эмоциональным истощением и деперсонализацией личности обнаружена слабая обратная связь ($p=0,01$, $r=-0,269$, $p=0,045$, $r=-0,211$), а взаимосвязь с редукцией личных достижений ($p=0,0001$) прямая и умеренная ($r=0,437$). Шкала в редукции достижений обратная. Можно сделать вывод, что чем больше сотрудники чувствуют свою компетентность и продуктивность, тем выше вовлеченность. Но взаимосвязи со стажем работы сотрудников на должности и вовлеченностью не было обнаружено ($p=0,413$).

Опросник «Самооценка стиля руководителя LBAII Self» позволил выявить уровень гибкости в управлении руководителей. При проведении корреляционного анализа удалось выявить прямую слабую взаимосвязь ($p=0,022$, $r=0,239$) между гибкостью руководителя и стажем работы сотрудников в организации. Взаимосвязи между

гибкостью и уровнем вовлеченности, а также уровнем психологического выгорания не выявлены ($p=0,262$ и $p=0,226$).

Подводя итоги нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что работа с трудовым потенциалом персонала – сложный и многогранный процесс, в котором должны быть учтены как особенности самого сотрудника, так и стили руководства, которые необходимо адаптировать под задачи и особенности сотрудника.

Литература

1. *Одегов Ю.Г., Журавлев П.В.* Управление персоналом – М., 1997.
2. *Погодина А.В.* Социально-психологическое обеспечение формирования и развития организационной культуры. Учебное пособие. М.: МГППУ, 2010.
3. *Шаталова Н.И.* Трудовой потенциал работника: Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
4. *Хлопова Т.В.* Развитие трудового потенциала и конкурентоспособность работников в современных условиях. Иркутск, БГУЭП, 2004.

Представления о ценностях супружества, родительства и родства у людей, относящихся к различным поколениям

Дубовских Ю.В., Чикер В.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

dubovskikh@yandex.ru, vchiker@yandex.ru

Мы живем в изменяющемся мире и неизбежно наблюдаем трансформацию форм и функций семьи, модификацию семейных отношений. Ценности являются основой социальных институтов и выступают причиной изменений в обществе [1]. Таким образом исследование структуры семейных ценностей представителей различных поколений является актуальной задачей. Мы опираемся на подход К. Маннгейма, по мнению которого «поколение объединяет людей, переживших некий эпохальный значимый исторический опыт ... причем совместное переживание этого опыта порождает поколенческие синдромы, то есть схожую реакцию, которая затем

проявляется на протяжении всей последующей жизни...» [цит. по 2, с. 5].

Цель нашего исследования – выявление различий в семейных ценностях представителей различных поколений. Мы предположили, что семейные ценности родства наиболее выражены у представителей поколения бэби-бумеров, а ценности родительства и супружества наименее выражены у представителей поколения Y.

В исследовании приняли участие 100 респондентов, среди них 23 человека из поколения Бэби-бумеров, 1944-1963 г.р. (6 мужчин, 17 женщин); 49 человек из поколения X, 1964-1985 г.р. (17 мужчин, 32 женщины); 28 человек из поколения Y, 1986-2002 г.р. (8 мужчин, 20 женщин), классификация и временные границы поколений основаны на теории В. Штрауса и Н. Хоува [2].

Использовались опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) А.Н. Волковой, имеющий 7 шкал семейных ценностей; методика А. Эллиса, исследующая иррациональные установки, а также авторская методика незаконченных предложений, для изучения представлений о ценностях супружества, родительства, родства. Ответы на открытые вопросы методики незаконченных предложений обрабатывались методом контент-анализа с привлечением независимых экспертов. Значимость различий распределения выявленных категорий ответов в каждом поколении определялась методом математической статистики с использованием критерия χ^2 . Ниже представлены основные результаты, полученные при помощи этой методики.

Выявлены следующие значимые отличия ($p < 0,01$) в представлениях о супружестве. Для большинства представителей поколения бэби-бумеров супружество ассоциируется с такими позитивными понятиями, как поддержка, любовь, жизнь, ценность, что говорит о высокой значимости для них супружества. Представители поколения X воспринимают супружество как источник поддержки, любви и эмоций, но также осознают, что это труд и работа по выстраиванию отношений. Для многих представителей поколения Y супружество – «этап и формальность» и «обременение и обуза». Представители поколения бэби-бумеров считают, что женщина в семейных отношениях более всего ожидает от партнера любви, представители поколения X полагают, что это поддержка и эмоциональная близость, а представители поколения Y – поддержка и забота. Честность и верность в отношениях наиболее значима для представителей поколения бэби-бумеров.

Статистически значимо различаются распределения ответов на вопрос об отношении к родственникам ($p < 0,05$). Подавляющее большинство представителей поколения бэби-бумеров называют свои отношения с родственниками хорошими; нет респондентов, указавших на прохладность отношений. В поколении X и в поколении Y меньше доля тех, кто называет свои отношения хорошими, и есть респонденты, характеризующие отношения как прохладные.

Выявлены статистически значимые различия в распределении ответов на вопрос: «Я бы не хотел, чтобы мой ребенок...» ($p < 0,01$). Для поколения бэби-бумеров в воспитании детей наиболее актуальна ценность безопасности и физического благополучия, а для представителей поколения X важно, чтобы ребенок не был бездушным и одиноким; у представителей поколения Y выражена установка на близкие отношения с родителями. Можно отметить, что большинство опрошенных из поколения бэби-бумеров хотели бы привить своим детям моральные ценности, а представители поколения Y чаще всего считают важным научить детей делать что-то для себя, они указывают на важность свободы самовыражения для счастья ребенка ($p = 0,09$). Важным результатом является то, что в образе родителя для всех поколений выделяется, в первую очередь, ответственность, уважение и любовь.

Можно назвать различия поколений и в объяснении того, почему люди не создают семью. Представители поколения бэби-бумеров ссылаются на объективные обстоятельства и негативно оценивают тех, кто принял такое решение добровольно, называя их «эгоистами». Представители поколения X, помимо объективных обстоятельств, называют «избегание ответственности» и «комфорт в одиночестве». В поколении Y распространен неопределенный ответ «не хочу». В поколении Y чаще, чем в других, семья ассоциируется с «обузой и страхом будущего», и наименее – с наличием детей. Однако, поддержка, забота и эмоциональная близость являются важными потребностями в семейных отношениях для всех поколений.

Выдвинутые нами гипотеза о различиях семейных ценностей поколений подтвердилась. Наиболее значимые различия прослеживаются между представителями поколения бэби-бумеров и поколения Y в сфере отношений к супружеству. Полученные результаты, с одной стороны, свидетельствуют о происходящей трансформации семейных ценностей от коллективистских к индивидуалистическим. С другой стороны, вполне вероятно, что для представителей поколения Y на настоящий момент времени (в данный

возрастной период) остается невысокой значимость вступления в брак и менее выражена ценность создания семьи для продолжения рода.

Литература

1. *Пищик В.И.* Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 2. С. 67–81.
2. *Толстых Н.Н.* Предисловие главного редактора// Социальная психология и общество. 2019. Т.10. №2. С.5-8.

Проблема исследования поведения индивида в условиях дорожного трафика

Ершов С.В.

*ФГБОУ ВО РУТ(МИИТ), Москва, Россия
psypdd@gmail.com*

Поведение индивида в дорожном движении – это очень сложное явление, на которое влияет большое разнообразие факторов, включая факторы, связанные с индивидом (личность, эмоции, привычки, социально – демография и т.д.) и факторы, связанные с ситуацией (ситуационные факторы микро- и макроконтеста). Таким образом, индивидуальное поведение (которое можно наблюдать) представляет собой смесь этих входных данных. Поэтому возникает потребность рассмотреть факторы, связанные с человеком, и, более конкретно, факторы, которые лежат в основе каждого отдельного поведения. То есть необходимо сосредоточиться на факторах, которые формируют индивидуальное поведение в дорожном движении.

Взаимосвязь между личностью, навыками, ситуационными факторами и поведением сложна, и задача психологии состоит в том, чтобы лучше понять, как психологические механизмы связаны с этим. Несмотря на то, что существует множество категорий индивидуальных различий, которые могут повлиять на вождение, психология дорожного движения часто фокусируется на личностных переменных, поскольку они являются наиболее стабильными и могут быть измерены достоверным образом. Существует много определений личности, большинство из них разделяют представление о том, что

она включает в себя последовательный паттерн мыслей, чувств и действий, которые возникают с некоторым уровнем стабильности во времени и контексте. Психология дорожного движения, как правило, опирается на этот подход [1; 3; 4; 5]. Также, необходимо учитывать, что некоторые черты и особенности характера по своей природе представляют большую значимость, чем некоторые другие, особенно в условиях дорожного движения [1].

Имеется достаточно данных, убедительно доказывающих, что водители – обладатели определенного набора черт – представляют больший риск для себя и окружающих. Исследования в этой области охватывают посвящены вопросам проявлений агрессии на дороге, принятию риска, изучению влияния алкоголя и психоактивных веществ, криминального поведения и несоблюдения дорожного законодательства (Deery & Fildes, 1999; Kieling et al., 2011; Lancaster & Ward, 2002; Öz, Özkan & Lajunen, 2010; Vaughn et al., 2011). Кроме того, такие личностные характеристики, как нейротизм, вежливость, чувство долга, импульсивность, принятие риска, стремление к острым ощущениям, небрежность, нетерпение, неадекватный самоконтроль и эгоцентричность, могут быть тесно связаны с нарушениями Правил дорожного движения и риском ДТП (Jones et al., 2011; Jovanović et al., 2011; Ross & Antonowicz, 2004).

Ряд исследователей сосредоточили свое внимание на изучении влияния стремления к поиску новых ощущений (Zuckerman, 1994), поиском ситуаций повышенного волнения (Costa & McCrae, 1992) на рискованное поведение водителей (Jonah, 1997). Costa & McCrae (1992). Garrity & Demick (2001) исследовали взаимосвязь между пятифакторными чертами личности и поведением водителя. Они не обнаружили существенных корреляций. Тем не менее, они сообщили о значительной взаимосвязи между состоянием настроения «напряжение-тревога», которое тесно связано с нейротизмом и рискованным поведением водителя. Каждая из пяти черт – нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, добросовестность и ответственность (чувство долга) – находит свое выражение в специфических поведенческих проявлениях, присущих водителю (Costa & McCrae, 1992).

Существенную долю в исследованиях поведения водителя занимают работы, посвященные изучению проявлений «дорожного гнева» или агрессии (Deffenbacher et al. (2003). Так было обнаружено, что водители с высоким уровнем гнева, то есть те, кто проявлял гнев

достаточно часто в широком диапазоне социальных ситуаций, склонны к проявлению гнева и агрессии в поведении за рулем в процессе вождения.

В исследованиях Iversen & Rundmo (2002), занимающихся изучением нормативности поведения водителей, было показано, что респонденты с низким уровнем общей нормативности были вовлечены в более рискованное вождение, чаще попадали в аварии и ДТП.

Предельно обобщая имеющиеся исследования в области изучения влияния личностных и индивидуально-психологических характеристик на поведение водителя в процессе вождения, можно заключить, что, несмотря на различия в методологических основаниях и подходов, логичным выглядит обращение к рассмотрению тех черт и тех особенностей, поведенческие индикаторы которых могли бы быть скорректированы [2]. В этом, пожалуй, существенная роль может быть отведена специальным профилактическим и превентивным мероприятиям, а также диагностике, направленной на определение психологической пригодности к управлению транспортным средством.

Литература

1. *Ершов С.В.* Компетентностный подход к обучению в автошколах: проблемы, возможности и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <https://psyjournals.ru/orgpsy2019/issue/Ershov.shtml/> (дата обращения: 11.04.2022).
2. *Ершов С.В., Кочетова Т.В., Погодина А.В., Харченко М.А.* Возможности и перспективы модификации курса «Психофизиологические основы деятельности водителя» в системе дополнительного образования [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 2. С. 72–88. doi:10.17759/psyedu.2021130205.
3. *Akinwuntan A. E., Wachtel J. & Rosen P. N.* Driving Simulation for Evaluation and Rehabilitation of Driving After Stroke // Journal of Stroke and Cerebrovascular Diseases. 2012. V. 21 (6). P. 478–486.
4. *Baker P.* Driver Rehabilitation: Assessing the Older Driver. 2007. OT Practice. P. 10-16.

5. *Bliokas V.V., Taylor J.E., Leung J. & Deane F.P.* Neuropsychological assessment of Fitness to drive following acquired cognitive impairment / *Brain Injury*. 2011 V. 25(5): P. 471–487.

Опыт апробации психологического тренинга «Страх - не проблема» в работе с водителями, побывавшими в аварии или ДТП

Заболоцкая С.В.

*ООО «Союз безопасности дорожного движения»,
Московская область, Россия
sbddsz@mail.ru*

В текущем столетии понятие «психологический тренинг» прочно сформировалось как некое социальное явление, инструмент, с помощью которого пытаются решить различные проблемные социальной вопросы от, собственно психологических, до медицинских. Принято считать, что «первопроходцем» был американский психолог Курт Левин. Его первые тренинги прошли в 1946 году и преследовали целью научить навыкам общения, стать успешным переговорщиком, повысить компетенции, необходимые в трудовой деятельности [1].

Позже – в 60-х годах XX столетия, стали популярными тренинги по личностному росту, с помощью которых участники совершенствовали либо развивали *Soft skills* (с англ. «мягкие навыки») – универсальные социально-психологические качества, которые не зависят от профессии, но непосредственно влияют на успешность человека.

Сейчас, пожалуй, не осталось ни одного человека, который не поучаствовал бы в тренинге. В ряде работ подчеркивается, что метод психологического тренинга хорошо подходит для изучения и отработки реакции на психологические и социальные явления, поскольку любая группа – это модель общества.

Тренинг или «тренировка» может рассматриваться в качестве способа для отработки навыков путем моделирования и проживания модели ситуации. Психологический тренинг – это метод игрового моделирования психогенных ситуаций в целях развития психологической компетентности и формирования и (или)

совершенствования различных психологических качеств, умений и навыков у людей, включенных в эти ситуации в качестве участников или зрителей. В конечном итоге психологический тренинг направлен на повышение адекватности самосознания людей и групп [2].

Существует множество классификаций психологических тренингов. Различают тренинги по гендерному типу участников, по возрастному, по профессиональному, по идеологическому и др. [2; 3].

Способы проведения тренингов так же отличаются один от другого. При проведении тренингов, используют различные формы и приемы. Так, тренинги бывают игровые, психо-драматические, с использованием метода расстановок и сказкотерапии, работа с метафорическими картами и многое другой [3]. Как бы экзотично не «подавался» тренинг, от шоу его отличает цель: это - не развлечение, а способ моделирования и проработки опасной, травмирующей, неосознанной до сих пор ситуации с целью экологичного и безопасного ее проживания, а также выработки определенных (адекватных) приемов и способов поведения, возможно - смены поведенческой модели. Очень важна, при этом, качественная обратная связь, как от ведущего, так от группы [4].

Среди всего многообразия психологических тренингов особое место занимают те их них, которые направлены на работу со страхами и различными последствиями пережитого негативного опыта нахождения в дорожно-транспортной среде. Действительно, с одной стороны, страх является базовой врожденной эмоцией, основанной на инстинкте самосохранения, с другой, - переживание страха сопровождается физиологическими изменениями высшей нервной деятельности, что отражается на всем процессе жизнедеятельности и эмоциональном состоянии индивида.

Существует целая группа людей, которая патологически боится находиться в автомобиле или ехать в нём. Это навязчивое состояние называется *Амаксофобия*. Однако мы будем говорить о другом страхе – страхе повторной аварии, которое, хотя и не является само по себе паталогическим страхом, но приносит много неприятностей человеку, раз попавшему в аварию и, не всегда поддается самостоятельной корректировке.

Действительно, дорожно-транспортное происшествие – это событие, всегда сопряженное со стрессом. Сила потрясения, которое пережил человек, может быть различной. Эта эмоция запускает различные процессы – от социально-психологических (бессонница, депрессивные расстройства, потеря желаний управлять автомобилем),

до органических (инсульты, инфаркты, онкологические заболевания), согласно теории психосоматической зависимости болезней от стресса.

Так, за три года работы Службы помощи при ДТП Московской области были опрошены сотни граждан, попавших в ДТП без пострадавших. И, хотя видимых повреждений их жизни и здоровью не было зафиксировано, многие из опрошенных жаловались, что потеряли желание садиться за руль. Другие жаловались на повышенную тревожность и суетливость, возникшую после ДТП. Так или иначе, все принимавшие участие в тренингах высказались, что чувствуют вину, гнев, злость, страх, панику, а также бессилие и разочарование. Объединяло всех попавших в аварии граждан то, что они более не чувствуют себя уверенно на дороге, что не редко становилось причиной повторной аварии в скором будущем.

Учитывая анализ мнений и наблюдения, на базе Региональной общественной организации содействия предупреждению дорожно-транспортных происшествий Московской области разработан и прошел апробацию психологический тренинг «Страх - не проблема». С помощью которого мы пытаемся помочь гражданам обрести уверенность после аварии и справиться с тревожностью и страхом повторения инцидента.

Тренинг работает в двух форматах: online и очная группа. Встречи проходят 1-2 раза в неделю по 1,5 – 3 часа. Начало работы группы – через две недели после ДТП. Количество участников в группе – 7-8 человек. Всего предлагается 4 групповых занятия, также предусмотрены индивидуальные занятия в зависимости от степени тревожности, психологических особенностей личности, невротических состояний, а также желания самого гражданина. Ведут тренинг инструктор нейрографики и клинический психолог.

Как результат, фиксируется стабильное улучшение психосоматических проявлений у участников тренинга, а также формирование позитивного отношения к дороге и участию в дорожном движении. При этом проявления тревожности снижаются, а тревожные мысли заменяются рациональными.

Первый опыт проведения подобных тренингов показал их эффективность для работы только с легкой формой страха и тревожности, связанной с управлением транспортным средством. В зависимости от конкретного случая и интенсивности страха, участнику может быть рекомендовано обращение к психологу, психотерапевту или даже психиатру.

Таким образом, первый опыт проведения психологического тренинга «Страх - не проблема» в работе с водителями, побывавшими в аварии или ДТП, может рассматриваться в качестве важного и существенного шага для разработки и детализации других психопрофилактических и психотерапевтических программ, направленных на коррекцию приемов и способов дорожного поведения

Литература

1. *Браткин А.* Чемоданчик тренера: 10 продаваемых тренингов. М. 2006.
2. *Никандров В.В.* Психологическая сущность тренингов / Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003.
3. *Осипова А. А.* Общая психокоррекция. М., 2004.
4. *Петрушин С. В.* Психологический тренинг в многочисленной группе. М., 2002.

Межличностные отношения как источник кризисного состояния личности

Зарецкая Н.Е., Шнейдер Л.Б.

*ОАНО ВО «МПСУ», Москва, Россия
nad7966@yandex.ru, lshnejder@yandex.ru*

Межличностные отношения – это важная составляющая жизни личности. Они возникают с определенными целями: извлечь выгоду, получить поддержку, обменяться информацией, создать коллектив, построить семью и пр. Но зачастую их построение приводит личность к ненормативным личностным кризисам [2; 3; 4], которые принято считать результатом непредвиденных или сверхнормативных событий [1, с. 9]. Немалое число кризисных ситуаций относится к нормативным (внутренним) кризисам развития межличностных отношений. Особую роль здесь играют значимые парные связи, как юридически оформленные, так и не подвергавшиеся процедуре официальной регистрации.

С целью исследования кризисного состояния личности, возникшего в процессе и под воздействием межличностных отношений, было проведено их изучение. Респондентам в возрасте 18

до 70 лет (M=39 лет) было предложено описать кризисы, с которыми им самим пришлось столкнуться в жизни или свидетелями которых они стали. Всего было получено 92 варианта описаний кризисов.

К внешним кризисам, возникшим вследствие стечения непредвиденных обстоятельств и сверхпотрясений, отнесено 87 % описаний. К внутренним кризисам, возникшим в значимых парных связях вследствие их разрыва, отнесено 13% описаний. Из всех описаний внутренних кризисов 17% написаны мужчинами и 83% – женщинами, именно эти описания анализировались далее.

По полученным данным была выявлена причинная обусловленность кризисных состояний. Прежде всего, к причинам разрыва значимых парных связей и переживания кризисного состояния респонденты относят наличие устойчивых материальных и бытовых проблем (на что указали 45% респондентов), на втором месте – алкоголизм одного из супругов (15%), на третьем месте - психологическая несовместимость (12%). Далее следуют изменения (10%), обретение новой влюбленности (12%), отсутствие или нежелание одного из супругов иметь детей (4%).

Признаками кризисных состояний явились ресурсная истощаемость индивида, высокая внутренняя напряженность, быстрая утомляемость, снижение энергетического тонуса, разочарование в жизни, пессимистический эмоциональный настрой.

В ходе исследования было выявлено, что 25% молодых респондентов ощущали возникновение кризиса в отношениях с партнером уже через 3-8 месяцев взаимодействия. Пример одного из описаний¹: «Гладко и красиво протекала «наша любовь» только вначале, длилось это недолго. Позже начались упреки, неприятие моей внешности, моего мнения, моих идей и мыслей». В этот период серьезные разногласия и ссоры быстро перерастают в конфликт самооценок. Его участники стремятся поддержать позитивное самоотношение путем понижения репутации «противника» [5].

Материальные и бытовые проблемы привели к кризисному состоянию наибольшее число участников исследования (45%). Описывает женщина, 27 лет: «... Прожив 5 лет, мы стали ругаться, скандалить, причем повод был всегда один и тот же - катастрофическая нехватка денег. Муж получал мало, не хватало даже на еду. Менять работу не собирался.... Был недоволен, что я сутками работаю на «скорой». Обдумав все, я решила уйти. Вернуть назад он

¹ В приведенных ниже примерах сохраняется авторский стиль повествования респондентов.

не пытался». С появлением ребенка возникают новые потребности семьи, которые не всегда получается удовлетворить согласованным образом.

Рутинные семейные обязанности, повседневные бытовые ситуации, монотонный, повторяющийся характер взаимодействия так же приводят к завершению отношений в паре. «Мужчина, 35 лет, в браке 17 лет. Без видимых причин ухудшение отношений в семье, ослабление близости. Частые срывы на жену, скандалы. ... практически перестает бывать дома, приходит только ночевать. Сутками пропадает на работе, у друзей, появляется стремление залить ситуацию безысходности спиртным».

Предпосылкой к межличностному разладу в паре и кризису личности часто становится нежелание одного из партнеров иметь детей. «Девушка, 19 лет, студентка. ... рассказала о беременности своему парню, в ответ он предложил сделать аборт, и тут же бросил ее».

В ходе исследования было установлено, что при разрыве парных связей респонденты испытывают сильные эмоции и негативные переживания: боль, обиду, злость, отчаяние, недоверие, опущенность. Нередко размышляют о самоубийстве.

Обвинительную позицию в период разлада межличностных отношений и развития кризисных состояний занимает большее число респондентов (97%), склонность к самокритике обнаружилась у 3% респондентов.

Женщины в большей степени, чем мужчины, склонны считать причиной распада парных связей материальные трудности, пороки и ослабление семейного идентифицирования, мужчины чаще указывают на новое увлечение и однообразии семейной жизни. Молодым партнерам причины разладов видятся в несовместимости и тяготах быта, старшим – в общем снижении ценностей семьи, предательстве и пагубных пристрастиях партнеров [5].

Таким образом, кризисы в межличностных отношениях обуславливают кризисные состояния личности, для которой эти отношения были высоко значимыми. Специфика протекания кризиса зависит от половозрастных, индивидуально-типологических особенностей взаимодействующих субъектов и их реакцией на происходящее с ними

Выходу из трудных жизненных ситуаций и преодолению личностного кризиса чаще всего способствовала, по мнению респондентов, поддержка родственников и близких друзей (65% упоминаний). Переоценка жизненных ценностей (20%), переключение

внимания на новую деятельность (10 %) так же привели к улучшению эмоционального состояния. Только 5% респондентов не смогли самостоятельно выйти из кризиса (развились психосоматические заболевания, возникла длительная депрессия и пр.). Ни один из переживавших кризисное состояние (судя по 92 описаниям) респондентов не обратился за помощью в психологическую службу, не позвонил по телефону доверия, не искал содействия у специалистов, что привлекает к себе внимание и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. *Белосов М.В., Пряжникова Е.Ю.* Психологическое развитие личности в условиях ненормативного кризиса занятости // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2019. Выпуск 2(47). С. 6-18
2. *Калошина Т.Ю.* О кризисных состояниях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.myword.ru> (дата обращения: 14.03.2022).
3. *Пантелеева В.В., Арбузенко О.И.* Психология кризисных состояний личности. Тольятти, 2011. С. 8-13.
4. *Шнейдер Л.Б.* Личность и кризис: анализ описаний взрослыми людьми кризисных ситуаций // Горизонты зрелости: сб. науч. статей / ред. Л.Ф. Обухова, Н.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. М.: МГППУ, 2015. С. 63–71.
5. *Шнейдер Л.Б.* Семейная психология [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://psylib.myword.ru> (дата обращения: 15.03.2022)

Индивидуально-личностные ресурсы как фактор антистарения у мужчин и женщин предпенсионного возраста (Северная Осетия)

Зимина А.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ziminaaa5@gmail.com

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского
научного фонда, проект № 19-18-00058.*

В современных условиях особенно актуальна проблематика увеличения продолжительности жизни и сохранения здоровья человека. Тематика постоянно изучается, принимаются новые меры по

улучшению здоровья и увеличению продолжительности жизни человека, но постоянные нагрузки, высокий уровень стресса, интенсивный ритм, ухудшение социально-экологической сферы, перемены (например, недавняя пенсионная реформа, пандемия, самоизоляция и др.) неблагоприятным образом сказываются на здоровье человека [2; 3; 4].

Проведено много исследований доказывающих влияния личностных характеристик на биопсихологические показатели старения [1; 2; 3; 5]. Чаще исследуют влияние на индивидуальное старение и продолжительность жизни таких характеристик, как: интеллект, образование, особенности когнитивного развития, общительность, агрессивность, оптимизм, чувство юмора, интересы, хобби, занятия спортом, образ жизни, наличие и отсутствие вредных привычек и т. п. [6].

Поэтому для сохранения здоровья человека и увеличения его продолжительности жизни особенно важны индивидуально-личностные ресурсы.

Цель исследования: изучение влияния индивидуально-личностных ресурсов на биопсихологический возраст и отношению к пенсионной реформе у мужчин и женщин предпенсионного возраста в Северной Осетии.

Испытуемые 98 человек: 60 женщин в возрасте от 56 до 89 лет и 38 мужчин в возрасте от 61 до 71 года.

Использовались следующие методические средства.

1. Методика «Определение биологического возраста по В. П. Войтенко», включающая опросник «Определение самооценки здоровья (СОЗ)» и формулы определения биологического возраста.

2. Анкета жизненного пути, показывающая индивидуально-типологические особенности: пол, возраст, профессия, тип телосложения, эмоциональность, функциональная асимметрия, стиль взаимоотношений с миром, место жительства.

3. Метод самооценки психологического возраста по К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной.

4. Опросник «Ресурсные области».

5. Шкала ожидаемого пенсионного возраста.

6. Методы описательной статистики.

7. Методы математической статистики (IBM SPSS Statistics 26).

Результаты. Нами были изучены биологический, психологический возраст, ожидаемый пенсионный возраст, индивидуально-личностные характеристики, индекс старения и индекс относительного

психологического старения. Далее был проведен корреляционный анализ для выявления взаимосвязей личностных ресурсов с показателями здоровья.

Анализ взаимосвязи индивидуально-личностных ресурсов с показателями биопсихологического возраста и отношению к пенсионной реформе у мужчин и женщин предпенсионного возраста выявил следующие корреляции.

У женщин предпенсионного возраста чем выше календарный и психологический возраст, тем меньше они склонны к поведению, связанному с риском. Более целеустремленные дамы биологически старше, также, как и более общительные дамы, у которых выше индекс старения, но они моложе психологически. С возрастом, женщины чаще склонны проводить время на природе.

Мужчины старше 60 лет с возрастом склонны реже заниматься спортом. Также, мужчины предпенсионного возраста склонны к выбору интеллектуальных занятий, духовных практик, занятий, связанных с самосовершенствованием и имеющие хорошее чувство юмора, имеют более низкий показатель ожидаемого пенсионного возраста. Чем выше у мужчин чувство юмора, тем ниже биологический возраст, индекс старения, психологический возраст и индекс относительного психологического старения.

Выводы.

1. Индивидуально-личностные ресурсы оказывают влияние на биопсихологический возраст мужчин и женщин предпенсионного возраста.

2. Индивидуально-личностные ресурсы оказывают влияние на ожидаемый пенсионный возраст у мужчин предпенсионного возраста. В мужской выборке чаще выявляются обратные связи личностных ресурсов биопсихологического возраста и отношения к ожидаемой пенсионной реформе. Индекс старения и биологический возраст выше у мужчин предпенсионного возраста с низким чувством юмора. То есть, мы можем говорить о том, что в данном случае, юмор выступает индивидуально-личностным ресурсом антистарения.

3. Индекс старения у женщин предпенсионного возраста связан с общением, чем дамы активнее коммуницируют, тем выше у них индекс старения, а чем они активнее и целеустремленнее, тем они старше биологически. В данном случае можно сделать выводы о том, что индивидуально-личностным ресурсом антистарения у дам предпенсионного возраста выступают спокойствие, размеренность и меньшее количество коммуникаций.

Автор выражает благодарность: за поддержку руководителю проекта – Т.Н. Березиной; за помощь в организации исследования – Л.Г. Олисаевой, С.А. Зиминой, А.В. Зимину.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Личностная организация времени жизни // Мир психологии. 2011. № 3. С. 93–104.
2. *Березина Т.Н.* Личностные стратегии жизненного пути и их связь с биологическим возрастом // Психология и Психотехника. 2020. № 4. С. 1–13. DOI:10.7256/2454-0722.2020.4.34025.
3. *Зиминая А.А.* Влияние личностных стратегий жизненного пути на биопсихологический возраст (Северная Осетия) // Человеческий капитал. 2021. № 11 (155). С. 57-65. DOI: 10.25629/НС.2021.1.
4. *Калаева А.А.* Показатели психобиологического возраста у представителей рабочих и прочих профессий// Психология и педагогика служебной деятельности 2020. № 1. С. 42-45. DOI: 10.24411/2658-638X-2020-10009.
5. *Сергиенко Е.А. Киреева Ю.Д.* Индивидуальные варианты субъективного возраста и их взаимосвязи с факторами временной перспективы и качеством жизни // Психолог. 2015. Т. 36, № 4. С. 39–51.
6. *Koteneva A.V.* Psychological factors of biopsychological age of law enforcement personnel // Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 11, № 2 (21). С. 221–231.

Эмоциональное выгорание сотрудников HR-сферы государственных и коммерческих организаций

Золина В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nika.zolina@rambler.ru

В современном мире почти для всех людей работа является одной из важнейших сфер жизни. Чтобы соответствовать современному

трудоому темпу руководители требуют от своих подчинённых высокой самоотдачи, работы на износ, без перерывов и выходных. Говоря об основных и частых проблемах работающего населения, можно выделить такие, как работа в многозадачном режиме, в стрессовых ситуациях, в эмоционально неблагоприятных условиях. Все это в итоге приводит к усталости, апатии, равнодушию к жизни, хронической подавленности и эмоциональному выгоранию. Поэтому на сегодняшний день становится актуальным изучение выгорания, особенностей его обнаружения, выявления симптомов и факторов, которые способствуют его развитию в процессе деятельности сотрудников в организациях.

Проблема профессионально выгорания неоднократно становилась предметом изучения многих отечественных и зарубежных специалистов. Значимое влияние на решение проблем, связанных с выгоранием, оказали такие учёные, как: Н.Е. Водопьянова, В.В. Бойко, В.Е. Орел, К.Л. Купер, Т.В. Форманюк, М.В. Барабанова, В.М. Лымаренко, В.Я. Апчел, А.И. Губин, В.В. Косарев, С.А. Бабанов, Е.И. Лозинская, М. Вудкок, Д. Френсис, Дж. Гринберг, Е.С. Старченкова [4].

Под эмоциональным выгоранием понимается состояние телесного, психоэмоционального, интеллектуального переутомления, выявляющееся в специализациях типа «человек – человек», связанных с систематическим общением с другими индивидами. К таким специальностям относятся: администратор, экономист, психолог, преподаватель, медработник и др. [3].

Выгорание происходит постепенно в течение длительного периода времени и затрагивает не только профессиональную сторону человека, но ещё и саму его личность, приводя к нарушению установившегося привычного ритма жизни, потере стабильности как психической, так и физической. То есть невозможно быть «выгоревшим» на работе и «нормальным» человеком дома.

Внимательное отношение работника к симптомам профессионального выгорания побуждает его перестроить свою профессиональную деятельность, принять соответствующие необходимые меры по совладению с собственным негативным состоянием. Если своевременно не принять меры в виде так называемой «перезагрузки», выгорание будет развиваться, затягивая человека на самое дно. Последствия данного процесса могут быть необратимы, и, в конечном счете, весьма ресурсозатратными не только для самого сотрудника, но и для всей компании.

Впервые этот термин был предложен Х. Фрейденбергером в 1974 г. для описания симптомов изнурения и разбитости. В зарубежной литературе синдром эмоционального выгорания обозначают термином «burnout» (англ.) – сгорание, выгорание, затухание горения [2]. Одна из самых распространенных концепций эмоционального выгорания является трехфакторная модель выгорания, разработанная американскими исследователями К. Маслач и С. Джексоном. В этой модели были выделены три главных элемента синдрома эмоционального выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция профессиональных (личных) достижений [1].

В зависимости от условий на рабочем месте, содержания труда, сроков и объемов выполняемых обязанностей определяется наличие высокого риска формирования процесса эмоционального выгорания работника. Нами было выдвинуто предположение о том, что сотрудники государственных и коммерческих учреждений различаются по степени эмоционального выгорания. Для проверки гипотезы было проведено исследование на основании добровольного тестирования по методике диагностики профессионального «выгорания» К. Маслач и С. Джексона, в адаптации Н.Е. Водопьяновой. Выборку исследования составили сотрудники женского пола (от 20 до 65 лет), работающие в HR-сфере. Из них: 31 специалиста из государственных организаций и 37 – из коммерческих компаний. Для сравнения двух выборок использовался непараметрический статистический критерий – U-критерий Манна-Уитни.

Сравнительный анализ показал, что в уровне эмоционального выгорания не существует различий, обусловленных формой собственности организации, в которой работают люди ($p=0,434$). Однако, мы решили не останавливаться на этом и проверить частные гипотезы, относительно отдельных компонентов эмоционального выгорания. Было установлено, что в уровне эмоционального истощения не существует различий, обусловленных формой собственности организации, в которой работают HR-сотрудники ($p=0,177$). По степени деперсонализации между работниками из государственных и частных организации различия есть ($p=0,040$ – на уровне значимости 0,05): сотрудники первых организаций имеют значительно большее нарушение восприятия, при котором окружающий мир воспринимается как отдалённый и/или лишённый своих красок. А вот отличия в уровне редукции профессиональных

достижений, наоборот, в сторону коммерческих служащих ($p=0,010$ – на уровне значимости $0,05$). Они сильнее переживают чувство некомпетентности в своей профессиональной среде, чем сотрудники государственных компаний.

Таким образом, в результате проведенного исследования было установлено, что HR-сотрудники государственных организаций и HR-сотрудники коммерческих организаций не имеют статистически значимых различий по интегральной оценке профессионального выгорания. Анализ результатов по отдельным составляющим выгорания позволил нам подойти к оценке проявлений этого явления у HR-ов более дифференцированно. Сравнив результаты двух групп работников по эмоциональному истощению, мы обнаружили отсутствие статистически значимых различий по данному показателю; по деперсонализации и по редукции профессиональных достижений, наоборот, мы можем сделать вывод о наличии статистически значимых различий между группами HR-сотрудников, которые вызваны местом работы людей, а именно формой собственности организации.

Полученные результаты показали, что данное направление исследований является перспективным и необходимо продолжить изучение явления «выгорания», и его влияния на формирование неблагоприятных состояний и деформаций человека в труде. Такие исследования позволяют организациям более серьезно отнестись к своевременной профилактике синдрома эмоционального выгорания; результаты научной работы могут быть использованы не только в профилактических целях, но и в тренинговой работе, а также в психологическом консультировании.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 358 с.
2. *Кибанов, А.Я.* и др. Управление персоналом организации: учебник / А.Я. Кибанов, ред. М.: ИНФРА-М, 2013.
3. *Литвинова Е.Ю., Харченко М.А., Погодина А.В.* Психологическое благополучие и эмоциональное выгорание педагогов образовательных комплексов на разных этапах инновационного процесса // Институт психологии Российской

академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018 Т. 3 № 2 С. 96-119.

4. Орёл В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: Эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 1. С. 90-101.

Осознанность как ключевая социальная характеристика личности

*Зотова Л.Э., Сидячева Н.В.
ФГБОУ ВО МГОУ, Москва, Россия
Zolar@yandex.ru, Sidna@bk.ru*

Традиционно осознанность (mindfulness) рассматривалась в буддистских практиках как умение сосредоточиться на внешних и (или) внутренних стимулах в процессе медитации.

В своей работе Джон Кабат-Зинн впервые упоминает об осознанности как психологическом понятии, «освободив» данную практику от религиозного, философского или мистического аспекта [2]. Именно с этого времени начинается широкое внедрение практик осознанности в медицинскую и психологическую область.

Понятие осознанности также широко используется в социальном аспекте: в частности, стратегия эннеграммы, разработанная Робертом Тэллоном и Марио Сикорой позволяет через осознание себя добиваться аутентичности и менять свои поведенческие стратегии в сторону наиболее предпочитаемых и конструктивных для достижения поставленных целей и создания условий конструктивного взаимодействия с другими [4; 6].

А модель осознанности, разработанная Штайнебахом и Лангером (Steinebach, Langer) основана на понимании ведущей роли социальной среды, позитивно или негативно влияющей на подростка. По мнению авторов, поведение молодежи определяется и регулируется социальными условиями (социальными нормами, правилами, условиями взаимодействия со сверстниками и взрослыми и др.), индивидуальными факторами и физическими характеристиками окружающей среды, которые непосредственно связаны с осознанностью [7].

Как отмечают Марк Уильямс и Денни Пенман, по сути, роль осознанности в том, что она «... позволяет задержать поток

негативных мыслей до того, как они затянут вас в водоворот отрицательных эмоций, и снова обрести контроль над собственной жизнью» [5, с. 17]. В таком понимании осознанность регулирует эмоциональный тон социального взаимодействия, позволяет индивиду не реагировать спонтанно, а опираясь на свой жизненный опыт, делать «зазор» между получением информации от социальных объектов и собственной реакцией на нее.

Осознанность является одной из базовых характеристик, органично включенной в структуру личностных свойств человека, знание и учет которой может сделать социальное взаимодействие с окружением более конструктивным. В исследованиях А.М. Голубева, Е.А. Дорошевой, Д.И. Зеликсона, Л.Э. Зотовой, Н.В. Сидячевой, А.В. Губанова, Е.В. Казанцевой, О.А. Холиной, А.Е. Москаленко и др. выявлены характеристики, не свойственные людям с высокой осознанностью, к таковым относятся: пессимизм, тревожность, депрессивные симптомы, стратегия подавления мыслей, самокопание, склонность к аддиктивному поведению, негативные эмоции, чувство дискомфорта в общении с людьми и др.

Исследование, проведенное Л.Э. Зотовой, Н.В. Сидячевой, А.В. Губановым, расширило этот список, внося в него интернальные и экстернальные проблемы индивида (исследование было проведено на выборке старшеклассников школ Москвы и Московской области) [1; 3].

Исследование выявило взаимосвязь на значимом уровне ($p=0,01$) осознанности с интернальными ($r=-0,133$) и экстернальными ($r=-0,130$) расстройствами респондентов.

Взаимосвязь осознанности с агрессией выявлена на уровне $0,01$, $r=-0,23$, с гиперактивностью – на уровне $0,01$, $r=-0,14$.

Если интернальные проблемы существуют во внутреннем, психологическом плане и проявляются как беспокойство, тревожность, пессимизм, уныние, наличие депрессивных симптомов, то экстернальные проблемы проявляются во внешнем поведении и проявляются в ситуации общения.

Отметим, что, с точки зрения нарушения социального взаимодействия, деление проблем на экстернальные и интернальные является достаточно условным в связи с тем, что внутренние проблемы негативно сказываются на социализации индивида, затрудняя его вхождение в социальное окружение и затрудняя установление и поддержание контактов с другими. Молодежь с

выраженными интернальными проблемами испытывает проблемы с успеваемостью, не пользуется уважением сверстников (Connell, Goodman, 2002; Walker, Ramsey, Greshman, 2004; Hasan, Husain, 2016).

Экстернальные проблемы проявляются в негативизме, агрессии, аффективных реакциях по отношению к окружающим, гиперактивностью.

В работах Leeth, Villarreal, Styck, Deshmukh, Patel и др. показано, что элиминация поведенческих проблем возможна при применении практики осознанности. Обучение молодежи осознанному поведению во время проведения медитативных упражнений, объяснение условий повышения диспозиционной осознанности, обсуждение результатов диагностики может быть полезным для улучшения качества социального взаимодействия молодежи.

Литература

1. *Губанов А.В., Зотова Л.Э., Сидячева Н.В.* Сокращенная версия русскоязычной шкалы диспозиционной осознанности (САММ) для подростков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. N 1. С. 6-19.
2. *Кабат-Зинн Дж.* Куда бы ты ни шел – ты уже там: Медитация полноты осознания в повседневной жизни / Пер. с англ. М. Белобородовой. – М.: Независимая фирма «Класс», Издательство Трансперсонального института, 2001. – 208 с.
3. *Сидячева Н.В., Зотова Л.Э.* Практики осознанности (mindfulness) как предиктор психосоматического здоровья личности (обзор зарубежного опыта) // Образование личности. 2020. N 1-2. С.98-102.
4. *Тэллон Р., Сикора М.* Осознанность в действии: эннеаграмма, коучинг и развитие эмоционального интеллекта. Изд-во: Ориенталия, 2017. 432 с.
5. *Уильямс М., Пенман Д.* Осознанность: как обрести гармонию в нашем безумном мире. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 288 с.
6. *Guendelman S., Medeiros S., Rampes H.* Mindfulness and Emotion Regulation: Insights from Neurobiological, Psychological, and Clinical Studies // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol.8. URL:

<https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2017.00220>
(date of treatment: 14.02.2022).

7. Enhancing Resilience in Youth. Steinebach C., Langer Á.I.:
Editors, Springer Nature Switzerland AG 2019.

Проект «Время Взрослеть»: отношения субъектов образования и развитие «сквозных», ресурсных качеств личности

Истомин В.В.

*МАОУ СОШ № 17 с УИОП, Екатеринбург, Россия
istomin_vlad@list.ru*

Сегодня, по мнению большинства экспертов, наиболее востребованной становится парадигма открытого развивающего образования, которое обеспечивает развитие у обучающихся фундаментальных и актуальных для современного общества человеческих способностей и личностных качеств [1].

Соответственно, стратегическая задача современной российской школы, учреждений СПО и вузов – развивать качества личности обучающихся, позволяющие им эффективно решать разнообразные задачи, возникающие в актуальных для них учебных, профессиональных и жизненных ситуациях [2]. Исходя из собственного профессионального опыта и по мнению многих исследователей, это следующие качества.

- Ответственное отношение к своему поведению и к своей жизни в целом.
- Самостоятельность, автономность, независимость.
- Позитивное безусловно-ценностное отношение к себе.
- Высокий уровень осознанности, рефлексивности (способности к адекватному отражению внешней и внутренней реальности).
- Целостность (принятие своих «теневых» сторон), конгруэнтность (непротиворечивость) и ощущение своей идентичности, «Самости».
- Способность проявлять «заботу о себе» в целях полноты реализации собственной личностной уникальности.
- Высокий уровень развития эмоционального интеллекта.
- Интегративная личностная характеристика «hardiness» (смелый, дерзающий, стойкий), обеспечивающая наличие высоких резервов сопротивления стрессу («неуязвимость»).

- Способность к избирательной аутентичной близости с Другим.
- Способность эмпатически оказать помощь, поддержку Другому и принять такую помощь, поддержку извне.

С позиции транзактного анализа, в представленных десяти личностных качествах можно отчетливо увидеть позицию (состояние) «Взрослого».

Согласно модели транзактного анализа, личность (эго) человека, – это система, состоящая из трех частей: «Родитель», «Взрослый», «Дитя» («Ребенок») – модель «Р-В-Д». Эго-состояние - это набор поведенческих, мыслительных и эмоциональных стереотипов, которыми человек реагирует на все события своей жизни. В каждый момент времени любой человек находится в одном из этих трех эго-состояний, которые не имеют никакого отношения к возрасту в привычном смысле этого слова [3].

Важным для современной педагогической практики в этой модели является следующее: актуализация и развитие «Взрослой» позиции обучающегося («Взрослых» качеств личности) возможно *при условии*, что педагоги и вся система в целом находятся во взаимодействии с ним в позиции «Взрослый». В этом случае, даже если обучающийся находится в позиции «Ребенка» или «Родителя», он будет «вынужден» сменить ее на «Взрослую». Для таких изменений, конечно, требуется рефлексия и педагогическая настойчивость и, если эти ресурсы у педагога в дефиците, то взаимодействие легко возвращается к более привычной «параллели» «Критикующий Родитель – Негативный Ребенок».

Таким образом, психологическая позиция отдельного педагога и в целом всей педагогической системы по отношению к обучающемуся напрямую влияют на успешность актуализации и развития его «Взрослой» структуры. Важнейшими задачами профессиональной деятельности педагога является осознание и управление данными позициями.

Соответственно этой стратегии разработаны и реализуются:

- цикл практико-ориентированных семинаров для педагогов и специалистов общеобразовательных школ и профессиональных образовательных организаций «Психолого-педагогические условия и технологии формирования «Взрослых» качеств личности обучающихся»;
- программа тренинговых занятий для подростков и молодежи «Время Взрослеть», направленная на помощь в преодолении

трудностей формирования и развития собственной «Взрослой» части личности;

- тематические родительские практикумы «Как воспитать в своем ребенке “Взрослого”».

Цель проекта – помощь обучающимся, педагогам, родителям в развитии позитивных, ресурсных, Взрослых качеств личности. Миссия проекта – гуманизация взаимоотношений всех субъектов образования.

Механизм реализации: актуализация субъект-субъектной парадигмы с помощью современных социально-психологических и социокультурных методов и практик. Концептуальная основа: гуманистическая психология и современный транзактный анализ; парадигма структурного подхода к описанию личности.

Одна из важнейших целей проекта «Время Взрослеть» – помощь подросткам в развитии устойчивого самоощущения своей Ценности, «нужности», которое является базовым ресурсом стрессоустойчивости, жизнестойкости и развития личности.

Основные риски реализации проекта:

- сопротивление педагогов, связанное с необходимостью пересмотра сложившихся психолого-педагогических установок и изменения привычных способов (стиля) межличностного взаимодействия в профессиональной деятельности;
- низкий уровень доверия родителей к предложениям со стороны педагогического сообщества, затрагивающих имплицитный базовый уровень родительских установок и неосознанных сценарных паттернов;
- доминирование командного (авторитарно-вертикального) стиля управления в системе образования;
- тренды «цифровизации», «технологизации» образования, смещающие акцент с лично-ориентированного образования на функционально-технологический.

Обновляемые материалы проекта:

<https://cloud.mail.ru/public/4FP2/2GiXcVvk9h>

Видеоматериалы:

<https://www.youtube.com/playlist?list=PLFKRFYpkAMo5HmxeLWpWdexbv3cafdmA>

Опыт практической реализации «Время Взрослеть» и опыт презентации проекта на научно-практических мероприятиях – конференциях, семинарах, форумах от областного до международного

уровня и показывает высокую степень востребованности и полезности проекта для широких кругов психолого-педагогического сообщества.

Литература

1. Атлас новых профессий // Первая редакция – АСИ, Сколково. М., 2014.
2. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р г. Москва. Российская газета – Федеральный выпуск №6693 (122), 8 июня 2015 г.
3. *Стюарт Я., Джойнс В.* Современный транзактный анализ. СПб.: Социально-психологический центр, 2018.

Нейробика в детском лагере. Использование современных развивающих технологий в работе с детьми с ОВЗ

Посвящается моему другу М.Ю. Кондратьеву

Камнев А.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Макарова С.А.

Содружество организаторов детского отдыха, Москва, Россия;

dr.kamnev@mail.ru, baskakova-sa@mail.ru

К сожалению, за последние несколько десятилетий наблюдается резкое увеличение частоты рождения детей с врожденными физическими дефектами, а также дефектами интеллекта и тяжелыми хроническими заболеваниями. Впоследствии, как показывают современные исследования, всего 42% детей дошкольного возраста имеют нормальное речевое и психическое развитие, а у 48% детей выявлена задержка развития и нарушения разного характера [4]. Как результат – имеет место устойчивый рост процента детей, испытывающих трудности в обучении.

Однако если для детей с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья) создаются специальные образовательные программы и учреждения, то категория детей, имеющих **ограниченные возможности социализации – ОВС**, остается один на один со своими

проблемами в обучении. Термин ОВС мы ввели несколько лет назад в связи с рассмотрением проблем инклюзивного образования по аналогии с термином ОВЗ. К этой категории можно причислить детей национальных меньшинств, попавших в новые социальные условия, детей, проживающих в глухих и отдалённых сельских районах, ВИЧ-инфицированных детей, а также детей, находящихся в стадии реабилитации после тяжёлых болезней, в частности, онкологических, детей с ограниченными возможностями в развитии и детей-сирот.

Таким образом, понятие «ОВС» является более широким, чем «ОВЗ», поскольку вышеперечисленные группы населения могут иметь или не иметь физические проблем со здоровьем, но так же, как и дети с ОВЗ, испытывать трудности в социальной адаптации, независимо от их расовой, религиозной, культурно-этнической, языковой принадлежности, социального происхождения, социально-экономического положения, наличия статуса беженца, иммигранта, вынужденного переселенца и т.п. [3].

При организации учебного процесса для детей с ОВС, в том числе и с ОВЗ, необходимо учитывать и тот факт, что в последние два десятилетия учителя и специалисты все чаще сталкиваются с проблемой отсутствия желаемой результативности при реализации традиционных методик педагогического и коррекционно-педагогического воздействия, причину которой многие исследователи видят в недостаточной работе определенных отделов коры головного мозга детей, а также дисбалансе межполушарного взаимодействия [3].

В связи с этим становится очевидной необходимость поиска новых путей преодоления трудностей в развитии современных детей, в частности, имеющих ОВС.

В современном мире существует достаточно большое количество разнообразных здоровьесберегающих и коррекционно-развивающих технологий, таких как подвижные и спортивные игры, различные виды гимнастики, релаксация, ритмопластика, игротренинги и игротерапия, самомассаж, арттерапия, психогимнастика, фонетическая и логопедическая ритмика и др.

Однако следует отметить, что именно технологии коррекционного направления обретают всё большую значимость в современном обществе вследствие неуклонного роста процента детей школьного возраста, испытывающих трудности в обучении.

Одной из наиболее подходящих площадок для реализации здоровьесберегающих и коррекционно-развивающих методик, на наш взгляд, может служить детский оздоровительный лагерь, не только

объединяющий в себе различные направления образовательно-воспитательной деятельности, но и позволяющий реализовать различную деятельность коррекционно-развивающей направленности.

Эффективность применения здоровьесберегающих и развивающих технологий в работе с детьми с ОВС в нашей Программе «Отдых и учеба с радостью» на протяжении нескольких лет показывает значительное повышение результативности в формировании необходимых для успешного обучения знаний, умений и навыков за счет активизации работы мозга детей и подростков, что, в свою очередь, служит профилактикой и способом преодоления не только трудностей в обучении, но и проблем развития субъектности подрастающего поколения.

В программу лагеря внедрены различные развивающие технологии, такие, как нейробика, нейрокоррекция, элементы мозжечковой стимуляции и терапии сенсорной интеграции, миофункциональная коррекция. Их применение позволяет детям более успешно усваивать программу, повышать потенциал работы мозга и формирует мотивацию к дальнейшему школьному обучению.

Одним из новых развивающих направлений в нашей программе является нейробика. Это комплекс упражнений, которые запускают работу обоих полушарий головного мозга, синхронизируя их и помогая укрепить нейронные связи между правым и левым полушарием.

Эта интеллектуальная гимнастика помогает активизировать мозговую деятельность, улучшить память, скорость мышления и способность к восприятию новой информации, а значит и способность к обучению, развить креативность и творческие способности [5].

Лагерь не только имеет большой потенциал обучения, воспитания и просвещения. Он может дать детям с ОВС именно то, чего они недополучают в школе: навыки социализации, богатый эмоциональный и практический опыт, элементы гуманитарно-экологического воспитания [1; 2].

В лагере ребенок развивает умение находиться среди людей и быть самим собой. Если в школе важна информационная компетентность, и ценность имеет эрудиция, точность выполнения заданий, то в лагере на первый план выходит способность строить социальные отношения, коммуникабельность, практичность, мобильность, самоуважение и пр. Эти навыки отрабатываются во время игр, совместных дел, конфликтов и примирений, да и просто бытования. Это особенно важно для детей и подростков с социально-психологическими

проблемами, для тех, у кого неполные семьи, кто перенес психологическую травму, испытал стресс. Таким образом, для детей с ОВС лагерь – это важная школа социальных качеств [1].

Литература

1. Камнев А.Н. Деятельное экологическое образование и воспитание в детском научно–приключенческом экологическом лагере // В сборнике «Добродеевские чтения – 2018», Международная научно-практическая конференция 18-19 октября 2018 г. Москва. С. 266- 270.
2. Камнев А.Н., Камнев О.А. Приключение и экология: отдых и учеба с радостью. Один из возможных путей решения педагогических проблем современности // Народное образование, 2018. № 1467, 3-4. С. 128-143.
3. Камнев А.Н., Макарова С.А., Хохорина В.П. Детский лагерь как площадка для детей с ограниченными возможностями социализации и здоровья // В монографии: «Лагерь школе и обществу: история развития, психолого-педагогические и социально-коммуникативные возможности детского лагеря» / Под ред. А.Н. Камнева и В.И. Панова. М.: Народное образование, 2022. С. 297 -317.
4. Помазкова Н.А. Мозжечковая стимуляция как эффективный метод речевого развития (авторская разработка) / Н.А. Помазкова, О.В. Усманова // Вопросы дошкольной педагогики. 2020. № 8 (35). С. 54-61.
5. <https://karpov-clinic.ru/articles/nevrologiya/1112-kak-vozstanovit-nejrorny-golovnogo-mozga.html>

Социально-психологические аспекты фаббинга

Каракаш А.А., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Alex_Karakash@mail.ru, nkochetkov@mail.ru*

Технологический прогресс и цифровизация общества, помимо расширения возможностей и облегчения многих процессов повседневной жизни человека, повлекли за собой и возникновение такого негативного явления, как фаббинг. Фаббинг – социально-

психологический феномен, подразумевающий пренебрежение собеседником в процессе общения в пользу смартфона. Подобное поведение наблюдается во всех сферах взаимодействия: в семейных, дружеских, рабочих отношениях и т.д. Один из подходов к пониманию причин фаббинга рассматривает его как результат видов зависимого поведения: интернет-зависимости, зависимости от телефона, игровой зависимости и т.д. Второй подход в качестве причины выделяет проблемное использование смартфона, страх пропустить что-то важное, а также проблемы с самоконтролем. Эксперименты подтвердили, что присутствие при разговоре телефона, негативно влияет на оценку людьми качества общения: снижает качество сложившихся отношений и уровень эмоциональной вовлеченности собеседника. Данный эффект усиливается при обсуждении людьми лично значимой темы. Телефон в развитых обществах обретает символическое значение и является представителем широкого круга людей и информации. В результате этого, даже при его наличии в поле зрения, человек отвлекается от происходящего «здесь и сейчас», уходя мыслями в другие взаимодействия в виртуальном пространстве, становясь при этом менее внимательным к собеседнику. Опрос среди студентов показал, что порядка 70% людей, высоко оценивающих качество своего виртуального общения, испытывают сложности в общении вживую. На распространение феномена фаббинга большое влияние оказывает принятие такого поведения как нормативного. Человек, подвергающийся фаббингу, в какой-то момент начинает отвечать на это поведение взаимностью. И со временем часто повторяющийся фаббинг начинает восприниматься как норма [1; 4].

Под феноменом социальной тревожности понимается тревожность, вызванная различными ситуациями социального взаимодействия [2]. Данное понятие объединяет целый ряд явлений: от застенчивости до социофобии. Застенчивость является скорее социально разработанным термином и не имеет четкого определения. Она описывается как тревога, дискомфорт, торможение в ситуациях социального взаимодействия, особенно включающих внешнюю оценку другими людьми. Проявляется это в реакциях напряжения, вялости, неловкости, физическом дискомфорте, сдержанности, негативном самосознании и т.д [2]. Социофобия, на сегодняшний день, является самостоятельным психическим расстройством и определяется как выраженный и стойкий страх одной или более социальных ситуаций, в которых человек сталкивается с незнакомыми людьми или возможной

оценкой окружающими. Сопровождается выраженным избеганием ситуации, а также различными соматическими симптомами. Обычно при социофобии люди осознают гиперболизированность страха, однако не могут с ним конструктивно справиться. Социофобия, как и в целом социальная тревожность, имеет ряд дезадаптивных последствий, она значительно препятствует функционированию человека в обществе, его развитию в профессиональной и учебной деятельности [3]. Учитывая схожесть основных проявлений, множество исследований посвящено определению границы между застенчивостью и социофобией.

Мы провели исследование, в котором приняли участие 107 человек, среди которых – студенты колледжа (n=43), а также студенты московских вузов и люди, уже закончившие обучение (n=64). Распределение по полу в выборке составляет 56% женщин (n=60) и 44% мужчин (n=47). Респонденты проходили методику «Шкала фаббинга» (Phubbing Scale, E. Karadağ, et al, 2015, апробирована О.А. Екимчик, Т.Л. Крюковой, Е.С. Рулевой, 2020), а также шкалу оценки социальной тревоги М. Либовица.

В результате эмпирического исследования мы выявили, что показатели по шкале личного фаббинга и ее субшкалам («нарушение коммуникации» и «одержимость телефоном») взаимосвязаны с показателями социальной тревожности и двумя шкалами методики: тревожностью и избеганием ситуации. Наивысшие показатели значимости наблюдаются между показателем личного фаббинга и социальной тревожностью (включая обе шкалы), а также субшкалой нарушения коммуникации и социальной тревожностью (включая обе шкалы). Полученные результаты мы можем объяснить следующим образом. Социально тревожные люди больше склонны к фаббингу как средству защиты от прямого непосредственного контакта. Люди испытывают сложности во взаимодействии лицом к лицу, которые, помимо прочего, детерминированы социальной тревожностью, в результате чего они отдают предпочтение онлайн-общению и стараются уйти от непосредственного контакта.

Также, учитывая то, что социально тревожные люди склонны более негативно оценивать нейтральные социальные ситуации, возникает интерес, насколько такие люди воспринимают фаббинг как норму. Можно предположить, что, становясь объектом фаббинга, социально тревожные люди воспринимали его гораздо более негативно, нежели остальные. Этот факт, возможно, ускоряет

возникновение обратного фэббинга. Данные вопросы было бы интересно затронуть в дальнейших исследованиях.

Литература

1. *Крюкова Т.Л., Екимчик О.А.* Фэббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3.
2. *Никитина И.В., Холмогорова А.Б.* Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1 // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 1.
3. *Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.* Социальные страхи и социофобии. Томск., 2007.
4. *Чвякин В.А., Григорьев Н.Ю.* Фэббинг в структуре социальных коммуникаций: социологический анализ явления // Гуманитарий Юга России. 2020. №5.

Эмпирическое исследование взаимосвязи копинг-стратегий и готовности к изменениям

Карасев А.Д., Олиндер Н.В.

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия
olindernv@yandex.ru*

Готовность к изменениям, реакция на стресс, являясь важным эффектом психологического взаимодействия людей, развития самого человека, связана с вопросами управления психическими явлениями. Актуальность и новизна исследования заключается в попытке изучить копинг-стратегию не только как способ совладания со стрессом, но и как вспомогательный компонент в решении вопросов, связанных с готовностью принятия изменений.

Гипотеза исследования: между выбором копинг-стратегий и готовностью к изменениям существует взаимосвязь. Методики исследования: для изучения копинг-стратегий – методика COPE в адаптации Рассказовой – Гордеевой – Осина; для изучения готовности к изменениям – методика PCRS в адаптации Н.А. Бажановой и Г.Л. Бардиер.

Характеристика выборки – 91 респондент, из них 68% женщин, средний возраст респондентов 26 лет.

Любое изменение чаще всего связано с переживанием стресса, именно поэтому гипотезой исследования является изучение взаимосвязи между готовностью к изменениям и применяемыми человеком копинг-стратегиями. Понятие копинг-стратегии ввел американский психолог Ричард Лазарус в 1966 году в книге «Психологический стресс и процесс совладания», применив его для описания приемов, которые человек осознанно использует для совладания со стрессом. В научной литературе выделена следующая классификация копинг-стратегий: воздействующие на ситуацию; направленные на переоценку ситуации и направленные на снятие эмоционального напряжения. Это исследования ученых Л. Перлин и С. Шулер [4]; Р. Моос и Дж. Шеффер [2].

Р. Лазарус [1, с. 125] определял следующую структуру копинг-процесса: восприятие стресса – когнитивная оценка – выработка стратегий преодоления – оценка результата действий. Другой подход состоит в том, что копинг-стратегии группируют в копинговые стили – функциональные (прямая попытка справиться с проблемой) и дисфункциональные (использование непродуктивных стратегий), например, работы Г. Фрайденберга [3].

На наш взгляд, интересным является то, что поведение человека строится в зависимости от *объективных возможностей* изменения ситуации. Если он может повлиять на стрессор, то применяет копинговую реакцию, если нет, то стремится к избеганию или переоценке. Таким образом, успешная адаптация возможна только тогда, когда человек может воспринимать стрессор объективно и в полном объеме.

В результате исследования наиболее предпочтительными копинг-стратегиями оказались «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Планирование», «Активное совладание», «Использование инструментальной социальной поддержки». При этом наименее предпочтительные следующие стратегии: «Отрицание», «Поведенческий уход от проблемы», «Обращение к религии», «Использование «успокоительных».

Таким образом, наиболее выраженные механизмы совладания со стрессом направлены на переосмысление стрессовых ситуаций в позитивном ключе, планирование дальнейших действий и последующих активных действиях, направленных на разрешение ситуации.

В исследовании был проведен корреляционный анализ копинг-стратегий и аспектов готовности к изменениям с использованием рангового коэффициента Спирмена.

Положительную корреляцию готовности к изменениям и стратегий совладания дали следующие копинг-стратегии: «Позитивное переформулирование и личностный рост» ($r=0,31$ при $p<0,01$) и «Активное совладание» ($r=0,26$ при $p<0,05$). Обе эти стратегии указывают на субъектность личности и стремление к положительному разрешению стрессовой ситуации, которую могут создавать изменения.

Копинг-стратегии: «Планирование», «Подавление конкурирующей деятельности», «Юмор», «Обращение к религии» и «Использование инструментальной социальной поддержки» корреляцию с готовностью к изменениям не показали, хотя и оказывают влияние на аспекты готовности к изменениям.

По копинг-стратегиям «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание» «Планирование», «Подавление конкурирующей деятельности», «Юмор», «Обращение к религии» и «Использование инструментальной социальной поддержки» не было выявлено корреляций с аспектом готовности к изменениям – «Оптимизмом», из чего можно сделать вывод, что люди, использующие эти копинг-стратегии, стараются рассмотреть ситуацию полностью, ориентируясь и на задачи, и на способы их решения.

Отрицательную корреляцию готовности к изменениям и стратегий совладания дали следующие копинг-стратегии: «Поведенческий уход от проблемы» ($r=-0,47$ при $p<0,01$), «Отрицание» ($r=-0,44$ при $p<0,01$), «Сдерживание» ($r=-0,44$ при $p<0,01$), «Мысленный уход от проблемы» ($r=-0,41$ при $p<0,01$), «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» ($r=-0,35$ при $p<0,01$), «Принятие» ($r=-0,21$ при $p<0,05$), «Использование эмоциональной социальной поддержки» ($r=-0,21$ при $p<0,01$).

Все эти копинг-стратегии характеризуются уходом от проблемы и объектностью личности в ситуации изменения-стресса. При возникновении изменений люди с выраженностью указанных выше копинг-стратегий предпочитают дожидаться окончания изменений и даже не пытаются разобраться с ситуацией, вызвавшей стресс.

При этом с «Оптимизмом» выявлена отрицательная корреляция, из чего можно сделать вывод, что выбирающие негативные копинг-стратегии имеют пессимистичный взгляд на вещи и могут не прибегать к использованию новых методов для решения проблем. Копинг-стратегия «Использование «успокоительных»» корреляцию с готовностью к изменениям не показала. Выявленная обратная корреляция с аспектом «Толерантность к двусмысленности», на на

взгляд, говорит о том, что, в стрессовой ситуации изменений люди стараются прояснить ситуацию, чтобы снизить влияние стрессора неопределенности.

Таким образом, наша гипотеза частично подтвердилась. Между копинг-стратегиями «Позитивное переформулирование и личностный рост», «Активное совладание», «Поведенческий уход от проблемы», «Отрицание», «Сдерживание», «Мысленный уход от проблемы», «Концентрация на эмоциях и их активное выражение», «Принятие», «Использование эмоциональной социальной поддержки» и готовностью к изменениям существует взаимосвязь.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
2. *Гарбер А.Н.* Совладающее поведение: аналитический обзор зарубежных исследований // Актуальные вопросы современной психологии: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, февраль 2015 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2015. С. 17-19. URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/157/7325/> (дата обращения: 11.03.2022).
3. *Ермакова Е.В.* Изучение синдрома эмоционального выгорания как нарушения ценностно-смысловой сферы личности (теоретический аспект) // Культурно-историческая психология. 2010. Том 6. № 1. С. 27–39.
4. Копинг: справляемся со стрессом // Электронный ресурс Психологос. Энциклопедия практической психологии // <https://www.psychologos.ru/articles/view/koping-dvoe-zn--spravlyaemsya-so-stressom> Дата обращения 4.03.2022

Феноменология переживания эффективного межкультурного общения

Карачун М.Л., Ткаченко Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
maria@karachun.com, tkachenkonv@mgppu.ru*

В ситуации активного развития международных связей, роста миграционных процессов, а также межэтнической напряженности очевидно необходимость научного понимания механизмов выстраивания позитивных и конструктивных межкультурных

отношений [1; 3; 5; 7]. На данный момент проведено уже большое количество исследований в рамках позитивного подхода с опорой на количественные методы, однако внутреннее содержание феномена эффективного межкультурного взаимодействия по-прежнему остается непроясненным. Есть потребность в его углублении и конкретизации с помощью качественного подхода [2; 4; 6; 8].

Цель исследования – изучение феноменологии переживания эффективного межкультурного общения эмигрантами из России.

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы в работе была проанализирована теория управления беспокойством/неопределенностью У. Гудиканста, проведено три полуструктурированных интервью с эмигрантами из России с последующей транскрипцией и анализом текстов, составлено плотное описание феномена переживания эффективного межкультурного общения, полученные результаты сопоставлены с выбранной теоретической рамкой.

Нами было проведено три интервью. Длительность интервью варьировалась от 65 до 90 минут. Выборку составили 3 женщины в возрасте от 43 до 58 лет, эмигрировавших в страны Северной Европы – Данию, Норвегию и Финляндию – от 3 до 25 лет назад. Нами была использована следующая схема интервью, включающая блоки вопросов по следующим темам: 1. Вводная часть, 2. Общие вопросы об информанте в контексте исследования, 3.1. Анализ ситуации эффективного межкультурного общения, 3.2. Тревога, 3.2. Неопределенность, 3.3. Идентичность и межгрупповая тревога, 4. Идеальная модель эффективной межкультурной коммуникации, 5. Завершение разговора. В то же время, в зависимости от хода разговора, характера ответов и опыта испытуемых мы просили рассказать что-то подробнее, проясняли какие-то детали и формулировки, что соответствует цели и идеологии полуструктурированных интервью. Все полученные интервью транскрибировались, полученные тексты анализировались по следующей схеме: разметка утверждений, кодирование, выделение базовых категорий, интерпретация и обобщение.

В результате проведения эмпирического исследования и анализа его результатов были сделаны следующие выводы. Была показана общая применимость теории управления тревогой/неопределенностью Гудиканста для анализа феноменологии переживания эффективного межкультурного общения эмигрантами из России в странах Северной Европы. Очевидно, что она хорошо описывает динамику успешной межкультурной коммуникации. Однако не может быть использована

для анализа ситуаций за пределами нижнего и верхнего порогов тревоги-неопределенности. В частности, представлений об идеальных ситуациях межкультурного общения, а также случаев, оцененных респондентами как ситуации неуспешного межкультурного общения. Кроме того, в результате проведенного исследования была выявлена недостаточность определения эффективности межкультурной коммуникации Гудиканста как «снижения непонимания, которое можно определить по степени соответствия интерпретации принимающего информацию, первичному значению, которое вкладывал передающий информацию» для опыта эмигрантов. А также подтвердилась ограниченная применимость термина «коммуникация» в качестве синонима понятия «общение» в контексте качественного исследования. Поскольку сам формат полуструктурированного интервью не только допускает субъективное суждение, выраженное естественным языком, но ставит своей целью максимально полно расспросить респондента о его личном переживании общения. Особенно важным это оказывается для русскоязычных респондентов, в культуре которых, по мнению многих исследователей, общение занимает особое место. Исследование проводилось в апреле 2021 года, в онлайн формате. К этому моменту уже больше года в странах проживания респонденток были введены ограничительные меры, связанные с коронавирусной инфекцией (локдаун). Влияние этого обстоятельства не было непосредственно в фокусе нашего исследования, но, по словам одной из респонденток, значительно ограничило возможность общения и в целом адаптацию в новой стране.

В нашем исследовании мы стремились «дать голос» самим эмигрантам, показать их смыслы и переживания, то есть то, что остается вне поля видимости количественных исследований. Мы стремились показать связь между феноменологическим составом опыта и особенностями жизни эмигрантов из России. Мы также подтвердили общую применимость теории управления тревогой/неопределенностью У. Гудиканста в описанном контексте, показав при этом ее ограничения [9; 10].

Литература

1. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2019.
2. *Гатальская Г.В., Джиганская К.Н.* Феноменология переживаний и успешность адаптации вынужденных

- мигрантов // Российский психологический журнал. 2016, том 13. №3, с. 10-24.
3. *Гриценко В.В., Мурашенкова Н., Бражник Ю.В.* Изучение социально-психологической адаптации соотечественников, переселяющихся из ближнего зарубежья в Россию: научно-методологический аспект // Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т.5. №1 с. 39-46.
 4. *Кудинова Ю.П., Мамаева А.М.* Анализ существующих подходов к изучению деятельности общения // Вестник красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011 г. Т. 1. №3. 139-144.
 5. О понятии «общение» // Социальная педагогика. 2016. №1-2. С. 33-44.
 6. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. Учебник. М.: Аспект Пресс. 2014.
 7. *Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум 2010. С. 229-231.
 8. *Улановский А.М.* Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл 2019.
 9. *Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Шорохова В.А.* Комплексная модель межкультурной компетентности: теоретическое обоснование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т.17. №1. С. 13-28.
 10. *Хухлаев О.Е.* Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т.11. №4. С. 26-41.

Отношение студентов психологических факультетов к традиционной и альтернативной формам трудовой занятости

Карнова Ю.К., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yuliya_96@bk.ru

Изучение отношения студентов к различным формам занятости актуально в связи с быстро меняющейся ситуацией на рынке труда. Причинами трансформаций форм занятости являются экономические

кризисы, тенденция к цифровизации и автоматизации внутри компаний [2]. Использование альтернативных форм занятости способствует профессиональной реализации людей, для которых традиционные формы занятости не подходят по ряду причин [1,4]. Кроме того, большое влияние оказывает тенденция востребованности транспрофессионализма. Под данной характеристикой понимают способность сотрудника решать поставленные перед ним задачи, выходя из рамок узкой специальности или должности, уметь дополнить свое решение знаниями и методами из смежных областей, с целью поиска уникального решения [3]. В связи с данными факторами, альтернативные формы занятости могут выступать как способ адаптации сотрудника на рынке труда. В рамках данной работы под традиционной формой мы понимаем работу по найму со стандартными условиями труда, а под альтернативными формами мы подразумеваем самозанятость, фриланс и дистанционную занятость. Изучать особенности альтернативных форм занятости активно стали в последние 20 лет, в частности В.В. Аранжин, Д.О. Стребков, А.В. Шевчук, Е.Г. Леонтьев, Ю.А. Моисеенко и другие современные авторы.

Цель нашего исследования заключается в проведении сравнительного анализа отношения студентов к традиционной и альтернативной формам занятости. В нашем исследовании приняли участие 62 студента, из них 47 девушек и 15 юношей. Средний возраст группы 21 год. Исследование проводилось на 4 факультетах: социальная психология, клиническая и специальная психология, консультативная и клиническая психология и юридическая психология. В исследовании приняли участие студенты бакалавриата и магистратуры. Для изучения отношения к различным формам занятости мы использовали «Метод семантического дифференциала» в модификации В.П. Серкина [5] и разработали анкету для изучения понимания студентами различных форм занятости.

По результатам анкетирования студенты выделили по 3 характеристики, которые, по их мнению, наиболее характерны для каждой из форм занятости. Для традиционной формы – стабильность (25,4%), официальные трудовые отношения (19,6%) и постоянное место работы (17,5%); для альтернативной формы – самостоятельность (28,5%), возможность самореализации (22,6%) и мобильность (20,4%). При этом характеристики, которые можно считать преимуществом для традиционной формы занятости – это стабильный доход (20,8%), степень ответственности согласно

должности (15%) и социальные пакеты (13,4%), тогда как для альтернативной формы преимуществом являются – гибкий график (26,4%), мобильность (28,3%) и возможность самостоятельно выбирать средства и способы работы (17,7%). Недостатками же студенты выделили: территориальная привязанность (26,2%), контроль (24,6%), фиксированный график (16,4%) для традиционной формы и конкурентность (23,7%), необходимость критически оценивать свою работу (16,1%) и отсутствие контроля (15%) для альтернативной формы занятости. Важными характеристиками для студентов являются мобильность и гибкость графика. Отнесенные к недостаткам традиционной формы они успешно реализуются в рамках альтернативной. По данным результатам любопытным феноменом является отношение к контролю. Они отнесли наличие контроля к недостаткам традиционной формы, а отсутствие контроля к недостаткам альтернативной формы. Данный феномен нуждается в дополнительном изучении.

В семантическом дифференциале студентам необходимо было определить степень выраженности качества по отношению к альтернативной и традиционной формам занятости из 59 пар противоположных прилагательных. По результатам данного метода, нами было выявлено, что для традиционной формы занятости наиболее ярко выраженными являются 5 прилагательных: официальная (1.68), долгосрочная (1.98), обязательная (2), стабильная (6), легальная (6.28). В 34% прилагательных студенты не определили большее соответствие какой-либо характеристике по отношению к традиционной занятости, и результаты приближены к 4 баллам. В остальных случаях степень выраженности слабая. Для альтернативной формы занятости студенты выделили 4 характеристики: творческая (6), ненормированная (5.9), удовлетворяющая (5.9), лично значимая (2). Для альтернативной занятости лишь в 12% прилагательных студенты не определили соответствие характеристик альтернативной занятости и результат равен 4 баллам. Это может говорить о более дифференцированном отношении к данной форме.

Исходя из полученных результатов, традиционная форма описывается более формальными характеристиками, которые отражают в большей степени только специфические характеристики организации труда. Альтернативная форма описывается не только формальными характеристиками, но и ценностной, такой как самореализация. Кроме того, в альтернативной форме отразились такие категории как личная значимость и удовлетворение. Это может

свидетельствовать о более позитивном и лояльном отношении студентов к альтернативным формам занятости.

Литература

1. *Бабак Н.Р.* Нестандартная занятость студентов на рынке труда (на примере Омского региона) // Молодёжь третьего тысячелетия : сборник научных статей XLII региональной студенческой научно-практической конференции, Омск, 02–27 апреля 2018 года / Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2018. С. 608-612.
2. *Гарифуллин Б.М., Зябриков В.В.* Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // Креативная экономика. 2018. Том 12. № 9. С. 1345-1358.
3. *Зеер Э.Ф.* Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности к профессиональному будущему / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк, Е. В. Лебедева // Сибирский психологический журнал. 2021. № 79. С. 89-107.
4. *Костюнина Г.М.* Гибкие формы занятости: мировой опыт и практика Сингапура // Труд за рубежом. 2004. №2. С.95-110.
5. *Серкин В.П.* Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учебное пособие для вузов. М.: Издательство ПЧЕЛА, 2008. 382 с. С. 276- 287.

Современные проблемы исследования этнической идентичности в ситуации неопределённости (на примере Республики Молдова)

Кауненко И.И.

*Центр Этнологии, Институт культурного наследия, Кишинёв,
Республика Молдова
irina.caunenco@gmail.com*

Длительное исследование этноидентификационных процессов в нашем регионе требует своего теоретического осмысления. Накопленный эмпирический материал по этнической идентичности разных этнических групп (молдаван, русских, гагаузов, украинцев, болгар), возрастных (старших школьников, молодёжи, взрослых) обозначил ряд проблем [2]. Например, понимание межгрупповых

идеологических установок (ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм) имеет большое значение для гармонизации межэтнических отношений. Как отмечают Д.И. Дубров и Д.С. Григорьев, ни одна из идеологий не существует в «чистом виде», а одновременно присутствует с другими, в зависимости от социально-политического контекста и особенностей протекания этноидентификационных процессов у разных этнических групп [1, с. 149-150]. Так например, у группы русских старших школьников и молодежи выявлена проблемная актуализированная этническая идентичность, в сравнении с группой взрослых, у которых – позитивная актуализованная этническая идентичность. По иерархии этнических предпочтений данная группа у молдаван, украинцев, болгар, гагаузов занимает второй-третий ранг (2,56-69).

Поэтому анализ динамики трансформаций этнической идентичности у разных возрастных (поколенных) групп может стать основой для успешной реализации идеологий мультикультурализма, поликультурализма.

Другой значимый фактор, оказывающий влияние на этноидентификационные процессы – это трудовая миграция, которая в последнее время приобретает черты безвозвратной. В нее длительно включены разные поколенные группы. В настоящее время, в результате полученного безвизового режима с Европейским Союзом, растет значение и объемы циркулярной трудовой миграции. Молдавская диаспора все больше оказывает влияние на социокультурные процессы в стране.

Нами был проведено анкетирование 17 респондентов из числа молдаван, находящихся на заработках в г. Пьяченца (Piacenza) на юго-востоке Италии. Анкетирование по нашей просьбе было проведено Рошкой Татьяной, докторанткой УЛИМа, в августе 2018 г. Анкета включала три вопроса: «Когда Вы возвращаетесь в Республику Молдова, какие изменения наиболее видны (очевидны), с Вашей точки зрения?», «Вы хотели бы, чтобы Ваши дети помнили о Республике Молдова?», «Что они должны помнить?». В результате исследования было установлено, что в содержании этнокультурной трансмиссии родителями детям доминирует положительное отношение к родине, к стране. Родители хотели бы, чтобы дети помнили, сохранили национальные традиции, и, по всей видимости, это будет значимым маркером при сохранении этнической идентичности у молодых «итальянских молдаван». Родители не

против, чтобы дети возвращались время от времени домой, однако большинство отмечает, что «решение за детьми».

Было выявлено у части респондентов, что в содержании этнокультурной трансмиссии трудовых мигрантов детям присутствуют и негативные переживания относительно родной страны (обида, переживание материальных лишений). Хотя они и не составляют доминирующую часть, однако можно предположить, что она значительна, так как есть дети трудовых мигрантов, которые перенесли материальные трудности еще в детстве, а данные автобиографические воспоминания достаточно устойчивы. Наряду с тем, что исследование феномена этнокультурной трансмиссии детям родителями – трудовыми мигрантами помогает нам понять, как работать более эффективно с молдавской диаспорой, необходимо учитывать ее влияние на процессы этнической идентичности у разных этнических, поколенных групп.

Литература

1. *Дубров Д.И., Григорьев Д.С.* Современные исследования межгрупповых идеологий: ассимиляционизм, этнический дальтонизм, мультикультурализм, поликультурализм // *Общественные науки и современность.* 2019. № 1. с. 143-155.
2. *Кауненко И.И.* В поисках этнической идентичности или становление этнической психологии в Республике Молдова // *Probleme din istoria psihologiei în Republica Moldova Iași: Pan Europe,* 2018, с. 56-69.

Влияние взаимоотношений в системе «родитель – спортсмен» на результат спортивной деятельности

Ким Р.В., Дашко И.В., Конопельчева Н.А.
МАУ СШОР «Вымпел», Калуга, Россия
vumpel.kaluga@mail.ru

В настоящее время динамику спортивной результативности принято связывать с хорошей физической подготовкой спортсмена, и лишь единицы учитывают и прорабатывают социально-психологический аспект его жизни. Во многом ситуация игнорирования социально-психологической сферы жизни в процессе

спортивной подготовки спортсмена не позволяет осуществить полноценный его переход на уровень конкурентноспособной личности [1; 2; 3].

При осуществлении многолетнего психологического сопровождения специалистами научно-методического центра сопровождения спортсменов «Чемпион» СШОР «Вымпел» выработана эффективная система, которая направлена на изучение различных сторон личности спортсмена, в том числе и на изучение его социального окружения, что подразумевает собой спортивную команду поддержки.

Как правило, значительное число спортсменов включают в эту команду своих родителей. И здесь очень важно понимать, что родители будущих чемпионов действительно играют одну из ведущих ролей в развитии и совершенствовании своего ребенка в области спорта.

На сегодняшний день в работе с детьми нами определена проблема, которая заключается в неправильном понимании и недооценивании своего влияния на результативность юных чемпионов со стороны родителей. Определено, что большинство родителей не понимают, что их действия, эмоциональные реакции и отношение в целом существенно влияют на качественные характеристики работы ребенка на тренировочных занятиях и способны потенциально либо улучшить, либо ухудшить его будущие результаты.

Проблематика во многом связана с психологической непросвещенностью родителей в вопросах спортивной психологии. Далее авторами представлены основные проблемные стороны межличностного взаимодействия в системе «родитель-спортсмен», требующие детального внимания со стороны специалистов:

Во-первых, значительное число родителей имеют неправильное трактование и понимание ситуации соревнования. Родители оценивают соревнование как нечто стихийное, тем самым, формируя у своего ребенка понимание опасности и, как следствие, перед стартом ребенок может испытывать чрезмерный страх, тревогу и желание убежать с этого соревнования.

Во-вторых, родители наделяют своего ребенка чрезмерными ожиданиями и возникает ситуация «ты должен победить». В ситуации «ты должен победить» спортсмен лишен возможности получить удовольствие от соревнования и, как следствие, возникает низкая замотивированность участия в соревнованиях в дальнейшем, снижается интерес к занятиям спортом, а в некоторых случаях в знак

протеста юный чемпион может вообще отказаться заниматься спортом.

В-третьих, большинство родителей способны чрезмерно эмоционально реагировать на проигрыш своего чемпиона. Систематическое негативное реагирование родителей на проигрыш ребенка способно в дальнейшем сформировать устойчивые особенности спортсмена, такие, как неуверенность в себе и в своих силах, тревожность и низкая самооценка.

В-четвертых, есть другой вариант реагирования родителей на проигрыш ребенка: родители предпочитают замалчивать свои эмоции или формируют поведение, как будто ничего не произошло. Так возникает ситуация обесценивания проделанной работы на соревнованиях и «застоя» в спортивной карьере ребенка. Данная стратегия поведения родителей приводит к тому, что спортсмен не чувствует динамику в своей спортивной результативности.

В-пятых, многие родители предпочитают избегать разговора со своими детьми о предстоящих соревнованиях. Данная стратегия поведения способна привести к тому, что ребенок окажется в ситуации психологической неготовности к данному соревнованию. Для него будет характерна рассеянность, невключенность в боевой процесс и, конечно же, невозможность проявить весь свой потенциал.

Стоит также отметить, что авторы определили следующие наиболее благоприятные варианты взаимоотношений в системе «родитель-спортсмен».

Основная роль родителей в спортивной жизнедеятельности своего ребенка заключается в осуществлении грамотной поддержки, которая основывается на знании, понимании того, как правильно поддержать своего ребенка, и применение их в жизни.

При этом родителям стоит изучить возможные варианты эмоциональной саморегуляции, что позволит научиться правильно проявлять свои эмоции, а в дальнейшем сформирует благоприятное межличностное общение в системе «родитель-спортсмен».

Неотъемлемой частью эффективного взаимодействия является помощь ребенку в анализе проделанной работы на соревнованиях. При этом стоит учесть, что анализ должен проводиться с условиями правильного взаимодействия, а именно – стоит задавать открытые вопросы, которые способны направить ребенка на размышление и анализ. Данная работа необходима для определения сторон, которые стоит учесть спортсмену и подтянуть в последующем.

В ситуации предоставления обратной связи родителям стоит отмечать не только моменты, которые стоит подтянуть, а также отметить и то, что у ребенка получилось продемонстрировать с лучшей стороны. Наличие в анализе положительной тенденции позволяет оставить спортсмена в состоянии баланса между сильными и слабыми сторонами, что способно сформировать повышение замотивированного участия в соревнованиях и эффективности работы на тренировочных занятиях.

Литература

1. *Енгальчев В.Ф.* Психологические основы вузовской подготовки специалистов в юридической психологии: дисс. ... д-ра. психол. наук. Санкт-Петербург, 2006.
2. *Лубышева Л.И.* Социология физической культуры и спорта: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л.И. Лубышева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 354 с.
3. *Самыгин С.И., Самыгин П.С., Попов М.Ю.* Спорт как институт социализации современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-institut-sotsializatsii-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi> (дата обращения: 14.04.2022).

Проблемы цифровой социализации детей и подростков в контексте культурно-исторической концепции Л.С. Выготского

Киселева Е.А., Ильиных Ю.В.
ФГБОУ ВО РГГУ, Институт психологии
им Л.С. Выготского, Москва, Россия
yulechka335@mail.ru

Проблема киберсоциализации детей и подростков становится сейчас все более актуальной. В современных условиях информационного противоборства все острее становятся вопросы цифровой и психологической безопасности личности и ее психологической защиты [2, с. 189]. Этой теме посвящены многие научные исследования, раскрывающие факторы и механизмы

цифровой психологической безопасности в современном обществе (Т.Д. Марцинковская, А.Г. Асмолов, А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина и др.) [1, с. 201]. Адаптированность личности в цифровом пространстве рассматривается как стремление к использованию находящегося в нем информационного контента в сетевом социальном взаимодействии. Потребность личности ориентироваться на референтные группы в социальных сетях становится преобладающей.

Тема развития психики ребенка и влияния на нее Интернета пересекается с пониманием культурно-исторической концепцией Выготского. Рассмотрим основные положения этой концепции в текущих изменениях цифровой социализации.

Меняется социальная ситуация развития ребенка. Если раньше в это понятие включали близких взрослых и детей вокруг ребенка, то сейчас на развитие ребенка влияют другие люди, которые взаимодействуют с ним по сети. Они становятся более референтным и компетентным кругом, чем те люди, которые непосредственно находятся рядом с ним. Это касается цифровой компетентности, когда ребенок осваивает определенные навыки в сети, включая основы профессиональной подготовки. Поскольку носителем социокультурного опыта становится обезличенный субъект цифрового пространства, формирование у ребенка системы культурных средств, знаков и паттернов поведения все больше осуществляется вне семейного смыслового контекста. Это, в свою очередь, приводит к усилению ценностно-мотивационного разрыва между родителями и детьми. Таким образом, социальная ситуация частично уходит в сеть. Зона ближайшего развития ребенка также формируется именно в Интернете, поскольку определяется референтным лицом из виртуального пространства.

Возрастные кризисы развития также претерпевают изменения. Происходит временное смещение проживания содержательной процедуры кризиса. С традиционной точки зрения, в результате прохождения возрастного кризиса ребенок переходит на новый этап формирования новой деятельности, которая оказывает максимально развивающее воздействие на его психику. Дошкольник, который должен заниматься ролевой игрой, часто играет в компьютерные игры, что приводит к тому, он не обретает нужные навыки готовности к школе (регуляция своего поведения, децентрация мышления). Часть ресурсов, которые должна уходить на развитие личностных характеристик, соответствующих возрастным нормам, тратится на освоение предметно-манипулятивных действий в цифровой среде, что

приводит к задержке развития высших психических функций. В результате ребенок младшего школьного возраста с трудом осваивает следующий ведущий вид деятельности – учебную. Замедление темпа учебной деятельности приводит к задержке формирования теоретического и абстрактно-логического мышления. В подростковом возрасте возникают трудности с пониманием текста, контекста и т.д. Вопросы самоопределения откладываются на период после получения профессионального образования.

Ведущая онлайн-деятельность в подростковом возрасте также смещается в сеть. Общение в цифровой среде является достаточно специфическим, деформированным и формальным, поскольку не учит опираться на эмоциональную реакцию собеседника. В результате навыки, связанные с социальным и эмоциональным интеллектом, также формируются дольше. Примером утраты реальных социальных связей среди детей и подростков является отсутствие у них представлений о том, с кем они учатся, какие интересы у их одноклассников [3, с. 49]. Анализ активности подростков в цифровом пространстве показывает, что преобладающими в нем являются виды деятельности, направленные на решение учебных задач, развитие и самоопределение, общение в рамках познавательной необходимости. Кроме того, в Интернете дети подростки осуществляют потребительские, релаксационные и коммуникативные цели. Становление субъектности личности подростка также связано с цифровой реальностью. Предъявление сетевому сообществу таких элементов персонификации, как «никнейм» и «аватар», отображает специфические для подросткового возраста особенности. С помощью этих инструментов появляется возможность представить свою индивидуальность и уникальность. В этих процессах проявляются типичные проявления критичности мышления и потребности противопоставить себя устоявшимся правилам.

Таким образом, цифровая среда оказывает пролонгированное воздействие на все механизмы социализации современных детей и подростков. Именно поэтому важно анонсировать этот процесс, снижать его искажения и возвращать в нормативные рамки.

Литература

1. Голованова, Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка: учебное пособие. М.; Вологда: Инфра-Инженерия, 2021. 252 с.

2. *Луцкая Е.Е., Халитова И.В.* Влияние цифровых технологий на социализацию детей доподросткового возраста (4-11 лет) / Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования: материалы международной конференции (г. Москва, МПГУ, 24-25 апреля 2018 г.). Избранные статьи / под общ. ред. М.М. Мусарского, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. Москва МПГУ, 2018. 376 с.
3. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.

К вопросу об авторской позиции в построении собственной карьеры в новых реалиях хрупкого мира

Ковалева Т.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Tkovaleva2007@gmail.com

В современных российских социально-экономических условиях в связи с увеличением количества кризисов в разных сферах жизни (политические и экономические кризисы, пандемия, вооруженные конфликты), ощущением нестабильности этого мира, где все больше говорят не столько о неопределенности, изменчивости и турбулентности, сколько о хрупкости, тревожности и непостижимости всех происходящих событий, перемен и поворотов, которые вынуждены переживать абсолютно все организации и корпорации, в частности, как работодатели, проблема профессионального самоопределения, выстраивания человеком своей аутентичной карьеры, востребованности и адаптивности на современной рынке труда выступает как никогда со всей остротой.

Для российских организаций турбулентность стала уже одной из постоянных составляющих работы [4], а кризис как понятие, который древние греки определяли как поворотный момент, утратил свой исходный смысл чего-то редкого. Как четко это выразил генеральный директор одной российской компании в ответ на возражения своего совета директоров о несоответствии исходных бизнес-планов и результатов: «Как мне добиться точности в прогнозах, когда каждый

год в моем пруду садятся несколько «черных лебедей» [4]. Из этого следует, что умение преодолевать кризис перестает быть узким профессиональным навыком, например, руководителей, оно стало необходимым практически для каждого человека. Среди лидерских установок по отношению к происходящему особенно выделяется возвращение авторства в своей жизни в ситуации, когда события находятся вне личного контроля, т.е. возвращение известного в психологии как «внутреннего локуса контроля» с внешних обстоятельств, других людей, судьбы на самого себя, свой собственный выбор и действия.

В неопределенности есть и положительные стороны: ее можно научиться рассматривать как нечто желанное и необходимое и, таким образом, обрести «антихрупкость», навык ориентироваться в собственном будущем, принимать жизненно важные решения в нестандартных ситуациях, смело использовать метод проб и ошибок, творческий подход, оценивать риски, следить за инновациями, политикой, образованием, экономической системой и т.д. [3]. Это, по сути, и есть все самые важные качества, необходимые сегодня уже каждому человеку, сотруднику-лидеру в авторской позиции на рабочем месте и по жизни в целом.

Когда мы говорим о карьерном планировании, то мы уже давно не имеем в виду одну профессию на всю жизнь. В XXI веке не так много людей в течение жизни смогли следовать единожды выбранной работе и роду занятий. Большая часть людей постоянно сталкивается с необходимостью иметь дело с множеством и изменений в течение профессиональной жизни, особенно в реальных условиях. В связи с чем карьера – это скорее цепь событий, которая составляет жизнь, последовательность профессиональных занятий и других жизненных ролей, которые вместе выражают приверженность человека действовать в соответствии с его личной моделью саморазвития и стремлением к самореализации [2]. В рамках организации карьера охватывает рост знаний, навыков, ответственности, изменение или углубление специализации, роли и профессии. Управление карьерой – это управление траекторией движения человека в организации, и главным в этом процессе является то, что именно сам сотрудник осознанно, опираясь на свою аутентичность, на знание себя, представление о своем призвании, индивидуальности, ценностях, сильных и слабых сторонах, интересах и стремлениях, ставит перед собой цели и планирует их достижение [1]. Ответственность, чтобы все получилось, больше не лежит на работодателе, и остановится

опасным жить в позиции ожидания – «меня должны развивать», «мне должны что-то предложить». Знание своих ориентиров, которые помогают составить вектор движения в долгосрочной перспективе, является основой построения аутентичной карьеры.

Однако даже при наличии авторской позиции в профессиональном выборе с опорой на знание себя ситуация осложняется тем, что в современных реалиях как будто уже не имеет смысла планировать далеко вперед, и к аутентичности карьеры добавляется еще и гибкость для того, чтобы человек мог быстро сориентироваться, адаптироваться и остаться востребованным на рынке. Если раньше самыми ценными качествами для прохождения карьерного маршрута были упорство и постоянство, то сейчас – адаптивность, гибкость, контакт с реальностью и постоянно меняющимися внешними обстоятельствами, которые могут привести в том числе и к внутренним [2]. Профессиональные сферы меняются, внутри них возникают новые профессии, появляются новые ниши, а старые отмирают [1]. Все эти изменения вызывают стресс, поскольку нет той самой «антихрупкости», толерантности к неопределенности [2].

Подводя итог всему вышесказанному, в современных российских социально-экономических условиях, в новых реалиях хрупкого мира каждому человеку с целью оставаться востребованным и приверженным своему призванию и самореализации, более чем когда либо важно быть в авторской позиции в построении своей карьеры, опираться на свою аутентичность, сильные стороны и стремления, которые как раз и дают ощущение уверенности, и развивать в себе ту самую антихрупкость, которая всегда позволит гибко реагировать на изменения и адаптировать свою выверенную карьерную траекторию.

Литература

1. *Ковалева Т.В.* Профорientационная помощь в профессиональном самоопределении учащихся в сфере лингвистики. Вопросы гуманитарных наук, №1. М: «Спутник +», 2005. С.335-336.
2. *Резанова Е.* Это норм! Книга о поисках себя, кризисах карьеры и самоопределении. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 336 с.
3. *Талёв Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н.Караева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 768 с.

4. *Шекшня С., Загиева В., Улановский А.* Руководители-чемпионы. Практики аутентичного лидерства. М.: МИФ, 2019. 288 с.

Отношение молодежи к здоровью в период пандемии Covid-19

Ковыльникова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kovylnikovaeva@mgppu.ru

Сохранение здоровья актуально в любом возрасте и именно оно определяет качество жизни человека. Понятие здоровье не поддается общему определению. Современная наука не говорит, что такое здоровье вообще, и что такое психическое, психологическое и духовное здоровье, в частности. Существует огромное количество определений понятия здоровья, по данным некоторых авторов оно перевалило за три сотни [2].

Здоровье, несомненно, имеет высоко общественное значение. Можно сказать, что образ жизни взаимосвязан с биосоциальными факторами и личностными ресурсами человека [3].

По данным отечественных и зарубежных авторов, в системе жизненных ценностей индивида здоровье как базовая ценность идет после семьи и работы, то есть занимает 3-е место. Согласно рекомендациям ВОЗ, по отношению к здоровому образу жизни людей делят на три группы: с высокой приверженностью здоровому образу жизни; с удовлетворительным отношением к ЗОЖ; ведущие нездоровый образ жизни или антизожники [1; 3].

Уже почти 2 года человечество живет в условиях пандемии COVID-19. Люди испытывают повышенный страх, волнение и беспокойство. Вырос уровень стресса и тревожности. Введение противоэпидемических мер, таких, как карантин, привело к изменению повседневного жизненного уклада, обычной деятельности, сказалось на уровне доходов населения. Дистанционная работа и, как следствие, длительное нахождение дома привели к изменению образа жизни людей: уменьшилась физическая активность, выросло потребление пищи, нарушился привычный режим сон-бодрствование. Увеличилось злоупотребление алкоголем, наркотиками, растет уровень тревожных расстройств, депрессии, самоповреждений и суицидов.

В то же время, соблюдение основных правил здорового образа жизни играет сейчас не меньшую роль, нежели раньше. По данным Росстата, доля придерживающихся здоровых привычек россиян уменьшилась в пандемию на четверть, но при этом сократилось на треть и число противников здорового образа жизни [4].

Все вышесказанное, безусловно, относится к молодежи. Студенты учатся дистанционно, проводят очень много времени сидя за компьютером, реже выходят на улицу, изменилась во многом и структура общения. Тем не менее, по отечественным и зарубежным исследованиям последнего времени, большое количество молодых людей изменило свое отношение к здоровью за последние 2 года. Молодежь стала ответственнее относиться к своему здоровью, кроме того, они считают, что во время пандемии COVID-19 их близкие и друзья тщательнее соблюдают правила гигиены в быту.

Потребность в здоровье имеет в разные возрастные периоды одинаково высокую ценность, которая становится наиболее значимой в состоянии болезни. Каждому человеку хотелось бы быть сильным и здоровым. Несмотря на все вышесказанное, люди по-разному заботятся о здоровье. Причинами такого состояния являются недостаток социальной рекламы по пропаганде здорового образа жизни и уровня информированности населения о здоровом образе жизни, безответственное отношение к собственному здоровью и здоровью своих близких, что в итоге приводит к снижению уровня жизни.

Вовлечение студенческой молодежи в реализацию проектов по пропаганде здорового образа жизни поможет сформировать негативное отношение к вредным привычкам, правильно решить проблему свободного времени и осознать ответственность за собственное здоровье, что особенно важно в период пандемии COVID-19 и ее последствий.

Литература

1. *Бабанин П.А., Бирюков Д.А., Ковыльникова Е.А.* Профессиональное выгорание у водителей // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 451-453

2. Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю. О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 9-22.
3. Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Милёхин А.В. Отношение молодежи к своему здоровью и к донорству крови // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 126-143
4. Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Толстых Н.Н. Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 198- 221.

Изучение социально-психологической адаптации у студентов разных курсов

Когай И.А., Шукишина Л.В.

*РЭУ им. Плеханова, Москва, Россия
anthropophob@inbox.ru*

На сегодняшний день феномен социально-психологической адаптации (СПА) является одной из актуальных проблем социальной психологии. Изучение социально-психологической адаптации личности студентов в постоянно изменяющихся условиях современности поможет облегчить процессы приспособления студентов к образовательной и социальной среде вуза.

Социальная адаптация обеспечивает приспособление человека к сложившейся социальной среде за счет умения анализировать текущие ситуации и свои возможности, а также способности удерживать своё поведение в соответствии с главными целями деятельности.

На психологическом уровне адаптация обеспечивает нормальную работу всех психических структур под воздействием внешних факторов.

О.И. Зотов и И.К. Кряжев рассматривают СПА как взаимодействие личности и социальной среды, которое приводит к правильным соотношениям целей и ценностей личности в частности и группы в целом.

Эрик Эриксон определял СПА как равновесие между требованиями окружающего мира и внутренними мотивами личности [1].

Адаптация возможна только тогда, когда социальная среда способствует реализации потребностей личности, раскрывает и развивает ее индивидуальный потенциал.

В связи с этим мы полагаем, что социально-психологическая адаптация – это оптимальное взаимодействие личности и социальной среды, сохраняющее равновесие между стремлениями личности и требованиями внешнего окружения.

Для того, чтобы выяснить, одинаков ли уровень СПА у студентов разных курсов, мы опросили студентов 1 и 3 курсов московских вузов. Выборка исследования составила 143 испытуемых: 110 первокурсников и 33 студента третьего курса в возрасте от 17 до 24 лет (средний возраст – 19,2 года). Эмпирическое исследование проводилось на базе «Методики исследования адаптированности студентов в вузе» Т.Д. Дубовицкой, А.В. Крыловой [2] и анкеты «Социально-психологическая адаптация студентов». При получении данных тестирования был проведен анализ отдельных характеристик адаптации студентов, а также подсчитывался общий результат для определения уровня адаптации студентов.

На первом этапе было проведено анкетирование, в ходе которого выяснилось, что 53,8% студентов проживают с родителями во время учебного года, 23,1% – в общежитии и столько же самостоятельно в съемном жилье.

На вопрос «адаптировались ли Вы к среде вуза?» большинство респондентов (96,2%) ответили, что адаптировались, при этом для 53,8% процесс адаптации прошел просто и быстро, для 40% – средне, и для 7,7% – тяжело. 92,3% опрошенных редко или совсем не участвовали в студенческих мероприятиях вуза.

На вопрос «какие сложности у Вас возникли в процессе адаптации?» были получены следующие ответы: большая нагрузка (учебная/психологическая) (19,2%); большая нагрузка (учебная/психологическая), тоска по семье и друзьям (11,5%); большая нагрузка (учебная/психологическая), форма проведения занятий (11,5%); форма проведения занятий (3,8%); тоска по семье и друзьям (3,8%); большая нагрузка (учебная/психологическая), тоска по семье и друзьям, сложности с сокурсниками (3,8%); не испытывал(а) сложностей (34,8%). Примечательно, что никто из студентов не отметил высокие требования преподавателей.

Также студентов попросили оценить атмосферу образовательной и социальной среды вуза в баллах от 1 до 5, где 1 – это недоброжелательная/равнодушная, а 5 – доброжелательная, дружелюбная. Средняя оценка по этому параметру составила 4,2 балла.

По мнению опрошенных, помочь адаптироваться студентам к среде вуза могут: благоприятная атмосфера в учебной группе, помощь кураторов/преподавателей/психологов (53,8%); благоприятная атмосфера в группе, участие в общественной жизни вуза, помощь кураторов/преподавателей/психологов (38,5%); благоприятная атмосфера в учебной группе (3,8%); помощь кураторов/преподавателей (3,8%).

Также студенты отметили, что в процессе адаптации могут помочь советы старшекурсников и совершенствование организации учебной деятельности.

На втором этапе мы провели психологическое тестирование, в ходе которого выяснилось, что первокурсники по параметру адаптации к учебной группе в большинстве (75%) имеют высокие результаты, а по показателю адаптации к учебной деятельности – низкие (60%). В то же время, третьекурсники имеют высокие результаты по показателю адаптации к учебной деятельности (67%), к тому же почти абсолютное большинство студентов третьего курса имеют высокий уровень адаптации к учебной группе. Сходные результаты по показателю адаптации к учебной группе могут объясняться тем, что исследование проводилось во втором семестре и многие первокурсники уже успели адаптироваться, но к учебной деятельности в вузе еще не успели привыкнуть.

Далее мы провели анализ полученных данных по U-критерию Манна-Уитни, который показал, что статистически значимых различий по параметру адаптации к учебной группе у первого и третьего курса нет, а по параметру адаптации к учебной деятельности статистически значимые различия есть при уровне значимости 0,05. Это значит, что адаптированность студентов к учебной деятельности возрастает к третьему курсу.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о том, что существует необходимость более внимательного подхода психологической службы, а также профессорско-преподавательского состава московских вузов к студентам в области адаптации к учебной деятельности, связанной с высокой психической и учебной нагрузкой.

Литература

1. *Александров И.А.* Понятие адаптации с точки зрения психологии // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 283-285. URL: <https://moluch.ru/archive/208/51057/> (дата обращения: 21.04.2022).
2. *Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В.* Методика исследования адаптированности студентов в вузе [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. Том 2. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n2/27814.shtml (дата обращения: 21.04.2022)

Психологические технологии по развитию речи детей с ОВЗ дошкольного возраста

Козлова М.Н., Феоктистова С.В.
НОУ ВПО «РосНОУ», Москва, Россия
marina27359@mail.ru , svfeoktistova@mail.ru

Специалисты психолого-медико-биологических комиссий ежегодно фиксируют тысячи детей, которым требуется коррекция речи, из них более половины – дошкольники. А это не может не тревожить не только родителей, но и педагогов, психологов, врачей. У таких детей не только страдает речевое развитие, но и имеются нарушение памяти, внимания и восприятия, возникают проблемы координации, общей и мелкой моторики [1; 3; 5; 6].

Современное логопедическое искусство богато огромным набором традиционных и нетривиальных, а также нетрадиционных технологий. Находящаяся на границе педагогической, психологической и медицинской наук, логопедия чаще всего использует в своей практике наиболее эффективные нейропсихологические технологии, которые помогают оптимизировать труд педагога. Их нельзя рассматривать в логопедической практике как самостоятельные, они входят в общепринятые технологии, проверенные временем, и вносят новые подходы к взаимодействию педагога с ребенком, новые мотивы, помогают создать благоприятный эмоциональный фон, помогают включить в работу устойчивые и активные психические функции [2; 4; 5; 6].

Эффективность нейропсихологических технологий проверена наукой и практикой. Нейропсихологические методики – это совокупность особых методов компенсации поврежденных функциональных функций мозга человека. Эти методики осуществляют коррекцию нарушенных психических процессов, таких как речь, память, внимание, мышление и т.д. Ученые выявили взаимосвязь между психикой и моторным развитием ребенка.

По традиции коррекция речевых нарушений основана на методах и приемах, направленных больше на артикуляционную гимнастику и развитие речевого аппарата. Нейропсихологическая коррекция подразумевает соединение двух направлений. Первое – когнитивные методы, согласно которым предполагается коррекция нарушенного психического процессов (внимание, память, мышление, речь и т.д.), а также эмоциональной сферы ребенка через движения. Многие из исследователей указывают на связь между психическим и моторным развитием ребёнка.

Второе направление – методы двигательной коррекции (танцы, гимнастика, цигун, у-шу, массаж, ЛФК и т.п.) и телесно-ориентированные психотехники, которые давно зарекомендовали себя как эффективный инструмент преодоления психологических проблем.

А.Р. Лурия отмечал, что высшая психическая функция возникает на основе сравнительно элементарных процессов моторики и сознания. Например, развитие телесной моторики в подвижной игре, танце, в ритмических занятиях, в игре с музыкальными инструментами создает предпосылки к развитию таких процессов, как речь, мышление.

Успешность детского обучения во многом определяется своевременным развитием межполушарной связи, а сенситивный период для развития приходится на дошкольный возраст, когда кора больших полушарий головного мозга еще окончательно не сформирована.

Распределение активности между полушариями постоянно чередуется, максимальная же эффективность мозга достигается в момент одновременной активности обоих полушарий. Главная задача для того, чтобы настроить и подготовить мозг к работе, – развить связь и баланс активности левого и правого полушарий. Благодаря нейропсихологической гимнастике у ребенка улучшается работа коры головной мозга, активируются широкие участки обоих полушарий, мозг переходит в интегральный режим действия.

Межполушарное взаимодействие – это особый механизм объединения левого и правого полушария в единую интегративную, целостно работающую систему. Развитие межполушарных связей построено на упражнениях и играх, в ходе которых задействованы оба полушария мозга. Одним из вариантов межполушарного взаимодействия является работа двумя руками одновременно, в процессе чего активизируются оба полушария, а если параллельно мы отработываем правильный звук, то и согласование языка тоже. Поэтому использование нейропсихологических технологий помогает создать базу успешной борьбы с психоневрологическими нарушениями и позволяет педагогу вести работу качественнее. Тяжелое речевое нарушение имеет физиологическую базу – нарушение или дисфункция определенных областей мозга. Таким образом, происходят нарушения высшей психической функции. Речь также является высшей психической функцией, поэтому страдает в первую очередь. Нарушены все основные элементы речи: звучание, фонетические процессы, лексика, грамматическая структура речи, связная речь. Нейропсихология позволяет более глубокого взглянуть на проблему, выстраивать грамотные программы поддержки, которые способствуют созданию единой организации мозга, осуществлению полноценного развития личности ребенка и принесут стабильные результаты.

Литература

1. *Глозман Ж.М.* Нейропсихология детского возраста. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
2. *Колганова В.С.* Нейропсихологические занятия с детьми. М.: АЙРИС-пресс, 2015.
3. *Колганова В.С., Пивоварова Е.В.* Нейропсихологические занятия с детьми. М.: АЙРИС-пресс, 2015.
4. *Семенович А.В.* Нейропсихологическая профилактика и коррекция. Дошкольники. М.: Дрофа, 2014.
5. *Семенович А.В.* Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. М.: Дрофа, 2018.
6. *Феоктистова С.В., Самотохина Н.А.* Нейропсихологический подход в коррекционной работе по развитию мышления детей старшего дошкольного возраста с ЗПР // Материалы международной конференции «Нейронаука для медицины и психологии». Судак, 2020.

Диагностика эмоционального интеллекта и эмоциональной сферы у детей с ОВЗ

*Кононыхина В.Б., Огнев А.С.
АНО ВО «РосНОУ», Москва, Россия
vkononykhina@yandex.ru, altognev@mail.ru*

В России отмечается рост количества детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Только за последние 3 года количество детей с ОВЗ возросло на 6% [4]. Дети с ОВЗ – это дети, у которых имеются различные отклонения на психическом и (или) на физическом уровне, влияющие на качество жизни. Поэтому для них разрабатываются специальные образовательные программы, социальная адаптация, а также коррекционно-развивающие занятия и, конечно, оказывается медико-социальная помощь. Данный вопрос актуален и важен для нашего общества, поэтому поддерживается на уровне государства.

Выделяют основные 8 категорий детей с ОВЗ – это дети глухие, неслышащие, без речи; слабослышащие; с нарушением зрения; дети с тяжелой речевой патологией; с нарушением опорно-двигательного аппарата; дети с расстройствами аутистического спектра; дети с ЗПР; дети с отклонениями интеллектуального развития [2]. Каждая категория имеет свои особенности, под которые разрабатываются специальные образовательные программы, коррекционно-развивающие занятия, социальная адаптации и др. Дети с ОВЗ испытывают трудности во взаимоотношении с собой и окружающим миром [3]. Поэтому перед специалистами, работающими с детьми с ОВЗ, ставится основная задача: развитие эмоциональной и когнитивной сферы.

Сегодня специалисты, работающие с детьми с ОВЗ, понимают важность развития эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект – это способность позволяющая понимать и управлять как своими эмоциями, так и эмоциями другого человека [1]. Взаимодействие со сверстниками и взрослыми позволит детям с ОВЗ почувствовать себя более уверенно и полноценно, что, в свою очередь, станет важным аспектом их развития и преодоления жизненных обстоятельств. Развитие эмоционального интеллекта позволит улучшить эмоциональную и когнитивную способности, которые так необходимы детям с ОВЗ.

Поэтому было проведено исследование, целью которого стало выявить методики, с помощью которых можно диагностировать уровень эмоционального интеллекта и эмоциональную сферу у детей с ОВЗ. Мы использовали комплекс социально-психологических методик, которые обычно используются при работе со здоровыми детьми: проективная методика «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций», проективная методика «Три желания» и методика «Паровозик».

В исследовании приняли участие учащиеся специализированной школы г. Красногорска Московской области надомного обучения. Возраст респондентов составил от 8 до 14 лет. Среди учащихся были «говорящие» дети, речь которых состоит из предложений и фраз, «говорящие отдельные слова» – речь состоит из отдельных слов, «неговорящие» – речь состоит из отдельных звуков или слогов.

Проективная методика «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций» направлена на определение уровня развития эмоционального интеллекта. Детям необходимо было на листе бумаги добавить или дорисовать к фигурам (круг, овал, треугольник) любые детали так, чтобы получились рисунки со смыслом. В результате исследования 100% учащихся штриховали или черкали фигуры на листе. На вопросы: «Что надо было сделать?» и «Что нарисовать?» не смогли дать ответ.

Проективная методика «Три желания» выявляет эмоциональную направленность на других и себя. На листе бумаги нужно нарисовать свои 3 желания. Результат исследования показал аналогичные данные: 100% учащихся не смогли выполнить задания. На те же вопросы – «Что надо было сделать?» и «Что нарисовать?» – не смогли дать ответ.

Методика «Паровозик» выявляет эмоциональное состояние ребёнка в текущий момент времени. Для этого предлагалось построить разноцветный поезд. В начале ставится белый паровозик, а затем учащиеся выбирают любые из 8 разноцветных вагончиков (красный, желтый, зелёный, синий, фиолетовый, серый, коричневый, чёрный), ставя их друг за другом. В результате называли и показывали цвета 56% учащихся «говорящих». Также называли и показывали цвета 28% учащихся «говорящие отдельные слова». Следовательно, 83% учащихся «говорящие» и «говорящие отдельные слова» смогли выполнить задание и построить паровозик. При этом дети различают цвета и могут посчитать количество вагончиков

Таким образом, мы пришли к выводу, что для диагностики эмоциональной сферы у детей с ОВЗ из 3-х апробированных нами

методик можно использовать только одну – методику «Паровозик», применяемую обычно для здоровых детей дошкольного возраста. То есть, для диагностики уровня развития эмоционального интеллекта необходимо адаптировать и упрощать имеющиеся методики или разрабатывать новые. При этом методики должны быть очень простыми. Также необходимо учитывать специфику и особенности детей с ОВЗ, задачи, решаемые при диагностики и дальнейшую коррекционную работу.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк, 2011.
2. *Новицкая Л.* ОВЗ I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII видов и их расшифровка. URL: <https://rosuchebnik.ru/material/ovz-i-ii-iii-iv-v-vi-vii-viii-vidov-i-ikh-rasshifrovka/>.
3. *Субботина С.А.* Развитие эмоционального интеллекта у детей с ОВЗ. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/333547-razvitie-jemocionalnogo-intelekta-u-detej-s-o>.
4. *Яковлева Е.* В России за три года на 6% выросло число детей с особенностями развития. URL: <https://rg.ru/2021/07/11/v-rossii-za-tri-goda-na-6-vyroslo-chislo-detej-s-osobennostiami-razvitiia.html>.

Копинг-стратегии как один из факторов влияния на процесс адаптации молодых специалистов в организации

Корнеева А.Н., Пожарская Е.Л.
ФГБОУ ВО «РЭУ им Г.В. Плеханова»
amy.amelii.pond@gmail.com, gerashenkol79@mail.ru

Для полноценной деятельности любой современной организации необходимо наличие сразу множества факторов, одним из которых является человеческий ресурс. Человеческий ресурс – это основной фактор формирования структуры компании, без него невозможно создание, работа, управление и даже прекращение деятельности компании. Поэтому очень важно в компании иметь не просто рабочих, а действительно качественных специалистов, которые могли бы обеспечить высокую производительность организации [1].

Для поддержания коллектива компании необходимо не только грамотно выстроить организационную культуру, но и помнить о том, что коллектив необходимо подпитывать так называемой «свежей кровью» – молодыми специалистами. Необходимость наличия в коллективе молодых специалистов может обуславливаться тем, что они могут обеспечить уже устоявшийся коллектив новыми методиками, улучшением уже имеющихся систем и т.п.

Однако, при владении достаточным количеством информации и определенным уровнем навыков, молодые специалисты все еще не обладают опытом работы в своей профессиональной среде и не могут понять, каким образом им подходить к ставящимся перед ними задачам, как наилучшим образом взаимодействовать с коллегами и вышестоящим начальством, а также как решать возникающие по мере работы как мелкие, так и более крупные проблемные ситуации.

Справиться с подобными проблемами, возникающими как у совсем молодых специалистов, так и уже имеющих небольшой опыт работы, призвана адаптация.

Адаптация – это процесс приспособления сотрудника к условиям работы в компании, особенностям взаимодействия внутри коллектива, корпоративной культуре и этике, к режиму работы и системе поощрения труда. На процесс адаптации может влиять компания, оказывая посильную помощь новому сотруднику, но в большей степени на успешный процесс прохождения адаптации в новой компании наибольшее влияние оказывает сам молодой специалист.

На процесс адаптации могут оказывать влияние несколько факторов: обладание необходимыми профессиональными знаниями и навыками, умение работать в команде и то, какими копинг-стратегиями пользуется молодой специалист. Нередки случаи, когда будущие специалисты уделяют очень много внимания получению должного уровня профессиональных навыков и знаний, а также уделяют внимание активному развитию навыков коммуникации, но при этом пренебрегают собственными копинг-стратегиями, не уделяя времени для определения степени их эффективности применения.

Копинг-стратегии – это деятельность человека по поддержанию или сохранению баланса между требованиями окружающей его среды и ресурсами, которые способны удовлетворить эти требования. Более простыми словами, копинг-стратегии – это способы совладания человека с проблемными ситуациями. От выбора копинг-стратегии напрямую зависит то, как работник поведет себя в кризисной ситуации во время рабочего процесса. Поэтому важно выявить

наиболее эффективные способы выхода из различных сложных ситуаций, чтобы минимизировать ущерб как для работника, так и для организации.

Согласно с определяемыми Р. Лазарусом видами копинга, можно выделить основные положительные и отрицательные виды среди них. Так, во время адаптационного процесса в компании, для нового сотрудника можно выделить следующие позитивные способы совладающего поведения.

- Поиск социальной поддержки – за счет этого вида молодой сотрудник сможет выяснить у коллег оптимальный способ решения сложившейся проблемы.
- Принятие ответственности – за счет использования этого способа совладающего поведения сотрудник сможет адаптироваться к своим новым обязанностям и выполнять их максимально качественно.
- Помимо позитивных, можно выделить и негативные способы совладающего поведения во время адаптационного процесса:
- Бегство-избегание – может негативно сказаться на всем процессе адаптации поскольку предполагает уход от проблемы.
- Дистанцирование – предполагает снижение значимости возникающей проблемы, поэтому это может вызвать сильные осложнения в адаптации молодого специалиста, ведь при неправильной оценке возникающей проблемы, он может недооценить ту проблему, которая на самом деле является существенной.

Остальные виды копинг-стратегий можно считать более нейтральными и ситуационными, они не несут за собой чисто позитивный или негативный эффект в адаптационном процессе молодого специалиста.

Для выявления имеющихся среди молодых специалистов, проходящих адаптационный период, тенденций в выборе копинг-стратегий был использован опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса и опросник «Оценка профессиональной дезадаптации», разработанный О.Н. Родиной, целью которого было выявление степени адаптации молодых специалистов. В данном исследовании приняли участие 52 молодых специалиста (26 женщин и 26 мужчин).

При проведении анализа полученных данных по методике Лазаруса можно наблюдать следующие тенденции: среди женщин ярко выделяется вид совладающего поведения «планирование

решения» (31%), чуть менее популярным является «бегство-избегание» (27%). В то время как у мужчин нет четкого одного преобладающего вида копинг-стратегии. У мужчин в равной степени наиболее предпочтительными выступают «конфронтация» (20%) и «принятие ответственности» (20%).

В результате исследования профессиональной дезадаптации среди молодых специалистов наблюдается тенденция к высокому (у женщин – 46% и выраженному у мужчин – 50%) уровню профессиональной дезадаптации.

Подводя итоги, можно отметить, что преобладающее большинство опрошенных людей обоих полов обладали деструктивными способами совладающего поведения, которые ведут к наименее конструктивному решению возникающих трудностей, что как следствие приводит к высокому уровню дезадаптации у обоих полов.

Литература

1. *Ачимова Е.А.* Проблемы адаптации молодых специалистов // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. №10.

Профайлинг: социально-психологические проблемы

Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
nkochetkov@mail.ru*

История профайлинга, по мнениям разных авторов, берет свое начало то ли со Средневековья, когда инквизиторы по внешним признакам находили ведьм, то ли с XIX века с работ Ч. Ломброзо и его идей о морфологических маркерах преступников, то ли с века XX с внедрением опыта вычисления потенциально опасных людей в израильском аэропорту. В XXI веке можно наблюдать рост интереса к этому направлению, который выражается в увеличении мест обучения профайлингу, самих профайлеров и публикаций на эту тему. Однако, если смотреть на содержание этих публикаций и суть самого научного направления, то может возникнуть ряд вопросов, которые хочется поднять в настоящей работе.

В общем виде профайлинг определяется как набор методов и методик для прогнозирования поведения человека, составлении

психологического портрета на основе анализа его особенностей. Под ними понимаются особенности внешних признаков – общения, невербального поведения, и т.п. Профайлинг может быть рассмотрен как сугубо практическое направление в криминалистике и в мероприятиях по обеспечению безопасности важных объектов, так и как направление теоретическое, в рамках которого разрабатываются теории микровыражений лица, языка тела и т.п. Одним из новых направлений, как в теоретическом, так и в прикладном планах является профайлинг в социальных сетях.

Несмотря на популярность названия в медиапространстве, можно заметить, что количество диссертаций по психологии в этом направлении крайне мало. Если смотреть на книги по профайлингу, то в большом количестве популярной литературы в духе «как читать людей и видеть знаки судьбы» можно увидеть редкие «вкрапления» учебно-методических изданий [3; 4]. Чем обусловлено такое положение в научно-исследовательском поле? Обратимся к методологии профайлинга.

Его истоками считают работы Ч. Ломброзо [1], мысли которого о биологической детерминации преступного поведения, которые, в частности, проявляются в морфологических признаках, являются хорошим образцом основной идеи профайлинга – выведения социального поведения из индивидуальных факторов. Такой подход вызывает вопросы методологического характера [6], отсутствие ответа на которые приводит к научной несостоятельности построений, базирующихся на нем, примерами чего можно назвать физиогномику, теорию черт лидерства и т.п. К тому же, можно указать еще на один проблемный момент – большая часть исследований осуществляется с помощью корреляционного анализа, а корреляция, как известно, ничего не говорит о причинно-следственных связях и вне какой-то конкретной теории не дает возможности говорить вообще ни о чем. Иллюстрацией могут быть работы социобиологов о взаимосвязях, например, роста человека и социального статуса.

Отсутствие своего рода методологической рефлексии приводит исследователей к неоднозначным (а, порой и противоречивым) результатам. Например, в области связи девиантного поведения и татуировок [2; 7]. Данный вектор исследования можно проследить и в работах в области профайлинга социальных сетей, в котором девиантное поведение выводится из особенностей контента на странице пользователя.

При этом нет сомнений в той части теории, которая относится к поведению людей, уже совершивших преступление. Работы того же Ч. Ломброзо по определению нервно-психического состояния преступников не только корректны, но и явились толчком к появлению, например, методики сопряженных моторных реакций А.Р. Лурии.

Альтернативным подходу профайлинга является социологический подход, который близок, в том числе, и социальной психологии и выводящий социальное из социального. В качестве примера можно привести теорию социальной аномии Р. Мертона [5], который считает причиной противоправного поведения не личностные детерминанты, а социальные – противоречия между ценностями, диктуемыми обществом и доступными легальными способами их достижения.

Однако на вопрос о превалировании влияния индивидуальных или социальных факторов можно ответить аналогично ответу на вопрос «от чего больше зависит площадь прямоугольника – длины или ширины?» И индивидуальные характеристики, учитываемые в профайлинге, могут играть свою роль, если анализировать их без отрыва от социального контекста и с учетом социально-психологических факторов.

Литература

1. *Антикиева Л.Р.* К вопросу применения профайлинга при работе с асоциальными подростками // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 2 (214).
2. *Батлук Ю.В., Пойлова Я.П.* Суицидальные тенденции у людей с татуировкой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Том. 10. Вып. 3.
3. *Караяни А.Г., Цветков В.Л., Хрусталёва Т.А., Статный В.М., Красноштанова Н.Н.* Профайлинг в органах внутренних дел: учебное пособие. М., 2014.
4. *Мальцева Т.В., Петров П.Е.* Психологический профайлинг. Практикум. М., 2022.
5. *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социология власти. 2010.
6. *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск. 1990.

7. Собкин В.С., Лыкова Т.А. Распространенность татуировок среди учащихся общеобразовательных школ: социально-психологические аспекты // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 5.

Проблема актуализации профессионально-значимых личностных качеств у студентов-психологов

Красило Д.А., Ренецук К.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krasiloda@mgppu.ru, fylata_92@mail.ru*

В научной литературе накоплено немало исследований по проблеме профессионального становления, развития личности, однако постоянное преобразование всех сфер жизни общества, рост технологий и глобализация науки требуют непрерывного совершенствования подходов к профессиональному образованию.

Профессиональное развитие в теоретических исследованиях принято рассматривать как рост, становление профессионально-значимых личностных качеств и способностей, развитие профессиональной идентичности, профессиональных компетенций, активное качественное совершенствование внутреннего мира личности, которое приводит ее к творческой самореализации в выбранной профессии. Ф.М. Рекешева определяет процесс профессионального роста как постепенное приобретение профессионально значимых характеристик и овладение социально-профессиональными знаниями, технологиями, ролевыми функциями [4]. Важной чертой профессионального развития является профессиональная идентичность личности, которая в процессе обучения в вузе обусловлена особенностями восприятия студентами качеств и компонентов, входящих в ее структуру. Сформированная профессиональная идентичность выступает в качестве внутреннего источника профессионального развития, личностного роста субъекта деятельности. По мнению Л.Б. Шнейдер, Л.Г. Матвеевой, У.С. Родыгиной, профессиональная идентичности развивается в процессе обучения, и именно профессиональное образование является источником ее формирования.

Е.В. Лебедева, Д.П. Заводчиков выявили, что большая часть студентов-психологов 2 курса демонстрирует диффузный статус идентичности, который позволяет предположить ситуативность

принимаемых решений, мозаичность образа будущей профессии и слабость внутренней мотивации к ее овладению [2].

Согласно данным исследования Ю.А. Сыченко, профессиональная идентичность от момента выбора профессии и до начала профессиональной деятельности характеризуется колебаниями уровня выраженности: его повышение к концу школьного обучения сменяется спадом в начале обучения в вузе, затем опять наблюдается рост, однако, окончание обучения отмечается очередным кризисом профессиональной идентичности и возвращению к статусу моратория и диффузной идентичности. При этом статусы диффузной идентичности и моратория можно рассматривать как этапы на пути достижения позитивной идентичности, в том числе за счет развития профессионально-значимых личностных качеств.

Процесс профессионального становления будущего психолога реализуется через систему внешних и внутренних условий, к которым можно отнести профессиональную компетентность, а также развитие профессионально-значимых личностных качеств. В понятие компетентности включаются такие компоненты, как общая совокупность знаний, конкретные способы воздействий, знания возможных последствий, уровень умения и опыт его применения на практике [3].

Психолог – творческая личность с социально и профессионально значимыми характеристиками. Психолога как специалиста характеризует целая совокупность качеств, таких, как образованность, воспитанность, социализированность, высокий уровень культуры, индивидуальность личности (предполагает творческие способности и склонности, индивидуальные особенности когнитивной сферы) и другие. Важнейшим профессионально значимым личностным качеством психолога являются коммуникативные навыки (обусловленные социальными (эмоциональными) способностями), которые обеспечивают возможность реализации психологом ведущих функций его практико-ориентированной деятельности – коррекционно-развивающей, консультационной, обучающей, психологического просвещения и т. д.

В работе А.К. Марковой представлены следующие профессионально значимые качества психолога: высокие интеллектуальные способности, эмоциональная устойчивость, независимость, настойчивость, уверенность в себе, не приверженность стандартам, не склонность к морализаторству, общительность, высокое противодействие усталости при работе с людьми, предприимчивость, высокий уровень сензитивности [1]. В условиях профессионально обучения в вузе Л.Ю. Фомина отмечает

положительную динамику в развитии всех компонентов профессионально значимых качеств, которые к моменту окончания обучения характеризуются достаточно высоким уровнем развития.

Таким образом, профессиональное развитие психологов в ходе обучения в вузе характеризуется непостоянством статусов идентичности, развитием профессионально-значимых личностных качеств, обусловленных компетентностным подходом к образованию, особыми требованиями к личности психолога, обуславливающего успешность его дальнейшей профессиональной деятельности. Анализ эмпирических данных по проблеме исследования позволяет сделать вывод о необходимости уточнения характера взаимосвязи статуса профессиональной идентичности студентов младших курсов с уровнем актуализации профессионально значимых личностных качеств.

Литература

1. *Ефремова О.И.* Психология профессиональной деятельности и личности учителя: учеб. пособие для студентов педагогических институтов, М., 2017.
2. *Каиуба И.В. Великанова С.С.* / Личностно-профессиональное саморазвитие: учебное пособие, М., 2020
3. *Фельдман И.Л.* Критерии, показатели и уровни развития профессионального самопознания в структуре Я-концепции педагога // Изв. ТулГУ. Сер. Гуманитарные науки. Тула: Изд-во ТулГУ, 2010.
4. *Тимофеева Т.С.* Профессионально важные качества и компетенции в структуре профессиональной идентичности психолога / Мир науки. Педагогика и психология, 2019, №5, Том 7.

Этнопсихологические особенности мотивации к занятиям художественной гимнастикой девочек дошкольного возраста (на примере Казахстана)

Красмик Ю.Н., Аймаганбетова О.Х.
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
juliakrasmik@mail.ru, alnara25@mail.ru

Казахстанские исследователи И.Ф. Андрущишин и С.Ж. Бахтиярова под спортивной деятельностью понимают специальную

деятельность в определенном виде спорта, в процессе которой вырабатываются такие спортивные качества, которые зависят от особенностей того или иного вида спорта [2]. Они отмечают, что в психологическом обеспечении спортивной деятельности особое место занимает мотивация, побуждающая человека заниматься спортом. Именно мотивация является стержневой характеристикой личности спортсмена, ведущей его к поставленной перед собой цели [1, с.11-16].

Это выводы были использованы при исследовании особенностей мотивации к занятиям художественной гимнастикой девочек дошкольного возраста.

Методический инструментарий включал опросник «Мотивация к занятиям спортом», разработанный нами на базе опросника «Оценки школьной мотивации» Т.А. Ратановой [3].

В исследовании приняли участие 50 девочек-казашек дошкольного возраста, занимающихся художественной гимнастикой. Частотный анализ показал, что 45% нашей выборки составили 5-летние девочки, 30% – 4-летние девочки, 7% – трехлетние и 6-летних – 18%.

В ходе исследования были получены следующие результаты: 29 девочкам (58%) нравится заниматься художественной гимнастикой, 16 девочкам (32%) не нравится и 5 девочек (10%) ответили, что не знают. 28 (56%) отметили, что всегда с радостью идут на тренировки, 17 девочек (34%) – что особой радости не испытывают, когда ходят на тренировки, и 5 девочек (10%) отметили, что не знают.

На вопрос о том, что, если бы тренер сказал, что завтра не обязательно приходиться на тренировку, пришли бы они все равно на тренировку, 31 девочка (62%) ответили, что – нет не придут, 15 девочек (30%) ответили, что все равно придут и 4 девочки (8%) ответили, что не знают, придут, или нет. На следующий вопрос опросника «Тебе не нравится, когда у вас отменяются занятия?» 27 девочек (54%) ответили, что да, им не нравится, когда отменяются, 16 (32%) девочек ответили, что им нравится, когда отменяют тренировки, и 7 (14%) девочек затруднились с ответом (отметили, что не знают).

На вопрос «Ты хотела бы, чтобы тебе задавали самостоятельные задания домой?» 86% девочек ответили отрицательно, 8% – положительно, 6% отметили, что не знают.

54% девочек сообщили, что хотят, чтобы на тренировках только играли и танцевали, 36% отметили, что не хотят постоянных игр и танцев, 10% затруднились с ответом. 62% девочек часто рассказывают о своих тренировках родителям, 28% рассказывают реже, а 10% затруднились с ответом. 78% девочек не хотят, чтобы им делал

замечания их тренер, 2% – одна девочка сообщила, что хотела бы, чтобы ей делали замечания, а 20% затруднились с ответом. На вопрос о количестве друзей 42% юных спортсменок ответили, что у них много друзей. 48% отметили, что друзей у них мало, а 10% детей ответили на данный вопрос, что не знают. На вопрос о том, нравится ли заниматься вместе с девочками, 60% спортсменок ответили, что да, нравится, 26% – не нравится, 14% ответили, что не знают.

Важную роль в формировании мотивации детей на занятиях спортом играют семейные ценности. Для изучения показателей влияния семьи на формирование мотивации дошкольников на занятия спортом был использован метод анкетирования.

Мотивы, в силу которых родители готовы отдать детей в детский спорт, распределились следующим образом. Главным мотивом, которым руководствовались родители, является желание укрепить характер девочек, волевые качества (отцы – 76,3%, матери – 61,2%) и здоровье (отцы – 71%, матери – 83,8%). Заметно меньшая часть отцов (47,3%) и матерей (45,8%) считают, что организованные спортивные занятия повысят дисциплинированность и уверенность в себе (отцы – 49,9%, матери – 46,7%).

Также родители придают большое значение гармоничному развитию своих детей (отцы – 57,8%, матери – 55,5%), что говорит о достаточно широком понимании ими задач физического воспитания.

Второй опрос касался изучения установок родителей относительно выбора занятий художественной гимнастикой для своих девочек.

Проведенный опрос показал, что ведущими установками, согласно которым родители отдают детей в секцию, для большинства является привлекательность вида спорта для них самих, а также мнение, что данный вид спорта гармонично может развивать девочку. Далее идет желание родителей, чтобы ребенок профессионально занимался спортом, а также то, что данный вид спорта очень популярен. Менее значимым в выборе вида спорта стали: приглашение и убеждение тренера в выборе секции, а также то, что данный вид спорта укрепляет здоровье ребенка.

Полученные данные мы соотнесли с точкой зрения тренера на этот же вопрос «Каковы причины, по которым родители приводят в секцию детей?» По мнению тренеров, большинство родителей считают, что художественная гимнастика гармонично развивает девочку, им нравится этот вид спорта, они считают, что этот вид спорта очень популярен сегодня, и хотят, чтобы дети занимались спортом профессионально. Исходя из результатов, можно заключить,

что у тренеров существует адекватное представление о выборе занятий спортом у родителей.

Таким образом, мотивы занятия художественной гимнастикой у девочек дошкольного возраста имеют статусную, потребностную, ценностную обусловленность и включают такие побуждения, как общение, одобрение, развитие, оздоровление, эстетическое переживание, при этом игровой мотив относится к внутреннему типу мотивации.

На развитие мотивации спортивной деятельности детей дошкольного возраста влияют выполнение подвижных физических и групповых действий, межличностное взаимодействие в подвижной игре. На формирование мотивации дошкольников на занятия спортом в значительной мере влияет отношение родителей.

Литература

1. *Андруцишин И.Ф., Бахтиярова С.Ж.* Олимпийское образование в подготовке специалистов в области физической культуры и спорта // Теория и методика физической культуры. 2019. № 3 (57).
2. *Иванова Ж.В., Кравчук А.И.* Роль комплексного физического воспитания в отборе перспективных девочек для занятий художественной гимнастикой // Омский научный вестник. 2007. № 6 (62).
3. Психология спорта: хрестоматия /сост. А.Е. Тарас. М.; Минск: АСТ: Харвест, 2007. С. 14-29.

Кросскультурные различия индивидуальных ценностей современной русской молодежи на примере г. Москва, г. Ставрополь и г. Казань

Кривцова А.С., Халиуллина Д.Р.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
edmond21@yandex.ru, d.khaliull@gmail.com

Во многих исследованиях авторы показывают общий ценностно-нормативный кризис современной русской молодежи. И этот кризис зачастую объясняют переоценкой ценностных ориентаций предшествующих поколений России [3]. Будущее состояние

государства и общества во многом зависит от молодого поколения, выросшего в новых социально-экономических и политических условиях, а потому исследование ценностных ориентаций современной молодежи является очень важной и актуальной темой [4].

На сегодняшний день проведено немалое количество социально-психологических, культурно-антропологических и других научных исследований, направленных на изучение культурных и психологических особенностей представителей различных этносов на территории нашего огромного поликультурного государства, однако можно отметить недостаточную научную разработанность темы кросскультурных различий индивидуальных ценностей с практическим применением единой методологической основы [2].

Целью нашего исследования стало изучение кросскультурных различий индивидуальных ценностей современной русской молодежи на примере г. Москва, г. Ставрополь и г. Казань. Мы предположили, что город проживания оказывает влияние на степень выраженности индивидуальных ценностей современной русской молодежи.

Эмпирическое исследование проводилось среди молодежи возрастом от 18 до 30 лет, проживающей в Москве, Казани или Ставрополе не менее двух лет и определяющих свою этническую идентичность как «русский(-ая)». Выборка представлена 132 респондентами (по 44 человека из каждого города), из которых 60,6% женщин и 39,4% мужчин.

В качестве основного метода исследования использовался метод опроса с применением методики измерения индивидуальных ценностей PVQ-R (Portrait Values Questionnaire – Revised, Портретный ценностный опросник – Пересмотренный) Ш. Шварца, адаптированный для исследований на данную тему в России [5]. Выбранная нами методика включает в себя 57 вопросов, направленных на выявление степени выраженности 19 ценностей, где по каждой из шкал респондент мог набрать от 0 до 15 баллов выраженности конкретной индивидуальной ценности по Ш. Шварцу.

Согласно полученным в ходе анализа результатам, были сделаны следующие выводы.

Наибольшее различия по средним значениям выявлено по степени выраженности ценности «Власть – доминирование», где по Москве среднее значение составило 2,3 против 6,8 по Ставрополю и 6,3 по Казани. Это указывает на то, что индивидуальные ценности современной русской молодежи из Москвы наименее, по сравнению с

городами Казань и Ставрополь, ориентированы на влияние посредством осуществления контроля над другими людьми. Кроме того, по параметрам «Достижение» и «Власть – ресурсы» средние значения по Ставрополю составили 11,2 и 7,5 соответственно, в то время как по Москве и Казани полученные результаты по выраженности этих ценностей составляют 10,3 и 6,9 соответственно. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для русской молодежи из Ставрополя более характерно стремление к достижению успеха в соответствии с социальными нормами и влиянию посредством контролирования материальных и социальных ресурсов [5].

Полученные средние значения имеют либо равные значения, либо отличия в 0,1 балла по выраженности ценности «Гедонизм» (11,8 для Ставрополя, 11,7 для Москвы и Казани) указывают на то, что для современной русской молодежи из всех трех городов достаточно большое значение имеет стремление к удовольствию и чувственному удовлетворению. Схожая ситуация по результатам исследования наблюдается по параметру «Конформизм – межличностный» (10,5 для Москвы и Казани, 10,4 для Ставрополя). Важно отметить, что Ш. Шварц здесь подразумевает стремление избегать действий, которые могут причинить вред другим людям. По этой причине полученные результаты по данному параметру могут свидетельствовать об общей тенденции современной русской молодежи к бережному отношению к другим людям и «альтруистическому поведению, согласующемуся с нравственностью самой личности и моральными нормами общества» [1].

Таким образом, результаты проведенного нами исследования показали, что город проживания русской молодежи оказывает влияние на их ценностные ориентации.

Литература

1. *Бражникова А.Н.* Нравственные ценности современной молодежи в системе ценностных ориентаций // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 1(30). С. 135-138.
2. *Далгатов М. М., Магомедов П.Ш.* Индивидуальные ценности современной российской молодежи в эмпирических исследованиях // Известия Дагестанского государственного

- педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2016. Т. 10. № 4. С. 10-16.
3. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. №5. С. 93.
 4. Федотова В. А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. №1. С. 78-86.
 5. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 43-70.

Особенности навигации молодежи в городской среде: построение маршрутов

Кружкова О.В., Матвеева А.И., Воробьева И.В.
*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия
galiat1@yandex.ru, lyonchik_7777@list.ru, lorisha@mail.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00830 «Реальное и виртуальное пространство мегаполиса: стресс и девиации поведения городской молодежи».

Для большей доли населения Земли города стали основной средой обитания. При этом современные города, особенно мегаполисы, обладают не только существенной протяженностью, но и сложной пространственной структурой, с которой учится взаимодействовать любой человек, попадающий в их среду. Взаимодействие состоит в освоении навигационных стратегий для передвижения в пространстве мегаполиса. Известно, что эффективность построения маршрутов зависит от такой переменной, как субъективное представление о направлении. В своих исследованиях А. Hund, А. Padgitt [1] используют термин «чувство направления» и определяют несколько уровней его выраженности, обеспечивающих различную степень эффективности поиска пути и построения маршрута.

Ориентация в пространстве города – тема, активно исследуемая на протяжении уже многих десятилетий в средовой психологии, однако значительные социальнокультурные изменения, цифровизация и

гаджетизация повседневной жизни в мегаполисе актуализируют необходимость новых исследований в данном направлении. Целью нашего лабораторного исследования стало выявление эмпирическим путем особенностей навигационных стратегий молодых людей в среде российского мегаполиса на примере города Екатеринбурга.

Исследование навигационных стратегий молодежи с использованием электронных карт города было проведено в рамках лабораторного эксперимента с применением айтрекера Tobii Pro Spectrum. Испытуемым предлагалось на электронной карте Екатеринбурга в гипотетической ситуации предполагаемого пешего передвижения проложить путь от начальной точки маршрута к конечной. Сначала траекторию движения испытуемый отслеживал взглядом, а затем вербализовывал предполагаемый маршрут. В рамках лабораторного эксперимента участие приняло 30 человек (возраст $22,80 \pm 3,19$), из них 40 % мужчин, 60 % женщин с разным опытом взаимодействия с реальной средой Екатеринбурга (26,7% проживают в городе от 1 до 3 лет, 40% проживают в городе от 4 до 10 лет, 33,3% проживают в городе более 10 лет или с рождения).

Испытуемым предлагалось пять маршрутов в центральной и периферийной частях города, с которыми у участников исследования имелся опыт взаимодействия в реальной жизни. Каждый из маршрутов был протяженностью оптимального пути от 2,82 до 5,08 км с возможностью диагонального к основной сетке улиц перемещения с одной, двумя или тремя сменами направления движения (последнее определяло степень сложности маршрута).

С целью изучения специфики навигационных стратегий молодежи в среде мегаполиса нами были следующие сформулированы два исследовательских вопроса.

1. Насколько велики отклонения протраиваемых испытуемыми маршрутов от их оптимальной протяженности?
2. Каковы особенности построения маршрутов представителями молодежи при взаимодействии с электронной картой?

Обнаружено, что индивидуальное удлинение предложенных маршрутов, по сравнению с их оптимальной протяженностью, составляет в среднем от 200 метров до 1 километра. При этом, чем неоднозначнее система сетки улиц, чем больше она отклоняется от параллельно-перпендикулярного регулярного образца, тем значительнее будет удлинение маршрута в данной среде. Анализ качественных характеристик самих маршрутов, пространственных

участниками эксперимента, а также комментариев, данных испытуемыми после каждого эпизода построения маршрута позволил определить специфические особенности навигационных стратегий представителей молодежи при взаимодействии с электронной картой мегаполиса.

1. Наблюдается определенная дискретность знаковых объектов (ориентиров) в пространстве города в представлении испытуемых, когда данные ориентиры не объединяются в целостную систему, а существуют отдельно друг от друга как самостоятельные локации без соединительных маршрутов между ними. Данное обстоятельство может быть связано с распространением электронных навигационных систем, имеющих в большинстве смартфонов, которым делегируется задача построения маршрута, в исполнении которой субъект передвижения задействован в минимальной степени.

2. Испытуемые не используют возможности оптимизации маршрута посредством передвижения по диагональным путям через скверы, переулки и пр., доступные при передвижении пешком. Маршруты, построенные респондентами на электронной карте, упрощаются с привязкой к маршрутам движения транспорта, что снижает необходимость множественной смены направления движения, но увеличивает общую протяженность маршрута.

3. Построение маршрутов преимущественно идет по главным магистралям мегаполиса, когда испытуемые в большинстве случаев игнорируют возможность передвижения по второстепенным улицам, проездам, скверам, набережным и другим путям, доступным для пешеходов в городской среде.

4. При построении маршрута испытуемые ориентируются на доминирующую параллельно-перпендикулярную уличную структуру, когда даже при наличии диагональных улиц (в том числе главных магистралей) построение маршрута тяготеет к выбору траектории движения с четкими поворотами, имитирующими параллельно-перпендикулярную уличную структуру городской среды.

5. Присутствует выраженная «привязка к границе» при выборе маршрута, предполагающего смену района или пространственной структуры организации городской среды. Маршруты удлиняются и простираются вдоль линии границы района на некоторой ее протяженности (при возможности просто пересечения) вплоть до выбора «обходного» движения только по границе района до конечной точки маршрута.

Литература

1. *Padgitt A., Hund A.* How good are these directions? Determining direction quality and wayfinding efficiency // *Journal of environmental psychology.* 2012. № 32(2).

Личностные предикторы переживания одиночества в подростковом и юношеском возрасте

Ксенда О.Г., Марченко А.Э.
БГУ, ФФСН, Минск, Беларусь
hxnnxmxrch@gmail.com

Можно встретить большое количество интерпретаций феномена «одиночество», в связи с этим присутствуют трудности в понимании сущности этого понятия, а также различные методологические проблемы. Также отсутствует четкая дифференциация схожих с одиночеством понятий, слабо определена специфика переживания одиночества и его субъективные причины, особенно в подростковом и юношеском возрасте [1, с. 153]. В рамках данной работы одиночество рассматривается согласно интерпретации С.Г. Корчагиной, в которой «одиночество» следует понимать как психическое состояние человека, связанное с отсутствием близких, положительных эмоциональных связей с людьми и/или со страхом их потери в результате вынужденной или имеющей психологические причины социальной изоляции, которое сопровождается глубоким (чаще негативно окрашенным) эмоциональным переживанием [4, с. 15]. Мы полагаем, что изучение личностных характеристик может помочь решить некоторые методологические проблемы, связанные с феноменом «одиночество». Актуальность вопроса состоит в том, что, имея возможность определить «причины» субъективного переживания одиночества, мы можем так или иначе предупредить его.

Одиночество не имеет точной возрастной или гендерной конкретизации, но многие авторы (И.В. Дубровина, И.С. Кон, С.В. Кривцова и др.) отмечают, что особенно остро одиночество переживается именно в подростковом возрасте, ведь в это время, в результате развития познавательной и эмоциональной сферы личности, подросток переходит на новый уровень самосознания [1, с. 165]. Что касается юношеского возраста, он предполагает, с одной

стороны, завершение физического, а с другой – достижение социальной зрелости, формирования самосознания [3, с. 32]. Здесь мы также можем встретить новообразования, которые приобретаются у юношей и девушек: непосредственное участие во взрослой жизни, профессиональная и личностная идентификация, установление связей с противоположным полом [2, с. 45]. Все вышеперечисленные факторы могут свидетельствовать о том, что подростковый и юношеский возраст попадает в группу риска интенсивного выраженного переживания одиночества.

Перейдем непосредственно к нашему исследованию.

Характеристика выборки: 317 респондентов, количество выборки подросткового возраста (от 13 до 16 лет) – 101 человек, количество выборки юношеского возраста (от 17 до 21 года) – 216 человек.

В соответствии с методологическими основаниями исследования нами был использован опросный метод. Для сбора эмпирических данных использовались следующие методические средства:

- «Методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона;
- методика «Опросник Шмишека»;
- «5-ти факторный личностный опросник МакКрае-Коста 5PFQ» в адаптации А.Б. Хромова.

В ходе проведенного исследования мы выяснили, что среди респондентов подросткового возраста 47% характеризуются низким уровнем переживания одиночества, 34% – средним, 19% – высоким. Что касается данных об уровне одиночества среди респондентов юношеского возраста, то 39% характеризуются низким уровнем переживания одиночества, 42% – средним, 19% – высоким.

В виде завершающего этапа исследования проведен линейный регрессионный анализ. Эта мера объясняется тем, что нам было необходимо выделить из всех переменных, так или иначе связанных с одиночеством, те, которые будут прогнозировать с определенной долей вероятности его присутствие. Таким образом, независимыми переменными служили индивидуально-личностные характеристики юношей и подростков, зависимой – уровень переживания одиночества.

В результате регрессионного анализа установлено, что переживание одиночества в юношеском возрасте характеризуется акцентуацией «дистимность», акцентуацией «циклотимность» ($R^2=0,230$), акцентуацией «возбудимость» ($p=0,000$, $b=0,323$, $R^2=0,104$), акцентуацией «тревожность» ($p=0,001$, $b=0,227$, $R^2=0,052$),

акцентуацией «педантичность» ($p=0,000$, $b=0,260$, $R^2=0,068$). Установлено, что переживание одиночества в юношеском возрасте характеризуется интровертированностью, отделенностью, эмоциональностью ($R^2=0,404$).

Установлено, что переживание одиночества в подростковом возрасте характеризуется акцентуацией «дистимность», акцентуацией «циклотимность» ($R^2=0,308$), акцентуацией «возбудимость» ($R^2=0,284$). Также переживание одиночества в подростковом возрасте характеризуется импульсивностью ($p=0,001$, $b=-0,335$, $R^2=0,112$), естественностью и эмоциональностью ($R^2=0,398$).

Таким образом, из числа изученных переменных склонность к формированию одиночества в подростковом возрасте в основном характеризуется акцентуациями «дистимность», «циклотимность». Менее значимой является акцентуация «возбудимость». Также формирование склонности к переживанию одиночества в подростковом возрасте в основном определяется высокими показателями естественности и эмоциональности и низкими показателями контроля. Для индивидов юношеского возраста обнаружено, что переживание одиночества характеризуется акцентуациями «циклотимность», «дистимность». Менее значимой являются акцентуации «возбудимость», «тревожность», «педантичность». Также переживание одиночества в юношеском возрасте характеризуется интровертированностью, отделенностью, эмоциональностью. Чем менее выражены экстравертированность и привязанность и чем более выражена эмоциональность, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества.

Литература

1. *Белобрыкина О.А.* Дифференциальные дескрипторы субъективного переживания одиночества подростками. Часть II: результаты эмпирического исследования // Социальная и экономическая психология. 2019. №3. 15.
2. *Головкова Н.Н.* Особенности переживания одиночества в связи с типом личности (на примере студентов) // Вестник магистратуры. 2014. № 12. 4(39).
3. *Гребенникова Н.В.* Особенности переживания чувства одиночества у юношей и девушек // Высшее образование для

- XXI века: проблемы воспитания: XIV Международная научная конференция: в 2-х частях. 2017. № 4.
4. *Корчагина, С.Г.* Генезис, виды и проявления одиночества. М., 2005.

Особенности формирования первого впечатления у представителей учащейся молодежи в СССР и современной России

Кудряшов Д.П., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dmitrykudriashov@mail.ru

Восприятие – одна из структурных частей общения, которое, в свою очередь, является важнейшей деятельностью человека. Частью общения является отражение субъектами друг друга. В зависимости от адекватности этого отражения, продуктом общения может выступать как положительный, так и отрицательный результат. Люди могут достичь взаимопонимания и слаженно выполнять поставленные задачи, и, наоборот, неэффективное общение может внести деструктивный характер в процесс труда. Особенно актуальным это становится в наши дни, поскольку именно сейчас происходит смена ценностных ориентаций современной молодежи, в современном обществе все больше растет значимость материального успеха и финансового благополучия [1; 3; 4]. Ведь отражение субъектами познания других людей нельзя рассматривать как статичный, единожды данный нам процесс. Развитие личности проходит много фаз и этапов. Благодаря прохождению этих фаз, происходят изменения в структуре самого процесса познания человека. Поэтому восприятие зависит от того, под каким именно культурным и социальном фондом происходило развитие личности, от опыта трудовой и познавательной деятельности.

Целью исследования являлось изучение аспектов процесса формирования первого впечатления у представителей современной учащейся молодежи.

Основой для данного эмпирического исследования стало изучение идей А.А. Бодалева об изучении первого впечатления и восприятия человека в целом. В представленных им исследованиях восприятия были описаны результаты, в которых отмечается, что в восприятии

человека человеком ведущее место занимают физический облик – 82,5% (под физическим обликом понимается форма тела, телосложение, глаза, цвет волос и т. п.), далее следует выразительное поведение – 13,6% (мика, поза, осанка, походка), оформление внешности – 3,6% (одежда, прическа, аксессуары). Данные показатели характерны для испытуемых 21-26 лет 80-х годов XX века [2].

Для проведения нашего исследования и сравнения результатов мы воспользовались следующей методикой: испытуемым предъявлялась фотография с изображением четырех незнакомых им мужчин. Перед испытуем стояла задача максимально подробно и широко описать внешний облик каждого испытуемого, используя различные эпитеты и другие средства выражения речи, которые он сочтет нужным.

В исследовании приняли участие 35 человек. Из них 17 мужчин и 18 женщин в возрасте от 19 до 22-х лет, студенты различных университетов и колледжей Москвы и Подмосковья.

При проведении исследования были получены следующие результаты. Портретов составлено – 135; количество фиксирований элементов – 857. Из них количество фиксирования элементов:

- внешнего облика – 352 (41%);
- выразительного поведения – 25 (3%);
- оформления внешности – 480 (56%).

Сравнивая результаты, полученные в СССР, с данными, полученными в нашем исследовании, а также проанализировав современные исследования о ценностных ориентациях современной учащейся молодежи, мы пришли к следующим выводам.

1. Современная молодежь, при формировании первого впечатления стала уделять все больше внимания одежде и прочим элементам оформления внешности, чем люди в СССР. Сравнивая результаты А.А. Бодалева и нашего исследования, было выявлено, что процент фиксирования данных элементов вырос с 3,6% до 56%. Мы предполагаем, что это связано с образованием эталонных образов восприятия посредством СМИ, сменой ценностных ориентаций молодежи в условиях общества потребления. Эти факторы привели к тому, что внешний облик стали не только выражением собственной индивидуальности, но и способом демонстрации достатка. Именно поэтому в современных реалиях становится все более востребована услуга по формированию имиджа.

2. Из-за факторов, влияющих на формирование ценностных ориентаций личности, у представителей современной учащейся молодежи, по сравнению с людьми в СССР, в устойчивых образах

восприятия значительное место отводится физическому облику. В целом процент фиксирований внешнего облика составил 97%, что говорит нам о значительном преобладании внешности, как статуса и способа самовыражения в системе ценностных ориентаций.

Литература

1. *Белых Л.И.* К вопросу о структуре нравственного самоопределения молодежи // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013.
2. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. - М., 1982.
3. *Духанина Л.Н.* Ценности и жизненные приоритеты российских школьников // Вестник Костромского гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020.
4. *Ростовская Т.К.* Жизненные приоритеты и ценностные компоненты молодежи Нижнего Новгорода // Муниципалитет: экономика и управление. 2018.

Влияние массовых коммуникаций на формирование личностных мотивов потребления

*Кузнецов И.М., Снисар К.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ingvar31@yandex.ru, snisar-kristina@mail.ru*

В эпоху глобализации большинство людей не могут обойти стороной влияние массовой коммуникации. При этом, основной функцией массовой коммуникации становится «усреднение» индивидуальных потребностей в соответствии с возможностями и тенденциями глобальной экономики к производству массового продукта, а также формирование новых потребностей, отвечающих планам обновления тех или иных видов продукции.

Начало исследования влияния массовых коммуникаций было положено еще в 1920 году, проводились исследования детской читательской аудитории с целью улучшения детского контента. В 1960 году Дж. Клаппер [1] предложил «теорию подкрепления», которая изначально говорила о том, что средства массовой коммуникации не могут нести прямое влияние на психику аудитории

206

с целью внушения определенной информации. В 1964 Маршалл Мак-Люэн в своей книге «Понимание Медиа» [2] обозначил, что средства массовой коммуникации оказывают влияние не только на самого человека, но и на общество в целом. В 1970 году, в связи с ростом технологического прогресса, Маршалл Мак-Люэн и Ирвинг Рейн [2] указали, что необходимо следить точно за предоставляемой обществу информацией из-за роста ложной информации в СМИ. В 1980 году произошел переход к массовой самокоммуникации и теперь потребители самостоятельно выбирают какой контент потреблять и на какую предоставляемую позицию ориентироваться.

В связи с роботизацией и цифровизацией, различные средства массовой коммуникации на данный момент стали неотъемлемой частью окружающей среды каждого человека и влияют на личные ориентиры. Однако существуют альтернативные каналы, которые формируют мировоззрение личности помимо массовых коммуникаций и, следовательно, восприятие информации у некоторых групп данного социума может различаться.

На самоопределение, самоидентификацию и формирование личностных ориентиров влияют многие факторы. В процессе формирования личности ключевое воздействие оказывают такие среды социализации, как семья, принадлежность к определенному социально-экономическому, образовательному слою, религиозной общине, региональной социокультурной среде. Как следует из теорий социальной категоризации А. Тэшфела [3], «усреднение» индивидуальных особенностей через акцентирование личностной значимости принадлежности к той или иной из названных выше и других социальных категорий формирует определенные установки, способствующие предсказуемой сходной реакции на «месседжи» СМИ у всех, кто ассоциирует себя с данной категорией.

Кроме того, согласно теории межгрупповых общественных отношений, А. Тэшфела [3], многие люди получают информацию от членов их интруппы, с которыми выстроены доверительные отношения, что повышает шанс принятия информации, даже если она ложная, так как межличностные отношения играют сильное воздействие на принятие информации.

Наконец, безусловное доверие к определенному набору каналов информации (будь то те или иные бренды социальных сетей и/или информационных агентств), которое ранее рассматривалось как индивидуальное предпочтение, основанное на личном критическом

опыте, все чаще позиционируется как значимый маркер принадлежности к данной категории.

Все это в целом делает позиционируемую возможность выбирать контент самостоятельно весьма управляемой и в какой-то мере иллюзорной, поскольку избежать психологического воздействия информационного потока на личностные предпочтения почти невозможно. Так, например, в связи с развитием push-технологий, социальные сети стали значимой средой повседневной жизни большинства людей. Дауншифтинг в информационной сфере больше не пользуется популярностью, а демонстрация красоты, успешности и значимости в рамках усредненных критериев вышли на новый уровень. Средства массовой коммуникации усердно работали над внедрением в сознание людей, что необходимо быть такими же, как на экране телевизора, и все благодаря продукту, который рекламируется. Но сейчас, когда технологии позволяют выглядеть превосходно, не являясь недосягаемой звездой на экране, СМИ стали увереннее навязывать общественные стандарты.

В современном мире источники массовой коммуникации являются неотъемлемой частью окружающей среды каждого человека. Массовая коммуникация влияет не только на личность, но и на ход общественных процессов. В связи с постоянно движущимся прогрессом, в инновационной сфере происходит изменение образа жизни и моделей поведения, что вызывает сдвиг культурных ценностей в общественной жизни. Современный взгляд на образ жизни нивелирует традиционные взгляды и ценности, с целью быть универсальным в общественной структуре, каждый старается двигаться в ногу с предоставляемой возможностью технологичной сферы. Таким образом, проблема использования средств массовой коммуникации как инструмента управления индивидуальным восприятием текущей ситуации остается актуальной. В связи с этим, актуальной практической проблемой становится разработка психологических курсов и методик формирования индивидуальной устойчивости в современных информационных средах, формирования навыков «информационной гигиены» уже в подростковом возрасте.

Литература

1. *Кирия И.В., Новикова А.А.* История и теория медиа. Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.

2. *Мак-Люэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2003.
3. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2013.

Взаимосвязь компьютерной зависимости и социальной адаптации в подростковом возрасте

Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
rashodchikovamn@mgppu.ru, kuznetsovaad@mgppul.ru

Исследователи связывают компьютерную или интернет-зависимость с существующими проблемами психического здоровья, в первую очередь – с депрессией. Согласно корейскому исследованию компьютерной зависимости от 2003 года, патологическое использование Интернета приводит к негативным последствиям для жизни, таким, как потеря работы, распад брака, финансовые задолженности и отставание в учебе [1].

В конце 2016 года Всемирная организация здравоохранения начала работу над подготовкой определений расстройств под названием «игровое расстройство» и «небезопасная игровая деятельность», эти расстройства описывались соответственно как «модель игрового поведения, отличающаяся нарушением контроля за игрой» и «модель игрового поведения, будь то в онлайн- или офлайн-играх, ощутимо повышающая риск вреда для физического или психического здоровья отдельного лица или окружающих его людей». Доказано, что избыточное использование компьютеров и интернета влекут за собой социально-психологические, эмоциональные и физиологические изменения для личности, в особенности для подростков, когда их психика еще не до конца сформировалась. Ведь некоторые люди, в частности, подростки и дети не замечают, сколько времени проводят за компьютером (если не учитывать учебный аспект), с каждым годом увеличивается процент зависимых от интернета молодежи. Не все подростки могут отдавать себе отчет о проведенном времени за компьютером, многие начинают заменять им реальную жизнь, находить в сети друзей и устраивать свою жизнь в новом игровом пространстве. Можно отметить, что масштабы компьютерной и

интернет-аддикции растут в числе подростков, так как это еще связано с особенностями данного периода (физиологические изменения в организме, неуравновешенность в эмоциональных проявлениях, становление самооценки, кризис идентичности и т.д.), подростки начинают искать решение своих проблем в виртуальной среде, так они перестают осознавать, что компьютер начинает занимать большую часть их времени [3].

Такая ситуация оставляет свой негативный отпечаток в различных сферах в подростковом возрасте. Могут начаться проблемы в межличностных отношениях с ровесниками, в образовательном процессе, в общении с родителями и учителями. Ведь пубертатный период является сенситивным для многих новообразований (абстрактно-логическое мышление, словесно-логическая память, личностная рефлексия, устойчивая самооценка, самосознание и др.), и если данные изменения не произойдут в «свое время», то потом могут начаться отклонения не в лучшую сторону. Каждый «кризисный» период в жизни человека очень важен, и нужно его пройти для дальнейшего личностного развития, а чрезмерное использование интернета и компьютера могут препятствовать данному развитию [2].

Конечно, негативное воздействие компьютера на подростка будет осуществляться только в том случае, когда деятельность за ним будет переходить в зависимость, в постоянное времяпрепровождение, если прежние занятия, такие, как учеба, межличностное (реальное) общение, хобби, будут в дефиците. То есть потеря контроля над участием в игре, отдавание компьютеру большего приоритета, в ущерб другим интересам и повседневной деятельности, даже, несмотря на появление негативных последствий. В таком случае будет фиксироваться отрицательное влияние компьютера и интернета на формирование личности подростка.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи компьютерной зависимости и социальной адаптации в подростковом возрасте [1].

Респондентами выступили учащиеся московской школы (n=120). Из них 60 учеников 10-х классов в возрасте 16-17 лет (28 юношей и 32 девушки) и 60 учеников 6-х классов в возрасте 12-13 лет (25 юношей и 35 девушек).

Мы использовали следующие методики: тест «Социально-психологическая адаптация» К. Роджерса и Р. Даймонд, шкала

«Интернет-зависимость» S.H. Спена (адаптированная К.А. Феклисовой).

Проведя эмпирическое исследование, мы получили следующие результаты.

В старшем подростковом возрасте (на выборке десятиклассников) существует обратная корреляционная взаимосвязь между компьютерной зависимостью и социальной адаптацией (при $p=0,05$), то есть у независимых подростков уровень социальной адаптации выше, чем у подростков с компьютерной зависимостью. Также выявлены значимые различия связи компьютерной зависимостью и уровнем самопринятия, интернальности, стремления к доминированию, эмоционального комфорта. Это показывает, что у зависимых подростков из-за компьютерной аддикции перечисленные выше характеристики имеют сниженные уровни развития, по сравнению с подростками, которые не имеют компьютерной зависимости.

В младшем подростковом возрасте (на испытуемых 6-х классов) обратная взаимосвязь (при $p=0,01$) выявлена между компьютерной зависимостью и принятием других. То есть независимые подростки принимают окружающих людей такими, какие они есть, чаще, чем подростки с компьютерной зависимостью.

В 6-х и 10-х классах у зависимых подростков есть прямая взаимосвязь (при $p=0,01$) между социальной адаптацией и интернальностью, то есть, чем выше уровень интернальности, тем выше будет уровень социальной адаптации. Значимые различия между зависимыми и независимыми подростками существуют только в 10-х классах, в 6-х классах различий практически не выявлено.

Таким образом, можно сделать вывод, что компьютерная зависимость влияет на социальную адаптацию подростков в окружающем мире, школьной и семейной среде, на внутренний эмоциональный комфорт, на самопринятие, на интернальность, на взаимоотношения со взрослыми. Также компьютерная зависимость влияет на идентификацию подростка, так как в игре он может создать себе виртуальную жизнь и побывать в разных ролях. Как показало наше исследование, к окончанию подросткового возраста существуют различия в социальной адаптации у зависимых и независимых подростков, а это может свидетельствовать, что подростки, которые погрузились в виртуальный мир, могут в дальнейшем столкнуться с еще большими пробелами в жизни реальной.

Литература

1. *Войсунский А.Е.* Киберпсихология: современный этап развития сост. и ред. А. Е. Войсунский. Краснодар, 2020.
2. *Гордеева А.В.* Увлеченность компьютерными играми: психологический аспект. Киев, 2012.
3. *Кочетков Н.В.* Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 27-54.

Ментальные карты как инструмент изучения пространственного представления водителей

Курилович А.Н., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
gorbenko1984@gmail.com

Водительская деятельность, требующая ориентации в пространстве, тесно связана со способностью к формированию и оперированию ментальной картой как планом выполнения двигательной задачи. Постоянно увеличивающаяся статистика дорожно-транспортных происшествий диктует объективную необходимость тщательного изучения факторов, которые являются причиной самых различных инцидентов на дороге. Определяющее влияние на уровень аварийности оказывает поведение водителей транспортных средств, более 75 % всех происшествий возникает из-за ошибок водителей, роль человеческого фактора в аварийности продолжает возрастать, снижение уровня аварийности дорожно-транспортной среды и обеспечение безопасности на дорогах нашей страны сформулированы в документе «Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы». Все вышеперечисленное свидетельствует о недостаточности усилий по психологическому обеспечению безопасности дорожного движения и необходимости проведения дальнейших исследований в данной области [1; 3].

Несмотря на то, что вождение автомобиля является рутинной задачей, оно является сложной деятельностью, затрагивающей потенциально все уровни человеческого восприятия и познания. От

водителю требуется одновременно выбирать соответствующую информацию из окружающей среды в соответствии с текущей целью, понимать актуальную дорожную ситуацию и уметь предсказать ее развитие в более или менее долгосрочной перспективе, принимать решения, чтобы должным образом взаимодействовать через свое транспортное средство с дорожной средой и другими участниками движения, управлять своими физическими, перцептивными и когнитивными ресурсами для компенсации ограниченного количества времени, присущего динамичному характеру дорожной ситуации. Проведенные ранее исследования показали, что для каждого вида операторского труда есть свой специфический перцептивный мир, в котором оператор работает с пространственными представлениями и с их помощью принимает решение [4; 5].

Ментальная карта содержит информацию об отдельных свойствах объектов, а также оценочные элементы и определяет познавательную или исполнительную активность субъекта, являясь планом сбора информации об объектах и событиях, намечая линии его поведения. Изучение ментальных карт водителей как методики, выявляющей специфические представления, обусловлено потребностью в эффективных психодиагностических и исследовательских методах определения соответствия требованиям деятельности кандидатов в водители, поиском связи между стилем вождения и поведением. Ментальные карты планируется использовать для превентивного выявления водителей «высокого риска аварий» с последующей психологической коррекцией и психологического анализа участков дорог с высокой аварийностью, для этой цели планируется провести статистический анализ карт, которые были составлены испытуемыми относительно конкретного высокоаварийного участка дороги. Внимание уделяется тому, как информант выбирает первые объекты для отображения, как задает порядок их возникновения на карте, тем самым предъявляя свои основания структурирования восприятия пространства. Причем местоположение объектов, точность выполнения карты и художественные навыки в таком случае играют незначительную роль [1; 2].

Полученные результаты позволят проводить психологической диагностику кандидатов в водители после прохождения курса подготовки с выделением групп «высокого риска аварий» для психологической коррекции либо дополнительного развития навыка анализа дорожной ситуации, способствуя снижению аварийности на дорогах.

Литература

1. *Кочетова Т.В., Погодина А.В., Харченко М.А.* Проблема исследования водительского поведения в современной зарубежной психологии // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 3.
2. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб. 2000.
3. Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы. URL: <http://government.ru/docs/31102/>
4. *Стрелков Ю.К.* Инженерная и профессиональная психология. М. 1998.
5. *Bellet T., Bailly-Asuni B., Mayenobe P., Banet A.* A theoretical and methodological framework for studying and modelling drivers' mental representations // Safety Science. 2009. Vol. 47. № 9.

Совладание с трудными ситуациями молодыми людьми: социокультурные различия

Куфтяк Е.В.

ФГБОУ ВО РАНХИГС, НОУ ВО МИП, Москва, Россия

Бехтер А.А.

ФГБОУ ВО ТОГУ, Хабаровск, Россия

Газзаева Н.М., Сиукаева Е.Г.

ГАОУ ВПО ЮОГУ, Цхинвал, Южная Осетия

elena.kuftyak@inbox.ru, behter2004@mail.ru, qazzaeva70@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 21-513-07004 МОН РЮО_а.

Возможности в адаптационных процессах и активном взаимодействии с трудными ситуациями выступают показателем продуктивности в саморегуляции и благополучии. Совладающее поведение предполагает конкретные поведенческие и психологические усилия, которые люди прилагают, чтобы справиться, уменьшить или свести к минимуму стрессовые или трудные события [3]. Существуют разные взгляды на то, какие стратегии преодоления являются предпочтительными и более эффективными, но, согласно

214

данным исследований, каждый человек, сталкивающийся со стрессовыми ситуациями, использует определенные стратегии преодоления с индивидуальными вариациями предпочтений [1; 2]. Стресс и опыт выступают универсальным опытом, с которым сталкиваются люди независимо от культуры и национальности. Однако, люди живут в социальных условиях, где существуют различные культуры. Присутствие любых культурных сигналов в непосредственной социальной среде активизирует знание культуры в этом обществе, которое определяет, как люди интерпретируют социальный мир, что позволяет им действовать в соответствии с культурно заданными установками, обычаями и особенностями поведения. Так, способность разных культурных групп справляться со стрессом будет разной в разных культурах. На сегодняшний день существует недостаточно исследований, которые прямо отвечают на этот вопрос.

Основная цель исследования – это проведение сравнительного анализа кросскультурных особенностей реактивного и проактивного копинга у молодежи, проживающих в России и Южной Осетии. Общую выборку составили 249 человек (141 женщина и 108 мужчин), в возрасте от 19 до 25 лет. По этнической принадлежности были опрошены 105 осетин и 144 русских. Были использованы следующие методики для диагностики совладающего поведения: «Опросник способов копинга» в адаптации Е.В. Битюцкой, «Экспресс-опросник копинга – СОРЕ» в адаптации Е.В. Куфтяк, направленные на измерение реактивных копинг-стратегий; опросник «Проактивный копинг» в адаптации Е.П. Белинской, А.В. Вечерина, Е.Р. Агадуллиной, направленный на изучение стратегий проактивного совладания. Результаты исследования были обработаны и проанализированы с использованием математико-статистических методов с использованием компьютерной программы SPSS.17.0.

Были выявлены культурные различия в выборе стратегий реактивного совладания. Установлено, что осетинские юноши в трудной жизненной ситуации чаще выбирают стратегию *противостояния* ($p=0,001$), при которой человек активно сопротивляется ситуации, действует вопреки обстоятельствам. В российской выборке юноши чаще прибегают к *самообвинению* ($p=0,011$), что подразумевает критическое восприятие ситуации и возложение вины за случившееся на себя, а также попытки исправить случившееся. Выявлено, что для девушек осетинской выборки в большей степени характерно *дистанцирование* от проблемной

ситуации ($p=0,037$), которое отражается в преуменьшении значения ситуации и отдалению от негативного положения дел. В свою очередь, российские девушки чаще обращались к уходу от проблемной ситуации ($p=0,034$), что подразумевает отвлечение от нее, переключение внимания с решения проблемной ситуации на другие виды активности и состояния.

При столкновении с трудностями российские юноши чаще выбирают стратегии юмор ($p=0,001$) и самоотвлечение ($p=0,021$), что позволяет на когнитивном уровне управлять ситуациями, которые угрожают их благополучию, превращая их в нечто несерьезное и смешное, а также в трудных ситуациях чаще переключаться на другие виды активностей. Осетинские юноши ($p=0,044$) и девушки ($p=0,000$) чаще обращаются к уходу в религию, что предполагает более частое обращение к вере в стрессовых ситуациях. Было выявлено более частое обращение осетинских девушек ($p=0,000$) к копингу отрицание, что позволяет уменьшить значимость трудной ситуации.

Россиянкам свойственно в трудной ситуации обращение к поиску инструментальной поддержки ($p=0,000$) и поиску эмоциональной поддержки ($p=0,009$), что предполагает поиск информации и коммуникацию с другими людьми как для решения трудной ситуации, так и для регуляции своего эмоционального состояния.

Таким образом, отличие совладания южноосетинской молодежи от русской состоит в том, что активно противостоять проблемам или обратиться к духовным ресурсам пытаются только южноосетинские парни, для русских и южноосетинских девушек в большей степени характерен уход от проблемы. Результаты текущего исследования вносят свой вклад в важный диалог по преодолению стресса и преодолению стресса с учетом культурных особенностей жителей России и Кавказа.

Литература

1. Крюкова Т.Л., Гуцина Т.В. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ; КГТУ, 2015.
2. Куфтяк Е.В. Совладающее поведение в период взросления: соотношение механизмов психологических защит, реактивного и проактивного совладания // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А. Л.

Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 680-689.

3. *Lazarus R.S. Stress and emotion: A new synthesis.* New York: Springer Publishing Company, 1999.

Динамика изменения социальных представлений учителей о школе в период пандемии COVID-19

Кушнир О.А., Толстых Н.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kushnirolga86@gmail.com, nnvt@list.ru*

Актуальность изучения динамики изменения отношения учителей к школе обусловлена непрерывной трансформацией учебного процесса, в частности, неоднократными переходами на очную и дистанционную формы обучения школьников в течение 2020/2021 учебного года.

Последние нововведения, включая ограничительные меры, связанные с мировой пандемией COVID-19, резко изменили все социально-экономические сферы жизни населения, в частности трансформации подверглась система образования. Инновационные технологии, цифровизация, обновление и непрерывность образования неразрывно связаны с современным обучением.

Реформа образования в России проходит очень сложно и противоречиво. Одним из факторов сложности перехода к новым образовательным форматам является стереотипность мышления. Если детям адаптироваться к изменениям проще, то для родителей и педагогов это настоящий стресс [2]. С одной стороны, люди должны адаптироваться к происходящим изменениям и быть гибкими. С другой стороны, при продолжительном интенсивном стрессе человек перестает справляться с постоянным напряжением и подвергается риску проблем с психическим здоровьем [5].

Проблемой, вызванной бесконечными нововведениями и ограничительными мерами, озадачены научные сообщества всего мира. Результаты многочисленных зарубежных исследований свидетельствуют о резком увеличении проявлений депрессии, тревоги и стресса населения во время пандемии COVID-19 [3; 4].

Целью нашего исследования стало изучение динамики изменения социального представления российских учителей о современной школе.

В качестве теоретической основы исследования использована теория социальных представлений, описанная С. Московичи. Для анализа социальных представлений учителей о современной школе выбран подход, предложенный П. Вержесом [1].

Процедура сбора данных осуществлялась следующим образом: учителям предлагалось написать 5 ассоциаций к словосочетанию «современная школа». При подсчете синонимичные и близкие по смыслу ассоциации объединялись. Например, такие слова, как «инновации», «технологии», «цифровизация», «интернет» объединялись в ассоциацию «технологии». Далее для каждой ассоциации подсчитывалась частота ее встречаемости в выборке и средний ранг упоминаемости в списке из пяти последовательно написанных ассоциаций. Ассоциации, упоминаемые единожды, не учитывались. Затем в соответствии со стандартной процедурой выстраивалась структура социальных представлений, состоящая из четырех зон: ядро, две буферные и одна периферическая зона.

Исследование проводилось в два этапа: осенью 2020 года в нем приняли участие 38 учителей государственных общеобразовательных школ г. Москвы; осенью 2021 года – 66 учителей тех же школ.

Результаты и первого, и второго этапа исследования показали, что в ядро социальных представлений (зона I) учителей о современной школе попали ассоциации, связанные с технологиями (65; 2,3). Стоит отметить, что, если в 2020 г. данную ассоциацию упомянули 62% учителей, принявших участие в опросе, то в 2021 г. – 98%. Кроме того, в ядре социальных представлений остались такие понятия, как «знания» (10; 1,8) и «цейтнот» (14; 2,7). Ассоциации «дистант» (17; 3,2) и «неуважение» (6; 2,6) переместились в ближайшие буферные области (зона III и II соответственно), а из буферной зоны II в ядро перешла ассоциация «бюрократия» (21; 2,9). К тому же, по результатам исследования 2021 г., в ядре социального представления появились такие новые понятия, как «бардак» (13; 2) и «глупость» (7; 2,5).

Обращают на себя внимание называемые наиболее часто, но не в первую очередь, ассоциации «стресс» (17; 3,5) (ее упомянули более 51% учителей в 2020 г. и 26% учителей в 2021 г.) и «ЕГЭ» (18; 3,7), которые остались на своем месте в буферной зоне III.

Из буферной зоны III к 2021 г. исчезла ассоциация «отвращение», а ассоциации «дети» (8; 3,3), «комфорт» (3; 1,3), «возможности» (7; 3,5), «учитель» (4; 2,2) перешли из периферической области (зона IV) в ближайшие буферные зоны II и III.

В целом, за два года пандемии ситуация в образовании заметно изменилась. Согласно полученным данным, на сегодняшний день учителя не представляют современной школы без цифровизации и инновационных технологий. Ядро социальных представлений учителей о современной школе по-прежнему практически не содержит положительно окрашенных ассоциаций, тем не менее появляются важные ассоциации, вселяющую надежду на успешное преодоление периода трансформации российского образования. Таким образом, турбулентность системы образования становится не только опытом преодоления ограничений и неудобств, но и открытием новых возможностей.

Литература

1. *Емельянова Т.П.* Разработка понятия социального представления – новый этап в развитии концептуального аппарата социальной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 379-400.
2. *Фельдштейн Д.И.* Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования. М.: МПСИ, 2011. С. 10
3. *Храмов Е.В., Иванов В.С.* Современные зарубежные исследования депрессивных расстройств в период пандемии COVID-19 Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1 С. 39-47.
4. *Sokal L., Eblie L.T., Babb J.* Canadian teachers' attitudes toward change, efficacy, and burnout during the COVID-19 pandemic // International Journal of Educational Research Open. 2020. Volume 1. Article 100016 <https://doi.org/10.1016/j.ijedro.2020.100016>.
5. *McEwen B.S., Stellar E.* Stress and the individual. Mechanisms leading to disease. Arch Intern Med. 1993 Sep 27;153(18):2093-101. PMID: 8379800.

Ценности сотрудников с разным неформальным статусом в организации

Лазарева Ю.И.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

jlazareva81@mail.ru, sachkova@list.ru

В настоящее время происходят кардинальные изменения как во всех сферах взаимодействия и жизнедеятельности человека, так и в обществе в целом. В связи с этим проблема изучения ценностей сейчас актуальна, как никогда.

Довольно серьезный вклад в разработанность проблематики ценностей был сделан учеными, проводившими исследования в образовательных учреждениях различного уровня и направленности. Так, были изучены ценности в разрезе гендерных особенностей [6], эмиграционных намерений [5], определения различных подходов к анализу феномена [4]. Изучение ценностей подрастающего поколения представляется, несомненно, значимым, в том числе, с точки зрения раскрытия основных феноменов, закономерностей, динамических изменений в приоритетности жизненных ориентаций каждой возрастной категории [4; 5]. Однако не менее интересным является анализ ценностных характеристик участников межличностного взаимодействия в принципиально иной среде, в которой большое число людей объединяются вокруг другой сферы активности – трудовой профессиональной деятельности. При этом анализ ценностей работников, имеющих разный неформальный статус в организации, до сих пор подробно не был представлен в западных и отечественных источниках, за исключением чуть ли ни единственного исследования ценностных ориентаций разностатусных участников взаимодействия, но опять-таки на примере ученических групп [3].

Целью настоящего исследования стало изучение ценностей сотрудников с разным неформальным статусом в современной организации. В качестве основной гипотезы выступило предположение о наличии различий в организационных ценностях у сотрудников с разным неформальным статусом. В рамках дополнительных гипотез было сделано предположение о том, что

организационные ценности высокостатусных и среднестатусных сотрудников схожи, а с низкостатусными сотрудниками имеют различия. Второе предположение – организационные ценности среднестатусных работников ближе к ценностям организации в целом в сравнении с высоко- и низкостатусными сотрудниками.

Исследование проводилось на базе электросетевой компании г. Москвы, его участниками выступили 230 человек. Был применен комплекс социально-психологических методик: социометрия, референтометрия, методический прием определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе. На основании обобщенных результатов данных методик был определен интегральный внутригрупповой статус каждого из работников [2]. Была применена также первая часть опросника для изучения ценностей Ш. Шварца в адаптации В.Н. Карандашева. Статистическая обработка результатов проводилась с помощью U-критерия Манна-Уитни и коэффициента корреляции Спирмена.

На основании данных, полученных в результате применения методики Ш. Шварца, были описаны 10 организационных ценностей и проанализированы по степени их значимости для сотрудников в разрезе статусных страт. На первом месте для всех статусных категорий оказалась ценность «Достижения», ценность «Безопасность» на втором месте у высоко- и среднестатусных сотрудников, а у низкостатусных на третьем, ценность «Доброта» на третьем месте у высоко- и среднестатусных сотрудников, а у низкостатусных она занимает второе место [1].

Были выявлены следующие значимые статистические различия при выборе организационных ценностей разностатусными сотрудниками:

- аутсайдеры значительно более привержены ценности «Универсализм», нежели лидеры (при $p=0,01$);
- для аутсайдеров «Доброта» важнее, чем для лидеров (при $p=0,03$);
- для аутсайдеров «Самостоятельность» ценнее, чем для лидеров (при $p=0,05$);
- обнаружена тенденция к значимому различию при выборах ценностей «Конформность» и «Гедонизм» между лидерами и аутсайдерами (при $p=0,06$).

Статистически значимых различий при выборе организационных ценностей при сравнении высокостатусных со среднестатусными работниками не выявлено. Однако при их сравнении обнаружена

тенденция к значимому различию при выборе ценности «Доброта» (при $p=0,06$).

Было установлено наличие тесной связи между организационными ценностями организации в целом и в разрезе статусных категорий, однако наиболее близкой в данном случае является низкостатусная категория работников (0,988), а высоко- и среднестатусные сотрудники имеют одинаковый показатель тесноты взаимосвязи (0,976) и он немногим ниже (при $p=0,001$).

Итак, основная гипотеза была подтверждена частично. Частная гипотеза о том, что организационные ценности высоко- и среднестатусных сотрудников схожи, а с низкостатусными сотрудниками имеют различия, нашла свое подтверждение, а дополнительная гипотеза о наибольшей близости организационных ценностей среднестатусных работников к ценностям организации в целом в сравнении с высоко- и низкостатусными сотрудниками – не подтвердилась.

Литература

1. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
2. *Кондратьев М.Ю.* Методический алгоритма определения интегрального внутригруппового статуса члена контактного сообщества // Социальная психология и общество. 2014. № 3.
2. *Кутейникова В.Д.* Взаимосвязь системы ценностных ориентаций старших подростков со статусным положением в ученической группе// Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru. 2013. № 2.
3. *Мартышина Д.Д.* Ценностные ориентации и моральное развитие в подростковом возрасте // Психологические исследования. 2017. Т.10. № 51.
4. *Мураценкова Н.В.* Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленск // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1.
5. *Хрипунова О.Г., Поляруш А.А., Селиванова Е.В., Лунева Е.В.* Гендерные особенности развития ценностных ориентаций студенческой молодежи // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 5.

Социальные представления личности о переживаемой травме: различия в уровнях травматизации и ресурсах

Лебедева В.Е., Рягузова Е.В.

*СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
lebedeva.valeriya99@mail.ru, rjaguzova@yandex.ru*

Современный сложный, неопределенный и непредсказуемый мир изобилует разного рода рисками, опасностями и вызовами, способными не только трансформировать и изменять траекторию его развития, но и влиять на психическое здоровье личности, которая должна уметь распознавать их, категоризировать и типизировать для того, чтобы максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы для совладания с ними. В связи с этим особое значение приобретает изучение социальных представлений о психологической травме, поскольку это позволит выявить доминанты травматических детерминант, области потенциальных изменений, ресурсные зоны и возможности реабилитации.

Цель исследования: выявить различия в ресурсах совладания с психологической травмой и уровне индивидуальной травматизации в зависимости от контента социальных представлений личности о травме.

Методы исследования: «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» [1]; «Тест жизнестойкости» [3]; «Опросник проактивного совладающего поведения» [1]; опросник «Дифференциальный тип рефлексии» [2]; «Шкала базисных убеждений» [6]; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» [4]; «Дифференциальный опросник переживания одиночества» [5]; прототипический анализ по П. Вержесу; контент-анализ, одновыборочный критерий Колмогорова–Смирнова, U-критерий Манна-Уитни. Исследование проводилось с помощью платформы Google Forms, выборка составила 255 респондентов. Возрастной диапазон выборки: 14-44 лет (M=18). К исследованию приглашались лица, пережившие / переживающие психологическую травму (в том числе, предполагающие у себя наличие психологической травмы).

Результаты исследования и их обсуждение. Прототипический анализ по методу П. Вержеса и последующий контент-анализ позволили выявить структуру социального представления о психологической травме, ядро которого репрезентировано негативными эмоционально окрашенными категориями,

отражающими генезис травматического переживания, детерминанты травматизации, эмоциональный, рефлексивный и поведенческий компоненты переживания психологической травмы, ее последствия, индивидуально-психологические особенности и отношения с Другими. Для достижения поставленной цели совокупная выборка была дифференцирована на две подгруппы, в зависимости от контента социальных представлений личности о травме – отношения с Другими (ассоциации «родители», «семья», «люди»), являющиеся как ресурсами восстановления для травмированного индивида, так и источниками психологической травматизации (1 подгруппа, $n=24$), и индивидуально-психологические особенности (ассоциации «замкнутость», «неуверенность», «уязвимость», «социофобия», «подозрительность»), выступающие предикторами или следствиями психологической травматизации (2 подгруппа, $n=19$).

Для определения различий в личностных ресурсах совладания с психологической травмой и уровне индивидуальной травматизации использовался U-критерий Манна-Уитни, поскольку распределение шкал используемых методик, согласно результатам проведения одновыборочного критерия Колмогорова-Смирнова, отличается от нормального.

Выявлены следующие различия между выделенными подгруппами: по уровню травматизации ($U=208$; $p=0,06$; сумма рангов группы 1 = 548; сумма рангов группы 2 = 398), контролю ($U=143$; $p=0,037$; сумма рангов группы 1 = 443; сумма рангов группы 2 = 503), потребности в компании ($U= 133,5$; $p=0,02$; сумма рангов группы 1 = 622,5; сумма рангов группы 2 = 323,5), удаче ($U= 141$; $p=0,03$; сумма рангов группы 1 = 441; сумма рангов группы 2 = 505).

Можно предположить, что более высокий уровень индивидуальной травматизации в первой подгруппе обусловлен тем, что источником травмы выступают близкие люди, связанные с личностью эмоционально-значимыми отношениями, нарушение или разрыв которых переживаются остро и болезненно. В пользу этого предположения свидетельствует более высокая выраженность потребности в компании у респондентов, включенных в эту подгруппу, обусловленная стремлением к принадлежности, причастности, принятию и пониманию Другими, чувством привязанности и ориентацией на социальную поддержку. Компенсация нарушенных эмоционально-значимых отношений с Другими может являться ресурсом для преодоления травматического переживания.

Высокий уровень контроля во второй подгруппе, возможно, обусловлен интернальностью личности, ее фокусированием на

собственном «Я» и тех изменениях, которые спровоцировала травма, а также убежденностью в том, что она способна к самоуправлению и саморегуляции. Более высокая оценка своей удачливости у представительниц второй подгруппы определена более низким уровнем индивидуальной травматизации, т.е., не сталкиваясь с интенсивными травматическими стрессорами, способными актуализировать страх, ужас и беспомощность, их иллюзии о собственной защищенности и неуязвимости (в том числе, за счет своей удачливости) остаются сохраненными.

Выводы. Установлены различия в личностных ресурсах совладания с психологической травмой и уровне индивидуальной травматизации в зависимости от контента социальных представлений личности о травме.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. М., 2009.
2. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. Т. 11. № 4.
3. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М., 2006.
4. *Маклаков А.Г., Чермянин С.В.* Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ). Самара, 2006.
5. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. Т. 10. № 1.
6. *Падун М.А., Котельникова А.В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4.

Субъективное благополучие и его соотношение с социальным доверием и поддержкой у взрослых людей

Лебедева С.Ю., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
svetaboje@mail.ru

Проблема субъективного благополучия является достаточно актуальной для психологии. Субъективное благополучие зачастую

отождествляется со счастьем, оптимизмом, а в некоторых исследованиях психологов неразрывно связано с качеством и удовлетворенностью жизнью [2].

Проблема субъективного благополучия в отечественной психологии исследовалась многими авторами. В частности, Р.М. Шамионов определил субъективное благополучие как выражение человеком отношения к самому себе, явлениям собственной жизни, которые имеют для личности определенную ценность и вызывают чувство удовлетворенности. Субъективное благополучие выражается в отношении человека к собственной личности, что обязательно отражается на его отношениях с другими людьми, в особенности это касается близких людей. Также субъективное благополучие влияет и на оценку социальных процессов в обществе, которые сравниваются с субъективным представлением о «благополучной» внешней среде. Субъективное благополучие понималось как соответствие идеального образа благополучия и актуального состояния жизни. Его основными компонентами являются ощущение счастье и удовлетворение жизнью в сочетании с эмоциональным балансом [3].

В работах Р. Венховена, Д. Канемана, Э. Динера, посвященных изучению психологического благополучия, оно связывается с потребностями человека и возможностями для их удовлетворения. К таким потребностям, помимо витальных и идеальных, отнесены и социальные, которые удовлетворяются посредством поддерживающих социальных контактов и доверительных межличностных отношений.

В психологических исследованиях, изучающих проблему доверия, подтверждается предположение о том, что доверие является основой для субъективного благополучия и напрямую зависит от уровня доверия человека к окружающим и к самому себе. Т.П. Скрипкина отмечает, что в ряде случаев феномен доверия является ключевым элементом взаимоотношений людей в социуме и одним из важных факторов отношения человека к себе и миру в целом [1].

Целью нашего исследования было выявление наличия взаимосвязи между показателями переживания субъективного благополучия и степенью выраженности социального доверия и социальной поддержки. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что существует взаимосвязь между переживанием субъективного благополучия и оценкой разных видов социального доверия и социальной поддержки.

В эмпирическое исследование, в соответствии с целью и задачами работы, в число респондентов были включены испытуемые – взрослые

люди от 18 до 53 лет в количестве 102 человек, из которых 57 человек имеют семьи, у 41 есть дети. 60 человек – женщины, 42 – мужчины. Средний возраст испытуемых – 32 года. При проведении эмпирического исследования использовались: методика диагностики субъективного благополучия личности (Р.М. Шамионов, Т.В. Бескова), шкала социального доверия Дж. Роттера, шкала социальной поддержки (многомерная шкала восприятия социальной поддержки – mspss; Д. Зимет, в адаптации В.М. Ялтонского, Н.А. Сироты).

В результате исследования была установлена прямая взаимосвязь оценки социального благополучия и социальной поддержки ($r=0,466$ при $p\leq 0,05$). Также была выявлена взаимосвязь социального благополучия и социального доверия ($r=0,501$ при $p\leq 0,05$).

Таким образом, было установлено, что чем выше взрослые люди оценивали переживание субъективного благополучия своей жизни, тем больше они ощущали получение от окружающих людей социальной поддержки и тем в большей степени воспринимали и испытывали доверие к ним.

Эти результаты позволяют нам говорить о том, что главная гипотеза исследования, а именно наличие взаимосвязи между этими феноменами, подтвердилась. Установление факта наличия данной взаимосвязи позволяет нам учитывать его в работе с людьми, имеющими сложности, связанные с переживанием низкого уровня субъективного благополучия, недостатком социальной поддержки и доверия в отношениях с окружающими. Перед нами открывается возможность разработки практических рекомендаций, направленных на повышение субъективного переживания благополучия за счет развития навыков создания доверительных отношений и получения социальной поддержки от значимого окружения.

Литература

1. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: АСАДЕМА, 2000. 264 с.
2. *Сунцова Я.С.* Психологическое благополучие личности в связи с доверием к себе и людям // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2020. №1.
3. *Шамионов Р.М.* Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2014.

Проактивные копинг-стратегии в зависимости от выраженности альтруистической установки личности

Леонова Е.Н.

ФГБОУ ВО ИГМА, Ижевск, Россия

Leonova@psyan.pro

Социальная активность личности предполагает инициативное социальное поведение, преобразующее саму личность и группу. Одной из таких форм активности является альтруистическая социальная активность, к которой отнесены: волонтерство, пожертвования, поддержка людей с ограниченными возможностями, благоустройство общественных мест и др. [3]. Повышение трудности ситуаций оказания помощи и снижение альтруистической социальной активности формируют запрос в обществе на помогающее поведение.

Для прогнозирования альтруистического помогающего поведения М.И. Ясиным предлагается оценка уровня выраженности альтруистической установки, под которой автор понимает «стремление приносить пользу другим, активно включаться в ситуацию, когда другой человек страдает или испытывает трудности, тенденцию включаться в полезную для других деятельность» [5, с. 77]. На основе диспозиционной концепции социального поведения личности (В.А. Ядов, А.А. Семенов и др.) и методологии социальной контекстуализации совладающего поведения (Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова и др.) предлагается рассмотрение альтруистической установки личности в качестве социокультурного фактора совладания, участвующего в регуляции ресурсов совладания и выборе копинг-стратегий [2]. Согласно модели проактивного совладания Е. Грингласс, анализируется активность личности до возникновения трудной ситуации и выделяется пять взаимосвязанных копинг-стратегий. Проактивное совладание ориентировано на цели в будущем, фокусируется на перераспределении и использовании имеющихся ресурсов совладания для достижения личностно значимых целей [4].

Цель нашего исследования – выявить различия в проактивных копинг-стратегиях в зависимости от уровня выраженности альтруистической установки личности.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что альтруистическая установка личности участвует в регуляции выбора проактивных копинг-стратегий.

В исследовании использовались «Методика измерения альтруистических установок» М.И. Ясина [5] и опросник «Проактивный копинг» в адаптации Е.П. Белинской и А.В. Вечерина [1]. Письменный анонимный опрос проводился очно, оценка уровня выраженности альтруистических установок осуществлялась вне контекста профессиональной помогающей деятельности.

Выборку исследования составили 260 человек, заканчивающих специалитет и ординатуру в Ижевской государственной медицинской академии, среди которых 182 женщины (70%) и 78 мужчин (30%) в возрасте от 22 до 55 лет ($Me = 25,00$; $IQR [24; 26]$).

Методы обработки данных: описательные статистики, корреляционный анализ по критерию χ^2 -Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ с апостериорными попарными сравнениями групп с коррекцией Тьюки, где в качестве независимой переменной выступил уровень выраженности альтруистической установки. Размер статистического эффекта различий по результатам дисперсионного анализа рассчитан при помощи этта-квадрат (η^2), апостериорных попарных сравнений – d -Коэна (d_{cohen}). Статистическая обработка данных произведена в IBM SPSS Statistics 25.0 и JASP 0.5.

Результаты и их обсуждение. Произведена оценка нормальности распределения по показателям: альтруистической установки ($M=67,65$; $SD=12,90$; $As=-0,42$; $Ex=-0,64$); проактивного копинга ($M=2,74$; $SD=0,53$; $As=0,08$; $Ex=-0,32$); рефлексивного копинга ($M=2,84$; $SD=0,68$; $As=-0,25$; $Ex=-0,34$); стратегического планирования ($M=2,55$; $SD=0,74$; $As=-0,15$; $Ex=-0,60$); превентивного копинга ($M=2,80$; $SD=0,61$; $As=0,32$; $Ex=-0,16$); инструментальной поддержки ($M=2,62$; $SD=0,64$; $As=0,04$; $Ex=-0,45$); эмоциональной поддержки ($M=2,59$; $SD=0,68$; $As=-0,06$; $Ex=-0,38$). Полученные результаты свидетельствовали о нормальности распределения признаков и позволили провести корреляционный анализ по критерию χ^2 -Пирсона для оценки связей показателей альтруистической установки и проактивных копинг-стратегий.

Обнаружены достоверные прямые связи показателя «альтруистическая установка» с копинг-стратегиями: проактивный копинг ($r=0,16$; $p=0,01$); инструментальная поддержка ($r=0,18$; $p=0,003$); эмоциональная поддержка ($r=0,22$; $p<0,001$). С повышением показателя альтруистической установки повышается отношение к трудной ситуации оказания помощи как источнику позитивного опыта, способность к регуляции эмоционального состояния

посредством коммуникации с другими, в ходе которой осуществляется поиск необходимой информации для решения ситуации.

Для оценки различий между группами респондентов с разным уровнем выраженности альтруистической установки на основе среднего значения и стандартного отклонения выделены группы с низким ($M=45,58$; $SD=8,62$), средним ($M= 7,59$; $SD=7,22$) и высоким ($M=88,62$; $SD=4,69$) уровнем выраженности альтруистической установки. В группу респондентов с низким уровнем выраженности альтруистической установки вошло 33 человека (12,7%), ориентированных на бездействие в ситуации оказания помощи; со средним уровнем – 188 человек (72,3%), готовых эпизодически включаться в ситуации оказания помощи; с высоким уровнем – 39 человека (15%), демонстрирующих готовность активно включаться в ситуации оказания помощи.

По результатам дисперсионного анализа выявлен средний размер эффекта различий по уровню выраженности альтруистической установки на показатель эмоциональной поддержки: $F(2,257)=8,17$, $p<0,001$, $\eta^2=0,60$; и малый размер эффекта на показатели: проактивного копинга $F(2,257)=5,11$, $p=0,007$, $\eta^2=0,04$ и инструментальной поддержки $F(2,257)=3,07$, $p=0,048$, $\eta^2=0,02$. Апостериорные попарные сравнения групп респондентов с низким и высоким уровнем выраженности альтруистической установки выявили большой размер эффекта различий по показателю эмоциональной поддержки ($t=-4,001$; $d_{\text{cohen}}=-0,91$; $p_{\text{tukey}}<0,001$); средний размер эффекта различий по показателю проактивного копинга ($t=-3,006$; $d_{\text{cohen}}=-0,73$; $p_{\text{tukey}}=0,007$) и малый размер эффекта различий по показателю инструментальной поддержки ($t=-2,48$; $d_{\text{cohen}}=-0,55$; $p_{\text{tukey}}=0,037$). Группы респондентов с низким и средним уровнем выраженности альтруистической установки различаются со средним размером эффекта по показателю проактивного копинга ($t=-3,06$; $d_{\text{cohen}}=-0,52$; $p_{\text{tukey}}=0,017$).

В результате проведенного исследования обнаружено, что готовность личности к альтруистическим действиям обуславливает активное включение в ситуации оказания помощи с целью эмоциональной саморегуляции посредством коммуникации, что подтверждается в других исследованиях о связи альтруистической мотивации с эмпатическим реагированием [6; 7]. Для лиц, ориентированных на активное и эпизодическое содействие другим,

характерна позитивная мотивация преодоления трудностей в ситуациях оказания помощи и отношение к ним как к возможности личностного и профессионального роста.

Таким образом, альтруистическая установка личности участвует в регуляции выбора проактивных копинг-стратегий. В зависимости от уровня выраженности альтруистической установки выявлены различия по трем копинг-стратегиям: эмоциональной поддержке, проактивному копингу и инструментальной поддержке. Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения альтруистической установки как социокультурного фактора совладающего поведения.

Литература

1. *Белинская Е.П., Вечерин А.В.* Адаптация диагностического инструментария: опросник «Проактивный копинг» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 137–145.
2. *Крюкова Т.Л., Гущина Т.В.* Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. КГТУ, 2015. 236 с.
3. Психология социальной активности молодежи / под ред. Р. М. Шамянова. М.: Перо, 2020. 200 с. 1,9 Мб. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44521792> (дата обращения: 11.04.2022).
4. *Старченкова Е.С.* Ресурсы проактивного совладающего поведения // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 12. Вып. 1. С. 51–61.
5. *Ясин М.И.* Методика измерения альтруистических установок // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 77-85.
6. *Batson C.D.* Empathy-induced altruistic motivation // Prosocial motives, emotions, and behavior / Mikulincer M., Shaver P.R. (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2010. P. 15-35.
7. *Eisenberg N., Eggum, N.D.* Empathic responding: sympathy and personal distress // The Social Neuroscience of Empathy / Decety J., Ickes W. (Eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 71-83.

Воспитанность в ценностной картине мира молодых людей

Лесин А.М.

*ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, Рязань, Россия
am170911@mail.ru*

Проблема воспитания молодежи всегда остро стоит перед разными гуманитарными науками и связана с механизмами и способами интериоризации общечеловеческих норм, морали, социальных ценностей, которые в процессе присвоения становятся личностными [6]. Сами ценности представляют собой сжатую программу жизни, выраженную в направленности личности в виде важных жизненных целей и морально разрешенных способов их достижения [4], которые представляют собой неоднородную сложноподчиненную систему. Различают ценностные представления – те, которые могут декларироваться, но не обладать энергетическим мотивационным потенциалом, и собственно личностные, которые не всегда демонстрируются, но определяют и направляют активность личности [3]. Интересно, что одни и те же ценности не всегда обладают одинаковым смысловым содержанием у разных людей, как и у отдельного человека во время важных социальных или личностных изменений. При относительно неизменной ценностной структуре может претерпевать значительные трансформации их внутреннее содержание, например, при получении человеком инвалидизирующей травмы, которая меняет привычный образ жизни [1], или при переживании изоляции и повышенной тревожности в период пандемии [5].

Одной из определяющих смысловых характеристик общества является ценность воспитанности и то, какое содержание вкладывают в нее молодые люди, которые в недалеком будущем будут главными драйверами развития общества в целом [9]. Воспитанность – важнейшее качество, которое является результатом взаимодействия различных социальных институтов и личности [7], и может восприниматься молодыми людьми как принимаемое и одобряемое обществом поведение [8], но при этом не до конца изучен вопрос, является ли воспитанность ресурсом в ценностной картине мира молодых людей для творческого и ответственного воплощения себя или сдерживающим фактором на этом пути.

Для ответа на поставленный вопрос нами было проведено исследование взаимосвязей значимости ценности воспитанности 194
232

молодых людей обоих полов со значимостью других терминальных и инструментальных ценностей, с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Значимость ценности воспитанности была положительно взаимосвязана со значимостью ценностей здоровья и счастливой семейной жизни; и отрицательно – продуктивной жизни и свободы. Чем более молодые люди считают важным для себя наличие хороших манер, умение вести себя в соответствии с социальной ситуацией, тем большую важность для них имеет необходимость заботы о себе, сохранение своего физического и психологического благополучия, и тем более значимо для них создание семейного союза. Вероятно, что это связано с характером ценности воспитанности, которая определяется возможностью уважительного отношения к себе и близкому кругу людей. При этом воспитанность воспринимается молодыми людьми как некоторое ограничение, и чем больше ее значимость, тем меньшую ценность свободы они ощущают и, соответственно, меньше могут проявлять себя в деятельном воплощении своих возможностей.

Были обнаружены взаимосвязи значимости исследуемой и инструментальных ценностей: положительные – с аккуратностью, жизнерадостностью, исполнительностью; отрицательные – с высокими запросами, рационализмом, широтой взглядов, твердой волей и эффективностью в делах. Данные факты могут доказывать то, что ценность воспитанности определяет ценность добродушного отношения к близким людям и к себе, а также может быть ресурсом четкости ведения дел и дисциплинированности. Это соотносится с установленными нами ранее особенностями данных ценностей, которые также в сознании молодых людей ассоциируются с рамками и ограничениями на пути творческой самореализации [2]. Кроме того, чем более важно для молодежи проявление воспитанности, тем меньше они склонны ценить возможность ставить перед собой большие планы, предъявлять высокие требования к жизни и менее ценны для них трудолюбие и продуктивность в работе, умение настоять на своем и не отступать перед трудностями. Интересно, что воспитанность также оказалась антиподом ценности, связанной с умением здраво размышлять, принимать обдуманные решения, а также наличие отличной от своей точки зрения, интересов, привычек людей, которые находятся за пределами их близкого окружения.

Таким образом, было установлено, что воспитанность в ценностной картине мира молодых людей воспринимается как ресурс

уважительного отношения к себе и близкому семейному окружению, но в то же время является сдерживающим фактором в деятельности реализации себя во имя общественных интересов. В большой степени данная ценность ориентирует молодых людей на аккуратное, дисциплинированное исполнение своих обязанностей, но при этом противоположна стремлению творческой реализации масштабных планов, высоких притязаний, способности настоять на своем и не отступать перед препятствиями. Ценность воспитанности является способом внешнего проявления уважительного отношения к окружающим не близким людям без принятия на личностном уровне их различий, привычек, обычаев, а по отношению к людям из близкого окружения ценность воспитанности может быть залогом уважения и жизнерадостности.

Литература

1. *Вачков И.В., Одинцова М.А., Тристан О.А.* Особенности переживания духовного кризиса и отношение к своему Я при спинальной травме // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 3. DOI: 10.17759/cpp.2020280304.
2. *Лесин А.М.* Исполнительность как ценность молодых людей // Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Психологическое здоровье и развитие личности в современном мире» (г. Благовещенск, 25-26 ноября 2021 г.). Благовещенск: Амурский государственный университет, 2022. DOI: 10.22250/9785934933792_50.
4. *Лесин А.М.* К вопросу о ценностных представлениях студентов // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского «Социальная психология и общество: история и современность» (г. Москва, 15-16 октября 2019 г.). М.: МГППУ, 2019.
5. *Лесин А.М.* Особенности ценностных ориентаций студентов-первокурсников // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2018. Т. 6. № 4 (23). URL: <http://humjournal.rzgm.ru/art&id=347>. DOI: 10.23888/humJ20184672-682.
6. *Лесин А.М., Соболева П.И.* Ответственность и личностная тревожность молодых людей, соблюдавших и не

соблюдавших режим самоизоляции в период пандемии коронавируса // Материалы международной научно-практической конференции «Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований» (г. Москва, 18-19 ноября 2020 г.). М.: МГППУ, 2020.

7. *Маркова Е.А., Аширова А.Л.* Проблема воспитания молодежи в современном обществе // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. № 1.
8. *Мешков Н.И. и др.* Круглый стол «Воспитание как ведущий фактор формирования личности: концепты и дискурсы» // Интеграция образования. 2011. № 2 (63).
9. *Михайлина Е.В.* Критерии воспитанности: проблемы диагностики воспитанности в младшей школе в процессе работы с русской народной сказкой // Педагогика искусства. 2011. № 3.

К вопросу о молодежных субкультурах просоциальной направленности

Логвинова М.И.

ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия

landaurita@mail.ru

В современных условиях сосуществуют различные молодежные группы, как формальные, так и неформальные. Среди неформальных молодежных групп особое место занимают молодежные субкультуры.

При этом направленность молодежных субкультур может быть различной: некоторые из них имеют просоциальную направленность, стремление принести пользу обществу, государству, для них характерны просоциальное поведение и включение в социально полезную деятельность. К молодежным субкультурам просоциальной направленности могут быть отнесены, в частности, добровольческие объединения молодежи [1], если они отвечают признакам молодежной субкультуры.

Также молодежные субкультуры могут быть направлены на реализацию лично значимых интересов, организацию досуга, развлечения (социально нейтральные сообщества) или же носить

разрушительный характер для личности и общества (субкультуры антисоциальной направленности).

Как показали результаты теоретического анализа, молодежные субкультуры просоциальной направленности исследуются в значительно меньшей степени по сравнению с иными молодежными субкультурами. При этом, как мы полагаем, они обладают существенным воспитательным и развивающим потенциалом [2].

В связи с этим нами было проведено достаточно обширное исследование просоциальных молодежных субкультур, предложено рабочее определение данного понятия, разработана методика для определения степени выраженности в молодежной группе признаков молодежной субкультуры, реализовано эмпирическое исследование социально-психологических условий совместной деятельности данных молодежных групп, функционирующих на базе общественных и образовательных организаций, установлена роль социального обучения в формировании молодежной субкультуры просоциальной направленности. Общий объем выборки исследования составил более 600 человек в возрасте от 13 до 24 лет.

Нами были получены следующие результаты.

1. Молодежная субкультура просоциальной направленности – это неформальная молодежная группа, объединенная ценностями, внешними атрибутами, интересами, вкусами, жизненным стилем, проявляющимися во внеучебной (нетрудовой) сфере, не затрагивающая семейных и трудовых отношений, ориентированная на модели просоциального поведения.

2. Молодежные субкультуры просоциальной направленности могут функционировать на базе различных организаций (образовательных, общественных).

3. Молодежные субкультуры просоциальной направленности имеют сходства как с другими молодежными субкультурами, так и с формальными молодежными группами (прежде всего, учебными).

4. Можно выделить следующие детерминанты привлекательности молодежных субкультур для их членов: высокая положительная эмоциональная окрашенность совместной деятельности и жизнедеятельности сообщества; наличие объединяющей социально полезной совместной деятельности, отвечающей интересам группы; благоприятный психологический климат, доверительная («семейная») атмосфера внутри группы; достаточно высокая сплоченность группы, взаимопонимание и взаимопомощь; возможность саморазвития и самореализации в рамках группы; неформальный характер группы с

возможностью добровольного вступления в сообщество и беспрепятственного ухода из него; всеядности просоциального сообщества; особый состав группы, где ее членов отличает достаточно высокая совместимость, комфорт во взаимодействии.

5. Наиболее значимыми личностными ценностями представителей молодежных субкультур просоциальной направленности выступают здоровье, наличие хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь и активная, деятельная жизнь.

6. Молодежные субкультуры просоциальной направленности характеризуют коллективистическая направленность в восприятии группы (молодежной субкультуры), высокий уровень сплоченности, высокий уровень развития психологического климата, общая благоприятность в ориентациях в межгрупповом взаимодействии в различной степени, близость иерархий личностных ценностей и большая дифференцированность групповых ценностей.

7. Социальное обучение в развивающей социальной среде может способствовать возникновению и развитию в молодежной группе признаков молодежной субкультуры просоциальной направленности.

На основе результатов исследования нами были предложены следующие рекомендации по работе с представителями молодежных субкультур просоциальной направленности.

1. Предоставить молодежной группе возможность максимально самостоятельно выстраивать систему самоуправления, выдвигать лидеров, минимизировать давление на группу в плане ее внутренней организации.

2. Предоставить возможность группе спонтанно образовываться на основе общих интересов, выбирать направления деятельности, ее цель, задачи, а также возможность беспрепятственно покинуть группу (без внешних санкций).

3. Поддерживать визуальную демонстрацию группой ее идентичности (внешний вид: галстуки, значки, футболки, эмблема и т.д.).

4. Поддерживать создание группой элементов духовной культуры (традиций, ритуалов, внутригрупповых норм, элементов музыкальной и художественной культуры).

5. Создавать условия для свободного самовыражения личности в различных видах деятельности.

6. Учитывать, что субкультурное сообщество может проявлять дезинтеграционные тенденции по отношению к другим группам,

поэтому привлекать его к межгрупповому взаимодействию на основе сотрудничества (совместные мероприятия, акции).

9. Вовлекать представителей молодежных субкультур просоциальной направленности в веер деятельности на основе свободного выбора из альтернатив.

Литература

1. *Богачева Т.И.* Особенности направленности личности лидеров молодежных добровольческих групп // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. №4 (60). С. 671-677.
2. *Логвинова М.И.* Направленность личности и группы представителей просоциальных молодежных субкультур // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2(58). С. 322-328.

Связь учебной мотивации подростка со стилем взаимоотношений в школьном коллективе

Лосинская Т.С., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
errmolka@yandex.ru, nnavt@list.ru

Актуальность изучения связи учебной мотивации подростка со стилем взаимоотношений в школьном коллективе обусловлена необходимостью выявления причин, способных влиять на формирование мотивации, поскольку она неразрывно связана с личностью обучающегося, имеет полимотивированную структуру, выступает как система, включающая мотивы, цели, стратегии, ориентации, направленность личности на взаимодействие, когнитивные составляющие [1; 3].

По данным аналитических исследований целый ряд мотивационных факторов, способен, наравне с интеллектуальными показателями, а иногда и в большей степени, влиять на академические достижения учащихся [6].

Взаимодействие между одноклассниками – важная часть обучения, оказывающая влияние на мотивацию к учению. Многие исследования показали, что взаимоотношения влияют на адаптацию к школе,

поведение [2], могут быть мощным социальным контекстом, мотивирующим поведение учащихся.

Целью нашего исследования является выявление связи между стилем взаимоотношений подростка в школьном коллективе и его учебной мотивацией.

Опрос респондентов проводился с января по март 2022 года. В опросе приняли участие 178 обучающихся общеобразовательных школ города Москвы: 87 подростков 9-х классов и 91 подросток 10-х классов.

Процедура исследования включала в себя: изучение мотивационно-ценностных и личностных компонентов учебной мотивации (тест-опросник «Индекс учебного интереса», Н.Н. Толстых, В.В. Федоров, М.А. Харченко и др.) [5]; исследование целей учебных достижений (русскоязычная версия опросника «Цели учебных достижений», М.Д. Никитская, И.Л. Угланова) [4]; интерперсональную диагностику стиля межличностного поведения (опросник «Диагностика межличностных отношений», Т. Лири, адаптированную Л.Н. Собчик) [1] и определение индикаторов взаимодействия подростков в межличностных отношениях (опросник «Субъективная оценка межличностных отношений», С.В. Духновский) [1].

В результате анализа обобщенных данных по двум из четырех методик («Индекс учебного интереса» и «Диагностика межличностных отношений») с помощью коэффициента корреляции Спирмена были получены следующие данные.

В группе подростков 9 класса существует статистически значимые, слабые, обратные взаимосвязи между показателями «положительного отношения к школе» по методике «Индекс учебного интереса» и шкалой прямолинейно-агрессивного стиля взаимоотношения ($r=-0,331$), а также шкалой сотрудничающе-конвенционального стиля взаимоотношений ($r=-0,331$) по методике Т. Лири. Другими словами, чем менее выражено положительное отношение подростка к школе, тем более агрессивен он во взаимоотношениях в школьном коллективе и менее готов к сотрудничеству со сверстниками.

Также существует значимая, слабая прямая взаимосвязь между показателем «самоэффективности» по методике «Индекс учебного интереса» и враждебно-лидирующим стилем взаимоотношений ($r=0,394$), а также между показателем «мотивации достижений» и независимо-доминирующим стилем взаимоотношений ($0,394$). Из этого следует, что чем больше подросток верит в себя и в свои силы,

тем более он готов к проявлению лидерских качеств, а также чем более он настроен на достижение поставленных целей, тем более он независим в отношениях с другими людьми.

У подростков 10 класса существует значимая, слабая по силе и прямая по направлению связь между показателями «самоэффективности» и властно-лидирующим стилем взаимоотношений ($r=0,346$). А также средняя прямая связь между показателями мотивации достижений и властно-лидирующим стилем ($r=0,411$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что чем более эффективны в обучении подростки 10 класса, чем более они нацелены на достижение целей, тем более уверены в себе, готовы демонстрировать организаторские способности.

Согласно полученным данным, основная гипотеза исследования о наличии связи между стилем взаимоотношения подростка в школе и его учебной мотивацией получила свое подтверждение.

Литература

1. *Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2009. 141 с.
2. *Духновский С.В.* Психология отношений личности: монография. Курган: КГУ, 2014. 380 с.
3. *Никитская М.Г., Толстых Н.Н.* Зарубежные исследования учебной мотивации: XXI век // Современная зарубежная психология. 2018. № 2.
4. *Никитская М.Г.* Исследования целей достижения и направленности в контексте учебной мотивации // Современная зарубежная психология. 2019. № 2. С. 26-35.
5. *Толстых Н.Н.* «Индекс учебного интереса»: тест-опросник для диагностики учебной мотивации подростков / Н.Н. Толстых, В.В. Федоров, М.А. Харченко, А.В. Погодина, П.А. Бабанин // Психологическая наука и образование. 2021. № 5. С. 54-66.
6. *Richardson M., Abraham C., Bond R.* Psychological correlates of university students` academic performance: a systematic review and meta-analysis // Psychological bulletin. 2012. V. 138 (2). P. 353-387.

Стилевые особенности оценки подростками девиантности

Лукьянченко Н.В.

ФГБОУ ВО СибГУ им. М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

Захарова Л.С., Аликин М.И.

Краевой центр семьи и детей, Красноярск, Россия

lukuanchenkonv@gmail.com, zls-24@mail.ru, pm2486@mail.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского
научного фонда № 22-28-20026, <https://rscf.ru/project/22-28-20026/>
совместно с Красноярским краевым фондом поддержки научной и
научно-технической деятельности.*

Жизнедеятельность общества, скоординированность индивидуальных и групповых активностей необходимым образом предполагают регламентирующее действие норм. Проблема понимания, что такое норма и определяющая её границы девиантность в динамичном социуме нового тысячелетия как никогда актуальна [1]. Социологи и психологи отмечают, что современные подростки находятся в специфической социальной ситуации отсутствия общественного заказа на желательную жизненную траекторию, ценностно-нормативной неопределённости, нарушениями характерных для стабильного общества механизмов передачи норм младшему поколению от старшего [2; 3]. При этом подчёркивается ценность партнерских субъект-субъектных отношений с молодым поколением. Это определяет важность исследования, на что ориентированы сами подростки в своем понимании нормы и девиантности, как в общих для современного подростничества тенденциях, так в дифференцированно типологических (стилевых).

С целью выявления возможных оснований стилевой типологизации оценочных представлений подростков о девиантности было проведено исследование с участием учащихся средних общеобразовательных школ Красноярска, N=116. Особенности оценки подростками девиантности выявлялись при помощи опросника, разработанного на пилотажной стадии исследования. В его основу легли данные анкетирования с открытыми вопросами о том, что можно считать недопустимым (эквивалент делинквентности), недостойным (эквивалент девиантности) и предметом гордости (эквивалент позитивной девиантности) с точки зрения подростков, а также того, как им видится мнение их сверстников и взрослых. По

результатам анкетирования был составлен опросник, с перечнем поступков и действий, наиболее часто рассматриваемых подростками как ненормативные. Респондентам предлагалось их оценить, используя шкалу с градациями «недопустимо», «недостойно», «допустимо», «нормально», «предмет гордости». Для выявления групп респондентов с качественно специфическими особенностями (стилями) оценивания девиантности был применен кластерный анализ, позволивший разделить выборку на три группы в соотношении 48%, 35% и 17% от общего числа.

Сравнение оценок представленных в опроснике поступков и характеристик поведения респондентами выделенных групп выявило определенные оценочные тенденции. В соответствии с ними группам можно было бы дать условные названия «Я против!» (акцентирование нетерпимости к негативной девиантности), «Я за!» (акцентирование значения позитивной девиантности) и «Я не очень за и не очень против» (невыраженность оценочного отношения к девиантности).

У подростков первой группы в большей мере, чем у остальных респондентов, выражено неприятие различных представленных в опроснике поступков и действий. Они максимально негативно оценивают распространение и употребление наркотических средств, убийство животного; больше других осуждают повреждение и присваивание чужого имущества, курение, употребление алкоголя, обжорство в публичных местах и в социальных сетях, менее терпимы к возможности при наличии близких отношений с одним человеком проявления симпатии к другому. Выше, чем другие респонденты этой группы оценивают только успехи во внеучебной деятельности и здоровый образ жизни, придавая им статус предмета гордости.

В альтернативу этому в результатах опроса второй группы присутствует большое число сравнительно высоких оценок. Максимально высоко, как достойные гордости, они оценивают помощь попавшим в беду животным, спасение человека или животного с риском для собственного здоровья или жизни, честность, помощь родителям, соблюдение норм поведения в общественных местах, проявление уважения к пожилым людям и инвалидам. Выше остальных респондентов и выше простого соответствия норме они оценивают активную подготовку к будущей профессиональной карьере, отстаивание своего мнения, хорошую учебу, уравновешенное поведение в ситуациях разногласия с кем-либо. Ситуации, когда при наличии близких друзей устанавливаются доверительные отношения с другими людьми, и поведение в соответствии с собственными желаниями в независимости от оценок и самочувствия окружающих

оценивают более толерантно, чем остальные респонденты, относя их к нормативным. Допустимым считают при наличии близкого отношения с одним человеком проявление симпатии к другому. Обнажение в публичных местах, повреждение чужого имущества, курение, употребление алкоголя хотя и осуждают, но в меньшей степени, чем представители двух других групп. Проявляют абсолютное неприятие возможности убийства человека и нетерпимость к поддержке буллинговых действий друзей.

Третья группа интересным образом противопоставлена первым двум: все, что относят к предмету гордости подростки первой и второй групп (многочисленные проявления социальных достижений, поддержки и помощи в отношении окружающих) представители третьей группы оценивают сравнительно невысоко. Ниже других оценивают проявление интерактивной независимости. Но в отношении криминогенных и буллинговых действий в своих оценках проявляют меньшую нетерпимость, чем остальные респонденты.

Литература

1. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018.
2. Собкин В.С., Калашникова Е.А. Особенности межпоколенных различий в жизненной позиции подростков // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 19-39. doi:10.17759/sps.2019100302.
3. Хломов К.Д. Подросток на перекрестке жизненных дорог: социализация, анализ факторов изменения среды развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Hlomov.phtml>.

Стратегии поведения в межличностном конфликте и отношения у старшекласников

*Лысанская П.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ator88@bk.ru*

Межличностные конфликты возникают в сфере взаимодействия между двумя и более лицами. Окружающая действительность в

условиях современного ритма жизни часто ставит человека в ситуацию, в основе которой лежит спор или острое противоречие. Наличие конфликтов является неотделимой частью межличностных отношений, индикатором дистанции [1; 2]. Необходимость выявления стратегий разрешения конфликтов и степени конфликтности личности в целом позволяет обозначить существующий характер проблем. Межличностные отношения характеризуются рядом стратегий поведения, но в процессе достижения взаимных результатов возможны и межличностные конфликты.

Для старшеклассников межличностные конфликты связаны с активным познанием самого себя, поскольку подростки ориентированы на внутренний мир [6; 7]. В то же время именно конфликты часто выступают площадкой для совершенствования навыков взаимодействия с окружающими и носят эмоционально-личностный характер [3; 5]. Затяжные и неразрешенные межличностные конфликты в системе отношений старшеклассников способны приводить к тяжелым последствиям и влиять на психологическое здоровье [4].

В изучение теории межличностного конфликта большой вклад был внесен А.Я. Анцуповым, М. Вебером, Г. Зиммелем, К. Левиным, А.Н. Леонтьевым, К. Лоренцом, Л.А. Петровской, А.И. Шипиловым, Б.И. Хасаном и многими другими. Межличностные конфликты относятся к конфликтам, природа которых обусловлена взаимодействием двух и более лиц, что обозначено в работах Е.С. Грининой, Н.В. Гришиной, В.П. Шейнова. Система отношений подробно рассматривается в работах С.В. Духновского, А.Ф. Лазурского, В.Н. Мяснищева, А.В. Петровского, В.А. Петровского и других. Возрастные особенности развития, система отношений старшеклассников и конфликтность рассматриваются в работах А.Г. Асмолова, С.В. Духновского, И.А. Зимней, М.В. Клименских, И.С. Кона, Е.А. Левиной, А.Г. Маклакова, И.В. Никулиной.

Вместе с тем, стратегии поведения в межличностных конфликтах в системе отношений старшеклассников изучены еще недостаточно полно.

Для более детального рассмотрения данной темы было проведено исследование на выявление стратегий поведения в конфликтах и коммуникативных возможностей старшеклассников. Для диагностики были использованы методики, направленные на определение стратегий поведения в ситуации конфликта, уровня конфликтности личности в целом; на исследование субъективной оценки

межличностных отношений и их диалогичности; на выявление преобладающей оценки отношений старшеклассников с группой.

В результате сравнительного анализа при помощи U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически достоверные различия между показателями компромисса в конфликтных ситуациях ($p=0,002$), конструктивности в межличностных отношениях ($p=0,029$) и диалогичности отношений ($p=0,035$) между группами девушек-старшеклассниц и юношами-старшеклассниками.

В ходе исследования были обнаружены значимые взаимосвязи между параметрами конфликтности и межличностных отношений.

В частности, в группе юношей, наличие прямой связи между проявлениями соперничества и конфликтности в отношениях ($r=0,493$); обратные взаимосвязи между степенью конфликтности и проявлениями конфликтности ($r=-0,556$), отчужденности ($r=-0,475$) в межличностных отношениях.

В группе девушек также были обнаружены значимые взаимосвязи: в частности, прямая связь между ориентацией на сотрудничество в конфликтных ситуациях и самооценностью межличностных отношений ($r=0,464$).

В результате данного исследования, выявление прямой взаимосвязи между стратегиями поведения в конфликте и наличием межличностных противоречий в системе отношений позволяет сделать вывод о том, что стратегии поведения в межличностных конфликтах и уровень конфликтности взаимосвязаны с субъективной оценкой межличностных отношений и степенью самооценности отношений как проявлениями диалогичности. Перспективой дальнейшего исследования может быть выявление конструктивных и деструктивных факторов переживания и разрешения конфликтов в системе отношений старшеклассников. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов в работе общеобразовательных организаций по предупреждению и разрешению межличностных конфликтов в системе отношений старшеклассников.

Литература

1. *Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб.: Речь, 2009. 141 с.
2. *Духновский С.В.* Психология отношений личности: монография. Курган: КГУ, 2014. 380 с.

4. *Левина Е.А.* Межличностные конфликты в системе отношений старшеклассников // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 5. С. 496-500.
5. *Казначеев В.А.* Педагогические особенности профилактики межличностных конфликтов, возникающих в образовательной среде // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 5 (41). С. 93-96.
6. *Маклаков А.Г.* Особенности психического развития старших школьников / А.Г. Маклаков, А.А. Сидорова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 5. № 4. С. 33-44.
7. *Просекова Е.Н.* Особенности отношений со сверстниками в ранней юности // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (39). С. 125-132.

Фокус-группа в развитии комплаенса студентов медицинского вуза

Майсак Н.В.

*ФГБОУ ВО Астраханский государственный университет, Россия
n-maisak@mail.ru*

Медицинские работники относятся к группе специалистов с деонтологическим статусом, и этот статус должно в профессии может и должен формироваться еще в стенах медицинских вузов. Должное поведение личности обусловлено ее воспитанием, обучением и развитием, а должное поведение специалиста – целенаправленным формированием его комплаенса, под которым понимается соответствие поведения этико-правовой, профессиональной и акмеологической норме.

Опросы, проведенные нами в сентябре 2022 г. среди студентов Астраханского государственного медицинского университета (АГМУ) показали, что лишь 11% первокурсников знакомы с термином «комплаенс», а 89% совсем не знакомы ни с термином, ни с самим феноменом [1]. Лишь 30,5% первокурсников имеют представление о науке деонтологии, а остальные 69,5% – нет. Выявлено, что 6,7% испытуемых не знают, в чем проявляется этика медработника, у остальных студентов знания этических основ фрагментарны. При этом общество ждет не только грамотных, компетентных, обладающих

246

hard-skills докторов, но и специалистов с soft-skills, умеющих вступать в эффективную коммуникацию с субъектами профессиональной деятельности, лично расти и профессионально развиваться.

В предыдущих публикациях автора подчеркивается, что комплаенс специалиста в медицинском университете может формироваться в ходе изучения таких дисциплин, как «Биоэтика», «Медицинская деонтология» (или аналогичных) [1]. Однако формировать ответственное отношение к профессиональной норме и будущей деятельности в целом следует уже на начальных курсах обучения в вузе.

С целью развития комплаенса студентов-медиков, среди первокурсников АГМУ была проведена дискуссия в рамках фокус-группы, в состав которой вошли 18 человек. Ход обсуждения фиксировался аудиозаписью и протоколировался. Гипотеза была такова: итогом групповой работы среди студентов-медиков станет повышение осведомленности о комплаенсе и путях повышения комплаентности, сущность которых состоит в способности докторов следовать этико-правовым и организационным нормам, в надлежащем выполнении действий в соответствии с профессиональным предназначением.

Метод фокус-группы позволил получить ответы на поставленные вопросы.

1) Как именно проявляется в работе медицинского работника знание медицинской этики и деонтологии?

Ответы студентов коснулись имиджа и габитуса (хабитуса) специалиста: его опрятного вида, стерильной маски и перчаток, глаженого халата и шапочки, чистоты одежды и волос, соблюдения доктором гигиены тела, ногтей и рук, касающихся тела больного при проведении обследования. Студенты подчеркнули, что надо знать этикет: здороваться, прощаться, говорить вежливо, следить за своим тоном, не выражаться косноязычно и неконструктивно. Необходимо иметь обширный словарный запас, использовать нормативный дискурс, уметь успокоить больного и объяснить ему проблему на понятном для него языке. Психологическая компетентность доктора должна учитывать эмоциональный статус больного. Доктор должен быть стрессоустойчив, компетентен в смежных областях знаний, уметь быстро принимать решения в сложных случаях.

2) В чем проявляется комплаенс специалиста?

Следование профессионала законному, нормативному и этичному поведению; систематическое повышение компетентности, расширение

кругозора и эрудиции, чтение научной и другой литературы; внимательное выполнение профессиональных обязанностей в рамках своей компетенции без профессиональных ошибок.

3) Как именно можно повысить комплаенс и комплаентность медицинского работника?

Меньше общаться с депрессивными людьми и с преступниками, с теми, кто ноет и не хочет учиться, лишь бы им оценки поставили. Комплаенс может расти благодаря общению со старшекурсниками, участию в мастер-классах и различных конференциях. Необходимо читать научные статьи в серьезных журналах, повышая профессионально важные качества и компетенции, а также общую эрудицию.

4) Как именно можно повысить комплаенс и комплаентность будущего доктора в вузе и в медицинском учреждении?

Общаться со старшекурсниками, приглашать их на мастер-классы, участвовать в подготовке и проведении конференций, взаимодействовать с представителями других направлений обучения.

5) Какие инновационные формы работы со студентами используются в АГМА?

Электронная библиотека (ЭБС), макеты и схемы, стол-симулятор, онлайн-тестирование, дистанционный формат обучения, публикации в печатных изданиях и электронных источниках и мн. др.

6) Встреч с какими специалистами и какого рода занятий хотели бы студенты медицинского университета?

Студенты 1-го курса в большей степени желают встреч с работающими хирургами, с психиатрами, а также с психологами, которые будут помогать после работы правильно отдыхать.

7) С какими проблемами и трудностями сталкиваются медработники в своей деятельности, преодоление которых требует особых личностных (внутренних) и внешних ресурсов?

С дефицитом материальных средств в медицине и в отдельно взятой клинике; с боязнью врачей заразиться от больных ковидом и прочей инфекцией, с плохим менеджментом, с криминальной деятельностью руководства и работников учреждений здравоохранения, с бескультурьем людей.

Итак, фокус-группа может выступать методом развития комплаенса студентов вуза. Дефицит внутренних ресурсов затрудняет достижение будущими докторами комплаентности, поэтому в медицинском вузе должна быть активизирована психологическая

работа со студентами. Дефицит внешних ресурсов может преодолеваться грамотным менеджментом.

Литература

1. *Майсак Н.В., Маджаева С.И.* Изучение отношения к комплаенсу студентов медицинского университета // Термины в коммуникативном пространстве: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология, терминология и экология языка в современной лингвистике» (04 февраля 2022 года) / отв. ред. С.И. Маджаева. Астрахань: Изд-во Астраханского ГМУ, 2022. С. 235-241.

Взаимосвязь проблемного использования интернета и личностной значимости блогера

Макарова Ю.О., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГПП, Москва, Россия
iuliania@gmail.com, nickochetkov@gmail.com

Попытки выделить специфику патологического использования виртуальной среды начались на первых этапах развития интернета в середине 1990-х гг. Исследователи пытались выявить психологические характеристики, обусловленные чрезмерным использованием интернета. Был введен термин «интернет-зависимость» как новый вид нехимической технологической аддикции, впервые сформулированы критерии с опорой на общие представления о зависимом поведении.

Сегодня дискуссия о содержательном наполнении, границах понятия «интернет-аддикция» продолжается [6], предлагается дифференцировать различные типы интернет-зависимости, поскольку каждый тип имеет специфические механизмы формирования [2]. Возможно, интернет является всего лишь средой для реализации компульсивного поведения, поэтому предлагается отказаться от термина «интернет-аддикция» в пользу формулировки «проблемное использование интернета» [4; 5].

Групповые процессы редко попадают в фокус исследований, посвященных проблемному использованию интернета. Концепция персонализации и метод отраженной субъектности (В.А. Петровского) позволяют исследовать мотивационную сторону личности под влиянием «значимого другого». Цель нашего исследования – изучение различий во взаимосвязи проблемного использования интернета и межличностной значимости блогера для представителей его аудитории.

В опросе приняли участие 549 подписчиков социальной сети Instagram (соцсеть, признанная в России экстремистской): 7,1% мужчин и 92,9% женщин, средний возраст 35-40 лет – представителей аудитории 2 блогеров (участников исследования). Респондентам предлагалось пройти онлайн-опрос, включающий методики: «Общая шкала проблемного использования интернета-3» (GPIUS-3) А.А. Герасимовой, А.Б. Холмогоровой [1] и «Внешнегрупповая референтометрия» [3], а также вопросы о возрасте, образовании, семейном статусе, наличии детей.

На первом этапе участники проходили опрос по пяти шкалам GPIUS-3: 1.Предпочтение онлайн общения, 2.Регуляция настроения, 3.Когнитивная поглощенность, 4.Компульсивное использование, 5.Негативные последствия. Затем респонденты оценивали личностную значимость блогера (участника исследования) в десяти жизненных ситуациях в сравнении с другими людьми (ближайшими родственниками, друзьями, коллегами, а также в сравнении с другими популярными блогерами, на которых подписаны респонденты).

Согласно результатам, средний уровень личностной значимости блогера (участника исследования) по выборке составляет 31,07. Это выше, чем средний уровень значимости «Компании друзей» – 26,83, и «Коллег, сотрудников» – 23,51, но ниже уровня значимости «Лучшего друга» – 38,06.

Уровень значимости блогера взаимосвязан с уровнем образования его аудитории. Респонденты со средним образованием чаще наделяют более высокой личностной значимостью блогера (средний ранг – 315,34), чем участники с высшим образованием (средний ранг – 258,42). То есть подписчики с высшим образованием в целом относятся к блогерам прохладнее, чем те, у кого его нет.

Обнаруживается взаимосвязь между семейным статусом подписчика и тем, насколько блогер (участник исследования) является для него лично значимым: для неженатых и незамужних

личностная значимость блогера выше (средний ранг – 291,00), чем для тех, кто состоит в официальном или гражданском браке (средний ранг – 263,02).

Можно предположить, что при отсутствии у человека таких личностных «опор», как семья, образование, обнаруживается стремление заполнить эту «пустоту», в том числе, за счет надления блогеров значимостью.

Результаты корреляционного анализа (по Спирмену) показали наличие обратной связи между проблемным использованием сети и личностной значимостью блогера (участника исследования) $r=-0,091$ ($p=0,05$). Такая обратная связь обнаруживается у семейных участников опроса: чем более значим блогер для респондента, тем менее ему свойственны когнитивная поглощенность ($r=-0,113$), и компульсивное использование сети ($r=0,133$). Среди тех, кто незамужем/не женат таких корреляций не выявлено. Связь слабая, но обладает высокой степенью вероятности ($p=0,05$).

Возможно, такая связь объясняется тем, что если подписчик относится к блогеру серьезно, признает его значимой личностью для себя, то он более вдумчиво, а не компульсивно, воспринимает блогерский контент и общение с его автором, даже в рамках социальной сети.

Выявлена статистически значимая взаимосвязь между проблемным использованием интернета и значимостью других популярных блогеров (не являющихся участниками исследования, но на которых подписаны наши респонденты). По шкале регуляции настроения коэффициент корреляции Спирмена составил $r=0,227$, когнитивной поглощенности $r=0,172$, компульсивного использования $r=0,197$ и негативных последствий $r=0,213$ (уровень значимости 0,01). Подобные взаимосвязи обнаруживаются у опрошенных, имеющих и не имеющих детей, со средним и высшим образованием.

Если человек признает популярных блогеров значимыми и для него характерно проблемное использование сети, можно предположить, что эти блогеры являются для такого респондента «таймкиллерами». Взаимодействие с их контентом имеет компульсивный, поверхностный характер.

Выявленные в ходе исследования связи слабые, и это можно объяснить тем, что на нашу жизнь влияет большое количество людей, с которыми блогеры конкурируют за внимание и позицию значимых.

Блогер является значимым человеком чаще для людей одиноких, без семьи и высшего образования. Для семейных участников опроса обнаруживается обратная связь: чем более значимым признается блогер, тем менее свойственны когнитивная поглощенность и компульсивное использование сети.

Влияние значимых блогеров (участников исследования) диаметрально противоположно тому, как влияют на респондентов другие популярные блогеры. Значимость популярных блогеров коррелирует с высокими значениями по всем шкалам проблемного использования интернета.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 56–79. doi: 10.17759/cpp.2018260304
2. Кочетков Н.В. Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 148–163. doi:10.17759/sps.2016070311
3. Психологические тесты. Том 2. Под ред. Карелина А.А. – М.: Изд-во «Владос», 1999. С. 5-7.
4. Солдатова Г.У., Вишнева А.Е. Особенности развития когнитивной сферы у детей с разной онлайн-активностью: есть ли золотая середина? // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 97–118. doi:10.17759/cpp.2019270307.
5. Холмогорова А.Б., Герасимова А.А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 138–155. doi: 10.17759/cpp.2019270309.
6. Griffiths M. Behavioural addictions: an issue for everybody? // Journal of Workplace Learning 1996 8(3):19-25 [https://www.researchgate.net/publication/233809226_Behavioural_addictions_An_issue_for_everybody]

К вопросу развития коммуникативных способностей у подростков с ОВЗ с помощью театрального искусства

Макимова А.М. Мешкова Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nasmodeya@gmail.com, nmeshkova@yandex.ru*

Проблема создания всеобъемлющей психолого-педагогической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью в последние несколько лет приобрела особую остроту в условиях модернизации общего образования [2]. Современные психологи и педагоги все больше ориентируются на использование искусства, в том числе театрального, в процессе обучения и воспитания детей с ОВЗ. Специалисты приходят к выводу о том, что театр для детей с отклонениями в здоровье – жизненно необходимая социальная среда, определяющая путь развития личности [1; 3; 7] ввиду того, что оказывает воздействие на коммуникативные, социальные, творческие и эмоциональные способности [7].

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы выяснить влияние интегрированного театра на коммуникативные способности подростков с ОВЗ. Выборка состояла из 18 подростков в возрасте от 12 до 17 лет: 9 из них с расстройством аутистического спектра и 9 – с нарушениями различного характера (синдром Дауна, различная степень умственной отсталости, шизофрения, эпилепсия).

Исследование проводилось на базе интегрированного театра-студии «Круг-II» в Москве. Театр-студия существует с 1997 года и реализует различные задачи: проведение тренингов для детей с ОВЗ и их родителей; игропрактики (клоунада и народные игры) и занятия по развитию сценического движения, ритмики, вокалу, обучение сочинительству песен. Также театр организует выступления на различных культурно-досуговых площадках, в которых принимают участие его воспитанники. Особенность театра состоит в том, что при коррекционной работе с участниками сотрудники театра используют различные приемы из области театральных практик.

Учитывая особенности детей с расстройством аутистического спектра, состоящие в сложности у них установления социальных контактов, трудностей вливания в новый коллектив, нарушения эмпатии, мы использовали карту наблюдений для оценки уровня сформированности коммуникативных навыков, разработанную А.В. Хаустовым [5]. Для остальной части выборки использовалась карта

наблюдений проявления коммуникативных способностей, предложенная А.М. Щетининой и М.А. Никифоровой [6]. Также использовалась методика оценки коммуникативных и организаторских склонностей, разработанная В.В. Синявским и В.А. Федорошиной [4]. Все перечисленные опросники мы модифицировали для упрощения понимания респондентами с ОВЗ.

Мы диагностировали количественные и качественные изменения коммуникативных способностей респондентов, произошедшие за полгода. Диагностика проводилась дважды: в сентябре 2021 г. и в феврале 2022 г. Согласно полученным результатам, количественно улучшились показатели у 8 респондентов с РАС и у 7 респондентов с прочим нарушениями.

Что касается качественных изменений, то в группе с РАС показатели перешли на следующий уровень (со среднего на высокий) у 2 подростков, изменения в поведении проявлялись в умении более четко формулировать свои мысли и желания; улучшение произошло и в формировании диалоговых навыков – соблюдение правил разговора, поддержание диалога и т.д.

Качественного изменения результатов у респондентов с прочими нарушениями не произошло, однако чаще всего изменения касались умений находиться включенным в коммуникативную деятельность – открытость, расположенность слушать партнера по общению и продолжительное время поддерживать контакт.

Таким образом, выдвинутая нами в исследовании гипотеза о том, что интегрированный театр способствует развитию коммуникативных способностей у подростков с ОВЗ, подтвердилась. Тем не менее, важно понимать, что интегрированный театр может использоваться как дополнение к коррекционной работе. В процессе изучения этого явления мы пришли к выводу о том, что особенности разнообразия нарушений требуют индивидуального подхода к каждому участнику, что может быть обеспечено только в рамках индивидуальной коррекционной работы. Еще один вывод нашего исследования состоит в том, что мы не заметили качественных улучшений у тех респондентов, которые являются участниками интегрированного театра продолжительное время (более 2 лет). Это означает, что развить коммуникативные способности можно до определенного уровня, после которого, видимо, воздействие интегрированного театра не происходит.

Литература

1. *Белишина А.А.* Театрализованная деятельность детей с ОВЗ как средство социальной адаптации и реализации индивидуальных возможностей // Молодой ученый. 2017. №49. С. 332-334.
2. *Карabanова О.А., Малофеев Н.Н.* Стратегия развития образования детей с ОВЗ: по дороге к реализации культурно-исторического подхода // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 89–99.
3. *Самохвалова А.Г.* Психология затрудненного общения ребенка. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 418 с.
4. *Синявский В.В., Федорошин В.А.* Методика оценки коммуникативных и организаторских склонностей // URL: <https://nsportal.ru/shkola/materialy-k-attestatsii/library/2019/11/23/metodika-otsenki-kommunikativnyh-i-organizatorskih>
5. *Хаустов А.В.* Формирование навыков речевой коммуникации у детей с расстройствами аутистического спектра. М.: ЦПМССДиП. 2010. 87 с.
6. *Щетинина А.М.* Диагностика социального развития ребенка: Учебно-методическое пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 88 с.
7. *Ярош Е.А., Короткова Т.А.* Учебный инклюзивный театр как средство активизации компенсаторных механизмов у детей с тяжелыми нарушениями речи // Специальное образование. 2018. № 2 (50). С. 112-123

Человекоцентрированный подход в российских организациях

Максимова М.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mtjfff@yandex.ru , allavan@yandex.ru

В мировой практике управления в последнее время всё актуальнее становится построение полноценно функционирующей рабочей общности в рамках Человекоцентрированного подхода (ЧЦП).

Человекоцентрированный подход – это широкая модель, применимая для всех отношений между людьми, в том числе в

организациях и бизнесе [1; 2; 3]. Человекоцентрированная модель отношений – это отношения между автономными субъектами, которые признают равенство и суверенность друг друга. Это отличает ее от модели помогающих отношений, в которой все-таки сохраняется иерархия и нарушена некоторая автономия одного из участников [4, с. 34]. В ЧЦП субъект применяет конгруэнтность, эмпатию и безусловное позитивное отношение в своих интересах, а не в интересах другого. Отношения субъекта с другим находятся внутри субъекта и субъект, как автономная личность, несет за эти отношения полную ответственность. Аналогично и у другого отношения существуют внутри него, и он отвечает за них.

В ЧЦП субъект использует триаду Роджерса для успешной реализации своих стремлений и достижения собственных целей по отношению к другому [5]. Навыки ЧЦП – необходимые и достаточные условия для качественного и удовлетворяющего обе стороны ведения отношений. Другой аналогично может использовать умения ЧЦП для эффективного и результативного достижения своих целей и стремлений. ЧЦП фокусируется на человеке и его компетентности – полноценном функционировании.

Далее мы приведем описание четырех умений человекоцентрированного подхода, которые являются базой для эффективного и результативного ведения отношений, в том числе в контексте организаций [4, с. 42].

Эмпатическое слушание. Первый из четырех навыков ЧЦП является самым используемым. Сотрудники организаций обычно его осваивают быстрее и легче остальных трех. Это значительно повышает динамику отношений в компании и результативность в переговорах и налаживании коммуникации. Сам К. Роджерс не разделял эмпатию и эмпатическое слушание. Первое используется в качестве следования за другим для его роста и поиска решений, второе – для лучшего понимания позиции другого. Для Роджерса это было слито воедино. Э. Медоус, его ученик и коллега, предложил разделить их для лучшего освоения этих умений.

Конгруэнтность. Синонимами к слову «конгруэнтность» являются «реальность», «подлинность», «аутентичность». Цель этого умения – самовыражение, донесение опыта субъекта через вербальные и невербальные средства языка до другого. Главное преимущество конгруэнтного самовыражения в том, что оно снижает вероятность получения в ответ защитной реакции партнера по коммуникации.

Наоборот, неконгруэнтное послание вызывает сопротивление и желание защититься.

Эмпатия. Навык эмпатии, как уже говорилось выше, отличается от эмпатического слушания. Эмпатия является следованием за другим в его опыте, когда другой хочет найти ответ или решение, найти точку роста. Эмпатия не работает, если субъект хочет, чтобы другой развивался, она работает только в том случае, если другой выбирает и стремится к этому развитию и согласен на эмпатию со стороны субъекта.

Безусловное позитивное уважение/принятие. Завершающий цепочку навыков – безусловное позитивное уважение или принятие. Это умение является самым сложным в освоении сотрудниками. И в то же время оно объединяет все предыдущие умения. Без освоения трех первых, невозможно освоить этот навык.

Человекоцентрированный подход в организациях, бесспорно, является стратегическим потенциалом современных бизнес-организаций. Этот потенциал открывается и реализуется не тогда, когда он декларируется как «предпочтительная» система ценностей, но когда руководитель или сотрудник хочет, может и знает, как использовать человекоцентрированные умения в своих целях, взаимодействуя с коллегами по достижению общих результатов. Тогда меняются качественные и количественные показатели бизнеса. Человекоцентрированный подход в организациях – перспектива эффективности бизнеса и удовлетворенности сотрудников в условиях современных высоких технологий, требующих по-настоящему высокой компетентности в отношениях.

Литература

1. *Колтачников В.В.* Человекоцентрированный подход в практике психологического консультирования организаций // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 49-56.
2. *Колтачников В.В., Тишова А.Н.* Человекоцентрированный подход в организациях: утопия или стратегический потенциал? // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 3. С. 38-49
3. *Штроо В.А., Колтачников В.В.* Человеко-центрированный подход в работе с организациями // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 2. С. 79-87.

4. *Meadows E.* Person-centered Approach in Organizational Relationships // Организационная психология. 2014. №2. P 34-42.
5. *Rogers C.R.* The necessary and sufficient conditions of the therapeutic personality change // Journal of Consulting Psychology. 1957. Vol. 21(2). P. 95-103.

Копинг-стратегии работников различных форм занятости

Малахова А.А., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ana.malakhova@mail.ru

Современные реалии вынуждают личность проявлять инициативы в процессе профессиональной деятельности и выбирать различные формы занятости [1]. Отличительными чертами и преимуществами свободной формы занятости (фриланса), в отличие от штатного найма, является независимость работника-фрилансера, его самостоятельность, высокий профессионализм, а также отсутствие надобности в непрерывном контролировании его работодателем [3]. В силу многомерности и сложности природы процессов совладания, остается малоизученным вопрос о том, за счет каких состояний личности обеспечивается эффективность совладающего поведения профессионала, в том числе, и в зависимости от формы занятости [4; 5].

Цель работы – сравнительный анализ копинг-стратегий работников различных форм занятости. Нами был сформулирован *исследовательский вопрос*: каким образом выбор работниками стратегий совладающего поведения связан с формой занятости? Мы предположили, что существуют различия в выборе копинг-стратегий у штатных сотрудников предприятий и фрилансеров, и работоспособность работников тесно связана с выбором ими стратегии совладающего поведения.

В исследовании приняли участие 68 человек, среди них 44 штатных сотрудника предприятий и 24 фрилансера. Возраст исследуемых – от 20 до 57 лет; респонденты преимущественно с высшим образованием, с различным родом деятельности.

Для определения уровня выраженности состояний сниженной работоспособности нами был использована методика

дифференцированной оценки состояний сниженной работоспособности (ДОРС), разработанная А.Б. Леоновой и С.Б. Величковской.

Для определения копинг-механизмов, способов преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности был использован опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса [6].

Для исследования копинг-стратегий личности в плане способа решения возникающих трудностей, в том числе превентивной подготовки к ним, использован опросник «Проактивное совладающее поведение» L.G. Aspinwall, R. Schwarzer, S.Taubert, в адаптации Е.С. Старченковой [2].

Сравнение средних величин показало, что у большинства как *штатных сотрудников*, так и *фрилансеров* наиболее выраженными являются «индекс стресса» и «индекс утомления». При этом выявлены достоверные различия в выраженности работоспособности у *штатных сотрудников и фрилансеров* по факторам «Стресс» ($U_{эмп}=325,5$ при $p\leq 0,05$) и «Пресыщение» ($U_{эмп}=364,0$ при $p\leq 0,05$).

Выявлено, что штатные сотрудники предприятий чаще всего используют три копинг-стратегии: «планирование решения проблемы», «самоконтроль» и «положительная переоценка». Значимые различия между штатными сотрудниками предприятий и фрилансерами в копинг-стратегиях были выявлены в отношении «самоконтроля» ($U_{эмп}=159,5$ при $p\leq 0,05$), «поиска социальной поддержки» ($U_{эмп}=315,5$ при $p\leq 0,05$), «планирования решения проблемы» ($U_{эмп}=360,5$ при $p\leq 0,05$), «дистанцирования» ($U_{эмп}=305,0$ при $p\leq 0,05$), «положительной переоценки» ($U_{эмп}=325,0$ при $p\leq 0,05$).

По шкалам «Проактивное преодоление», «Превентивное преодоление» и «Стратегическое планирование» значения данных показателей в группе штатных сотрудников предприятий находится на более низком уровне, чем в группе фрилансеров. Достоверно значимые различия в выборе проактивного совладающего поведения между штатными сотрудниками предприятий и фрилансерами выявлены в отношении таких показателей, как «превентивное преодоление» ($U_{эмп}=251,0 < U_{крит}(399)$ (при $p\leq 0,05$)) и «поиск инструментальной поддержки» ($U_{эмп}=319,5 < U_{крит}(399)$ (при $p\leq 0,05$)). При этом средний уровень выраженности поиска инструментальной поддержки значимо выше в выборке штатных сотрудников предприятий; средний уровень выраженности совладающего

поведения «Превентивное преодоление» значимо выше в выборке фрилансеров.

На основе корреляционного анализа можно говорить о наличии связи выраженности работоспособности с выбором работниками стратегии совладающего поведения. Выявлены статистически достоверные связи между степенью утомления и конфронтационным копингом ($r=0,527$; $p<0,01$), дистанцированием ($r=0,454$; $p<0,01$), стратегией «бегство – избегание» ($r=0,345$; $p<0,01$), планированием решения проблемы ($r=0,525$; $p<0,01$); между степенью пресыщения и конфронтационным копингом ($r=0,482$; $p<0,01$), планированием решения проблемы ($r=0,839$; $p<0,01$), «бегством – избеганием» ($r=0,484$; $p<0,01$), самоконтролем ($r=0,352$; $p<0,01$); между уровнем стресса и «бегством – избеганием» ($r=0,310$; $p<0,05$) и самоконтролем ($r=-0,313$; $p<0,01$); проактивным преодолением ($r=-0,641$; $p<0,01$); превентивным преодолением ($r=-0,697$; $p<0,01$), стратегическим планированием ($r=-0,609$; $p<0,01$).

Полученные результаты подтверждают гипотезы о существовании различий в выборе копинг-стратегий у штатных сотрудников предприятий и фрилансеров, а также о наличии связи выраженности работоспособности с выбором работниками стратегии совладающего поведения.

Литература

1. *Абрамян Е.П.* Трудовые мотивы фрилансеров в условиях автономии труда в современном российском обществе // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2018. № 4. 68-71.
2. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
3. *Воищева Н.М., Слабинский В.Ю.* Совладающее поведение и профессиональное выгорание: уровневый подход // Медицинская психология в России 2020. Т. 12. № 5 (64).
4. *Литвинова Е.Ю.* Некоторые зарубежные исследования карьеры фрилансера. // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции памяти академика РАО А.В. Петровского. 2019. С. 354-356
5. *Литвинова Е.Ю.* Фриланс: привлекательность вопреки рискам. В сборнике: Организационная психология: люди и

риски. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Под редакцией Л.Н. Аксеновской. 2020. С. 201-207

6. *Крюкова Т.Л.* Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 65-75.

Гендерные особенности родительских установок и отношения молодежи к сознательно бездетному браку

Маленова А.Ю.

ФГБОУ ВО ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия;

ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия

malyonova@mail.ru

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ FZEW-2020-0005.

Интерес государства к особенностям репродуктивного поведения молодежи в последние десятилетия находится в обостренном состоянии в связи с имеющимися демографическими тенденциями. Это, в свою очередь, привлекает исследователей и практиков в области социологии, медицины, педагогики, психологии, юриспруденции, актуализируя потребность в выявлении причин и следствий предпочтений молодых людей в сферах супружества и родительства. Такая озабоченность вполне объяснима, поскольку установки молодежи свидетельствуют об актуальных потребностях, реализация которых вполне вероятна при появлении необходимых для этого условий. В настоящее время одним из таковых, на наш взгляд, выступает толерантность общества к возможности выбора различных брачных альтернатив, в том числе, потенциально определяющих вариативность паттернов родительского поведения в ближайшем или, если опираться на позицию самих молодых людей, отдаленном будущем.

Среди существующих форм супружества особую тревогу специалистов вызывает сознательно бездетный брак или «чайлдфри», который, с одной стороны, подчеркивает значимость супружеских отношений, с другой – обесценивает институт родительства. Напомним, что, в данном случае, речь идет об осознанном выборе

молодых людей, способных к деторождению, но предпочитающих ему другие формы самореализации в обществе. Закономерно возникает риторический вопрос, что будет происходить в сфере брачно-семейных отношений при распространении и закреплении таких установок в сознании молодого поколения. Однако обоснованный ответ на него, прежде всего, требует изучения отношения к этой форме супружества в молодежной среде. С этой целью нами было организовано поисковое исследование, в котором приняли участие 70 девушек (56%) и юношей (44%) в возрасте 17-25 лет. Методы сбора данных: опрос (авторские анкета и методика «Иерархия форм брака» [1]) и тестирование («Ролевой опросник деторождения» (РОД) М.Н. Родштейн [2], модифицированная шкала терминальных ценностей методики «Ценностные ориентации» М. Рокича: добавлены шкалы родительской и карьерной самореализации), средства обработки – сравнительный анализ.

Результаты исследования показывают, что молодые люди в целом положительно оценивают супружество, при этом девушки его чаще определяют как «союз мужчины и женщины, основанный на любви, поддержке и доверии» (43,6% против 16,1% при $p \leq 0,001$), а юноши – как «готовность к взрослой жизни» (25,8% и 15,4%). Что касается семьи, то для девушек она, скорее, определяется родственными узами (28,2% против 6,5% при $p \leq 0,001$), а для юношей – через ответственность и приоритетную ценность (32,3% против 7,7% при $p \leq 0,001$). При этом в иерархии ценностей «счастливая семейная жизнь» у обеих групп занимает одну из лидирующих позиций, конкурируя со свободой, уверенностью в себе, жизненной мудростью и интересной работой, тогда как «родительская самореализация» уступает практически всем позициям, занимая 19 место из 20. Эта тенденция подкрепилась и при оценке иерархии предпочитаемых брачных альтернатив – сознательно бездетный брак, независимо от пола, попал в тройку лидеров наравне с традиционной моногамией и сожительством. Молодые люди отмечают, что ключевой причиной распространенности альтернативных форм брака как раз и выступает изменение структуры ценностей (37,4%), юноши при этом полагают, что их брачный выбор никак не отразится на их собственном ребенке (48,4% юношей). Их поддерживают 33,3% женской выборки, но треть опрошенных девушек считают, что ребенок вполне может спроецировать эту модель, а четвертая часть – что выбор родителей усилит привлекательность той или иной альтернативы. Важно, что более 80% опрошенных отрицают способность общества повлиять на

их выбор формы брака. Конкретизация позиции молодежи в отношении «чайлфри» позволила в качестве приоритетных причин ее популярности выделить желание заниматься карьерой (37,5%), недостаточные финансовые возможности (31,7%), желание пожить для себя (31,7%), низкий уровень жизни (29,6%), боязнь ответственности (23,8%). Следует отметить, что 41,9% юношей и 30,8% девушек осознают, что распространение бездетного брака негативно отразится на демографической ситуации в стране и, одновременно с этим, четверть опрошенных девушек полагают, что это будет способствовать самореализации личности. Полученные результаты отчасти были подтверждены данными методики «РОД»: репродуктивная активность юношей и девушек явно конкурирует с их пассивностью (55% против 45%). При этом относительно оптимистичными для дальнейшего прогноза могут выступать результаты доминирования генофилии (69%) над генофобией (31%) у девушек (при $p \leq 0,001$). Среди юношей симпатию к детям испытывают 55%, боязнь детей 29% и 16% пока не определились со своим отношением. Неожиданным на этом фоне выступает ответ молодых людей на вопрос о модели идеальной семьи: лишь 4,3% опрошенных считают, что это пара без детей, тогда как 48,6% включают в свой идеал двух детей, при этом для 22,5% юношей достаточно и одного ребенка, а 25,6% девушек потенциально готовы к рождению трех детей. И, хотя идеал не всегда выступает пусковым механизмом для реализации репродуктивных и родительских установок, полагаем, что подобные ориентиры дают некоторую надежду обществу в решении поставленных перед ним задач в сфере демографической политики.

Литература

1. Маленова А.Ю. Экспресс-диагностика психологических особенностей брачно-семейных отношений // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2017. Том 6. № 3. С. 65-74 <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/18469/view#article-text>
2. Родитейн М.Н. Гендерно-ролевая идентичность как фактор репродуктивной установки женщин: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Самара, 2006. 222 с.

Соотношение эмоционального выгорания и мотивации профессиональной деятельности сотрудников полиции

*Манджиева М.Л., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mariiamandzhieva@gmail.com*

Проведенное нами исследование посвящено изучению эмоционального выгорания сотрудников полиции и его взаимосвязи с мотивацией профессиональной деятельности. Эмоциональное выгорание характеризуется как эмоциональным, так и физическим истощением, возникающим в результате интенсивного межличностного взаимодействия и длительного нахождения в состоянии напряжения. Профессиональная деятельность полицейских характеризуется социальной значимостью, повышенной ответственностью, высоким уровнем психоэмоционального и физического напряжения. К основным ее особенностям относят правовую регламентацию, наличие властных полномочий, экстремальный характер профессиональной деятельности, широкую коммуникативность, тесный контакт с разными категориями граждан, в том числе, склонными к противоправным действиям, дефицит времени и наличие перегрузок, ярко выраженный познавательный характер [1]. Помимо этого, на формирование эмоционального выгорания могут оказывать влияние социально-демографические, социально-психологические, организационные и личностные факторы. Все это в совокупности приводит к снижению трудоспособности сотрудника, эффективности его труда и негативным изменениям на личностном уровне. Изучение данной профессиональной группы является актуальным в современном обществе, в ситуации социальной нестабильности, неопределенности и роста общего уровня преступности. Также, в последние годы, в связи с проведением ряда реформ в системе МВД с целью поднятия имиджа структуры и уровня доверия населения к сотрудникам, повысились требования к профессиональным и личностным качествам, которыми они должны обладать.

В исследовании приняли участие сотрудники линейного отдела МВД России г. Москвы, занимающиеся охраной общественного порядка и охраной общественной безопасности, в возрасте от 24 до 36 лет, всего 61 человек.

Для изучения эмоционального выгорания была использована методика диагностики уровня эмоционального выгорания (В.В. Бойко). Мотивация профессиональной деятельности изучалась с помощью методики «Мотивация профессиональной деятельности (К. Замфир в модификации А.А. Реана), а также методики диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (О.Ф. Потемкина).

По итогам проведения исследования были получены соответствующие результаты: у большинства сотрудников синдром эмоционального выгорания формируется или уже сформирован. В.В. Бойко, определяя эмоциональное выгорание как поэтапный процесс, выделяет последовательно формирующиеся фазы напряжения, резистенции и истощения [2]. У сотрудников ведомства эмоциональное выгорание в наибольшей степени проявляется в сформированности фазы резистенции, которая, в первую очередь, проявляется у них в отсутствии контроля влияния настроения на профессиональную деятельность. В целом протекание эмоционального выгорания у работников данной сферы труда характеризуется формированием безразличия в профессиональных и личных отношениях, не контролируемым воздействием настроения на профессиональную деятельность и профессиональные отношения, снижением эффективности выполнения профессиональной деятельности и желанием меньше времени, насколько это возможно, уделять профессиональной деятельности, а также возникновением эмоциональной бесчувственности вследствие переутомления, уменьшением эмоционального вклада в работу, в результате чего формируется автоматизм и опустошение при выполнении профессиональной деятельности.

Далее было выявлено, что у полицейских преобладает внешняя отрицательная мотивация. Следовательно, для них характерна низкая удовлетворенность профессией. Профессиональная деятельность является для них субъективно незначимой, продвижение по службе и самореализация в данной сфере не является ведущим мотивом профессиональной деятельности. Также, согласно полученным результатам, у сотрудников полиции доминирует ориентация на свободу, альтруизм и процесс.

В результате корреляционного анализа было установлено, что чем сильнее у сотрудников выражена внутренняя мотивация профессиональной деятельности, тем в меньшей степени сформирован синдром эмоционального выгорания, и наоборот. Также выявлено, что

выраженная ориентация на процесс, а также альтруизм и эгоизм являются факторами, способствующими развитию эмоционального выгорания. Ориентация на результат, труд, свободу и власть, в свою очередь, могут способствовать профилактике эмоционального выгорания полицейских.

Таким образом, поставленная гипотеза о взаимосвязи эмоционального выгорания и мотивации профессиональной деятельности была подтверждена. Результаты исследования могут быть полезны в проведении профилактической и психокоррекционной работы, в целях снижения эмоционального выгорания и повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников полиции.

Литература

1. *Асямов С.В., Пулатов Ю.С.* Профессионально-психологический тренинг сотрудников органов внутренних дел. URL: <http://yurpsy.com/files/ucheb/tren/tren.htm>.
2. *Бойко В.В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Питер, 1999.

Взаимосвязь проблемного использования интернета и межличностных отношений в юношеском возрасте

Маньшина А.Ю., Красилов Т.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anna.manshina98@mail.ru, t-krassilo@rambler.ru

Сегодня интернет является неотъемлемой частью жизни для взрослых, молодежи и детей. В научном мире ведется активное обсуждение проблемы использования данной глобальной сети, ведь каждая технология включает в себя как новые возможности для общества, так и риски. К числу рисков в использовании интернета относят кибербуллинг, цифровое мошенничество, интернет-зависимость, возникновение фоббинга и др. [2]. Из-за увеличивающейся цифровизации общества, а также из-за наступления пандемии в 2020-2021 годах, реалии жизни для многих школьников и студентов кардинально изменились. Как следствие этого, структура межличностных отношений школьников и студентов не могла не

266

претерпеть изменений, ведь молодое поколение не только стало больше проводить времени в интернете, но и подключать к решению в этом пространстве все большее количество новых задач. Поэтому изучение использования интернета и связанной с этим процессом специфики межличностных отношений становится крайне важной и актуальной задачей для современного общества.

Целью исследования является изучение взаимосвязи между показателями проблемного использования интернета и характеристиками межличностных отношений в юношеском возрасте.

Основная гипотеза нашего исследования: существует взаимосвязь между проблемным использованием интернета и характеристиками межличностных отношений в юношеском возрасте.

В рамках нашего исследования понятие «проблемное использование интернета» (ПИИ) рассматривалось как чрезмерное использование интернета, порождающего в перспективе технологическую зависимость.

Выборку исследования составили 59 респондентов в возрасте от 16 до 22 лет. Сбор эмпирических данных проводился в электронном виде с использованием следующих методик: «Общая шкала проблемного использования интернета» (GPIUS3) [1], «Субъективная оценка межличностных отношений» (С.В. Духновский), «Диагностика межличностных отношений» (ДМО) Т. Лири (адаптация Л.Н. Собчик). Обработка методик проводилась в программе «IBM SPSS Statistics».

Корреляционный анализ полученных результатов проводился с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

Между показателями по шкалам «Напряженность в отношениях» и «Предпочтение онлайн-общения» была выявлена положительная корреляция (0,350) при $p \leq 0,01$. Эту связь можно интерпретировать как склонность респондентов предпочитать онлайн-общение реальному из-за напряженности в межличностных отношениях (потому что интернет упрощает взаимодействие с другими людьми). Однако, наоборот, может осуществляться влияние предпочтения онлайн-общения на характеристики реального межличностного взаимодействия из-за снижения коммуникативного опыта.

Было установлено наличие значимой ($p \leq 0,05$) положительной корреляции между шкалами «Напряженность в отношениях» и «Когнитивная поглощенность» (0,290). Данные результаты показывают, что человек при высокой напряженности в межличностных отношениях имеет более высокую мыслительную включенность в анализ цифрового взаимодействия.

Уровень напряженности в отношениях также имеет прямую взаимосвязь с показателями по шкале «Негативные последствия» ($r=0,275$; $p=0,035$). Возможно, из-за проблем в отношениях пользователи чрезмерно погружаются в цифровое пространство, а вследствие этого у них может ухудшаться здоровье, снижаться включённость в реальную жизнь, успешность деятельности и др. Помимо этого, данную взаимосвязь можно трактовать в обратном направлении: из-за негативных последствий использования интернета (к примеру, мошенничества, кражи личных данных пользователей и т. п.) у пользователей появляется напряжённость в отношениях.

Корреляционный анализ показал, что между шкалами «Агрессия в отношениях» и «Негативные последствия использования интернета» существует положительная взаимосвязь ($r=0,260$; $p=0,046$). Можно предположить, что из-за деструктивного выражения агрессии в сети Интернет пользователям приходится сталкиваться с негативными последствиями своих действий. Есть также возможность и обратного влияния неких отрицательных последствий использования интернета на уровень агрессии.

Шкала «Онлайн-общение» имеет значимую ($p \leq 0,01$) положительную корреляцию с показателями по шкалам «Подчиняемый тип отношений» (0,544) и «Зависимый тип отношений» (0,535). Данные взаимосвязи объяснимы тем, что ежегодно в интернет-пространстве появляется всё больше технологий и ресурсов, позволяющих людям эффективно взаимодействовать онлайн, но при этом возрастают риски отказа от реального общения и появления зависимостей различного характера (тех зависимостей, с которыми будет сложнее справиться людям с подчиняемым и зависимым типами). Но, если взглянуть с другой стороны, для людей с подчиняемым и зависимым типами отношений онлайн-общение может помогать выстраивать иерархию и дистанцию в отношениях.

Между показателями по шкалам «Подозрительный тип отношений» и «Когнитивная поглощённость» обнаружена прямая взаимосвязь ($r=0,302$; $p=0,020$), которая может объясняться тем, что для удовлетворения потребности в безопасности и благополучного выстраивания доверительных отношений пользователям с данным типом отношений приходится в большей степени, чем другим, мысленно погружаться в интернет-пространство. Кроме этого, масштабы, содержание и механизмы сети требуют от пользователей чаще критически мыслить и тщательно анализировать информацию.

Таким образом, были получены значимые взаимосвязи, подтверждающие основную гипотезу исследования.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: Апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26, № 3. С. 56–79.
2. Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 1(33). С. 34-46.

Исследование психологических особенностей адаптации и смысложизненных ориентаций у студентов разных курсов

Матвеев В.П., Маринова Т.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

vlad-matveev-2014@mail.ru

Исследование социально-психологической адаптации студентов является одной из актуальных тем современной психологической науки. Важно понимать, что вчерашний школьник оказывается в совершенно новой среде, к которой нужно привыкать, меняться самому [2]. Под адаптацией мы понимаем изменение человека по отношению к новым ситуациям, где усвоение новых правил меняет не только внешнее поведение, но и внутренний мир. Данный процесс характеризуется двумя сторонами [1]. Первая рассматривает внутренние изменения как детерминанты наблюдаемого поведения. С другой стороны, усвоение культурных норм и ценностей общества является неотъемлемой частью формирования мировоззрения и становления личности [4; 5]. Смысложизненные ориентации также являются важной характеристикой личности и позволяют предположить характер ее дальнейшей социализации.

Данное исследование направлено на изучение особенностей адаптации и смысложизненных ориентаций студентов с целью углубления понимания оснований успешности интеграции обучающихся в социально-психологическую среду вуза [3].

Нами был проведен сравнительный анализ показателей психологической адаптации и смысложизненных ориентаций у

студентов первого и четвертого курсов психологического факультета. Использовались следующие методики: «Адаптивные стратегии поведения» (Н.Н. Мельникова), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина, тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева.

Выборку исследования составили студенты МГППУ, из которых 34 человека учатся на первом курсе и 37 – на четвертом.

Результаты исследования показали, что студенты первого курса в качестве адаптивной стратегии поведения чаще всего выбирают «уход из среды и поиск новой». Наименее используемой стратегией оказалось «изменение себя». Остальные стратегии получили средний уровень частоты использования. Старшекурсники также предпочитают стратегию ухода из среды, однако часто выбирают также пассивное выжидание изменений, что может быть связано с негативным опытом непродуктивных попыток адаптации и последующим чувством беспомощности. Результаты сравнения показателей адаптации у студентов первого и четвертого курсов показали, что младшие студенты чаще стараются изменить среду, но реже выбирают стратегии изменения себя и выжидания, в сравнении с выборкой старших студентов (критерий U Манна-Уитни, различия значимы на уровне $p \leq 0,05$).

С помощью опросника МЛО-АМ было выявлено, что показатели адаптивных способностей и нервно-психической устойчивости у студентов находятся на низком уровне. Это показывает слабую развитость данных факторов адаптации в обеих группах опрошенных студентов. Уровень моральной нормативности оказался средним у обеих выборок. Показатели коммуникативности выше у студентов начальных курсов ($p \leq 0,05$), что может свидетельствовать, на наш взгляд, о снижении в процессе обучения ценности общения для студентов старших курсов.

Анализ смысловых ориентаций студентов позволил нам выделить доминирующие и менее значимые показатели для студентов обеих групп. Первокурсникам чаще, чем старшекурсникам, свойственно проявлять внешний локус контроля, перекладывая ответственность за происходящие с ними события на внешние обстоятельства. Результативность жизни, удовлетворенность достигнутым на данном этапе своего развития, у младших студентов также слабо выражена, в то время как «цели в жизни» и «процесс жизни» имеют средний уровень осмысленности. У старшекурсников показатель «цели в жизни» существенно более выражен, в сравнении с

выборкой первокурсников (критерий U Манна-Уитни, различия значимы на уровне $p \leq 0,05$). Подобная особенность наблюдается и по показателю результативности жизни: четверокурсники выше оценивают значимость данного фактора. Процесс жизни (ее эмоциональная насыщенность) оценивается примерно в равной мере в обеих группах.

Проведенное исследование позволило нам прояснить некоторые особенности адаптации студентов и их смысложизненных ориентаций в ходе вузовского обучения. Полученные результаты могут быть учтены в работе психологов образования, а также использоваться для построения программ психологических исследований адаптации студентов к условиям вузовского обучения.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений / Андреева Г.М. М.: Аспект Пресс, 2017.
2. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 9-22.
3. *Самохина А.Ф.* Особенности адаптации студентов к обучению в педагогическом вузе: ВГПУ, 2003.
4. *Штак С.В.* Анализ проблемы социально-психологической адаптации в условиях трансформации российского общества. Кемерово: КГУ, 2002.
5. *Яницкий М.С.* Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики. Кемерово: КГУ, 1999.

Характеристика модели обучения безопасному вождению, ее использование для модификации курса «Психофизиологические основы деятельности водителя»

Матвеев С.А., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
matveev.sergey@mail.ru

На сегодняшний день при рассмотрении обучения в автошколах можно обнаружить, что существенной проблемой продолжает

оставаться не столько недостаточно качественное обучение, сколько отсутствие четкого комплексного подхода к изучению процесса формирования безопасного поведения водителей в условиях дорожно-транспортной среды. Действительно, программы подготовки водителей, реализуемые в автошколах, не в полной мере затрагивают вопросы безопасности, а отдельные курсы, например, «Психофизиологические основы деятельности водителя», не способствуют формированию психологической готовности будущих водителей о рисках дорожно-транспортной среды [1; 2; 4].

Обращаясь к зарубежному опыту обучения водителей и формированию у них соответствующих компетенций, необходимых для управления транспортным средством, можно в качестве основания для разработки обучающих программ выделить модель, которая получила название GDE-Matrix (Goals for Driver Education – «Цели образования водителей» [5]. Эта модель обучения вождению была разработана инструкторами и преподавателями основ безопасности дорожного движения еще в 2002 г.

Методологической основой для модели GDE стал проект EU GADGET [2; 3]. В Модели, реализованной в матрице GDE, представлена иерархия целей, которые ставятся перед водителем в процессе обучения вождению. Такой подход объединяет мотивационные аспекты поведения с конкретными операциями по управлению транспортным средством. Например, навыки маневрирования и управления автомобилем являются, конечно же, залогом успеха при вождении и должны быть хорошо изучены и освоены, но эти навыки сами по себе должны вырабатываться «под контролем» ведущих мотивов, целей вождения и жизненных целей личности [5].

Краткая характеристика матрицы GDE:

1) *Жизненные цели и навыки.* К данному уровню относятся мотивы и цели человека в широком смысле, а также личные навыки управления различными жизненными ситуациями в целом [5].

2) *Цели и контекст вождения.* На этом уровне важнейшую роль играют задачи вождения (например, задачи навигации, выбор маршрута, рассмотрение конкретных условий вождения). Действительно, качественное планирование поездки (расчет времени в пути, выбор самого простого маршрута или самого подходящего времени для поездки) может облегчить вождение и снизить психологическую нагрузку, в то время как недостаточное планирование может повысить риски при вождении. Именно поэтому

логично, что подобного рода навыки и планирования, и принятия решений обязательно должны быть включены в обучение водителей [5].

3) *Овладение оценкой дорожной ситуации.* Так, знание Правил дорожного движения и их правильное применение всегда остается центральным компонентом обучения водителей. При этом необходимо учитывать, что водитель должен не только воспринимать и прогнозировать поведение других участников дорожного движения, но и адаптировать свое поведение к меняющимся условиям дорожно-транспортной среды, делая свое поведение предсказуемым для других [5].

4) *Управление транспортным средством.* Обучение маневрированию транспортным средством сегодня представляет собой серьезную проблему для водителей различного стажа и опыта вождения. При всех трудностях в обучении вождению необходимо учитывать, что базовые навыки управления и маневрирования транспортным средством положительно влияют на возможности водителя сделать процесс вождения более безопасным [5].

Таким образом, выстраивая процесс обучения водителей с опорой на представления в GDE-Matrix, необходимо учитывать, а, возможно, и пересматривать существующие программы и методические материалы [1; 4], используемые сегодня в автошколах РФ с учетом накопленного опыта стран с высоким уровнем автомобилизации населения и используемых в системе моделей обучения водителей.

Литература

1. *Ершов С.В., Кочетова Т.В., Погодина А.В., Харченко М.А.* Возможности и перспективы модификации курса «Психофизиологические основы деятельности водителя» в системе дополнительного образования [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 2. С. 72–88. doi:10.17759/psyedu.2021130205.
2. *Зайцева Е.И.* Зарубежные модели эффективности обучения водителей безопасному вождению [Электронный ресурс]. URL: <https://psyjournals.ru/orgpsy2019/issue/Zaitseva.shtml> (дата обращения: 22.10.2021).
3. *Зубова Я.В.* Сравнительный анализ различных подходов к обучению вождению [Электронный ресурс]. URL:

https://psyjournals.ru/files/120445/socpsy_qtp_2021.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

4. *Кочетова Т.В.* Traffic Psychology в системе подготовки преподавателей автошкол и водителей автотранспортных средств: программа дополнительного профессионального образования // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 1. С. 93–102.
5. *Hatakka M., Keskinen E., Gregersen N.P., Glad A., Hernetkoski K.* From control of the vehicle to personal self-control, broadening the perspectives to driver education // Transportation Research, Part F. 2002. Vol. 5. № 3. 3. 201–215. DOI:10.1016/S1369-8478(02)00018-9.

Эмоциональный интеллект в цифровой образовательной среде: различия в проявлениях у педагогов и обучающихся

Матвеева А.И., Воробьева И.В., Кружкова О.В.
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет», Екатеринбург, Россия
lyonchik_7777@list.ru, lorisha@mail.ru, galiat1@yandex.ru

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
Министерства просвещения по теме «Исследование эмоционального
интеллекта субъектов образовательной среды в условиях
цифровизации».*

Феномен «эмоционального интеллекта» появился в психологической терминологии чуть более 30 лет назад, и сегодня его значимость для успешного развития личности и деятельности доказана многократно [4; 1]. Сам термин был введен в работе Дж. Майера и П. Саловея в 1990 г. как способность человека идентифицировать и контролировать свои собственные чувства и чувства других людей, а также использовать эту информацию для управления своим мышлением [7].

Одним из самых обсуждаемых в научном сообществе вопросов при рассмотрении эмоционального интеллекта является его взаимосвязь с социальной успешностью и эффективностью человеческой деятельности, в частности, с педагогической, а также успехами и достижениями обучающихся [1]. Деятельность педагога высоко

стрессогенна и требует большого количества социальных компетенций для достижения главной цели – идентификации и контроля собственных эмоций, а также управления собственными эмоциональными состояниями для эффективного построения образовательного процесса и любого профессионального взаимодействия [6; 8]. Аналогичное значение имеет эмоциональный интеллект и для другого субъекта образования – обучающихся. Обучающиеся с высоким уровнем эмоционального интеллекта успешнее справляются со стрессом, тревогами и высокими образовательными нагрузками [5; 2].

На основании вышесказанного становится очевидна значимость изучения эмоционального интеллекта субъектов образовательной среды, а также поиск методов и способов его развития для успешного построения образовательного процесса. Отметим, что важность эмоционального интеллекта и его индивидуального развития у отдельного субъекта была продемонстрирована в кризисной ситуации пандемии и введения ограничений на реальные социальные контакты. Общение, ранее осуществляемое свободно, стало опосредованным, и, как следствие, – дефицитным. Появилась потребность в новых способах выражения, распознавания и управления эмоциями с учетом их передачи через тексты сообщений в мессенджерах, звуковую и видеосвязь, которая коснулась не только неформального межличностного общения, но и осуществления трудовых функций, ситуаций взаимодействия, обучения, воспитания, консультирования, коллективного творчества и др. [3].

Для того чтобы иметь полное представление об эмоциональном интеллекте в условиях цифровизации, необходимо учитывать специфику его проявлений при дистанционном общении. Отсутствие реального непосредственного контакта между обучающимся и педагогом сформировало объективные трудности как в трансляции эмоций, так и в их распознавании. Технические возможности выстраивания процесса коммуникации в цифровой среде позволяют каждому субъекту самостоятельно выбирать степень полноты информации и ее характер для собственной репрезентации в коммуникации – от максимально закрытой до наиболее близко имитирующей живое общение. Наряду с этим, выбор взаимодействия с использованием открытых форм не лишает субъекта возможности перевода коммуникации в иной формат, что может быть осуществлено в любой момент по желанию субъекта и без учета мнения его собеседников. Это существенно затрудняет верификацию и

идентификацию эмоционального состояния собеседника. Данные факты снижают оперативность и конгруэнтность ответной реакции собеседника и, как следствие, затрудняют процесс совместной деятельности.

В масштабном исследовании Уральского государственного педагогического университета приняли участие 1059 педагогов и 1004 обучающихся из 7 субъектов Российской Федерации, осуществляющие свою учебную и профессиональную деятельность в образовательных организациях общего образования (школы), среднего специального (колледжи) и высшего профессионального образования (вузы). Наряду со стандартизированными методиками для изучения проявлений эмоционального интеллекта в цифровой среде, респондентам была предложена авторская анкета, представленная в виде Google-формы, содержащая 32 вопроса, объединенных в 4 блока – информация о респонденте, демонстрация эмоций, распознавание эмоций, а также 2 кейс-задания. Для обработки полученных результатов применялись методы математико-статистического анализа, а также контент-анализ.

Результаты показали, что для выражения эмоциональной реакции в ситуации письменной коммуникации с обучающимися педагоги наиболее часто используют знаки препинания и их сочетания, а также опции форматирования текста. В офлайн цифровом взаимодействии педагоги используют специальные графические символы (смайлы), выражающие эмоции, однако делают это реже по сравнению с текстовыми инструментами. При аналогичных условиях обучающиеся чаще используют знаки препинания и их сочетания, а в большей мере – смайлы и стикеры.

В ситуации онлайн-взаимодействия и педагоги и обучающиеся предпочитают выражать эмоции с помощью интонаций, управляя громкостью своего голоса и паузами в речи либо письменно в чате. При этом педагоги считают, что транслируют собственное эмоциональное состояние для обучающихся, а обучающиеся, в свою очередь, не считают необходимым активно выражать свои эмоции для педагогов и делают это преимущественно с друзьями и близкими.

Также было обнаружено, что педагоги и обучающиеся по-разному интерпретируют одни и те же цифровые средства выражения эмоций. Данный факт был выявлен путем анализа ответов педагогов и обучающихся на вопрос о смысле смайлов (эмодзи) для смартфонов.

Выявленные в ходе исследования особенности эмоционального интеллекта и его смежных феноменов, закономерности выражения

эмоций у обучающихся и педагогов в условиях дистанционного взаимодействия в цифровой образовательной среде отражают ряд дефицитов. Педагоги, трансформируя содержание и методы своей профессиональной деятельности, практически не используют специфичные для цифровой среды средства выражения эмоций, предпочитая сохранять привычные им и используемые в реальном общении инструменты. Тогда как обучающиеся активно осваивают цифровые средства и используют в разной степени практически весь возможный арсенал.

Обнаруженные дефициты, с одной стороны, актуализируют необходимость их более глубокого и детального изучения для формирования комплексных научных представлений о проявлении эмоционального интеллекта субъектов образования в ситуации дистанционного взаимодействия. С другой стороны, ставят задачу по поиску и внедрению инструментов, обеспечивающих овладение компетенциями, необходимыми для эффективного взаимодействия в цифровой образовательной среде.

Литература

1. *Гордиенко В.Н., Солодкова Т.И.* Эмоциональный интеллект педагогов: теория, эксперимент и практика. Саратов: Вузовское образование, 2017. 178 с.
2. *Котомина О.В.* Исследование взаимосвязи эмоционального интеллекта и академической успеваемости студентов университета // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 10. С. 91-105. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-10-91-105.
3. *Панов В.И., Патраков Э.В.* Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: «Университетская книга». 2020. 199 с.
4. *Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Киселева Т.С.* Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности и психологическом благополучии человека. Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 1. С. 46–53.
5. *Petersen V.C.* The relationship between emotional intelligence and middle school students with learning disabilities / ProQuest LLC,

- Psy. D. Dissertation. Hackensack: Fairleigh Dickinson University. 2010. 78 p.
6. *Puertas Molero P., Ubago Jiménez J.L., Arrebola R.M., Padiel Ruz R., Martínez Martínez A., González Valero G.* Emotional intelligence in training and teaching labor performance // *Revista Española de Orientación y Psicopedagogía*. 2018. Vol.29., No.2. P. 128-142. DOI: 10.5944/reop.vol.29.num.2.2018.23157.
 7. *Salovey P., Mayer D.* Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol 9, No 3. P. 185-211. DOI: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG.
 8. *Zysberg L., Orenshtein C., Gimmon E., Robinson R.* Emotional Intelligence, Personality, Stress, and Burnout Among Educators // *International Journal of Stress Management*. 2017. Vol. 24. P. 122-136. DOI: 10.1037/str0000028.

К вопросу о формировании интернет-зависимости у младших школьников

Маринова Т.Ю., Шаталова И.И.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Шевченко Е.В.
АНО ВО РосНОУ, Москва, Россия
ii_shatalova@mail.ru, m-nata@yandex.ru

С развитием интернет-технологий кардинально изменился уклад жизни современного человека. Человечество открыло для себя виртуальный мир, общение переключалось в социальные сети, форумы и чаты; поменялся формат общения и предоставления услуг, появился доступ к огромному объему информации. Не обошли эти изменения психической составляющей жизни и социальной роли человека в обществе. Появилось много новых возможностей, а с ними и новые проблемы, такие, например, как интернет-зависимость.

Впервые ввел понятие интернет-зависимости Айвен Голдберг, психиатр из Нью-Йорка, который в 1995 году опубликовал на сайте rusom.net один из первых диагностических тестов на расстройства, связанные с интернетом. Сотни людей узнали о диагностическом тесте, вошли в систему и диагностировали себя как интернет-наркоманов [8]. Сам Голдберг рассматривал данную зависимость как

психическую и отмечал, что она оказывает пагубное влияние на все сферы деятельности человека [4].

Что является источником притягательности интернета? Человек любознателен, а доступ к разноплановой информации может удовлетворить эту потребность: неотрывное наблюдение за новостями, поиск интересующей информации. Интернет предоставил доступ к разнообразному контенту, фильмам, музыке. Удовлетворяется потребность в социальных коммуникациях: возможность выразить свое мнение, примерить на себя разные социальные роли и образы [3]. Анонимность и невозможность проверки информации являются факторами, провоцирующим развитие зависимости [6].

Интернет вошел во все сферы деятельности человека. Быстрее всего адаптируются к новшествам дети, они же и наиболее уязвимы к формированию интернет-зависимости. Чем младше, тем уязвимее в силу несформированности функции самоконтроля, критического мышления, неспособности остановиться, если есть интерес.

Накоплена статистика о том, что интернет-зависимость приводит к ряду серьезных проблем со здоровьем, особенно у детей в период активного роста. От долгих зафиксированных поз портится осанка, появляются сколиозы, развиваются сердечно-сосудистые патологии. От непрерывного просмотра контента портится зрение [2].

Интернет-зависимость у детей развивается быстрее, чем у взрослых, и отмечается более, чем у 15% детей младшего школьного возраста [6]. Растет количество всевозможных мессенджеров, добавляется функционал, который делает виртуальное общение еще более комфортным и затягивающим. Борьба за интерес пользователей, улучшение компьютерной графики, концептуальной привлекательности игр – все это усугубляет неспособность оторваться от экрана у несформированной личности.

Д. Гринфилд отмечал у интернет-зависимых людей проявление эскейпизма, то есть бегства в «виртуальный мир» сочетающегося с низкой самооценкой, склонностью к тревожности и депрессии, недовольных своей работой, учебой или социальным окружением [9].

Уход от реальности в виртуальное пространство демонстрирует попытку компенсировать психологические проблемы, с которыми школьники сталкиваются в реальном мире. Таким образом интернет превращается в инструмент ухода от психических и социальных проблем. Появляются психические и мыслительные расстройства.

В России проблемами киберпсихологии занимаются А.Е. Войскунский и О.В. Лоскутова [1; 4]. А.Е. Жичкиной принадлежит описание шкалы интернет-зависимости, Е.П. Белинская рассмотрела социальные причины интернет-зависимости [5].

Младший подростковый возраст характеризуется потребностью в уважении, эмоциональной лабильностью, застенчивостью и наличием социальных страхов [6]. Именно эти особенности личности, недостаток внимания со стороны окружающих и неудовлетворенность реальностью приводит их в интернет [7].

Виртуальная интернет-среда может предоставить таким детям мир, в котором они могут воплощать свои мечты, быть героями, освободиться от социальных страхов [4]. Процесс социализации у них сопровождается эмоциональной напряженностью, поиском своего места в группе, также трудностей добавляют активный рост, изменения в психических процессах, различные конфликты. Виртуальный мир предлагает легкий уход от проблем и напряженности [5].

Психолог и эксперт по расстройствам интернет-зависимости Кимберли Янг, профессор психологии, основатель Центра интернет-зависимости, разработала тест (1996), которой и поныне пользуется популярностью для определения наличия интернет-зависимости и стадии ее запущенности [8].

Интернет-зависимость – это настоящая болезнь XXI века, которая имеет определенные психологические причины. Самыми уязвимыми в силу своих возрастных характеристик являются дети младшего школьного возраста.

Детская интернет-зависимость действительно представляет опасность, так как способна значительно изменить в отрицательную сторону всю дальнейшую жизнь ребенка. Поиск методов противостояния интернет-зависимости в детском возрасте, вовлеченность в решение проблемы школьных психологов, учителей, формирование самоконтроля, саногенного мышления личности является весьма актуальным [7].

Литература

1. *Войскунский А.Е.* Концепции зависимости и присутствия применительно к поведению в Интернете // Медицинская психология в России. 2015. №4 (33).

2. *Зарецкая О.В., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю.* Интернет-зависимость как патология социального взаимодействия // Социальная психология в образовательном пространстве. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. с.120-122.
3. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* О научном наследии М.Ю. Кондратьева // Социальная психология и общество, 2016. том 7. №1. с. 9-22.
4. *Лоскутова В.А.* Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 2004.
5. *Маслова Ю.В.* Позитивные и негативные аспекты использования компьютерных технологий у детей и подростков // Образовательные технологии и общество. 2013. Том 16. № 4.
6. *Рерке В.И., Портная Я.А.* Интернет-зависимость младших подростков: изучение и организация профилактики // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2021. № 2.
7. *Феоктистова С.В.* Влияние саногенного мышления личности на результативность деятельности // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2018. № 2.
8. *Янг К.С.* Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2.
9. *Grinfeld M.D.* Loneliness and internet use // Computers and Human Behavior. 2003. No.19.

Социально-психологические аспекты формирования предпринимательских компетенций студентов

Махмутова Е.Н., Воронина Р.Н.

МГИМО МИД России, Москва, Россия

e.makhmutova@inno.mgimo.ru, raisalitiv@mail.ru

Востребованность современного студента на рынке труда, инициирование его активного участия в развитии региона и страны, результативность предстоящей деятельности не только в бизнес-среде, но и в других профессиональных сферах могут быть подготовлены путем формирования предпринимательских компетенций в вузе [3].

Отечественными и зарубежными исследователями показана связь предпринимательских компетенций как с совокупностью социально-психологических особенностей личности [1], так и с отдельными социально-психологическими основаниями деятельности, например, этическими ориентациями студентов при принятии решений [6]. Предпринимательские способности обучающихся «как интегральная характеристика личности» на рубеже «школа-вуз» рассматриваются также как «личностный ресурс..., направленный на созидание и рефлексию продуктов собственной деятельности, позволяющий реализовывать социально значимые и экономически выгодные проекты» [5, с. 36].

В различных исследованиях предпринимательских предпочтений студентов выделяются социально-психологические аспекты, связанные с психологией отношений в предпринимательской среде. «Психологические отношения, характеризующиеся одновременно сочетанием стабильности и изменчивости, являются ключевой составляющей социальной психологии личности и группы» [2, с. 11]. В этой связи особую теоретическую и внедренческую перспективу для формирования предпринимательских компетенций студентов приобретает психология отношений межличностной значимости: «несмотря на отчетливую полисферность жизнедеятельности современного студента, характер его взаимоотношений с сокурсниками и педагогами является для него высокореферентным» [4, с. 180].

В качестве площадки для проектирования предпринимательской образовательной среды с учетом социально-психологических аспектов рассматривается Севастопольский госуниверситет, который внедряет новую образовательную модель, предполагающую возможность выбора студентами всех специальностей предпринимательского трека. Комплекс организационно-педагогических средств образовательной среды вуза для развития предпринимательских компетенций включает решение следующих задач.

Во-первых, *сформировать представление о целесообразности выбора и возможностях предпринимательского трека* (1 курс, 1 семестр). Для решения этой задачи предполагается конструирование социально-психологических отношений с наставниками-студентами, кураторами-преподавателями, тьюторами-преподавателями через открытые лекции, мастер-классы по предпринимательству, микропроекты.

Во-вторых, *сформировать понимание сути и особенностей предпринимательства, предпринимательского мышления; определить личный портфель желаемых предпринимательских компетенций* (1 курс, 2 семестр). Взаимодействие с тьюторами и бизнес-консультантами осуществляется на бизнес-чтениях, в кейс-клубах, на встречах с предпринимателями и руководителями организаций и функциональных подразделений по обсуждению разработки проектов.

В-третьих, *сформировать предпринимательское мышление, освоить новые предпринимательские компетенции* (2 курс, 3 семестр). Студенты, совместно с наставниками, осуществляют проектную деятельность, проводят деловые игры с привлечением молодых и опытных предпринимателей, разрабатывают коммерческие и некоммерческие проекты.

В-четвертых, *сформировать пул идей для коммерческих и некоммерческих проектов; определить направление интересов предпринимательской деятельности* (2 курс, 4 семестр). При поддержке наставников студенты участвуют в профессиональном конкурсе «WorldSkills» по компетенции «Предпринимательство», в сетевых программах по обучению предпринимательству и разработке бизнес-проектов, грантовых конкурсах.

В-пятых, *получить опыт практической деятельности в командах по разработке предпринимательских проектов* (3 курс, 5, 6 семестры). Студенты взаимодействуют с преподавателями и сокурсниками в элективных курсах по социальному, технологическому или педагогическому предпринимательству, на чемпионате по стратегии и управлению бизнесом Global Management Challenge и др.

В-шестых, *разработать бизнес-план личного/командного предпринимательского проекта* (4 курс, 7 семестр). Предпринимательская практика студентов с оценением сформированных и недостающих предпринимательских компетенций и определением пути их обеспечения.

В-седьмых, *запустить личный/командный предпринимательский проект* (4 курс, 8 семестр). Студенты работают в стартап-студии, проходят преддипломную практику, готовят выпускную квалификационную работу в формате «стартап как диплом».

Таким образом, представленный комплекс организационно-педагогических средств с учетом социально-психологических аспектов может способствовать развитию предпринимательских

компетенций студентов параллельно профессиональной подготовке по основной специальности.

Литература

1. *Дмитриева В.А.* Жизненный путь молодого предпринимателя как проекция социально-психологических особенностей личности // *Человеческий капитал*. 2021. № 6(150). DOI 10.25629/НС.2021.06.15. EDN GUTRWT.
2. *Журавлев А.Л., Позняков В.П.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М., 2012.
3. *Иванова Н.Л., Штроо В.А., Махмутова Е.Н., Торнгейт У.* Психология бизнеса: расширение сферы применения в образовании, исследованиях, практической деятельности // *Организационная психология*. 2022. Т. 12. № 1.
4. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М., 2006.
5. *Малинин В.А.* Теория и практика формирования предпринимательских способностей обучающихся в условиях интеграции школы и вуза. Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2021.
6. *Malavé J., Santalla-Banderali Z., González R.A.* Business education and students' ethical orientations in a Latin American business school // *Journal of Education for Business*, 2021. V. 96 N 8. DOI: 10.1080/08832323.2021.1874254.

Перфекционизм в контексте мотивации труда

Мельничук А.С.

РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

Конькова Н.В.

Кадровый холдинг «АНКОР»

melnichook@rambler.ru

Важным фактором мотивации труда сотрудников являются их личностные особенности. К их числу, несомненно, следует отнести и перфекционизм. В культуре многих организаций значимое место занимает ориентация на достижение максимально высоких целей и

284

безупречное выполнение обязанностей, а сотрудники, стремясь сделать карьеру или сохранить положение, предъявляют к себе сверхвысокие требования. При этом работ, посвященных соотношению перфекционизма и трудовой мотивации, крайне мало.

Это стало основой исследования, в котором приняли участие 93 респондента (31 мужчина и 62 женщины, 18 руководителей и 75 специалистов, медиана возраста – 30 лет). Для оценки мотивации применялся опросник, разработанный А.С. Мельничуком. Он предполагал ранжирование 20 завершений высказывания «Выполнять свою работу меня побуждает возможность...» (на каждый из 10 рангов следовало выбрать 2 сходных по значимости формулировки). Стремление к совершенству оценивалось с помощью «Многопрофильной шкалы перфекционизма» в адаптации И.И. Грачевой.

Общий уровень перфекционизма прямо коррелировал со значимостью таких побуждений к работе, как возможность добиваться лично значимых профессиональных результатов ($r=0,233$; $p=0,025$), ощущать осмысленность жизни ($r=0,290$; $p=0,005$), оказывать значимое влияние на других людей ($r=0,208$; $p=0,045$). Связь перфекционизма и мотивации достижения вытекает из «пересечения» содержания этих явлений, а стремление к совершенству способно стать фактором, придающим смысл активности. Если сотрудник склонен предъявлять высокие требования окружающим, то логичным будет его стремление получить полномочия для воздействия на коллег. При высокой мотивации власти одним из способов давления на окружающих может стать требование к ним «быть совершенными». Также интегральный перфекционизм обратно связан с мотивом «Быть вместе с близкими по духу и интересными людьми» ($r=-0,221$; $p=0,033$). Вероятно, концентрация на достижении идеала в работе уменьшает значимость общения с коллегами (как отвлекающего от более важной задачи).

Направленный на себя перфекционизм коррелировал с мотивацией достижения и смысла жизни. Во-вторых, он был обратно связан с мотивирующей значимостью самостоятельной постановки профессиональных целей и задач ($r=-0,388$; $p=0,0001$) и выбора путей их решения ($r=-0,216$; $p=0,038$). Проявление самостоятельности может субъективно восприниматься перфекционистом как несущее потенциальную угрозу ошибки и недостижения совершенства (что является неприемлемым).

В-третьих, ориентированный на себя перфекционизм прямо связан с таким мотивом труда, как «Возможность быть причастным к достижению своей организацией успеха» ($r=0,260$; $p=0,012$). Содействие в получении значимого общего результата может выступать в качестве рационализации стремления к безупречности и затраты для этого времени и сил. Это достаточно важно в субъективном плане, поскольку сама по себе перфекционистская интенция часто оценивается (в том числе коллегами) как ненужная или даже бессмысленная. Не исключена и обратная направленность связи, когда выраженная вовлеченность в дела организации становится отправной точкой для развития перфекционистских стремлений.

В-четвертых, стремление к совершенству прямо связано с мотивацией обеспечения стабильности жизни и уверенности в будущем ($r=0,238$; $p=0,022$), т.е. максимально качественное выполнение профессиональных задач становится основой уверенности в сохранении положения в организации (у безупречного работника меньше шансов быть уволенным).

Направленный на себя перфекционизм имеет обратную связь со значимостью двух противоположных мотивов – возможностью трудиться с минимальной затратой сил ($r=-0,245$; $p=0,018$) и реализовать свой профессиональный потенциал ($r=-0,242$; $p=0,019$). Понижение перфекционизма у людей с мотивацией «экономии усилий» логично в силу ресурсоемкости стремления к совершенству. Падение же мотивирующей значимости самореализации, вероятно, обусловлено страхом неудачи (успешность самореализации является вероятностной, а для перфекциониста важен её идеальный вариант).

Выраженность ориентированного на других перфекционизма обратно коррелирует с побуждениями «приобрести значимые профессиональные знания, умения и опыт, развить личностные качества» ($r=-0,303$; $p=0,003$) и «заниматься интересным делом» ($r=-0,248$; $p=0,017$). Основанием склонности указывать окружающим на их несовершенство может выступать восприятие себя как компетентного специалиста (даже носителя «эталона»). Поэтому повышение профессионального уровня не рассматривается как актуальное, а мотивирующее воздействие саморазвития падает. В то же время вовлеченный в любимое дело работник будет сконцентрирован именно на нем, а качество деятельности коллег и побуждение их «быть совершеннее» оказываются менее значимыми. Возможна и обратная по направленности интерпретация –

выраженное стремление заставить коллег делать все идеально не позволяет перфекционисту получить удовольствие от работы (при этом значимым фактором может стать ориентация перфекциониста именно на результат, а не на процесс интересной деятельности).

Интересно, что социально предписанный перфекционизм оказался обратно связанным с мотивационной значимостью обеспечения материального благополучия ($r=-0,213$; $p=0,041$) При восприятии требований к своей деятельности как чрезмерных человек перестает верить в возможность им соответствовать. Это способно блокировать стремление продуктивно работать ради материального вознаграждения (привязанного к определенным «стандартам» поведения), т.к. его получение в данной ситуации становится субъективно маловероятным (что в целом соответствует «теории ожидания» В. Врума).

Представленные в статье результаты дают основание говорить о том, что уровень перфекционизма следует рассматривать в качестве фактора, способного влиять на характер мотивации труда и который следует принимать во внимание при работе с персоналом.

К вопросу о связи социальной креативности, моральной идентичности и толерантности

*Мешкова Н.В., Жаринова Ю.И., Муковнина Д.Д.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nmeshkova@yandex.ru, zharik178@gmail.com,
dashamukovnina0501@gmail.com*

Интерес к изучению социальной креативности в организационной психологии связан с оптимизацией межличностного взаимодействия на рабочем месте. В зависимости от легитимности/не легитимности (валентности) задачи и способов ее решения, социальную креативность можно классифицировать на просоциальную, антисоциальную и негативную. Особенно актуальна проблема реализации социальной креативности в девиантном поведении. В этом направлении изучаются психологические параметры, способствующие не только реализации креативного мышления в поведении, но и порождению идей, наносящих намеренный или ненамеренный вред другим людям [3]. В рамках интеракционистского подхода креативное

поведение является продуктом взаимодействия личностных характеристик, когнитивных стилей, намерений и ситуационных переменных – контекста и типа задачи [4]. Исследования показывают обратную связь порождения негативных идей с добросовестностью и прямую связь с психопатией и воображением [4].

Идея о важном вкладе моральной идентичности в антисоциальную креативность высказывалась зарубежными авторам давно [5], однако эмпирические исследования по этой теме только начались. Было показано, что креативные работники ведут себя на рабочем месте девиантно в том случае, когда их моральная идентичность низкая и не занимает центральное место в представлениях работников о себе [6]. На текущий момент не выяснено, как связана моральная идентичность с продуцированием негативных креативных идей, наносящих вред.

Еще одним направлением исследования предикторов негативных креативных решений может стать толерантность. Основанием для такого вывода являются результаты исследований, показавших что в число предикторов антисоциальной креативности входит враждебность [2]. Учитывая, что враждебность вносит большой вклад в межгрупповую предубежденность, понимаемую как негативное отношение по признаку членства в какой-либо группе [1], представляется важным исследовать связь креативности и толерантности как антипода предубежденности.

В нашем исследовании приняли участие 96 человек (из них 56 – студенты-первокурсники вуза и 40 старших школьников). Отметим, что исследование проходило в два этапа: на первом этапе проводился опрос студентов в конце января-начала февраля 2022 года, на втором этапе проводился опрос старшеклассников в конце марта-начале апреля 2022 г.). Этот факт важен, т.к. в исследование включается важная составляющая – контекст. Контекст создает начавшаяся в марте и затрагивающая второй этап исследования ситуация со спец. операцией, осуществляемая на Украине.

Использовались следующие методики и опросники: моральной идентичности, экспресс-опросник «Индекс толерантности» и задания в виде социальных ситуаций из реальной жизни, в которых респондентам предлагалось дать как можно больше оригинальных решений для просоциальной ситуации, ситуации лжи и ситуации мести. Фокус нашего внимания был сосредоточен на количестве и оригинальности негативных ответов. Оригинальность в ситуации мести положительно значимо коррелирует с показателем негативных ответов в данном задании ($p < 0,05$).

Мы предположили, что толерантность и моральная идентичность положительно связаны с просоциальной креативностью и отрицательно – с креативностью в ситуациях лжи и мести.

Согласно результатам, среди решений просоциальной ситуации были выделены негативные решения, а в ситуациях с негативной коннотацией – просоциальные решения. Группировка выборки по переменной «Негативные решения в ситуации мести» выявила различия групп: показатель этнической толерантности и индекса толерантности значимо выше по критерию Манна-Уитни в группе, предложившей просоциальное решение в ситуации мести, по сравнению с группой респондентов, предложивших различные способы мести.

В общей выборке были выявлены значимо отрицательные корреляции индекса толерантности и показателя негативных ответов в ситуации мести, и, что оказалось неожиданным для нас, значимые положительные корреляции моральной идентичности и показателя негативных ответов в просоциальной ситуации ($p < 0,01$). Более того, совершенно неожиданным оказался результат в выборке школьников, участвовавших во втором этапе исследования: были выявлены значимо отрицательные корреляции моральной идентичности с социальной толерантностью, толерантностью как личностной чертой и индексом толерантности ($p < 0,05$). В подвыборке студентов, участвовавших в первом этапе, таких корреляций не было, более того, моральная идентичность в данной подвыборке значимо положительно коррелировала с беглостью в ситуации лжи и негативными ответами в просоциальной ситуации ($p < 0,05$).

Полученные результаты частично подтвердили выдвинутую гипотезу и поставили ряд новых вопросов, в частности, о влиянии контекста на связь толерантности и моральной идентичности.

Литература

1. Мешкова Н.В. Исследование личностных и ситуативных особенностей межгрупповой предубежденности // Социальная психология и общество. 2012. Том 3. № 1. С. 73–87.
2. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018. Том 23. № 6. С. 25–40. doi:10.17759/pse.2018230603.

3. *Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.* Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 86–107. doi:10.17759/psylaw.2020100307.
4. *Kapoor H., Khan A.* Creativity in Context: Presses and Task Effects in Negative Creativity // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. Advance online publication. 2018. June 7.
5. *Runco M.A.* Creative morality: Intentional and unconventional // *Creativity Research Journal*. 1993. 6(1–2), 17–28.
6. *Zheng X. [et al.]*. Will Creative Employees Always Make Trouble? Investigating the Roles of Moral Identity and Moral Disengagement // *J. Bus. Ethics*. 2019. Vol. 157. P. 653–672.

Формирование мета-компетентности специалистов по обучению и развитию персонала посредством проведения тренинга

Миллер Э.А., Литвинова Е.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

eka16miller@gmail.com, elen.litvinova@ya.ru

Потребность в постоянном повышении компетентности и овладении актуальными навыками, связанная с быстро изменяющейся информационной и технологической средой, стимулирует не только научный интерес к теории непрерывного образования, но и ставит задачу практической ее реализации. Формирование и развитие кадрового потенциала компаний в современных реалиях связано с высоким спросом на непрерывное образовательное сопровождение и повышение уровня знаний, умений и навыков. Однако проблема отсутствия стандартизированного подхода к развитию мета-компетентности как способности формировать у себя новые навыки и компетенции, а не только управлять полученными в результате образования знаниями, на сегодняшний день остается недостаточно освещенной [1; 2; 4].

К основным характеристикам мета-компетентности, рассматриваемыми отечественными и зарубежными исследователями, можно отнести [3; 5]:

- способность анализировать собственные мыслительные стратегии и управлять собственной познавательной деятельностью (Д. Флейвел);

- способность управлять своим интеллектуальным развитием и рефлексивными механизмами (С. Панченко);
- мета-когнитивные стратегии, к которым можно отнести планирование, постановку целей и мониторинг (Д. Рубин и А.Томпсон);
- надстройку, облегчающую приобретение и развитие навыков (Ф. Деламер и Д. Винтертон);
- способность оценивать образовательную ситуацию и выстраивать продуктивную профессионально-образовательную траекторию (Т.В. Фурьева, О.В. Гудкова).

Поскольку целью исследования являлись разработка и апробирование тренинговой программы, способствующей развитию различных аспектов мета-компетентности специалистов по обучению и развитию персонала, был проведен теоретический анализ понятия мета-компетентности. Кроме того, была проанализирована и собственная практическая деятельность, направленная на их формирование. Вследствие этого нами были выделен и обоснован ряд необходимых для специалистов по обучению и развитию персонала мотивационно-целевых, когнитивных и рефлексивных аспектов мета-компетентности, на формирование и развитие которых и была направлена разработанная программа тренинга.

Базу формирующего эксперимента составил 41 респондент, куда вошли специалисты по обучению и развитию, тренинг-менеджеры, методологи корпоративных образовательных программ. Средний возраст респондентов составил 26 лет, в исследовании приняли участие 17 мужчин и 24 женщины. Сбор данных проводился в период с октября по декабрь 2021 года.

Для диагностики и анализа результативности разработанной тренинговой программы использовался следующий диагностический инструментарий.

1. Опросник имплицитных теорий и целей обучения (Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов, разработан на основе трёх опросников К. Двек).

2. Опросник академической мотивации (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев и Е.Н. Осин, разработан на основе Шкалы академической мотивации Р. Валлеранда).

3. Методика самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности (Ю.В. Скворцова, М.М. Кашапов).

4. Методика «Интеллектуальная лабильность» (С.Н. Костромина).

5. Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (Д.А. Леонтьев, Е.М. Лаптев, Е.Н. Осин).

Статистический анализ результатов проводился с помощью количественного анализа с использованием статистических подсчетов в программе IBM SPSS statistics-23, использованы непараметрические Т-критерий Вилкоксона и U-критерий Манна – Уитни.

Анализ и интерпретация результатов проведенного исследования выявили следующее.

1. *Мотивационно-целевой аспект.* Различия до и после тренинга были выявлены у участников экспериментальной и контрольной групп по шкале «Принятие целей обучения» ($U=116$; $p\leq 0,05$) и «Самооценка обучения» ($U=85,5$; $p\leq 0,001$), что свидетельствует об общем увеличении уровня ориентированности на процесс изучения и освоения мастерства, а также повышении оценки вкладываемых участниками усилий в достижение цели. Различия между экспериментальной и контрольной группами после тренинга обнаружены по шкале «Мотивация достижения» ($U=129,5$; $p\leq 0,05$). Это позволяет, в частности, сделать вывод о нарастающем стремлении экспериментальной группы добиваться максимально высоких результатов в исследуемой области.

2. *Когнитивный аспект.* Обнаружены статистически значимые различия в сторону улучшения у экспериментальной группы по шкале «Концентрация» и «Приобретение информации» ($p\leq 0,05$), что свидетельствует об увеличении уровня управления собственным вниманием и концентрировании на задании, а также уровня приобретения, переработки и сохранения получаемых знаний. По шкале «Выбор главных идей» различия до и после тренинга характеризуются как значимые ($p\leq 0,001$), что свидетельствует об усвоении навыка определения информации, важной для дальнейшего изучения и способности отделить важное от второстепенного. В целом, различия между экспериментальной и контрольной группами обнаружены по всем шкалам данной методики с явной положительной динамикой у участников тренинга. Это доказывает необходимость практической отработки для успешного формирования навыка. Применение традиционного лекционного формата при формировании мета-когнитивной компетентности значительно менее эффективно.

3. *Рефлексивный аспект.* Результаты участников экспериментальной группы после тренинга по шкале «Системная рефлексия», связанной с самодистанцированием и охватом одновременно полюса субъекта и объекта в процессе рефлексии опыта, возросли ($p\leq 0,05$). В контрольной группе показатель остался без изменения. На наш взгляд, формирование навыка рефлексии может быть связано с реализуемыми в ходе тренинга процессами получения и предоставления обратной связи.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что формирование практических умений, моделирование реальных ситуаций при помощи упражнений, предоставление и получение обратной связи, а также активный групповой характер работы в тренинге позволил участникам экспериментальной группы преуспеть в развитии определенных аспектов мета-компетентности участников, прошедших программу в традиционном лекционном формате. Таким образом, опираясь на показатели, полученные в результате применения методик, можно сделать вывод об эффективности тренинговой программы в целях развития мотивационно-целевого, когнитивного и рефлексивного аспектов мета-компетентности специалистов по обучению и развитию персонала.

Литература

1. *Малахова В.Р., Чернявская В.С.* Развитие мета-компетенций у студентов: кросс-технологии // Сборник научных трудов «SWORLD» по материалам международной научно-практической конференции. 2012. Т. 11, № 2. С. 75-79.
2. *Осинов М.В.* Сущность и структура метакомпетентности субъекта образовательной деятельности // Современное педагогическое образование. 2019. №10. С 12-14.
3. *Осинов М.В., Шершнева В.А.* Обобщенная характеристика диагностик метакомпетентности // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 52-64.
4. *Сорокоумова Г.В.* Психологический тренинг как эффективный метод развития навыков, необходимых в XXI веке // Гуманизация образования. 2018. №3.
5. *Delamare F., Winterton J.* What Is Competence? // Human Resource Development International No. 1, 27 – 46, March 2005.

Взаимосвязь межкультурной компетентности и особенностей межкультурного контакта в профессиональной среде

Моисеенко К.И., Хухлаев О.Е.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kseniam.work@gmail.com, huhlaevoe@mgppu.ru

В условиях современной реальности стало как никогда очевидно позитивное влияние глобализации на экономику стран, включенных в этот процесс, и губительность разрыва международных экономических связей для всех сторон. И если трудности, с которыми

люди сталкиваются в процессе межличностного общения с представителями других культур, скажутся только на качестве этих отношений, то в деловой среде существует риск потери прибыли, клиентов и др.

Именно поэтому остро встает вопрос о межкультурной компетентности сотрудников и ее повышении. В наиболее общем понимании межкультурная компетентность представляет собой обладание определенными культурными знаниями и навыками, позволяющими эффективно общаться с представителями другой культуры [5].

Межкультурный контакт можно определить как общение, происходящее между людьми разных национальных культур [4]. Изучая вопросы предрассудков, Г. Олпорт, предложил гипотезу контакта [2], которая гласила, что предрассудки могут быть снижены путем личного контакта между представителями разных групп. Исходя из данной теории, нас интересует взаимосвязь контакта с межкультурной компетентностью, принимая во внимание, что некоторые ее конструкты имеют природу межкультурных установок, как и предрассудки.

Таким образом, гипотеза нашего исследования заключается в предположении о том, что у сотрудников с большей частотой и позитивным качеством межкультурных контактов межкультурная компетентность будет выше и более выражена по сравнению с межкультурной компетентностью сотрудников, реже взаимодействующих с представителями других культур или же сталкивающихся с негативным качеством межкультурных контактов.

Для доказательства сформулированной гипотезы было проведено эмпирическое исследование, участниками которого стали 100 сотрудников различных организаций от 18 до 64 лет.

Уровень межкультурной компетентности респондентов измерялся с помощью методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» О.Е. Хухлаева, В.В. Гриценко, А.В. Макаручук и др. [1], которая была включена в опросник в полном объеме. Для оценки особенностей межкультурного контакта, представленных *частотой* и *качеством* контакта, в опрос были включены два вопроса из исследования Sousa, Gonçalves, & Santos [4], измеряющие частоту контакта и два вопроса из исследования Meleady, Seger & Vermue [3], измеряющие качество контакта (позитивность или негативность). Все вопросы блока о межкультурном контакте были переведены с английского языка методом двойного перевода.

Авторская анкета содержала вопросы о возрасте, половой принадлежности респондентов, а также о знании иностранных языков и стаже работы в компаниях.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью методов описательной статистики, коэффициента альфа Кронбаха, U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок и рангового коэффициента корреляции Спирмена.

Для удобства анализа данных итоговая выборка была разделена на три группы по частоте межкультурного контакта на рабочем месте: частый контакт – группа 1, умеренный контакт – группа 2 и редкий контакт (или его отсутствие) – группа 3.

По результатам оценок средних величин у группы 1 были наиболее высокие показатели по всем шкалам межкультурной компетентности. Респонденты из группы 3 продемонстрировали некоторую склонность переоценивать свои навыки управления межкультурным взаимодействием ввиду недостатка опыта подобного общения. Однако межкультурный интерес среди членов группы 3 при этом был незначительно выше, чем у респондентов из группы 2, что может объясняться наличием определенного опыта межкультурной коммуникации у второй группы и высокой частотой личных контактов (4,2). Большой опыт межкультурного общения позволяет им более трезво оценивать себя и регулирует межкультурный интерес, поскольку они не испытывают недостатка в подобном общении. Также группа 3 отличалась наименьшим уровнем межкультурной стабильности и наибольшим уровнем этноцентризма среди всех групп респондентов.

Результаты по шкалам межкультурной компетентности показали достаточную надежность при проверке методом альфа Кронбаха (ни один результат не был ниже 0,6).

При помощи U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия между шкалами «межкультурный интерес» и «управление межкультурным взаимодействием» между группой 1 и группой 2. На основании полученных результатов мы можем выдвинуть предположение о вероятном существовании некоего «плато», возникающего при умеренном количестве межкультурных контактов, с увеличением частоты которых появятся новые позитивные межкультурные установки, интерес и навыки межкультурного взаимодействия. Данное утверждение является предположением и возможным вектором дальнейшего изучения обнаруженной особенности.

Проведенный корреляционный анализ выявил ряд положительных взаимосвязей. Прежде всего, были выявлены статистически значимые связи между шкалой «межкультурный интерес» и частотой личных контактов, а также позитивными контактами. Первая взаимосвязь является прямым подтверждением вышеупомянутой гипотезы контакта Олпорта, а позитивное качество контакта, в свою очередь, повышает мотивацию и интерес к дальнейшим взаимодействиям. Нами было обнаружено, что позитивные контакты повышают устойчивость человека в стрессовых ситуациях межкультурного общения (межкультурная стабильность), а вследствие негативных контактов повышается уровень этноцентризма. Также была установлена взаимосвязь между частотой рабочих межкультурных контактов и их негативным качеством. Мы предполагаем, что рабочий контекст может все же не давать возможности налаживать более глубокие связи, поскольку не предусматривает открытого дружеского диалога и уточнения вопросов культурных различий. По мере увеличения частоты контактов также неуклонно будет расти количество негативных контактов, потому что недопонимания остаются невыясненными, и человек с большей вероятностью охарактеризует контакт как негативный.

В целом можно отметить частичное подтверждение нашей гипотезы, поскольку имеется корреляционная взаимосвязь валентности контакта с межкультурными установками. Однако и с увеличением частоты контакта наблюдалась тенденция к повышению межкультурной компетентности.

Литература

1. Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Макаrchук А.В., Павлова О.С., Каченко Н.В., Усубян Ш.А., Шорохова В.А. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. №. 1. С. 71-91.
2. Allport G.W., Clark K., Pettigrew T. The nature of prejudice. 1954.
3. Meleady R., Seger C.R., Vermue M. Evidence of a dynamic association between intergroup contact and intercultural competence // Group Processes & Intergroup Relations. 2021. Т. 24. №. 8. С. 1427-1447.

4. *Sousa C., Gonçalves G., & Santos, J. (2019). Intercultural contact as a predictor of cultural intelligence. Universitas Psychologica, 18(2), 1-12.*
5. *Whaley A.L. & Davis K.E. (2007). Cultural Competence and Evidence-Based Practice in Mental Health Services: A Complementary Perspective. American Psychologist, 62, 563-574.*

Связь самоофективности со стилями реагирования на успех и неудачу

*Мурзабек кызы М., Василенко В.С.
ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
mary.ilyasova.03@mail.ru, vvasil5664@gmail.com*

Как известно из множества исследований, люди по-разному способны реагировать на результаты своих действий, которые могут влиять на другие свойства личности. Одним из таких свойств является самоофективность.

Альберт Бандура становится ключевой фигурой в изучении классической теории самоофективности, предложив концепцию в 1970-х годах. Понятие самоофективности заключается в том, насколько компетентным чувствует себя человек, выполняя ту или иную деятельность; это вера индивида в свою способность справиться с определенными задачами, ведущими к цели [1; 4; 5]. Согласно исследованиям ученого, существуют 4 источника самоофективности: 1) опыт собственных успехов и неудач; 2) наблюдения за чужими достижениями (косвенный опыт); 3) вербальные убеждения; 4) воспринимаемое эмоциональное состояние или эмоциональный подъем [5].

Существует множество работ, отразивших вклад дополнительных факторов в развитие самоофективности. Большое влияние на самоофективность оказывает собственный опыт успехов и неудач в попытке достичь желаемых результатов. Этот успех служит лучшим средством терапии недостаточной самоофективности. Самоофективность растёт также, когда люди наблюдают, как другие успешно справляются с решением различных задач [2]. Соответственно, возникает вопрос: есть ли связь между степенью самоофективности и стилями реагирования на успешные и

неудачные события, ориентируясь на представления классических теорий?

Можно предположить, что людям с высоким показателем самооффективности свойственно добиваться успеха за счет оптимистической оценки будущих действий. В зависимости от успешного или неудачного исхода событий ученые исследовали различные реакции людей на результаты собственной деятельности. Одними из самых известных работ являются исследования М. Селигмана, который выделил несколько стилей реагирования на успех и неудачу [2]. Во-первых, это стиль атрибуции результатов деятельности. М. Селигман рассматривает успешные или безуспешные действия человека, в том числе не зависящие от личных целей и прилагаемых усилий по достижению конкретного результата [2]. Автор в основном обращается к ситуации, которая возникает после серии различных неудач, или же к жизненным ситуациям, аккумулирующих в себе различные успехи или неудачи, таким образом, рассматривая либо обобщающую атрибуцию ситуаций одного типа, либо уже устоявшийся стиль атрибуции [2]. Во-вторых, были выделены оптимистический и пессимистический стиль реагирования/атрибуции. Главной чертой пессимистов является их вера в долговременность, всеобъемлемость неудач, а также в абсолютную собственную вину во всем. Оптимисты относятся к своим неудачам противоположным образом: для них неудачи временны, они не отразятся на остальной жизни, а сами они в них не виновны. Также их отношение к успеху обратно отношению к неудачам. Пессимисты считают успех случайностью, а не наградой за свои старания, для них он краткосрочен и не повлияет на остальную жизнь. Оптимисты уверены в заслуженности своего успеха, его долговременности и благоприятном влиянии на жизнь. Следовательно, в основе оптимизма-пессимизма лежат атрибутивные стили, содержащие три параметра атрибуции (стабильность, локализация, глобальность) [1; 2].

А.Бандура также упоминал оптимистические и пессимистические феномены в своих работах. Он предполагает, что, считающие себя неспособными в достижении успеха склонны к представлению неудачного сценария и сосредотачиваются на пессимистичном исходе событий. Напротив, люди, верящие в свою способность решить проблему, вероятно, будут настойчивы в достижении целей, несмотря на препятствия, и не будут склонны поддаваться самокритике [4; 5]. Бандура считает, что люди, обладающие сознанием высокой

самоэффективности, представляют себе удачный сценарий, обеспечивающий позитивные ориентиры для выстраивания поведения, репетируют успешные решения потенциальных проблем [2].

Итак, исходя из анализа классических работ, можно заметить связь степени самоэффективности и стилей реагирования. Например, атрибуция результата и оптимистический стиль реагирования (представление успешного сценария) характерны для людей с высокой степенью самоэффективности, и наоборот [1; 3; 4; 5]. То есть, людям с высоким показателем самоэффективности свойственно добиваться успеха за счет оптимистической оценки будущих действий. Таким образом, анализ классических работ А. Бандуры и М. Селигмана подтверждает выдвинутую гипотезу и сподвигает на дальнейшее изучение проявлений стилей реагирования в оценке самоэффективности отдельных групп в обществе, например, школьников, студентов, предпринимателей, руководителей, и др.

Литература

1. *Гордеева Т.* Психология мотивации достижения. Litres, 2020.
2. *Погорелов А.А.* Самоэффективность как предиктор эффективного и безопасного поведения личности // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2012. Т. 129. №. 4. С. 140-145.
3. *Селигман М.* Как научиться оптимизму // М.: Вече. 1997. Т. 426.
4. *Bandura A.* Self-efficacy mechanism in human agency // American psychologist. 1982. Т. 37. №. 2. С. 122.
5. *Bandura A.* Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological review. 1977. Т. 84. №. 2. С. 191.

Влияние эмоционального интеллекта на развитие синдрома выгорания

*Нажимидин А.И., Аймаганбетова А.Х.
КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
nazhimidin99@mail.ru, alnara25@mail.ru*

Современная ситуация такова, что в мире все больше внимания уделяется именно человеческому ресурсу в развитии экономики.

Сегодня профессионал, в силу больших нагрузок и высоких требований организации, испытывает сильный стресс, что может привести к синдрому выгорания на рабочем месте. В связи с этим тема сохранения профессионального и личностного здоровья у работников становится все более актуальной. Многие исследователи отмечают, что понижение уровня выгорания необходимо для поддержания эмоционального и физического здоровья работников, а также для повышения продуктивности его работы [2; 4; 5; 8; 10]. Американские психологи Дж. Мейер, Д. Карузо и П. Сэловей [1] сформулировали положение о том, что эмоциональный интеллект может быть рассмотрен как значимый личностный ресурс, развитие которого способно обеспечить оптимальное функционирование личности, а также снижение риска проявления различных форм социальной дезадаптации. Описанное положение подтверждается данными других исследований. Дж. Лёвенштейн и Дж.С. Лернер [9], анализируя работу специалистов в организации, также пришли к выводу о том, что сотрудники с высоким уровнем эмоционального интеллекта (ЭИ) проявляют большую адаптивность и гибкость на рабочем месте, что позволяет им разумнее использовать свои эмоциональные ресурсы и получить социальную поддержку во взаимодействии с другими людьми. В работе К.С. Вонг и К.С. Ло [13] по данной теме указано, что работники с высоким коэффициентом эмоционального интеллекта способны достичь желаемого путем усиления/ослабления и продления/сокращения протекающих эмоциональных переживаний, что влияет на уменьшение чувства выгорания сотрудников в организации. В других исследованиях было продемонстрировано, что ЭИ относится к числу важных факторов личного успеха и производительности всей организации в целом. Данный факт связан с тем, что эффективная саморегуляция эмоций помогает работникам продлевать «положительный аффект» [6] и сдерживать «отрицательный» [3]. Согласно данным, полученным в исследованиях М. Сингх и С. Вуде [11], лица с высокими показателями эмоционального интеллекта меньше подвержены стрессу в профессиональной деятельности, в большей степени удовлетворены и лояльны к своей работе. Рассматривая исследования, связанные с темой эмоционального интеллекта и синдрома выгорания, мы выявили, что профессиональное и эмоциональное выгорание было в большей степени изучено у представителей бюджетной отрасли экономики (учителей, работников медицинской сферы и правоохранительных органов [7; 12]). Однако стрессу и, в

дальнейшем, выгоранию на рабочем месте подвержены и люди других сфер экономики, в том числе и банковские работники. Описанная категория населения сейчас является одной из наиболее подверженных синдрому выгорания, связанного с высоким уровнем ответственности служащих банка, взаимодействием с клиентами, частыми изменениями и т.д.

В связи с этим целью нашей работы является изучение взаимосвязи особенностей эмоционального интеллекта и синдрома выгорания у менеджеров среднего звена. В рамках нашего исследования мы предполагаем, что существует взаимосвязь как между общими показателями синдрома выгорания и уровнем эмоционального интеллекта, так и между отдельными компонентами ЭИ и частными показателями синдрома выгорания; кроме того, отдельные характеристики эмоционального интеллекта могут выступать как превентивные факторы и предикторы проявления синдрома выгорания у менеджеров среднего звена в банковской сфере.

Методы исследования: «ЭМИн» Д.В. Люсина, «Диагностика профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой), «Эмоциональное выгорание» (В.В. Бойко), оценка диагностики эмоционального интеллекта МЭИ (М.А. Манойлова).

В качестве испытуемых в исследовании приняли участие 20 сотрудников банка Al-Hilal, являющихся менеджерами среднего звена различных департаментов, к которым относятся Управляющий, Операционный, Финансовый, Риск-Менеджмент, IT, HR и другие. Из 20 опрошенных 12 женщин и 8 мужчин, чей возрастной диапазон варьируется от 27 до 42 лет. У большинства исследуемых офисный тип работы (14 человек), у меньшего числа (5 человек) – смешанный, у 1 человека – полностью дистанционный.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

- На сегодняшний момент большинство менеджеров среднего звена имеют высокую степень подверженности состоянию выгорания, в основном за счёт высоких показателей субшкалы «Деперсонализации» (цинизма) и низких показателей субшкалы «Профессиональная успешность».
- Также в большинстве своём представители изученной выборки являются носителями средних показателей эмоционального интеллекта. Наиболее высокими оказались показатели субшкалы «Управление эмоциями» и «Межличностный ЭИ», что может свидетельствовать о развитой у менеджеров среднего звена

способности управлять чужими эмоциями и влиять на других людей эмоционально, однако без полного понимания эмоций, что может привести к неэффективности результатов.

Результаты расчётов установили, что коэффициент корреляции равен $-0,0216$ при критическом значении $0,43$ со значимостью $p=0,05$, что говорит о наличии очень слабой отрицательной связи между показателями выгорания и эмоционального интеллекта. Значит, есть вероятность того, что человек с более развитой эмоциональной грамотностью и эмоциональной компетентностью, а, следовательно, с высокими показателями эмоционального интеллекта меньше подвержен риску выгорания на работе и наоборот: человек, эмоционально неграмотный, больше подвержен риску выгорания.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о существовании взаимосвязи между показателями эмоционального интеллекта и показателями выгорания менеджеров среднего звена в банковской сфере оказалась подтвержденной. Также следует отметить, что все перечисленные выше предположения легли в основу дальнейшего исследования на эту тему с целью подтвердить или опровергнуть гипотезы, обнаруженные в течение этого исследования. Для достижения этой цели последующее исследование будет более глубоким и полным, в частности, будет включать в себя более широкий круг респондентов.

Литература

1. *Сергиенко Е.А.* Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEITv. 2.0. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2010. с.176.
2. *Bar-On R., Parker J.D.* The Handbook of Emotional Intelligence: Theory, Development, Assessment, and Application at Home, School, and in the Workplace. 1st Edn San Francisco, CA: Jossey-Bass. 2010.
3. *Cheung T., So K.* The Effect of Emotional Dissonance and Emotional Intelligence on Work-Family Interference // Canadian Journal of Behavioural Science. 2012. p.50-58.
4. *Dur'an A., Extremera N., Rey L.* Self-reported emotional intelligence, burnout and engagement among staff in services for people with intellectual disabilities // Psychol. Rep. 2004. p.386–390.
5. *Huang X., Chan S.C.H., Lam W., Nan. X.* The joint effect of leader-member exchange and emotional intelligence on burnout

- and work performance in call centers in China // *The International Journal of Human Resource Management*. 2010.
6. *Joseph D.L., Newman D.A.* Emotional intelligence: An integrative meta-analysis and cascading model // *Journal of Applied Psychology*. 2010. p. 54–78.
 7. *Kaur D., Sambasivan M., Kumar N.* Effect of spiritual intelligence, emotional intelligence, psychological ownership and burnout on caring behaviour of nurses: a cross-sectional study // *ClinNurs*. 2013.
 8. *Leiter M.P.* Coping patterns as predictors of burnout // *Journal of Organisational Behaviour*. 1991. p.123-144.
 9. *Loewenstein G., Lerner J.S.* The role of affect in decision making. // *Handb. Affect. Sci.* 2003. p.619.
 10. *Maslac, C.* Job burnout: New directions in research and intervention. *Current Directions // Psychological Science*. 2003. p.189-192.
 11. *Singh M., Woods S.A.* Predicting general well being from emotional intelligence and three broad personality traits // *Journal of Applied Social Psychology*. 2008. p. 635–646.
 12. *Swami M.K., Marthur D.M., Pushp B.K.* Emotional intelligence, perceived stress and burnout among resident doctors: An assessment of the relationship // *National Medical Journal of India*. 2013. p. 210-213.
 13. *Wong C.S., Law K S.* The effects of leader and follower emotional intelligence on performance and attitude: an exploratory study // *Leadersh Quarterly*. 2002. p. 243–274.

Научные обоснования наличия антагонистического симбиоза в диаде мать-ребенок

Назарова Л.Д.
Детский сад № 81, Орел, Россия
milanazar50@yahoo.com

Нарастание напряженности в обществе, увеличение числа социокультурных конфликтов самого разного масштаба восходит к проблеме нарушенных или некачественных коммуникаций. В основе любой коммуникации лежат субъект-субъектные взаимоотношения, особенно важные для ребенка дошкольного возраста [1, с. 20], т. е.

деятельность человека и его общение восходят к проблеме развития субъектности (Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, Л.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, и др.). Формирование субъектности (целостности, самооценки, автономности, креативности и пр.) в диаде «мать – ребенок» напрямую связано с состоянием матери (Е.Н. Пересиянцева, В.В. Халикова и др.), выступающей как образцом действия и социальных взаимодействий (И.Г. Песталоцци, Е.И. Исаев, Е.А. Сергиенко, А.С. Огнев, О.В. Суворова и др.), так и неявным антагонистом.

О естественнонаучных и психологических составляющих антагонистического симбиоза в диаде «мать – ребенок» не принято громко говорить, поскольку демографическая политика предполагает романтизацию материнства как такового. Социальные мифы о материнстве, как и семейные мифы, транслируемые матерью [3, с. 16], проецируются на неокрепшую психику девочек и могут лишить их выбора. Трезвое оценивание действительности постфактум, после родов влечет за собой стресс, дистресс, депрессию, негативное отношение к ребенку и к семье в целом, тотальное сожаление о материнстве (S. Fischer, C. Maier, J. Valenti, A. Waldman).

Термин «антагонистический симбиоз» взят автором из биологии; его синонимом является слово «паразитизм». Ошибочно полагать, что автор, утверждая, что в диаде «мать – ребенок» имеет место взаимный паразитизм, намерен развеивать социальные мифы о материнстве и/или родительстве как самоценном воспроизводстве себе подобных. Задача – показать, что ребенок и мать находятся в симбиозе, но симбиоз антагонистичен и неосознаваем обеими сторонами.

Обратимся к физиологическим, психологическим, философским и социальным обоснованиям данного явления.

1. *Физиологическое*: на уровне физиологии антагонистический симбиоз в диаде мать-ребенок доказан такими фактами как иммунологический конфликт матери с плодом и микрохимеризм. Изначально организм матери воспринимает плод как чужеродное вторжение и вырабатывает к нему антитела, пытаясь от него избавиться. При микрохимеризме происходит обмен клетками матери и плода, расселение клеток плода в органах матери. Они уже никогда не покидают ее организма и, как показали научные исследования, могут служить как во благо, так и во вред, провоцируя многие заболевания, включая рак [6, с. 1107]. Нетрудно предположить, что микрохимеризм есть природный неосознаваемый инструмент управления матерью – ее психикой, поведением, субъектностью. Он

обеспечивает уход за ребенком помимо ее желаний или планов. В организме ребенка клетки матери исчезают в процессе взросления. Напрашивается вывод, что оба физиологических сценария понуждают мать и ребенка на определенном этапе их взаимодействия бороться за свое существование, используя и подавляя другого, что характерно именно для антагонистического симбиоза.

2. *Психологическое*: мать и ребенок, пользуясь друг другом, оказываются в роли антагонистов. Женщина до родов имеет весьма слабое представление о том, что отныне ее жизнь ей принадлежать не будет, поэтому чаще всего у нее возникает глубинный протест против совершившегося факта. Наши исследования (опрос 216 матерей разного социального статуса) показали, насколько трагичным бывает восприятие реальности матерью на фоне новых часто непомерных забот и утраты собственной идентичности. Декларативно или неосознанно мать связывает свой психологический дискомфорт с появлением ребенка. Ребенок, со своей стороны, также использует мать, являющуюся гарантом его выживания, но вынужден – в силу ее слаборазвитой рефлексии и психолого-педагогической необразованности – действовать именно в режиме подавления [2, с. 21, с. 24]. Примем во внимание, что и детские страхи, и ощущение счастья напрямую зависят от матери [4, с. 236]. Ее угнетенное состояние – психосоциальные деформации – ухудшают качество развития ребенка и его последующую социализацию. Было доказано, что в основе девиантного и виктимного поведения лежат именно психосоциальные деформации семьи [5, с. 305].

3. *Философское*: экзистенциальный кризис родившей женщины, конфликт между ожиданием и действительностью, утрата привычной идентичности и личностные метания в обретении новой – все это связано с пунктами 1 и 2. Наше исследование показало, что 28,6% опрошенных после родов старались вести себя в соответствии с ожиданиями окружающих, но испытывали внутренний протест против происшедшего, то есть возникало амбивалентное отношение к жизни; 29,2% обозначили свое состояние как «ужас перед неизвестным»; 33,2% обвиняли себя в том, что желание воспитать хорошего и счастливого человека идет вразрез с требованиями социума; и только 9% спокойно относились к собственной некомпетентности и выражали уверенность, что у них получится адаптировать ребенка к окружающей действительности. Таким образом, явный и неявный симбиоз матери и ребенка приобретает черты антагонистического, поскольку мать причиной происходящего называет рождение ребенка.

4. *Социальное*: межпоколенная трансляция паттернов поведения от бабушки к матери, от матери к ребенку и далее по женской линии, с одной стороны, несет оттенок заботы. С другой стороны, она есть инструмент подавления активности ребенка, внедрение ограничений как полезных для его выживания, так и усложняющих его. Участницы нашего опроса (84,1%) показали, что от своей матери они постоянно слышали обвинения в некомпетентности, в желании избавиться от ребенка, а также испытывали подавление и жесткий инструктаж при взаимодействии с ребенком. Подавленное и/или растерянное состояние матери передавалось ребенку, и он эмоционально отзеркаливал происходящее в семье. В данной схеме, бабушка подавляла мать, мать – ребенка, а ребенок отвечал взаимностью или девиантным поведением, поскольку в его арсенале пока отсутствовали копинг-стратегии.

Суммируя сказанное, автор заключает, что взаимоотношения матери и ребенка можно рассматривать как антагонистический симбиоз. Проблема поворачивается серьезной стороной, поскольку данное явление напрямую влияет на развитие психических процессов, субъектности и последующей социализации ребенка. На основании расширенного и углубленного изучения описанного явления можно было бы разработать предложения по его частичному купированию посредством воспитания родителей. Вместе с этим ушла бы обширная совокупность проблем, затрагивающих личностный, внутрисемейный и социальный уровень.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М.* Психология отношений межличностной значимости. М.: ПЕР СЭ, 2006.
2. *Назарова Л.Д.* Диалоги с реальностью. Орел: Издательский дом «Орлик», 2021.
3. *Нестерова А.А.* Социально-психологические детерминанты семейных мифов. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004.
4. *Пермякова М.Е., Виндекер О.С.* Исследование взаимосвязи счастья дошкольников и их матерей // Перспективы Науки и Образования. 2019. 6 (42). С. 230-239.
5. *Реан А.А.* Семья: агрессия и виктимность несовершеннолетних. Вестник Московского университета МВД России. № 12, 2014. С. 304-308.

6. *Boddy A.M., Fortunato A., Sayres M.W. and Aktipis A. Fetal microchimerism and maternal health: A review and evolutionary analysis of cooperation and conflict beyond the womb. Bioessays 37: 1106-1118, 2015. The Authors. BioEssays Published by WILEY Periodicals, Inc.*

Механизм контроля эффекта социальной фасилитации в ситуациях пищевого поведения

Нащинцева А.В., Василенко В.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

nashinceva@gmail.com, vvasil5664@gmail.com

В работе изучаются поведенческие особенности в ситуациях, вызывающих социальную фасилитацию, т.е. усиление реакций в поведении в присутствии других людей [7]. Мы сравниваем теоретические основания двух подходов в понимании причин возникновения данного эффекта. Приверженцы теории Р. Зайенса [8] утверждают, что фасилитация возникает в результате общего возбуждения организма в социальной ситуации. Наряду с этой парадигмой, в литературе встречается подход, называющий личностные черты определяющим фактором появления данного эффекта [2; 4; 12]. Налицо противоречие: если фасилитация вызвана возбуждением, она управляется бессознательно, поэтому протекает стандартно в любой социальной ситуации индивида, в противовес этому – проявляясь под влиянием личностных черт, она может направляться индивидом сознательно, принимая в расчет особенности среды и изменяя свое поведение, согласуясь с ними [5; 9].

Из-за преобладания теоретических оснований, постулирующих проявление личностных черт в процессе социальной фасилитации, в качестве гипотезы мы выдвигаем предположение, что в одинаковых для каждого индивида условиях мы будем наблюдать меняющееся поведение под влиянием учета условий среды, что докажет наличие сознательного контроля у индивида над этим эффектом.

Согласно Р. Зайенсу, фасилитация, вызванная возбуждением, усиливает проявления простых или хорошо усвоенных реакций. Чтобы исключить возможное влияние дополнительных факторов, связанных с экспертностью, мы рассматриваем частные ситуации пищевого поведения. В дополнение, были проанализированы

исследования на разных возрастных группах.

Было выявлено влияние размера группы на пищевое поведение [6]. Дети в группах по 9 человек потребляли на 30% больше ккал, чем в группах по 3 человека. Выяснилось [11], что социальная фасилитация проявляется, если вместе с детьми трапезничали знакомые им люди, тогда они съедали примерно в 2 раза больше печенья, чем одни. Однако в присутствии незнакомцев печенья потреблялось даже меньше, чем в одиночку. В другом исследовании [3], несмотря на то, что приемы пищи с другими людьми независимо от времени суток были длиннее, объем еды, принимаемой в компании супругов или других членов семьи, указывал на наибольшую фасилитацию. Вдобавок, в окружении женщин, пищевое поведение мужчин было подвержено значительно большей фасилитации, чем в окружении других мужчин.

Обнаружилась зависимость отношений между субъектами и их пищевыми предпочтениями при реализации эффекта социальной фасилитации [1], где, обедая с друзьями, предпочтение десертов оказалось в три раза больше, чем с незнакомцами, независимо от количества человек в группе.

Исследуя индивидов [10] нормального по медицинским меркам веса, мы могли наблюдать фасилитацию, однако, наблюдая за индивидами с лишним весом, картина была обратная: они потребляли гораздо меньше калорий в присутствии других, чем в одиночной трапезе.

Таким образом, мы выявили неоднородность протекания социальной фасилитации в зависимости от условий окружения, что свидетельствует о возможности сознательного контроля данного эффекта. Полученные в исследовании результаты не совместимы с теорией Р. Зайенса об общей активации организма в ответ на присутствие других, но согласуются с теориями личностного подхода (различия в поведении людей с нормальным и избыточным весом могут быть объяснены через ожидание оценки [2] и повышение самосознания [12]; увеличение в предпочтении десертов в компании друзей тоже могут быть объяснены через ожидание оценки или в нашем случае ослабление этого ожидания [2]; различия в поведении в разном окружении (с разной степенью знакомства и количеством человек) согласуется с теорией об уровне комфорта, переживаемом в социальной ситуации [4]). Из этого следует, что множество переменных, имеющих для индивида персональное значение и

сознательно им оцениваемых, следует принимать во внимание при рассмотрении причин возникновения социальной фасилитации.

Литература

1. *Clendenen V.I., Herman C.P. & Polivy J.* Social facilitation of eating among friends and strangers // *Appetite*, 23, 1–13, 1994.
2. *Cottrell N.B.* Social facilitation // In C.G. McClintock (Ed.), *Experimental social psychology* (pp. 185–236). New York: Holt, 1972.
3. *de Castro J.M.* Family and friends produce greater social facilitation of food intake than other companions // *Physiology & Behavior*, 56, 445–455, 1994.
4. *Gee R.G.* Effects of anticipation of positive and negative outcomes on audience anxiety. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 45(4), 715–716, 1977.
5. *Herman C.P.* The social facilitation of eating or the facilitation of social eating? // *Journal of Eating Disorders*, 5, 16, 2017.
6. *Lumeng J.C., Hillman K.H.* Eating in larger groups increases food consumption // *Arch Dis Child*. 2007;92(5), 384.
7. *Myers D.G., Twenge J.M.* *Social Psychology*. Fourteenth Edition. 2022.
8. *Neider D.P., Fuse M., Suri G.* Cockroaches, performance, and an audience: Reexamining social facilitation 50 years later // *Journal of Experimental Social Psychology*, Volume 85, 2019.
9. *Ruddock H.K., Brunstrom J.M., Vartanian L.R., Higgs S.* A systematic review and meta-analysis of the social facilitation of eating // *The American Journal of Clinical Nutrition*, Volume 110, Issue 4, October 2019, p. 842.
10. *Salvy S.J., Coelho J.S., Kieffer E., Epstein L.H.* Effects of social contexts on overweight and normal-weight children's food intake // *Physiol Behav*. 2007; 92(5), 840.
11. *Salvy S.J., Vartanian L.R., Coelho J.S., Jarrin D., Pliner P.P.* The role of familiarity on modeling of eating and food consumption in children // *Appetite*. 2008;50 (2–3), 514.
12. *Sanna L.J.* Self-efficacy theory: Implications for social facilitation and social loafing // *Journal of Personality and Social Psychology*, 62(5), 774–786, 1992.

Исследования фаббинга в сфере образования

*Нестерова А.А., Феклисова А.А.
ФГБОУ ВО МГОУ, Москва, Россия
feklisovanastya@mail.ru*

Фаббинг представляет собой практику игнорирования партнера или партнеров по общению в пользу смартфона или другого гаджета. Данное явление оказывает существенное влияние на процесс межличностного взаимодействия в современном мире. Фаббинг связывают с причинами осложнения коммуникаций и межличностных отношений [2].

В рамках социально-психологических характеристик, фаббинг при межличностном взаимодействии, меняет коммуникационный процесс. Восприятие смартфона со стороны собеседника заведомо определяется в коммуникации как негативный пренебрежительный акт. А.К. Przybylski и N. Weinstein провели исследование, в котором коммуницировали пары оппонентов. Они выявили, что в той паре, где не было смартфона на столе, уровень эмпатии и доверия увеличивался между собеседниками, в отличие от пары, где смартфон присутствовал [4].

Актуальной сферой исследования фаббинга является сфера образования. Поскольку в основном использование смартфонов никак не регулируется в образовательных учреждениях, это приводит к регулярному использованию мобильных устройств обучающимися в ходе занятий с развлекательной, а не учебной целью. В связи с этим, можно сделать вывод, что фаббинг мешает взаимодействию преподавателя и студента. В данном случае студентов следует называть «фабберами». Использование смартфона не в учебных целях является помехой для слухового и зрительного канала, которые являются основными каналами для восприятия и усвоения полученной информации в ходе занятий [1].

Турецкие ученые Naciye Guliz Ugura и Tugba Koc провели исследование, направленное на выявление привычного поведения с использованием смартфонов на учебных занятиях и экзаменах. В исследовании приняли участие 349 студентов. Данное исследование было посвящено выявлению частоты использования смартфона студентами во время обучения, мнения студентов о влиянии смартфона на процесс их обучения и целей использования смартфонов на занятиях. Благодаря данному исследованию стало известно, что

смартфон используется студентами во время обучения в 78% случаев ради проверки времени и даты, а также для использования калькулятора в 54,5% случаев. Но эти факторы нецелесообразно считать фаббингом, так как они могут являться необходимыми условиями занятия. Касаясь использования социальных медиа, в 22% случаев студенты отвлекаются на Facebook, 41% отправляют смс-сообщения, 33% находятся в социальных сетях, а в 57% случаев проверяют WhatsApp. Данные категории уместнее считать проявлением фаббинга [1].

Также ученые исследовали причины использования фаббинга на учебных занятиях. К данным причинам относятся скука; отсутствие интереса к теме, представляемой на занятиях; степень важности поддержания взаимодействия с знакомыми посредством смартфона [1].

В одном из подходов к пониманию причин фаббинга в зарубежных исследованиях он определяется как результат проявления зависимого поведения. Зарубежные исследователи рассмотрели теоретическую модель, которая предполагает, что в основу фаббинга входят следующие показатели: регулярность включенности в смс-чаты, зависимость от социальных медиа, зависимость от телефона, игровая зависимость и интернет-зависимость. Также в основу фаббинга включены наличие смартфона и половая принадлежность [3].

Итак, благодаря эмпирической проверке исследования студентов вуза выявлено, что проявление фаббинга в большей мере определяет зависимость от смартфона, регулярность включенности в смс-чаты и зависимость от социальных медиа. В меньшей мере на проявление фаббинга влияют игровая и интернет-зависимости. Касаясь половой принадлежности, исследование показало, что фаббинг проявляется у девушек по причине увлеченности социальными сетями и чатами, у молодых людей фаббинг проявляется от игровой и интернет-зависимости.

Исследование в Турции показало, что в образовательной среде студенты вузов в 70% случаев владеют мобильным телефоном, 75% используют интернет больше двух часов в день, в 92% случаев студенты пользуются социальными сетями. В данном исследовании принимали участие 401 студент, из них 28% мужчин и 71% женщин. Средний возраст составил 22 года [3].

Итак, фаббинг в настоящее время является очень актуальным и часто встречающимся явлением в образовательной среде. К этому

явлению можно отнести ряд негативных последствий, которые он порождает:

- снижение сплоченности в группе;
- конфликтность в процессе межличностных коммуникаций;
- снижение удовлетворенности взаимоотношениями;
- социальную изоляцию;
- снижение качества усвоенной информации.

Именно по этим причинам фаббинг можно считать негативным социальным явлением, влияющим на качество обучения и контакты между участниками образовательного процесса. В перспективе эти вопросы следует рассматривать с точки зрения преодоления негативных последствий и влияний, а также более глубокого понимания причин распространения.

Литература

1. Козулина Н.С., Карачев А.Ю., Ахмедзянова Е.В. Фаббинг – неблагоприятный фактор в формировании компетенций у студентов вузов // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. №10 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fabbing-neblagopriyatnyy-faktor-v-formirovanii-kompetentsiy-u-studentov-vuzov> (дата обращения: 28.03.2022).
2. Нестерова А.А., Заигралина А.А. Объяснение поведения фаббинга в современной социальной психологии / В сборнике: Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований. Материалы научно-практической конференции «XVI Левитовские чтения». Редколлегия: М.О. Резванцева и др., Москва, 2021. С. 587-591.
3. Karadağ E., Tosuntaş Ş.B., Erzen E., et al. Determinants of phubbing, which is the sum of many virtual addictions: A structural equation model // Journal of Behavioral Addictions. 2015. Vol. 4 (2). P. 60–74. doi:10.1556/2006.4.2015.005
4. Przybylski A.K., Weinstein N. Can you connect with me now? How the presence of mobile Communication technology influences face-to-face conversation quality // Journal of Social and Personal Relationships. 2012. No 30 (3). P. 237–246.

Сравнительное исследование учебной мотивации в разных группах старших подростков

Никитская М.Г.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Maria.nikitskaya@gmail.com

В соответствии с положениями культурно-исторической теории Л.С. Выготского и периодизации возрастного развития Д.Б. Эльконина для определения возрастных границ необходимо учитывать социальную ситуацию развития, ведущую деятельность ребенка и характерные для соответствующего возрастного периода психические новообразования [6]. У старших подростков ведущей является пришедшая на смену интимно-личностному общению учебно-профессиональная деятельность, а центральным новообразованием – ориентация на будущее [6].

Было проведено исследование, направленное на изучение различий в учебной мотивации у старших подростков, находящихся в разных образовательных организациях (школа и колледж), определенным образом характеризующих степень формирования центрального возрастного новообразования (профессиональное самоопределение, жизненный план) [3], так как у студентов колледжей мы предполагаем профессиональное самоопределение сформированным, в отличие от учеников старших классов школ, многие из которых еще не определились со своим профессиональным будущим.

С целью повышения репрезентативности выборки исследование проводилось среди студентов колледжей, обучающихся по разным направлениям специальности: обучающиеся по направлениям «дизайн» и «архитектура» поступили в колледж на базе 9 классов, имея высокую успеваемость в школе и сдав вступительное испытание, требовавшее сложной и продолжительной подготовки; обучающиеся по направлениям «повар» и «мастер автомобильного дела» поступили в колледж на базе 9 классов, имея низкую успеваемость в школе (проходной балл при поступлении на указанные направления является очень низким, что объясняет общий уровень школьной успеваемости у обучающихся по данным направлениям).

Исследование проводилось на базе средних общеобразовательных школ Московской области, а также колледжей Москвы и Московской области осенью 2021 года. Участниками исследования стали обучающиеся 10 и 11 классов школ и студенты 1 и 2 курсов

колледжей в возрасте от 16 – до 18 лет (N = 342), из них 140 юношей и 202 девушки.

На основании результатов, полученных по методике «Шкалы академической мотивации школьников» (ШАМ-Ш) [4] и методике «Индекс учебного интереса» (ИУИ) [5], был проведен анализ различий (критерий U-Манна-Уитни) между группами школьников и студентов колледжей и между группами юношей и девушек.

На основании данных, полученных по методике ШАМ-Ш, было обнаружено, что у студентов колледжей выше уровень мотивации достижения ($U=7891,5$; $p\leq 0,01$), мотивации саморазвития ($U=9070,0$; $p\leq 0,01$) и мотивации самоуважения ($U=8900,5$; $p\leq 0,01$), а у школьников выше уровень интроецированной мотивации ($U=9194,5$; $p\leq 0,01$), мотивации уважения родителями ($U=9574,0$; $p\leq 0,05$), экстернальной мотивации ($U=8963,5$; $p\leq 0,01$) и амотивации ($U=7040,5$; $p\leq 0,01$).

Согласно результатам сравнительного анализа данных, полученных по методике ИУИ, у студентов колледжей выше уровень положительного отношения к школе ($U=899,0$; $p\leq 0,01$) и общего индекса учебного интереса ($U=961,0$; $p\leq 0,01$), в то время как у школьников выше уровень временной и содержательной компетентности ($U=1048,0$; $p\leq 0,05$), актуальной прагматичности ($U=740,0$; $p\leq 0,01$) и обесценивания школы и учебы ($U= 848,0$; $p\leq 0,01$).

Результаты проведенного исследования демонстрируют существенно большую выраженность у студентов колледжей, в сравнении с обучающимися в школах, конструкторов учебной мотивации, способствующих вовлечению в учебную деятельность, интересу и желанию развиваться. Школьники же продемонстрировали более высокие показатели в отсутствии собственного желания учиться, интереса к учебе, при более высокой выраженности амотивации и обесценивания школы и учебы в сравнении с обучающимися в колледже.

Мы склонны объяснять полученный результат тем, что большинство студентов колледжей (несмотря на различия в направлениях подготовки и в уровне успеваемости) в той или иной мере определились с профессиональным будущим, возможно даже с жизненным планом, что позволяет говорить об отсутствии конфликта между центральным возрастным новообразованием и внешним миром [1; 2].

Девушки по сравнению с юношами показали более высокий уровень мотивации самоуважения по методике ШАМ-Ш ($U=11667,0$;

$p \leq 0,01$), в то время как юноши, по сравнению с девушками, проявили более высокий уровень амотивации ($U=11481,0$; $p \leq 0,01$) по методике ШАМ-Ш и актуальной прагматичности по методике ИУИ ($U=4367,0$; $p \leq 0,05$).

Полученные результаты вполне согласуются с имеющимися данными относительно гендерных различий в учебной мотивации и с данными о более высоких академических достижениях девушек, в сравнении с юношами [4].

Результаты исследования позволяют определить дальнейшие направления изучения учебной мотивации старших подростков. Такими направлениями могут быть: изучение специфики отношения к учебе в зависимости от сформированности профессионального самоопределения и образовательной организации (школа/колледж) в старшем подростковом возрасте; развитие представлений о профилях учебной мотивации для соответствующего пола.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400с.
2. *Божович Л.И., Морозова Н.Г., Славина Л.С.* Развитие мотивов учения у советских школьников // Вопросы психологии школьника. Известия АПН РСФСР, 1951. Вып. 36.
3. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.
4. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Том 35. № 4. С. 96–109.
5. *Толстых Н.Н., Федоров В.В., Харченко М.А., Погодина А.В., Бабанин П.А.* «Индекс учебного интереса»: тест-опросник для диагностики учебной мотивации подростков // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 5. С. 54–66. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260505>
6. *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 66-86.

Представление водителей о велосипедистах как «чужих» на дороге (на примере зарубежных исследований)

*Николаева Л.В., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Lunicom@mail.ru, elen-litvinova@ya.ru*

Среди участников дорожного трафика многих стран мира растет число велосипедистов. Одновременно наблюдается и рост количества ДТП с их участием, в том числе и в тех странах, где в целом аварийность падает. Исследуя эту проблему, ученые обращаются, в частности, к изучению представлений водителей автомобилей о велосипедистах, а также взаимосвязей этих представлений с поведением одной группы участников дорожного движения (УДД) по отношению к другой.

Подобные исследования представляют интерес и для российских ученых. Представления играют серьезную роль в регуляции поведения человека, настраивая его, в том числе, и на определенное восприятие других людей. Это актуально и в ситуации дорожного движения, когда возможности восприятия друг друга его участниками сильно ограничены, и поведение может в большей степени регулироваться представлениями и стереотипами, а не непосредственным опытом. В то же время представление – сложный для изучения психологический процесс, так как это «трудно поддающаяся фиксации «летучая» структура», в которой «очень мало устоявшегося эмпирического материала, а имеющиеся данные чрезвычайно фрагментарны и разрозненны» [1, с. 232].

Опыт зарубежных коллег показал, что эти задачи могут решаться с использованием различных диагностических инструментов. Целый спектр их (в том числе фокус-группы, интервью, рисуночные тесты, ассоциации и др.) был применен в исследовании группы ученых из Университета Глазго (Шотландия) [2]. Они выяснили, что в представлениях водителей автотранспортных средств другие УДД обычно выстраиваются в определенную иерархию. Велосипедистам в этой иерархии водители отвели низшее место, причем без подсказки они могли вообще не вспомнить про велосипедистов. Пешеходам и вовсе отказали в праве называться «настоящими» УДД.

Образы велосипедистов в представлениях водителей были в основном негативными: они характеризовались как уязвимые, безответственные, презираемые, опасные, неустойчивые,

непредсказуемые, высокомерные, неудобные. Среди положительных качеств были названы только здоровье и смелость.

Тенденция видеть в велосипедистах «чужую группу», которая не совсем легитимно присутствует в дорожном движении, оказалась очень сильной. Сами автомобилисты такое представление обосновывали тем, что велосипедисты не несут почти никаких финансовых обязательств за участие в дорожном движении, в отличие от владельцев транспортных средств и водителей. Они не платят дорожный налог, не покупают страховку, не расплачиваются штрафами за нарушение ПДД и т.п.

Исследователи других стран также выясняли, как часто велосипедистов воспринимают как «чужих» или, например, «отдельную субкультуру» [6]. Группа ученых университета Болоньи (Италия) проанализировала различные работы по проблемам участия велосипедистов в дорожном движении с точки зрения представления о них как «социального меньшинства», что может порождать дискриминацию со стороны водителей [4]. Сопоставляя эти данные с критериями отнесения социальных групп к меньшинствам, психологи попытались доказать, что соответствующие представления присутствуют и в дорожно-транспортной среде.

Результаты еще одного исследования, проведенного в 2019 году, опубликовали ученые из Австралии. Они выдвинули гипотезу о том, что в представлениях о велосипедистах присутствует дегуманизация в двух формах – «механистическая» (когда других людей не воспринимают как социальных партнеров) и «животная» (отношение как к варварам или неразумным детям). По их мнению, из такого представления может проистекать агрессивно-враждебное отношение водителей к велосипедистам [3]. На одном из этапов эксперимента одной группе его участников предложили отметить на картинке происхождения человека от обезьяны то место, которое, по их мнению, по уровню своего развития занимает среднестатистический велосипедист. Другая группа выбирала из рисунков, где человек происходил как бы от насекомых. В обеих группах около половины водителей, которые не ездили на велосипедах, посчитали велосипедистов «не совсем людьми», и это представление коррелировало у них с проявляемой ими агрессией по отношению к велосипедистам.

Интерес представляют и те работы, в которых исследователи пытаются понять, как представление о велосипедистах как о «чужих» может формироваться под влиянием их экипировки, прежде всего шлемов. В Великобритании была проведена серия экспериментов, на

основании которых был сделан вывод: велосипедисты, которых обязывают надеть шлем, «систематически маргинализируются в своей конкуренции за ограниченное общественное пространство с теми, кто решил использовать автомобили» [5].

Основные выводы некоторых из упомянутых исследований получили распространение в среде велосипедистов России, используются в дискуссиях. При этом нет данных о проведении аналогичных экспериментов на российской выборке.

Литература

1. *Маклаков А.Г.* Общая психология. Питер, 2008. 583 с.
2. *Basford L., Reid S., Lester T., Thomson J., Tolmie A.* Driver's Perceptions of cyclists // TRL Report TRL549, 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/235357554_Driver's_perceptions_of_cyclists.
3. *Delbosc A., Naznin F., Haslam N., Haworth N.* Dehumanization of cyclists predicts self-reported aggressive behaviour toward them: A pilot study // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2019. Vol.62. Pages 681-689. <https://doi.org/10.1016/j.trf.2019.03.005>.
4. *Prati G., Puchades V., Pietrantonio L.* Cyclists as a minority group? // Psychology and Behaviour. – Volume 47, May 2017. P.34-41. <http://dx.doi.org/10.1016/j.trf.2017.04.008>
5. *Walker I., Robinson D.L.* Bicycle helmet wearing is associated with closer overtaking by drivers: A response to Olivier and Walter, 2013. // Accident Analysis & Prevention, 2019. Vol.123. P.107-113. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2018.11.015>.
6. Wearing a helmet puts cyclists at risk. 2006, September, 13. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2006/09/060911102200.htm>

К вопросу о социальной тревожности у младших школьников

Новак Н.Г., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
novak-natalya@mail.ru

Период обучения в начальной школе является одним из ключевых этапов в процессе развития и социализации личности. Условия обучения и внедрение различных программ и проверочных работ

меняются достаточно быстро, и у ребенка не всегда есть возможность и время к ним адаптироваться. В результате интенсивных нагрузок на ребенка повышается уровень тревожности, проявляющийся в тех или иных ситуациях.

Над изучением и описанием социальной тревожности работало множество отечественных и зарубежных исследователей [2]. Понятие «социальная тревожность» применяется с целью описания состояния повышенного напряжения, субъективного ожидания опасности со стороны социума. Нормальный уровень социальной тревоги играет адаптивную роль в социализации ребенка младшего школьного возраста, однако высокий уровень может доставлять серьезный дискомфорт как ребенку, так и, в определенных случаях, его окружению. Даже легкие формы социальной тревожности – застенчивость, боязнь проявить себя, боязнь быть оцененным – будут по большей части провоцировать такие формы поведения в конфликте, как избегание или приспособление.

Интересную модель, названную «моделью самопрезентации», предложили Б.Р. Шленкер и М.Р. Лири [2]. Повышенный уровень социальной тревожности объясняется недостатком навыков поведения в социуме и низкой самооценкой. Согласно данной модели, для возникновения ощущения тревоги должны совпасть два условия: высокий уровень мотивации произвести нужное впечатление на социум и мысли о недостижимости этой цели. Но зачастую социальная тревожность выполняет не только дезадаптивную, но и полезную функцию адаптации. Р.Ф. Баумейстер и Д.М. Тайс доказали, что социальная тревожность является показателем заботы об отношениях с другими людьми [2].

Социальную тревожность школьников учителя часто воспринимают как ответственность, заинтересованность, и специально стараются нагнетать эмоциональную обстановку, повышая тревожность, потому что это видится ими как положительное качество, но в реальности у такого ученика возникает напряжение, и эффект от действий учителей прямо противоположный. С другой стороны, недисциплинированность также является средством тревожности, а негативное внимание закрепляет нежелательное поведение и ведет лишь к усилению потребности ребенка выплескивать тревогу [1]. Проявления социальной тревожности и ее закрепление у ребенка связывают с неудовлетворением его социальных потребностей. Если данное состояние у ребенка младшего школьного возраста носит перманентный характер, оно может перейти

в форму устойчивого личностного образования в более позднем возрасте.

В данной работе мы исследовали особенности социальной тревожности младших школьников в условиях различного социально-психологического климата в учебных группах. Социально-психологический климат связан с такими факторами, как организация совместной деятельности, ее характер, степень удовлетворенности выполняемой деятельностью, локальная микросреда, количественный состав группы, особенности социального статуса членов этой группы и т.д. [3]. Гипотезой исследования являлось предположение о том, что социальная тревожность в разной степени выражена в учебных группах с различным социально-психологическим климатом. В исследовании принимали участие 87 учащихся 4-х классов из ГБОУ школ города Москвы. Нами был определен следующий методический инструментарий: тест школьной тревожности Б. Филлипса; тест личной тревожности А.М. Прихожан; методика определения социально-психологического климата в ученическом коллективе (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева).

Статистический анализ показал, что существует значимая обратная взаимосвязь между социальной тревожностью и оценкой учащимися социально-психологического климата, т.е. чем лучше учащиеся оценивают социально-психологический климат, тем меньше у них выражены компоненты тревожности (при $p < 0,01$). В классе с благоприятным показателем социально-психологического климата наблюдается меньшая выраженность «страха не соответствовать ожиданиям окружающих», чем в классах с показателями климата ниже среднего. Во всех классах, вне зависимости от уровня социально-психологического климата, наблюдается одинаковый уровень страха самовыражения и переживания социального стресса.

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод о том, что при благоприятном социально-психологическом климате в учебных группах у младших школьников наблюдается низкий и средний уровень тревожности.

Литература

1. Микляева А.В. Школьная тревожность: диагностика, профилактика, коррекция / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. СПб.: Речь, 2006.

2. *Прихожан А.М.* Психология тревожности. Дошкольный и школьный возраст. М.: Питер, 2009.
3. *Расходчикова М.Н.* Взаимодействие субъектов образования и социально-психологический климат // Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 30-34.

Формирование ценности здоровьесбережения: технологии начальной школы

Носкова Л.А., Захарова И.В.

*ФГБОУ ВО УлГПУ имени И.Н.Ульянова, Ульяновск, Россия
nla1982@yandex.ru, inna73reg@yandex.ru*

Здоровый образ жизни (ЗОЖ) как индивидуальная стратегия жизнедеятельности человека по достижению состояния благополучия реализуется на основе ценностных социокультурных представлений о феномене «здоровье» [4, с. 106]. Формирование культуры здоровья – важный компонент здоровьесберегающей работы школы, требующий рациональной организации учебного процесса, физкультурно-оздоровительной работы, формирования здоровьесберегающей среды.

Отсутствие у младших школьников осознанного отношения к своему здоровью, непонимание ценности ЗОЖ обусловлены отсутствием у них опыта «нездоровья». Но активность познавательных интересов ребенка этого возраста позволяет в процессе освоения универсальных учебных действий формировать у него представления о рациональной организации режима дня, двигательной активности, научить осознанному выбору поведения, позволяющего сохранять здоровье. Процессы формирования знаний о здоровье и ценности ЗОЖ происходят параллельно.

Это подтверждает опыт МБОУ СОШ №66 г. Ульяновска, где с 2018 г. реализуется Программа формирования экологической культуры, здорового и безопасного образа жизни. Цель Программы – сохранение и укрепление физического, психологического, социального здоровья младших школьников как одной из ценностных составляющих, способствующих познавательному и эмоциональному развитию ребёнка.

В начальных классах реализуются дополнительные образовательные курсы, проводятся дни здоровья, праздники, конкурсы, «экологические тропы», работают клубы «Туристёнок» и «Юный спасатель». Традиционные акции «Белый цветок жизни», «Красный Крест глазами детей», «Нет вредным привычкам». Организована просветительская работа с родителями и методическая работа с педагогами по проблемам охраны и укрепления здоровья детей (лекции, консультации, семинары). В реализацию Программы вовлечены психологи, медицинские работники, педагоги медицинского колледжа.

Технологии учебной деятельности, используемые в рамках Программы:

- мини-проекты;
- исследовательская работа (во время прогулок, в музее);
- деятельность школьной газеты по проблемам здоровья и охраны природы;
- дискуссионный клуб;
- ролевые ситуационные игры.

Игровые, информационно-коммуникационные, тестовые образовательные технологии позволяют активизировать познавательную деятельность учащихся и интерес к вопросам ЗОЖ.

Технология здоровьеразвивающего обучения В.Ф. Базарного и А.Н. Стрельникова [1] позволяет отслеживать качество знаний обучающихся в течение учебного года.

Технологии внеурочной деятельности:

- проблемно-ценностное и досуговое общение;
- социально -творческая и общественно-полезная практика;
- библиотечные часы;
- спортивные соревнования;
- конкурсы творческих работ;
- прогулки и экскурсии;
- встречи с медицинскими работниками.

Система физкультурно-оздоровительной работы школы направлена на обеспечение рациональной организации двигательного режима обучающихся, нормального физического развития и двигательной подготовленности обучающихся, повышение адаптивных возможностей детей.

Результаты Программы оцениваются на основе мониторинга, в котором участвуют школьники и их родители, учителя, медицинский работник школы. Оцениваются общее состояние здоровья детей,

наличие хронических заболеваний и текущая заболеваемость (в том числе скрытая, когда ребенок не обращается к врачу), режим дня, бытовые условия, внешкольная занятость, психологическая ситуация жизни ребенка в школе и дома. Всего оценивались в 2018-2019 уч.г. – 73 школьника, в 2019-2020 – 85 чел., 2020-2021 – 79 чел.

Результаты реализации Программы за 2018-2021 гг.:

1) рост учебной мотивации учащихся начальных классов к дополнительным образовательным курсам (в разные годы от 38-40% низкой мотивации и 60-64% средней мотивации к соотношению 67% средней и 33% высокой мотивации);

2) сформированность у школьников представлений о здоровом питании, его режиме, структуре, полезных продуктах, о рациональной организации режима дня, учебы и отдыха, двигательной активности;

3) готовность детей к осознанному выбору поведения, позволяющего сохранять и укреплять здоровье, личный опыт самоограничения при решении ключевого противоречия этого возраста «хочу – нельзя» и его эмоционального переживания;

4) сформированность потребности безбоязненно обращаться к врачу по любым вопросам состояния здоровья, в том числе связанным с особенностями роста и развития.

Основным результатом Программы является развитие у школьников потребности быть здоровым, формирование научного понимания сущности ЗОЖ и навыков здоровой жизнедеятельности.

Считаем, что для эффективного формирования у учащихся ценности здоровьесбережения важна координация усилий всех субъектов регионального образовательного пространства, в котором реализуются общие педагогические, административные, идеологические принципы [2]. В Ульяновской области проблемы здоровья детей и ценности ЗОЖ решаются через комплекс социальных и образовательных программ [3], а школа играет значимую роль в политике народсбережения. Дети младшего школьного возраста наиболее восприимчивы к обучающим воздействиям, поэтому формирование культуры здоровья закладывается в начальной школе.

Литература

1. *Базарный В.Ф.* Здоровье и развитие ребенка: экспресс-контроль в школе и дома: Практическое пособие. М.: АРКТИ, 2005.

2. *Захарова И.В.* Административные аспекты инклюзии регионального образовательного пространства // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы: VI Межд. научно-практ. конф. / ред. С.В. Алёхина. М.: МГППУ, 2021. С. 72–75.
3. *Захарова И.В.* Социальная поддержка семьи – приоритет демографической политики Ульяновской области // Семья как фактор физического и социального здоровья населения: V Межд. научно-практ. конф. / ред. Р.Б. Шайхисламов. Уфа: БашГУ, 2018. С.212–218.
4. *Науменко Ю.В.* Проектирование здоровьесформирующего образования // Образование личности. 2012. № 3. С. 106-112.

Взаимосвязь сочувствия к себе и совладающего поведения у взрослых с ограниченными возможностями здоровья

Опекина Т.П.

*ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
grigorova.t90@mail.ru*

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-6263.2021.2

Стрессы и трудные жизненные ситуации, являющиеся неотъемлемой частью жизни, являются большим вызовом адаптационным силам человека. Особенно непростой данная задача встает перед людьми, имеющими инвалидность и связанные с ней ухудшения здоровья, необходимость медицинской и психологической помощи, в том числе, по формированию навыков активного совладания [1, с. 210]. Кроме того, совладающее поведение у лиц с ОВЗ считается значимым предиктором субъективного благополучия и качества жизни [3, с. 103]. Одним из феноменов, обладающих ресурсной функцией и имеющих взаимосвязь с проактивным копингом у лиц с ОВЗ, на наш взгляд, может, являться сочувствие к себе – способность доброго и не осуждающего отношения к себе в ситуации трудностей, понимания и исследования своих чувств, понимание их общечеловеческой природы [2, с. 37].

Цель нашего исследования: выявить компоненты сочувственного к себе отношения, наиболее сильно связанные с проактивными копинг-стратегиями у лиц с ОВЗ.

Выборка: 45 респондентов (35 женщин и 11 мужчин) 21-67 лет ($M=43,1$; $SD=17,8$), имеющих ограниченные возможности здоровья, связанные с соматическими заболеваниями. Методы и методики: опросник оценки копинг-стратегий COPE (Carver et al., 1989) в адаптации Т.О. Гордеевой и др. (2010); шкала сочувствия к себе К. Нефф (Neff K., 2003, в адаптации К.А. Чистопольской и др. (2020); дескриптивный анализ, сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) (STATISTICA 10).

Дескриптивный анализ показал, что наиболее часто респонденты используют стратегии «принятие» ($M=5,91$; $SD=1,72$), «планирование» ($M=5,63$; $SD=1,70$), «активное совладание» ($M=5,63$; $SD=1,69$). Такие стратегии, как «употребление психоактивных веществ» ($M=2,88$; $SD=1,56$), «избегание» ($M=3,53$; $SD=1,57$), «отрицание» ($M=3,46$; $SD=1,4$) получили наименьшие оценки.

Наиболее собственными нашим респондентам компонентами сочувствия к себе оказались «Внимательность» ($M=3,31$; $SD=0,87$), «Общность с человечеством» ($M=3,32$; $SD=1,81$), «Доброта к себе» ($M=3,10$; $SD=0,84$), что выше средних значений по методике. Так, средние значения по шкале «Доброта к себе» у нормотипичной выборки – $M=2,7$; $SD=0,81$; по шкале «Общность с человечеством» – $M=2,81$; $SD=0,78$ [2, с. 42].

Результаты корреляционного исследования показали, что шкалы сочувственного отношения к себе у лиц с ОВЗ связаны с их копинг-стратегиями.

Так шкала «Доброта к себе» связана со стратегиями «самоотвлечение» ($r=0,38$; $p\leq 0,00$), «юмор» ($r=0,34$; $p\leq 0,00$), «позитивная переоценка» ($r=0,46$; $p\leq 0,00$), «принятие» ($r=0,39$; $p\leq 0,00$), которые, на наш взгляд, скорее позволяют справляться с негативными последствиями переживаниями стресса, нежели проявлять активную созидательную позицию.

Шкала сочувствия к себе «самокритика», напротив, связана с «активным совладанием» ($r=0,37$; $p\leq 0,00$), а также с «самообвинением» ($r=0,54$; $p\leq 0,00$). Вероятно, критика по отношению к себе, связанная с самообвинением, может мотивировать респондентов к проактивному копингу.

Шкала «Общность с человечеством», отражающая отношение к себе и своим чувствам в трудные моменты как к нормальному, общечеловеческому опыту, оказалась связана как с проблемно-ориентированными стратегиями «активного совладания» ($r=0,41$; $p\leq 0,00$), «планирования» ($r=0,38$; $p\leq 0,00$), так и со стратегиями, связанными с отвлечением: «самоотвлечение» ($r=0,32$; $p\leq 0,00$), «юмор» ($r=0,31$; $p\leq 0,00$), а также стратегией «принятия» ($r=0,29$; $p\leq 0,00$).

Напротив, противоположная шкала общности с человечеством – «Самоизоляция» или восприятие себя одиноким и непохожим на других людей, оказалась положительно связана с «отрицанием» ($r=0,31$, $p\leq 0,00$), «избеганием» ($r=0,38$, $p\leq 0,00$) и «поиском социальной поддержки» ($r=0,33$, $p\leq 0,00$); отрицательно – со стратегией «позитивная переоценка» ($r=-0,27$, $p\leq 0,02$).

Внимательность или заинтересованное и непредвзятое отношение к себе и своим чувствам и переживания у лиц с ОВЗ положительно связана с «позитивной переоценкой» ($r=0,61$, $p\leq 0,00$), «юмором» ($r=0,56$, $p\leq 0,00$), «принятием» ($r=0,43$, $p\leq 0,00$); отрицательно – со стратегиями «избегание» ($r=-0,32$, $p\leq 0,00$) и «выплеск эмоций» ($r=-0,24$, $p\leq 0,00$). Напротив, такая шкала, как «Чрезмерная идентификация» – склонность к сверхпогружению в чувства в трудных ситуациях, оказалась положительно связанной с «избеганием» ($r=0,29$, $p\leq 0,00$) и «выплеском эмоций» ($r=0,23$, $p\leq 0,00$), что может отражать желание избежать проживания сложных чувств путем их быстрого реагирования.

Таким образом, связь позитивного сочувственного самоотношения и копинга у лиц с ОВЗ не однозначна. Наиболее связанными с активным совладанием и разнообразием стратегий стали шкалы «Общность с человечеством» и «Внимательность», связанные с возможностью воспринимать свой опыт совладания с трудностями как часть общечеловеческого опыта. Такая шкала негативного самоотношения, как «Самокритика», связана с использованием «активного совладания»; другие же шкалы негативного самоотношения («Самоизоляция», «Чрезмерная идентификация») связаны с непродуктивными стратегиями («отрицание», «избегание», «выплеск эмоций»).

Литература

1. *Тихонова И.В., Адеева Т.Н.* Исследование жизненных траекторий лиц с ограниченными возможностями здоровья: методологический дискурс и типология // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. №3. С. 210-216.
2. *Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э.* Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 35-48.
3. *Хазова С.А., Шипова Н.С., Адеева Т.Н., Тихонова И.В.* Совладающее поведение лиц с ограниченными возможностями здоровья как фактор качества жизни и субъективного благополучия // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 101-118.

Нравственный мини-тренинг для старшеклассников «Виды добра» в контексте тренинга личностного роста

Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vladimirorlov@bk.ru*

Проблема «добра и зла», нравственного совершенствования личности существовала во все времена, а благополучие общества и каждого отдельного индивида во многом определялось не столько уровнем материального достатка, сколько соблюдением морально-нравственных правил, установленных, а главное – соблюдаемых в системе межличностного взаимодействия.

В животном мире генетические законы, позволяющие особям разных видов служить пищевыми звеньями цепи, не позволяют, за редким исключением, лишать жизни собратьев своего вида [4]. Эти законы природы можно назвать «моральным инстинктом животных». Во внутривидовом взаимодействии у человека таких инстинктивных законов нет. После первого года онтогенетического развития природа «освободила» его от этих сложных и жестких правил поведения,

предоставив возможность безграничного освоения накопленной человечеством культуры как социального опыта.

Для сохранения себя как вида человечеству пришлось сформировать систему правил взаимного поведения, действующую, можно сказать, как «социальный инстинкт самосохранения вида». Эта система получила название «мораль» (лат. *moralitas*). Создание и внедрение данной системы в общественное сознание проводилось в контексте теологических и философских учений. Общеизвестны 10 христианских заповедей, 40 – древнеегипетских, а в шумерской культуре их насчитывалось более 400. Можно еще добавить, что в нашей стране в период строительства социализма был разработан «моральный кодекс строителя коммунизма», состоящий из 12 положений.

Таким образом, мы можем назвать мораль внешним, известным сводом базовых законов поведения человека в социуме. Иными словами, мораль есть то, что воспринимается человеком в процессе социализации как знание. Нравственность же – это внутренний, реально действующий свод законов, управляющий поведением. Человека, у которого эти внутриличностные законы существенно отличаются от правил, выработанных социумом, обычно относят к категории безнравственных [2].

Процесс нравственного развития сопровождает человека всю его жизнь, начиная с самых ранних этапов онтогенеза. Но наиболее ответственным для его развития является старший подростковый и юношеский возраст, когда стабилизируется система ценностей, достраиваются рефлексивная форма сознания и абстрактное мышление. Большое значение приобретает и уже накопленный жизненный опыт. На основании формирования этих и ряда других психических новообразований старшеклассник становится взрослым, он психологически готов принимать ответственные решения, контролировать свое поведение [2; 3].

Великий Аристотель, обосновывая выделение «этики» как отдельной науки из общепhilosophического знания, говорил, что только в юношеском возрасте человек чувствителен к сознательному принятию нравственных норм в своем поведении [1].

В соответствии со сказанным, нами был разработан, в контексте тренинга личностного роста, групповой мини-тренинг, направленный на фасилитирование формирования у старшеклассников установки на такую важную нравственную категорию, как «Добро».

Мини-тренинг состоит из трех этапов. На первом, вербально-установочном, ведущий предлагает всей группе старшеклассников познакомиться с различием понятий «мораль» и «нравственность», после чего переходит к классификации видов добра, иллюстрируя каждый вид примерами из жизни и литературно-художественных произведений.

Виды добра

1. «Добро прямого обменного типа» – по принципу «ты мне – я тебе».
2. «Добро косвенного обменного типа» – опосредовано третьими лицами (например, «помоги моему знакомому, а он поможет мне».
3. «Добро отсроченного обменного типа» – «Я тебе сейчас – ты мне когда-нибудь».
4. «Добро во искупление грехов» – «Боязнь божьего суда».
5. «Тщеславное добро» – показать себе или другим «Какой я добрый».
6. «Добро справедливости» – ради «восстановления справедливости».
7. «Истинное добро» – когда человек не может его не делать, поскольку это является его внутренней потребностью, он делает добро исключительно ради благополучия других («родник у дороги»).

Анализ данной классификации проходит в групповой интерактивной форме. Участники тренинга подбирают свои примеры к каждому виду добра.

На втором, невербальном этапе занятия группа разбивается на подгруппы по 3-4 человека, и им предлагается проиллюстрировать каждый тип добра коллективным рисунком на бумаге большого формата (А2-А3) и пантомимической сценкой. Во время показа другие члены групп должны угадать тип добра, представленный в каждой сценке.

На третьем, рефлексивном, итоговом этапе участники в индивидуальном порядке дают общий анализ проделанной группой работы и оценку эффективности всего мини-тренинга.

Представленное упражнение апробировано и показало свою эффективность в работе психолога со школьниками и студентами колледжа [5].

Литература

1. *Аристотель*. Этика. М.: Эксмо, 2021. 384 с.
2. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Нравственность. Воронеж: МОДЭК, 2011. 335 с.
3. *Крушельницкая О.Б., Орлов В.А.* Психологические ресурсы совершенствования образования и развития учащихся: методологический аспект // В сб.: Актуальные проблемы социальной психологии: вопросы теории и практики. Сборник научных трудов. М., 2012. С. 7-23.
4. *Лоренц К.* Агрессия. М.: Римис, 2009. 352 с.
5. *Орлов В.А.* Коммуникативные средства повышения эффективности профессиональной деятельности психолога // Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: ИНФРАМ, 2021. С. 191-215.

Особенности профессиональной идентичности студентов колледжа при разных типах учебно-практической подготовки

*Павлов А.В., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
26kadralex@mail.ru, social2003@mail.ru*

Современная социально-экономическая ситуация предполагает, что из специальных профессиональных образовательных учреждений и колледжей профессиональной направленности будут выпускаться конкурентоспособные, образованные специалисты. Как утверждает Н.С. Авдонина, «существует явный запрос со стороны государства, общества и работодателей в компетентных выпускниках, не просто знающих, но умеющих применить теорию на практике» [1, с. 45]. Эффективное осуществление профессиональной деятельности зависит от степени сформированности профессиональной идентичности – осознания принадлежности и отождествления личности с определенным профессиональным сообществом со всеми присущими ему признаками, образующими набор необходимых и достаточных дескрипторов соответствующей профессии [2; 3; 4; 7].

По словам Н.Л. Коротковой, «все исследователи отмечают противоречия между необходимостью целенаправленного формирования профессиональной идентичности в рамках высшего

или среднего специального образования, реальным уровнем ее сформированности и недостаточной теоретической и методической разработанностью этого вопроса в системе профессиональной подготовки» [5, с. 1].

Тип учебно-практической подготовки может оказывать влияние на формирование профессиональной идентичности, поскольку система представлений о себе как будущем специалисте содержит в себе представления о принадлежности к определенной группе профессионалов и учебно-профессиональных целях, а также возможностей их достижения [6].

Цель нашего исследования – выявление особенностей профессиональной идентичности студентов в зависимости от типа учебно-практической подготовки.

Теоретической основой исследования выступили работы М.В. Заковоротной, В.В. Карпова, У.С. Родыгиной, Л.Б. Шнейдер и др.

В исследовании приняли участие студенты ГБПОУ «Колледж Архитектуры, Дизайна и Реинжиниринга № 26», г. Москвы, в количестве 95 человек. Из них 49 студентов, прошедших первую – учебную практику и 46 студентов, прошедших и вторую – производственную практику. Учебная практика предполагает посещение учреждений по выбранной специальности и знакомство с будущим местом работы, а также основной документацией предприятия. Во время производственной практики студент уже отрабатывает полученные навыки в решении ответственных профессиональных задач, являясь фактически полноценным сотрудником той или иной организации. В соответствии с этим, выборка была разделена на две группы по типу учебно-практической подготовки.

Процедура исследования включала изучение статусов профессиональной идентичности студентов (методика А.А. Азбель, А.Г. Грецова), а также выявление особенностей их учебно-профессиональной мотивации (тест Г. Резапкиной), смысложизненных ориентаций (методика определения смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева) и творческого потенциала (опросник О.Н. Ракитской, М.М. Кашапова).

Результаты показали, что только 24,4% студентов первой группы (прошедших лишь учебную практику) имеют сформированный статус профессиональной идентичности, а во второй группе, прошедшей как учебную, так и производственную практику на предприятии, высокий

статус сформированной профессиональной идентичности выявлен у 58,6% студентов.

Высокий уровень мотивации учебно-профессиональных достижений наблюдается у 44,8% обучающихся первой группы и только у 30,4% студентов второй группы. Выраженность внутренней учебно-профессиональной мотивации в первой группе выявлена у 39% студентов, во второй группе – у 50%. Полученные данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что студенты первой группы мотивированы преимущественно учебными достижениями, в то время как для студентов второй группы большую ценность представляют цели и задачи собственно профессиональной деятельности.

Для выявления различий в профессиональной идентичности студентов двух групп использовался U-критерий Манна-Уитни. Анализ показал значимые различия между студентами с разным типом учебно-практической подготовки по переменным профессиональной идентичности – моратория и сформированного статуса. В группе студентов, прошедших только учебную практику, кризис выбора (мораторий) преобладает, по сравнению со студентами, прошедшими учебную и производственную практику ($p=0,000$). У студентов второй группы, имеющих больший профессиональный опыт, преобладает выраженность статуса сформированной профессиональной идентичности ($p=0,003$). Интересно, что показатели СЖО «Цели в жизни» и «Результативность жизни» оказались выше у студентов первой группы ($p<0,05$).

У всех опрошенных нами студентов была выявлена отрицательная корреляция (использовался критерий r -Спирмена) между неопределенностью профессиональной идентичности и показателями мотивации, СЖО и творческой активности. Иными словами, чем более определенными представляются студентам их цели и планы профессионального развития, тем выше у них мотивация достижений, интернальность, стрессоустойчивость, внутренняя мотивация, осмысленность жизни и творческая активность ($p<0,01$). Чем больше у студентов, прошедших только первую (учебную) практику, выражена навязанная идентичность, тем больше они руководствуются внешней мотивацией и меньше проявляют творческую активность ($r=0,286$ и $r=-0,284$ соответственно; $p<0,05$). У студентов, прошедших вторую практику, связей между данными показателями не выявлено. Также в первой группе существует положительная корреляция выраженности статуса «мораторий» со всеми показателями СЖО ($p<0,01$). Во второй группе связей между данными переменными не выявлено. По-

видимому, на начальном этапе практического освоения средств профессиональной деятельности студентам свойствен активный поиск целей и смыслов своей жизни, осложненный «кризисом выбора» варианта своего профессионального развития. Большинству студентов, освоивших вторую, более приближенную к профессиональной деятельности практику, как показано в нашем исследовании, присуща сформированная идентичность.

Литература

1. *Авдонина Н.С.* Инновационные образовательные подходы как эффективный фактор развития профессиональной идентичности студентов // Педагогика и психология образования. 2018. № 1. С. 49-56.
2. *Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б.* Взаимосвязь мотивации учения и профессиональной идентичности у студентов колледжа // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 637 с. С. 169-172.
3. *Карпов В.В.* Формирование профессиональной идентичности студентов-международников // Современное педагогическое образование. 2019. № 7. С. 16-19.
4. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
5. *Короткова Н.Л.* Феномен профессиональной идентичности в современных педагогических исследованиях // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электронный научный журнал. 2021. №5. Режим доступа: <http://emissia.org/offline/2021/2954.htm>
6. *Родыгина У.С.* Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12. № 4. С. 39-51.

7. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Структура, генезис и условия становления: дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 327 с.

Виртуальная (сетевая) идентичность студенческой молодежи

Павлова К.Н.

ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита, Россия

p.kseniya13@mail.ru

В современной реальности жизнь студенческой молодежи неразрывно связана с интернет-пространством. Молодые люди живут в мире информационно-коммуникационного взаимодействия, в глобальной информационной сети, что является условием успешной социализации личности. Данное условие непосредственно влияет на идентичность студентов, которая играет важную роль в развитии человека, социальной группы и общества в целом. В связи с этим, исследователи выделяют новый феномен в виртуальном пространстве – сетевую идентичность [6, с. 348].

Проблему идентичности личности в сети Интернет разрабатывали К.С. Янг, Г.М. Андреева, Т.Г. Стефаненко, О.А. Тихомандрицкая, А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская, А.Е. Войкунский, Г.У. Солдатова и др. В этих исследованиях производится попытка показать, какое влияние оказывает онлайн-пространство на идентичность личности.

Первым детально рассмотрел понятие «идентичность» Э. Эриксон. Он сделал вывод о том, что идентичность есть «непрерывность самопереживания личности», что означает не только чувство причастности к группе, но и обретение внутренней целостности, гармонии и единства с самим собой [7, с. 331].

Г.М. Андреева, К. Хелкама, Е.М. Дубовская, Т.Г. Стефаненко, О.А. Тихомандрицкая отмечают, что причиной создания виртуального «Я» может быть стремление к получению нового опыта, как некий поиск [1, с. 32]. Но А.Е. Жичкина и Е.П. Белинская утверждают, что «Я-виртуальное» в этом случае не соотносимо с «Я-идеальным» и «Я-реальным», «виртуальная личность» лишь выражает желание испытать нечто новое, что объясняется стремлением к самовыражению через попытку «примерить» на себя различные роли [2].

Т.А. Фленина пишет о том, что «сетевая идентичность представляет собой метастабильное образование, которое творчески раскрывается в зависимости от возможностей, которые предоставляет тот или иной сетевой интерфейс. Сетевая идентичность может рассматриваться при этом как проект личности в онлайн-пространстве, направленный на удовлетворение разнообразных потребностей индивида» [5, с. 313].

Студенческий возраст представляет собой особый период жизни и развития личности. Он обусловлен становлением устойчивого самосознания, стабильного образа «Я» и формированием идентичности. Данная социальная группа динамично реагирует на изменения социальных норм, требований, правил и т.д. Студенческая молодежь активно вступает в мир информационных технологий, погружаясь в интернет-пространство [4, с. 320]. В результате этого искажаются границы между реальным существованием и виртуальной реальностью, которая становится частью жизни.

По мнению исследователей, для студенческой молодежи характерен кризис идентичности, который проявляется в поведении личности, осмыслении своего образа «Я», норм и приоритетов, как в жизненной реальности, так и виртуальной.

С психологической точки зрения, человеческая активность в интернет-пространстве основывается на удовлетворении трех основных потребностей: коммуникативной, познавательной и игровой [3]. Молодые люди общаются друг с другом в социальных сетях и видеочатах, ищут информацию на различных интернет-ресурсах, играют в компьютерные игры, тем самым все больше погружаясь в виртуальный мир, отдаляясь от реальной жизни. Как показывают исследования, студенты мало проводят времени в Интернете в поисках информации. Больше всего сетевая паутина привлекает их как уникальное средство общения в любом месте, в любое время, даже если между ними расстояние в сотни тысяч километров. Общение в Интернете имеет свои психологические особенности: анонимность (человек может предстать виртуальной «личностью», которая может быть далека от реальной); добровольность общения (подразумевается, что человек имеет возможность завязать и прекратить разговор в любой момент); стремление к нетипичному поведению.

Проведенный анализ научной литературы по психологии и ряда других наук позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Интернет как социальное явление оказывает влияние на идентичность личности и приводит к созданию виртуальной (сетевой) идентичности.

2. Виртуальная идентичность определяется как самостоятельный субъект существования и как определение себя частью виртуального сообщества.

3. Виртуальная реальность становится «информационным двойником» реального мира, образом жизни современной молодежи.

В то же время в социальных сетях происходит не только личное общение, но и деловое. Интернет открывает огромные возможности презентации себя, своих услуг, своего продукта и пр.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Уровень социальной стабильности и особенности социализации в старшем школьном возрасте // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1997. №4. С. 31-41.
2. *Белинская Е.П., Жичкина А.Е.* Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью [Электронный ресурс] // Флогистон. Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>.
3. *Войскунский А.Е.* Психологическая наука в исследовании интернета // Информационное общество. 2001. № 1. С. 32-34.
5. *Пахтусова Н.А., Уварина Н.В.* Виртуальная образовательная среда как ценностно-смысловой ориентир становления сетевой идентичности личности // Образовательное пространство в информационную эпоху. 2019. С. 317-329.
6. *Фленина Т.А.* Семантическое пространство понятия «сетевая идентичность» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 171. С. 310-314.
7. *Фленина Т.А.* Роль социальных сетей в конструировании сетевой идентичности // От истоков к современности. 2015. С. 348-350.
8. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: 1996. 592 с.

Соотношение компонентов этнической идентичности российской молодежи: кросс-культурный анализ

*Павлова О.С., Рязумова С.П.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
svetlana-razumovaa@yandex.ru*

Автор теории социальной идентичности Г. Тэджфел утверждает, что социальная идентичность формируется в результате осмысления своей принадлежности к группе или группам социума, а также значимости, которой индивид наделяет собственную принадлежность [13, с. 22]. Осознание своего членства в определенной группе – один из первых этапов формирования и проявления общественного сознания у человека [5].

Сегодня понятие этнической идентичности занимает ключевое место в социальной психологии и является важнейшей составляющей социальной идентичности личности [6, с. 11; 8; 9]. Цифровизация человеческой жизни и глобализация делают универсальными черты, которые не так давно считались отличительными или даже исключительными относительно не только человека, но и целого этноса. Однако очаги межнациональной розни, по-прежнему возникающие в разных регионах, возвращают мировое сообщество к вопросу о значимости этнической дифференциации – отделения меньших этнических групп от более крупных в условиях экономической или политической изоляции [7, с.181].

Н.П. Денисюк рассматривает в качестве этнической идентичности осознание индивидом принадлежности к конкретной этнической группе [2, с. 86]. Т.Г. Стефаненко конкретизирует, что этническая идентичность – это переживание не только своего тождества с этнической общностью, но и отделения от других этногрупп [11, с.15]. Н.И. Ковалева в своей статье резюмирует, что «этническая идентичность не статичное, а динамичное образование» [4, с.1027]. Приведенные определения подчеркивают процессуальность этнической идентичности, динамичный характер данного феномена.

В нашем исследовании приняли участие молодые люди, проживающие на территории Российской Федерации, а значит, и являющиеся частью многонационального народа – согласно преамбуле Конституции РФ. Принятый в 2020 году «Закон о молодежной политике в Российской Федерации» повысил возраст молодых людей до 35 лет включительно [3, с. 2], что увеличило их

численность с 12,7 млн до 39,1 млн человек [10]. Следовательно, изменился исследовательский фокус, направленный на эту категорию населения.

Структура этнической идентичности содержит два ключевых компонента – когнитивный и аффективный. Первый выражается в знании, осведомленности человека о собственной этнической группе и в осознании себя ее представителем. Такое понимание формируется благодаря этнодифференцирующим признакам: языку, ценностям и нормам, мифам и сказаниям, фольклору, национальному характеру, истории, исторической памяти. Эти признаки А.Р. Аклаев категоризирует как «опосредованную данность» бытия», что значит, исторически сложившуюся общность членов этногруппы в представлениях о социальных практиках, культуре, религии и языке [11, с. 10]. Аффективный компонент понимается как оценка тех качеств, которыми человек характеризует свою группу; тот уровень значимости, которым индивид наделяет собственное членство в этой группе. Некоторые исследователи выделяют еще и поведенческий компонент этнической идентичности, проявляющийся в том, как человек выстраивает межкультурную коммуникацию, какие стратегии выбирает для языкового и религиозного поведения [12, с. 116].

В то же время этническая идентичность проявляется с разной степенью. На ее выраженность влияет то, в каком окружении проживает человек – моно- или полиэтническом, а также соотношение этнических групп внутри среды, дистанция между ними, возможный уровень ксенофобии [1, с. 62]. В моноэтнической среде люди, как правило, меньше заинтересованы в своей и тем более «чужой» этничности. Иная ситуация в условиях полиэтничности, когда в социальной идентичности индивида этничность становится ключевой. И степень выраженности этнической идентичности возрастает по мере того, чем больше отличий проявляется между собственной и окружающей культурной средой. Точность знаний и представлений о своей этнической группе выше у представителей этнических меньшинств [13, с. 23].

Говоря об эмпирическом исследовании, стоит отметить, что кросс-культурный психологический анализ предполагает исследование и сопоставление психологических, социальных и культурных особенностей респондентов с отличной этнической принадлежностью, относящихся к одной или нескольким группам испытуемых [5, с. 151]. Данный метод позволяет сопоставить между собой несколько отдельных друг от друга культур по разным методикам.

Литература

1. *Гриценко В.В.* Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика. 2006. №1/2. С. 62-70.
2. *Денисюк Н.П.* Формирование этнической идентичности в современных условиях // Веснік БДУ. 2013. №3. С. 86-89.
3. Закон Российской Федерации «О молодежной политике в Российской Федерации» от 23.12.2020 № 489-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2020 г. – с изм. и допол. в ред. от 30.12.2020.
4. *Ковалева Н.И.* Этническая идентичность как проблема социализации детей-мигрантов в образовательной среде // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 1027-1029. URL: <https://moluch.ru/archive/113/29080/> (дата обращения: 07.04.2022).
5. *Крысько В.Г.* Этническая психология. Учебное пособие. М: Академия, 2008. 320 с.
6. *Лопухова О.Г.* Психология этнического самосознания и межкультурного общения. Учебное пособие. Казань: Издательство «Бриг», 2015. 124 с.
7. Назаров Н.А. Этнос и национальное самосознание // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2017. №3. С. 178-184.
8. Павлова О.С. Религиозная и этническая идентичность мусульман Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа: содержание и особенности соотношения // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 2. С. 75-86.
9. Павлова О.С. Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. № 2. 2013. С. 119-136.
10. Путин повысил возраст молодежи до 35 лет включительно // Российская газета URL: <https://rg.ru/2020/12/30/putin-povysil-voznrast-molodezhi-do-35-let-vkliuchitelno.html> (дата обращения: 06.04.2022).
11. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. №2. С. 3-17.
12. Хабибуллина А.Р. Этническое самосознание и этническая идентичность: общее и особенное // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 3. С. 111-122.

13. Чеботарёва Е.Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. №1. С. 22-28.

О формировании ценностно-смысловых ориентаций воспитанников кадетской школы

*Павлова Ю.Б., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
j.b.pavlova@mail.ru, social2003@mail.ru*

Воспитание учащихся кадетских школ предполагает формирование ценностно-смысловых структур личности, определяющих планирование будущего и понимание своего предназначения, неразрывно связанного со служением Родине. Основным фактором специфической педагогической системы кадетских школ является особенное целеполагание процесса воспитания. В качестве одной из целей обучения заявлена «реализация образовательных программ основного общего и среднего общего образования, интегрированных с дополнительными общеразвивающими программами, имеющими целью подготовку несовершеннолетних обучающихся к военной или иной государственной службе» [5]. Таким образом, вместе с общеобразовательными функциями, подготовка в кадетской школе стремится осуществлять формирование общей культуры старшеклассников, подготовку их к служению Родине в военной или гражданской сфере, соответствующей осознанной профориентации.

Анализ психолого-педагогической литературы по проблемам подготовки будущих защитников Родины в условиях кадетских школ показывает, что эта тема, несмотря на ее высокую актуальность, является недостаточно исследованной. В отечественной литературе обсуждаются педагогические средства нравственного и патриотического воспитания кадетов [1; 2; 3]. Исследуется влияние социальной роли кадета на формирование его мотивации учебной и учебно-профессиональной деятельности [3]. Рассматриваются личностные характеристики, определяющие способность обучающихся к лидерству, эффективному личностному и профессиональному самоопределению, к формированию смысложизненных ориентаций. В частности, показано, что, чем

больше кадет ориентирован на ценности дружбы и служения Родине, тем более выражено у него стремление продолжить военную карьеру после окончания учебы [2].

Зарубежные исследователи сосредотачивают внимание главным образом на индивидуальных особенностях и поведении учащихся кадетских учреждений. В частности, осуществляется поиск связей между личностными качествами и субъективно воспринимаемым одноклассниками лидерским потенциалом кадета. Норвежские исследователи сообщают, что пока им не удалось обнаружить значимые корреляции между личностными качествами и показателями лидерства у курсантов военной академии (использовались 16-факторный опросник Кеттелла и «Опросник лидерства в развитии» – DLQ). Возможная причина – в малом объеме выборки (16 юношей) [6]. Также в данной работе не рассматриваются основания отношений межличностной значимости, учет которых, как правило, характерен для отечественных исследований лидерства [4].

В исследовании с участием 199 курсантов Колледжа национальной обороны в Хельсинки, с целью выявления лидеров, которые могут негативно влиять на группу, изучена связь лидерства с показателями нарциссизма [8]. Оказалось, что кадеты, обладающие, по мнению одноклассников, наиболее высоким лидерским потенциалом, демонстрируют «положительный» нарциссизм. Это значит, что они авторитетны для сверстников, самодостаточны и готовы помогать группе в достижении ее целей. «Отрицательный» нарциссизм означает склонность к манипулятивному поведению и стремлению создавать о себе положительное впечатление.

Американские исследователи изучили взаимосвязь различных видов интеллекта, два из которых (пространственный и математический) ориентированы на предметы, а два – на людей (вербальный и личностный), с академической успеваемостью и достижениями в военной подготовке [7]. На выборке более 900 юношей показано, что различные виды интеллекта положительно коррелируют с достижениями кадетов в соответствующих видах интеллекта учебных дисциплинах.

Психологический аспект формирования смысловой сферы личности кадета в значительной мере обусловлен специфической социально-психологической средой данного вида специализированных образовательных организаций, о чем свидетельствуют результаты исследований с участием воспитанников военизированных образовательных учреждений.

Результаты исследования ценностных ориентаций кадетов показали, что наиболее высокий рейтинг среди них имеют ценности «счастливая семейная жизнь» и «наличие хороших и верных друзей» [2]. Также достаточно высоким рейтингом обладает ценность «уверенность в себе», тогда как меньше всего кадеты ценят возможность заниматься творческой работой, а также ценность красоты природы и искусства. Интересно, что для кадетов довольно привлекательная для современных подростков ценность «высокого материального положения» обладает низким уровнем значимости. Таким образом, эмпирические данные указывают на высокую значимость просоциальных личностных ценностей современных кадетов, что можно объяснить целенаправленным воспитательным воздействием на них в условиях специализированных образовательных учреждениях. В то же время, у части воспитанников нет четких представлений о своем будущем, или оно бессодержательно, плохо структурировано, а иногда и малореалистично. Такие кадеты могут жить сиюминутными событиями, демонстрировать инфантильное отношение к жизни и своей будущей профессиональной деятельности. Также исследователи отмечают противоречивость ценностных ориентаций у части воспитанников кадетских учреждений.

Таким образом, кадетские школы, в отличие от общеобразовательных, обладают рядом особенностей построения образовательного процесса, взаимодействия между субъектами, социально-психологическими условиями, оказывающими существенное влияние на формирование смысловой сферы личности старшеклассников. Результатом формирующего воздействия рассмотренных условий являются зафиксированные в ряде эмпирических исследований особенности смысловых структур личности кадетов-старшеклассников [1]. Однако необходима дальнейшая оптимизация образовательного процесса в кадетских учреждениях с учетом выявленных на основе эмпирических исследований социально-психологических предпосылок формирования ценностно-смысловых ориентаций учащихся. С этой целью мы планируем эмпирическое исследование особенностей СЖО у старшеклассников-кадетов в связи с их успеваемостью, дисциплинированностью, временем обучения в кадетской школе, профориентационными предпочтениями, наличием в семье профессиональных династий.

Литература

1. *Давыдочкина Ю.С., Сафонова М.В.* Особенности смысловых ориентаций воспитанников кадетских корпусов и мариинских женских гимназий // Научный журнал «Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева». 2020. № 1 (51). С. 90-103.
2. *Дмитриева Н.А.* Ценностные ориентации кадетов // Омский научный вестник. №5 (112). 2012. С. 170-172.
3. *Кашапов М.М., Перевозкина Ю.М., Перевозкин С.Б.* Социальная роль как фактор учебной мотивации кадет // Сибирский педагогический журнал. № 4 / 2019. С. 113-120.
4. *Крушельницкая О.Б.* Исследование лидерства в школьных и студенческих группах // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 3. С. 60-73.
5. Устав государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Кадетская школа № 1784 имени генерала армии В.А. Матросова» [Электронный ресурс] URL: <http://www.sch1784s.mskobr.ru> (дата обращения: 04.01.2022).
6. *Boe O., Holth T.* Investigating correlations between personality traits and leadership styles in Norwegian military cadets // Procedia Economics and Finance 26 (2015) 1173 – 1184.
7. *Mayer J.D., Skimpyhorn W.* Personality attributes that predict cadet performance at West Point // J. of Research in Personality. 2017. № 66. P. 14-26.
8. *Paunonen S.V., Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Leikas S., Nissinen V.* Narcissism and emergent leadership in military cadets // The Leadership Quarterly. 17 (2006) 475–486.

Социально-психологические аспекты социальных верований студентов вуза

Пак Е.О., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
adslevgenpak@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

Сегодня наш мир находится на пороге коренной трансформации – в условиях повсеместной цифровизации, роботизации, появления

технических новинок, формирования иного экономического уклада для нас представляют научный интерес социальные верования студентов вуза. Именно молодежь является неким двигателем прогресса, они первые на себе испытывают веяния времени. С этой точки зрения любопытно, какие теперь бытуют общие представления о мире у молодых людей.

Одним из первых ученых, который заинтересовался изучением ценностей, стал американский психолог М. Рокич. Его теория гласила о том, что для людей характерны ценности, которые дают понимание о дружбе и враждебности к миру [8]. В целом ученый полагал, что ценности имеют организованную структуру, одинаковы для всех людей в той или иной степени, их влияние заметно во всех сферах жизнедеятельности, корни человеческих ценностей лежат в культуре. Позже идеи М. Рокича были продолжены в исследованиях М. Бонда и К. Леунга. Они предложили социальные аксиомы, т.е. «генерализованные верования человека о себе, социальной и физической среде, духовном мире» [7]. В такой парадигме социальная аксиома имела вид причинно-следственной взаимосвязи между некоторыми условными объектами, например, «за свершение плохого поступка наступит наказание». Ученые выявили 5 культурно-универсальных групп социальных аксиом: социальный цинизм, социальная сложность, контроль судьбы, религиозность и награда за усилия. Стоит отметить и исследователей, которые предлагали другие социальные верования. Так, М. Лернер обнаружил такой социально-психологический феномен, как вера в справедливый мир [6]. Это означает, что люди получают то, что заслуживают. К. Дальберт продолжила изучение этого феномена и разделила его на веру в справедливый мир в целом и справедливый мир лично для себя [5].

Мы можем отметить, что множество ученых изучали и рассматривали социальные верования. Не стоит забывать и про отечественных авторов: Н.Б. Астанина [2], А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева [3] и др., которые внесли значительный вклад и проводили эмпирические исследования в этой области. Цель нашей работы – обнаружить различия в социальных верованиях студентов вуза.

Мы использовали следующий методический инструментарий: опросник «Социальные аксиомы» (ОСА-31) и «Шкалу веры в справедливый мир». В исследовании, которое мы провели, приняло участие 185 студентов различных вузов.

Результаты исследования позволили нам выявить значимые различия в социальных верованиях студентов в зависимости от пола,

ступени образования и формы обучения. Так, мы обнаружили, что, во-первых, у мужчин статистически значимо выше вера в социальный цинизм, чем у женщин. Это мы связываем со сложившейся патриархальной культурой и с тем, что мужчины чаще включены в общественную жизнь. Во-вторых, вера в контроль судьбы статистически значимо выше у женщин, чем у мужчин. На наш взгляд, это обусловлено большей суеверностью женщин, что подтверждает ряд исследований [1; 4], выявляющих различия в процессах мышления, относительно суеверий в зависимости от пола. В-третьих, вера в аксиому «награда за усилия» статистически значимо выше у представителей женского пола, чем мужского. Мы предположили, что различия могут быть обусловлены тем, что для женщин крайне важно получать эмоциональный отклик и похвалу за какую-либо деятельность. Последняя выявленная закономерность заключается в том, что вера в справедливый мир по отношению к себе статистически значимо выше у женщин.

В то же время нами было установлено, что вера в справедливый мир «лично для себя» статистически значимо выше у студентов, которые обучаются в магистратуре, по сравнению с теми, кто обучается по программам бакалавриата и специалитета. Мы полагаем, что данные различия связаны с возрастными психологическими особенностями учащихся. У студентов-магистрантов мы можем отметить уже определенный жизненный опыт, устойчивость к негативным явлениям и сложившиеся мировоззрение.

Нами было обнаружено, что у студентов заочной формы обучения вера в справедливый мир по отношению к себе статистически значимо выше, чем у студентов, учащихся на очной форме обучения. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что первые имеют опыт работы, могут реализовать свой потенциал и их форма обучения позволяет гибко планировать свою жизнь, в отличие от студентов-«очников».

Полученные данные позволяют сделать вывод, что существуют статистически значимые различия в социальных верованиях студентов вуза в зависимости от их пола и ступени образования.

Литература

1. *Акбирова Р.Р., Абитов И.Р.* Результаты апробации методики измерения суеверности // Бехтерев и современная психология личности: VI Всероссийская научно-практическая конференция. 2020.

2. *Астанина Н.Б.* Вера в справедливый мир у российских подростков: гендерный аспект // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. №49-1.
3. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. №1.
4. *Gao S., Becker B., Luo L., Geng Y., Zhao W., Yin Y., Hu J., Gao Z., Gong Q., Hurlmann R., Yao D., & Kendrick K.M.* Oxytocin, the peptide that bonds the sexes also divides them. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America.* 2016. 113(27).
5. *Dalbert C., Lipkus I. M., Sallay H., & Goch I.* A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs. *Personality and Individual Differences.* 2001. 30(4).
6. *Lerner M. J.* The belief in a just world: A Fundamental Delusion. - New York: Plenum Press. 1980.
7. *Leung K., Bond M.H., Reimel de Carrasquel S., Muñoz C., Hernández M., Murakami F., Yamaguchi S., Bierbrauer G., Singelis T.M.* Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions // *Journal of Cross-Cultural Psychology.* 2002. № 33.
8. *Rokeach M.* The nature of human values. Glencoe, IL: Free Press, 1973.

Образ «Мы» в контексте развития семьи как группового субъекта

Паикова Я.А., Гайдар К.М.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
matvienkoa@yandex.ru, marlen_lora@mail.ru*

Концепция семьи основывается на социально-психологическом подходе к исследованию функционирования и развития малой группы как целостного субъекта, обладающего специфическими психологическими характеристиками, отличающими его от групп, не имеющих статуса субъекта. Соответственно этому подходу, называемому субъектным (К.М. Гайдар, А.Л. Журавлев, С.В. Сарычев, А.С. Чернышев и др.), понимание семьи как группового субъекта

фокусируется на взаимодействии между ее членами, воспринимающими себя единой социально-психологической общностью, неделимой и целостной, а также на взаимосвязи между семьей и социальными контекстами, в которые она включена. Анализ семейной группы подразумевает выделение основных проявлений групповой субъектности семьи, одним из которых выступает групповая самоидентичность.

Феномен семейной идентичности в психологической литературе трактуется, как правило, относительно отдельных членов семьи и содержательно представлен как переживание людьми своей принадлежности к семейной группе, отождествления себя с ней [2 и др.]. В данном психологическом образовании обычно выделяют когнитивный, эмоциональный, ценностный и поведенческий компоненты. Формируется оно в течение жизненного цикла семьи. Вместе с тем концепция семьи как группового субъекта требует перехода на групповой уровень анализа, в связи с чем, на наш взгляд, целесообразно говорить о групповой самоидентичности [1].

Групповая самоидентичность семьи определяется нами как процесс восприятия и осознания группой себя целостным субъектом, активным участником взаимодействия с внешней средой (в том числе другими семьями), рефлексии собственного семейного единства.

Рассматривая групповую самоидентичность как проявление субъектности семьи, следует обратиться к понятию образа «Мы». Впервые относительно семейной группы это понятие было использовано Т.М. Мишиной. Им она обозначила «образ семьи», или образ «Мы», под которым понималось семейное самосознание, выполняющее функцию целостной регуляции семейного поведения и согласованности позиций ее отдельных членов [3]. Нами при определении образа «Мы» как целостного интегрированного образования сделан акцент на его вспомогательной функции в семейном самосознании. По нашему мнению, образ «Мы» представляет собой определенный облик семейной группы, который отражает ее уникальность, самодостаточность и самобытность (роль и статус в общественной системе, мотивационно-ценностную сферу, стиль жизни, эмоциональные и поведенческие особенности семейного взаимодействия и т.д.) в ходе всего жизненного цикла (относительно прошлого, настоящего и перспективного). Образ «Мы» возникает в процессах совместной деятельности, общения и рефлексивной активности семьи. Его формирование интенсифицируется при сравнении семьей своего образа с референтными семейными

группами – в первую очередь с родительскими, система ценностей которых нередко совпадает или согласуется с собственной ценностной иерархией, а также с образами других семейных групп (причем здесь на образование образа «Мы» влияет как сравнение с идентичными семьями, так и с существенно отличающимися от конкретной семьи).

Считаем, что структура образа «Мы» семейного субъекта включает следующие компоненты:

- когнитивный – представления об уникальных семейных особенностях: физических параметрах, численности семьи, ценностях, статусе и месте, занимаемом ею относительно других в социальной среде и т.д.;

- поведенческий – совокупность норм и правил деятельности семьи, отраженная в ее сознании и отличающая ее от других групп, регламентирующая внутрисемейное взаимодействие;

- эмоционально-оценочный – чувство эмоциональной общности в семейной группе (чувство «Мы»), оценка себя групповым субъектом.

В случае нарушения хотя бы одного компонента образа «Мы» семьи она утрачивает осознание себя целостным субъектом, формирование ее групповой самоидентичности затрудняется или становится невозможным.

Адекватный образ «Мы» определяет особенности семейного поведения, позволяет выступать семейному субъекту согласованно, воспринимать себя целостной уникальной системой. В то же время неадекватный образ «Мы» характерен для дисфункциональных семей. Относительно них можно говорить или о низком уровне групповой субъектности, или о групповой несубъектности, которая выражается в невозможности и неспособности семейной группы выстраивать свой образ, отличающий ее от других, позволяющий воспринимать себя в качестве единого субъекта. Таким образом, степень адекватности образа «Мы» семьи может быть критериальным признаком ее групповой субъектности, что открывает возможности эмпирического изучения данной сферы групповой психологии.

Литература

1. *Гайдар К.М.* Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале исследования молодежных учебных групп): дисс. ... д-ра психол. наук. Воронеж, 2013.

2. *Лукьянченко Н.В.* Семейная идентичность супругов на этапе перехода от молодой семьи к зрелой // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 9. С. 283-294.
3. *Мишина Т.М.* Семейная психотерапия и динамика «образа семьи» // Психогигиена и психопрофилактика: Сб. науч. тр. / Под ред. В.К. Мягер, В.П. Козлова, Н.В. Семенович-Тянь-Шанской. Л., 1983. С. 21-26.

Отношение молодежи к институту выборов: результаты исследования

Пенькова В.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Палагина А.А.

PR-менеджер коммуникационного агентства PromoAge, Москва, Россия

vika251267@yandex.ru, palaginanna@yandex.ru

В последнее десятилетие значение выборов в социально-политической жизни общества существенно возросло как на федеральном, так и на муниципальном и региональном уровнях, что поставило на повестку дня вопрос об отношении к ним граждан России, особенно молодежи [2; 3; 4]. На этом основании представляет интерес выявление подлинного отношения молодых россиян к выборам.

С этой целью нами была разработана авторская анкета «День выборов», в основу которой положено написание респондентами рассказов с обязательным использованием следующих слов и словосочетаний: «утро воскресенья», «в день выборов я», «мое настроение», «я уверен», «я чувствую», «я считаю», «я отношусь», «я обязательно», «мои друзья», «в семье», «накануне». В прилагаемой к заданию инструкции подчеркивалось право самостоятельного определения порядка указанных конструкций. Такая форма опроса обеспечила свободу самовыражения респондента и позволила нам определить когнитивную, аффективную и эмоциональную составляющие образа выборов [1].

Для получения информации об осознаваемом уровне отношения к институту выборов применялся контент-анализ с использованием следующих категорий: «Целостное восприятие выборов»,

«Отношение к выборам», «Отношение к выборам близкого окружения респондентов (семьи, друзей)», «Участие в выборах», «Эмоциональное самочувствие», «Факторы, влияющие на участие в выборах», «Восприятие России и власти». В каждой категории были предусмотрены субкатегории анализа. В исследовании участвовали 72 респондента в возрасте от 18 до 35 лет. Все они были распределены по трем возрастным группам: 18-23 года, 24-29 лет, 30-35 лет, равным по количественному, гендерному и возрастному признакам: каждая из них включала 24 человека (по 12 мужчин и женщин).

Результаты исследования показали, что молодые мужчины двух возрастных групп (18-23 года) и (24-29 лет) относятся к институту выборов эмоционально отрицательно. Также заметно некоторое снижение положительного отношения к избирательному процессу у мужчин к 24-29 годам: в этом возрасте лишь 25% респондентов определяют свое отношение как положительное. Тем не менее, ярко выраженное эмоционально положительное отношение к выборам и всплеск политической активности мы можем наблюдать у представителей третьей группы – 30-35 лет (86% опрошенных).

На протяжении всего времени у женщин трех возрастных групп преобладает эмоционально отрицательное отношение к выборам, а положительное отношение имеет тенденцию к снижению к 30-35 годам (в этом возрасте лишь 12,5% женщин декларируют позитивное отношение к институту выборов).

В целом «негативизм» по отношению к институту выборов проявляется у мужчин и женщин возрастной группы 24-29 лет.

При характеристике целостного восприятия можно наблюдать, как с возрастом повышается значимость избирательного процесса. Если среди опрошенных в возрасте 18-23 лет преобладает мысль о предопределенности результатов выборов, а респонденты 24-29 лет в большинстве своем не видят в проведении выборов необходимости и сомневаются в авторитетности данного института, то среди старшей возрастной категории значимость выборов наиболее высока.

Аналогичная закономерность проявляется и при выражении отношения опрошенных к институту выборов: возрастные группы (18-23 лет и 24-29 лет) демонстрируют неприязнь и даже отвержение избирательного процесса, тогда как третья возрастная группа преимущественно характеризует свои чувства к выборам как положительные.

При этом среди молодежи преобладает негативное отношение к выборам, которое особенно ярко проявляется в возрасте 24-29 лет –

наиболее критически настроенной по отношению к выборам группе. Исключение составляют мужчины 30-35 лет, которые, подчеркивая значимость и необходимость выборов, воспринимают их позитивно и выражают готовность участия в избирательном процессе.

Наименьшую активность в выборах проявляет молодежь в возрасте 24-29 лет: лишь половина молодых людей и женщин планируют свое участие в качестве избирателей.

Примечательно, что отношение к выборам ближайшего окружения большинством 30-35-летних опрошенных также оценивается как положительное. Ближайшее окружение 18-23-летних респондентов к институту выборов относится в равной степени положительно и отрицательно. Респонденты 24-29 лет отмечают среди своего окружения преимущественно благосклонное отношение к избирательному процессу. Таким образом, вне зависимости от своего отношения к выборам, отношение к выборам близкого окружения респонденты характеризуют как положительное.

Опираясь на данные о количестве высказываний об участии в голосовании, можно утверждать, что избирательная активность молодежи наиболее высока у старшей возрастной группы (30-35 лет), чуть менее активны респонденты 18-23 лет. В группе 24-29 лет количество высказываний об участии и неучастии свидетельствует о самом низком показателе избирательной активности.

Категория «Эмоциональное самочувствие» была связана с целым перечнем упоминаемых респондентами эмоций, указывающих на модальность настроения, а также на амбивалентность чувств. В большей мере эмоциональный комфорт испытывают мужчины и женщины 30-35 лет, что закономерно ввиду их наиболее положительного отношения к выборам среди всех возрастных категорий. В меньшей степени эмоциональный комфорт присущ респондентам в возрасте от 18 до 29 лет, причем отрицательные эмоции преимущественно господствуют среди 18-23-летних.

Отдельно стоит отметить результаты по категории «Факторы, влияющие на участие в выборах». В связи с частотой упоминаемости употребления алкоголя, особенно среди лиц 18-23 лет, пришлось выделить отдельную субкатегорию: в большинстве случаев респонденты советовали избежать употребления спиртного перед голосованием из-за возможности сделать неправильный выбор. Некоторые респонденты отказывались принимать участие в выборах из-за того, что регулярный день их проведения выпадает на воскресенье, в то время как в субботу они предпочитают употреблять

алкоголь в кругу друзей. Основными же факторами, влияющими на участие в выборах, стали активная гражданская позиция и наличие выбора среди политических сил.

В целом можно констатировать, что положительное отношение к институту выборов демонстрируют респонденты 30-35 лет. Как следствие, наиболее высока избирательная активность среди респондентов старшей группы; эмоции, собственное отношение и отношение близкого окружения к избирательному процессу также характеризуются ими как позитивные. Наиболее критическому осмыслению институт выборов подлежит у опрошенных 24-29 лет.

Литература

1. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Анализ социально-психологических подходов к изучению политических образов и представлений // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2020. С. 437-441.
2. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Особенности политического дискурса (на примере анализа текстов СМИ в период подготовки к выборам в Московскую городскую думу) // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2021. С. 443-446.
3. *Пенькова В.Н., Палагина А.А.* Символическая репрезентация выборов в сознании молодежи // В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет. 2018. С. 69-73.
4. *Селезнева А.В.* Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014.

Особенности самоотношения как основа формирования индивидуального имиджа

Петрова П.Н., Пожарская Е.Л.

*ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия
polina_petrova_nik@mail.ru, gerashenko179@mail.ru*

Взаимодействие людей частично строится на основе впечатления, которое они производят друг на друга в зависимости от образа, транслируемого каждым из них. Влияние имиджа на особенности выстраивания отношения к субъектам относится не только к людям, но и к организациям, профессиям, образованию, конкретным вещам и т.д. Их образы определяют особенности траекторий взаимодействия, эмоциональные реакции, избирательность личности в зависимости от ее собственной направленности, ценностно-мотивационной сферы. Любой образ складывается из внешней стороны – визуальной составляющей, и внутренней, представляющей собой репутацию субъекта, его историю, а также особенности поведения, мышления и др., если речь идет о личности [5].

Термин «имидж» был введен в деловой оборот экономистом К. Болдуингом в 60-е годы XX века. При этом еще в 1930-х годах З. Фрейд приложил усилия для популяризации этого понятия. Особое внимание анализу и изучению имиджа в России начали уделять в конце XX века. Чуть раньше, в 1970-е годы понятие «имидж» в русскоязычной литературе рассматривалось О.А. Феофановым в контексте манипулирования общественным сознанием, как инструмент воздействия рекламодателя на потребителя. В 90-е годы знаниями из области изучения имиджа начали активно интересоваться и пользоваться политики, спортсмены, актеры и др. с целью достижения личного успеха в карьере [4; 5].

Сегодня тема создания персонального имиджа является крайне популярной, поскольку он имеет непосредственное отношение к эффективности деятельности каждого человека, транслирует достижения и потенциал, психологические характеристики личности и способствует успешной самореализации в условиях конкурентной социальной среды.

Существует множество определений понятия «имидж», которые были рассмотрены и обобщены Д.М. Вечеховым. На сегодняшний день не существует единого подхода к определению данного феномена, однако в своей диссертационной работе О.Н. Валева выявила, что существующие определения объединяют рассмотренные

имиджа как сконструированного на основе ценностей образа, формирующегося на протяжении жизни и определяющего своей проявленностью степень саморегуляции поведения человека. Итак, для поддержания конкретного имиджа личности ей необходимо регулировать свое поведение, внешний вид, особенности самопрезентации таким образом, чтобы соответствовать конкретному приоритетному для нее образу в глазах окружающих [5].

Отличительные черты персонального имиджа зависят от многочисленных факторов, в первую очередь, от самоопределения, лежащего в основе идентичности личности [1]. Особенности транслируемого человеком имиджа могут быть результатом различной мотивации: стремления продемонстрировать собственные лично значимые представления (конструирование своей идентичности) или желания соответствовать принятым в обществе нормам и ожиданиям (присвоение идентичности), о чем говорил Дж. Марсиа.

Можно также разделить личную и предьявляемую идентичность, включающие каждая личностный и социальный аспект. В соответствии с данной моделью, основанной Р. Фогельсоном, личная идентичность представляет собой содержание мировоззрения и компонента Я-реальное личности, в то время как предьявляемая идентичность чаще всего транслирует лишь часть первой и опосредована процессом самоопределения, конкретной ситуацией взаимодействия, принятыми социальными нормами [2].

Эго-идентичность служит основой позитивного самоотношения личности, что позволяет судить о возможном влиянии особенностей самоотношения на персональный имидж, одним из показательных составляющих которого является самопрезентация.

С целью выявления связи самоотношения личности и избираемых ею тактик самопрезентации в ноябре 2021 года было организовано исследование среди 50 представителей современной молодежи, проведенное автором статьи. Были использованы тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев) и шкала измерения тактик самопрезентации (С.-Ж. Ли, Б. Куигли и др.).

Анализ полученных результатов позволил сделать вывод о тенденции человека использовать те или иные тактики самопрезентации в зависимости от отношения к себе, самооценки и стремления соответствовать социальным нормам и ожиданиям. Было выявлено, что у современной молодежи с ростом позитивного самоотношения, в частности, самоуважения, аутосимпатии, самоуверенности, самопринятия и ожиданий отношения других

снижается частота использования защитных тактик самопрезентации, таких как оправдание с отрицанием ответственности и отречение. К тактике просьбы/мольбы чаще прибегают личности с более негативным самоотношением, низкими самоуверенностью, аутосимпатией, самопоследовательностью и самопониманием. Желание/старание понравится в большей степени характерно для тех, кто отличается слабыми самоуверенностью и самоинтересом, примером для подражания стремится стать те, кто считает себя принятым окружающими людьми и отличается саморуководством.

Таким образом, избираемая тактика самопрезентации может либо компенсировать внутреннюю субъективно ощущаемую неполноценность, чтобы создать субъективно эффективный имидж, либо являться прямым проявлением самоотношения и личностной идентичности.

Литература

1. Антонова Н.В., Белоусова В.В. Самоопределение как механизм развития идентичности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2011. № 2.
2. Антонова Н.В., Дятлова А.А. Индивидуальный имидж как результат самоопределения личности // Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 2.
3. Дагаева Е.А. Имидж: от манипуляции к самовыражению // Исследователь / Researcher. 2018. 1-2.
4. Зубова В. А. Изучение сущности и трактовок понятия имиджа // Молодой ученый. 2019. № 23 (261).
5. Яблонских Ю.П. Имидж как общественный феномен // Проблемы современного педагогического образования. 2018.

Распределенное лидерство в команде: понятие и проблемы исследования

Петрушихина Е.Б.

ФГБОУ ВО РГГУ, Москва, Россия

ebpetr@mail.ru

В последние два десятилетия в изучении команд получил распространение подход, в котором лидерство рассматривается как процесс, реализуемый не только руководителем, но и самими членами

команды. В современной терминологии подобные представления оформлены в концепцию *распределенного лидерства* (разделенного, коллективного, сменяющегося или чередующегося).

Распределенное лидерство может быть определено как ряд процессов взаимного влияния, осуществляемого неформально, в котором функции командного лидерства добровольно распределяются внутри команды между ее членами в ходе выполнения групповых задач [2].

Хотя Т.Ю. Базаров [1] отмечает известный скепсис в отношении распределенного лидерства, интерес к данному феномену растет, и обобщение имеющихся работ позволяет сделать определенные выводы о значении и психологических механизмах распределенного лидерства в команде [3].

Мета-анализ свидетельствует, что распределенное лидерство, оказывает такое же влияние на работу команды, как и руководство, которое в зарубежной литературе часто обозначается как вертикальное лидерство. Однако необходимы дальнейшие исследования относительно того, как вертикальное и разделенное лидерство действуют вместе. В том числе следует выяснить, как и в каких ситуациях вертикальное лидерство способствует или, наоборот, препятствует разделенному лидерству, и каким образом вертикальное и разделенное лидерство взаимно дополняют друг друга.

Исследователи выявили *механизм*, посредством которого осуществляется влияние распределенного лидерства на деятельность команды: это мотивирующее воздействие командной уверенности. Участники команды, обладающие необходимыми компетенциями для осуществления разделенного лидерства, показывают членам группы, что у них есть потенциал для выполнения поставленных задач. Это способствует включению участников в управление групповыми процессами на основе принципа комплементарности. Дополняя компетенции друг друга, члены команды увеличивают потенциал группы, вследствие чего возрастает общая уверенность в коллективном достижении успеха. Наличие командной уверенности позитивно сказывается на групповой продуктивности [3].

Описаны ситуации, в которых распределенное лидерство особенно тесно связано с работой команды. Значимость распределенного лидерства возрастает в случае высокой взаимозависимости участников: высокая взаимозависимость требует скоординированных и согласованных действий членов группы, что в целом выступает

предпосылкой появления распределенного лидерства и его более тесной связи с групповой продуктивностью.

При этом оказалось, что с увеличением срока работы команды значимость разделенного лидерства снижается. Это может быть связано с тем, что с течением времени между членами команды развиваются борьба за власть и конфликты. Реализация лидерства разными участниками группы приводит к сдвигам в распределении влияния, и члены команды в определенный момент должны отказываться от власти, имевшейся у них ранее. Однако для некоторых участников это может быть затруднительно и приводит к конфликтам, в том числе относительно ответственности за выполнение тех или иных обязанностей

Другое объяснение связано с тем, что долго работающие команды становятся более ригидными и приверженными установленным правилам и процедурам. Данная ригидность может препятствовать принятию инновационных стратегий в решении проблем и снижать эффективность всех форм лидерства.

Кроме того, негативное влияние срока существования команды на распределенное лидерство может быть связано с изменениями в составе команды. У новых участников могут возникать проблемы в выполнении лидерских функций выбывших членов команды. Если данное предположение подтвердится в дальнейшем, это окажется весьма важным для практиков, поскольку специальными интервенциями можно будет обучать команды капитализации разделенного лидерства.

Весьма интересно, что значимость разделенного лидерства более высока с точки зрения участников команды по сравнению с оценками экспертов вне команды.

С другой стороны, значимость распределенного лидерства была существенно ниже, когда оценки командной эффективности основывались на объективных показателях, а не на субъективных. Таким образом еще раз подчеркивается важность методического подхода в изучении обсуждаемого феномена.

Полученные материалы позволяют наметить перспективы дальнейшего исследования распределенного лидерства в командах [3].

Во-первых, необходимы эмпирические исследования предпосылок распределенного лидерства. В качестве таковых могут выступать характеристики членов команды, например, их компетенции, подверженность влиянию, а также свойства самой команды, в том числе – ее размер и состав.

Также следует рассмотреть переменные, опосредующие связь распределенного лидерства и командной работы. В этом плане важны временные параметры задачи, виртуальность команды, организационные ценности и восприятие организационной справедливости.

Будущие исследования должны рассматривать разные измерения деятельности, на которые влияет распределенное лидерство. Есть основания полагать, что оно связано с тем поведением, которое поддерживает организационную, социальную и психологическую среду, в рамках которой функционирует производственно-техническая система. Однако непосредственно на саму эту систему распределенное лидерство не воздействует.

Безусловно, важным является изучение условий, при которых распределенное лидерство будет неприемлемо.

И конечно, следует помнить, что распределенное лидерство – процесс, развернутый во времени. Поэтому желателен лонгитюдный дизайн исследований, включающий не менее трех замеров изучаемых явлений.

Литература

1. *Базаров Т.Ю., Базарова К.Т.* Возможно ли распределенное лидерство? // Национальный психологический журнал. 2007. №1.
2. *Iszatt M., Saunders C.* Leadership. Oxford, 2014.
3. *Nicolaidis V.C., LaPort K.A., Chen T.R., Tomassetti A.J., Weis E.J., Zaccaro S.J., Cortina J. M.* The shared leadership of teams: A meta- analysis of proximal, distal, and moderating relationships // The Leadership Quarterly 25. 2014.

Реквием тестам?

Полежаева Л.В.

*Независимый психолог-консультант; Днепр, Украина
polezhayeva@hotmail.com*

К сожалению, приходится признать, что тесты в их классическом применении уже не медленно, но верно, а достаточно быстро и уверенно уходят из арсенала психолога-практика в любой сфере.

358

Говоря о так называемом «классическом применении», мы имеем в виду традиционное их предъявление и обработку результатов, описанные в инструкции. Речь идет обо всех без исключения тестах вербальных, и даже проективных, если последние стали известны тестируемой аудитории, к примеру, по инсайдерским или другим источникам информации.

И дело вовсе не в том, что тесты не валидны, не надежны и/или не достоверны, или ими не умеют работать. Указанные ситуации, разумеется, имеют место, но нами здесь не рассматриваются.

Банкиры любят говорить, что деньги любят тишину, а тесты любят абсолютную тишину, как оказалось. Уже в конце прошлого века психологи сталкивались с ситуацией, когда информация об одном или другом тесте появлялась в каком-нибудь, скажем, популярном, доступном широкому массам издании, например, в журнале «Знание – сила». Моментально этим тестом приходилось прекращать работать и заменять его на что-то другое. В данном случае речь идет о публикации информации о тесте Люшера, который из-за этого пришлось срочно массово заменять тестом Фрилинга.

Что означает этот процесс и чем он вызван?

В настоящее время практически каждый подвергающийся тестированию человек абсолютно уверен в том, что от результатов тестирования во многом зависит его дальнейшая судьба и, значит, для того, чтобы его планы были реализованы, он создает соответствующую модель, которая, как ему кажется, будет способствовать успешной реализации его планов. Будут ли смоделированные характеристики личности соответствовать характеристикам личности реальной – вопрос риторический. В среднем в 85% случаев, как показали наши исследования, нет. В основном лонгитюдном исследовании, которое продолжалось больше 10 лет, приняли участие 5 263 испытуемых, среди которых 40% мужчин и 60% женщин в возрасте от 17 до 65 лет с образованием от неполного среднего до высшего. По профессиональному составу среди испытуемых были студенты, рабочие, инженерно-технические работники, руководящий персонал промышленных предприятий, сотрудники банков, а также реальные претенденты на занятие указанных должностей [1].

В настоящий момент целесообразно вспомнить о том, как и для чего появились первые тесты. Как известно, первыми были тесты, измеряющие уровень интеллекта. Необходимо отметить, что в данной

области тесты продолжают эффективно работать, если только испытуемому не удалось ознакомиться с ними заранее и пройти соответствующую подготовку. Во всех иных случаях испытуемый не расположен быть откровенным, и данное его решение с чисто человеческой точки зрения сложно назвать неправильным.

Для нивелирования вышеуказанного процесса, сводящего на нет диагностическую работу психолога, нами предложен ряд техник или алгоритмов действия. В данной публикации мы рассмотрим одну из техник, применяемую, когда испытуемому известно, что он проходит тестирование и для чего оно делается.

В данной ситуации можно предложить следующий алгоритм действий. На первом этапе мы определяем ролевой веер тестируемого адекватным ситуации способом устно или письменно. Фиксируем наличие или отсутствие у него сингулярных характеристик. Затем проводим один из тестов или блок тестов по необходимой тематике, и на следующем этапе предлагаем испытуемому заполнить репертуарную решётку Келли [2], в которой элементами будут наиболее значимые в данной ситуации социальные роли, в том числе – и из его списка. Конструкты формируются из шкал, по которым испытуемым получены минимальные или максимальные баллы и/или из шкал, которые признаны значимыми для данного вида деятельности. Для определения характера свойственных испытуемому способов построения конструктов заполняется репертуарная решётка: для взрослого – по проблеме потребительского поведения, для ребёнка и подростка – по теме его хобби.

Как оказалось, способы формирования конструктов у одного и того же человека не меняются при переходе от одной области деятельности к другим. Но только у 15% респондентов результаты тестирования совпадали с результатами, полученными в результате обработки репертуарных решеток. Следовательно, можно говорить об их откровенности и нежелании реализовать некий игровой сценарий, которому можно дать название «Посмотри, какой я подходящий (для того, что вам надо)» или «Я именно тот, кого вы ищете».

В отличие от оставшихся 85%, данная категория испытуемых просто демонстрирует свою личностную позицию, не стараясь подстроиться под ситуацию, не пытаясь угадать «что такое хорошо и что такое плохо» в данном социальном и социально-психологическом контексте. Тестирование для 15% респондентов, которых мы

называем сингулярными, данным этапом завершается. Для остальных требуется его продолжение.

В этом случае респонденты из числа указанных 85% подвергаются процедуре тестирования параллельными формами тестов, но сразу оформленными в виде новой репертуарной решетки. Элементы в любом случае принадлежат к категории социальных ролей, но уже более близких к профессиональной тематике и с акцентом на качестве или других особенностях исполнения. Например, если иметь в виду сферу образования, это могут быть: «опытный – неопытный», «успешный – неуспешный учитель», «достигающий – не достигающий результата ученик», «адекватный – неадекватный родитель», «излишне строгий – излишне добрый руководитель образовательной структуры» и т.д.

Кроме того, существуют техники проведения психодиагностической процедуры, когда испытуемому неизвестно, для чего происходит тестирование, или что тестирование происходит вообще.

Итак, какова же судьба тестов? Разумеется, останутся тесты интеллекта и тесты достижений для любого возраста. В возрасте до 12 лет возможно традиционное применение любых тестов, желательно в индивидуальном порядке и без присутствия посторонних. А вот личностным тестам для респондентов старше 12 лет, как интегральным, так и направленным на диагностику отдельных характеристик, предстоит, в нашем понимании, серьезная модификация, если мы хотим получать адекватные результаты.

Литература

1. *Полежаева Л.В.* Экспериментальная диагностика динамики филогенеза социально-ролевых тенденций развития личности // Эволюционная и сравнительная психология в России: Теория и практика исследований / Под редакцией И.А. Хватова и А.Н. Харитоновна. М.: Когито-Центр, 2017. С. 256-264.
2. *Kelly G.A.* The psychology of personal constructs. N-Y., 1955.

Связь стилей взаимоотношений в родительской семье студентов вуза и особенностей их профессиональной идентичности

Полякова О.А., Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
helga.poul@mail.com, vladimirorlov@bk.ru*

На сегодняшний день в России остро стоит проблема профессиональной идентичности как составляющей построения карьеры. Ведь построенная карьера, успехи на профессиональном пути и ощущение себя внутри сложившегося профессионального сообщества – это зачастую главные атрибуты успешного человека XXI века. В современном обществе неотъемлемой частью на пути к достижению высоких профессиональных целей является получение высшего образования.

Ориентация на формирование профессиональных целей и установок формируется в течение жизни под влиянием различных факторов, среди них одним из важнейших выступают взаимоотношения внутри родительской семьи [1; 4].

Каждая семья уникальна. Поэтому и родители по-разному влияют на профессиональные установки своих детей. В частности, они в разной степени воздействуют на их представление идеального профессионального будущего [4].

Особенности стилей семейных взаимоотношений связаны со статусом профессиональной идентичности студента, так как зачастую именно в семье как малой социальной группе у человека складывается идея о собственном профессиональном будущем и своём месте в кругу профессионалов смежной профессии.

Профессиональная идентичность является одной из наиболее важных для молодых людей. Ощущать себя в общности, где доминируют схожие ценности и идеалы, где можно найти поддержку, – частый запрос человека, особенно в период обучения в высшем учебном заведении. Одним из значимых факторов, влияющих на формирование профессиональной идентичности, является личностная зрелость студента. Несмотря на то, что личностная зрелость подвержена возрастной специфике, она не основывается только на возрасте и зависит от конкретных условий, в которых воспитывался человек.

Данная тема широко освещалась в научных трудах многих зарубежных и отечественных учёных (Б.Г. Ананьев, С. В. Духновский,

Н.С. Пряжников, Ю.З. Гильбух, А.А. Азбель, А.Г. Грецов, Л.Б. Шнейдер и др.).

В частности, С.В. Духновский утверждает, что межличностные отношения – это отношения между личностями, в процессе которых формируются такие особенности межличностных отношений, как напряженность, отчужденность, конфликтность и агрессивность [3]. В том числе, им выдвигается предположение о том, что особенности взаимоотношений в родительской семье студентов связаны с их профессиональной идентичностью.

А.А. Азбель и А.Г. Грецов выделяют четыре статуса профессиональной идентичности – неопределенная, сформированная, навязанная и находящаяся на этапе кризиса.

Период студенчества крайне важен для развития профессиональной идентичности. Он состоит в том, что развитие личности и взросление может происходить форсированными темпами за счёт развивающихся социальных связей.

В процессе обучения личностная зрелость студентов также трансформируется: либо возрастает наряду с профессиональными компетенциями, либо падает вследствие невозможности преодолеть кризис, приближаясь к показателю инфантильности. Ю.З. Гильбух выдвигает 5 главных аспектов, составляющих личностную зрелость – это мотивация достижений, отношение к своему «Я», чувство гражданского долга, жизненные установки и способность к психологической близости с другим человеком. Доминирующий показатель личностной зрелости связан со статусом профессиональной идентичности. Ведь то, насколько осознанно и ответственно человек подходит к своим профессиональным обязанностям, обусловлено не только возрастом, но и таким фактором, как зрелость.

В нашем исследовании приняли участие студенты различных вузов в количестве 90 человек. Из них 30% – мужчины и 70% – женщины. Респонденты являются студентами 1-5 курса бакалавриата и 1-2 курса магистратуры. Опрошенные получают высшее образование по самым разным специальностям гуманитарной, технической, и экономической направленности.

Респонденты каждой группы ответили на вопросы по следующим методикам: опросник «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского, методика «Изучение статусов профессиональной идентичности» А.А. Азбель и А.Г. Грецова, тест-опросник личностной зрелости Ю.З. Гильбуха.

Был проведен корреляционный анализ взаимосвязи особенностей семейных взаимоотношений и статусов профессиональной идентичности. Анализ данных, полученных по методике С.В. Духновского, показал, что мужчины чаще склонны к отчужденности в отношениях с членами родительской семьи. У респондентов с выявленной агрессивностью в отношениях чаще встречается неопределенная профессиональная идентичность.

В дополнение к изучению особенностей семейных взаимоотношений и профессиональных статусов идентичности были проанализированы результаты применения методики Ю.З. Гильбуха, выявляющие доминирующий показатель в развитии личностной зрелости [2]. Результаты исследования показали, что у женщин более выражены показатели гражданского долга.

Анализ взаимосвязи особенностей семейных взаимоотношений и статусов профессиональной идентичности показал наличие положительных корреляций. В частности, существует прямая связь между такой особенностью семейных взаимоотношений, как «Напряженность», и статусом профессиональной идентичности «Предрешенный». Также была выявлена в ходе исследования связь между «Конфликтностью» в семейных взаимоотношениях и статусом «Мораторий» (или кризисная идентичность).

Данное исследование показало, что статус профессиональной идентичности студентов вузов напрямую связан с особенностью взаимоотношений в семье. В свою очередь, статус профессиональной идентичности связан с рядом факторов, один из которых – личностная зрелость. Также на перечисленные показатели может повлиять пол респондентов.

Таким образом, изучение профессиональной идентичности студентов, их уровня зрелости и особенностей взаимоотношений в родительской семье имеет большую значимость в рамках изучения данной проблемы.

Литература

1. *Варга А.Я.* Системная семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2001. 144 с.
2. *Гильбух Ю.З.* Тест-опросник личностной зрелости. Киев: НПЦ Психодиагностика и дифференцированное обучение, 1994. 14 с.

3. *Духновский С.В.* Субъективная оценка межличностных отношений: Руководство по применению. СПб.: Речь, 2006. 54 с.
4. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.

Специфика романтических отношений представителей разных сексуальных ориентаций

Попович Ю.А., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
juliapopovichpsy@yandex.ru

Романтические отношения – трудно операционализируемая, но распространенная тема, она так или иначе, волнует многих, как в обыденной жизни, так и с научной точки зрения. Этот вопрос затрагивает в равной степени и гетеросексуалов, и представителей ЛГБТК-сообщества. Для последних он осложняется, как минимум, двумя дополнительными факторами: меньшее количество потенциальных партнеров и негативное отношение общества. Первый фактор объясняется тем, что по статистике людей с сексуальной ориентацией, отличной от гетеросексуальной, не больше 10-15% на долю всего населения планеты. Причина негативного отношения со стороны общества складывается из низкой осведомленности населения, вызванной табуированностью темы и общей направленностью государства на поддержание традиционных семейных ценностей.

В отечественной парадигме психологического знания романтические отношения определяют как «интенсивное, напряженное и относительно устойчивое чувство субъекта, физиологически обусловленное сексуальными потребностями и выражающееся в стремлении быть своими лично значимыми чертами с максимальной полнотой представленным в жизнедеятельности другого т.о., чтобы пробуждать у него потребность в ответном чувстве той же интенсивности, напряженности и устойчивости» [1]. Исследованием любви, а также

одиноким занималось достаточно большое количество как зарубежных, так и отечественных учёных: Г. Зилбург, К. Роджерс, Л.С. Рубинштейн, Г. Салливан, З. Фрейд, Э. Фромм и т.д.

Гипотеза нашего исследования: интенсивность теоретически выделяемых составляющих романтических отношений у представителей различных сексуальных ориентаций будет различаться. Методики исследования: опросник «Шкала любви и симпатии» З. Рубина в модификации Л.Я. Гозмана и Ю.Е. Алешиной и «Мультиопросник измерения романтической привязанности у взрослых» (К.А. Бреннан, П.Р. Швейер, в адаптации Т.Л. Крюковой и О.А. Екимчик).

В данном исследовании приняли участие жители Российской Федерации ($n = 1011$) в возрасте от 16 до 54 лет. Выборка включает в себя: 32% выборки определяют себя как бисексуалов, 21% как пансексуалов, 20% как гомосексуалов, 15% как гетеросексуалов, и 12% как асексуалов. Средний возраст испытуемых составляет 20,9 ($SD = 5,38$ года).

В широком смысле романтические отношения делят на две составляющие – любовь и симпатия. Более детальное разделение романтических отношений на составляющие предложил К.А. Бреннан – фрустрация, стремление к сближению, самоподдержка, амбивалентность, доверие, ревность и «срастание с партнером».

Основываясь на данных, полученных при расчетах с помощью критерия Краскала-Уоллиса, можно увидеть, что только в шкалах симпатии и фрустрации не было найдено статистически значимых различий. У представителей ЛГБТК-сообщества будут различия в таких составляющих романтических отношений как «стремление к сближению», «самоподдержка», «амбивалентность», «доверие к партнеру», «ревность» и «срастание с партнером».

Так, например, интенсивность проявления любви у асексуалов выражена в гораздо меньшей степени, в сравнении с другими сексуальными ориентациями. Это можно объяснить тем, что отсутствие влечения, которое является одним из критериев романтической любви, приводит к снижению активности поиска возможного романтического партнера, а также является значительным условием для того, чтобы испытываемые чувства находились в разряде дружеских и платонических, не видоизменяясь в любовные [3]. Стремление к сближению и доверие, согласно результатам нашего исследования, представители всех представленных ориентаций, кроме асексуалов, показывают примерно в равно высокой степени.

Самоподдержка, как и амбивалентность, напротив в большей степени присуща именно асексуалам.

У гомо-, по сравнению с гетеросексуалами, интенсивность проявления любви выражена сильнее. Также значимые отличия прослеживаются при сравнении показателей бисексуалов и гомосексуалов по шкале «амбивалентность», низкие показатели последних объясняются желанием гомосексуальных людей быть ближе к своему партнеру, а также высокими показателями по шкале «срастание с партнером». По сравнению с асексуалами, гомосексуалы в гораздо большей степени испытывают страх быть покинутыми партнером, а также ревнуют. По шкале «срастание с партнером» самые высокие показатели имеют гомосексуалы. Эта характеристика следует из дилеммы «хочу быть с этим человеком и хочу быть этим человеком» [2].

Бисексуалы и пансексуалы проявляют примерно равную степень интенсивности любви к партнеру, а при сравнении с гомосексуалами показатели би- и пансексуалов оказываются ниже. Последние также проявляют существенную степень самоподдержки, но тем не менее, значимые отличия у них наблюдаются только в сравнении с гетеросексуалами, и, в соответствии с вышеуказанными данными, с асексуалами.

Больше доверие к партнеру проявляют гетеро-, гомо-, би- и пансексуалы по сравнению с асексуалами. Последним достаточно тяжело построить романтические отношения, исключая сексуальный аспект, особенно если партнер определяет себя как представителя другой сексуальной ориентации. Возможность испытывать сексуальное влечение в таких отношениях, может стать серьезным барьером в налаживании доверительных отношений.

Литература

1. *Ильин Е.П.* Психология любви. СПб., 2018.
2. *Кон И.С.* Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре. М., 2003.
3. *Davis M.* Intimate partner support: A comparison of gay, lesbian, and heterosexual relationships. Journal of the international association for relationship research. 2017, vol. 24, no. 2.

Взаимосвязь карьерных и ценностных ориентаций у студентов различных направлений подготовки

Рахманов Р.П.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dude06961@gmail.com*

В современном мире проблема построения карьеры приобретает все большую актуальность. Стремительный рост информационных технологий и социальной мобильности ставит перед будущими профессионалами задачи осознанного карьерного выбора, который не сводится только к приобретению профессиональных навыков и материальной заинтересованности, а скорее связан с ценностными ориентациями.

Данная проблема освещалась в научных трудах многих зарубежных и отечественных ученых: Н.С. Пряжникова, Э. Шейна, В.А.Чикер, В.А. Ядова и др. Они утверждали, что на развитие карьеры оказывает влияние такой личностный фактор, как карьерные ориентации. Э. Шейн определял их как «Якоря карьеры» и считал важным составляющим элементом профессиональной «Я-концепции». Карьерные ориентации выражают направленность личности на определенные нормы и ценности в области карьеры [2, с.74]. Ценностные ориентации личности – это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [1, с.436].

Ценностные ориентации формируются с ранних лет под влиянием различных факторов: культуры, морали, воспитания, характера и т.п. Карьерные ориентации формируются на начальных этапах вхождения в профессиональную деятельность, например, в студенческие годы. В этот период у молодых людей происходит усиление сознательных мотивов, появляются собственные взгляды на будущую профессию и карьеру. Тип выбранной профессии – это тоже фактор, влияющий на формирование ценностных и карьерных ориентаций. Интерес данной работы заключается в выявлении особенностей карьерных и ценностных ориентаций у студентов различных направлений подготовки и установление взаимосвязи между ними.

В нашем исследовании приняли участие студенты ФГБОУ «РЭУ им. Плеханова» в количестве 96 человек (45 юношей, 51 девушка) 1-4 курса обучения. Пол и возраст участников интереса не представлял. В выборке основное значение придавалось направленности обучения.

По этому принципу студентов разделили на группы: «Психология», «Экономика», «IT-технологии». Участники каждой группы прошли опрос по следующим методикам: «Якоря карьеры» («Изучение мотивации профессиональной карьеры») Э. Шейна в адаптации В.А. Чикер и В.Э. Винокуровой; «Диагностика системы ценностных ориентаций личности» Е.Б.Фанталовой; СЖО «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева. Корреляционный анализ взаимосвязи карьерных и ценностных ориентаций был выполнен методом квадратов К. Пирсона.

Результаты исследования по методике Э. Шейна «Якоря карьеры» показали, что психологи при построении карьеры больше всего ориентированы на «Служение». Основными ценностями для этой ориентации являются стремление помогать людям и желание сделать мир лучше. Для них незначимыми оказались такие карьерные ориентации, как «Менеджмент» и «Предпринимательство», в отличие от экономистов, которые посчитали их основными для себя. IT-специалисты выбрали ведущей ориентацией «Автономию». Это закономерно, ведь их будущая деятельность напрямую связана с компьютерными технологиями и не сильно зависит от работы в коллективе.

Результаты по методике Е.Б. Фанталовой показали, что для психологов важна такая ценность, как «Активная деятельная жизнь», что объясняется особенностью профессии типа «Человек-Человек». А для IT-специалистов, проводящих много времени за компьютером, эта ценность оказалась совершенно незначимой. Для них основной ценностью стало «Творчество». Несмотря на то, что их профессия относится к типу «Человек-Знак», она достаточно творческая. Например, среди IT-специалистов могут быть web-дизайнеры, разработчики компьютерных программ, игр и т.п. Экономисты выбрали такие ценности, как «Материальное обеспечение», «Познание» и «Свобода». Этот факт можно объяснить направленностью обучения, ведь в этой группе студентов много будущих финансистов, маркетологов, менеджеров.

В дополнение к изучению карьерных и ценностных ориентаций у студентов были проанализированы показатели по методике «СЖО» Д.А. Леонтьева, где смысложизненные ориентации представлены пятью субшкалами: цель, процесс, результативность жизни и два локуса контроля. Результаты показали, что у экономистов по шкале «Цель» коэффициент выше, чем у студентов других групп. Также у них выше показатель по шкале «Результат». А психологи

продемонстрировали самый высокий коэффициент по шкале «Процесс». IT-специалисты показали самые низкие коэффициенты по всем шкалам.

Корреляционный анализ взаимосвязи карьерных ориентаций в каждой группе выявил прямые и обратные зависимости. Например, у психологов обнаружилась прямая зависимость между карьерной ориентацией «Вызов» и ценностью «Уверенность в себе». Выявлена обратная зависимость между «Стабильностью работы» и «Материально обеспеченной жизнью». Эта связь объясняется тем, что психологи продемонстрировали низкую материальную заинтересованность в карьере. Стабильная работа для них – это не стабильный доход, а скорее, интересная работа, развитие, профессиональный рост. У экономистов была выявлена прямая связь между ценностью «Интересная работа» и карьерной ориентацией «Менеджмент». Это объясняется тем, что студенты этого направления в карьере будут стремиться к управлению в различных сферах деятельности. У IT-специалистов была обнаружена прямая зависимость между карьерной ориентацией «Интеграция стилей жизни» и ценностями: «Интересная работа», «Материально обеспеченная жизнь». Такая взаимосвязь показывает, что студенты этого направления при построении карьеры будут стремиться к балансу во всех сферах жизни.

Проведенное исследование показало, что на формирование будущих карьерных предпочтений у студентов оказывает влияние ряд факторов, один из которых – направленность обучения. Осознанный выбор профессии – это путь к успешной карьере. Это возможность в полной мере реализовать свои возможности и принести пользу обществу.

Таким образом, изучение профессиональных склонностей, ценностных ориентаций и социальных установок у студентов имеет большую значимость, так как эта социальная группа представляет собой будущий интеллектуальный ресурс страны.

Литература

1. Краткий психологический словарь / ред-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов / Д. 1998.
2. Шнейдер Л.Б. Психология карьеры: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Л.Б. Шнейдер, З.С. Акбиева,

О.П. Цариценцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 187 с.

Особенности школьной тревожности младших и старших подростков в период дистанционного обучения

Репенко М.С., Устинова Н.В.

*ГОУ ВПО «ДонНУ», Донецк, Донецкая Народная Республика
mari_r8@mail.ru*

Одними из наиболее актуальных проблем в современной психологии, занимающими особое место в современном образовательном процессе, являются вопросы, касающиеся изучения тревожности у школьников. Многие исследователи отмечают, что высокий уровень тревожности может быть обусловлен трудностями в школе, сложностью изучаемого материала, большими учебными нагрузками. С приобретением устойчивой формы состояние тревожности приводит к снижению самооценки и, следовательно, к снижению учебной продуктивности, конфликтам с учителями и родителями.

Период перехода в подростничество характеризуется формированием «чувства взрослости», «вытягиванием» временной перспективы в сторону отдаленного будущего, что может приводить к росту неадекватности самооценки, к излишней самоуверенности или, наоборот, к росту тревожности и пессимизма [1].

Переход на дистанционное обучение, представляющее собой новый формат получения знаний и их оценивания, является резкой сменой информационной среды и способен привести к повышению напряжения, трансформациям в социальных коммуникациях, росту тревожности, повлиять на самооценку, самосознание и социализацию.

Следовательно, чрезвычайно актуальным является исследование школьной тревожности подростков в период дистанционного обучения.

В процессе исследования нами была выдвинута гипотеза, что существуют различия в особенностях проявления школьной тревожности у младших и старших подростков в условиях дистанционного обучения в сравнении с очным обучением.

Опираясь на периодизацию Д.Б. Эльконина, мы провели эмпирическое исследование уровня тревожности у младших и старших подростков. Общий объем выборки составил 47 человек в возрасте 13-17 лет, из них младших подростков – 32 человека, старших – 15 человек.

Исследование тревожности проводилось на протяжении 2019-2021 годов. Данные за 2019 и 2021 года были получены в период очного обучения, за 2020 год – в период дистанционного обучения.

Для проведения исследования нами был использован Тест школьной тревожности Б.Н. Филлипса [2].

В результате диагностики по тесту школьной тревожности Б.Н. Филлипса было выявлено, что за весь исследуемый период большинство среднегрупповых значений соответствуют нормальному уровню тревожности, необходимому для адаптации и продуктивной деятельности.

Анализируя результаты диагностики за период 2019-2020 можно отметить, что младшие подростки характеризуются ростом уровня тревожности по факторам «страх не соответствовать ожиданиям окружающих» (с 43% до 47%) и «низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» (с 20% до 28%), факторы «страх самовыражения» (32%) и «общая тревожность в школе» (33%) остались без изменений, по остальным факторам наблюдается снижение показателей. Это свидетельствует о том, что переход на дистанционное обучение повысил уровень тревоги младших подростков по поводу оценок, даваемых окружающими, их ориентацию на значимость других в оценке своих результатов и поступков, снизил приспособляемость к ситуациям стрессогенного характера, что повышает вероятность деструктивного реагирования на тревожный фактор среды.

Старшие подростки за период 2019-2020 характеризуются ростом уровня тревожности по факторам «страх самовыражения» (с 22% до 41%), «низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» (с 11% до 16%) и «проблемы и страхи в отношениях с учителями» (с 33% до 37%); по остальным факторам наблюдается снижение показателей. Это свидетельствует о том, что переход на дистанционное обучение повысил уровень негативного эмоционального переживания старшими подростками ситуаций, сопряженных с необходимостью самораскрытия и демонстрации своих возможностей, снизил приспособляемость к ситуациям стрессогенного характера, повысил

общий негативный эмоциональный фон отношений со взрослыми в школе, снижающий успешность обучения подростка.

За период 2020-2021 младшие подростки характеризуются ростом уровня тревожности по всем факторам (наибольшие изменения наблюдаются по фактору «страх самовыражения» – с 32% до 52%), старшие подростки – снижением уровня тревожности по всем факторам, за исключением фактора «фрустрация потребности в достижении успеха» (с 33% до 34%). Это свидетельствует о том, что возвращение к очному обучению и повышение количества контактов с учителями и одноклассниками повысило уровень тревожности младших подростков, что может быть связано со сложностями реадaptации к прежним школьным условиям обучения. Подобный рост уровня негативных эмоциональных переживаний ситуаций, сопряженных с необходимостью самораскрытия, может быть связан как с нестабильной ситуацией с дистанционным обучением, так и с особенностями подросткового возраста.

В целом, можно отметить, что за период дистанционного обучения наблюдается преимущественно снижение показателей школьной тревожности, за последистанционный период у младших подростков наблюдается рост показателей школьной тревожности, у старших подростков – их снижение.

Проведенный анализ показал, что существуют различия в особенностях проявления школьной тревожности у младших и старших подростков в условиях дистанционного обучения в сравнении с очным обучением, что полностью подтверждает гипотезу исследования. Результаты данного исследования могут применяться психологами и учителями для учета особенностей школьной тревожности у подростков в различных условиях обучения и для улучшения организации дистанционного обучения.

Литература

1. *Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. М., 2000.
2. *Рогов Е.И.* Настольная книга практического психолога: учебное пособие: В 2 книгах. Книга 1: Система работы психолога с детьми разного возраста. М. 1999.

Проблема табакокурения в условиях пандемии коронавируса

Решетко С.А.

*ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия
swetlana.reshetko@yandex.ru*

В условиях широкого распространения коронавирусной инфекции 2019 года (COVID-19) наиболее актуальным и значимым стал вопрос сохранения здоровья. Активно проводились исследования, направленные на выявление факторов, влияющих на более тяжелое течение заболевания. Как один из факторов, усугубляющих течение заболевания, рассматривалось активное табакокурение.

Согласно данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), риску развития тяжелых форм COVID-19 подвержены активные курильщики. В соответствии с полученными данными 2021 год прошел под девизом: «Пандемия COVID-19 – повод отказаться от табака». В рамках годовой компании специалисты ВОЗ оказывали поддержку пациентам, желающим отказаться от табака, информировали о последствиях курения. В нашей стране особое внимание, направленное на профилактику распространения COVID-19 и отказу от курения, было уделено социальной рекламе, а также информационной поддержке пациентов по телефону «горячей линии» [4].

Рассматривая проблему табакокурения, исследования, посвященные ей, можно разделить на три большие группы: макро-, микроуровень и личностный [2]. В условиях развития коронавирусной инфекции 2019 года изучение влияния табака в основном было сосредоточено и реализовано на макроуровне: влияние рекламы, воздействие мер, реализуемых государством по профилактике заболеваемости.

Изучение влияния рекламы на потребителя уже давно демонстрируют на примере рекламы табачных изделий [2]. Для каждой категории потребителей реклама создается с учетом психологических особенностей разных социальных и гендерных слоев населения. Так, для привлечения внимания женщин реклама часто создается с акцентом на женственность образа девушки с сигаретой, либо на самодостаточности и независимости от мужчин. В условиях распространения COVID-19 стала популярна социальная реклама против распространения коронавирусной инфекции [1]. Специфика социальной рекламы состоит в том, что это вид некоммерческой

деятельности, направленный на привлечение внимания к социально значимой проблеме. Социальная реклама в условиях распространения коронавирусной инфекции носила характер призыва к уменьшению количества социальных контактов, соблюдению дистанции, ношению средств индивидуальной защиты и отказу от курения. Как показывают исследования, более 50% опрошенных людей считали данную рекламу полезной и были склонны следовать рекомендациям Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения.

На период действия ограничительных мер по предотвращению распространения инфекции была организована «горячая линия» Минздрава России [4]. Среди тех, кто обращался за помощью, проводился опрос о статусе курения, количестве выкуриваемых сигарет. Как показали данные, около 40% звонивших были люди, желающие отказаться от курения [3]. С данной группой людей были проведены как очные, так и дистанционные формы работы. Интересным представляется тот факт, что более эффективным оказался именно дистанционный вариант. Данный факт можно объяснить тем, что за дистанционными консультациями чаще обращались люди, работающие удаленно, что снижало их контакты с курящими коллегами, т.е. курящая компания отсутствовала. Однако противоположный эффект мог наблюдаться среди тех опрошенных, которые не могли организовать свое время дома и чувствовали одиночество.

Анализируя исследования проблемы распространения и отказа от табакокурения в период пандемии, можно отметить разрозненность исследований. Наиболее часто рассмотрение проблемы проходило на одном уровне, например, макросоциальном – влияние социальной рекламы. Представляется интересным изучение также индивидуально-личностных характеристик и микросоциального уровня (влияние близкого окружения) для формирования полного представления о факторах и условиях отказа от курения.

Литература

1. *Ёлкина М.В., Паутов А.Д.* Специфика социальной рекламы в условиях пандемии коронавируса // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Том 14. № 4.
2. *Решетко С.А., Багратиони К.А.* Современное состояние психологических исследований проблемы табакокурения // Мир психологии. 2015. № 2 (82).

3. Яблонский П.К., Суховская О.А., Смирнова М.А. Влияние табакокурения на заболеваемость и исходы covid-19 // Медицинский альянс. 2020. Том 8. № 2.
4. Яблонский П.К., Суховская О.А., Смирнова М.А., Васильев В.С. Курительное поведение в период пандемии covid-19 // Медицинский альянс. 2021. Том 9. № 3.

Диагностика риска аддиктивного поведения молодежи методом айтрекинга

Робин С.Д., Кружкова О.В.

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия
robinseryi@gmail.com, galiat1@yandex.ru*

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
Министерства просвещения РФ «Научный анализ применения единой
методики социально-психологического тестирования обучающихся,
направленного на раннее выявление немедицинского потребления
наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».*

Сегодня среди многих психологических проблем у подростков и взрослых людей значительный вес имеет проблема аддиктивного поведения. Данное поведение порицается в обществе, вынуждая людей скрывать и отрицать факт наличия зависимости. Поэтому появилась необходимость в освоении новых технологий, позволяющих выявить аддиктивное поведение и его формы для своевременной организации его профилактики.

Для реализации этих целей подходит технология айтрекинга (окулография), которая является перспективным психофизиологическим методом для определения скрытых интенций испытуемого через анализ его глазодвигательной активности, точек фиксации взгляда, саккад появляющихся при предъявляемой визуальной информации, а также моргания и изменения диаметра зрачка. Такие показатели являются проявлением непроизвольного внимания, возникающие независимо от сознательных мотивов человека и тесно связано с внутренними личностными характеристиками. Объекты, несущие определенную потребность\ценность для человека, часто соответствуют области

непроизвольной фиксации взгляда. Стимулы, ассоциируемые с аддикцией, в сравнении с нейтральными стимулами, будут вызывать большее непроизвольное внимание, даже при наличии иной инструкции для сознательного поведения. На подтверждение этой гипотезы был направлен данный эксперимент.

Цель эксперимента – выявление соответствия объективных маркеров аддиктивного поведения испытуемых (фиксации и саккады на значимые стимулы-раздражители, обнаруженные при прохождении айтрекинга) и данных индивидуальной беседы, направленной на выявление наличия или отсутствия как личного опыта аддиктивного поведения, так и опыта в окружении респондента.

Применение айтрекинга в рамках разработанного эксперимента базировалось на фиксации непроизвольных движений глаз при предъявлении значимых стимулов-раздражителей, которыми при наличии у испытуемого опыта употребления психоактивных веществ являлись слова с соответствующей смысловой нагрузкой. Непроизвольные саккады совершаются при наличии стимула-раздражителя даже тогда, когда это противоречит инструкции и волевым усилиям испытуемого. Также в ситуации поиска слов в филворде в приоритете прочитываться взглядом будут те слова, которые имеют большее значение для человека.

Процедура проведения эксперимента. Исследование было проведено в рамках лабораторного эксперимента с применением айтрекера Tobii Pro Spectrum (150 Hz) путем демонстрации стимульного материала двух типов: «слова вокруг точки» и «поиск слов в филворде». Стимульный материал демонстрировался на экране ЖК монитора Eizo FlexScan EV245, разрешение экрана 1920x1080. Расстояние от глаз испытуемых до поверхности экрана 53 см. В ходе эксперимента велась запись движений глаз, общего поведения участников, а также протоколировались высказывания и комментарии. В эксперименте приняли участие преимущественно студенты первого и второго курса ВУЗа. Выборка составила 36 человек, из них 7 юношей и 29 девушек в возрасте от 18 до 23 лет.

Эксперимент состоял из двух этапов. Инструкция представлялась для каждого этапа в визуальной форме и сопровождалась комментариями экспериментатора.

Первый этап включал себя серию слайдов с точкой посередине, вокруг которой располагались 4 пары слов, где одна половина имела отношение к аддиктивной смысловой группе, вторая носила нейтральный характер.

Для второго этапа были созданы филворды, на которых среди набора случайных букв располагались слова-стимулы из аддиктивной смысловой группы и их нейтральная пара.

Результаты эксперимента. Обработка результатов эксперимента осуществлялась путем подсчета количества маркеров по категориям табакокурения, алкоголизма, наркомании, токсикомании, общего аддиктивного поведения. Единичным баллом считалось наличие непроизвольной саккады в направлении слова-стимула при выполнении первого этапа, а также прочтение взглядом и/или голосовое подтверждение слова во втором этапе.

По результатам обработки данных эксперимента было выявлено, что маркер алкоголизма встречался среди респондентов чаще всего, к нему приближается маркер табакокурения.

Проведение сравнительного анализа с использованием критерия Манна-Уитни между группами испытуемых, указывающих на наличие личного опыта табакокурения и не имеющих его, по индексу риска общего аддиктивного поведения обнаружило статистически значимые различия ($U=52,00$, $p=0,006$). При этом респонденты группы, не имеющей опыта табакокурения, демонстрируют более высокий показатель индекса общей аддикции, чем респонденты, имеющие опыт табакокурения. Отметим, что табакокурение является одной из форм аддиктивного поведения, не только мало порицаемого обществом, но и выступающего в молодежной среде признаком взрослости и независимости. Также табакокурение часто не ассоциируется с негативными вкусовыми ощущениями ввиду дополнения производителями табака привлекательными для молодежи вкусовыми и ароматическими компонентами. В исследовании D.S. Mantey и др. указано, что, например, наличие ментола статистически значимо увеличивает риск аддикции табакокурения, повышает частоту курения и снижает желание отказаться от него среди молодежи [1]. Также были выявлены и другие значимые различия между результатами самоотчетов и показателями айтрекинга.

Литература

1. Mantey D.S., Chido-Amajuoyi O.G., Omega-Njemnobi O., Montgomery L.T. Cigarette smoking frequency, quantity, dependence, and quit intentions during adolescence: Comparison

of menthol and non-menthol smokers (National Youth Tobacco Survey 2017–2020) // Addictive Behaviors. 2021. № 121. 106986.

Институциональное доверие казахской и русской молодежи

Ромашева Ж.Ж.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Zhanagul.rom@mail.ru

Актуальность социально-психологического исследования проблем институционального доверия обусловлено его значимой ролью в социальных отношениях. Отражая социальное самочувствие населения, институциональное доверие определяет его социальный капитал, обеспечивает стабильность общества и регулирует взаимоотношения людей в социуме [2]. Доверие к институтам власти связано с преобладающими ценностями в обществе [9], что предполагает проведение исследования с учетом этнической принадлежности респондентов.

Цель исследования: сравнить институциональное доверие казахской и русской молодежи.

С декабря 2020 г. по март 2021 г. был проведен опрос с целью выявления уровня институционального доверия казахской и русской молодежи. В исследовании приняли участие 760 респондентов – представители титульных наций Казахстана (364 человека из них 285 женщин (78%)) и России (396 человека из них 303 женщины (77%)). Средний возраст респондентов в казахстанской выборке составляет 20,7 лет (SD=4,08), в российской выборке – 20,9 лет (SD=3,97).

Для исследования уровня институционального доверия был составлен опросник «Уровень институционального доверия» на основе вопросов социологического опроса CSI центра стратегических инициатив [7], внутренняя согласованность которого проверена с помощью коэффициента α -Кронбаха. Сравнительный анализ результатов исследования осуществлен с помощью t-критерия Стьюдента.

Результаты исследования институционального доверия казахской и русской молодежи представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Средние значения институционального доверия и его
компонентов казахов и русских (N = 760)

Переменные	Казахи (N=364)		Русские (N=396)		Уровень значимости
	М	SD	М	SD	
Доверие президенту	3,42	1,44	2,42	1,42	0,000
Доверие правительству	3,20	1,43	2,33	1,28	0,000
Доверие акиму/губернатору	3,17	1,41	2,37	1,24	0,000
Доверие местным властям	3,17	1,45	2,39	1,24	0,000
Доверие полиции	3,26	1,41	2,47	1,26	0,000
Доверие правосудию	3,28	1,43	2,41	1,29	0,000
Интегративная шкала					
Институциональное доверие	3,25	1,32	2,40	1,16	0,000
	$\alpha = 0,97$		$\alpha = 0,95$		

Обнаружены значимые различия в уровне институционального доверия казахов и русских. Так, казахская молодежь в большей степени доверяет властям, чем русская, что согласуется с данными ряда других исследований [1; 4]. Различия в степени институционального доверия казахов и русских обусловлены, во-первых, большей ориентацией казахской молодежи по сравнению с русской молодежью на традиционные ценности [6], определяющие повышение доверия к власти [8], во-вторых, большей направленностью русских на ценности самопреодоления по сравнению с казахами [4]. Так, при важности ценностей заботы о людях, об обществе россияне ожидают оказания внимания и помощи гражданам со стороны государственных органов. Чаще всего такие ожидания не оправдываются, что приводит к снижению доверия к властям [3]. В-третьих, полученные данные можно объяснить более низким уровнем субъективного благополучия русских по сравнению с казахами [4]. Неудовлетворенность русской молодежи жизненными условиями, материальным обеспечением отчасти отражает неэффективность работы государственных органов и ведет к снижению институционального доверия [5].

Результаты проведенного исследования показали, что казахская молодежь больше доверяет институтам власти, чем русская молодежь, что обусловлено большей ориентацией на ценности сохранения, меньшей ориентацией на ценности самопреодоления и более высоким уровнем субъективного благополучия казахов по сравнению с русскими.

В перспективе планируется изучение роли институционального доверия в возникновении эмиграционных установок молодежи.

Ограничением проведенного исследования мы считаем несбалансированность выборки по полу, а именно преобладание респондентов женского пола (более 75%).

Литература

1. *Барановский М.В., Борисов А.В.* Кросснациональные социологические исследования межличностного и институционального доверия // Ученые записки Крымского фед-го ун-та имени В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 3–14.
2. *Латов Ю.В.* Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161-175.
3. *Макушева М.О., Нестик Т.А.* Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447 <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.
4. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. №18 (1). С. 131-155. doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-131-155.
5. *Пушкарева Г.В., Михайлова О.В., Батоврина Е.В.* Политические ориентации российского студенчества: региональный срез // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 1. С. 19-33.
6. *Шамионов Р.М.* Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и

- казахов // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 35. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.01.2022).
7. Центр стратегических инициатив / Общество неверующих. Почему казахстанцы не доверяют институтам власти. 2019. URL: https://forbes.kz/stats/obschestvo_neveryuschih_pochemu_kazah_stantsyi_ne_doveryayut_institutam_vlasti (дата обращения 10.05.2020).
 8. *Baniamin H.M, Jamil I., Askvik S.* Mismatch between lower performance and higher trust in the civil service: Can culture provide an explanation? // International political science review. 2020. Vol. 41 Iss. 2. P. 192-206. DOI 10.1177/0192512118799756.
 9. *Davide M., Spini D., Devos T.* Human Values and Trust in Institutions across Countries: A Multilevel Test of Schwartz's Hypothesis of Structural Equivalence. Survey Research Methods.2012. Vol. 6. № 1. P. 49–60. DOI: 10.18148/srm/2012.v6i1.5090.

Взаимосвязь социальных типов личности с уровнем профессионального выгорания у банковских работников

Рубан Е.В., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ruban80@gmail.com, allavan@yandex.ru

Характер профессиональной деятельности и личностные характеристики людей, приходящих в профессию, играют значимую роль в формировании синдрома профессионального выгорания. С точки зрения К. Маслач и М. Лейтера, выгорание – это результат несоответствия между личностью и профессиональной деятельностью [2; 5].

Ежедневный стресс в профессиональной деятельности оказывает значительное влияние на физическое и психическое здоровье человека. Это проявляется в прогулах и деперсонализации, ухудшении отношений с семьей и друзьями, «уходе в себя». Возможны психосоматические заболевания и эмоциональное истощение, конфликтность, снижение значимости работы и личностных достижений, употребление алкоголя [1]. Сложность выявления

синдрома выгорания заключается в том, что без проведения соответствующей диагностики сотрудника практически невозможно выявить симптомы выгорания на начальной стадии.

Социально-психологические исследования показывают, что синдрому профессионального выгорания чаще подвержены специалисты, чья профессиональная деятельность связана с непосредственным взаимодействием с людьми – медицинские и социальные работники, педагоги, психологи, специалисты по работе с клиентами, в том числе и финансового сектора. Так, офисные сотрудники банковской сферы непрерывно находятся в условиях повышенных требований и высокой концентрации внимания, что неизбежно приводит к хронической усталости и аффективным нарушениям и, как следствие, к риску возникновения профессионального выгорания.

Сложный характер синдрома эмоционального выгорания, а также многообразие интерпретаций его причин и проявлений требует поиска новых путей, исследовательских стратегий по оптимизации профессиональной деятельности, адаптации личности к быстро меняющимся социальным условиям.

В своем исследовании мы предположили, что характеристики профессионального выгорания и личностные особенности работников могут быть взаимосвязаны. Было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 58 респондентов (36 мужчин и 22 женщины). Средний возраст работников составил 37 лет, со средним стажем работы 6 лет.

Респондентам были предложены следующие методики: тест для определения социального типа личности (Д. Кейрси) [4]; методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению (К. Томас) [3]; методика для диагностики уровня профессионального выгорания (К. Маслач) [2].

В результате проведенного опроса удалось диагностировать типы личности банковских работников, предпочитаемые ими стратегии поведения в конфликтных ситуациях (соперничество, уступчивость, избегание, компромисс, сотрудничество), а также уровни их профессионального выгорания по трем шкалам (эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция профессиональных достижений).

Проведенный корреляционный анализ (вычислялись коэффициенты корреляции Спирмена) не выявил статистически значимых корреляций между уровнями эмоционального истощения и

показателями конфликтного поведения. По шкале «деперсонализация» были выявлены слабые взаимосвязи со шкалами конфликтного поведения «соперничество» ($r = 0,313$; $p < 0,05$) и «уступчивость» ($r = -0,352$; $p < 0,01$); по шкале профессионального выгорания «редукция профессиональных достижений» была выявлена слабая взаимосвязь со шкалой конфликтного поведения «избегание» ($r = -0,277$; $p < 0,05$).

Таким образом, в эмпирическом исследовании было установлено, что, банковские работники выбирают деперсонализацию в качестве механизма психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия, что позволяет дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы личности. В то же время, могут возникать дисфункциональные следствия, когда «выгорание» отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности.

В результате проверки взаимосвязи характеристик профессионального выгорания с типами личности банковских работников (вычислялся коэффициент по критерию Краскела-Уоллиса), статистически значимая взаимосвязь выявлена между типами личности и редукцией профессионального выгорания ($p < 0,05$).

Сравнение различий типов личности по шкале «редукция» (вычислялись коэффициенты по U-критерию Манна-Уитни) показало, что существуют статистически значимые различия в четырех парах типов личности: «Администратор» – «Опекун» ($p < 0,01$), «Администратор» – «Фельдмаршал» ($p < 0,05$), «Администратор» – «Консерватор» ($p < 0,01$), смешанном типе личности «Администратор» – «Консерватор + Фельдмаршал» ($p < 0,05$).

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что социальный тип личности банковских работников взаимосвязан с выгоранием только на уровне редукции профессиональных достижений. Этот показатель раскрывает степень удовлетворенности работника собой как личностью и как профессионалом. Редукции профессионализма подвержены типы личности банковских работников, для которых характерны такие профессиональные качества как плановость работы, надежность, исполнительность, умение выполнять роли подчиненного и руководителя, хорошая память, требовательность, обязательность, склонность к поиску закономерностей, схем, моделей различных технологий, ориентируется на карьеру, работоспособность,

тщательность в работе, организованность, плановость, предпочтение четких целей, ответственность, практичность.

Учитывая, что количество сотрудников с качествами «Администратора» составляет около 25% от количества опрошенных, можно сделать вывод, что личностные качества офисных сотрудников банка соответствуют их профессиональной деятельности.

Литература

1. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
2. *Водопьянова Н., Старченкова Е.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008.
3. *Духновский С.В.* Диагностика межличностных отношений. – СПб.: Речь, 2010.
4. *Елисеев О.П.* Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2000.
5. *Ковалева Т.В.* Психологические особенности профессиональной деятельности лингвиста // Педагогические науки, №1. М: «Спутник +», 2005. С. 79-83.

Саморепрезентация и социально-психологическая адаптация современной южнокорейской молодежи

Рубцова Е.А., Александрова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

elizavetaray@gmail.com, aleksandrovaee@gmail.com

В современной психологической науке особое внимание уделяется вопросу, связанному с адаптационными ресурсами человека в контексте деятельности, общения и познания. В настоящий момент все чаще объектом исследования психологов становится использование личностью конкретных способов, стилей и стратегий поведения как в сложных жизненных ситуациях, так и в повседневных условиях [3]. Недавние события, связанные в том числе с пандемией коронавируса, показали непредсказуемость мира и социальных процессов в частности. По этой причине личности приходится прикладывать дополнительные усилия для адаптации к новым условиям, чтобы сохранить психическое равновесие. Л.А.

Коростылева [1] связала процесс адаптации с феноменом самореализации и подчеркнула, что он является универсальным механизмом приспособления, берущим начало из феномена иерархии потребностей, описанной А. Маслоу. В ситуации, когда невозможно поддерживать общение привычным способом, личность осваивает новые формы и стратегии для удовлетворения данной потребности. Например, в связи с введением санитарно-эпидемиологических норм Интернет на продолжительное время заменил общение в реальной социальной среде и стал пространством для самореализации личности посредством идентификации себя с конкретным виртуальным сообществом. Одним из ярких примеров является виртуальное сообщество поклонников корейской популярной культуры.

Цель нашего исследования – выделить особенности саморепрезентации и социально-психологической адаптации южнокорейской молодежи, увлеченной современной корейской популярной музыкой.

Для достижения поставленной цели мы провели полуструктурированное интервью на корейском языке среди слушателей таких популярных южнокорейских групп, как BTS, GOT7, MONSTA X, SEVENTEEN и ATEEZ. Всего в исследовании участвовали 10 человек в возрасте от 20 до 28 лет. Интервью включало в себя 17 открытых вопросов, разделенных на три тематических блока: «Вовлеченность», «Самопринятие», «Адаптация-Деадаптация». Вопросы были разработаны на основе следующих методик: Опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса – Р. Даймонд (в адаптации Т.В. Снегиревой) [5], Опросник психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко) [6], Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева) [2]. В качестве метода обработки результатов исследования использовался метод качественного контент-анализа.

В процессе обработки результатов эмпирического исследования было выделено 3 суммарные категории в соответствии с 3-мя тематическими блоками. В дальнейшем эти суммарные категории были разделены на 12 подкатегорий, отражающих особенности саморепрезентации и социально-психологической адаптации южнокорейской молодежи.

В категории «Вовлеченность» заметна высокая степень вовлеченности в процесс потребления такого контента, в частности визуального, как развлекательные шоу и публичные интервью. По

мнению интервьюируемых, так они чувствуют себя ближе к участникам не как к артистам, а как к обычным людям с собственными взглядами и мыслями. Также отмечается, что интервьюируемые считают себя «нормальными и адекватными поклонниками», проводя сравнение с таким культурным феноменом, как «сасэн-фанаты» – поклонники, которые намеренно преследуют своих кумиров и вмешиваются в их личную жизнь.

В категории «Самопринятие» заметна высокая степень принятия себя и присутствует множество качественных характеристик «Я-образа», такие как «уверенный», «эмоционально зрелый», «самодостаточный», «дружелюбный», «терпеливый», «знает, чего хочет», «любит себя», «заботится о себе», «ощущает собственную ценность» и т.д. В ответах интервьюируемых также прослеживается намерение изменить себя, следуя модели поведения участников любимой корейской популярной группы с целью стать лучше в знак благодарности за подаренное творчество и слова поддержки.

В категории «Адаптация-Дезадаптация» среди интервьюируемых заметна тенденция к близкому общению с людьми, так же, как и они, увлеченных корейской популярной музыкой, или с теми, кто осведомлен об их увлечениях. По ответам также можно заметить способность переключаться между такими ролевыми моделями, как «Я-поклонник» и «Я-не-поклонник». Однако интервьюируемые отмечают, что не всегда готовы делиться с окружающими собственными проблемами, а в большей степени полагаются на себя и собственные силы.

Из полученных результатов можно сделать вывод, что в основе саморепрезентации южнокорейской молодежи лежит «полярное «Self» по терминологии Н. Розенбергер [4], а специфика корейской популярной музыки благодаря транслируемым нормам и ценностям, которые являются социально приемлемыми в южнокорейском обществе, способствует становлению позитивного «Я-образа» и обеспечивает включенность в сообщество и положительный опыт социализации.

Литература

1. *Коростылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб., 2005.
2. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М., 2006.

3. *Реан А.А.* Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб., 2006.
4. *Розенбергер Н.* Диалектическое равновесие в полярной модели «Self»: пример Японии // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под ред. А.А. Белика. М., 2001.
5. *Снегирева Т.В.* Методика изучения особенностей личностной саморегуляции // Диагностическая и коррекционная работа школьного психолога / Под ред. И.В. Дубровиной. М., 1987.
6. *Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П.* Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. №3.

Экологическая осведомленность: установки и убеждения в колумбийской культуре

Саламанка С.П.С., Ткаченко Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
spss.ele@gmail.com, tata_tkachenko@mail.ru

Одна из самых больших проблем, стоящих сегодня перед человечеством, связана с изменениями в природе и очевидной нехваткой природных ресурсов. Качество жизни человечества в значительной степени пострадало: проблемы со здоровьем, увеличение числа голодающих, повышение температуры, большое количество твердых отходов, которые образовали острова в океанах, и др. Согласно отчету Всемирного банка за 2018 год, если не будет экологической сознательности, то в 2050 году производство твердых отходов составит 70% [5].

Колумбия пытается реализовать стратегии, способствующие снижению экологических проблем, однако этого недостаточно. Например, согласно исследованию по управлению твердыми отходами в 2019 году в Колумбии, средний гражданин производит 0,75 кг отходов в день и 23 кг в месяц, и в среднем только 12,9% всех образующихся твердых отходов используется или перерабатывается [3].

Социальные науки связаны с поиском решений, начиная с экологической психологии, изучающей поведение человека по отношению к его физическому окружению, и заканчивая исследованиями, сосредоточенными на экологических вопросах, таких как экологическое поведение, экологическая осведомленность, экологические установки, экологические ценности. Исследователи стремятся к более глубокому пониманию того, как поведение или действие формируется в интересах экологического контекста, который окружает человека, а также сохраняется с течением времени [7].

Экологическое сознание – это то, как воспринимается взаимодействие человека и природы индивидуально и в группе. В рамках «экологической парадигмы» выделяют два типа сознания: антропоцентризм и экоцентризм. Первый характеризуется наличием низших ценностей по отношению к природе, так что его отношения с природой – это не защита, а, наоборот, консервация, с целью получения выгоды для человечества. Напротив, второе течение характеризуется отсутствием иерархических отношений с природой, поэтому его действия направлены на защиту и сохранение природы. Кроме того, важно понимать концепцию самосознания как способности к самоанализу действий, мыслей и последствий в том типе отношений, которые человек как личность имеет с природой [1].

По результатам исследования было выявлено, что мужчины, по сравнению с женщинами, менее склонны к экологическому поведению, поскольку их образ может быть феминизирован [2]. Поскольку существуют такие виды поведения, как уборка, приготовление пищи или ведение домашнего хозяйства, среди прочего, в этих действиях обычно больше участвуют женщины, возникает ассоциация и затрагивается мужская идентичность. С другой стороны, женщины проявляют большую заботу об окружающей среде и предпринимают больше проэкологических действий из-за ценностей, установок и убеждений [6].

В Колумбии было установлено, что женщины имеют положительные отношения с природой и ведут себя проэкологично [6], однако это не означает, что мужчины не имеют незаинтересованного отношения к природе, но не было изучено, какого типа отношения к природе придерживаются мужчины в колумбийской культуре.

В связи с ограниченностью исследований, проведенных в контексте колумбийской культуры по экологическому сознанию,

данное исследование направлено на выявление характеристик экологического сознания в колумбийском контексте, позволяя сравнить мужчин и женщин, а также возраст участников.

Невероятностная выборка состояла из 35 участников, большинство из которых были жителями города Богота в Колумбии. 51,4% участников – женщины, а 48,6% – мужчины. Были выделены 4 возрастные группы: 18-25 лет, 25-36 лет, 36-45 лет, 35-45 лет и, наконец, 50 лет и старше.

В качестве инструмента использовалась «Шкала новой экологической парадигмы» Данлапа в испанской версии, переведенной Мойяно и др. в 2011 г. Этот опросник состоит из 15 пунктов, с измерением по типу шкал Лайкерта: 1 – категорически не согласен, 5 – категорически согласен. Он также оценивает отношение и убеждения, которые человек имеет по отношению к природе. Этот опросник использовался в нескольких испаноязычных странах, таких как Испания и Чили, где исследования показали, что более надежные результаты можно получить, исключив из опросника некоторые пункты (1, 8, 11, 12) [4].

Результаты показали, что между женщинами и мужчинами нет статистически значимых различий, и что они обладают сознанием с более высокими эгоцентрическими характеристиками: среднее значение по шкале «этноцентризм» равно для женщин 4,36 балла ($SD=0,449$), для мужчин 4,30 ($SD=0,104$) из 5-ти возможных баллов.

Что касается связи между значениями антропоцентризма и эгоцентризма, то никакой связи обнаружено не было, однако была обнаружена отрицательная статистическая связь между антропоцентризмом и возрастом ($r=-0,393$; $p<0,05$), т.е. чем моложе человек, тем более выражено у него антропоцентрическое отношение к природе.

Таким образом, можно сделать вывод, что и мужчины, и женщины в равной степени обладают эгоцентрическим сознанием, то есть существует озабоченность и признание их гармоничного отношения к природе, так что, по крайней мере, в колумбийской культуре не существует незаинтересованного или антропоцентрического отношения мужчин к природе. Поэтому можно предположить, что не существует связи про-экологического поведения с мужской идентичностью. Очевидно, что в колумбийской культуре и женщины, и мужчины обладают высокой степенью характеристики эгоцентрического сознания.

Что касается переменной «возраст», важно отметить, что необходимо больше просвещать молодых людей в отношении проэкологических установок, убеждений и ценностей, так как наблюдалась тенденция к антропоцентрической характеристике, которая характеризуется налаживанием отношения превосходства над природой. Потому что в будущем экологическая проблема может стать еще более серьезной, если у граждан не будет гармоничных и уважительных отношений с природой.

Выражаем признательность за теоретико-методологическую консультацию исследования Гриценко Валентине Васильевне, д.психол.н., профессору кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования МГППУ.

Литература

1. *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая педагогика и психология. М., 1996.
2. *Brough A.R., Wilkie J.E., Ma J., Isaac M.S., & Gal D.* Is eco-friendly unmanly? The green-feminine stereotype and its effect on sustainable consumption. *Journal of Consumer Research*. 2016. 43(4), 567-582.
3. *Cepal N.* Encuesta a municipios sobre gestión de residuos sólidos domiciliarios 2019. 2021. Colombia.
4. *Díaz E.M., & Vélez G.P.* Propiedades psicométricas de la Escala Nuevo Paradigma Ecológico (NEP-R) en población chilena. *Psico*. 2014. 45(3), 415-423.
5. European Environment Agency. Indicator Assessment, Waste recycling. URL: <https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/waste-recycling-1/assessment-1>
6. *Marroquín C.F., Palacios J.A. Sandoval M.C., & Sierra M.C.* Consumo ecológico: estudio exploratorio sobre el comportamiento de mujeres en Colombia. 2019.
7. *Valera S.* Psicología Ambiental: bases teóricas y epistemológicas. *Cognición, representación y apropiación del espacio*, 9, 1-14. 1996.

Взаимосвязь личностных особенностей и типа реагирования на конфликт в период средней зрелости

Самосюк А.А., Смирнова Ю.С.

*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
smiry@bsu.by*

Характер протекания конфликта и его последствия во многом определяются теми моделями поведения, которые реализуют участники. Конфликтное поведение детерминировано личностными и ситуационными факторами. В фокусе нашего внимания находятся личностные особенности как фактор поведения в конфликте. Ранее мы уже останавливались на характеристике личностных особенностей субъектов, склонных к различным типам реагирования на конфликт, и приводили результаты исследования, в котором принимали участие респонденты в возрасте от 18 до 25 лет [2]. Это период ранней зрелости. Продолжая анализ заявленной проблематики, рассмотрим характер взаимосвязи личностных особенностей и типа реагирования на конфликт в период средней зрелости. Отметим, что исследования конфликтного взаимодействия представителей этой возрастной группы концентрируют свое внимание на изучении трудовых конфликтов, супружеских и детско-родительских.

В своем исследовании мы опирались на типологию реагирования на конфликт Кашапова М.М., включающую три основных типа: «уход», «агрессию», и «оптимальное разрешение» [1]. Для сбора данных использовались Фрайбургский личностный опросник (FPI) в адаптации А.А. Крыловой и Т.И. Ронгинского и методика «Диагностика ведущего типа реагирования» М.М. Кашапова и Т.Г. Киселевой. В опросе приняло участие 64 человека в возрасте от 26 до 46 лет. Для статистической обработки данных применялись частотный анализ, критерии χ^2 и Манна-Уитни для установления различий, корреляционный анализ.

Для большинства респондентов в период средней зрелости ведущим типом реагирования на конфликт является «оптимальное разрешение» (34%), для 11% – «агрессия», для 10% – «уход». У значительной части респондентов (25%) тип реагирования на конфликт является смешанным, т.е. в равной степени выражены сразу несколько стратегий конфликтного взаимодействия. Имеющиеся данные позволили установить различия в уровне выраженности ухода как типа реагирования на конфликт в периоды ранней и средней

взрослости ($U=1583,5$; $p=0,010$): склонность к уходу от конфликта в период средней взрослости менее выражена. Статистически значимых различий в уровне выраженности агрессии и оптимального разрешения как типов реагирования на конфликт в периоды ранней и средней взрослости обнаружено не было. Имеющиеся данные также позволили установить различия в частоте встречаемости доминирующих типов реагирования на конфликт у мужчин и женщин в период средней взрослости ($\chi^2=8,338$; $p=0,040$): «оптимальное разрешение» одинаково распространено как тип реагирования на конфликт и у мужчин и у женщин, но при этом мужчины чаще женщин используют стратегию «агрессия», а женщины чаще мужчин реализуют в конфликте стратегию «уход».

Обратимся к результатам корреляционного анализа. Были обнаружены статистически значимые положительные корреляции агрессии как типа реагирования на конфликт в период средней взрослости и раздражительности ($r=0,488$; $p<0,001$), спонтанной агрессивности ($r=0,431$; $p<0,001$), эмоциональной лабильности ($r=0,414$; $p=0,001$), реактивной агрессивности ($r=0,373$; $p=0,002$), невротичности ($r=0,369$; $p=0,003$), депрессивности ($r=0,332$; $p=0,007$), открытости ($r=0,288$; $p=0,021$), маскулинности ($r=0,262$; $p=0,036$). Отметим, что в период ранней взрослости склонность к агрессивному типу реагирования в конфликте также сопряжена с маскулинностью, реактивной и спонтанной агрессивностью, раздражительностью, экстравертированностью личности [2], однако свойственные средней взрослости взаимосвязи с эмоциональной лабильностью, депрессивностью и раздражительностью в этом возрасте обнаружены не были.

Уход от конфликта в период средней взрослости положительно коррелирует с застенчивостью ($r=0,359$; $p=0,004$), эмоциональной лабильностью ($r=0,289$; $p=0,021$) и депрессивностью ($r=0,255$; $p=0,042$), отрицательно – с общительностью ($r=-0,319$; $p=0,010$). Статистически значимых взаимосвязей стратегии «уход» и личностных особенностей в период ранней взрослости обнаружено не было.

Оптимальное разрешение как тип реагирования на конфликт в период средней взрослости отрицательно коррелирует с невротичностью личности ($r=-0,355$; $p=0,004$), открытостью ($r=-0,284$; $p=0,023$), застенчивостью ($r=-0,263$; $p=0,036$), депрессивностью ($r=-0,262$; $p=0,036$), положительно – с уравновешенностью ($r=0,365$; $p=0,003$) и общительностью ($r=0,310$; $p=0,013$). Напомним, что в

период ранней взрослости этот тип реагирования на конфликт сопряжен с общительностью, открытостью и уравновешенностью личности [2].

Подводя итог, отметим, что структура корреляционных связей различных типов реагирования на конфликт в период средней взрослости является достаточно сложной и разнообразной. Дальнейший анализ может быть направлен на выявление личностных профилей субъектов с различным ведущим типом реагирования на конфликт, причем особый интерес представляет задача построения «психологических портретов» индивидов с так называемыми смешанными типами, представляющими собой различные комбинации склонностей к «оптимальному разрешению», «агрессии» и «уходу» в условиях конфликта.

Литература

1. *Кашианов М.М., Башкин М.В.* Психология конфликтной компетентности. Ярославль, 2010.
2. *Самосюк А.А., Смирнова Ю.С.* Личностные особенности субъектов с различными типами реагирования на конфликт // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2021 г.). М., 2021.

Различие между понятиями «mindfulness» и «awareness»

*Саргсян А.А. Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
j.anushiksargsyan@gmail.com, huhlaveoe@mgppu.ru*

Слово «осознанность», используемое в древних текстах, является английским переводом палийского слова «сати», которое означает осознание, понимание и запоминание (на палийском языке изначально были записаны учения Будды). Первый словарный перевод слова *sati* на «mindfulness» датируется 1921 годом [3]. С течением времени определение осознанности было несколько изменено для использования в психотерапии, и теперь оно включает в себя широкий

спектр идей и практик. Осознанность по своей природе – мощная сила, а внимание, являющееся сфокусированной осознанностью, еще более мощно. Лишь осознавая то, что происходит внутри и вокруг нас, мы уже можем начать освобождаться от ментальных предвзятостей и сложных эмоций [5, с. 18].

В современной психологии принято разделять два термина: осознанность (англ. awareness) и внимательность (англ. mindfulness) [1].

Еще один аспект осознанности – это «вспоминание». Последнее означает помнить о необходимости осознавать и уделять внимание, что подчеркивает важность намерения в практике осознанности. Но «внимательность» означает нечто большее, чем пассивное осознание или осознание ради осознания. Цель осознанности в ее древнем понимании – устранить ненужные страдания, культивируя понимание работы ума и природы материального мира. Человек, практикующий внимательность, активно работает с состояниями ума, чтобы спокойно пребывать среди всего происходящего [5, с. 18].

Осознанность способствует расширению знаний, учитывающих культурные особенности и самобытность, способствует открытым отношениям между людьми и навыкам общения, и наоборот. По мере того, как индивидуум-коммуникатор расширяет свои познания, связанные с идентификацией, этническими и политическими установками и навыками, повышается коэффициент сознательности [6].

Джон Кабат-Зинн рассматривает осознанность как самую сильную, мощную, универсальную и одновременно одну из самых простых для восприятия и применения технику и, возможно, самую остро необходимую сейчас. Ведь осознанность – это не что иное, как способность, которой мы уже все обладаем: знать, что происходит на самом деле, в тот момент, когда это происходит [4]. Это способ отношения к любому опыту – положительному, отрицательному и нейтральному – таким образом, чтобы уменьшить наши общие страдания и повысить чувство благополучия [4].

Осознанность как метакогнитивная стратегия фокусирует внимание на знании культуры и процессах культурного влияния, а также на мотивах, целях, эмоциях и внешних стимулах человека. Таким образом, внимательность работает, создавая возможность рассмотреть ряд поведенческих вариантов, основанных на знании того, как культуры отличаются друг от друга, и как культура влияет на поведение [2].

Западная психотерапия считает, что принятие без осознанности не имеет терапевтического эффекта [7]. Это актуально, когда пациенты сталкиваются с непреодолимыми травмирующими обстоятельствами. Чем сильнее мы страдаем, тем больше мы нуждаемся в принятии и сострадании, чтобы иметь возможность работать с тем, что происходит в нашей жизни.

Без осознания принятие может стать формой защитного избегания [5, с. 19]. Также стоит подчеркнуть важность самосострадания в процессе осознанности, что помогает более эффективно решить проблему.

Существует множество способов развивать в себе осознание текущего опыта с принятием, и все они предполагают постоянную практику. Если мы хотим улучшить состояние своей сердечно-сосудистой системы, мы можем начать с включения физических упражнений в нашу повседневную рутину – подниматься по лестнице вместо лифта или ездить на работу на велосипеде, а не на машине. Если мы хотим стать более сильными физически, мы можем выделить время для занятий в тренажерном зале. А чтобы ускорить этот процесс, мы можем отправиться в отпуск, ориентированный на фитнес, где большая часть дня будет посвящена энергичным упражнениям. Тот же принцип и для культивирования осознанности [5, с. 22].

Определения осознанности как процесса носят обучающий характер – они указывают, что мы должны делать с нашим осознанием. Вот два примера подобных определений осознанности в клинических условиях: «осознанность от момента к моменту, без осуждения» и «осознание настоящего опыта с принятием». Эти процессные определения предлагают следующее: «Смотрите на свой опыт от момента к моменту и старайтесь делать это с духом принятия» [5, с. 26].

Таким образом, понятия «mindfulness» и «awareness» не тождественны друг другу, но – сочетаемы и дополняют друг друга, и в равной степени ценны как при индивидуальном применении, так и в психотерапевтической практике.

Литература

1. Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. Том 3. № 2. С. 18-28.

2. *Chiu C.Y. & Morris M. & Hong Y.Y. & Menon T. (2000). Motivated cultural cognition: The impact of implicit cultural theories on dispositional attribution varies as a function of need for closure. Journal of personality and social psychology. 78 (2).*
4. *Daivids T. & Stede W. (1921/2001). Pali-English dictionary. New Delhi, India: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt, Ltd.*
5. *Kabat-Zinn J. (2005). Coming to Our Senses, Healing Ourselves and the World Through Mindfulness, New York: Hyperion.*
6. *Siegel R.D., Germer, C.K., & Olendzki A. (2009). Mindfulness: What is it? Where did it come from? In: F. Didonna, ed., Clinical Handbook of Mindfulness, 1st ed. New York: Springer, p. 17 – 35.*
7. *Ting-Toomey St. & Dorjee T. (2015). Ting-Toomey & Dorjee (2015), Intercultural and intergroup communication competence: Toward an integrative perspective.*

Особенности самоотношения людей, склонных к созависимости в близких отношениях

*Сардарян Е.Д., Ткаченко Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
lizaskovo@gmail.com, tkachenko_nv@bk.ru*

Созависимость – это дисфункциональная динамика отношений, когда один человек берет на себя роль «дающего», жертвуя своими потребностями и благополучием ради другого, «берущего». Современное понимание созависимости относится к «специфической зависимости от отношений, характеризующейся озабоченностью и крайней зависимостью – эмоциональной, социальной, а иногда и физической – от другого человека» [4]. Созависимость является проблемой межличностного общения и адресуется очень широкому диапазону людей [5,1]. Созависимость латентно присуща каждому человеку [5]. Значимость проблемы определена рядом факторов: созависимость мешает полноценной жизни человека, а также не дает самовыражаться и самореализовываться человеку. С другой стороны, созависимые отношения повышают риск в развитии наиболее тяжелых форм зависимости [4], например, таких как алкоголизм, токсикомания, наркомания. Созависимые лица обращаются в систему здравоохранения с симптомами, связанными со стрессом или депрессией, которые могут маскировать первопричину. Фокус

внимания проведенных ранее исследований был направлен на изучение близких отношений созависимых людей, однако их самоотношение не было достаточно изучено.

Предметом данного исследования стали психологические характеристики созависимых людей. Основная проблема созависимости заключается в том, что человек теряет свое истинное чувство себя, поскольку он так много вкладывает в кого-то другого [4]. Таким образом, созависимость может быть свойственна лицам с определенными личностными характеристиками [1] и особенностями построения отношений, а не только людям, находящимся в отношениях с зависимыми.

В ходе сбора материалов, были выявлены некоторые личностные характеристики созависимой личности. По определению, данному Н.Г. Артемцевой, созависимость – это «поведение, мотивированное зависимостями других людей; эти зависимости включают пренебрежение и неприятие собственной личности» [1, с. 11]. Пренебрежительное отношение к собственной личности зачастую связано с отсутствием самоуважения. Этот феномен неоднократно упоминается в работах зарубежных авторов Дж. Уайнхолд [4], М. Битти [2].

Было проведено эмпирическое исследование, базой которого явилась организация из сферы автобизнеса, а также центр самопомощи людям, находившимся в близких отношениях с зависимыми лицами. Исследованием было охвачено 80 человек в возрасте от 25 до 45 лет. Среди 80 респондентов женщины составили 73% (58 чел.), мужчины – 27% (22 чел.).

Процедура проведения эмпирического исследования заключалась в тестировании респондентов по шкале созависимости Уайнхолд (The Codependency Self-Inventory Scale, CSIS) для выявления степени склонности к созависимости. Среди опрошенных респондентов 75% имеют высокую либо очень высокую склонность к созависимой модели поведения. Оставшуюся часть опрошенных составляют: 18% – люди со средней склонностью к созависимости и 5% – с низкой.

Для более глубокого исследования феномена созависимой модели поведения респондентам было предложено пройти Опросник межличностной зависимости (Interpersonal Dependency Inventory). Результат показал распределение баллов по 3 шкалам: эмоциональная опора на других, неуверенность в себе и стремление к автономии. Тестирование выявило высокий балл неуверенности (58%) и эмоциональной опоры на других (73%). Шкала стремления к

автономии была противоположна двум другим. Это подтверждает ранее высказанные гипотезы о неуверенном отношении к себе созависимых личностей, а также о характерном для них низком стремлении к автономии (всего 18% опрошенных).

Была выдвинута гипотеза: чем выше степень созависимости, тем более негативно самоотношение созависимых субъектов. Для ее доказательства была выбрана Шкала самоуважения Розенберга (Rosenberg's Self-Esteem Scale). Опросник показывает два независимых фактора: чем выше самоунижение, тем ниже самоуважение и наоборот. Результаты показали, что 85% опрошенных людей, склонных к созависимости, имеют низкий и средний уровень самоуважения, что говорит о самоунижающем поведении, обесценивании своих способностей либо их неоправданном завышении.

Вторым методом, выбранным для исследования самоотношения созависимых личностей, является Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях (ТЭМ) (Лэнгле, 2005). Баллы ответов респондентов были распределены между 4 шкалами фундаментальной мотивации личности. По шкале Самоценности [3] 33% респондентов имели балл ниже среднего, 62% – средний балл, и всего 5% – высокий. Это говорит о том, что чем более наши респонденты вовлечены в жизнь других людей, чем меньше они ценят себя, менее в себе заинтересованы. Только 7% опрошенных имеют высокий балл по шкале Фундаментальное доверие, оставшиеся 93% недостаточно доверяют окружению и чувствуют низкую защищенность. Это свидетельствует о незащищенности, а значит, повышенной уязвимости в близких отношениях.

Результаты исследования выявили такие свойства личности, как неуверенность в себе, низкое самоуважение, отсутствие самоценности и стремления к автономии, а также ощущение небезопасности и отсутствие опоры на себя. Причем у женщин эти результаты наблюдаются более явно.

Данная информация будет ценной для практикующих психотерапевтов и для людей, занимающихся саморазвитием. На основе проведенных исследований возможно формирование стратегии работы с людьми, склонными к созависимым моделям поведения. Для формирования здоровой, не склонной к созависимости психики, следует уделять внимание чувству защищенности, развивать навыки автономии. Эффективная работа с данной темой состоит в укреплении

самоуважения и в формировании безусловно-позитивного отношения к себе (самоценность) [3].

Литература

1. *Артемцева Н.Г.* Феномен созависимости: общее, типологическое, индивидуальное. М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 227 с.
2. *Битти М.* Алкоголик в семье, или Преодоление созависимости / М. Битти; пер. с англ. М: Физкультура и спорт, 1997. 331 с.
3. *Сатир В.* Вы и ваша семья. Руководство по личностному росту / Пер. с англ. М.: Апрель Пресс, Изд-во Эксмо, 2000. 320 с.
4. *Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж.* Освобождение от созависимости / Перевод с англ. А. Г. Чеславской. М.: Независимая фирма «Класс», 2003. 224 с.
5. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. СПб.: Академический Проект, 1993. 208 с.

Специфика представлений о враче у разных групп учащейся молодежи в условиях новой коронавирусной инфекции

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

Семенова Л.Э.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

sachkova@list.ru, verunechka08@list.ru

На протяжении многих веков восприятие врача и отношение к нему были неоднозначны. Практически такими же остаются они и в наши дни. Признание значимости труда врачей нередко сочетается с критикой в их адрес, вызванной снижением качества и доступности медицинских услуг, увеличением числа врачебных ошибок и общим разочарованием в их профессиональной деятельности в плане ожиданий разных групп населения относительно медицинской помощи. Исследователями неоднократно констатировался факт низкой оценки коммуникативных, эмоциональных и моральных

характеристик врачей со стороны пациентов, причем как детей, так и взрослых [2; 3; 4 и др.].

Однако ситуация пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 внесла свои коррективы в общественное мнение о врачах и его профессиональной деятельности, в содержании которого была отмечена позитивная динамика, свидетельствующая о росте доверия [1].

Подчеркивая факт влияния на характер представлений о врачах объективных (связанных с угрожающей жизни и здоровью ситуацией пандемии) и субъективных (психологических особенностей доверия к миру, другим и к себе) факторов, мы считаем, что специфика этих представлений во многом также обусловлена позицией представителей тех или иных социальных групп населения по отношению к медицинской деятельности – пациентов и медицинских работников.

В рамках своего исследования мы осуществили сравнительный анализ представлений о врачах у двух групп учащейся молодежи, одну из которых составляли студенты-гуманитарии – потенциальные пациенты, а другую – студенты медицинских факультетов – будущие профессиональные врачи. При этом нас интересовала специфика взаимосвязей представлений о врачах с уровнем доверия к себе и другим респондентов разных групп.

В исследовании проверялась следующая гипотеза: образ врача у студентов медицинских факультетов будет более положительным, чем у студентов гуманитарных специальностей, при этом будет отмечаться положительный характер связи между уровнем доверия к себе и другим и позитивной оценкой образа врача. Были использованы метод семантического дифференциала для изучения образа врача; методика «Вера в людей» М. Розенберга и рефлексивный опросник уровня доверия к себе Т.П. Скрипкиной. Для обработки данных применялись U-критерий Манна-Уитни и коэффициент корреляции Спирмена. Участниками стали студенты медицинских факультетов (N=104) и студенты-гуманитарии (N=102) вузов Москвы и Нижнего Новгорода в возрасте от 17 до 23 лет.

Было установлено, что представители обеих групп имеют в целом положительный образ врача. При этом студенты – будущие медицинские работники особенно высоко оценивают силу, вежливость и образованность врача, студенты-гуманитарии – смелость и также образованность. Наиболее низкие оценки у респондентов обеих групп были зафиксированы в отношении независимости врача,

что вполне соответствует реальным условиям профессиональной деятельности врача, особенно в условиях пандемии.

Вместе с тем были обнаружены и некоторые различия в количественных показателях оценок образа врача, которые оказались выше в группе будущих медицинских работников ($p \leq 0,01$).

Иными словами, наше предположение о более позитивном восприятии врача будущими медицинскими работниками нашло свое подтверждение. Данный факт мы склонны рассматривать как показатель конструктивного характера профессионального становления и основу устойчивой положительной профессиональной идентичности будущих врачей.

Было также установлено наличие у студентов медицинских факультетов положительной корреляции большинства характеристик образа врача с доверием к другим ($p < 0,01$) и достаточно много взаимосвязей с разными сферами доверия к себе. Для сравнения в группе студентов-гуманитариев статистически значимые положительные взаимосвязи ($r_s = 0,25$ при $p < 0,05$) с доверием к другим были обнаружены только по двум характеристикам образа врача («приятный» и «независимый»), тогда как корреляции с доверием к себе оказались отрицательными: в частности, более позитивные оценки образа врача встречались у студентов с более низкими показателями доверия к себе в следующих сферах: учебная, семья, досуг, отношения с детьми и с людьми другого пола ($p < 0,05$). Таким образом, взаимосвязи по-разному проявляются в зависимости от специализации учащихся: так, если в группе студентов – будущих медицинских работников выявленные взаимосвязи носят положительный характер и существуют как в области доверия к другим, так и в большинстве сфер доверия к себе, то в группе студентов-гуманитариев отмечаются только единичные связи с доверием к другим, а некоторые корреляции со сферами доверия к себе носят отрицательный характер.

Выявленная нами позитивная направленность образа врача в представлениях разных групп учащейся молодежи в целом согласуется с данными проведенных в условиях пандемии COVID-19 опросов общественного мнения россиян, включая самих медицинских работников [5, с. 16]. При этом более позитивный образ врача, согласно данным нашего исследования, наблюдается у студентов с более высоким уровнем доверия к другим, что наиболее ярко проявляется в группе студентов – будущих медицинских работников.

Литература

1. ВЦИОМ: более трети россиян доверяют врачам // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9983743>
2. Камынина Н.Н., Короткова К.О., Скулкина Ю.Н. Обзор исследований доверия к системе здравоохранения // Здоровье мегаполиса. 2020. Том 1. № 1. С. 87–95.
3. Марков Б.В., Хубулава Г.Г. Трансформация образов врача и больного в истории культуры // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. № 2 (4). С. 2.
4. Русякова Е.Е. Исследование представлений здоровых детей о врачах // Социосфера. 2013. № 3. С. 103–109.
5. «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М., 2021.

Коммуникативный танец как средство социализации и творческого развития дошкольников (на примере Центра эстетического развития)

Свечникова Ю.А.

*Центр эстетического развития, Эль-Кувейт, Кувейт
julechka_sv@hotmail.com*

*«Дети должны жить в мире красоты, игры,
сказки, музыки, рисунка, фантазии, творчества»
В.А. Сухомлинский.*

Дошкольное детство – важный период социализации ребенка, его приобщения к культуре, к общечеловеческим ценностям. Это время первоначального становления личности и формирования индивидуальности ребенка. В этот период мир ребенка уже не ограничивается семьей, все большее значение имеет для него общение со сверстниками, а также воспитателями и педагогами дошкольных образовательных учреждений. Опыт первых межличностных отношений во многом определяет дальнейшее отношение человека к себе, к другим и к окружающему миру, поэтому важно, чтобы общение строилось на положительных эмоциях.

В нашем центре дети на занятиях по эстетическому развитию имеют возможность заниматься различными видами творчества, что,

по мнению исследователей, оказывает благотворное влияние на их эмоционально-личностное и социальное развитие [2; 3]. Одним из направлений, обеспечивающих эффективность общения детей дошкольного возраста, является танец. Детям нравится двигаться под музыку, танцевальная среда способствует их психофизическому и социальному развитию [2; 3; 4].

Сегодня, в постпандемическое время дошкольники, приходящие в наш центр, нередко находятся в состоянии эмоционального и тактильного «голода» и испытывают выраженную социофобию. С начала учебного года мы заметили изменения в поведении детей определенных возрастных групп, по сравнению с доковидным периодом. Дети в возрасте 2-3 лет нередко полностью отказываются от тактильного контакта и соблюдают дистанцию, как бы охраняя свое личное пространство. По-видимому, их избыточная осторожность связана с тем, что они родились и выросли в период ковидных ограничений и были воспитаны в условиях необходимости соблюдения дистанции [1]. Для таких детей мы стараемся как можно больше использовать коммуникативные танцы и игры.

Многие дети в возрасте пяти с половиной – шести лет уже хорошо социализированы в виртуальном пространстве, однако их поведение в ситуациях реальной повседневной жизни зачастую неадекватно. В коммуникативный танец с такими учениками мы вводим других детей – младше и старше по возрасту, и достаточно быстро видим развитие самоорганизации в построении взаимодействия детей, результатом которого становится снижение социофобии.

Участники наших занятий имеют разный уровень развития коммуникативных навыков. Есть дети, которые неохотно вступают в процесс общения. Коммуникативный танец помогает в решении проблем взаимопонимания детей дошкольного возраста со сверстниками, поскольку каждый ребенок становится партнером другого. Средства общения в танце помогают взаимодействию и взаимопониманию, а также способствуют, за счет художественной выразительности, развитию творческих способностей. Для исполнения коммуникативного танца не требуется специальной хореографической подготовки, он доступен самым маленьким ученикам нашего центра (используются простые движения: шаг, бег, кружение, подскоки). Это облегчает вступление в контакт, а также способствует проявлению инициативы, готовности к общению и выражению положительных эмоций по отношению к партнеру.

Мы также используем традиционную танцевальную музыку разных народов мира, чтобы познакомить детей с культурой различных стран. Такие танцы мы используем не только на занятиях, но и на детских праздниках. Разучивание танцев подобно игре: движения просты и повторяются, но обязательно с новым партнером.

Если ребенок пока не готов к тому, что рядом с ним будут находиться незнакомые дети, мы предлагаем присоединиться к танцу, исполняя аккомпанемент на барабанах или бубне. Обычно это вызывает интерес и способствует повышению самооценки у тех учеников, которые чувствуют себя неуверенно в детском коллективе. Также можем вместо партнера использовать игрушку или обруч, постепенно приближая застенчивого ребенка к основной группе. Тактильный контакт в процессе танца развивает доброжелательные отношения между детьми. Одним из важных моментов коммуникативного танца является участие всех присутствующих, без разделения на исполнителей и зрителей: таким образом мы исключаем механизм оценивания, что позволяет детям становиться более раскрепощенными.

Например, на днях в нашем центре проводился танцевальный праздник с участием 60 детей в возрасте от 2 до 14 лет. Участники были одеты в традиционные платья Кувейта. Праздник начался общим танцем всех детей и педагогов. Младшие были довольны и горды тем, что могут танцевать со старшими учениками. Старшие же были рады выступить в роли наставников и помощников. А для педагогов было радостно наблюдать, как все дети свободно проявляют эмоции и общаются друг с другом. Мы танцевали вместе около получаса, а далее каждый получил возможность стать солистом – выступить в центре круга. Дети без стеснения и с радостью смогли это сделать, тем самым демонстрируя, насколько развито у них к концу учебного года чувство уверенности в себе. Дети почувствовали себя создателями танцевального действия и получили положительные и радостные эмоции, а также сладкие подарки.

По наблюдению педагогов нашего центра и родителей учащихся, с помощью коммуникативного танца у дошкольников удастся в короткие сроки преодолеть излишнюю застенчивость и развить навыки гармоничного общения.

Литература

1. *Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В., Маринова Т.Ю., Хоменко Н.В., Израйловиц Р.* Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Вызовы пандемии COVID-19: психическое здоровье, дистанционное образование, интернет-безопасность: сб. материалов. Т.1. / М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 175–195.
2. *Ковыльникова Е.А., Свечникова Ю.А.* Танец как средство социализации дошкольников и младших школьников // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 277-278.
3. *Маринова Т.Ю.* Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // Сборник: Культурологические проблемы дошкольного образования в поликультурном регионе сборник научных статей ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», 2011. С. 40-42.
4. *Феоктистова С.В., Маринова Т.Ю., Васильева Н.Н.* Психология: учебное пособие для академического бакалавриата / С.В. Феоктистова, Т.Ю. Маринова, Н.Н. Васильева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 241 с.

Использование метода семантического дифференциала в исследовании представлений студенческой молодежи о нарушителях правил дорожного движения

*Свириденко И.Н., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
innans@mail.ru*

Исследования обстоятельств дорожно-транспортных происшествий показывают, что примерно в 90-95% случаев в качестве их причины в той или иной степени присутствует человеческий

фактор. Высокие темпы автомобилизации, развитие цифровых технологий, с одной стороны, позволили увеличить скорость и комфорт в дорожно-транспортной среде, а, с другой, повлияли на поведение участников дорожного движения. Сегодня и водители, и пешеходы нередко используют на дороге мобильные телефоны, что отвлекает их внимание. Активными участниками дорожно-транспортной среды стали велосипедисты и владельцы электросамокатов. И хотя для управления электросамокатом не требуется получать права или сдавать экзамены, множество дорожно-транспортных происшествий с лицами, управляющими электросамокатами, обострили в нашей стране ситуацию настолько, что вопрос отнесения электросамокатов к транспортным средствам, то есть полноценным источникам повышенной опасности, стал в конце марта 2022 года предметом рассмотрения Верховного суда.

Травмы, полученные в результате дорожно-транспортных происшествий, занимают в мире десятое место среди основных причин смерти и являются главной причиной смерти среди молодых людей в возрасте 15–29 лет [2, С. 3-12]. Между тем, участники дорожного движения не просто находятся в определенной социальной реальности, но и так или иначе сами конструируют ее, прежде всего на основе собственных представлений о правильном/неправильном, нормативном/не нормативном и т.п. Следовательно, улучшение поведения участников дорожного движения, усиление его нормативности может повысить общую безопасность в дорожно-транспортной среде [5].

Цель проведенного исследования – изучение образа нарушителя правил дорожного движения (далее – ПДД) в представлениях студенческой молодежи. Для этого мы использовали метод униполярного семантического дифференциала (далее – СД). Нам не встретился специализированный семантический дифференциал, разработанный для решения актуальных вопросов в сфере психологии дорожного движения. Также представляется справедливым замечание В.П. Серкина, что «оценивание значений из большого ряда предметных областей (например: политика, личность, искусство, профессия и т.д.) по некоторым шкалам стандартного СД вызывает у испытуемых затруднения, так как им трудно связать стимул (значение стимула) со шкалами (дескрипторами) стандартного СД» [3, С. 11]. Поэтому шкалы используемого в данной работе авторского опросника на основе семантического дифференциала были сформированы с опорой на анализ отечественной и зарубежной литературы,

посвященной проблемам безопасности дорожного движения и поведения его участников. Для обеспечения сбалансированности опросника относительно фактора социальной желательности к словам и словосочетаниям, описывающим особенности нарушителей ПДД и участников, соблюдающих установленные нормы и правила, были подобраны альтернативные качественные прилагательные и выражения с помощью словарей. Всего в опросник вошло 136 униполярных конструкторов, а его биполярная модификация позволяет проанализировать представления студенческой молодежи по 68 двухполюсным шкалам, например: осторожный – неосторожный, пассивный – активный, и т.п.

В исследовании участвовало 257 человек в возрасте от 18 до 22 лет. Из них курсанты университетов МВД – 125 человек (62 юноши и 63 девушки), студенты других направлений профессиональной подготовки – 132 человека (64 юноши и 68 девушек). Опрос проводился анонимно посредством Google-форм.

Для первоначальной обработки полученных групповых данных использовался метод семантических универсалий (совокупности устойчивых сходных оценок), предложенный Е.Ю. Артемьевой и предполагающий простой подсчет частоты встречаемости определенного признака по группе испытуемых [1]. При этом, «большая частота свидетельствует о значимости (неслучайности) представленности данного признака в сознании испытуемых» [4, с. 259]. При объеме выборки более 25 человек, выделяют те признаки оцениваемого объекта, которые названы не менее чем 75% испытуемых. В ряде случаев в качестве критериев значимости Е.Ю. Артемьева выбирала также 80%-й и даже 90%-й уровень частоты встречаемости, что, по мнению В.П. Серкина, усиливало репрезентативность построенной семантической универсалии.

В проведенном нами эмпирическом исследовании универсалия групповой оценки студенческой молодежи образа нарушителя ПДД состоит из признаков: склонный к риску (88%-й критерий частоты выбора), его нельзя назвать терпеливым (86%), самоуверенный (84%), наглый (83%), его нельзя назвать избегающим рисков (82%) и чутким (82%), нетерпеливый (82%), равнодушный к другим участникам дорожного движения (81%), недисциплинированный (80%). По 75%-му критерию частоты выбора образ нарушителя ПДД дополняется следующими признаками: неосторожный, конфликтный, непредсказуемый, упрямый, безответственный, поспешный, его нельзя назвать осторожным, дисциплинированным, ответственным.

При этом подгруппа студентов более категорична в своих оценках образа нарушителя ПДД, чем курсанты. В представлении студентов нарушитель по 90%-му критерию частоты выбора – это человек, склонный к риску, наглый. Его нельзя назвать терпеливым и избегающим риска. По 80%-му критерию частоты выбора образ нарушителя в представлениях студентов дополняется признаками: самоуверенный, нетерпеливый, равнодушный к другим участникам дорожного движения, недисциплинированный, безответственный, непредсказуемый, поспешный, упрямый, неосторожный, суетливый, неосмотрительный. Его нельзя назвать чутким к другим участникам дорожного движения, осторожным, ответственным, дисциплинированным, рассудительным. По 75%-му критерию частоты выбора нарушитель в представлениях студентов – это также человек импульсивный, легкомысленный, конфликтный. Его нельзя назвать уступчивым, робким, боязливым, неторопливым, вдумчивым, аккуратным и осмотрительным.

Курсанты оказались более сдержаны в своих описаниях нарушителя ПДД и не так единодушны, как студенты. В представлениях курсантов нарушитель ПДД – это человек, склонный к риску и самоуверенный (80%), конфликтный (79%), его нельзя назвать чутким к другим участникам дорожного движения и терпеливым (78%), он нетерпеливый (77%), равнодушный к другим участникам дорожного движения и неосторожный (75%).

Таким образом, использование метода семантического дифференциала для описания представлений о нарушителях ПДД и сопоставление семантических универсалий позволяют выявлять множества совпадающих и несовпадающих признаков в разных группах респондентов, предполагать и проверять возможные причины совпадений либо их расхождений в представлениях, проводить качественный анализ полученных данных.

Литература

1. *Артемяева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
2. Повышение безопасности дорожного движения во всем мире. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 12 апреля 2018 г. (72-271). [Электронный ресурс] URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/106/46/PDF/N1810646.pdf>

3. *Серкин В.П.* Специализированные семантические дифференциалы для оценки работы, профессии и профессионала / Алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала // Психологическая диагностика. 2007. № 5.
4. *Серкин В.П.* Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М., 2008.
5. *Evans L.* Traffic Safety and the Driver. New York, NY, 1991.

Сферы ответственности современных российских государственных служащих в их представлениях

Селезнева Е.В., Рожок А.В.

*РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
selezneva-ev@ranepa.ru, rozhok-av@ranepa.ru*

Практика государственного управления свидетельствует, что его качество и результативность во многом определяются высоким уровнем развития у государственных служащих такого личностного качества, как ответственность, а также сформированностью отношения к ответственности как к ценности. При этом, как личностная ценность, ответственность проявляется в убежденности государственного служащего в том, что у него в силу его роли и статуса есть обязательства перед социумом и что он лично несет ответственность за последствия принимаемых им решений. В то же время государственный служащий, как и любой другой субъект целенаправленной активности, субъективно и зачастую неосознанно по-разному оценивает степень своей ответственности по отношению к той или иной сфере своей жизнедеятельности.

На факультете оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ было проведено исследование представлений современных российских государственных служащих о различных аспектах их жизнедеятельности, в том числе и о сферах их ответственности. В исследовании участвовали 219 руководителей региональных и муниципальных органов государственного управления.

В качестве диагностического инструмента использовался модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения»

[1]. В частности, респондентам предлагалось завершить предложение «Любой государственный служащий должен...», т.е. высказать суждение о том, что обязательно для государственного служащего как для субъекта жизнедеятельности, т.е. о сферах и областях ответственности. Полученные данные обрабатывались с помощью контент-анализа.

Абсолютная частота встречаемости суждений о сферах и объектах ответственности составила 456 упоминаний.

Анализ показал, что наибольшее число представлений об ответственности связано у респондентов со сферой исполнения профессиональных обязанностей (52,85% от общего числа упоминаний). При этом наиболее значимыми в этой сфере, с точки зрения участников исследования, являются обязательства «быть профессионалом/компетентным специалистом» (14,47% от общего числа упоминаний), «быть ответственным» (9,65% от общего числа упоминаний), «быть исполнительным» (8,55% от общего числа упоминаний), «быть коммуникабельным» (7,67% от общего числа упоминаний), «быть честным» (6,8% от общего числа упоминаний).

Интересно, что категорию «быть профессионалом/компетентным специалистом» описывают такие понятия, как «быть профессиональным социально ориентированным управленцем/быть надежным» и т.п., а категорию «быть ответственным» – понятия «отвечать за свои поступки/понимать ответственность принятых решений» и т.п.

Кроме того, в сфере исполнения профессиональных обязанностей, по мнению респондентов, любой государственный служащий должен служить делу, быть эффективным в делах, рациональным и гибким (мобильным).

С государственным и общественным благополучием как сферой ответственности государственных служащих связано достаточно большое, но все же меньшее по отношению к сфере исполнения профессиональных обязанностей число суждений (24,34% от общего числа упоминаний). Чтобы обеспечить государственное и общественное благополучие, по мнению респондентов, наиболее важно «служить обществу и государству» (11,18% от общего числа упоминаний) и «быть справедливым» (9,87% от общего числа упоминаний), а также быть патриотом и гуманистом.

При этом категория «служить обществу и государству» раскрывается через понятия «думать о государственных интересах, а не о личной выгоде/не забывать, что он часть народа, быть полезен для людей» и т.п. Категория «быть справедливым» раскрывается через

понятия «быть готовым отстаивать истину, законность и правопорядок/быть беспристрастным» и т.п.

Как показывает анализ, другими сферами ответственности современных российских государственных служащих, с точки зрения респондентов, являются «разнообразная творческая активность» (9,43% от общего числа упоминаний) и «личностный и профессиональный рост» (7,89% от общего числа упоминаний). При этом «разнообразная творческая активность» понимается как креативность, целеустремленность и лидерство и раскрывается соответственно через понятия «быть творческим/проявлять инициативу и делать предложения руководству в целях улучшения ситуации», «уметь ставить цели/выполнять свою работу осмысленно, с пониманием цели и конечного результата/добиваться поставленной цели/видеть перспективу», «быть мудрым/обладать стратегическим мышлением/видеть коренные проблемы и определять пути их устранения» и т.п. В то же время ответственность за личностный и профессиональный рост, по мнению респондентов, связана, прежде всего, с постоянным саморазвитием и совершенствованием.

В целом исследование позволило установить наиболее значимые с точки зрения участников исследования сферы и области ответственности современных российских государственных служащих. Результаты исследования могут быть использованы в ходе лично-профессионального консультирования руководителей органов государственного управления.

Литература

1. Селезнева Е.В. Незаконченные предложения // Акмеологическая диагностика / под общ. ред. А.А.Деркача и Ю.В.Синягина. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 50-55.

Тренинг уверенности и асертивности с применением когнитивно-поведенческих технологий как инструмент совладания в ситуации эмоциональной напряженности

*Серегина А.А.
ИПуКП, Москва, Россия
contact.annnaseregina@gmail.com*

В настоящее время в ситуации эмоциональной напряженности будет заметна положительная динамика в актуальности и востребованности тренинга уверенности и асертивности в связи с

тем, что у многих людей будет наблюдаться некоторое нарушение процесса адаптации к изменяющимся жизненным обстоятельствам, снижение самооценки, рост неуверенности в себе и увеличение агрессивности. Так, например, К. Лоренц в своей книге «Агрессия, или так называемое зло» констатировал факт роста агрессивного поведения в условиях ограничений и изолированности [1].

Для начала определимся с понятиями уверенности и ассертивности. Под уверенностью мы понимаем такое психологическое состояние человека, которое характеризуется верой в свои силы и возможности, а также ожиданием успеха. Из этого определения становится очевидным, что у большого количества людей этот показатель сейчас будет снижаться в связи с особенностями экономической и политической обстановки. Под ассертивностью мы понимаем состояние спокойствия с возможностью функционировать, ориентируясь на свои желания, способность человека с достоинством отстаивать свои права, не нарушая границ других людей и не причиняя им вред.

Данный тренинг особо эффективен при использовании когнитивно-поведенческих технологий, поскольку это позволяет провести коррекцию не только когнитивной сферы человека и его поведения, но и изменить функциональное состояние организма.

Рассмотрим основные блоки этого тренинга.

1 блок. Функционально-поведенческий.

1.1. Определяется цель и задачи тренинга. Рассматриваются шкалы уверенного, неуверенного поведения, агрессивности и определяется приемлемая зона ассертивности. Так, неуверенность выделяется двух типов: собственно неуверенность и неуверенность как результат неосознанного подавления гнева и злости.

1.2. Проводится мотивационное упражнение «Магазин обуви», где неуверенный покупатель пытается поменять обувь, а задача продавца ни при каких обстоятельствах не принимать эту обувь. В этом упражнении создается изначально конфликтная ситуация. Участники делятся на 2 группы и по очереди в парах реализуют поставленную задачу. Проводится анализ состояния и чувств каждого участника, выявляется наличие неуверенности и агрессивности.

1.3. Управление физиологическим состоянием. Освоение дыхательной техники, направленной на контроль агрессивности и неуверенности. Для этого участники тренинга осваивают способ говорить на выдохе.

1.4. Используется упражнение «Медузы». В основе ее применения лежит метод Джекобсона, метод прогрессивной мышечной релаксации (ПМР). При его проведении необходимо добиться полного расслабления всего тела. После тренировки этого состояния используется мышечная память в упражнении «Магазин обуви». Проводится работа в группах из 3 человек.

1.5. Затем проводится упражнение «Музей истории этого тренинга». Работа осуществляется в парах. Цель: научиться предъявлять требования с использованием фразы «Я требую», где один участник требует свои вещи у второго участника, а задача второго заключается в отвлечении внимания первого и в том, чтобы веселить напарника. Вещи не отдаются, если первый участник нарушит свое стабильное состояние и отреагирует на провокацию партнера.

1.6. Упражнение «Говорю уверенно». Цель: отвечать максимально уверенно. Работа в группах. На доске делаются изображения, и каждый участник группы пытается уверенно их вспомнить и настаивать на своем, сидя спиной к доске, в то время как все остальные участники группы должны убедить его в том, что тренер внес изменения в изображения по ходу работы.

1.7. Проводится упражнение на развитие сотрудничества и коммуникации в группах. Каждый участник пишет несколько ситуаций, где испытывает стресс в коммуникации, моделирует ситуации в малой группе с применением освоенных технологий.

2 блок. Когнитивный.

2.1. Применяется упражнение «Мыши страха» в малых группах.

Цель: выявление собственных когний, способствующих появлению страха с помощью АВС-анализа.

2.2. Знакомство с фундаментальными правами личности и тренировка их отстаивания.

Права:

- ставить себя иногда на 1 место и действовать в своих интересах;
- просить о помощи и эмоциональной поддержке;
- протестовать против несправедливости и или критики;
- право на свое мнение;
- право на ошибку;
- предоставлять людям право решать свои проблемы самостоятельно;
- говорить «нет», отказывать;
- не обращать внимание на советы окружающих;

- право на одиночество;
- право на свои собственные чувства;
- право менять свои решения и образ действий;
- добиваться пересмотра договоренностей, которые перестают устраивать.

Обсуждение в малых группах этих правил, голосование и определение тех, которые подходят конкретному человеку.

2.3. Упражнение «Кукла». Моделирование конфликтной ситуации с реализацией своих прав. Выявление когнитивных с помощью АВС-анализа, которые мешают участникам тренинга реализации этих прав. Коррекция ограничивающих убеждений с помощью техники реатрибуции и переформулирования.

2.4. Шеринг. Завершение тренинга.

В процессе проведения данного тренинга участниками осваиваются отдельные техники когнитивно-поведенческой терапии и от простого к сложному, происходит нанизывание этих техник одна на другую, в процессе чего реализуются цели и задачи этого тренинга. Данный тренинг является инструментом совладания в ситуации эмоциональной напряженности, увеличения показателей адаптивности к меняющимся условиям, повышения стрессоустойчивости.

Литература

1. *Лоренц К.* Агрессия, или так называемое зло. СПб. 2001.

Роль профессиональной ориентации в профилактике профессионального выгорания

Сереченко А.А., Ковалева Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aserechenko@inbox.ru

Сегодня, пожалуй, является бесспорным тот факт, что выбор той или иной профессии во многом обуславливает наличие постоянного интереса к профессиональной деятельности, стремление к профессиональному росту и достижению высоких результатов в рамках выбранной профессии. Однако зачастую приходится сталкиваться и с растущей тенденцией так называемого «случайного выбора», который осуществляется «по инерции», когда

старшеклассник выбирает профессию, руководствуясь пожеланиями родителей или по принципу «Не важно какое образование, главное – закончить вуз».

Как показывает ряд психологических исследований, такой «случайный выбор профессии» накладывает существенный отпечаток на всю профессиональную деятельность и зачастую может стать одной из возможных причин профессионального выгорания в будущем. Особенно остро выгорание проявляется в сфере так называемых помогающих профессий [2; 5; 6; 7].

Обращаясь к определению профессионального выгорания, разделяемого сегодня большинством исследователей, можно так охарактеризовать данный психологический феномен: это проявления физического, эмоционального и когнитивного истощения, которые могут возникать фоне постоянного профессионального стресса и характеризуются явным снижением продуктивности и эффективности в профессиональной деятельности. Сам термин «профессиональное выгорание» (burnout) является одним из видов профессиональной деформации личности [1; 3]. Впервые данный термин употребил американский психиатр Г. Фриденберг в 1974 году. Этот термин означает такое состояние психически здоровых людей, которое характеризуется изнеможением, сочетающимся с чувством собственной бесполезности, ненужности.

Представляется очевидным, что нарастание стресса в профессиональной деятельности в большинстве случаев может быть связано с отсутствием у сотрудника интереса к своей работе, высоким уровнем демотивации, негативным отношением к выполнению профессиональных обязанностей, нарастающим отчуждением, низким уровнем вовлеченности [1; 7]. В числе наиболее важных факторов профессионального выгорания исследователи выделяют следующие:

- нереализованные жизненные и профессиональные ожидания,
- неудовлетворенность самоактуализацией,
- неудовлетворенность достигнутым результатом,
- разочарование в других людях и профессиональной деятельности,
- обесценивание или потеря смысла своих усилий,
- переживание одиночества,
- ощущение бессмысленности активной деятельности и жизни [1; 2; 6].

Анализируя и предельно обобщая имеющиеся исследования в области профессионального выгорания, нетрудно заметить, что в существенной доле работ уделено внимание не только характеристике

проявлений данного психологического феномена, но и возможным приемам и способам его профилактики [4, 7]. Так, отмечается, что важное значение должно отводиться профессиональной ориентации и выбору будущей профессии.

Логично предположить, что профессиональная ориентация является первым и важным шагом в предупреждении возникновения симптомов профессионального выгорания, поскольку именно осознанный выбор профессии есть основа для развития и поддержания профессионального интереса, стремления к самореализации [5; 8].

В данном контексте представляется важным планирование и проведение исследования особенностей профессионального выгорания сотрудников организации с учетом того, как осуществлялся выбор профессии: был или он «случайным» или осознанным, а также какую роль в этом выборе сыграли профориентационные мероприятия.

Литература

1. *Бойко В.В.* Синдром «профессионального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999.
2. *Воронин И.В.* Представления об эффективности профориентационной работы у подростков // Психологическая наука и образование. 2007. Том 12. № 5. С. 100–110.
3. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. М., 2005.
4. *Демьянчук Р.В.* Психологическая помощь педагогам с признаками эмоционального выгорания: основания и ориентиры [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2015. Том 4. № 4. С. 12–28. doi:10.17759/cpse.2015040402
5. Психологический аспект выбора лингвистической профессии в старшем школьном возрасте. Вопросы гуманитарных наук. М. 2004. С. 296-297.
6. *Платонов Ю.П.* Феномен эмоционального выгорания личности: структурно-функциональный анализ // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018. Том 29. № 1. С. 7–13.

7. *Пряжников Н.С., Ожогова Е.Г.* Стратегии преодоления синдрома «эмоционального выгорания» в работе педагога // Психологическая наука и образование. 2008. Том 13. № 2. С. 87–95.
8. *Шахова Е.Д.* Соотношение выборов школьников на этапе предпрофильной подготовки и последующего профильного обучения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. Том 2. № 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n4/Shahova.shtml (дата обращения: 14.04.2022)

Социально-психологическое обоснование исследования семейной истории как фактора психологического благополучия личности

Серова О.А.

*ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия
olga.r.00@inbox.ru*

Проблема изучения психологического благополучия является на сегодняшний день одной из актуальных в рамках научных исследований социальной психологии личности, поскольку все чаще поднимается вопрос о социальной обусловленности данного феномена. Так, по мнению Р.М. Шамионова и А.А. Головановой, его основу составляют социально-психологические явления, то есть образования, качества, свойства, сформированные в результате взаимодействия личности и общества. Задачами социальной психологии личности при этом выступают как исследование социальных детерминант психологического благополучия, так и раскрытие особенностей соотношения его структур, имеющих внешнюю и внутреннюю природу [4].

Изучение психологического благополучия личности как самостоятельной научной категории связано с именами таких зарубежных и отечественных исследователей, как Н. Брэдбурн, Э. Динер, О.А. Идобаева Л.В. Куликов, Е.Н. Осин, К. Рифф, П.П. Фесенко, Р.М. Шамионов и др. [2] Анализ предложенных ими концепций позволил нам сделать вывод о том, что под *психологическим благополучием личности* следует понимать комплексное образование, основанное на нормативно-ценностных и

смысловых представлениях человека о благоприятной среде, сформированных в процессе воспитания и социализации, и непосредственно связанное с субъективным восприятием окружающей действительности, оценкой сфер собственной жизнедеятельности, с осознанием, принятием и полноценной реализацией личностного потенциала и психологических ресурсов, а также с ощущением эмоционального комфорта [3].

Психологическое благополучие человека зависит от различных факторов, многие из которых имеют социальное происхождение. Например, к ним относятся те, что обусловлены включением личности в различные социальные группы: семейные отношения (Г.Р. Позова, Н.Д. Узлов), профессиональные группы (П. Уорр, С.А. Дружилов), социокультурные особенности проживания (В.В. Гриценко, Л.В. Жуковская.). К ним также можно отнести финансовое благосостояние и жилищно-бытовые условия (А.Л. Журавлев, Л.В. Куликов) и др. [2; 3]. Обозначенные факторы психологического благополучия, на наш взгляд, можно считать внешними, поскольку их источником служит окружающая среда, жизненные обстоятельства, в которых находится человек.

Группу внутренних факторов составляют психологические особенности личности (Д.А. Леонтьев, К. Рифф, П.П. Фесенко), а также физическое самочувствие (А.В. Воронина, Э. Динер, О.А. Идобаева) [2; 3]. Они имеют непосредственное отношение к уникальному внутреннему миру человека в его неразрывной связи с телесным началом. Источником воздействия на психологическое благополучие при этом выступает сам субъект. Однако, как уже отмечалось ранее, с точки зрения социальной психологии, психологические характеристики личности – это продукт взаимодействия человека и общества (Г.М. Андреева), поэтому внутренние факторы отчасти так же социальны [4].

Большую роль в формировании социально-психологических явлений играют социальные институты, важнейший из которых – семья как малая группа, характеризующаяся наличием общих устойчивых норм, правил, ценностей, традиций, взглядов на жизнь, которые сформировались и укоренились в ходе семейной истории. Таким образом, семейная история, основанная на негенетической передаче наследственной информации от одного поколения другому, в той или иной степени способна оказывать влияние как на жизненный уклад последующих поколений, так и на психологические

особенности членов семьи, воспитывающихся и развивающихся в рамках данного уклада.

Межпоколенное транслирование наследственной информации может осуществляться как на сознательном, так и на бессознательном уровнях. В первом случае речь идет о стремлении членов семьи сохранить память о старших поколениях посредством рассказов об их жизнедеятельности, соблюдения заложенных ими традиций, бережного отношения к памятным вещам и старинным фотографиям, продолжения традиций принадлежности к определенной профессиональной деятельности, наречения детей именами значимых предков и т.д. Сюда же можно отнести и изучение родословной, составление семейного древа с целью познания собственных «корней». На бессознательном уровне молодым поколениям транслируются отголоски неразрешенных в далеком прошлом конфликтов, скрытых семейных тайн, психологических травм, потерь и т.д., которые неблагоприятным образом могут отражаться на их состоянии в виде страхов, тревог, чувства опустошенности, психических и соматических расстройств (Н. Абрахам, И. Бузормени-Надь, Ф. Дольто, М. Терек, А.А. Шутценбергер) [5]. Аналогичным образом передаются и жизненные сценарии предков, во многом предопределяющие выбор профессии, моделей поведения, а также и саму судьбу наследников (Э. Берн, М. Джеймс, Д. Джонгвард) [1]. Большую роль при этом играют родительские установки, пословицы и поговорки, которые часто упоминаются в семье, эпизоды сравнения детей с представителями старших поколений в отношении поступков, личностных качеств, манер поведения и т.д.

Таким образом, роль семейной истории в жизнедеятельности семьи, а также отдельных ее членов велика, поскольку во многом, именно на ее основе (опыт предков, укоренившиеся нормы, жизненные сценарии) складываются представления о благоприятной социальной среде, о приоритетных принципах воспитания, формируются личностные качества, основные жизненные ориентиры и ресурсный потенциал (например, чувство укорененности, идентификация со значимыми предками), а также устанавливается эмоциональная атмосфера в доме – важнейшие составляющие психологического благополучия.

В связи с этим, на наш взгляд, семейную историю правомерно рассматривать в качестве одного из факторов психологического благополучия личности (одновременно и внешнего, и внутреннего),

что будет подтверждено или опровергнуто в результате дальнейшего эмпирического исследования.

Литература

1. *Джеймс М., Джингвард Д.* Рожденные выигрывать. Трансакционный анализ с гештальтупражнениями: Пер. с англ. // *Общ. ред. и послесл. Л.А. Петровской.* М.: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1993. 336 с.
2. *Павлоцкая Я.И.* Психологические характеристики благополучия и социально-психологические характеристики личности: монография / Я.И. Павлоцкая; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2016. 167 с.
3. *Серова О.А., Ключева Н.В.* Семейная история как фактор психологического благополучия личности (теоретические предпосылки исследования) // *Материалы Международной молодежной научно-практической конференции 25 апреля 2019 г. ЯРО РПО, факультет психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова, НПЦ «Психодиагностика».* Ярославль, 2020. С. 166–171.
4. *Шамионов Р.М., Голованова А.А.* Социальная психология личности: Учеб.пособие для студ. высш. учеб. заведений. Издание 2-е, дополненное и переработанное. М.: Издательство «Перо», 2017. 300 с.
5. *Шутценбергер А.А.* Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. Изд. Института Психотерапии, М., 2001.

К вопросу о формировании гражданской ответственности подростков и молодежи в условиях оздоровительного лагеря

Силантьева С.В., Камнев С.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва,

silantieva_sv@mail.ru, dr.kamnev@mail.ru

Изменения духовно-нравственного характера, произошедшие в России в конце прошлого и начале нынешнего столетия, напрямую связаны с политическими и экономическими изменениями далеко не

прогрессивно-созидательного характера. Отсутствие четкой национальной идеологии привело к разрозненности социума. Поэтому современные реалии поставили новую задачу перед системой образования – последовательное формирование общественной российской идентичности.

Гражданская идентичность должна рассматриваться обществом современного социума как залог единства, основа группового сознания, а значит, залог стабильности нашего многонационального государства.

Значительную роль преобразования в системе воспитания и образования играет семья, различные общественные организации, учреждения дополнительного образования. Важное место занимают детские-оздоровительные лагеря.

Стратегические ориентиры воспитания в нашей стране сформулированы Президентом Российской Федерации В.В. Путиным: «Формирование гармоничной личности, воспитание гражданина России – зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом» [3, с. 28].

В настоящее время деятельность дополнительного образования в детских оздоровительных лагерях приобретает новое значение. Основой формирования гражданской идентичности в условиях детского лагеря может выступить модель построения воспитательной системы лагеря, отражающая компоненты гражданской идентичности, а также факторы, влияющие на процесс ее формирования. Не менее важными являются цель и содержание педагогического процесса [5, с. 168].

На примере идеологических векторов трех совершенно разных лагерей можно показать, какие направления деятельности могут оказывать влияние на формирование гражданской идентичности у подростков.

Например, «Артек» – символ лучшего детского центра, важная часть истории России [8, с. 9]. Артек можно назвать флагманом, достоянием Отечества. С одной стороны, «Артек» демонстрирует уникальный педагогический опыт, в котором нуждается каждое педагогическое учреждение. С другой, осуществляет отдых и оздоровление детей. «Артек» интересен тем, что функционирует в условиях повышенной и многофакторной сложности [4, с. 11]. Он является модельным лагерем будущего – но не как

экспериментальный, сверхновый или футурологический объект, а как учреждение, которое, имея солидный возраст, применяет современные образовательные технологии, апробирует и внедряет инновации, учитывает достижения цифровой цивилизации [4, с. 11]. Более того, именно в «Артеке» всегда задавался тон воспитания гражданской ответственности, так как именно здесь большое внимания уделялось и уделяется истории Отечества и урокам Великой Отечественной Войны, в частности, роли «Артека» и артековцев во время Великой Отечественной войны

В детском оздоровительно-образовательном комплексе Магнитогорского металлургического комбината (Группа ПАО ММК) г. Магнитогорска, Челябинской области показателен опыт межкультурной коммуникации и формирования общероссийской гражданской идентичности в формате фестивалей народных традиций. [7, с. 28]

В этой группе лагерей в качестве основы содержания для программ социально-педагогической направленности авторские коллективы выбирают такие темы, как историко-культурные сведения о своем регионе; исторические события и значение победы в Великой Отечественной войне; традиции и культура народов, проживающих на территории нашей страны [7, с. 28].

Образовательный проект «Отдых и учеба с радостью» – это комплекс научно-приключенческих экологических программ, которые реализовывались и реализуются на базе различных детских лагерей России. Программы проекта дают возможность ребенку познакомиться с природой; показать, насколько разнообразен и хрупок окружающий мир. За 21 день летней смены дети учатся быть самостоятельными и ответственными, учатся принимать серьезные решения и отвечать за свои поступки. В настоящее время в рамках данного проекта реализуются 10 программ. В них имеются конкретные, если не явные, то имплицитные или скрытые «блоки-установки» на формирование гражданственности и гражданской ответственности нового типа будущего россиянина. В основу программ положены принципы экологического мышления и сознания. А это ощущение: Я-Личность – часть живой природы планеты Земля!

Экологическое мышление и образ жизни на основе экологического сознания также способствует формированию «гражданственности» и «гражданской ответственности».

Программа ставит своей целью формирование Человека-Личности нового типа: Человек-Личность – житель планеты Земля! Эта идея

выводит ребенка на иное понимание категорий «гражданственность» и «гражданская ответственность» – ГРАЖДАНИН ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ!

Литература

1. *Камнев А.Н.* Детский экологический лагерь и современное образование // В сб. научных статей «Экопсихологические исследования – 5». Под ред. С.Ю. Жданова, М.О. Мдивани, В.И. Панова. Пермь: ОТ и ДО, 2018. С. 385 -397.
2. *Камнев А.Н., Дугина А.Я.* Программы деятельного образования в лагере как основа воспитания гражданской ответственности и любви к истории Отечества // Народное образование. 2022. №2. С. 43-50.
3. *Камнев А.Н., Камнев О.А., Камнева М.А., Ефремов К.Д., Киселева И.С., Кононова О.А., Манукян Е.Л., Миронец О.Г., Нуриманова О.М., Покаташкина М.В., Шипилова В.С.* Отдых и учёба с радостью. Деятельное экологическое образование и научно-приключенческие програ. М.: «Перо», 2016. 434 с.
4. *Кателина А.А.* Интегрированная модель формирования гражданской идентичности подростков в условиях детского лагеря // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, №1 2022. С. 166-174.
5. *Маклаков А. Г., Коновалова Л. В.* Интеллектуально-нравственный потенциал личности как стратегический ресурс развития общества // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества: материалы VI междунар. науч. конф. 12–13 нояб. 2016 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 11–15.
6. *Савельева О.П.* Возможности детского оздоровительного лагеря в формировании общероссийской гражданской идентичности детей и молодежи // Народное образование. №2 2022. С. 27-36.
7. *Федоренко К.А.* Артек как модель лагеря будущего и его значение для России // Народное образование. №2 2022. С. 9-11.

Социально-психологические особенности среднестатусных студентов колледжа

Синицына А.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

sandra.d97@mail.ru, sachkova@list.ru

Личность как субъект социальной жизни обладает множеством социальных и межличностных статусов [2]. Социальный статус является показателем занимаемого личностью положения в обществе, определенной социальной группе в зависимости от возраста и семейного положения человека, его политических взглядов, профессиональной деятельности, квалификации и должности, а также доступности и обеспеченности материальными благами и т.д. Межличностный или интрагрупповой статус отражает положение в системе неформальных отношений в группе и проявляется в определенных условиях «социальной ситуации развития, в которой находится конкретная личность в столь же конкретном сообществе» [1, с. 49].

Данный феномен достаточно активно исследуется как в зарубежной, так и отечественной психологии, однако интерес в таких работах сосредоточен, в основном, на двух противоположных статусных категориях – лидерах и аутсайдерах. При этом исследователи зачастую обходят вниманием среднестатусных членов группы. На сегодняшний день термин «среднестатусный член группы» четко не определен ни в одном психологическом справочнике или словаре. При этом в тех исследованиях, в которых эта статусная категория хотя бы упоминается, речь идет не о среднестатистических представителях изучаемого сообщества, а о тех, которые, «занимая промежуточное положение в интрагрупповом ранговом статусном ряду, никак не могут быть отнесены ни к одной из двух полярных статусных категорий» [3, с. 129].

Серьезное внимание среднестатусным был уделено в ряде работ. Были раскрыты особенности категории «средний статус», выявлены структура и содержание понятия «среднестатусный член группы», дана социально-психологическая характеристика личности, занимающей промежуточное положение в интрагрупповом неформальном статусном ряду, а также описана система

межличностных отношений с представителями всех статусных категорий [2; 3; 4]. Однако данные исследования были проведены, в основном, в учебных группах школьников и студентов вузов, а по учащимся колледжей сведений еще недостаточно. Среднестатусные члены группы являются наиболее многочисленной ее частью, что подтверждает необходимость всестороннего изучения данной статусной категории наравне с «полярными» категориями лидеров и аутсайдеров. При этом новой задачей может стать выявление социально-психологических особенностей среднестатусных учащихся колледжей.

В качестве гипотезы в исследовании было выдвинуто предположение, что среднестатусные студенты колледжа имеют более высокий уровень общительности, чем низкостатусные, и более низкий уровень доминантности в межличностных отношениях, чем высокостатусные члены группы. Выборка включала 30 студентов Колледжа архитектуры, дизайна и реинжиниринга № 26, из них 12 юношей и 18 девушек в возрасте 15-16 лет. В исследовании были использованы «Социометрия» (Дж. Морено), личностный опросник Р.Б. Кеттелла и опросник «Оценка уровня общительности» В.Ф. Ряховского. Для выявления различий в социально-психологических особенностях среднестатусных, низкостатусных и высокостатусных членов студенческой группы колледжа был проведен количественный и качественный анализ полученных результатов. Статистическая обработка результатов осуществлялась при помощи U-критерия Манна-Уитни.

Анализ результатов исследования показал, что среднестатусные студенты колледжа более смелы ($U=0,023$ при $p<0,05$) и самостоятельны ($U=0,003$ при $p<0,01$), менее тревожны ($U=0,004$ при $p<0,01$) и подозрительны ($U=0,003$ при $p<0,01$), чем низкостатусные члены группы. Другими словами, «средние» активны в социальных контактах, упорны, социабельны и способны выдерживать достаточно высокие эмоциональные нагрузки. Они уверены в себе и необязливы, чаще, чем низкостатусные студенты, сохраняют спокойствие в сложных и неопределенных ситуациях, уступчивы и открыты в общении с окружающими. При этом нередко это самостоятельные, независимые, ориентирующиеся на собственные решения люди, в силу чего они могут показывать индивидуалистическое поведение в группе.

По сравнению с высокостатусными среднестатусные студенты колледжа менее общительны ($U=0,004$ при $p<0,01$) и доминантны ($U=0,013$ при $p<0,05$), более дипломатичны ($U=0,010$ при $p<0,05$) и

самостоятельны ($U=0,001$ при $p<0,01$). Студенты со средним социометрическим статусом более замкнуты, чем лидеры, критичны и склонны к объективности. Нередко отличаясь зависимостью, скромностью и застенчивостью, они умеют вести в себя в обществе, в общении демонстрируют дипломатичность и эмоциональную выдержанность и осторожность, а также умение находить выход из сложных ситуаций. Они в большей степени, чем высокостатусные студенты, склонны к самостоятельности, им присуще стремление иметь собственное мнение.

Таким образом, гипотеза исследования нашла свое подтверждение.

Литература

1. Коломинский Я.Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. М., 2010.
2. Сачкова М.Е. Актуальный подход к исследованию статусных отношений в ученических группах в рамках научной школы факультета социальной психологии МГППУ // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 59-71.
3. Сачкова М.Е. О понятии «среднего статуса» в социологии и социальной психологии // Социально-психологические проблемы образования: Вопросы теории и практики: сб. научн. тр. / под ред. М.Ю. Кондратьева. Вып. 8. М., 2010. С. 127-133.
4. Сачкова М.Е., Васькова О.В. Взаимосвязь статусной дифференциации и сплоченности в ученических группах старших подростков // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 1. С. 92–102.

Особенности взаимоотношений подростка с родителями: роль полноты семьи и статуса среди одноклассников

Собкин В.С., Калашикова Е.А.

*Центр социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия
sobkin@mail.ru, 5405956@mail.ru*

Публикация основана на анализе мнений 40 575 учащихся 6–11-х классов, полученных в результате анонимного анкетного опроса в 2020/21 гг. посвященного исследованию девиантных форм поведения (курению, употреблению алкоголя, участию в драках, буллинге и др.) [1-4]. В предлагаемой учащимся анкете содержался также и ряд

вопросов, касающихся показателей, характеризующих стилевые особенности взаимоотношений с родителями: выявление «значимых других» в ближайшем окружении (отец; мать; учитель; друг/подруга), мнения подростков об отношении к ним родителей (уважают; игнорируют; навязывают свое мнение и др.); об используемых родителями формах наказаний (грубость, применение физической силы, запрет общения с друзьями, лишение карманных денег, тактичное выражение своего недовольства и др.); реакции подростка на применение родительских санкций (делаю, как говорят; соглашаюсь с убедительной аргументацией; делаю по-своему; противоречу, вступаю в конфликт).

Оставляя в стороне вопросы, касающиеся влияния гендерных особенностей, образовательного, материального статуса семьи, ограничимся рассмотрением влияния на стиль взаимоотношений подростков с родителями двух параметров: полноты семьи (родители состоят в браке, родители разведены) и самооценки подростком своей позиции среди одноклассников (лидер, в классе чувствую себя одиноко) [5; 6].

С помощью проведения процедуры факторного анализа методом Главных компонент с последующим вращением осей по критерию Варимакс Кайзера матрицы первичных данных (в строках – процентные показатели ответов на вопросы о стиле взаимоотношений с родителями; в столбцах – подвыборки учащихся «лидеров» и «отверженных» 7, 9 и 11-х классов в полных и неполных семьях). В результате были получены четыре фактора, объясняющих 89,1% общей суммарной дисперсии.

Биполярный фактор F1 объясняет 48,4% общей суммарной дисперсии. Содержательно он задается оппозицией: *«авторитарность – демократизм в ближайшем социальном окружении»*. Данный фактор четко дифференцирует «лидеров» и «отверженных» школьников в отношениях со своими родителями. У «лидеров» родители являются авторитетными взрослыми; подчеркивается их уважение к ребенку, что вызывает ответную позитивную реакцию со стороны детей. Учащиеся «отверженные» фиксируют авторитарные формы действия со стороны родителей вплоть до применения физической силы. При этом, в качестве реакции, ими подчеркивается отстранение от родителей (не высказываю свое мнение, делаю по-своему). Это ведет к тому, что в

своем ближайшем окружении подросток с низким статусом в классе не видит людей, которые являются для него лично значимыми.

Униполярный фактор F2 14,8%: *«отстаивание самостоятельности в отношениях с родителями»* наиболее отчетливо выражен среди подростков из неполных семей, причем в большей степени среди тех, кто оценивает свою позицию в классе как лидерскую. Смысл этого фактора заключается в отстаивании подростком своей самостоятельности в отношениях (как правило, с матерью) и повышенной значимостью для него сверстников. Таким образом, подросток уходит из-под влияния взрослого, переориентируясь на одноклассников, стремясь занять среди них лидерскую позицию.

Биполярный фактор F3 13,1%: *«поиск согласия – ограничение социальных контактов»* фиксирует возрастные различия в применении родителями санкций. В период обучения в 7-м классе это ограничение в контактах со сверстниками, а в 11-м – поиск согласия (согласие с убедительными аргументами со стороны родителей).

Биполярный фактор F4 (12,8%) *«стремление к отстаиванию своей позиции – запрет социальных контактов»* фиксирует различия в применении санкций в зависимости от статуса в классе среди подростков из полных и неполных семей в 11-м классе. Обращает на себя внимание, что подростки-лидеры из полных семей склонны вступать в конфликт со своими родителями, в то время как отверженные в классе находятся под жестким контролем родителей, которые запрещают им общаться со сверстниками. Таким образом феномен отверженности среди сверстников во многом спровоцирован позицией родителей. Характерно, что противоположная тенденция отчетливо обозначена среди подростков, воспитывающихся в неполной семье. Здесь, напротив, мать стремится запретить своему ребенку-«лидеру» общаться с друзьями. Можно предположить, что за этим стоит не только стремление отгородить своего ребенка от вредных воздействий подростковой среды, но и чувство «ревности», связанное со страхом потери влияния на своего ребенка. Иначе строятся отношения с родителями (как правило с матерью, с которой и живет ребенок) у «отверженных». Они не ищут способа изменения своего статуса в подростковой среде, а обостряют (переносят) конфликты на свои отношения с матерью.

Литература

1. *Собкин В.С.* О социально-психологических аспектах буллинга среди российских школьников / Педагогика 2022. №1(86). С. 54-65.
2. *Собкин В.С. Адамчук Д.В.* Девиантное поведение подростка: распространенность, мотивация и реакции социального окружения / Педагогика. Т. 85, №10. 2021. С. 24-37.
3. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Коломиец Ю.О. Причины конфликтов подростков с учителями, родителями и одноклассниками: к вопросу о социальной ситуации развития. / Вопросы психологии. 2020. № 5, Т. 66. С. 13-25.
4. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Современный подросток об участии в драках: влияние демографических и стратификационных факторов / Вопросы психического здоровья детей и подростков. № 1, 2021. С. 23-35.
5. *Собкин В.С., Писарский П.С.* Социокультурный анализ образовательной ситуации в мегаполисе. М.: Министерство образования РФ, 1992. 159 с.
6. *Собкин В.С., Халутина Ю.А.* Ценностно-целевые установки родителей по воспитанию детей старшего дошкольного возраста и их связь со стилями воспитания / Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2017. №7(79). С. 14-17.

Ситуативная и личностная тревожность у водителей разного пола

*Соловьева Е.Л., Литвинова Е.Ю.,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mede@ya.ru*

По статистике ГИБДД РФ за 2021 г. на дорогах РФ произошло 103511 транспортных происшествий, из которых 87581 ДТП с участием водителей мужского пола, количество погибших – 10174 человек. 15930 случаев ДТП приходится на водителей женского пола, количество погибших – 981 человек [4]. Количество ДТП с летальным исходом у мужчин составляет 11% от общего количества ДТП с участием мужчин водителей, у женщин – 6%. Нами был поставлен вопрос, какие личностные особенности индивида могут

430

быть предикторами серьезности ДТП. Для этого было проведено исследование с целью сравнить такие характеристики, как личностная и ситуативная тревожность у водителей разного пола. Данные параметры были выбраны, поскольку переживание тревоги и напряжения негативно влияют на реализацию высших психических функций, таких как восприятие, внимание и мышление, необходимых для такой сложной деятельности, как управление автомобилем [1; 2].

Исследование проводилось на Интернет платформе GOOGLE forms. Выборку составили 72 человека (36 женщин и 36 мужчин), жители г. Москвы, средний возраст испытуемых составил 30 лет, стаж вождения испытуемых от 1 года до 23 лет.

В качестве оценочного инструмента для выявления уровня личностной тревожности и тревожности в данный момент использовалась Шкала тревоги Спилбергера (State-Trait Anxiety – STAI). Опросник разработан Ч.Д. Спилбергером и адаптирован Ю.Л. Ханиным.

По параметру «ситуативная тревога» у водителей – мужчин и женщин – выявились следующие результаты: 3% мужчин-водителей продемонстрировали низкий уровень ситуативной тревожности, для женщин доля низкого уровня приходится на 14% респондентов. Вероятно, жизненный фон в момент прохождения опроса воспринимается респондентами как стабильный и безопасный.

Средний уровень ситуативной тревожности был выявлен у 75% мужчин и женщин, следовательно, опрошенные нами мужчины и женщины обладают одинаковым уровнем средней ситуативной тревожности. У 12% мужчин и 11% женщин выявлен высокий уровень ситуативной тревожности.

По результатам шкалы «личностной тревоги», низкий уровень у мужчин-водителей составляет 8% от общей выборки, и у женщин – 3%. Эти респонденты склонны воспринимать широкий диапазон ситуаций как безопасные, демонстрировать выраженное спокойствие, не обнаруживая угрозы своему престижу, самооценке или безопасности. Этим респондентам свойственно преобладание положительных эмоций, спокойный оптимизм. Вероятность эмоциональных срывов и аффективных всплесков у таких людей мала. Среди рисков – недооценка значимости ситуации, запоздалая реакция в ситуациях, когда надо действовать быстро.

У 76% мужчин выявлен средний уровень тревоги, у женщин средний уровень выявлен у 64%. Эта группа респондентов склонна к рациональной оценке ситуации и возможных угроз в ситуациях

спокойного жизненного фона. В ситуации обострения напряжения во внешнем фоне такие люди могут демонстрировать излишнюю тревогу по поводу состояния здоровья своего и близких, склонность к преувеличению последствий возможных угроз.

У 16% водителей-мужчин был выявлен высокий уровень личностной тревоги, у женщин этот показатель составляет 33%. Данные респонденты постоянно тревожатся, демонстрируя склонность к переживанию угрозы и безотчетного страха, склонны воспринимать незнакомые ситуации как неблагоприятные и опасные. У женщин из нашей выборки уровень личностной тревоги выше. Это может объясняться тем, что биологически для женщин приоритетная задача – обеспечение выживания потомства, таким образом ответственность усиливается тем, что женщина становится ответственной не только за безопасность и благополучие своей жизни, но и за жизнь своих детей [1].

По результатам вычисления критерия различий Манна-Уитни, обнаружены значимые различия в проявлении ситуативной тревожности между мужчинами и женщинами ($U=473,5$; $p= 0,04$). Из этого следует, что мужчины чаще испытывают ситуативную тревожность, чем женщины.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, склонность опрошенных нами мужчин-водителей испытывать ситуативную тревогу, в том числе в ситуации управления автотранспортным средством, может провоцировать излишнее возбуждение, негативно сказываться на внимании и способности принимать верные решения, что может приводить к ДТП. Необходимо дальнейшее исследование темы с целью выработать комплекс мероприятий для снижения уровня ситуативной тревожности у водителей мужского пола [3].

Литература

1. *Александров А.А.* Современная психотерапия: курс лекций. СПб.: «Академический проект», 1997.
2. *Литвинова Е.Ю., Макеева С.А., Харченко М.А.* Отношение к неопределенности и мотивация достижения у водителей разного пола / Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 4. С. 47–60. doi:10.17759/sps.2018090405

3. *Соловьева С.Л.* Тревога и тревожность: теория и практика [Электронный ресурс] / Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 6 (17). URL: <http://medpsy.ru>
4. Статистика ГИБДД [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 03.04.2022).

Взаимосвязь жизнеспособности, ответственности и стремления к автономии личности

Сорокина Т.А., Нестерова А.А.

ГОУ ВО МО МГОУ, Мытищи, Россия

Tansha2111@rambler.ru, anesterova77@rambler.ru

Иногда различные жизненные ситуации застают врасплох, и, порой, из-за неумения полагаться на свои силы и правильно их оценивать, люди становятся заложниками обстоятельств, неспособными самостоятельно найти выход.

Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что для успешного и самостоятельного разрешения жизненных невзгод человеку необходимо обладать достаточным уровнем жизнеспособности. Чем жизнеспособнее личность, тем она автономнее, то есть склонна рассчитывать в основном на себя и собственные возможности.

В данной статье мы приведем описание таких психологических феноменов, как «жизнеспособность», «ответственность» и «зрелость». Также будут представлены эмпирические данные, подтверждающие наши предположения о том, что жизнеспособность связана с автономностью и уровнем зрелости личности.

В психологической литературе существует не одно определение жизнеспособности. Е.А. Рылская утверждает, что жизнеспособность – это синергетическое единство, которое включает в себя способности саморегуляции, адаптации, саморазвития и осмысленности жизни человека, которое в структурном аспекте выражается через особенности интегрированности жизнеспособности как единого целого [5]. С точки зрения А.А. Нестеровой, жизнеспособность – это системное качество личности, которое включает такие компоненты, как способность к самомотивации; способность к активности и инициативе; эмоциональный контроль; позитивные когнитивные

установки; самоуважение; социальная компетентность; адаптивные защитно-совладающие стратегии; способность организовывать время и планировать будущее.

Четкого определения личностной зрелости исследователи не дают, а раскрывают это понятие с помощью описания различных характеристик личности. Личностная зрелость человека понимается как состояние гармонии и достижения успеха в физическом, интеллектуальном и эмоциональном отношениях. Личностная зрелость является механизмом организации жизнедеятельности человека, который регулирует отношения человека с самим собой и окружающим миром. Личностная зрелость является основополагающей в успешности самореализации человека, профессиональной деятельности и его жизненного пути в целом [3].

Автономность личности также является важным качеством человека, определяющим и уровень его зрелости и способность к адаптации. Так, Д.А. Леонтьев пишет, что автономия является и движущей силой личности, и залогом психологического здоровья, и гарантом сохранения ценностной сферы.

К.А. Абульханова-Славская описывает ответственность как обеспечение собственными силами результата деятельности при установленном самой личностью уровне сложности и способность преодоления возникающих трудностей. Понятие личностной ответственности включает в себя умение личности оптимально соотносить требования общества и потребности, возможности личности при осуществлении деятельности [2]. В научной литературе описаны пять типов ответственности: принципиальность, самоутверждение, нормативность, этичность, самопожертвование [1]. Именно эти типы ответственности будут рассмотрены нами в эмпирическом исследовании.

Мы провели исследование, в котором рассматривали взаимосвязи между показателями жизнеспособности личности, а также его ответственности, зрелости и автономности. В исследовании приняло участие 77 человек в возрасте от 18 до 24 лет. В качестве психодиагностического инструментария использовались методика «Жизнеспособности личности» (А.А. Нестерова), опросник диагностики личностного симптомокомплекса ответственности (ОДЛСО) (И.А. Кочарян) и шкала самооценки личностной зрелости (А.В. Микляева).

При рассмотрении корреляционных данных между жизнеспособностью и ответственностью, можно заключить, что по

всем шкалам жизнеспособности выявлена значимая прямая связь с несколькими видами ответственности. Так, при высоком уровне жизнеспособности наблюдается высокий уровень «принципиального» ($r=0,48$), «этичного» ($r=0,35$) и «самопожертвующего» типа ответственности ($r=0,32$). Таким образом, молодые люди с высоким уровнем жизнеспособности имеют высокий уровень ответственности, особенно в плане понимания этой ответственности как некой принципиальной жизненной позиции, а также соблюдения этики и морали по отношению к другим людям. Жизнеспособным молодым людям свойственно и самопожертвование, когда они интересы других людей ставят выше своих и чувствуют свою ответственность за жизнь других людей.

Получена значимая обратно пропорциональная зависимость между жизнеспособностью и межличностной зависимостью: высокому уровню способности к самомотивации и достижениям соответствует низкий уровень межличностной зависимости ($r=-0,26$ при $p\leq 0,05$) и неуверенности в себе ($r=-0,45$, $p\leq 0,01$). Таким образом, можно заключить, что жизнеспособность личности и ее отдельные компоненты напрямую связаны с таким показателем, как «автономность личности». На автономность личности в большей мере влияет «способность к саморегуляции и эмоциональному контролю».

Анализируя корреляционные данные между жизнеспособностью и личностной зрелостью, мы выявили практически по всем шкалам значимую прямую связь. Так, высокому уровню жизнеспособности соответствует высокий уровень зрелости личности ($r=0,56$, $p\leq 0,01$). Все показатели жизнеспособности личности связаны с разными видами зрелости: рефлексивной, регуляторной, нравственной, когнитивной. Дополнительно проведенный регрессионный анализ также показывает, что наибольший вклад в формирование личностной зрелости вносят такие компоненты жизнеспособности, как адаптивные защитно-совладающие стратегии поведения и самоуважение.

Рассмотрев полученные данные, мы можем утверждать, что жизнеспособность взаимосвязана со стремлением личности к автономии, а также разными видами ответственности и личностной зрелости.

Литература

1. Кочарян И.А. Опросник диагностики личностного симптомокомплекса ответственности (ОДЛСО) и оценка его

- психометрических характеристик / И.А. Кочарян // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, серія «Психологія». 2008. № 807. С.179-186.
2. *Купченко В.Е.* Особенности характеристик жизненного пути у лиц с различным типом ответственности: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Омск, 2004. 17 с.
 3. *Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 25-28.
 4. *Нестерова А.А., Сулова Т.Ф.* Конструктивистский и социально-психологический подходы к изучению факторов жизнеспособности и адаптации мигрантов: Монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. 219 с.
 5. *Рыльская Е.А.* Психология жизнеспособности человека: монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2009.

Факторы интеллектуально развития личности как детерминанты формирования культурного интеллекта в юношеском возрасте

Стеценко А.Г., Беловол Е.В.

МПГУ, Москва, Россия

stets.aleksandra@yandex.ru, ev.belovol@mpgu.su

Актуальность темы исследования связана со сложностью межкультурных взаимоотношений в мире, которая последовала за началом процесса глобализации общества. В ходе развития информационных технологий началась трансляция культурных образцов, что повлекло за собой возникновение массовой культуры. Это напрямую влияет на изменение интеллектуальных особенностей человека, что может отражаться во взаимосвязи его факторов с культурным интеллектом [4].

Влияние условий быта, привычных для общества традиций предметов социума способствует формированию в человеке мировоззрения. Он приобретает определенные знания о культуре страны, о ее политическом строе, социальных отношениях, экономической ситуации и многом другом. Мышление людей различных культур специфично объясняет окружающий мир, создает особенный образ мыслей, понимание цели развития общества и эмоционально окрашивает определенные события.

Индивиды, воспитанные в разных культурных условиях, по-разному чувствуют и понимают мир. Можно предположить, что люди разных этносов, которые на протяжении своего развития подвергались воздействию социальных факторов, а также условий окружающей среды, в процессе передачи культурного наследия из поколения в поколение формируется тот способ синтеза информации, который обеспечит максимальную активность субъекта в его культурных условиях. Такая идея содержится в трудах А.С. Выготского, в которых он говорил о том, что «сложные психические функции формируются в ходе исторически обусловленных видов практической и теоретической деятельности и изменяются в процессе этой деятельности» [3, с. 348].

Трудно понять, какие именно природные и социальные факторы объясняют соотношение полушарий мозга у большинства представителей определенного этноса. Через это соотношение реализуется передача культуры, и выделяются психофизиологические связи. Для того, чтобы понять другую культуру и принять ее на глубинном уровне, необходимо пережить ее, встроиться в нее, а не читать или рассуждать о ней. Поэтому наша интерпретация самых простых и очевидных вещей является обязательно культурно окрашенной.

Таким образом, можно сделать вывод, что культура, к которой мы принадлежим, влияет, но не определяет взгляд человека на мир.

При размышлении о преимуществе определенного вида мышления в данном этносе мы не отмечаем абсолютное различие, а лишь специфические особенности мировосприятия. В каждом этносе можно найти индивидов, мышление которых радикально отличается от остальных, но психологические особенности можно выделять только на основании анализа психики большинства людей.

Целью нашего исследования стало изучение факторов интеллектуально развития личности как детерминанты формирования культурного интеллекта в юношеском возрасте.

Для проведения исследования нами была сформирована выборка испытуемых юношеского возраста в количестве двадцати человек. Использованы две методики: «16-ти факторный личностный опросник» Р.Б. Кеттелла, из которого рассмотрены факторы В, М, N и Q1, и опросник «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга. [1; 2]

При анализе результатов нами были использованы методы корреляционного и регрессионного анализа, позволяющие определить, какова сила связи между двумя показателями.

Результаты корреляционного анализа: коэффициент показателей фактора В (интеллектуальность) и культурного интеллекта приблизительно равен 0,52; показателей фактора М (мечтательность) и культурного интеллекта 0,51; показателей фактора N (дипломатичность) и культурного интеллекта 0,12; показателей фактора Q₁ (восприимчивость к новому) и культурного интеллекта 0,52.

Регрессионный анализ проявил оценку взаимосвязи по факторам N и Q₁ в 5,94 и 8,33, что еще раз подтвердило наличие связи между переменными. Установленная модель объясняет 97,36% вариабельности культурного интеллекта.

Полученные результаты исследования в сравнении с эмпирическими значениями показали, что такие факторы интеллекта, как интеллектуальность, мечтательность и восприимчивость к новому, коррелируются с культурным интеллектом. То есть существует взаимосвязь между интеллектом, отражающим особенности мышления с культурным интеллектом.

Мы можем сделать вывод о том, что культурный интеллект и некоторые факторы интеллекта являются зависимыми величинами. Как общечеловеческий феномен, интеллект наделяет человека рациональным способом познания действительности. Осмысление реальности для адаптации к среде проходит через призму культурного аспекта, так как культурный интеллект определяет способности индивида по отношению к взаимодействию в ситуациях, наполненных культурным многообразием. Если культурный интеллект определяет понимание человеком других культур и принятие окружающих людей, то интеллект непосредственно влияет на данный процесс построения отношений и процесса интеграции.

Литература

1. 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла [Электронный ресурс]. URL: <https://psycabi.net/testy/293-16-faktornyj-lichnostnyj-oprosnik-r-b-kettella-metodika-mnogofaktornyj-oprosnik-kettella-test-kettela-187-voprosov-test-ketela-16-pf>
2. Беловол Е.В., Хворова Е.М., Шкварило К.А. Адаптация опросника «Шкала культурного интеллекта» К.Эрли и С.Анга на русскоязычной выборке. [Электронный ресурс]: Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия:

Психология и педагогика. – Москва: «РУДН», 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-oprosnika-shkala-kulturnogo-intellekta-k-erli-i-s-anga-na-russkoyazychnoy-vyborke/>

3. *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005.
4. *Егорова А.И.* Этническая психология: Хрестоматия / Под ред. А.И. Егоровой. СПб.: Речь, 2003.

Взаимосвязь ответственности и удовлетворённости отношениями респондентов с различным статусом отношений

Судакова В.Д., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

sudackowa.ver@yandex.ru, nkochetkov@mail.ru

Феномены ответственности и романтических отношений зачастую переплетаются между собой в теории и обыденной жизни, в то время как эмпирических исследований на данную тему практически нет. Более того, тема любви в психологии в целом изучена недостаточно – данную ситуацию лаконично описал американский психолог Г. Харлоу: «За всё время обсуждений любви и привязанности психологи потерпели неудачу в своей миссии. То небольшое, что мы знаем о любви, не выходит за рамки примитивного наблюдения, а то небольшое, что мы о ней пишем, было написано лучше поэтами и писателями» [4].

Про связь ответственности с романтическими отношениями много писал Э. Фромм – один из первых психологов, внесших большой вклад в изучение феномена любви и романтических отношений. Сам Фромм пишет о том, что без ответственности построить нормальные гармоничные отношения невозможно – важно умение брать и ответственность за партнера, и за себя самого, а также за свою жизнь [3]. Помимо этого, множество моделей любви включают в себя компонент ответственности и обязательств. Самая известная из них – треугольная модель любви Р. Стернберга, в которую входят близость, страсть и обязательства [5]. Именно вышеперечисленные теории являются методологической основой нашего исследования.

Цель настоящей работы – рассмотреть взаимосвязь ответственности и уровня удовлетворенности отношениями в зависимости от статуса отношений.

Исследование проводилось посредством сети Интернет. Выборку составили 169 человек в возрасте от 17 до 60 лет. Каждый человек на

начальном этапе указывал статус отношений: “Есть партнер, не живем вместе”, “Есть партнер, живем вместе” и “В браке со своим партнером”. Помимо этого, учитывалась длительность отношений респондентов. В опросе приняли участие люди, находящиеся в отношениях длительностью от 1 месяца до 43 лет – среднее значение равняется 5,68 лет. Для определения уровня ответственности и удовлетворенности отношениями нами были использованы шкала оценки отношений О.А. Сычева [2] и тест «Экспресс–диагностика ответственности» (ЭДО) [1].

В результате 41% респондентов указали статус отношений «Есть партнер, не живем вместе», 29% человек отметили, что живут вместе с партнером, 30% выбрали вариант «В браке со своим партнером». Нами была выдвинута гипотеза о наличии различий во взаимосвязи удовлетворённости романтическими отношениями и ответственности в зависимости от статуса отношений человека.

У респондентов, не живущих вместе с партнером, взаимосвязь между уровнем ответственности и удовлетворенностью отношениями самая высокая ($r=0,415$; $p\leq 0,01$), в то время как у людей, живущих вместе с партнером, данная взаимосвязь отсутствует. У людей в браке есть взаимосвязь удовлетворенности отношениями и ответственности, но она ниже, чем у людей, не живущих вместе с партнером ($r=0,338$; $p\leq 0,05$).

Любопытно, что люди, отметившие вариант «Есть партнер, живем вместе», – единственная подгруппа, у которой есть обратная взаимосвязь длительности отношений и удовлетворенности ими – иным словом, чем дольше отношения, тем меньше уровень удовлетворенности ($r=-0,454$; $p\leq 0,01$).

На наш взгляд, причиной высокого уровня корреляции у респондентов, не живущих вместе с партнером, может быть понимание того, что по факту людей в данном статусе отношений не держит ничего, кроме их решения – чем меньше человек ответственен за себя и за партнера, тем больше вероятность распада отношений. Возможно, когда связь людей держится в основном на словах и не подкрепляется ни общим местом жительства, ни официальным статусом брака, осознание своей ответственности более значимо.

Отсутствие корреляции между ответственностью и удовлетворенностью отношениями у людей, которые живут вместе со своим партнером, может значить, что независимо от уровня ответственности человека на его удовлетворенность отношениями с партнером, живущим вместе с ним, может влиять множество других факторов, например, вероятность бытовых конфликтов или нехватки личного пространства. Это также может быть причиной

отрицательной корреляции между длительностью отношений и уровнем удовлетворенности ими у данной подгруппы.

Причиной взаимосвязи между ответственностью и удовлетворенностью отношениями у респондентов, находящихся в браке, может быть то, что именно брак по идее является наиболее ответственным этапом отношений. А потому, чем более осознанно люди подходят к этому решению, тем больше вероятность, что люди в этих отношениях будут удовлетворены. И наоборот, если человек вступает в брак, имея низкий уровень ответственности, соответственно и осознанности при принятии решений, есть риск, что удовлетворенность отношениями в браке будет меньше, что и показывает статистика. Вдобавок, брак является новым этапом в жизни людей, заставляющим переосмыслить отношения, наладить быт и вопросы личного пространства, если таковые имеют влияние. А потому отрицательной связи длительности отношений с их оценкой не наблюдается, а ответственность, тем временем, вновь обретает связь с удовлетворенностью отношениями.

Литература

1. *Прядеин В.П.* Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты. Сургут, 2014.
2. *Сычев О.А.* Русскоязычная версия шкалы оценки отношений // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2016. Т. 13. № 2.
3. *Фромм Э.* Искусство любить. СПб., 2007.
4. *Harlow H.F.* The nature of love // American Psychologist. 1958.
5. *Sternberg R.J.* A triangular theory of love // Psychological Review. 1986.

Удовлетворенность отношениями значимых взрослых как условие нормативного поведения школьников

Суннатова Р.И.

*ФГБНУ ПИ РАО, Москва, Россия
sunrano@mail.ru*

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект 20-013-00667 А.*

В предисловии к учебному пособию «Социальная психология образования» М.Ю. Кондратьев указывает на необходимость

понимания психологами, работающими в образовательных организациях, различий проблемного поля социальной психологии образования от социально-психологических проблем, которые возникают в рамках современного образовательного пространства. В предметном плане, как пишет М.Ю. Кондратьев, «содержательным ядром научных изысканий, которые по своей отраслевой принадлежности могут и должны быть отнесены именно к социальной психологии образования, оказываются работы, ракурс рассмотрения предметного поля в которых выстроен так, что интерпретация фиксируемых закономерностей и зависимостей не может быть продуктивно осуществлена иначе, чем с помощью двух, по сути рядоположенных по значимости интерпретационных «ключей» – социально-психологического и возрастно-психологического» [1, с. 13]. Результаты представленного исследования как раз и относятся к такому роду исследований, более того, выявленные зависимости констатируют необходимость использования коррекционных возможностей социально-психологического тренинга со значимыми взрослыми, поскольку именно характер их отношения выступает значимым условием для возникновения ненормативных форм поведения школьников-подростков. Под ненормативным поведением в данном случае понимается склонность к нарушению норм и правил в школе, излишняя пользовательская активность цифровыми устройствами, а также склонность к настроению, близкого к суицидальному.

Целью представленного исследования было изучение возможных связей ненормативных видов поведения школьников с удовлетворенностью отношением значимых людей (родителей, одноклассников и педагогов). Исследование проводилось в общеобразовательной московской школе; в нем приняли участие 698 обучающихся 8-11 классов. Была использована авторская методика «Личностный ресурс школьников», подробно информация по обоснованию опросника и апробации представлена в статье [2].

Полученные результаты свидетельствуют, что неудовлетворенность отношением родителей (0,417**) и удовлетворенность отношением педагогов (-0,422*) можно рассматривать как условие, определяющее возможность возникновения склонности к нарушению норм и правил, принятых в школьной жизни. Удовлетворенность отношениями с

одноклассниками становится значимой, когда речь идет о склонности к суицидальным мыслям и настроению (-0,452**). Связь склонности к суицидальному настроению с оценкой удовлетворенности отношением учителей (-0,434**); неудовлетворенность отношением родителей (0,692**). Излишняя пользовательская активность цифровыми устройствами и удовлетворенность отношением педагогов (-0,458**); с одноклассниками (-0,162*); неудовлетворенность отношениями в семье (0,431**). * – уровень значимости при $p < 0,05$ и ** – уровень значимости при $p < 0,001$ (Спирмен).

Полученные результаты свидетельствуют о силе и значимости влияния удовлетворенности отношением значимых близких на особенности возникновения деструктивных линий в развитии личности подростков. Результаты нашего исследования подтверждают также данные, полученные в исследовании Е.Д. Чижова и К.И. Алексеева, в котором показано, что такие характеристики взаимоотношений, как непонимание, отсутствие поддержки и пренебрежительное отношение к чувству собственного достоинства подростков, выступают в качестве условия «отдаления» от значимых других [3]. В исследовании А.К. Hirschauer, F. Aufhammer, R. Bode также показано, что понимание и поддержка значимых взрослых особенно в трудные моменты школьной жизни может рассматриваться как источник хорошей успеваемости ребенка [4]. С. Паллини и ее коллеги выявили, что учащиеся, которые имеют безопасную привязанность к своим родителям, имели более высокий уровень психологического благополучия [5].

Результаты нашего исследования и коллег показывают, что то, что чувствуют школьники во взаимодействии со значимыми взрослыми и со сверстниками, может рассматриваться как одно из значимых условий, определяющих возможность возникновения достаточно серьезных нарушений в нормативности поведения подростка. Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что особенности коммуникативного поведения родителей и учителей остаются значимыми и, в первую очередь, как создающие ту атмосферу доверия и дружелюбия, которая так необходима для того, чтобы школьники/дети были открыты и восприимчивы во взаимодействии со значимыми взрослыми. Необходимым является не только понимание чувств, желаний и действий школьника, но и

умение проявить на действенном уровне сопереживание и поддерживающее отношение к школьникам.

Литература

1. Социальная психология образования: учебное пособие для вузов / М.Ю. Кондратьев. 2-е изд-е. М.: Издательство Юрайт, 2020. 321 с.
2. *Суннатова Р.И.* Психологическая диагностика личностного ресурса как одно из условий психолого-педагогической коррекции и предупреждения девиантного поведения подростков // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 8. DOI:10.24158/spp.2019.8.6
3. *Чижов Е.Д., Алексеев К.И.* Представление о смерти и суицидальном поведении в виртуальных сообществах молодежи // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 78–89. <http://www.voppsy.ru/>
4. *Hirschauer, A., Aufhammer, F., Bode, R., Chasiotis, A., Künne, T.* Parental empathy as a source of child's scholastic performance. In: Why People Do the Things They Do: Building on Julius Kuhl's Contributions to the Psychology of Motivation and Volition, 1st edn. Göttingen: Hogrefe. 2018.
5. *Pallini S., Baiocco R., Schneider B. H., Madigan S., Atkinson L.* Early child-parent attachment and peer relations: A meta-analysis of recent research // Journal of Family Psychology. 2014. №. 1. pp. 118-123. DOI:10.1037/a0035736

Факторы, регулирующие проявление помогающего поведения в социально-психологической практике специалистов

Сутягина А.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anna.sutyagina@gmail.com

Помогающее поведение тесно связано с социализацией человека, именно поэтому проблема помогающего поведения является важной и актуальной. Свою актуальность она набирает по мере того, как растет

социально-психологический интерес к социальному поведению человека.

Современные тенденции, направленные на достижение конкретного и качественного результата, заставляют задуматься, насколько выгодно оказание помощи в современном мире. Таким образом, в социально-психологической практике помогающего поведения возникает проблема, связанная с наличием не только альтруистического мотива помощи, но и эгоистического, предполагающего постепенный спад альтруизма и сокращение оказания помощи, что может привести к регрессии помогающего поведения в целом.

На данный момент достаточно изучены разнообразные мотивы помогающего и просоциального поведения. Однако влияние этих мотивов на профессиональную деятельность социального психолога-практика остается не до конца понятным.

Социальный психолог, относясь к специалистам помогающей профессии, в практической деятельности может иметь как материальные, так и профессиональные либо личные мотивы оказания помощи.

К материальным относится денежное вознаграждение, к профессиональным – получение опыта и ценных данных для работы, что также может мотивировать психолога к построению профессиональных гипотез и активной деятельности в целом. К личным относится решение собственных проблем, удовлетворение личных потребностей, что немаловажно для гармоничного существования человека.

Среди факторов, сказывающихся на работе практикующего психолога, можно выделить, во-первых, недоверие со стороны клиентов. Уровень доверия специалистам в области теории выше, чем в области практики, в связи с этим возникает необходимость поддержания высокого уровня экспертности в глазах клиентов, а также проявления эмпатии, которая ожидается от специалиста-практика.

Принимая решение об оказании или неокказании помощи, человек руководствуется определенными мотивами. Они могут иметь личный, социальный или даже генетический характер. Мотив помогающего поведения формируется на основе возникшей ситуации, поэтому является прежде всего внешним, но детерминируется внутренней мотивацией.

К внутренней составляющей мотивации могут относиться определенные нормы и правила поведения, особенности личности, эмоциональные состояния.

Для социальных психологов-практиков используется представление о группах мотивов, например, таких как моральная установка помогающего (общественный долг, осознание необходимости поддержки и т.д.); эмоциональные реакции (жалость, желание помочь и т.д.); практическая выгода (создание имиджа, улучшение взаимоотношений и т.д.) [2, с. 10].

Кроме того, одним из ключевых мотивов помогающего поведения является норма социальной ответственности, подразумевающая безвозмездную помощь нуждающимся. Чем чаще людям напоминают про эту норму, тем чаще и охотнее они оказывают помощь. Особенно это касается профессиональной деятельности психолога, которая подразумевает оказание определенной помощи клиентам.

Нередки случаи обращения к практикующему психологу с целью решения многогранной проблемы, подразумевающей множество отдельных экспертных заключений, однако далеко не всегда клиент полностью доверяет сопоставление этих заключений специалисту. Это подразумевает определенный альтруизм со стороны психолога, направленный на поддержание контакта с клиентом.

Руководствуясь эгоистическими мотивами, психолог может упустить свою беспристрастность по отношению к ситуации. В таком случае можно наблюдать снижение успешности профессиональной деятельности.

В исследованиях Д.А. Водопьянова была выявлена прямая связь между эгоистическим мотивом, заключающемся в решении личных проблем посредством профессиональной деятельности, и готовностью к деятельности помогающей профессии психолога. Обратная связь наблюдалась в случае стремления к власти и манипуляциям, что позволяет говорить об определенном альтруизме в мотивации выбора данной профессии [1, с. 57].

Альтруизм особенно необходим для деятельности специалистов в социальной сфере. Сюда относятся профессии типа «человек-человек», под категорию которых попадает профессия психолога и в особенности профессия социального психолога.

Чтобы практическая деятельность социального психолога была успешной, необходимо качественное взаимодействие специалиста с клиентом или группой. Таким образом, в мотивации помогающего поведения желательное сочетание как альтруистического мотива (в

большей степени), так и эгоистического, но в меньшей. Такая комбинация мотивов способствует проявлению помогающего поведения, давая перспективу для развития профессиональной деятельности.

Литература

1. *Водопьянов Д.А.* Влияние профессиональной мотивации психологов на уровень их психологической готовности к профессиональной деятельности // Акмеология. 2017. №1.
2. *Ильин Е.П.* Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб.: Питер., 2013.

Психологические особенности адаптации учащихся при переходе в среднее звено школы

*Сушкова А.А., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
assushkova@mail.ru, social2003@mail.ru*

Переход в пятый класс – один из сложных этапов адаптации школьников к новым условиям обучения. В это время психологи и педагоги отмечают существенный рост тревожности и снижение мотивации у значительной части учеников. Недостаточная адаптированность школьника ведет к усилению негативных тенденций его самочувствия, понижению успеваемости, отчуждению от школьного коллектива, что может приводить к различным проблемам социализации [1].

Пятиклассники переживают одновременно несколько стрессов, которые обусловлены их возрастными особенностями, усложнением учебного материала, расширением преподавательского состава, повышением требований к учебной деятельности. Зачастую в это время существенно обновляется списочный состав класса, что ставит детей перед необходимостью выстраивания новой системы внутригрупповых межличностных отношений. Поэтому важной психолого-педагогической задачей является определение условий, облегчающих адаптацию пятиклассников и способствующих оптимизации их воспитания и обучения.

С целью выявления психологических условий успешной адаптации учащихся при переходе в среднее звено школы мы провели эмпирическое исследование, участниками которого стали ученики трех параллельных классов общеобразовательной школы. Школьников опрашивали в течение трех лет: в 2019-м, когда они были четвероклассниками, в 2020-м (5 класс) и в 2021-м (6 класс). Каждый год обследование проводилось в декабре. В исследовании участвовали 89 школьников, из них 48 мальчиков и 41 девочка. При переходе в среднее звено школьного обучения списочный состав классов обновился на 18-23%.

Адаптированность школьников оценивалась по показателям их мотивации учения, эмоционального отношения к школе, тревожности, а также межличностных отношений в классе. Использовались «Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению» А.М. Прихожан (модифицированный вариант опросника Ч.Д. Спилбергера) и «Методика на определение индекса групповой сплоченности» К.Э. Сишора.

Полученные данные позволили выявить некоторые особенности адаптации учащихся к условиям обучения в среднем звене школы, а также динамики показателей мотивации и эмоционального отношения к учению от четвертого до шестого класса. Обработка результатов с помощью критерия Краскала-Уоллиса показала, что мотивация учения и познавательная активность наиболее высоки у четвероклассников, в пятых классах она резко снижается, а в шестых повышается, однако не достигает уровня 4-го класса. Различия значимы на уровне 0,05. Мотивация достижения имеет тенденцию к снижению в 5 классах и повышению в шестых. Наиболее высокие показатели тревожности и эмоционального напряжения выявлены у пятиклассников.

Наиболее высокий уровень групповой сплоченности выявлен в четвертых классах, самый низкий – у пятиклассников.

Корреляционный анализ данных показал наличие более сильной связи между мотивацией учения и субъективно воспринимаемой групповой сплоченностью у учеников пятых классов, по сравнению с их результатами, полученными годом раньше и годом позже. У пятиклассников выявлена положительная корреляция между показателями мотивации учения и сплоченности школьного класса (использовался коэффициент Спирмена, $r=0,501$, $p=0,017$). Также мотивация учения положительно коррелирует с удовлетворенностью учащихся принадлежностью к своему классу ($r=0,446$, $p=0,037$). Познавательная активность и мотивация достижения находятся в

прямой связи с уровнем сплоченности школьного класса ($p < 0,05$). Результаты показывают, что благоприятные социально-психологические условия обучения пятиклассников сопутствуют хорошей мотивации учения.

Далее мы рассмотрели особенности адаптации учащихся разного пола. С помощью критерия Манна-Уитни было определено, что тревожность и эмоциональное напряжение у мальчиков в пятых классах выражены больше, чем у девочек ($p < 0,05$). Познавательная активность и мотивация учения у девочек выше, чем у мальчиков. То есть мальчики считают свой класс более сплоченным и оценивают взаимоотношения в нем как более благоприятные, чем девочки. Интересно, что и в четвертых, и в шестых классах не было выявлено существенных половых различий в показателях тревожности.

Полученные данные позволяют предположить, что сложности адаптации учащихся к обучению в среднем звене школы преимущественно сказываются на мотивации учения, которая снижается из-за тревожности и эмоционального отношения к учебе. Затруднения в адаптации связаны с межличностными отношениями в классе: при невысоких показателях сплоченности группы и неудовлетворенности нахождения в ней возникает тенденция к снижению мотивации. По-видимому, пятиклассники оказываются недостаточно готовыми к построению гармоничных и конструктивных межличностных отношений с одноклассниками и учителями в новых условиях учебной деятельности, а это усугубляет их тревогу в отношении учебы. Следовательно, для четвероклассников и, особенно, для пятиклассников необходимо проводить коммуникативные тренинги и других интерактивные занятия, направленные на повышение компетентности учащихся в построении межличностных отношений со сверстниками и взрослыми. Целесообразно также для учителей, работающих с пятиклассниками, повышение квалификации в формате тренинга, направленного на овладение технологиями профилактики и разрешения сложных ситуаций педагогического взаимодействия [2; 3]. Подобные программы повышения квалификации разработаны и реализуются, в частности, специалистами ФГБОУ ВО МГППУ.

Литература

1. Крушельницкая О.Б. Социально-психологические факторы мотивации учения / В кн.: Социальная психология

- образования : учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М., Инфра-М, 2017. С. 230–246.
2. Орлов В.А. Проблемы интенсификации профессиональной мотивации школьного учителя // Психологическая наука и образование. 2003. Том 8. № 4 (97-104).
 3. Орлов В.А. Социально-психологические особенности проектирования учебного курса совершенствования коммуникативной компетентности школьного учителя // Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Вып. 2. М., МГППУ. Москва, 2008. С. 30-40.

К вопросу о содержании понятия «ценность»

Сысоева А.В.

*ГУО «Академия последипломного образования»,
Минск, Республика Беларусь
alyona.sysoeva10@gmail.com*

Понятие «ценность» является одним из значимых феноменов в социальной психологии. При этом среди ученых не существует единого мнения в понимании сущности и содержания ценностей. Немаловажным считаем рассмотреть основные направления в осмыслении понятия «ценность».

Ценность представляет собой в философских и гуманитарных учениях своеобразный универсалий, имеющий в широком смысле два значения: значимость и существенность какого-либо объекта или явления действительности, будь то положительную или отрицательную, при этом не учитываются его качественные характеристики (предметные ценности); нормативную составляющую явлений общественного сознания (личностные ценности) [2, с. 85].

Вопрос о содержании ценностей берет свое начало с периода античности в трудах Платона и Сократа. Стартовой линией развития в понимании данного понятия послужили философские учения (Аристотель, Р. Декарт, Э. Кант и т.д.) [3, с. 321], затем понятие «ценность» стало предметом исследования социологов (М. Вебер, А.Г. Здравомыслов, Т. Парсонс, В.А. Ядов и т.д.) [3, с. 322], культурологов (О. Шпенглер, А. Тойнби, П.А. Сорокин и т.д.) [2, с. 86], психологов (Д.А. Леонтьев, М. Рокич, Ш. Шварц и т.д.).

В современной науке существует более 400 определений понятия «ценности». При анализе большинства этих определений, прослеживаются различные подходы к изучению и содержанию данного термина: материалистический (ценность предполагает благо), культурологический (ценность выступает как совокупность принятых норм, традиций в обществе, культуре), социологический (ценность как определенный ориентир, играющий важную роль в социализации и адаптации индивида в социуме), психологический (ценность как то, что определяет человеческое поведение и деятельность, то есть прослеживается субъективная сторона восприятия ценностей). Также в разных подходах содержание понятия ценности нередко бывает частично противоположным.

В психологических и социологических исследованиях категория «ценность» часто определяется через:

- отражение культурно-исторических норм (К.А. Абульханова-Славская; П.С. Гуревич, В.П. Тугаринов). Ценность в виде человеческой идеи воспринимается через субъективный образ или представление, что и является отражением культурно-исторических норм. При этом ценность ассоциируется с типом «достойного» поведения, выступает индивидуальным и социальным ориентиром, определяющим конкретный стиль жизни индивида;

- отражение системы мотивов (А.П. Вардомацкий, И.С. Кон, В.А. Ядов и др.). Ценность представляет собой основу и результат выбора направления и способа управления деятельностью, интегрирует систему мотивов личности;

- социально-психологический климат общества и социальных групп (Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, В.С. Собкина, М.С. Яницкий и др.). Ценности в данном случае выступают основой механизмов социальной регуляции поведения и деятельности личности и группы;

- систему убеждений (М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Рокич и др.). При этом, если ценность – это система убеждений, отражающая дух, индивидуальность человека и общества, то общество становится системой убеждений и ценностей, выражающих дух того или иного народа. Для изучения общества, необходимо проанализировать его ценности, составляющие основу социальной жизни;

- социокультурный аспект исследования ценностей (Э. Дюркгейм и М. Вебер), который позволяет описать качественное своеобразие каждого этапа общественного развития. В данном случае ценности включены в структуру и жизнь общества, которое «создает регулирующую и фактически принудительную совокупность законов

для сохранения действующей системы, для ее управления и сохранения в равновесии» [1, с. 171].

Особого внимания заслуживают работы Ш. Шварца, в которых он стремился объединить все то общее, что было в определениях ценностей до него. Ш. Шварц дает данному феномену комплексное определение: ценности – это убеждения, которые сложно связаны с аффектами; ценности направляют желаемые цели, которые мотивируют деятельность; ценности выходят за границы отдельных действий и ситуаций; ценности служат в качестве эталонов или критериев; ценности упорядочены по важности друг относительно друга. Упорядоченный набор ценностей формирует систему ценностных приоритетов; ценности (в зависимости от важности) руководят действием [4, с. 105].

Итак, существует многообразие взглядов по вопросу изучения содержания понятия «ценности», однако основными пунктами согласия различных направлений является функциональное назначение ценностей, а также их определяющая роль в структуре личности и детерминации ее поведения.

Таким образом, рассмотренные направления накопленных знаний о понятии «ценность» не претендуют на исчерпывающую систематизацию, но тем не менее представляют собой попытку очертить область проблем, наиболее актуальных для изучения вопроса о содержании феномена «ценность» в рамках психологической науки. В качестве перспективного этапа дальнейших исследований может выступить изучение теоретических подходов исследования жизненных ценностей с учетом их культурной специфики.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
2. Елишев С.О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2016. №2. С. 82–96.
3. Новая философская энциклопедия. В четырех томах / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль. С. 321–322.
4. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Ленинград. М.: «Наука». 1979. 280 с.

Взаимосвязь образа будущего, субъективного благополучия и эмиграционных намерений студенческой молодёжи

Тарасов А.С., Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Tigerpanz@yandex.ru, gritsenko2006@yandex.ru

Временная перспектива играет ключевую роль в процессе формирования у человека индивидуальной картины окружающего мира. Без возможности опираться на опыт прошлого и не имея способности анализировать настоящее, личность также может столкнуться с трудностями в формировании собственного образа будущего, влияющими на процесс выстраивания собственной траектории жизненного пути.

В 1961 году понятие «Образ будущего» было впервые упомянуто в трудах немецкого социолога Ф. Полака. Он выдвинул гипотезу о том, что сформированный в голове индивида образ будущего может определять и влиять на развитие событий в жизни этого индивида в настоящем [6].

Бельгийский ученый Ж. Нюттен рассматривал это понятие в контексте мотивации действия. Будущее он определял как психологическое пространство, в котором через его объекты проявляются потребности личности. В дальнейшем после осознания и когнитивной переработки собственных потребностей личность сначала превращает их в цели, а затем начинает регулировать свое поведение для их достижения [5].

Процесс формирование образа «завтра» невозможен без опоры на собственное субъективное отношение к «сегодня» и тот опыт, который имел место «вчера». Другими словами, отношение индивида к разным временным модальностям – прошлому, настоящему, будущему – невозможно без включения эмоционального компонента удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью, объединенных единым понятием субъективного благополучия, выступающим точным научным эквивалентом понятию счастья [1; 7].

В то же время образы желаемого будущего и уровень субъективного благополучия могут выступать как факторы формирования эмиграционного намерения у отдельной личности [4]. Согласно психологическому словарю, понятие намерения трактуется как «сознательное стремление завершить действие в соответствии с намеченной программой, направленной на достижение предполагаемого результата» [3, с. 59]. Если же мы рассматриваем понятие «эмиграционное намерение», то существующее определение

можно переформулировать как сознательное стремление совершить и завершить процесс смены места жительства и в конечном итоге эмигрировать.

Именно поэтому целью нашей работы выступило выявление взаимосвязи между этими тремя психологическими феноменами: образом будущего, уровнем субъективного благополучия и выраженным или отсутствующим эмиграционным намерением современных российских студентов.

Наш выбор пал на студенчество не случайно: официальная статистика подтверждает, что именно люди молодежного, студенческого возраста миграционно наиболее активны среди прочих представителей возрастных групп. Специалисты сходятся во мнении касательно объяснения причин этому явлению: по их мнению, социальная группа студентов отличается от других групп населения высоким уровнем образования и мотивации к познавательной деятельности, наивысшей социальной активностью и достаточно гармоничным сочетанием интеллектуальной и социальной зрелости [2]. Все это в совокупности вызывает большой интерес у исследователей, ведь понимание механизмов зарождения миграционного поведения у конкретно этой социальной группы населения может дать необходимые знания о текущем состоянии миграции в современном обществе в целом.

Для проведения исследования нами был подобран определенный набор методических средств. Это «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо; «Шкала субъективного благополучия» Э. Диннера; Эмиграционные намерения в соответствии с теорией планируемого поведения А. Айзена оценивались с помощью 6-и утверждений со шкалой ответов от 1 – «абсолютно не согласен(а)» до 6 – «абсолютно согласен(а)».

Респондентами в нашем исследовании в количестве 84 человек выступили студенты как гуманитарных, так и технических специальностей, возраст которых варьировался в диапазоне 17-23 года.

После статистической обработки полученных данных нам удалось выявить обратную взаимосвязь между показателями удовлетворенности жизни и отношением к собственному прошлому ($r=-0,457$; $p<0,05$): чем выше показатель негативного восприятия прошлого, тем ниже удовлетворенность жизнью. Следовательно, чем позитивнее наши респонденты оценивают собственное прошлое, тем выше их уровень субъективного благополучия. Наряду с этим, нами также была выявлена взаимосвязь между уровнем субъективного благополучия и выраженностью эмиграционных намерений ($r=-0,229$;

$p < 0,05$): эмиграционные намерения отсутствуют у тех респондентов, у кого выше показатель уровня субъективного благополучия.

По итогу полученных результатов мы можем предположить, что переменная «Субъективное благополучие» может выступать посредником между переменными образа будущего личности относительно ее временной перспективы и степенью выраженности у этой личности эмиграционных намерений. Дальнейшие исследования в этой области с использованием большего числа разнообразных методов статистической обработки данных помогут нам увеличить число полученных выводов, что в свою очередь, вероятно, поможет более точно подтвердить искомую взаимосвязь.

Литература

1. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу. СПб.: Речь, 2010. С. 352
2. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. М., 2008.
3. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб: Питер, 2002. 512 с.
4. *Муращенкова Н.В.* Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 1. С. 25–41.
5. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. – М., 2004.
6. *Полак Ф.* Образ будущего // Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 512 с.
7. *Seligman M.* Authentic Happiness © Martin 2002.

Социально-психологические факторы психологической атмосферы в полузакрытой учебной группе

Тарасов С.В., Дробышева Т.В.

*ФГБУН Институт Психологии РАН, Москва, Россия
tarasovsemv@ipran.ru, drobyshevav@ipran.ru*

Работа подготовлена в рамках Государственного задания № 0138-2021-0010 «Социально-психологические факторы поведения личности и группы в условиях глобальных изменений».

Общественные процессы, связанные с пандемией и локдауном, определили вектор социально-психологических исследований, направленных на понимание нахождения личности и группы в

условиях изоляции. Исследования конкретных групповых феноменов в рамках изоляции представлены мало и в основном выполнены на «закрытых группах» (например: заключенные в тюрьмах, воспитанники детских домов и интернатов) [1]. При этом имеется большой пласт учебных и профессиональных групп, которые «изолированы» и не являются «закрытыми» (частные школы и школы-интернаты, духовные семинарии, кадетские корпуса и кадетские школы-интернаты и т.д.). Данный факт послужил для нас основанием разработки нового критерия дифференциации групп – «полузакрытая группа» [4]. Критерий «полузакрытости» связывается со степенью свободы принятия решения любого члена группы о своей принадлежности ей при условии строгих внутрисредовых правил (устав, распорядок дня и т.д.). Анализ исследований данного типа групп выявил недостаточность данных о психологической атмосфере в таких группах. Психологическая атмосфера в свою очередь как не константная характеристика направленности группового внимания и уровня групповой эмоциональной тональности, аффективная часть социально-психологического климата группы отражает изменения, вызванные внутригрупповыми причинами, связанными со спецификой социально-образовательной среды.

Цель исследования – выявить и проанализировать социально-психологические и групповые факторы психологической атмосферы в учебной группе полузакрытого типа.

Гипотеза: Уровень выраженности психологической атмосферы в полузакрытой учебной группе обусловлен уровнем выраженности суверенности психологического пространства и целью совместной деятельности.

Предмет исследования – связь между выраженностью психологической атмосферы группы и социально-психологическими характеристиками учащихся в учебных группах полузакрытого типа.

Выборку составили 4 полузакрытых учебных группы, представленные воспитанниками кадетского корпуса, учащимися в 9-10 классах, в возрасте 14-17 лет. Общий объем выборки – 73 человека

Программа исследования включала: опросник психологической атмосферы (по А.Ф. Фидлеру) [2], опросник «Суверенность психологического пространства – 2010» С.К. Нартовой-Бочавер [3], методику ценностных ориентаций [5], метод социометрии, авторский опросник «Цель совместной деятельности» составленный по результатам контент-анализа.

Методы статистического анализа: частотный анализ, непараметрический коэффициент корреляции Спирмена, непараметрический критерий Н Краскела-Уоллиса для k выборок, регрессионный анализ.

Проведенный частотный анализ и анализ различий социально-психологических характеристик четырех групп позволил объединить их в две группы, на основе различий в цели совместной деятельности и уровне психологической атмосферы, а именно «группа 1» – параллель 9-х классов и «группа 2» – параллель 10-х классов.

Корреляционный анализ психологической атмосферы с остальными социально-психологическими характеристиками в двух объединенных группах показал, что в группе 1 атмосфера взаимосвязана с общим показателем суверенности психологического пространства, суверенностью ценностей и целью соответствовать нормативным требованиям среды. В группе 2 психологическая атмосфера связана с ценностными ориентациями, целью соответствовать нормативным требованиям среды, целью занять 1 место и целью быть не хуже, чем другие.

Регрессионный анализ показал, что предикторами уровня выраженности психологической атмосферы в группе 1 выступают цель соответствия нормативным требованиям среды, общий уровень суверенности психологического пространства, ценностные ориентации на творчество и красоту. В группе 2 предикторами выступили суверенность привычек, цели совместной деятельности «выделиться на фоне других» и «избегание конфликтов в группе», ценностная ориентация на творчество.

Обобщая полученные результаты, стоит отметить, что в группах кадетского корпуса, «полузакрытых» учебных группах, психологическая атмосфера благоприятная, несмотря на условия изолированности. Достигается это за счет поддержания баланса соотношения индивидуального и коллективного, сохранения суверенности психологического пространства личности в норме. Также отметим направленность совместной деятельности на потребности группы, целью которой является избегание внутригрупповых конфликтов, поддерживаемое азартом в стремлении достичь как группа наилучших результатов.

В дальнейших исследованиях полузакрытых групп нами будет расширен список факторов, которые могут влиять на уровень выраженности психологической атмосферы, а также будет

проанализировано влияние психологической атмосферы на «групповую рефлексивность».

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология закрытых образовательных учреждений. М.: Питер, 2005. 299 с.
2. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А.Ф.Фидлеру) / Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. С.190-191.
3. *Нартова-Бочавер С.К.* Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
4. *Тарасов С.В., Дробышева Т.В.* Полузакрытая группа как объект социально-психологического исследования: критерии и некоторые признаки // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 544-546.
5. *Фанталова Е.Б.* Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» // Журнал практикующего психолога. 1996. № 2. С. 32–37.

Копинг-стратегии жителей разных стран в период COVID-19

Таратухин А.В., Хухлаев О.Е.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ataratukhinuni@gmail.com, huhlaevoe@mgppu.ru

На сегодняшний день мало кто сомневается, что мы находимся в VUCA мире (это аббревиатура из английских слов, обозначающих волатильность, неопределенность, сложность, неоднозначность), в котором сложно что-либо прогнозировать. Важный навык в данном контексте – умение приспосабливаться к неопределенности и совершать «посттравматический рост» [3]. Совладающее поведение (копинг-стратегии) во многом определяется возрастом, полом,

458

уровнем образования и индивидуально-психологическими особенностями личности, а также этнокультурными особенностям страны рождения и пребывания [1].

Стоит отметить, что одним из основных факторов, влияющих на то, как представители разных культур принимают стратегии управления кризисом и механизмы преодоления как на личном, так и на общественном уровне, по нашему мнению, являются их характеристики, основанные на системах культурных измерений и ценностных ориентаций Г. Хофстеде [4], Р. Льюиса [2], Э.Холла [5], Р. Инглхарта [6].

Мы выбрали для анализа Австралию, Италию и Японию, и выбор обоснован соотношением культурно-коммуникативных параметров с трихотомией «моноактивной-полиактивной-реактивной культур» Р.Льюиса.

Представим культурно-коммуникативные и ценностные характеристики данных стран и приведем их в таблице 1.

Таблица 1.

Культурно-коммуникативные и ценностные характеристики стран

Г.Хофстеде (в баллах):	Австралия	Италия	Япония	Россия
Дистанция власти	38	50	54	93
Индивидуализм	90	76	46	39
Избегание неопределенности	61	75		95
Ориентация на будущее	21	61	61	88
Гедонизм	30	30	30	42
Р.Льюис:	Моноактивная	Полиактивная	Реактивная	Полиактивная
Э.Холл	Низко-контекстная	Высоко-контекстная	Высоко-контекстная	Высоко-контекстная
Р.Инглхарт	Англоговорящие культуры 0,5 (традиционные-секулярные ценности ;2,0 ценности выживания-самовыражения	Католическая Европа 0,2 традиционные-секулярные ценности 0,5 ценности выживания-самовыражения	Конфуцианство 2,0 традиционные-секулярные ценности 0,5 ценности выживания-самовыражения	Православные 0,5 традиционные-секулярные ценности -1,25 ценности выживания-самовыражения

В рамках эмпирической части исследования мы проводили опросы и интервью с респондентами из обозначенных стран. Часть интервью были проведены устно, часть письменно.

Взаимодействие с японскими респондентами велось по переписке (на русском языке – они русисты). Следует отметить, что сам процесс подготовки к интервьюированию был очень интересным кейсом. Японцы уточняли очень много слов, прежде чем переводить анкету на японский. В ходе коммуникации выяснилось, что значение каждого слова важно настолько, что его некорректная интерпретация может ввести респондентов в дополнительный стресс и они вообще откажутся отвечать. На вопросы, каким образом вы справлялись со стрессом и что в первую очередь вызывало стресс, практически все респонденты отвечали, что это отсутствие очных контактов и нахождение в квартире с семьей. От стресса помогали прогулки и просмотр соцсетей и видео. Однако, стоит отметить такой существенный факт: Япония – страна со средним индексом коллективизма и изоляция в данном случае очень тяжело переживается, так как личность сильно интегрирована в общественные отношения, что нельзя сказать о представителях индивидуалистских культур. Большинство японцев, как представители коллективистской культуры, переживали ограничение в очной коммуникации, так как у них культура высокого контекста и им было недостаточно невербальной информации для считывания контекста и ощущения некоей нормы – они потеряли «поле». Это культура холистическая, культура принадлежности к полю.

В коммуникации четко прослеживалось влияние таких культурных факторов, как: реактивный тип культуры по Р. Льюису, высокая дистанция власти, низкая толерантность к неопределенности, высокий контекст коммуникации, конфуцианские ценности (учтивость, но одновременно уточнения смысла).

В коммуникации с респондентом из Австралии также четко прослеживалось влияние культурных параметров на коммуникацию, предшествующую интервью, таких как моноактивная среда, низкая дистанция к власти, невысокая толерантность к неопределенности и др. Мы заранее четко оговорили время встречи, и это время далее не переносилось, на все вопросы следовали конкретные ответы. Очевидно, что мы можем наблюдать в данном случае моноактивную культуру, низкий контекст коммуникации, обмен информацией с минимумом искажений. Наибольший стресс вызвали ограничения индивидуальных прав и свобод, нарушение автономии личности и

субъекта. В стране начались акции протеста и борьба за автономию и восстановление прав, и это было намного большим стрессом, чем сама пандемия и страх заболеть.

В коммуникации с интервьюируемым респондентом из Италии четко прослеживалась специфика полиактивного типа культуры, культуры высокого контекста. Срывались сроки для интервью, неоднократно переносились без объяснения причины, в переписке было множество неопределенности и эмоционально окрашенного дискурса, характерных для культуры высокого контекста, не имеющих прямого отношения к делу. Больше всего итальянцы испытывали стресс из-за ограничений в очной коммуникации, эмоциональном обмене, проксемической депривации (вспомним видео, где выходили петь и играть на балконы, чтобы видеть друг друга, чувствовать друг друга и эмоционально заряжаться). То есть главным фактором возникновения стресса являлось отсутствие очной коммуникации и эмоционально-тактильного контакта.

Таким образом, можно сделать вывод, что в моноактивных культурах основная копинг-стратегия – избегание стресса; в полиактивных культурах – поиск социальной поддержки; в реактивных культурах – адаптация.

Мы считаем крайне важным, чтобы технологии и способы совладания со стрессом были доступны населению и велась активная просветительская работа в данной области. В психологических практиках – программы повышения квалификации, семинары, тренинги для психологов, работающих с представителями разных культур, в педагогических практиках – для педагогов, работающих в поликультурной (мультикультурной) среде, в менеджерских практиках – работа в межкультурных командах, руководство и управление межкультурными командами, адаптация новых сотрудников в межкультурных командах.

Литература

1. *Крюкова Т.Л., Гущина Т.В.* Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. 236 с.
2. *Льюис Р.* <http://www.crossculture.com> [Дата обращения 15.03.2022].
3. *Талей Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М. КоЛибри. Азбука-Аттикус, 2020. 768 с.

4. Хофстеде Г. [http: www. hofstedeinsight.com](http://www.hofstedeinsight.com) [Дата обращения 15.03.2022].
5. Hall E.T. The silent language in Overseas business, Harvard business review, 1960.
6. Inglehart R. World Values Survey, Findings and Insights. World Values Survey. 2020. Retrieved 2020-10-07.

Рефлексия и удовлетворенность браком в супружеских отношениях

Терещенко А.А., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

a.tereschenko98@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Психический процесс, благодаря которому возможно осмысленное развитие личности, взаимодействие людей друг с другом, регулирующий поведение и деятельность человека – это рефлексия [2]. Личность, сопоставляя себя с другим человеком, способна обнаруживать его характерологические черты, формы его поведения, способы общения и его отношение к себе и окружающим, что приводит к развитию рефлексии, благодаря которой человек способен строить гармоничные отношения с собой и с другими людьми, после он получает некий опыт, который подвергается анализу. В результате, личность получает основания для осознания прошедшего, реализуемого или будущего действия, а также понимание, благодаря или вопреки чему у нее появилось то или иное качество, сопоставляя, оценивая как эти аспекты могут влиять на ее жизнь в социуме [1].

Рассматривая институт семьи, супружеские отношения, мы можем предположить, что у партнеров удовлетворенность отношениями зависит от уровня развития осознанности, понимания смысла себя в этих отношениях и их наличия, благодаря рефлексии возможно движение в сторону повышения удовлетворенности браком [3; 4].

Супруги являются частью семейных отношений, где в благополучном варианте развития каждый способен развиваться в профессиональной, социальной и личностной сферах независимо от партнера, а также повышая навыки общения, эмпатии, взаимоподдержки и взаимоучастия в браке. Отметим, что повышение уровня удовлетворенности браком связано с уровнем счастья, который

является субъективным ощущением отдельного взятого супруга, а также обоих супругов в контексте брака, является производным рефлексивного анализа и предиктором осуществления процесса рефлексии. С повышением уровня счастья растет уровень удовлетворенности браком [1].

На основании этого мы решили проверить предположение: чем в большей степени у супругов развита рефлексия, тем больше их удовлетворенность браком, на выборке людей (n=202), которые состоят в супружеских отношениях.

Для этого нами было проведено эмпирическое исследование с использованием тест-опросника удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко и методики диагностики уровня развития рефлексивности (А.В. Карпов).

Анализируя полученные данные, мы обнаружили, что удовлетворенность браком менее выражена у людей с «низким» уровнем рефлексии, более – у людей со «средним» и «высоким» уровнем рефлексии. Также было замечено, что различия между «средним» и «высоким» уровнями рефлексии незначительно. Мы предполагаем, что такой результат связан со степенью вовлеченности в процессы супружеских отношений каждого супруга и их последующего осмысления значимости брака, желания развивать отношения, понимать внутренний мир другого и причин его поступков и то, как это сказывается на отношениях.

Для подтверждения нашей гипотезы мы также проанализировали данные по пяти шкалам рефлексии. Оказалось, что «ретроспективная рефлексия деятельности» у людей, «неудовлетворенных» браком, выше, чем у людей с «переходным» (частично неудовлетворенные, частично удовлетворенные) и «высоким» уровнями удовлетворенности браком. Мы предполагаем, что у «неудовлетворенных» браком супругов существует потребность в обращении в их прошлый опыт, когда люди пытаются объяснить себе то, какие факторы повлияли на выбор партнера, что являлось общим в ценностно-смысловом плане. Такие вопросы приводят к осмыслению несбывшихся ожиданий, ухудшая психологическое самочувствие в браке, а также, возможно, такой высокий уровень рефлексии у «неудовлетворенных» браком людей связан с эскапизмом – неблагоприятная обстановка способствует желанию избежать болезненного и неприятного опыта взаимодействия, уйти от скучного существования в отношениях и погрузиться в себя или в работу, также

этим можно объяснить высокий уровень «рефлексии настоящей деятельности» у «неудовлетворенных» браком людей.

Рефлексия «будущей деятельности» выше у «частично удовлетворенных, частично неудовлетворенных» и «неудовлетворённых» браком людей. Мы предполагаем, что полученный результат связан с функцией анализа предстоящей деятельности и поведения, прогнозированием вероятных исходов как благополучных, так и неблагоприятных – это необходимо для ощущения психологической безопасности в нездоровой атмосфере брака. «Рефлексия общения и взаимодействия с другими людьми» наиболее выражена у «удовлетворенных» браком людей. Скорее всего, это объясняется тем, что партнер чаще ставит себя на место супруга, чтобы понять его чувства и мысли, разрешает конфликт благодаря эмоциональной включенности в партнера и желанию найти компромисс, а не стремится к своей победе и поражению супруга.

Таким образом, мы можем сказать, что наша гипотеза, заключающаяся в том, что чем в большей степени у супругов развита рефлексия, тем выше их удовлетворенность браком, нашла свое подтверждение. Этот вывод имеет не только теоретическую, но и практическую значимость: полученные закономерности могут способствовать построению программ по профилактике проблем в брачных отношениях через личностное развитие каждого из супругов, ставя во главу угла развитие рефлексии, благодаря которой человек способен отвечать за то, что он делает и говорит, стремиться брать ответственность за свою жизнь и за жизнь партнера, тем самым гармонизируя супружеские отношения [1].

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М., 1981.
2. *Карпов А.В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5.
3. *Мельникова Д.А.* Психологические факторы удовлетворенности браком супругов в молодой семье // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2016. № 2.

4. *Петровский В.А.* Деятельностное опосредование межличностных отношений: феномен, сущность // Социальная психология и общество. 2011. № 1

Использование образовательных технологий и методов с целью развития системного мышления студентов

Титовец Т.Е.

*БГПУ, Минск, Беларусь
t_titovets@mail.ru*

Готовность выпускника к профессиональной деятельности предполагает сформированность гибкости профессионального мышления, умений быстрой адаптации к происходящим переменам, способности решать проблемы в условиях неопределенности. Такое качество подготовки специалиста становится возможным, если важное место в профессиональной подготовке отводится развитию у студента системного видения профессиональной действительности. Под системным мышлением в данной статье понимается способность студента распознавать, оценивать и прогнозировать разные типы взаимодействия частей целого, а также взаимодействие этого целого с окружающей средой. Системное мышление предполагает объяснение событий не с помощью линейных причинно-следственных связей, а с помощью сложной модели взаимодействия, в которой находит место одновременное действие нескольких факторов [1].

Системное мышление позволяет преодолеть ряд когнитивных предубеждений будущего специалиста:

– ментальную редукцию (переоценку частного случая из прошлого опыта и обесценивание чрезвычайно важных фактов, переменных-сигналов среды из-за склонности автоматически применять в ситуации действия, которые сработали в прошлом и незнания цены наблюдаемого факта);

– предубеждение структурирования (когда на выбор решения влияет форма, в которой описаны альтернативы решения);

– эвристики удовлетворительного результата (столкнувшись с множеством альтернатив, люди склонны выбирать первую, отвечающую минимальным требованиям и отказываясь искать другие возможности) [2].

С целью развития системного мышления студента в образовательном процессе могут использоваться различные образовательные технологии и методы. Рассмотрим основные из них.

Метод причинной картографии – составление причинной карты, в которой отображаются все отношения, когда увеличение одной переменной приводит к росту или, наоборот, падению другой. Стрелки указывают на направление причинности. Причинные связи, отражающие прямую зависимость, обозначаются стрелками со знаком «плюс», обратную – «минус». Иногда знак сопровождается условным баллом, который показывает силу влияния одной переменной на другую по сравнению с силой влияния других переменных. Чем содержательнее и точнее карта, тем более целостно респондент воспринимает профессиональную реальность в многообразии ее факторов, в том числе социальных, культурных, экономических, технологических, а также факторов, изучаемых другими непрофильными дисциплинами.

Технология таксономического интервью – составление таксономии по определенному критерию. При нисходящем интервью студенту предлагается выявить категории, вытекающие из корневой категории, затем из них вывести более узкие категории, а из них категории еще более низких уровней и так далее, пока не будет достигнут предел дифференциации. При восходящем интервью сообщается, наоборот, узкая, более не дробимая на подклассы категория, и на ее основе он составляет таксономию, отражая все более высокие уровни обобщения, из которых она вытекает. Для этого студента просят определить, какой класс явлений она представляет, чем отличается от других, представляющих родственные подклассы, к какому они все относятся классу и т.д., пока он не генерирует собственную начальную категорию. При смешанном таксономическом интервью объектом внимания становится категория, из которой вытекают другие, и которая сама является подкатегорией более высокого уровня обобщения. Метод таксономического интервью позволяет оценивать степень полноты видения студента места профессионального объекта в других системах.

Метод репертуарных решеток состоит в том, что студенту предъявляют по три элемента из перечня феноменов или проблем профессиональной реальности, относящихся к одному и тому же классу. Студент должен объяснить, за счет чего два элемента из трех представленных подобны друг другу, но отличны от третьего. На основе выявленных отличий формируются биполярные оценочные

шкалы, с помощью которых участник может оценить все элементы. Набор этих шкал и составляет репертуарную решетку оценочных суждений студента. По ее содержанию можно судить о степени осознания контекста, при котором уместен тот или иной феномен (контекстность мышления), и степени подкрепления ценностного сознания знаниями из фундаментальных дисциплин.

Метод сценарного планирования – прогнозирование будущего в терминах вероятности и с учетом пересечения множества факторов (включение в анализ неопределенности и непредвиденных обстоятельств). Он является не только диагностическим, но и формирующим методом, обеспечивающим более квалифицированное наблюдение за средой. Для разработки сценариев требуется описание тенденций развития мира в различных сферах и их влияния на профессиональную реальность. Метод включает следующие этапы:

- 1) разработку системы факторов и движущих сил развития (социальных, политических, экономических сил и т.д.), которые могут повлиять на профессиональный объект;
- 2) их оценку в терминах важности и непредсказуемости;
- 3) проверку на избыточность методом графических схем;
- 4) разработку структуры сценариев (сочетание старой модели с незначительными изменениями внешней среды, новой модели с незначительными изменениями, старой модели с крупными изменениями, старой модели с незначительными изменениями);
- 5) детальное изложение каждого из сценариев.

Благодаря использованию различных технологий и методов развития системного мышления студенты начинают глубже понимать причины ситуации или явления в своей профессиональной сфере, оценивают ее не только с позиции профильной дисциплины, но и с позиции других предметных областей.

Литература

1. *Гараедаги Дж.* Системное мышление: как управлять хаосом и сложными процессами: платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск, 2007.
2. *Reason P., Rowan J.* On making sense: human inquiry: a sourcebook of new paradigm research. Chichester, 1981.

Переживание разлуки с родителями у первокурсников и их психологическое благополучие

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-513-05005\20

Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Морозова Д.Н.
ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
tichomirowa82@mail.ru

Разлука – один из сложных контекстуальных феноменов в психологии. Она оценивается субъектами как значимое жизненное событие, требующее особых ресурсов для переживания и совладания. В контексте вызовов современности разлука с близкими становится вынужденной реальностью жизни.

В исследованиях рассматривается разлука близких в результате миграции населения [7], реализации задач построения карьеры [5], воинской службы [4], в контексте COVID 19 [3]. Не отходит на второй план традиционная проблематика, связанная с феноменами утраты [9], развода [2], сепарации субъектов детско-родительских отношений [10]. Независимо от контекста главными эффектами разлуки считается дестабилизация системы близких отношений и нарушение внутреннего равновесия личности. Это особенно важно изучать в периоды интенсивного личностного развития, самоопределения, формирования картины индивидуальных смыслов и целей жизни. Исследователи отмечают наличие риска снижения уровня психологического благополучия при разлуке с родителями или нездоровой сепарации у студентов [1; 6].

Возможные негативные последствия разлуки, так или иначе связанные со снижением психологического благополучия субъекта (снижение качества отношений, усиление тревоги, чувства субъективного одиночества, страха за будущее, эмоционального дискомфорта [8]) актуализируют исследования в области поиска ресурсов и конструктивных стратегий совладания.

Под разлукой мы понимаем временное или постоянное, добровольное или вынужденное разлучение субъектов отношений, которое может быть обусловлено био-, психосоциальными и личностными факторами. В данной статье рассматривается добровольная разлука студентов с родителями, связанная с переездом молодых людей с целью обучения в другой город, предполагающая

опосредованные контакты и/или периодические непосредственные встречи. Эта разлука является не только частью повседневности, но и контекстом решения нормативной задачи юношеского возраста – достижения сепарированности. В то же время разделенные с родителями территориально, первокурсники могут быть эмоционально, финансово, аттитудно не сепарированы от них. Таким образом, мы разводим понятия сепарации и разлуки, принимая их как связанные, но не идентичные феномены.

Проблемный вопрос: каковы особенности переживания разлуки с родителями и совладания с ней у студентов первого курса, и как переживание разлуки связано с их психологическим благополучием?

Методический комплекс: Опросник способов совладания (ОСС) (Lazarus R.S., Folkman S., 1988; адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, 2004); Опросник профиль чувств настроения (Л.В. Куликов, 2005); анкета для определения отношений студентов и их родителей, степени психологического благополучия разлученных с родителями студентов. База исследования: 42 первокурсника (24 девушки; 18 юношей, $M=18,2$), которые переехали в Кострому для обучения. Исследование проводилось в октябре 2021 года.

Обсуждение результатов. 64% респондентов под разлукой с родителями понимают, в первую очередь, физическое отделение, невозможность находиться рядом в одном пространстве. Около половины испытуемых отмечают, что это так же про эмоциональный аспект, про невозможность общаться с тем, кого любишь, про прерывание отношений. Они ассоциируют с ней «*расстояния, расставание, тоску, боль, отделение, одиночество, алкоголь*». В то же время 71% воспринимает это как некий процесс инициации, взросления, начала новой жизни, путь к самостоятельности.

При оценке чувств, связанных с разлукой, преобладают радость ($M=4,7$) и чувство свободы ($M=5,1$), что связано с позитивными ожиданиями от нового этапа, с возможностью самостоятельных решений и избавлением от контроля. Тревога ($M=3,2$), тоска ($M=3,02$) и чувство долга ($M=3,05$) также выражены достаточно высоко. Первокурсники адаптируются, сталкиваются с бытовыми и учебными сложностями, стремятся оправдать ожидания родителей, так как во многом еще находятся от них в эмоциональной ($n=20$) и финансовой ($n=30$) зависимости (по результатам самоотчетов).

Было определено 4 группы студентов: характеризующих отношения с родителями как независимые; эмоционально зависимые,

финансово зависимые, и зависимые, как в финансовом, так и эмоциональном плане. Последние чаще испытывают меланхолические чувства спустя некоторое время после переезда, нежели студенты, которые зависят от родителей только финансово, а эмоционально уже сепарировались ($U=48,5$, $p=0,00$).

По результатам анкеты, 64% эффективно справляются с ситуацией разлуки с родителями, стараются поддерживать с ними опосредованную связь, по возможности приезжают к ним на выходные. 23% находят для себя новые увлечения, погружаются в учебу и работу, чтобы отвлечься от переживаний. Респонденты отмечают, что справиться с переживаниями по поводу разлуки с близкими, им также помогает опора на внутренние ресурсы: *«Чувство ответственности, понимание, что я уже взрослая...»*. Только 11,9% считают, что им тяжело справляться с ситуацией разлуки с родителями: *«много плачу»*, *«стараюсь смириться, но мне больно и плохо»*, *«помогает алкоголь»*. Интересно, что половина студентов не заметили изменений в качестве общения с родителями, 33% высказалась в сторону того, что общение стало более конструктивным: *«стало теплее»*, *«стали общаться чаще»*, *«интересуются моей жизнью»*.

При определении используемых копинг-стратегий в ситуации разлуки с родителями были получены различия по полу. Девушки чаще прибегают к самоконтролю ($p=0,03$), поиску социальной поддержки ($p=0,03$), принятию ответственности ($p=0,00$), положительной переоценке ($p=0,02$). Дистанцирование, избегание и конфронтация являются универсальными стратегиями, к которым прибегают как юноши, так и девушки в равной степени.

На общей выборке выявлена положительная связь между «меланхолическими чувствами» и «избеганием» ($R=0,41^{**}$). Испытывая уныние, грусть, тоску по родителям, студенты стараются избегать мыслей, связанных с переживанием, предпочитают уйти от проблемы, выбирают уединение. При астенических чувствах, им чаще требуется поддержка ($R=0,43^{**}$), а также они склонны к принятию ответственности ($R=0,4^{**}$) за те чувства и эмоции, что испытывают на данный момент, и те ситуации, которые происходят.

Рассмотрев основные результаты исследования, мы можем говорить о том, что ситуация разлуки с родителями воспринимается студентами первого курса амбивалентно. С одной стороны, это дает им ощущение свободы и радости, воспринимается как точка личностного роста, с другой – они испытывают такие чувства, как

грусть, тоску, печаль. Меланхолические чувства в ситуации разлуки с родителями напрямую связаны с менее конструктивными копинг-стратегиями. Студенты, не достигшие эмоциональной и финансовой сепарации, проживают ситуацию разлуки с родителями тяжелее, что, в свою очередь, является одним из индикаторов снижения психологического благополучия.

Литература

1. Çiçek I. (2021). Psychological well-being and separation-individuation in university students. *Kastamonu Eğitim Dergisi*. 29. 123-133.
2. Civilotti C., Dennis J.L., Acquadro Maran D., Margola D. (2021). When Love Just Ends: An Investigation of the Relationship Between Dysfunctional Behaviors, Attachment Styles, Gender, and Education Shortly After a Relationship Dissolution. *Front Psychol.* 8; 12: 662237.
3. Goldberg A.E, Allen K.R., Smith J.Z. (2021). Divorced and separated parents during the COVID-19 pandemic. *Fam Process*. 60(3), 866-887.
4. Holland A. (1997). Separation Anxiety in Army Wives with Deployed Husbands. Master's Theses. 4267.
5. Kariuki J.W. (2014). The impact of long distance marriage on the family: a study of families with spouses abroad in Kiambu county, 70.
6. Malenova A.Yu., Potapova Yu.V. (2018). Emotional Well-Being of Students and Their Parents in a Separation Situation. *Clinical Psychology and Special Education*. Vol. 7, №2, 83–96. doi:10.17759/cpse.2018070206.
7. Martin B. (2017). Experiences of family separation for adults who immigrate alone: Lessons for Social Work Practice and Research. *Canadian Social Work Review / Revue Canadienne de Service Social*, 34(2), 253–273.
8. Ojeda V.D., Magana C., Burgos J.L., Vargas-Ojeda A.C. (2020) Deported Men's and Father's Perspective: The Impacts of Family Separation on Children and Families in the U.S. *Front. Psychiatry*; 11:148.
9. Welzel F.D., Löbner M., Quittschalle J., Pabst A., Lupp M., Stein J., Riedel-Heller S.G. (2021) Loss and bereavement in late life (60+): Study protocol for a randomized controlled trial regarding

- an internet-based self-help intervention. *Internet Interv.* 7; 26:100451.
10. Xerxa Y., Rescorla L.A., Serdarevic F., Van IJzendorp M.H., Jaddoe V.W., Verhulst F.C., Luijk MPCM, Tiemeier H. (2020). The Complex Role of Parental Separation in the Association between Family Conflict and Child Problem Behavior. *J Clin Child Adolesc Psychol*; 49(1):79-93.

Психологическая готовность оперативной смены АЭС к работе в нештатных ситуациях как социально-психологическое условие ее групповой надежности

Толстиков В.В.

*ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
Tomsoyer1993@mail.ru*

Радиационная авария, произошедшая на Чернобыльской АЭС, остро обозначила необходимость выявления тех факторов и условий деятельности, которые оказывают влияние на формирование надежности в работе АЭС. Именно тогда была переосмыслена роль личностных, организационных и социально-психологических факторов в процессе профессионального подбора, обучения и производственной деятельности работников. Обозначилось также и новое направление работы с персоналом, подразумевающее психологическую подготовку, осуществляемую с целью поддержания и развития профессионально-важных качеств [1]. При этом объектом изучения и воздействия традиционно служил человек-оператор, деятельность которого рассматривалась в отрыве от его взаимодействия с коллегами. Необходимо признать, что подобный подход к проблеме обеспечения надежности оперативного персонала АЭС механистичен: оператор выступает в роли некоей автоматической системы, описываемой в терминах «безошибочность», «точность», «помехоустойчивость» и т.п. [3].

Считаем, что объектом психологического изучения должна выступать малая группа людей, а именно оперативная смена АЭС. Ее отличительной особенностью является групповая надежность. Последнюю мы понимаем как специфическое свойство данной разновидности малой группы, возникающее вследствие согласованного внутригруппового взаимодействия членов

оперативной смены, проявляющееся «...в нештатных ситуациях совместной деятельности», детерминирующее «...возможность оперативного и продуктивного решения профессиональных задач с целью обеспечения безопасной эксплуатации АЭС» [2, с. 213]. По нашему мнению, психологическая готовность к работе в нештатной ситуации может рассматриваться как существенное условие наличия у оперативной смены АЭС групповой надежности. Следовательно, для углубленного понимания специфики формирования групповой надежности важно изучить то, как проявляется психологическая готовность к работе в нештатной ситуации.

Для эмпирического исследования психологической готовности оперативной смены АЭС к работе в нештатной ситуации нами была разработана методика графического шкалирования. Каждая из девяти включенных в нее шкал отражает определенный аспект психологической готовности к работе в нештатных ситуациях. В эмпирическом исследовании участвовали 47 оперативных смен Нововоронежской АЭС.

Данные обрабатывались путем измерения уровня выраженности каждого аспекта готовности к работе в нештатных ситуациях. Были подсчитаны суммарные баллы по шкалам, после чего полученные результаты сравнивались со статистическими нормами, разработанными автором. На основе этого делалось заключение об уровнях психологической готовности оперативных смен АЭС к работе в нештатных ситуациях.

Результаты исследования позволяют утверждать, что низкий уровень психологической готовности в обследованной выборке отсутствует. Это вполне объяснимо самой систематической подготовкой персонала к работе в подобных условиях, которая практикуется на АЭС страны. Вместе с тем не обнаружено и смен с высоким уровнем психологической готовности. Лишь у одной смены (2,1% от выборки) это социально-психологическое условие групповой надежности сформировано на уровне ниже среднего. В целом около половины обследованных смен (21 смена, или 46,8% от выборки) демонстрируют умеренно выраженную психологическую готовность к работе в нештатных ситуациях. То есть эти смены могут несвоевременно включаться в деятельность по предотвращению развития нештатной ситуации или устранению ее негативных последствий, испытывать затруднения в эмоционально-волевой мобилизации индивидуальных и групповых ресурсов, демонстрировать нервно-психическую напряженность в сочетании с недостаточной стрессоустойчивостью. 25 смен (53,2% от выборки) проявляют психологическую готовность на уровне выше среднего, что

можно считать благоприятным условием формирования их групповой надежности. Эти смены отличает деловой настрой, опережающее включение в деятельность по недопущению риска возникновения нештатной ситуации, повышенное внимание к любым деталям производственной ситуации, высокий уровень сознательного контроля совершаемых действий.

Таким образом, наше исследование продемонстрировало актуальность психологической работы с оперативными сменами АЭС в направлении формирования у них готовности к совместной работе в нештатных ситуациях, поскольку данное условие групповой надежности развито в основном либо умеренно, либо на уровне выше среднего. Результаты исследования нашли практическое применение в деятельности лаборатории психофизиологического обеспечения Нововоронежской АЭС: разработаны и внедрены учебно-методические пособия для психологической подготовки оперативного персонала блочного цита/пункта управления. Эта подготовка направлена на развитие и совершенствование психологической готовности смены к нештатной ситуации, что позволяет в итоге повысить ее групповую надежность. В дальнейшем планируем провести исследование с целью оценки результативности внедрения такого обучения.

Литература

1. *Абрамова В.Н.* Меры по учету человеческого фактора в вопросах обеспечения безопасной эксплуатации энергоблоков атомных станций // Проблемы психологии и эргономики. 1999. № 1. С. 62-65.
2. *Толстиков В.В., Гайдар К.М.* Нештатная ситуация как условие для проявления групповой надежности профессиональной деятельности оперативных смен АЭС // Организационная психология: люди и риски: сб. материалов IX международной науч.-практ. конференции (26-27 апреля 2018 г.) / под ред. проф. Л.Н. Аксеновской. Саратов: ИЦ «Наука», 2018. С. 212-217.
3. *Толстиков В.В.* Проблема надежности в истории отечественной психологии: этапы разработки и современное состояние // Историческая преемственность в отечественной психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитонова, Е.Н. Холоднович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 322-330.

Связь воспринимаемой социальной поддержки со склонностью к открытому агрессивному поведению

Троицкая Е.А.

ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия

ea.troitskaya@mail.ru

Актуальность исследования склонности к проявлению агрессии у молодежи определяется участвовавшими случаями агрессии среди подростков. Рассматривая социально-психологические факторы, влияющие на формирование склонности к агрессивному поведению, следует учитывать не только особенности взаимоотношений, но и то, как эти взаимоотношения воспринимаются молодежью. Исследования показывают, что высокая воспринимаемая социальная поддержка связана с субъективным благополучием, стрессоустойчивостью.

Гипотеза нашего исследования – воспринимаемая социальная поддержка ниже у молодежи с более выраженной склонностью к открытому агрессивному поведению.

Для проверки выдвинутой гипотезы нами было проведено эмпирическое исследование. В качестве респондентов выступали 50 человек (учащиеся 10–11 классов Предуниверситария ФГБОУ ВО МГЛУ, учащиеся и студенты других учебных заведений г. Москвы) в возрасте от 14 до 21 года ($M = 17,58$, $SD = 1,53$), включая 27 юношей и 23 девушки.

Для диагностики воспринимаемой социальной поддержки применялась методика «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки» (в адаптации Кузнецова В.А., Пушкарева Г.С., Ярославской Е.И.), которая позволяет исследовать воспринимаемую социальную поддержку со стороны семьи, друзей и близких людей [2]. Диагностика склонности к открытому агрессивному поведению проводилась посредством проективной методики «Hand-test» [3]. Также для выявления переменных, которые могут опосредовать исследуемую связь, применялась методика «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина [4] и «Короткий портретный опросник Большой пятерки» (Егорова М.С., Паршикова О.В.) [1].

Эмпирические данные были собраны ученицей 11 класса Предуниверситария ФГБОУ ВО МГЛУ Пановой Екатериной в процессе работы над учебно-исследовательским проектом,

выполнявшимся под нашим руководством.

Статистическая обработка данных проводилась с применением теста Шапиро-Уилка, критерия Манна-Уитни, коэффициента корреляции Спирмена, коэффициент частной корреляции посредством компьютерной программы JASP (Version 0.16.1).

На первом этапе анализа данных были исследованы половые и возрастные различия по измеренным показателям. По критерию Манна-Уитни статистически значимых ($p > 0,05$) различий при по полу выявлено не было. Выборка испытуемых была разделена на две подвыборки по возрасту: 25 учащихся 14–17 лет и 25 учащихся 18–21 года. По критерию Манна-Уитни не было обнаружено статистически значимых ($p > 0,05$) различий между группами по возрасту. В связи с этим далее статистический анализ проводился для всей выборки испытуемых в целом.

На втором этапе анализа данных применялся коэффициент корреляции Спирмена для выявления корреляций между всеми измеренными показателями. Были обнаружены статистически значимые корреляции между воспринимаемой социальной поддержкой со стороны друзей и сознательностью ($r = -0,307$, $p = 0,03$), между воспринимаемой социальной поддержкой со стороны семьи и склонностью к открытому агрессивному поведению ($r = -0,564$, $p = 0,001$), доброжелательностью ($r = 0,446$, $p = 0,001$), невротизмом ($r = -0,511$, $p = 0,001$), открытостью опыту ($r = 0,289$, $p = 0,042$), субъективным счастьем ($r = 0,479$, $p = 0,001$), между воспринимаемой социальной поддержкой со стороны близких людей и субъективным счастьем ($r = 0,286$, $p = 0,044$), между общим показателем воспринимаемой социальной поддержки и склонностью к открытому агрессивному поведению ($r = -0,465$, $p = 0,001$), доброжелательностью ($r = 0,388$, $p = 0,005$), субъективным счастьем ($r = 0,381$, $p = 0,006$). Были также обнаружены статистически значимые корреляции между склонностью к открытому агрессивному поведению и субъективным счастьем ($r = -0,611$, $p = 0,001$), экстраверсией ($r = -0,42$, $p = 0,002$), доброжелательностью ($r = -0,613$, $p = 0,001$), невротизмом ($r = 0,392$, $p = 0,005$), открытостью опыту ($r = -0,468$, $p = 0,001$).

На третьем этапе анализа данных вычислялись коэффициенты частной корреляции между склонностью к открытому агрессивному поведению и всеми показателями воспринимаемой социальной поддержки при контроле показателя по «Шкале субъективного счастья» и показателей по методике «Короткий портретный опросник

Большой пятерки». Во всех случаях были подтверждены статистически значимые отрицательные корреляции между склонностью к открытому агрессивному поведению и воспринимаемой социальной поддержкой со стороны семьи ($p < 0,006$), общим показателем воспринимаемой социальной поддержки ($p < 0,029$). Наблюдается снижение значений коэффициентов корреляции по модулю, но уровни значимости остаются ниже, чем 0,05. Полученные результаты согласуются с аналогичными исследованиями, проведенными в других странах [5].

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что воспринимаемая социальная поддержка, особенно со стороны семьи, ниже у молодежи с более выраженной склонностью к открытому агрессивному поведению.

Литература

1. *Егорова М.С., Паришкова О.В.* Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45.
2. *Кузнецов В.А. Пушкарев Г.С. Ярославская Е.И.* Надежность и валидность русскоязычной версии многомерной шкалы восприятия социальной поддержки (MSPSS) // Психологические исследования. 2015. № 8(41).
3. *Курбатова Т.Н., Муляр О.И.* Проективная методика исследования личности «Hand-test». Методическое руководство. СПб.: ГМНПП «ИМАТОН», 2001.
4. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1.
5. *Samadifard H.R., Sadri Damirchi E.* The relationship between perception of social interaction, perceived social support and social acceptance with aggression among adolescents // Journal of Research and Health. 2018. Vol. 8. № 1.

Факторы эмоционального выгорания у психологов-консультантов

*Трушкова С.В., Чмож А.А.
НОУ ВО МСПИ, Москва, Россия
SvetVTr@mail.ru, mor4i@yandex.ru*

Одной из существенных проблем специалистов помогающих профессий является подверженность профессиональному выгоранию. В этой связи особую значимость приобретает анализ, с одной стороны, личностных ресурсов профессионала, помогающих сохранить ему психологическую стабильность и результативность профессиональной деятельности, и выявление факторов, способствующих выгоранию, – с другой. Психолог, оказывающий консультативную помощь, находится в особых условиях деятельности – к нему не приходят поделиться радостью или рассказать о своих успехах. Его взаимодействие с человеком, обратившимся за психологической помощью, характеризуется концентрацией на проблемных полях, нерезализованных достижениях, психологических травмах, потерях и т.д. Умение консультанта выстраивать внутреннюю работу по сохранению личностного и профессионального ресурса – важнейшая часть профессиональной компетентности. Если не удастся справиться с нарастанием эмоционального напряжения, то, как показывают проведенные исследования, формируются личностная отстраненность, возникают психосоматические нарушения [1], эмоциональная неустойчивость, переутомление [5], нарастание чувства вины [3], неудовлетворенность жизнью вне своей работы [2], появление депрессивных проявлений [4; 6] и т.д.

В данном исследовании мы ставили перед собой задачу проанализировать составляющие, снижающие способность у психологов-консультантов противостоять эмоциональному выгоранию. Для решения этой задачи осуществлялась диагностика 51 психолога-консультанта психологических центров Москвы с помощью следующих методик: опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» К. Маслач и С. Джексона (в адаптации Водопьяновой), опросник «Синдром выгорания» (Рукавишников), опросник эмоциональной эмпатии, EETS (Мехрабиан), тест жизнестойкости С. Мадди, авторская анкета «Факторы эмоционального выгорания».

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. С помощью коэффициента корреляции Спирмена выявлены значимые отрицательные корреляции между показателями жизнестойкости и выгорания ($r = -0,69$, $p = 0,0005$), психического истощения ($r = -0,708$, $p = 0,0005$), эмоционального истощения ($r = -0,567$, $p = 0,0005$), личностной отстраненности ($r = -0,522$, $p = 0,0005$). Таким образом, к числу факторов, инициирующих процесс выгорания у психологов-консультантов, можно отнести низкий уровень жизнестойкости.

2. В подгруппе консультантов с высоким уровнем выгорания выявлено стремление к самореализации в профессиональной сфере. Также для этой подгруппы характерна положительная взаимосвязь показателей психического истощения с самореализацией, а психического выгорания с саморазвитием, что позволяет предположить у консультантов с высоким уровнем выгорания негативное влияние факторов чрезмерной вовлеченности в работу и ограниченности самореализации и саморазвития только профессиональной сферой.

3. Для подгруппы консультантов с высоким уровнем выгорания характерно нарушение контроля личностной эмпатии в профессиональной сфере.

Таким образом, по результатам проведенного исследования к числу факторов эмоционального выгорания в выборке участников исследования можно отнести следующие: низкий уровень жизнестойкости, чрезмерную вовлеченность в работу, нарушение контроля личностной эмпатии в профессиональной деятельности, ограниченность самореализации и саморазвития профессиональной сферой.

Литература

1. Бузовкина Н.Ю. Синдром эмоционального выгорания у психологов, оказывающих экстренную и продолжительную психологическую помощь // Вестник Башкирского университета, 2008. Т. 13. №4. С.1101–1107.
2. Котова Е.В. Профилактика синдрома эмоционального выгорания: учебное пособие. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2013. 76 с.
4. Скугаревская М.М. Синдром эмоционального выгорания // Медицинские новости. 2002. №7. С.3–9.

5. *Bianchi R., Schonfeld I.S., Laurent E.* Burnout Syndrome and Depression // Understanding depression: Volume 2. Clinical manifestations, diagnosis and treatment.). Publisher: Springer Nature Singapore, 2018. PP. 187-202.
6. *Rodriguez S.Y, Carlotto M.S.* Predictors of Burnout Syndrome in psychologists // Estudos de Psicologia (Campinas). 2017. № 34. PP. 141-150.

Взаимосвязь проблемного использования интернета и склонности к девиантному поведению

Туйчиева М.Д., Делибалт В.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
psy.research.mgppu@gmail.com*

Девиантное поведение – одна из проблем, которая имеет отношение не только к современности. Она наиболее актуальна для подросткового возраста, который является сензитивным для установления нормативности поведения. Подростки имеют острую потребность в одобрении среди сверстников, и часто данная потребность выступает вразрез с общепринятыми нормами. Девиантным поведение обычно считают в том случае, когда оно сопровождается проявлениями социальной дезадаптации; причиняет вред самому человеку и окружающим его людям; не соответствует общепринятым социальным нормам; негативно оценивается обществом; многократно воспроизводится и является стойким [2].

Отдельным вопросом в психологической науке является изучение причин девиантного поведения. В некоторых случаях оно связывается с потреблением людьми разного рода медиаконтента, источником которого в настоящее время в основном выступает интернет. Одним из популярных направлений научной работы в этой области является профайлинг в социальных сетях. Так, например, было показано, что о пресуицидальном состоянии можно судить по подпискам человека в соцсети «ВКонтакте» на сообщества, тематика которых связана с коллекционированием рисунков, и сообщества, в которых можно встретить отражение суицидальных мыслей, в том числе и риски, связанные с ними [4].

В нашем исследовании мы предположили, что существует связь между проблемным использованием интернета у подростков и

480

юношей, с одной стороны, и склонностью к девиантному поведению – с другой.

Методиками исследования выступили: тест «Склонность к девиантному поведению» (Леус Э.В., Соловьев А.Г. [3]), общая шкала проблемного использования интернета-3 (GPIUS3) С. Каплан (модификация А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой) [1] и опросник «Индекс погруженности в интернет-среду» Н.А. Голубева [5].

Выборку нашего исследования составили 96 человек в возрасте от 12 до 18 (средний возраст – 15,7 лет). Из них юношей – 48 чел., девушек – 48 чел. Респонденты набирались в сети интернет посредством опроса через Google-форму.

Описывая полученные результаты, можно сказать, что в среднем современные подростки и юноши проводят 3-6 часов свободного времени в интернете. Самыми популярными и предпочитаемыми соцсетями являются ВКонтакте, YouTube, Instagram и Tik-tok. Если говорить про типы медиаконтента, то наиболее предпочитаемыми являются видеографический и звуковой.

В нашем эмпирическом исследовании в среднем респонденты показали следующие результаты: слабо выраженное предпочтение онлайн-общения, среднюю мотивацию выхода в интернет для улучшения эмоционального состояния, слабо выраженную когнитивную поглощенность, среднюю выраженность трудностей планирования своего пребывания в сети, низкое влияние интернета на повседневную жизнь, а также средний показатель проблемного использования интернета.

Кроме того, по методике «Индекс погруженности в интернет-среду» респонденты показали: средний объем цифрового потребления, среднюю цифровую компетентность, среднюю выраженность эмоционального отношения к интернету и среднюю готовность к использованию технических средств и информационных ресурсов интернета для решения задач различных видов деятельности и осуществления интернет-коммуникации (погруженность в интернет-среду).

Мы провели анализ результатов и выявили связи между склонностью к девиантному поведению и проблемным использованием интернета.

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена показал, что есть значимые корреляции между результатами по всем шкалам теста склонности к девиантному поведению и шкалой проблемного использования интернета. Можно сделать вывод, что есть прямая

связь между склонностью ко всем типам девиантного поведения и проблемным использованием интернета. Самая тесная связь прослеживается между проблемным использованием интернета и аутоагрессивностью. Мы можем предположить, что проблемное использование интернета близко по своим проявлениям к аддикции, которая коморбидна с другими видами зависимостей и, как следствие, с девиантным поведением.

Кроме этого, мы проследили связи между результатами теста склонности к девиантному поведению и погруженностью в интернет-среду. Исходя из эмпирических данных можно сделать вывод, что есть прямая связь между склонностью к аддиктивному поведению и погруженностью в интернет-среду, а также между склонностью к аутоагрессивному поведению и погруженностью в интернет-среду. Связь зависимого поведения и погруженности в интернет-среду можно интерпретировать через сочетаемость различных видов зависимостей. Склонность к аутоагрессивному поведению может возникать из-за содержательной специфики интернет-контента.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и превалидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3(101).
2. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2008.
3. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева [и др.]. М., 2017
4. Пономарева Е.С., Делибалт В.В. Индикаторы пресуицидального состояния несовершеннолетних в интернет-пространстве // Психология и право. 2021. Т. 11. № 3.
5. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Индекс погруженности в интернет-среду: стандартизация методики // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13. №3.

Межличностные дискурсы и нарративы поколений X, Y и Z

Тычинина М.И., Мельникова О.Т.

*ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
mariatychinina@gmail.com*

Современная социальная психология всё чаще обращается к исследованию поколенческих групп в постоянно меняющемся мире, что перекликается с идеями хронопсихологии А.В. Петровского – сравнительной социальной психологии времени [5]. Психологическая специфика поколений ярче всего проявляет себя в неформальной структуре группы [2], т.е. в межличностных отношениях: именно здесь исследователи наблюдают контраст между нормами взаимодействия и коммуникации у групп сверстников разных исторических периодов. Проблематика межличностных (в том числе романтических) отношений неисчерпаема для эмпирического исследования, и сегодня остро встает вопрос их поколенческой изменчивости, которая обусловлена синхронностью социализации сверстников в едином событийном контексте. На социальные изменения отношений и института семьи обращают внимание И.С. Кон, говоря о происходящих параллельно семейных, гендерных и сексуальных революциях [3]; А.В. Петровский, описывая открытость семьи общественной системе в СССР и десексуализацию любви в культуре и образовании советского времени [5]; Э. Гидденс, указывая на «вытеснение» романтической любви конфлюэнтной [1].

Цель нашего исследования – выявление различий между дискурсом и нарративами о романтических отношениях поколений X (род.1963-1984), Y (род.1985-1998) и Z (род.1999 и младше). Поколения мы рассматриваем как 1) большую группу сверстников, осуществляющих свою социализацию в сходных социально-исторических условиях, вследствие чего формирующих общие ценности и особенности социального познания [6;7;8;10]; 2) символическое пространство, характеризующееся своими культурными формами организации социального опыта – дискурсами и нарративами [7]; 3) групповую биографию [10]. Мы используем классификацию Н. Хоува и У. Штраусса (в соотнесении с классификациями В.В. Семеновой, В.В. Радаева, Дж. Твенге и др.), в которой поколению X приписываются индивидуально-ориентированные ценности, поколению Y – социальные ценности, склонность к кооперации и коллективности, поколению Z –

индивидуализм на межличностном уровне и конформность на уровне социальных институтов [8;10]. Освоение сверстниками межличностных отношений происходит в разные исторические периоды: у поколения X – в советское время и 90-е, у поколений Y и Z – в современной России [5;6]. Романтические отношения являются разновидностью межличностных отношений, в которых эмоциональный аспект наиболее выражен. Любовь и отношения конструируются в языке с помощью дискурсов и могут описываться в форме нарратива, связывающего индивидуальные переживания с культурным контекстом [9;11].

Мы использовали методы нарративного интервью и образных ассоциаций для сбора данных, нарративного анализа (Д. Хайлс, И. Чермак) и дискурс-анализа (Дж. Поттер, М. Уэзерелл) для анализа данных [4]. Были собраны интервью 48 респондентов: по 16 представителей поколений X, Y и Z, имеющих опыт отношений (выборки мужчин и женщин уравниены). Результаты исследования показали, что внутри каждого поколения дискурс, описывающий романтические отношения, схож у мужчин и женщин (вследствие формирования единого коммуникативного пространства и норм взаимодействия), а между поколениями – контрастно различается. Поколения X и Z видят отношения с «полюса» личности: характерен гуманистический и эмоциональный репертуары; поколение Y рассматривает отношения с социального «полюса»: преобладает конструктивный репертуар и репертуар консенсуса. В поколенческих нарративах также выявлены различия. У поколений X и Z встречается сюжет «Путь», описывающий постепенное развитие отношений (изображение, иллюстрирующее нарратив – открытая дорога). В поколении Y присутствуют идеи борьбы, работы, усилий и достижений в отношениях, иллюстрируемые сюжетами «Тернии» у девушек (изображение – дорога в лесу) и «Восхождение» у мужчин (изображение – дорога в горах). Выявленные различия частично объясняются ценностями поколений по Н. Хоуву и У. Штрауссу, а также частично соотносятся с представлениями Э. Гиденса о социальной трансформации интимности: от поколения X к поколению Y происходит смена романтической любви с её акцентом на личности партнера конфлюэнтной любовью, сфокусированной на ценности отношений [1]; в то же время, идея романтической любви возвращается в поколении Z (воспитанном в современности), что говорит о цикличности социально-психологических изменений в поколениях.

Литература

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб, 2004.
2. Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М. Психология отношений межличностной значимости. М., 2008.
3. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции// Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1.
4. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М., 2020
5. Петровский А.В. Психология и время. СПб, 2006.
6. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3.
7. Семёнова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся, Россия реформирующаяся: Ежегодник/ отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2003
8. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни* *и что это значит для всех остальных. М., 2019.
9. Dunlop W. L., Hanley G. E., McCoy T. P. The narrative psychology of love lives// Journal of Social and Personal Relationships. 2019. Vol. 36(3).
10. Howe N., Strauss W. The Fourth Turning: An American Prophecy - What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. NY, 1997.
11. McAdams D.P., Diamond A., de St. Aubin E, & Mansfield E. Stories of commitment: The psychosocial construction of generative lives. // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. № 72.

Субъективная незащищенность в сфере труда и удовлетворенность в разных сферах жизни

*Улитина А.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Ulitina.aa@yandex.ru*

Под субъективной незащищенностью в сфере труда мы можем понимать ощущение угрозы потери работы. Рассмотрение данного аспекта происходит через определение двух компонентов: когнитивного и аффективного. В данном случае когнитивный компонент отвечает за оценку возможности потери работы, выгоды, аффективный компонент отвечает за эмоциональное переживание опасений, а также он может являться реакцией на когнитивный компонент [1; 3].

Реальное состояние общества, различные его сферы могут находить свое отражение в понятии качества жизни, которое является одним из универсальных показателей оценки. Благодаря расстановке приоритетов и разной значимости сфер жизни человека его поведение будет подстраиваться и меняться, создавая уникальную жизненную стратегию. Рассматривая понятия оценки удовлетворенности качеством жизни и ощущение субъективной незащищенности в сфере труда, мы выявили ряд взаимосвязей, которые помогут продвинуться в изучении данных факторов с целью внедрения превентивных мер по предотвращению выгорания, стресса [2].

Также нам важно учитывать оценку удовлетворенности по каждой сфере рабочей деятельности, среди которых мы можем выделять такие, как рабочая нагрузка, контроль, вознаграждение, рабочий коллектив, справедливость, ценности. Изучение каждой сферы поможет углубиться в понимание составляющих общей оценки работы.

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязей субъективной незащищенности в сфере труда с удовлетворенностью в разных сферах жизни.

Мы предположили, что существует взаимосвязь между субъективной незащищенностью в сфере труда и степенью удовлетворенности в разных сферах жизни.

В ходе нашего исследования мы применяли следующие диагностические методы: «Оценка уровня удовлетворенности качеством жизни» (Водопьянова Н.Е.), «Диагностика субъективной

незащищенности в сфере труда» (Смирнова А.Ю.), тест «Мое отношение к работе» (Маслач К., Лейтер М.).

Выборку составили 85 человек в возрасте от 21 до 45 лет, сотрудники российских организаций, работающие в разных сферах.

Результаты исследования уровней удовлетворенности качеством жизни работников показали среднюю оценку, данную респондентами по ряду показателей: оптимистичность (24,17), работа (23,91), напряженность (22,52), а также средний уровень по оценке общего индекса качества жизни (22,89).

Исследование аффективного и когнитивного компонентов субъективной незащищенности в сфере труда продемонстрировало, что аффективный компонент, понимаемый как эмоциональная реакция на угрозу потери работы, более выражен (3,30>2,55).

Среди оценок неудовлетворенности сферой рабочей деятельности наибольшие показатели были получены у следующих факторов: вознаграждение (7,91), справедливость (7,39), ценности (7,09) рабочий коллектив (7). Наибольшая удовлетворенность была обнаружена по показателям: контроль (5,09) и рабочая нагрузка (4,65).

Результаты корреляционного анализа позволили обнаружить ряд взаимосвязей между субъективной незащищенностью в сфере труда и удовлетворенностью в разных сферах жизни. Эмоциональное (аффективное) ощущение незащищенности будет расти при низкой оценке удовлетворенности субъективной способности справляться со своими негативными эмоциями ($r=-0,457$, $p=0,028$), и наоборот. аффективный компонент субъективной незащищенности также имеет взаимосвязь с неудовлетворенностью фактором рабочей нагрузки ($r=0,538$, $p=0,008$).

Когнитивный компонент имеет прямую взаимосвязь с неудовлетворенностью рабочей нагрузкой ($r=0,654$, $p=0,001$). Следующая взаимосвязь была найдена между когнитивным компонентом и удовлетворенностью уровнем контроля со стороны начальства ($r=0,657$, $p=0,001$). Прямая корреляция между оценкой рабочего коллектива и когнитивным аспектом незащищенности ($r=0,601$, $p=0,002$) определяет коллектив как важный фактор рабочей деятельности. Справедливое отношение к сотрудникам – одно из основных правил в построении и управлении организацией, его нарушение вносит в коллектив негативные настроения. Данная удовлетворенность связана с когнитивным аспектом ($r=0,650$, $p=0,001$). Еще одна взаимосвязь в рамках изучения субъективной незащищенности в сфере труда объясняется прямой согласованностью между когнитивным компонентом и удовлетворенностью ценностями организации ($r=0,565$, $p=0,005$).

Нами было отмечено, что когнитивный компонент субъективной незащищенности имеет больше взаимосвязей с оценкой удовлетворенности качеством жизни, хотя его выраженность у группы респондентов меньше, чем выраженность аффективного компонента.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о существовании взаимосвязи между субъективной незащищенностью в сфере труда и удовлетворенностью в разных сферах жизни.

Аффективный и когнитивный компоненты субъективной незащищенности имеют взаимосвязи и с удовлетворенностью качеством жизни, и с удовлетворенностью факторами профессиональной деятельности, работы.

Литература

1. *Смирнова А.Ю.* Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях: психологическое содержание и диагностика феномена // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvuhkomponentnaya-model-subektivnoy-nezascheschennosti-v-sfere-truda-v-zarubezhnyh-issledovaniyah-psihologicheskoe-soderzhanie-i> (дата обращения: 23.03.2022).
2. *Юдина Н.А.* Психологические подходы к изучению субъективного качества жизни // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23. – No 2 (162). – С. 104-110.
3. *De Witte H.* Job insecurity: Review of the international literature on definitions, prevalence, antecedents and consequences // Journal of Industrial Psychology. 2005. Vol. 31 (4). P. 1–6.

О влиянии снижения общественного внимания на личность спортсмена

Умнов В.П.

*ФГБОУ ВО ПГУ, Петрозаводск, Россия
uvpp@mail.ru*

Важной и недостаточно изученной проблемой является *снижение внимания социального окружения к спортсмену* в связи с нарастающим спадом результативности, с приближением к финишу его спортивной карьеры. Эта стадия связана не с физической

инволюцией спортсмена, а с инволюцией его максимальной результативности [1]. Данная стадия может стать для спортсмена трудной психологической проблемой. Он начинает улавливать резкое изменение отношения к себе: от прохладного до негативного. У него усиливается чувство тревоги и внутреннего беспокойства [5]. Однако, если у спортсмена в период завершения спортивной карьеры есть другие одинаково сильные жизненные интересы, они могут заменить распадающуюся мотивационную структуру, например, трансформировать ее в тренерскую мотивацию или в стремление к организационной, управленческой работе.

На состояние и деятельность спортсменов, на формирование их характера может оказывать влияние отсутствие общественного внимания, в частности игнорирование достижения спортсмена или команды, а также негативная оценка деятельности и поведения спортсменов. Не все спортсмены устойчивы к таким негативным явлениям, особенно когда критика со стороны СМИ бывает субъективной и поверхностной. Такая критика выступает резким диссонансом для спортсмена, который, переживая свою неудачу и испытывая чувство стыда, стремится к одиночеству, к изоляции от общества. «Преобладающими, создающими определенный эмоциональный фон и жизненный настрой теперь уже по преимуществу выступают отрицательные эмоции. Внутреннее беспокойство, закрепляясь, становится чертой характера» [5, с. 49].

Особенно проблема одиночества является актуальной для спорта высших достижений. Р.М. Загайнов отмечает [3], что в своей практике спортивного психолога не встречал спортсмена, который не сталкивался бы с этой проблемой в условиях длительных учебно-тренировочных сборов и соревнований. Самими психологами признано, что одиночество – и как переживание, и как «особенность личности» – осталось за пределами анализа психологов-теоретиков, тогда как психологи-практики чаще всего сталкиваются с этим феноменом. Разгадку данного феномена Р.М. Загайнов видит в том, что опытного спортсмена изматывает образ жизни, связанный с тем, что он должен быть на сборах вдали от дома и близких людей. Тоска по близким и одиночество настолько постоянны, что становятся хроническими и оживают перед встречей с сильным противником. Завершение спортивной деятельности и карьеры связано с переживаниями, в основе которых лежит «ощущение своей ненужности спорту и часто – команде и тренеру, страх ухода в иную (новую) сферу деятельности и изменение привычного образа жизни» [4, с. 85].

В контексте данной проблемы социально-значимые данные приводит Т.А. Даниленко в статье, посвященной социально-психологическим аспектам адаптации ветеранов спорта [2]. В результате социологического опроса 120 спортсменов высокого класса было выявлено, что 70% респондентов ощущают психологические трудности в период адаптации; многие хотели бы иметь в этот период старшего наставника. Следовательно, в период адаптации для них велика роль коллег, опытных руководителей педагогического коллектива в поддержке и понимании. Следует согласиться с Р.М. Загайновым, который пишет, что данный нюанс жизни спортсмена совершенно не разработан в специальной литературе, и, более того, по непонятным причинам искусственно создается впечатление, что такой проблемы не существует. В результате спортсмену приходится решать задачу адаптации к новой жизни стихийно и болезненно, идти по пути проб и ошибок, не рассчитывая на помощь тех, кто еще вчера готов был сделать все для спортсмена [4].

Литература

1. *Гошек В.* Успех как мотивационный фактор спортивной деятельности // В. Гошек, М. Ванек, Б. Свобода / Психология и современный спорт. М.: Физкультура и спорт, 1973, с. 100-121.
2. *Даниленко Т.А.* Социально-психологические аспекты адаптации ветеранов спорта // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: материалы международной науч.-практич. конф. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009, с. 78-81.
3. *Загайнов Р.М.* Как осознанный долг. Дневник психолога. М.: Физкультура и спорт, 1991. 335 с.
4. *Загайнов Р.М.* Кризисные ситуации в спорте и психология их преодоления: монография. М.: Советский спорт, 2010. 232 с.
5. *Киселев Ю.Я.* Влияние спорта на формирование личности. М.: Знание, 1981. 64 с.

Взаимосвязь профессиональной зависти и мотивационного профиля сотрудников

Федяева А.Ю., Кочетова Т.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
19980408@mail.ru*

Произошедшие в XX-XXI веках глобальные изменения привели к росту неравенства населения и к постоянной конкуренции. Многие специалисты из таких областей, как философия, психология и

социология сходятся во мнении, что в такой социально-экономической ситуации формируется чувство зависти в отношении других людей. Профессиональная среда является одним из основных мест рождения зависти. Соперничество и постоянное сравнение с другими привели к тому, что зависть стала входить в число самых часто встречаемых переживаний. Однако констатировать факт неизбежности проявления зависти недостаточно, важно определить ее значение в современном мире, избегая однозначно негативных трактовок и интерпретаций.

В современных исследованиях зависть приобрела амбивалентный характер. Помимо деструктивной функции, рассматривается стимулирующая.

Сторонники стимулирующей функции зависти (Е.В. Гончарова, В.А. Гусова, Е.П. Ильин М.И. Розенова, Vande Ven N., Lange J. и Crusius J. и др.) убеждены, что она, несмотря на доминирование негативного оттенка, порождает дух соперничества и побуждает человека к действиям. Так, завистник, сравнивая себя с более успешным человеком, стремится достичь, как минимум, того же уровня [1; 2; 4].

Стимулирующая функция зависти относится к функциям мотивационного и аффективного компонентов. Связь с первым определяется тем, что «мотивация» в самом широком смысле рассматривается как побуждение к действию, как совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта (ее направленность может быть как конструктивной, так и деструктивной). Эмоции и чувства тоже являются активаторами психической деятельности. Даже ситуативные негативные эмоции, такие как досада, обида, раздражение, злость, гнев, сопровождающие зависть, могут побудить человека совершить определенные поступки, порой нежелательные для него [3].

В рамках настоящего исследования было решено проверить взаимосвязи профессиональной зависти с мотивационным профилем работников.

Для реализации были использованы следующие методики: методика Т.В. Бесковой «Методика исследования завистливой личности» и методика Ш. Ричи, П. Мартина «Методика мотивационного профиля личности».

В исследовании приняли участие 97 человека. Из них 69 женщин (71,1%) и 28 мужчин (28,9%). Возраст респондентов – от 24 до 68 лет. Средний возраст 29,4 года, возраст наибольшего числа респондентов

(56 человек) варьируется от 26 до 33 лет. Все участники исследования проживают в Москве.

С помощью коэффициента корреляции Спирмена были обнаружены следующие взаимозависимости:

1. Прямая, средней силы значимая взаимосвязь профессиональной зависти с мотивом материального вознаграждения ($r=0,705$; $p<0,001$). Как мы уже говорили ранее, зависть рождается в процессе социального сравнения. Как правило, завистнику нелегко принять информацию о более высокой заработной плате или премии коллеги, часто в результате рождается чувство несправедливости, которое затем перерастает в зависть. По этой причине ряд компаний запрещает сотрудникам делиться информацией о вознаграждениях.

2. Прямая, умеренной силы значимая взаимосвязь профессиональной зависти и мотива признания ($r=0,319$; $p=0,001$). Чем больше человек завидует, тем меньше ощущает своей значимости и тем больше желает своего признания коллегами и руководством.

3. Обратная, умеренной силы значимая взаимосвязь профессиональной зависти и мотива выстраивать близкие отношения с коллегами ($r=-0,316$; $p=0,002$). Испытывающий профессиональную зависть не стремится дружить со своими коллегами. Дружеские отношения предполагают доверие, взаимопомощь, поддержку, в то время как зависть абсолютную противоположность. В основе близких, теплых отношений лежит искренность, что не может гармонично существовать вместе завистью.

4. Прямая, умеренной силы значимая взаимосвязь профессиональной зависти и власти ($r=0,306$; $p=0,002$). Как уже отмечалось, завидующий человек не ощущает своей значимости, он желает власти, чтоб доказать всем вокруг, что он имеет социальный вес.

Проведенное исследование подтвердило выдвинутое предположение о взаимосвязи профессиональной зависти с мотивационным профилем.

Литература

1. *Бескова Т.В. и Шамионов Р.М.* Особенности субъективного благополучия субъектов зависти и соперничества // 39 Российский психологический журнал. 2011. Т.8. №2. С. 9-18.
2. *Ильин Е.П.* Психология зависти, враждебности, тщеславия. СПб., 2014. 478

3. *Муздыбаев К.* Психология зависти // Психологический журнал. 1997. Т. 18 №6. С. 3-12.
4. *Пилишина А.В., Иванов Е.А.* Социально-психологические аспекты зависти в зарубежной психологической литературе: к постановке проблемы исследования // Экономика образования. 2015. № 2. С. 146–151.

Я-концепция подростков, склонных к аутоагрессивному поведению

Финашина М.Е., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

margarita.finashina@mail.ru, pavlovaos@mgppu.ru

Психологическая литература по теме аутоагрессии разнообразна, однако, тема особенностей компонентов Я-концепции у подростков, склонных к аутодеструктивному поведению, остается малоизученной.

Негативные тенденции современного общества: экономическая нестабильность, новые социальные угрозы влияют на формирование Я-концепции подростка и направленность агрессивного поведения. По данным Всемирной Организации Здравоохранения степень распространенности аутоагрессивного поведения возрастает. Проявление аутоагрессии у старших подростков может приводить к нарушению физических компонентов здоровья.

В процессе развития у подростка формируется Я-концепция – система представлений о себе, образов Я-реальное и Я-идеальное. Структура компонентов Я-концепции составляет основание личности подростка и является фактором психологического благополучия. Вариативность аспектов структуры личности повышает способность к адаптации, что важно в современном, быстро меняющемся мире.

С появлением рефлексии у подростка в ходе самопознания формируется Я-концепция – устойчивая и оценочная системная организация внутренних представлений о себе, структура Я-концепции имеет многоуровневое строение.

В структуру Я-концепции входят две подструктуры: знание о себе и самоотношение. Я-концепция – это новообразование младшего подросткового возраста, к старшему подростковому возрасту структура представлений о себе уже полностью сформирована и выполняет регулятивную функцию. Функция регуляции

осуществляется с помощью когнитивной и аффективной составляющих. За счет регуляции мотивационной сферы происходит выстраивание линии поведения и деятельности человека [4, 5]. Возможность рефлексии своих поступков появляется с развитием самосознания.

Соотношение аспектов Я-концепции влияет на самооценку подростка. Компоненты структуры Я-концепции подвергаются рефлексии. Если в старшем подростковом возрасте личностная целостность не достигнута, то она может быть сформирована в юности, но Э. Эриксон утверждал, что в этом случае становление личности происходит с психологическими трудностями.

Психологическое содержание, не согласующееся с Я-идеальным и общественным мнением, вытесняется в бессознательное и служит причиной появления агрессии. Подавленная агрессия находит выход в направленности деструктивного поведения на себя, что приносит вред личности [8, с. 295].

Мотивационная сфера и система ценностей влияют на формирование агрессивного поведения [9, с. 1–14]. Агрессия выполняет важные функции и является нормой в подростковом возрасте. В норме агрессивное поведение носит защитный характер, помогает снизить уровень страха и отстоять свою позицию. Подавляемая агрессия может привести к внутриличностному конфликту.

Подростковый период является фактором риска проявления форм аутоагрессивного поведения, в том числе суицидальных попыток [1, с. 29-36]. Аффективность, повышенная эмоциональность и демонстративное поведение являются катализаторами аутодеструктивного поведения [10, с. 135–140].

Аутоагрессия – это агрессия, направленная на себя, действие, наносящее ущерб своему физическому и психологическому здоровью [6].

Нанесение самоповреждений – неконтролируемое действие, поэтому сложно предсказать намерение причинить себе вред. Аутодеструктивное поведение рассматривается как результат расстройств психики и поведенческих проблем [4, с. 223]. Аутоагрессия – следствие конфликта между Я-реальным и Я-идеальным [2, с. 197]. Самоповреждение рассматривается как приобретение самодеструктивных паттернов поведения и отсутствие копинг-стратегий, помогающих выходить из трудностей. К деструктивным стратегиям подросток прибегает для эмоциональной

разрядки и ощущения относительного спокойствия, при этом проблема, внутриличностный конфликт остается нерешенным, истинная причина вытесняется [7, с. 280].

На направленность агрессивного поведения влияет способность к успешной социальной адаптации и межличностному взаимодействию. Подростки, склонные к самоповреждающему поведению, характеризуются трудностями в коммуникативной сфере, подросткам тяжело налаживать контакт с собеседником, возникают проблемы в общении. Аутоагрессия выражается чаще у людей с низким уровнем самооценки и неприятием собственной значимости, прослеживается тенденция к негативному представлению оценки себя обществом [3, с. 167-169].

В ходе нашего исследования было выявлено, что не все подростки, склонные к аутоагрессивному поведению, склонны к суицидальному поведению. При этом наиболее высокий уровень склонности к суицидальному поведению наблюдается у девочек.

Выявлена корреляционная связь между проявлением внутриличностного конфликта и самообвинением, повышенной тревожностью, фрустрацией и ригидностью. В структуре Я-концепции подростков, склонных к аутоагрессивному поведению, выражена тревожность, низкий уровень самопринятия и самооценности, высокий уровень самообвинения и внутренняя конфликтность – это подтверждено как количественно, так и качественно, при рассмотрении кейс-стади.

Литература

1. *Амбрумова А.Г., Трайнина Е.Г.* К вопросу о саморазрушающем поведении подростков // Саморазрушающее поведение у подростков. Л. 1991. С. 29-36.
2. *Берно-Беллекур И.В.* Социально-психологические аспекты аутодеструктивного поведения. дисс. ... канд. психол. наук. СПб, 2003. С. 197.
3. *Ениколопов С.Н.* Аутоагрессия лиц старшего подросткового и юношеского возраста, склонных к поведению с преднамеренным самоповреждением // Материалы Юбилейной конференции Московского психологического общества. М.: МГУ, 2005. Т.2. С.167-169.
4. *Корстелина А.В.* Образ тела как психологический феномен. М.: ЭксмоПресс, 2002. С. 223.

5. *Прихожан А.М.* Психологическая природа и возрастная динамика тревожности (личностный аспект): Автореф. дис... докт. психол. наук. М., 1995.
6. *Реан А.А.* Аутоагрессивный паттерн личности // *Ананьевские чтения-98.* СПб., 1998.
7. *Шаповаленко И.В.* Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М.: Гардарики, 2005. С. 280.
8. *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции / Исследование процесса индивидуальности: Пер с англ. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. С. 295.
9. *Euler F., Steinlin C., Stadler C.* Distinct profiles of reactive and proactive aggression in adolescents: Associations with cognitive and affective empathy // *Child and adolescent psychiatry and mental health.* 2017. Vol. 11. № 11. P. 1–14.
10. *Coccaro E.F.* Emotional intelligence and impulsive aggression in Intermittent Explosive Disorder // *Journal of psychiatric research.* 2015. Vol. 61. P. 135–140.

Развитие социальной активности студентов среднего профессионального образования

Фисханова Г.Р., Захарова И.В.

*ФГБОУ ВО УлГПУ имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия
pedagogika@bk.ru, inna73reg@yandex.ru*

Социальная активность личности (САЛ) – это интегрированная характеристика, отражающая способность человека к самореализации и социальной успешности. В ней проявляется общая направленность личности как совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность, которая выражается в интересах, убеждениях, идеалах человека, в его отношениях к другим людям, к самому себе и к предметам внешнего мира [3, с.149]. Динамика социальной активности молодежи является одним из социальных эффектов образования [1, с. 12; 4].

ФГОС СПО устанавливает требования и к профессиональным, и к общим компетенциям выпускника колледжа. Социализация студентов является приоритетом профессионального образования; важным показателем уровня социализации мы рассматриваем уровень их

социальной активности. Этому способствует технология коллективного творческого дела (КТД), что подтверждает практика ОГБПОУ «Димитровградский технико-экономический колледж».

Хотя исследования в регионе показывают неготовность значительной части молодежи к выбору профессии [2, с. 128], студенты СПО имеют более высокую профессиональную направленность. На базе ОГБПОУ ДиТЭК с 2016 г. создана конкурсная площадка чемпионатов профессионального мастерства World Skills Russia, студенты колледжа занимают призовые места по компетенциям «Холодильная техника и системы кондиционирования», «Физическая культура и спорт», «Инженерный дизайн САД», участвуют в региональном конкурсе «Мастер – золотые руки». Агитбригада колледжа «Солнечный ветер» участвует в Областном фестивале-конкурсе спектаклей и театрализованных постановок «Театр против наркотиков». Команда ДиТЭК занимала призовые места в 2017–2019 гг. областной военно-патриотической игры «Орленок». В колледже создана система студенческого самоуправления.

С целью определить уровень САЛ студентов, в 2021 г. проведен опрос студентов 2 курса специальностей 13.02.02 Теплоснабжение и теплотехническое оборудование и 19.02.07 Технология молока и молочных продуктов (n=50). Социальную активность студенты проявляют в следующих сферах:

- спорт – 43,0%;
- художественная самодеятельность – 28,0%;
- дела учебной группы – 34,0% (общеколледжные дела – 11%);
- волонтерская работа – 12,0%;
- деятельность молодежных организаций – 8,0%.

Необходимость формировать САЛ отметили 47,5% респондентов, 33,5% не считают это обязательным. Наблюдалась корреляция мнений о необходимости САЛ и просоциальной мотивации студентов. 43% опрошенных участвуют в мероприятиях студсовета, 33% считают его работу полезной, 31% – важной, 22% высказали неопределённые и негативные оценки. По данным опроса, причинами социальной пассивности являются непонимание педагогами нужд студентов (69%), отсутствие в работе колледжа интересных студентам форм внеучебной деятельности (64%), «лень студентов» (83%).

Развитию САЛ способствует использование в воспитательной практике технологии КТД, которая направлена на развитие творческих способностей, развитие интеллектуальных способностей,

развитие коммуникационных потребностей, обучение правилам и формам совместной работы [5].

Эта технология позволяет формировать у студентов СПО общие компетенции:

ОК 3 – принимать решения в стандартных и нестандартных ситуациях и нести за них ответственность;

ОК 6 – работать в коллективе и команде, эффективно общаться с коллегами, руководством, потребителями;

ОК 7 – брать на себя ответственность за работу членов команды (подчиненных), результат выполнения заданий.

В совместной работе студентов во подготовке КТД возникает атмосфера доверия, развиваются коммуникативные навыки, происходит повышение самооценки, преодоление застенчивости.

В ситуации пандемии Covid-19 образовательные организации перешли в формат дистанционной работы. Это негативно сказывается на результатах образовательного процесса, а воспитательная работа утрачивает значительную долю своего потенциала. Технология КТД не предполагает дистанционного формата. В ОГБПОУ ДиТЭК на основе данной технологии проведены «День самоуправления» под девизом «Дерзайте, вы талантливы!» и праздник «Смехопанорама» под девизом «Получи удовольствие от каждого мгновенья».

Педагогическими задачами данных мероприятий были:

- стимулирование творческой инициативы студентов;
- создание условий для самоактуализации способностей, талантов студентов колледжа;
- воспитание культуры общения через создание опыта культурного проведения досуга;
- повышение роли Студенческого совета в планировании, организации и анализе внеучебной деятельности.

Технология КТД способствует формированию социальной активности студентов. Данный возраст сензитивен к развитию ценностно-смысловой сферы. Для него характерна потребность в самостоятельности, значимы формирование идентичности личности и мотивации социальной активности. Творческий опыт совместной деятельности оценивается ими как наиболее значимое приобретение.

Таким образом, период обучения в СПО является благоприятным для формирования у молодежи активной социальной позиции и САЛ. Важно симулировать просоциальную мотивацию студентов и регулярно проводить общественно значимые дела.

Литература

1. *Загвязинский В.И.* Целевые ориентиры реформирования российского образования // Вестник ТГУ. 2013. № 9.
2. *Захарова И.В.* Профессиональное самоопределение старшеклассников: социальные факторы и личные мотивы // Образование и саморазвитие. 2021. Т.16. Вып.4. DOI: 10.26907/esd.16.4.10.
3. *Захарова И.В.* Социальная психология. Саратов: IPR Media, 2019. DOI: <https://doi.org/10.23682/86473>.
4. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Воздействие и влияние как социально-психологические координаты межличностного взаимодействия: понятийно-терминологический аспект // Социальная психология и общество. 2013. № 4.
5. *Поляков С.Д.* Коллективное творческое воспитание: перезагрузка. М.: Сентябрь, 2016.

Факторы эффективности в совместной деятельности: вклад теории intersубъективности и цифровой этнографии

Фокс-Алехин Ф. (Fauquet-Alekhine Ph.), Лалу С. (Lahlou S.)

*Лаборатория субъективной доказательной этнографии, кафедра психологических и поведенческих наук, Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания
p.fauquet-alekhine@lse.ac.uk, s.lahlou@lse.ac.uk*

Сотрудничество на работе является ключевым компонентом деятельности, особенно в сложных социально-технических системах, таких как промышленные предприятия или больницы [7-9]. Взаимодействие может быть как конкуренцией, так и сотрудничеством. Последнее подразумевает взаимную отзывчивость между сотрудниками и стремление к взаимной поддержке со склонностью к совместной деятельности [8], как это предлагается Теорией деятельности [3; 4; 14]. Ни одно исследование не дает количественной оценки факторов эффективности кооперативной деятельности, даже если совместная работа в нем подробно охарактеризована.

Исследование проводилось на французской атомной электростанции, в рамках Cognitive Task Analysis (СТА, [16]) и с

использованием цифровой этнографии [2; 5; 6]. Были проанализированы 15 ситуаций отдаленной кооперативной деятельности с участием 30 французских сотрудников. Использовался метод отслеживания процессов СТА. В процессе исследования рабочие носили миниатюрную камеру на уровне глаз для записи своей деятельности от первого лица с ее последующим рефлексивным анализом с использованием модели SPEAC [5; 10]. Для обработки данных был проведен множественный линейный регрессионный анализ. Производительность труда оценивалась по классической 5-уровневой шкале (см., например, [15]). На основе обзора литературы и анализа наблюдений за предыдущими рабочими мероприятиями были отобраны 11 наблюдаемых факторов, характеризующих сотрудничество и результативность деятельности.

Результаты [11] показали, что на модель с шестью переменными приходится 96% дисперсии эффективности деятельности ($R^2=0,96$, $F(5,78)=17,55$, $p<10^{-10}$) с нормальным распределением остатков. Было обнаружено, что четыре переменные в значительной степени объясняют производительность труда для отдаленной совместной деятельности. Наиболее влиятельной из них являлась «доля согласованного восприятия перспективы» ($\beta=0,22$; $p<0,05$) с наивысшей корреляцией, связанной с производительностью труда: $r=0,66$ ($p<0,00001$). Этот фактор объяснялся с помощью другого фактора: «разделение одного и того же мысленного представления о грядущей деятельности» ($\beta=0,9$; $p<0,07$), т.е. та же прямая и мета-перспектива, связанная с когерентностью для интересубъективной структуры (см. Теория интересубъективности [12; 13]). Это явление объяснялось при помощи этапа подготовки коллег, создающего общее мысленное представление о предстоящей деятельности. Однако недавние исследования [1] показали, что производительность в совместной деятельности находилась под влиянием холистического или аналитического когнитивного стиля работников. Этот аспект может ограничить обобщение результатов настоящего исследования.

Основной вклад данного исследования заключается в том, что оно ввело понятие «согласованного восприятия перспективы» в парадигму теории интересубъективности и охарактеризовало его как основную переменную, объясняющую производительность в совместной деятельности. Дополнительный вклад заключается в том, что производительность в совместной деятельности начинается на этапе подготовки.

Литература

1. *Апанович В.В., Безденежных Б.Н., Знаков В.В., Самс М., Яаскелайнен И., Александров Ю.И.* Различия мозгового обеспечения индивидуального, кооперативного и конкурентного поведения у субъектов с аналитическим и холистическим когнитивными стилями // Экспериментальная психология, 2016, 9(2), с. 5-22.
2. *Ле Беллу С., Лалу С., Носуленко В., Самойленко Е.* Сохранение и воспроизведение характеристик профессионального жеста // Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта // ред. Носуленко В. М., 2016, с. 382-403.
3. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
4. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
5. *Фоке-Алехин Ф., Лалу С.* Субъективная доказательная этнография и психология // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020, с. 535-538.
6. *Фоке-Алехин Ф., Мартинес П.* Повышение компетенций школьников на основе применения модели «воспринимаемый квадрат действия» (SPEAC) // Социальная психология и общество: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти академика РАО А.В. Петровского (15-16 октября 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019, с. 475-479.
7. *Bardram J.* Designing for the Dynamics of Work Activities Cooperative // Conference on Computer Supported Cooperative Work, (ACA4), 1998, 89-98.
8. *Bratman M.E.* Shared cooperative activity // The philosophical review, 1992, 101(2), 327-341.
9. *Deutsch M.* A theory of cooperation and competition // Human Relations, 1949, 2, 129-152.
10. *Fauquet-Alekhine Ph.* Subjective Ethnographic Protocol for Work Activity Analysis and Occupational Training Improvement // British Journal of Applied Science & Technology. 2016, 12(5):1-16, BJASt.21632.

11. *Fauquet-Alekhine Ph. & Lahlou S.* Performance in collaborative activity: contribution of intersubjectivity theory // *Journal of Psychology & Behavior Research*, 2022, 4(1), 11-41.
12. *Mead G.H.* The mechanism of social consciousness // *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 1912, 9(15), 401-406.
13. *Mead G.H.* The social self // *The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*, 1913, 10(14), 374-380.
14. *Nardi B.* Context and consciousness: Activity theory and human-computer interaction, 1995, Cambridge, MA: MIT.
15. *Rynes, S.L., Gerhart B., & Parks L.* Personnel psychology: Performance evaluation and pay for performance // *Annu. Rev. Psychol.*, 2005, 56. 571-600.
16. *Wei J. & Salvendy G.* The cognitive task analysis methods for job and task design: review and reappraisal // *Behaviour & Information Technology*, 2004, 23(4):273-299.

Гендерные стереотипы и гендерное насилие в межличностных отношениях

Хавыло А.В., Седенкова И.С., Пригожева Н.Е.

КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

khavylo@strider.ru, SedenkovaIS@tksu.ru, nprigozeva@gmail.com

Одним из важных исследовательских направлений работы в области социальной психологии является изучение и исследование особенностей межличностных отношений, которые являются неотъемлемой частью существования человека, затрагивают профессиональную, семейную, социокультурную и иные сферы его жизнедеятельности.

Межличностные отношения представляют собой множество связей, складывающихся между людьми в форме чувств, суждений и обращений друг к другу. В этом процессе принимают участие все анализаторные системы человека (зрение, слух, осязание, обоняние), спектр различных ощущений и базовые психологические функции, такие как восприятие, память, внимание, мышление, воображение, срабатывают эмоциональный и поведенческий компоненты. Посредством целостной работы данных психических процессов и

происходит познание партнера, межличностная коммуникация, совместная деятельность (чаще ролевое поведение), строятся дальнейшие взаимоотношения [5, с. 67-68].

Межличностные отношения достаточно изменчивы и могут перетекать из одной формы в другую, например, из обычного знакомства могут переходить в приятельские, дружеские, товарищеские и интимно-личностные: родственные, любовные, супружеские [1, с. 76-78]. Предметом нашего исследования является такой социокультурный феномен, как гендерное насилие.

Под гендерным насилием мы понимаем основанное на неравноправии намеренное действие/я сексуального, психологического, физического, экономического и иного характера, направленное на причинение ущерба/вреда, выполнение указаний и/или подчинение воли агрессора, посредством применения силы/власти [2; 3, с. 120].

Насилие в межличностных отношениях является актуальной проблемой российского общества, к примеру, по данным Росстата на 2020 г. число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении супруга/и равно 14282 чел., 12 001 из которых – женщины, что позволяет увидеть четкий гендерный перекося [4].

В рамках исследования, проведенного на базе Калужского государственного университета КГУ им. К.Э. Циолковского в 2021 году на выборке 173 женщин в возрасте от 18 до 42 лет мы изучали связь опыта переживания гендерного насилия и гендерных стереотипов в интимно-личностных отношениях.

Исследование проводилось в онлайн-режиме, использовалась авторская анкета, направленная на выявление опыта переживания основных видов гендерного насилия [3, с. 261] и авторская анкета, направленная на выявление наличия традиционного, стереотипного мнения о ролевом поведении мужчины и женщины (гендерных стереотипов).

Анкета была разработана с опорой на зарубежное исследование Martha R. Burt опубликованном в журнале "Личность и социальная психология" [6]. Анкета состоит из 24 выражений, которые характеризуют традиционные, стереотипные половые роли мужчины и женщины. Респонденту предлагается последовательно прочитать данные выражения и выбрать вариант ответа, отражающий его

степень согласия с данным выражением (полностью согласен, согласен, не согласен, полностью не согласен).

Был проведен корреляционный анализ (Коэффициент корреляции R_s Спирмена), по результатам которого была выявлена положительная корреляционная связь опыта переживания основных форм гендерного насилия женщиной и наличия у нее представления о том, что многие женщины любят жить за счет средств партнера ($R_s=0,232$). Положительная корреляционная связь ($p \leq 0,05$) выявлена с согласием женщин со следующими утверждениями: 1) «большинство мужчин много обещают, но, когда дело доходит до выполнения этого обещания, они не могут его выполнить» ($R_s=0,182$); 2) «женщина должна слушаться мужчину» ($R_s=0,152$); 3) «многие женщины получают удовольствие от того, что бросают мужчин» ($R_s=0,176$); 4) «большинство мужчин не могут контролировать свои желания и при любой возможности будут обманывать свою партнершу» ($R_s=0,175$).

Анализ полученных результатов привел нас к выводу, что в выявленных стереотипных взглядах прослеживается мнение о том, что мужчина физически (женщина должна слушаться мужчину) и экономически (женщины любят жить за счет средств партнера) превосходит женщину. Также преобладает мнение о негативных качествах мужчины: склонность к обману, не сдерживание обещаний. Отдельно следует отметить согласие с утверждениями о том, что женщины с удовольствием расстаются с мужчинами. Отсюда следует, что женщина с такими взглядами, обладает негативным мнением о мужчинах и выстраивает с ними потребительские отношения, основанные на собственной материальной выгоде, недоверии и нормальном отношении к прекращению отношений с женщиной.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о наличии связи между опытом переживания гендерного насилия и гендерными стереотипами, что, в свою очередь, позволяет заключить, что если женщина обладает такими стереотипными взглядами, то она попадает в группу риска и в межличностных отношениях может столкнуться с гендерным насилием.

Причины полученных взаимосвязей требуют дальнейшей теоретической проработки и изучения. Проведенное исследование позволяет нам приблизиться к пониманию того, какие психологические факторы могут вмешиваться в построение гармоничных межличностных отношений.

Литература

1. *Сухов А.Н., Гераськина М.Г., Лафуткин А.М., Чечкова А.В.* Социальная психология. М., 2017. 615 с.
2. *Максимов А.А.* Теоретические проблемы определения и соотношения гендерного насилия и гендерной дискриминации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10. Ч. 1. С. 119-121.
3. *Седенкова И.С., Хавыло А.В.* Психологические предпосылки толерантности женщин к проявлениям гендерного насилия в межличностных отношениях // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы X Международной научно-практической конференции (23-24 сентября. Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2021. С. 260–262.)
4. Семья, материнство и детство // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807>. Дата обращения (13.04.2022).
5. *Челдышова Н.Б.* Социальная психология. М., 2009. 173 с.
6. *Burt M.R.* Cultural myths and support for rape // Journal of personality and social psychology. 1980. № 2 (38). С. 217–230.

Особенности копинг-поведения учителей в контексте задач организационной психологии

Хван А.А.

*Гжельский госуниверситет, Россия
andrian-khvan@mail.ru*

Как известно, одна из важных задач организационной психологии – сохранение и развитие личностного потенциала субъекта трудовой деятельности. Данная задача становится все более актуальной для помогающих профессий в связи с развитием организационного стресса и соответствующих негативных последствий. В ранее проведенном исследовании был установлен феномен развития трудового стресса (утомления) педагогов, определены объемы трудовой нагрузки, уровни развития утомления, показаны негативные последствия хронизации высоких нагрузок для здоровья учителей [2]. С целью изучения механизма и способов преодоления стресса нами

были обследованы две группы учителей (60 человек) и педагогов дополнительного образования (60 человек). Установлено, что у педагогов дополнительного образования по всем параметрам утомления результаты статистически достоверно ниже. Логично предположить, что две указанные группы педагогов различаются условиями трудовой нагрузки и способами ее преодоления.

Для определения способов преодоления стресса использовали «Опросник стратегий совладающего поведения» в модификации Л.И. Вассермана и соавторов [1]. Установлено, что в обеих группах отсутствует доминирующая копинг-стратегия (показатель выше 60-ти Т-баллов). В группе педагогов дополнительного образования показатели всех используемых стратегий находятся в среднем диапазоне значений (40-60 Т-баллов), при этом четыре показателя выше 50-ти Т-баллов и четыре показателя в диапазоне 40-50 Т-баллов. В группе учителей только один показатель выше 50-ти баллов, шесть показателей чуть выше 40 Т-баллов и один показатель составил 31,7 Т-баллов. Иначе говоря, учителя просто намного реже вообще используют копинг-стратегии.

Ведущую тройку используемых копинг-стратегий у педагогов дополнительного образования составили: Положительная переоценка (54,16), Планирование (53,9), Поиск социальной поддержки (51,8 Т-баллов). Выявлено вполне рациональное гармоничное сочетание стратегий. Педагоги пытаются преодолеть негативные переживания за счет положительного переосмысления проблемы, рассмотрения ее как стимула для личностного роста. Также используют целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов (стратегия «Планирование») и эмоционально-отвлекающие способы поведения в виде понимания, сочувствия, помощи, советов, переключая внимание с нерешенных проблем на доверительное, дружеское общение с друзьями, родными (стратегия «Поиск социальных контактов»). Фактически педагоги пытаются преодолеть стресс через рациональную работу с ним.

Учителя школ демонстрируют совершенно другой набор стратегий поведения в стрессе: Бегство (54,2), Принятие ответственности (45,2) и Дистанцирование (45,1 Т-балла). Доминирующая стратегия (Бегство) характерна своей пассивностью, стремлением уйти от конфликта, действий по разрешению возникших трудностей, для такой стратегии типичны регулярные вспышки раздражения, погружение во внутренние мысли, фантазии. Подобное поведение

трудно назвать рациональным и конструктивным. Вторая и третья стратегии используются практически одинаково. И если принятие ответственности предполагает признание субъектом своей роли в возникновении и решении проблемы (в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения), то преодоление негативных переживаний в связи с проблемой происходит за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в ситуацию, через использование интеллектуальных приемов рационализации, переключения внимания, отстранения, юмора (Дистанцирование). Другими словами, наиболее популярными для учителей являются стратегии преодоления стресса как внутреннего ухода от него.

Далее мы провели анализ комплекса копинг-стратегий, используемых конкретной группой педагогов. Использовали аппарат парных корреляций по К. Пирсону с последующим выделением соответствующих корреляционных плеяд. Выделенные структуры копинг-стратегий учителей общеобразовательных школ и педагогов дополнительного образования значительно, количественно и качественно, отличаются между собой. У педагогов дополнительного образования выделена жесткая, многократно связанная между структурными компонентами система копинг-стратегий, включающая все восемь регистрируемых копинг-стратегий. Центральную, системообразующую роль играет показатель «Положительная переоценка», имеющий взаимосвязи со всеми остальными показателями. В группе учителей общеобразовательных школ выделены три изолированных диады, включающие только шесть копинг-стратегий из восьми. Это обстоятельство – несовершенство используемых систем копинг-стратегий – во многом объясняет различия в уровне формирования утомления (проявлениях стресса) педагогов дополнительного образования и учителей общеобразовательных школ.

Литература

1. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями: Пособие для врачей и медицинских психологов / Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р. и др. СПб, 2009.
2. *Хван А.А.* Психологическое обеспечение инноваций в образовании. Теория и практика. Казань, 2017.

Особенности социально-коммуникативной сферы подростков

*Храмишина, К.Е., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
khramshinake@gmail.com, tatisheva@yandex.ru*

В современном постиндустриальном обществе большое значение имеют развитые социальные компетенции, понимаемые как «интегративное личностное образование, включающее знания, умения, навыки и способности, формирующиеся в процессе социализации и позволяющие воспитанникам оптимально не только адаптироваться, а и интегрироваться в обществе, эффективно взаимодействовать с социальным окружением, результативно разрешать проблемы в социальной среде» [1; 2]. Социальные компетенции есть показатель социализации личности, поэтому развитие данного вида компетенций является необходимостью для эффективного формирования личности в целом.

На изменения и существующие противоречия современного общества наиболее чутко откликаются подростки. В современном социуме они испытывают различные информационные и эмоциональные перегрузки, вынуждены выбирать между многочисленными способами реагирования на окружающую действительность, поэтому решение традиционных задач взросления и инициации протекает в трудных для них условиях. Именно поэтому данная возрастная группа нуждается в определенной помощи и поддержке [3].

Вопросы развития социальных компетенций проанализированы во множестве работ зарубежных и отечественных авторов, в частности, в работах М. Аргайла, Э.Ф. Зеера, Ю.В. Копытовой, О.Г. Кошевой, О.Г. Красношлыковой, Л.А. Петровской, Ю.А. Попова, П. Орпинас, Д. Равена, Е.В. Сабельниковой, О.В. Савиной, Р. Селман, А.М. Хорна и др. Однако, на данный момент наблюдается недостаточность исследований, связанных с нарушениями в развитии социальных компетенций подростков, нуждающихся в актуализации психологических механизмов поведения в обществе, социальных норм, культурных ценностей.

Методы исследования:

1. Измерение коммуникативной и социальной компетентности КОСКОМ (В.Н. Куницына).
2. Диагностика коммуникативной социальной компетентности (Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов).

В исследовании принимало участие 84 человека, мужского пола, обучающиеся колледжа «Архитектура, Дизайн и Реинженеринг №26», города Москвы в возрасте 15-17 лет.

В результате исследования социально-коммуникативной компетентности по методике «Коском» нами были выявлены следующие группы: высокий уровень выявлен у 38% подростков; низкий уровень выявлен у 10% подростков; большинство обучающихся имеют средний уровень развития социально-коммуникативных компетенций.

Распределение уровня развития отдельных компетенций представлено следующим образом:

1. У 36% подростков выражены проблемы с собственной «уверенностью», 35% испытывают проблемы, связанные с нарушением «эмоциональной стабильности», по 30% подростков затрудняются «в понимании ситуаций» взаимодействия и общения, испытывают затруднения в сфере коммуникации в целом. 29% подростков не считают себя социально-компетентными.

2. При этом 26% подростков характеризуются высоким уровнем эмоциональной стабильности, 25% подростков имеют высокий уровень самопрезентации.

3. Большинство подростков имеют средний уровень выраженности переменных социально-коммуникативной компетентности, что говорит о том, что подростки обладают достаточным уровнем социально-коммуникативной компетентности.

В результате исследования коммуникативно-социальной компетенции по методике Н.П. Фетискина, Н.П. Козлова и Г.М. Майнулова было выявлено, что:

1. У большинства подростков преобладает средний уровень развития личностных качеств коммуникативно-социальной компетенции, что говорит о равновесии между общительностью и замкнутостью, жизнерадостностью и трезвостью взгляда на жизнь, эмоциональной устойчивостью и неустойчивостью, логическим мышлением и невнимательностью и т.д.

2. Низкие и высокие уровни развития личностных качеств социально-коммуникативной компетентности практически незначительны.

Однако, если проводить анализ более углубленно, то возможно выделить следующее:

- 24% подростков способны к асоциально обусловленному поведению;

- 20,2% подростков молчаливы и более серьезны по сравнению с другими;
- 14,2% излишне рациональны в своих отношениях с другими людьми.

Таким образом, полученные нами результаты свидетельствуют о достаточной развитости социальных компетенций, однако, отдельные компетенции нуждаются в развитии и совершенствовании. Некоторые подростки недостаточно владеют умениями правильно оценивать ситуации взаимодействия, не понимают необходимость следовать правилам культурного общения, недостаточно владеют умением выбирать эффективные средства общения, сохранять психическое равновесие, эмоциональную стабильность, быть уверенным, владеть средствами вербального и невербального общения.

Литература

1. *Келасьев В.Н.* Социальная компетентность: уровни, структура, стратегии формирования: монография / В.Н. Келасьев, И.Л. Первова. СПб.: Астерион, 2019. 122 с.
2. *Красношлыкова О.Г.* Понятие «социальная компетенция» как научная категория / О.Г. Красношлыкова, О.Г. Кошечкина // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 3 (35). С. 20-26.
3. *Савина О.О.* Проявление социальной компетентности подростков при решении практических социальных задач / О.О. Савина, О.М. Смирнова // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 241-246.

Взаимосвязь уровня социально-психологической адаптации и конфликтности у студентов-первокурсников

Цветкова А.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
av_tsvetkova_139@mail.ru, sachkova@list.ru*

Социальная адаптация студентов является совокупностью процессов приспособления и принятия сложившихся форм

социального взаимодействия в учебной группе. Являясь одновременно и процессом, и результатом, социальная адаптация предполагает изменение и формирование соответствующих норм и ценностей новой социальной среды личностных особенностей студентов, а также обуславливает культуру их межличностных отношений.

Основываясь на исследовании Н.Г. Живаева и А.А. Смирнова, можно сделать вывод, что основными причинами эмоционального стресса и повышенного напряжения у студента являются условия учебной деятельности, заключающиеся в прилагаемых усилиях для достижения поставленных целей первокурсника и преодолении трудных ситуаций индивидуальной и групповой деятельности обучающихся [2]. Выступая как часть особой социальной группы, студент характеризуется систематическим накоплением и усвоением научных знаний, изучением социальной роли окружающих его групп и индивидуумов и определением своей собственной позиции в окружающем социуме. Поступая в высшее учебное заведение, личность одновременно попадает в новые, отличающиеся от школы и колледжа условия обучения, а также принимает новую социальную роль – будущего профессионала, специалиста. Таким образом, параллельно происходят оба процесса: процесс собственного самоопределения и адаптация в учебной группе. Противоречия между становлением потенциального специалиста, члена профессионального общества и адаптацией в студенческой группе приводят к внутри- и межличностным конфликтам, обусловленным большой энерго- и ресурсозатратностью в первые месяцы обучения, что, в свою очередь, влияет на психологическое благополучие учащихся.

Уровень конфликтности студентов является немаловажным фактором в оценке социально-психологической адаптации. Конфликт – ситуация противоречия позиций сторон в каком-либо вопросе, проявляющихся в неудовлетворенности определенными условиями или выражении накопившихся отрицательных эмоций. Конфликтное взаимодействие является как способом достижения конкретного, желаемого результата, так и самоцелью – в случае освобождения от эмоционального напряжения [3]. Внутриличностный и межличностный конфликты тесно связаны между собой и могут переходить с одного уровня на другой, например, противоречия во взаимодействии могут привести к внутреннему конфликту мотивов и выбора, а конфликт чувств и ценностей оказывает влияние на межличностное взаимодействие и особенности поведения. Изучение различных видов конфликта показывает, что конфликт является не

только негативным, вызывающем угрозу явлением, но и в определенных условиях необходимым и полезным для развития внутригрупповых отношений [1].

Целью настоящего исследования является выявление взаимосвязи уровня социально-психологической адаптации и конфликтности у студентов-первокурсников. В качестве респондентов в исследовании приняли участие студенты I курса обучения в возрасте 17-20 лет. Для выявления степени социально-психологической адаптации был использован опросник СПА (методика Роджерса-Даймонд) и метод социометрии как показатель адаптации студента к группе. Если первая методика направлена на определение степени адаптированности в социуме в целом, то социометрия фиксирует благополучие положения среди одноклассников через определение эмоциональной привлекательности членов группы. Анализ конфликтности и склонности к конфликтному поведению и агрессивности был проведен с помощью теста В.Ф. Ряховского «Самооценка конфликтности» и методики Е.П. Ильина и П.А. Ковалева «Личностная агрессивность и конфликтность» соответственно.

В результате проведенного комплекса методик было выявлено, что около 90% первокурсников не склонны к выражению конфликтного поведения, взаимоотношения с одноклассниками для них являются достаточно значимыми. При этом более 65% из этих первокурсников при необходимости готовы решительно отстаивать свои интересы и свое представление о проблеме. Наиболее выраженным у студентов оказался показатель склонности к бескомпромиссности, вместе с этим были обнаружены низкие значения по шкале напористости. В ходе социометрического опроса было установлено, что более 70% обучающихся получили взаимные положительные выборы, а число изолированных и отвергаемых членов групп не превысило 25%. Уровень адаптированности также, соответственно, выше у предпочитаемых и «звезд» и ниже у отвергаемых членов группы. Рассматривая показатели способов выражения конфликтного поведения и степени адаптации, у студентов с высоким уровнем дезадаптированности помимо общей склонности к бескомпромиссности имеется и выраженный повышенный показатель шкалы вспыльчивости, который также прослеживается и у представителей среднего социометрического статуса, составляющих 50% от всех обучающихся.

Социально-психологическая адаптация первокурсника – это важный этап в формировании будущей личности специалиста

современного общества. Особенности психологических изменений индивидуума и его социальной адаптации в малой группе в совокупности определяют уровень его успешности в учебной деятельности и личностном развитии. Задачей психологов и педагогов, работающих с первокурсниками, является создание условий для успешной самореализации студентов и их приобщения к будущей профессии.

Литература

1. *Емельянов С.М.* Конфликтология. М., 2018.
2. *Смирнов А.А., Живаев Н.Г.* Психология вузовской адаптации. Ярославль, 2009.
3. *Сперанский В.И.* Управление и самоменеджмент в конфликтных ситуациях. М., 2014.

Феноменология переживания неопределенности у эмигрантов из России: опыт исследования случая

Чернецова М.И., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ

masherig@yandex.ru, tkachenkonv@mgppu.ru

С одной стороны, с переживанием неопределенности мы сталкиваемся все чаще, где нестабильность мира, например, во время пандемии, войны приводит к настоящим вызовам. С другой стороны, в обществе остро стоит вопрос миграции в целом и эмиграции, в частности. Как следствие, есть потребность в поддержке в проживании периода адаптации у эмигрантов.

Новизна культуры не позволяет человеку предсказать поведение и реакции партнера по общению в той мере, к какой он привык в родной стране [2]. Берри [1] выявил стратегии адаптации в новой культуре в теории аккультурации. Гудиканст [2] создал теорию управления неопределенностью. При этом недостаточно описана феноменология переживания неопределенности, в частности, эмигрантами из России. Таким образом, цель исследования – изучить и описать феноменологию переживания неопределенности эмигрантами из России, продолжая и развивая исследование на эту тему [3]. В исследования принимала участие респондентка из Германии, которая

переживала ситуацию культурная адаптации. В теоретическую основу гайда интервью была положена модель неопределенности Гудиканста [4].

Таким образом, исследовательский вопрос работы: каким образом эмигранты из России переживают неопределенность при взаимодействии с людьми другой культуры?

В работе мы опирались на метод глубинного полуструктурированного интервью и проводили его анализ с опорой на феноменологическую стратегию по Смиту [5].

Нами были выделены коды, которые были объединены в 4 категории: «Барьеры коммуникации», «Правила общения», «Осознанность» и «Совпадение личных ценностей с новой культурой».

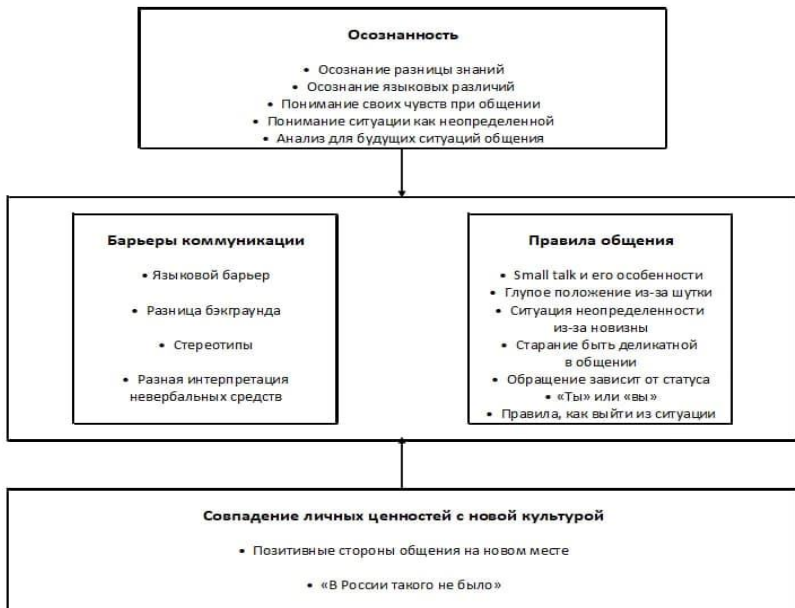

Рис. 1. Влияние факторов осознанности и совпадения ценностей культуры на переживание ситуаций неопределенности.

В процессе анализа мы выявили, что совпадение личных ценностей с ценностями культуры и осознанность влияют на переживание неопределенности. Осознание культурных и языковых различий

респонденткой, понимание своих чувств при общении, способность встать на позицию другого, при этом уважая свои особенности; понимание ситуации как новой для себя и неопределенной – все это снижает переживание неопределенности в новой ситуации и позволяет оставаться в контакте с людьми, несмотря на различия, не разрывать отношений. Отношения очень важны для успешной адаптации, поэтому фактор осознанности в коммуникации положительно влияет не только на уменьшение уровня неопределенности и тревоги, но и на скорость и легкость интеграции мигранта в новой культуре.

Ограничение нашего пилотажного исследования в том, что в исследовании участвовал один респондент. Для расширения материала по этой теме, насыщения связей между категориями, нужно расширить выборку и провести исследование на примере нескольких стран.

Литература

1. *Берри Д.Б., Пуртинга А.Х., Сигал М.Х., Дасен П.С.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Изд-во «Гуманитарный центр». Харьков, 2007.
2. *Ткаченко Н.В., Хухлаев О.Е.* Интегративная модель межкультурного взаимодействия: опыт качественного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 000–000. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-3>
3. *Ткаченко Н.В., Хухлаев О.Е.* Осознанность в межкультурной коммуникации: опыт качественного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 1. С. 110–127. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-1-110-127>
4. *Gudykunst W.B., & Nishida T.* (2001). Anxiety, uncertainty, and perceived effectiveness of communication across relationships and cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 25(1), 55–71. doi:10.1016/s0147-1767(00)00042-0
5. *Smith J.A., & Osborn M.* (2003). Interpretative phenomenological analysis. In J. A. Smith (Ed.), *Qualitative psychology: A practical guide to research methods* (p. 51–80). Sage Publications, Inc.

Сравнительный анализ социально-психологических факторов профессиональной деятельности работников разных возрастных групп

*Шарапов Н.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sharapov_na@mail.ru, allavan@yandex.ru*

Существующие социальные тенденции, когда пандемия перевела большую часть сотрудников в дистанционные условия деятельности, создали ряд особенностей, связанных с разделением работы и личной жизни. Наше исследование имеет ценность именно во времена новых условий работы, где каждая возрастная группа по-своему адаптируется к дистанционной работе, и нам представляется актуальным исследовать, насколько новые условия работы могут сказываться на оценке качества своей жизни, мотивации к работе и планировании профессиональной карьеры.

Характеризуя понятие «субъективное качество жизни», отметим, что оно подразумевает самостоятельное определение человеком критериев качества и является результатом собственных психических усилий человека. Удовлетворенность или неудовлетворенность в одной из сфер, может негативно сказаться и на общей удовлетворенности жизнью [1; 7]. Мотивация трудовой деятельности является комплексным понятием. Для успешной деятельности организации сотрудники должны получать не только экономические блага, техническое оснащение, комфортное рабочее пространство, но и защиту, возможность развития, признание, хорошие отношения с коллегами [2; 5]. Карьерные ориентации отражают ценности карьеры и способ достижения успеха при ее построении, это система оценки личностью этих способов и регулятор поведения личности в социальных условиях [3; 4; 6].

Целью нашего исследования является выявление специфики социально-психологических факторов профессиональной деятельности и уровня удовлетворенности качеством жизни у работников различных возрастных групп.

Мы предположили, что существуют различия в мотивации профессиональной деятельности и карьерных ориентациях, уровне удовлетворенности качеством жизни у работников различных

возрастных групп, а также выдвинули предположение, что существует взаимосвязь мотивации профессиональной деятельности и карьерных ориентаций работников с уровнем удовлетворенности качеством жизни.

В исследовании использовался ряд методик, которые помогли выявить факторы профессиональной деятельности работников: опросник для оценки качества жизни (Н.Е. Водопьянова), тест «Мотивационные факторы» (Ф. Герцберг), методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн).

Выборка исследования представлена сотрудниками различных организаций, среди которых были работающие студенты, сотрудники вузов и HR-агентств. Общее количество участников исследования 78 человек, из них: сотрудники «младшей» возрастной группы от 21 до 30 лет – 41 чел.; сотрудники «старшей» возрастной группы от 31 до 42 лет – 37 чел.

Результаты исследования удовлетворенности субъективным качеством жизни работников показали, что старшая группа работников оценивает свою удовлетворенность выше, чем младшая группа.

Результаты исследования мотивационных факторов профессиональной деятельности работников показали, что половина мотивационных факторов имеет высокий уровень выраженности в обеих группах. Среди данных факторов оказались: финансы, карьера, успех. В младшей группе отмечена наименьшая выраженность у факторов: ответственность работы, сотрудничество коллектива. В старшей группе меньше всего баллов набрали показатели: статус, сотрудничество коллектива.

Результаты исследования карьерных ориентаций показали, что карьерные ориентации выражены сильнее у сотрудников младшей группы. Им важны: автономия, служение, интеграция стилей жизни. Такие же результаты показаны и в старшей группе, однако, их в меньшей степени интересует предпринимательство.

Корреляционный анализ предоставил нам следующие результаты в младшей группе: чем выше оценка удовлетворенности работой, общением, поддержкой близких, тем слабее мотивирует фактор содержания работы; чем важнее такая карьерная ориентация, как служение, тем выше оценка работы и здоровья; чем важнее менеджмент, тем выше оценка значимости самоконтроля; чем важнее профессионализм, тем ниже оценка негативных переживаний, важнее

сотрудничество в коллективе, но меньше важность отношений с руководством; чем важнее стабильность, тем важнее отношения с руководством и карьера; чем важнее предпринимательство, тем важнее карьера и менее важно содержание работы. Такая карьерная ориентация, как вызов, обнаружила множественную взаимосвязь, а именно с оценкой работы, личных достижений, общения, поддержки близких, оптимистичности, самоконтроля, негативных переживаний, общего уровня качества жизни, ответственностью работы.

В старшей возрастной группе работников корреляционный анализ позволил нам сделать следующие выводы: чем важнее финансы, тем ниже оценка удовлетворенности работой, личными достижениями, поддержкой близких, общим уровнем качества жизни и чаще испытываются негативные переживания; чем выше оценка удовлетворенности общением, тем важнее отношения с руководством, сотрудничество, но менее важен статус, содержание работы; чем важнее ответственность работы, тем выше оценка удовлетворенности негативными переживаниями; чем важнее отношения с руководством, тем выше оценка удовлетворенности работой; чем выше оценка удовлетворенности поддержкой близких, тем важнее служение и предпринимательство; чем выше оценка удовлетворенности здоровьем, тем важнее профессионализм; чем выше оценка удовлетворенности общим качеством жизни, тем важнее предпринимательство; чем важнее профессионализм, тем менее важна карьера; чем важнее финансы, тем менее важен менеджмент, служение; чем важнее статус, тем важнее служение; чем важнее стабильность, тем менее важна ответственность работы и успех; чем важнее содержание работы, тем важнее автономия и интеграция стилей жизни.

Сравнительный анализ показал, что по шкалам «негативные переживания», «статус», «ответственность работы» выявлены значимые различия. Работники старшей возрастной группы значимо реже испытывают негативные переживания, чем работники младшей возрастной группы, для них важнее ответственная работа, в то время как статус важнее для младшей возрастной группы.

Таким образом, результаты исследования подтвердили наши гипотезы о существовании значимых различий в социально-психологических факторах профессиональной деятельности у работников разных возрастных групп, что с необходимостью следует учитывать в практике менеджмента.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е.* Оценка удовлетворенности качеством жизни / Практикум по психологии здоровья / под ред. Г.С. Никифорова СПб.: «Питер», 2005. С. 148-155.
2. *Кузнецова Т.В., Ярушева С.А.* Мотивационный тест Ф. Герцберга – история и значение // Общество, экономика, управление. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnyy-test-f-gertsberga-istoriya-i-znachenie> (дата обращения: 05.03.2022).
3. *Мучински П.* Психология, профессия, карьера. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2004. 539 с.
4. *Погодина А.В.* К вопросу о готовности к предпринимательской деятельности современного студенчества: региональные исследования / В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. 2018. С. 108-110.
5. *Почебут Л.Г.* Организационная социальная психология: учебное пособие для академического бакалавриата / Л. Г. Почебут, В. А. Чикер. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 297 с.
6. *Шарапов Н.А., Погодина А.В.* Карьерные и ценностные ориентации современных студентов психологических специальностей / В сборнике: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. 2019. С. 251-254.
7. *Юдина Н.А.* Психологические подходы к изучению субъективного качества жизни // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. No 2 (162). С. 104-110.

Осознание субъективной ценности самореализации в случае нарушенного развития

Шипова Н.С.

*ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
ronia_777@mail.ru*

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6263.2021.2.

Современный мир декларирует необходимость активного существования, раскрытия собственного потенциала в различных областях жизни [1]. Однако можно прогнозировать, что эта ситуация приводит к большому количеству негативных эмоциональных переживаний лиц с нарушенным развитием, ввиду объективно существующих сложностей и ограничений жизнедеятельности. Опираясь на мнение А. Адлера, М. Русу считает, что чувство собственной неполноценности может быть источником индивидуальной реализации, индивидуального прогресса, источником эволюции, развития, провоцировать стремление к компенсации [5: с. 1098]. При этом М. Русу отмечает, что к низкому уровню уверенности в себе, отсутствию веры в себя приводят повышенная чувствительность, наличие психических травм и неудач, связанных с неприятием окружающими людьми [4, с. 33]. Лица, имеющие нарушения в состоянии здоровья, склонны винить в затруднениях собственной самореализации окружающих людей, а личностно-значимые ценности и эгоцентрические мотивы расценивать как основные мотиваторы самореализации [2, с. 275]. Существуют данные о преимущественной (85%) детерминации поведения лиц с нарушениями здоровья собственно субъектом [2, с. 112]. Нами предпринято исследование с целью определить доминирующую мотивацию самореализации лиц с типичным и нарушенным развитием. Выборка включает 409 респондентов от 14 до 70 лет. В выборке 140 мужчин (34%), 269 женщин (66%). Она состоит из двух подгрупп:

- лица с типичным развитием: 232 человека ($M=26,34$; $SD=13,47$);
- лица с атипичным развитием: 177 человек ($M=28,89$; $SD=18,16$).

Из них 15 человек имеют нарушения зрения, 9 – нарушения слуха, 27

– нарушения опорно-двигательного аппарата (НОДА), 81 – нарушения интеллекта, 45 – соматические заболевания.

Здесь мы представим данные авторского интервью, поскольку полученные таким образом результаты в большей степени отвечают задаче настоящей статьи. Обработка результатов производилась методом контент-анализа: мы объединили ответы в две группы: необходимость для самого субъекта или для его окружения.

Выявилось, что у лиц с атипичным развитием преобладает эгоцентрическая мотивация самореализации (62,5% лиц с нарушением слуха, 64% лиц с нарушением зрения, 56% лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата, 40% лиц с соматическими заболеваниями и 48% лиц с нарушением интеллекта); в противоположность этому о необходимости собственной самореализации для других заявили 37,5% лиц с нарушенным слухом, 18% – зрением, 12,5% – опорно-двигательного аппарата, 15% лиц с соматическими проблемами и 2% лиц с нарушением интеллекта.

Интересно соотнесение полученных результатов с данными других исследователей в плане осознания необходимости самореализации. В исследовании К.Д. Филатовой, Е.А. Махова было показано, что у лиц с атипичным развитием выявлена недостаточная сформированность целей самореализации (42%), отсутствие осознания приводящих к цели задач самореализации (52%) [2, с. 112]. При этом авторы отметили оптимизм и веру в успех и себя, характерные для лиц с нарушениями здоровья, в 75% случаев. А.М. Щербаковой, А.А. Забавской отмечен низкий уровень стремления к освоению новых навыков и в целом реализации себя в деятельности [3, с. 10]. В нашем же исследовании только 8% лиц с нарушением интеллекта, 12,5% лиц с нарушением слуха, 18% лиц с нарушением зрения, 35% лиц с соматическими заболеваниями говорили об отсутствии необходимости самореализации. Таким образом, полученные нами результаты свидетельствует о хорошей мотивированности лиц с нарушенным развитием в плане реализации собственного потенциала. Мы склонны объяснять эти результаты так же, как А. Адлер и М. Русу [5, с. 1098], стремлением к компенсации имеющегося дефекта вследствие чувства собственной неполноценности.

Вывод: у лиц с нарушенным здоровьем преобладает эгоцентрическая мотивация самореализации, при этом подавляющее большинство респондентов заявляют о необходимости собственной самореализации.

Литература

1. *Кудинов С.И., Кудинов С.С.* Психологические особенности самореализации личности с ограниченными физическими возможностями // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-samorealizatsii-lichnosti-s-ogranichennymi-fizicheskimi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 2022-02-10).
2. *Филатова К.Д., Махов Е.А.* Творчество как способ самореализации людей с ограниченными возможностями здоровья. Томск: ТУСУР.
3. *Щербакова А.М., Забавская А.А.* Субъективная оценка качества жизни молодыми инвалидами с ментальной недостаточностью // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2014. № 4.
4. *Rusu M.* Psychological Optimization for Adolescents with Physical Motor Deficiency—A Model of Intervention// Psychology. 2020. No. 11. 30-48 pp. DOI: <https://doi.org/10.4236/psych.2020.111003>
5. *Rusu M.* The Process of Self-Realization—From the Humanist Psychology Perspective// Psychology. 2019. No. 10. 1095-1115 pp. DOI: <https://doi.org/10.4236/psych.2019.108071>

Человек в сетевой круговерти: позитивное и девиативное

Шнейдер Л.Б.

*ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
lshnejder@yandex.ru*

При погружении индивида в киберпространство обнаруживается масштабная и пестрая палитра изменений в области социальной перцепции, самоотношения, обмена информацией, конструирования идентичности, когнитивных процессов и пр. Наряду с позитивным потенциалом, сетевое пространство полно хаоса и сумасбродства. Задача каждого грамотного пользователя – не позволить себе слететь в эту бездну, занимаясь самонастраиванием и овладевая информационной культурой.

В настоящее время цифровая экспансия идет по всем областям жизнеустройства человека, на новый лад стремительным образом перестраиваются его модели коммуникации и поведения, изменяется пространственная картина общения и деятельности, сетевая активность уже определяет образ жизни, структурирует время и идеологический настрой [2; 6; 8].

Легче всего влияние интернета и «его манящий зов» обнаруживается у подростков и юношей (поколение Z), изначально существующих в информационно-насыщенной среде, «нашпигованной» разнообразными киберустройствами [8].

Целый ряд технологических достижений не оставлен без внимания представителями и других возрастных групп [4]. С увеличением сетевой активности происходит расширение их кругозора, формируется поисково-информационная беглость, повышается цифровая компетентность, возникают и расширяются онлайн-отношения. Однако этот виртуальный мир не так прост, как хотелось бы, так как с помощью информационно-цифровых технологий легко «можно фабриковать знание о реальности, а тем самым до известной степени и саму реальность» [3, с.21].

В основе поведенческих проявлений в киберпространстве лежит анонимное самопредъявление, соседствующее с девятивыми актами, рейтинговым пристрастием, погоней за фолловерами, искаженной коммуникацией и пр., в результате чего возникает ощущение полной свободы и персональной неуязвимости [7].

Эго-центрация торжествует во всех ипостасях виртуального житнетворчества, что привело к представлениям о новом типе аддиктивного поведения – онтологической зависимости от себя, воплощающей чистый нарциссизм: человек постоянно занят селфи-продукцией, не отражающей его реальной сущности, но эффективно отключающей от текущего момента, погружающей в созданный под себя, искусственный мир [5]. При погружении в интернет-пространство взрослеющие люди противостоять незаметному, но массивному информационному воздействию не могут, что порождает множество проблем с их ментальным здоровьем.

Навыки, относящиеся к когнитивной области обработки информации, образуют иерархию от «низкого уровня» до «высокого уровня» [1]. Их конструирование наиболее сложно идет у подростков, для которых сетевая информация (про суициды, насилие, фашистскую идеологию, тюремную атрибутику и пр.) – это некая продолжающаяся игра. Юные пользователи легко заменяют офлайн-среду на

онлайновую, быстро набираясь в ней категоричности, «квазиинформированности», агрессивности, жестокости и пр., и с этим «багажом» возвращаются в реальный мир [7].

В киберпространстве у развивающейся личности складываются две фундаментальные позиции, в которых аккумулируется совокупность ее "встреч" с цифровым сообществом – субъективное отношение к миру и субъективное отношение к самой себе. При этом субъективное отношение к миру становится исходным уровнем мировоззрения личности. Выступая как "мироощущение" и "миродействие", это смысловое образование обладает мощными мотивационно-императивными ресурсами, обобщаясь в стремлении усовершенствовать общество или позиции замыкания в своем внутреннем мире [1].

Другая психологическая инстанция, опосредующая информационное влияние на личность – субъективное отношение человека к себе. На фоне массовой культуры регулятором повседневной жизни молодежи становится упоение успехом, желание «соблазнить чужую свободу» (Сартр Ж.-П.), бежать за интернет-вожаком, пытаясь и себя показать. В этой сумятице вызревает отношение подростков к себе, не всегда несущее признаки разумности. Происходит то, что идентичность как чувство целостности, адекватности и стабильного владения собственным «Я» размывается [8].

Компьютер делает пользователя в какой-то мере Богом, наделяя его возможностью отключать окружающую реальность и молниеносно попадать в иной мир. Это ощущение способности нажатием пальца вызвать к жизни инобытие – восхитительно, захватывающе, неповторимо по глубине. Поэтому Интернет привлекает уже самим фактом своего существования толпы пользователей, манипуляции с сознанием которых легко осуществимы. Сетевая поглощенность нивелирует идентификационные процессы, усиливает потоки я-репрезентаций нарциссического и невротического толка [5].

Чтобы уберечь психику, сохранить себя как личность, а общество как целостную структуру, нужно быть критичным в противостоянии медиа- и информационной скверне, лжи и пр., следовательно, уметь определять надежность и достоверность информационных потоков – задача активного, грамотного и осторожного пользователя, независимо от возраста.

«Решение данной задачи волнует всех мыслящих людей» [4, с.12], мировое научное сообщество уже сконцентрировалось на этой проблеме, его тревожит обстановка с ускоряющимся в цифровом контексте развитием человека и запаздывающим становлением его личностной зрелости.

В мире информационной культуры распространение и совершенствование навыков информационной грамотности становится делом и государственной важности, и личной выгоды, и персональной защищенности. С учетом этого навыки информационной грамотности должны распространяться, применяться и усваиваться всеми потребителями цифровой продукции [6].

Таким образом, сетевое пространство пронизано потоками информации, многократно расширяющими область знаний, изменяющими скорость их приобретения, усложняющими и смешивающими восприятие реальной и виртуальной действительности. В связи с чем столь велика потребность быть информационно грамотным субъектом, изучать процессы цифровизации, ее сильные и слабые стороны, обсуждать функционирование человека в виртуальном мире с позиций кибербезопасности, раскрывать способы манипулирования сознанием, приводящие к интеллектуальному и нравственному оглушению личности.

Литература

1. *Анцыферова Л.И.* Психологическая опосредованность социальных воздействий на личность, ее развитие и формирование//Психологические исследования социального развития личности. М., Институт психологии, 1991. 231 с.
2. *Войскунский А.Е.* Направления киберпсихологических исследований // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Сборник тезисов по итогам международной научной конференции / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М., 2018. С.7-12.
3. *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 21.
4. Медиа- и информационная грамотность в обществах знания / Сост. Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова. М.: МЦБС, 2013. 384 с.

5. *Почепцов Г.Г.* Мы все попали в информационное «стадо» <https://psyfactor.org/lib/information-crowd.htm>. (Дата обращения: 21.01.2022)
6. Психологическая экспертиза: современность и тенденции развития: монография / О.А. Белобрыкина, В.Л. Дресвянников, Л.Б.Шнейдер, И.Е.Валитова, К.Л.Лидин, Г.А.Вартанян / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, В.Л. Дресвянникова. Новосибирск: «Немо Пресс», 2016. 180 с.
7. *Шнейдер Л.Б.* Цифровые аддикты: формирование новых зависимостей и изменение личности молодого человека // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. Выпуск № 1 (42). 2016. С. 72-80.
8. *Шнейдер Л.Б.* От «кликерного» к клиповому и чиповому мышлению//Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М., 2019. С. 164-171.

Удовлетворенность браком и тип привязанности у женщин в разных видах брака

*Щит Е.А., Красило Т.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
J.shchit@icloud.com, t-krassilo@rambler.ru*

В XXI веке институт брака претерпевает существенные изменения. Молодые люди зачастую проявляют отсутствие готовности к семье и заключению брака, что приводит либо к поздним бракам, либо к широкой распространенности разных видов брака, альтернативных официально регистрируемой форме брачных отношений.

Можно наблюдать, что все более популярным видом брака становится незарегистрированный брак (неформальный брак или сожительство). Для данной формы брака, несмотря на отсутствие официального оформления отношений в органах ЗАГС, свойственно наличие всех характеристик брачно-семейной жизни, таких как совместные быт и материальные расходы, общие цели, эмоциональная и коммуникативная поддержка и др. Причины растущей популярности незарегистрированного брака, его своеобразия и отличие по

526

внутренним параметрам от зарегистрированного вида брака – все эти и многие другие вопросы вызывают большой интерес в области изучения современных семейных отношений.

Дж. Боулби считал, что привязанность влияет на все этапы жизни человека и является эмоциональной основой для построения социальных взаимодействий до самой старости [1]. В соответствии с этим можно предположить, что тип привязанности играет важную роль в выборе вида брака, ведь за каждым типом привязанности стоят свои специфические паттерны поведения, свои потребности в близости, заботе, чуткости и внимании, которые требуют своего особого способа реализации.

В психологии выделяют 4 типа привязанности у взрослых людей:

- надежный,
- тревожно-озабоченный,
- избегающе-отвергающий,
- избегающе-опасающийся [2].

Удовлетворенность браком – это показатель, отражающий субъективное отношение человека к собственному браку. Складывающаяся система взаимоотношений, свойственная тому или иному виду брака, может быть в разной степени близка внутреннему миру человека (его представлениям о семье, его потребностям, паттернам поведения и др.), что будет отражаться на его эмоциональной оценке этих отношений. Таким образом, можно предположить наличие взаимосвязи удовлетворенности семейными отношениями и с видом брака, и с типом привязанности человека.

Целью нашего исследования стало изучение типа привязанности и уровня удовлетворенности браком в зарегистрированном и незарегистрированном браках. Основной гипотезой выступило предположение о том, что существует взаимосвязь между выбранным видом брака (зарегистрированным или незарегистрированным), типом привязанности и уровнем удовлетворенности браком.

Методики исследования:

1. «Стиль привязанности во взрослом возрасте» (адаптирован Т.В. Казанцевой, В.Н. Куницыной);
2. Опросник привязанности к близким людям (Н.В. Сабельникова, Д.В. Каширский)
3. Методика определения уровня удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.Л. Романова и Г.П. Бутенко).

Выборка исследования: 61 женщина, в возрасте от 20 до 54 лет ($M=34,1$; $SD=8,5$). 18 женщин состоят в незарегистрированном браке

(по возрасту: $M=29,8$; $SD=7,3$), 43 состоят в официально зарегистрированном браке (по возрасту: $M=35,9$; $SD=8,4$).

С помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни было установлено, что у женщин, состоящих в зарегистрированном браке, уровень удовлетворенности браком значимо выше (при $p \leq 0,01$), чем у женщин, состоящих в незарегистрированном браке ($U=202,000$; $p=0,003$).

Анализ результатов с помощью критерия Манна-Уитни продемонстрировал, что между изучаемыми видами брака отсутствуют значимые различия по показателям привязанности: «Беспокойство» ($U=368,000$; $p=0,752$) и «Избегание» ($U=351,500$; $p=0,574$) – методика Т.В. Казанцевой, В.Н. Куницыной; «Тревожность» ($U=297,500$; $p=0,152$) и «Избегание» ($U=374,500$; $p=0,841$) – опросник Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского.

Используя непараметрический критерий Краскела-Уоллиса, мы выявили, что у женщин с разным типом привязанности имеются значимые различия ($p \leq 0,001$) в уровне удовлетворенности браком ($N=17,902$; $p=0,000$). Наиболее высокий показатель удовлетворенности своим браком продемонстрировали женщины с надежным типом привязанности (36,35 балла), несколько более низкий уровень – женщины с тревожно-озабоченным типом привязанности (35,6 балла). Женщины с избегающе-отвергающим типом привязанности получили показатель 31,25 балла, а самый низкий уровень удовлетворенности браком был выявлен у женщин с избегающе-опасающимся типом привязанности – 23,9 балла.

Результаты проведенного исследования частично подтвердили основную гипотезу исследования:

- 1) женщины в зарегистрированном браке значимо более удовлетворены браком, чем женщины, не регистрировавшие брачные отношения;
- 2) женщины с разным типом привязанности имеют значимые различия в уровне удовлетворенности браком;
- 3) по показателям привязанности выявить значимые различия между женщинами, состоящими в двух изучаемых нами видах брака, не удалось.

Литература

1. *Бриш К.Х.* Терапия нарушений привязанности: От теории к практике. М., 2014.

2. *Bartholomew K. Attachment styles among young adults: A test of a four category model / K. Bartholomew, L.M. Horowitz // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 61. No2. P. 226–244.*

Исследование социальной фрустрированности и зависти у современной молодежи

Эйфир М.М., Шукишина Л.В.

*РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
eyfir2001@yandex.ru, liudmila.shukshina@yandex.ru*

Исследование феномена зависти на сегодняшний день является актуальным вопросом в рамках отечественных и зарубежных работ. Вместе с тем не менее важно уделить внимание и проблеме социального фрустрирования, особенно среди молодежи в возрасте от 18 до 27 лет.

С теоретической точки зрения, зависть можно отнести к социально-психологическому явлению, которое прослеживается на протяжении многих эпох и в разных социально-политических формациях [1]. В зарубежной литературе последних лет отмечается, что зависть не возникает, когда человек сравнивает себя с людьми, которые сильно отличаются от него, занимают совершенно другое место в жизни, имеют совершенно другое происхождение. Поскольку зависть обязательно включает в себя ощущение личной неполноценности по отношению к такому же человеку, она сопровождается стыдом, включает в себя агрессию и злобу [5]. Данный факт описывает и Н.В. Усова, отмечая, что зависть представляет враждебное отношение субъекта к объекту проявления зависти, основанное на его превосходстве в значимых сферах, сопровождающееся негативными эмоциями не только на другого человека, но и на себя, понижением самооценки [4].

Социальная фрустрированность – это следствие реальной социальной ситуации, в которой отсутствует возможность актуализации социальных потребностей. Уровень социальной фрустрированности определяется уровнем «удовлетворенности/неудовлетворенности» в сферах отношений личности, наиболее для нее значимых [3].

В рамках изучения социальной фрустрированности личности также стоит отметить, что молодежь чаще всего относится к числу незащищенных социальных групп, склонных к проявлению проблем в следующих сферах: материальной, межличностной (общение с друзьями, семьей, коллегами), учебной, бытовой и т.д. Данная проблема может возникать и вследствие отсутствия реализации значимых потребностей, мотивов, ценностей [2].

С целью выявления наличия взаимосвязи между такими факторами, как зависть и социальная фрустрированность, было проведено эмпирическое исследование. В качестве основной гипотезы выступило предположение, что существуют значимые связи между категориями социальной фрустрированности и зависти.

В исследование приняли участие 40 человек, в том числе 33 девушки и 7 юношей в возрасте от 18 до 27 лет.

Для исследования были использованы две методики: «Методика диагностики уровня социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана (модификация В.В. Бойко) и «Методика завистливости личности» Т.В. Бесковой.

В результате анализа данных, выявленных с помощью «Методики диагностики социальной фрустрированности», были получены следующие результаты (в процентном соотношении от общего числа респондентов):

- 30% – умеренный уровень фрустрированности;
- 28% – неопределенный уровень фрустрированности;
- 12% – пониженный уровень фрустрированности;
- 10% – очень высокий уровень фрустрированности;
- 10% – повышенный уровень фрустрированности;
- 10% – очень низкий уровень фрустрированности.

Полученные показатели говорят о том, что для большинства опрошенных не характерно испытывать неудовлетворенность своими достижениями или положением в социально-заданных иерархиях в обществе. Во многом это может быть связано с возрастом респондентов, их социальным статусом.

Анализ результатов, полученных по методикн Т.В. Бесковой, «Методика завистливости личности» показал, что у 37% респондентов наблюдаются средние значения по категории зависть-неприятнь. На фоне данных показателей стоит отметить, что у более 50% опрошенных также прослеживаются средние значения, но по категории зависть-уныние. Полученные результаты демонстрируют, что не всем опрошенным свойственно проявлять такие эмоции, как

гнев, злость, раздражение в отношении объекта зависти, распространять слухи, сплетни, необоснованно критиковать. Для студентов более характерно проявление таких чувств, как обида, грусть, отчаяние, игнорирование успехов объекта зависти, смещение сферы интересов на менее успешных людей, эмоциональное ориентирование на себя.

Статистический анализ (линейная корреляция по Пирсону) показал, что между социальной фрустрированностью и категорией зависти-неприязни существует прямая значимая взаимосвязь (при $p < 0,01$, $r = 0,380$), что косвенно подтверждает выдвинутую ранее гипотезу. Это говорит о том, что проявление неудовлетворения в различных социальных сферах (материальной, межличностной (общение с друзьями, семьей, коллегами), учебной, бытовой и т.д.) может привести к возникновению раздражения текущим положением вещей, выражению гнева или злости на объект зависти.

Подводя итог, можно сказать, что социальная фрустрированность среди студентов выражена умеренно и ярко проявляется лишь у небольшого числа респондентов, что может определяться возрастными критериями и текущим социальным статусом. Тем не менее стоит отметить, что на фоне низких значений категории зависть-неприязнь у более половины опрошенных (55%) преобладают средние значения показателя зависти-уныния. Полученные данные можно использовать в дальнейших исследованиях социального аспекта зависти в сфере педагогики и психологии.

Литература

1. *Бескова Т.В.* Социально-психологическая модель зависти / Т. В. Бескова // Человеческий капитал. 2019. № 12(132). С. 211-220. DOI 10.25629/НС.2019.12.23. EDN JVKLPJ.
2. *Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И.* Особенности социальной фрустрированности личности учащихся школы и колледжа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №8-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsialnoy-frustrirovannosti-lichnosti-uchaschihsya-shkoly-i-kolledzha> (дата обращения: 10.04.2022).
3. *Дмитроченко А.А., Самородова А.В., Гайворонская А.А.* Социальная фрустрированность и ощущение одиночества // Смоленский медицинский альманах. 2016. №4. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-frustrirovannost-i-oschuschenie-odinochestva> (дата обращения: 10.04.2022).
4. *Усова Н. В.* Ценностные приоритеты субъектов зависти // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-prioritety-subektov-zavisti> (дата обращения: 11.04.2022).
 5. *Protasi S* Envy and Resentment in the Time of Coronavirus // ResearchGate.net URL: https://www.researchgate.net/publication/355113024_Envy_and_Resentment_in_the_Time_of_Coronavirus (дата обращения: 11.04.2022).

Социально-психологические особенности азербайджанцев в Грузии

Ядигаров Э., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
eminyadigarov@gmail.com, os_pavlova@mail.ru

Грузия – многонациональная страна, в которой азербайджанцы имеют многовековой опыт проживания и находятся в постоянных взаимоотношениях с грузинами. Первыми «азербайджанцами» (фактически тюркоязычными мусульманами), прибывшими в Грузию, были кочевые тюркские племена, которые начали селиться в регионе в XI веке. Следующая волна прибыла в XVI-XVII веке. Большинство азербайджанцев были крестьянами, живущими в деревнях, а некоторые из них стали торговцами и ремесленниками в городских районах.

В Тбилиси азербайджанская община почти поровну разделена на шиитов и суннитов, отношения между двумя общинами хорошие, о чем свидетельствует тот факт, что в Тбилиси существует Джума мечеть (мечеть для обязательных для мусульман пятничных молитв), обслуживающая обе общины. До начала 1950-х годов Джума мечеть обслуживала только суннитов. В 1951 году шиитская мечеть была разрушена коммунистами, в результате чего сунниты и шииты вынуждены были молиться в одной мечети [1].

В период Российской Империи при государственной поддержке для мусульманской общины была открыта Исламская семинария для

подготовки мулл. В советское время 96,3% азербайджанцев в Грузии были неграмотными. Во время советской власти в Грузии, насчитывалось 59 мечетей, обслуживающих азербайджанскую общину. Мюридизм получил широкое распространение среди азербайджанцев Грузии из-за влияния северокавказского ислама. Существовали также многочисленные медресе, обслуживающие азербайджанское сообщество, дававшие лишь элементарное образование. Примерно 93% живущих в Грузии азербайджанских мусульман – шииты, и лишь 7% – сунниты. Однако религиозные различия никак не сказываются на бытовом уровне (родственные отношения, смешанные семьи, тесные социальные и экономические связи) – и шииты, и сунниты являются частью единого социума [2].

Религиозность азербайджанцев Грузии впитала различные культурные традиции, которые отличаются от некоторых исламских ритуалов. Посещение мечети связано в основном с погребальными обрядами и чтением молитв, которые проводит мулла; многие азербайджанцы считают себя верующими, но у них нет времени регулярно и молиться. В конце 1990-х годов полевые исследования в азербайджанских деревнях показали, что только 13% мужчин и 9% женщин молились пять раз в день [3].

Большинство практикуют ритуал жертвоприношения (курбан), в частности, когда посещают могилы родственников. Некоторые также регулярно участвуют в коллективных молитвах, в том числе в домах, приглашают муллу прочитать Коран.

Ислам и связанные с ними аспекты детерминируют социально-психологические особенности азербайджанцев Грузии. Азербайджанцы приравнивают религию к национальности и считают мусульманство своей национальностью. В районах, густонаселенных азербайджанцами, высок уровень рождаемости. Браки между азербайджанцами и представителями других национальностей крайне редки. В сельских регионах большие (расширенные) семьи, которые основаны на кровном родстве. Представители двух или трех поколений живут вместе со своим отцом, матерью и замужними детьми.

Среди азербайджанцев редко встречаются межэтнические браки. Браки в основном строятся на договоренности двух семей, поэтому из-за культурных различий нередко межнациональный брак встречает непонимание и осуждение со стороны окружающих. Не только соседи, коллеги, приятели, малознакомые, дальние родственники могут упрекать, обсуждать, судачить и искать неискренность, материальную выгоду у одного или обоих представителей пары, решивших

официально узаконить романтические отношения. А у грузин сызмальства принято прививать чувство национальной и религиозной гордости и страх перед ассимиляцией, уверенность в том, что создавать семью крайне необходимо внутри своей нации.

На уровне семьи у азербайджанцев соблюдается высокая дистанция власти. Главой семьи является отец семейства, который несет ответственность за всю семью. Детей воспитывают в духе послушания родителям, культивируется уважительное отношение к жизненному опыту старшего поколения. Детей приучают к тому, чтобы они соблюдали и уважали общественное мнение. В семейной обстановке отношения между детьми и старшими поколениями основаны на уважении и послушании – эта модель продолжает функционировать даже тогда, когда дети уже становятся взрослыми. Иногда даже существует иерархия между детьми, согласно которой младшие должны во всем соглашаться и уступать старшим. Уважение к родителям и к старшим людям воспринимается как главная добродетель, и это относится к поведению как детей, так и взрослых. В старости дети заботятся о своих родителях. В семейной среде доминирует принадлежность ребенка к коллективу. Модель уважительного отношения к старшим пронизывает все взаимоотношения, это базовая ценность.

Эта модель продолжает развиваться и совершенствоваться в учреждениях образования. Ролевая модель «родитель – ребенок» сменяется моделью «учитель – ученик», а базовые ценности общества и модели поведения просто переносятся из одной сферы человеческих взаимоотношений в другую. На уровне школы центральной фигурой в обучении является учитель. Учитель контролирует все коммуникации во время урока, ученик имеет право говорить только с его разрешения.

Общество возлагает большие надежды на индивида. Сразу после получения образования молодые люди устраиваются на работу и переносят ролевую модель «родитель – ребенок» и «учитель – ученик» на ролевые отношения между руководителем и подчиненным. Неравенство между людьми считается обоснованным и желательным. Люди, находящиеся на самых низких позициях в группе, принимают эту ситуацию и тот факт, что они кому-то подчиняются, зависят от него и должны проявлять послушание. Поэтому не удивительно, что отношение подчиненного к руководителю напоминает отношение к родителю, особенно к отцу, или отношение к учителю. Дистанция власти является основой взаимоотношений людей в обществе, она определяет модель ролевого поведения людей во всех социальных институтах.

Азербайджанцы в Грузии используют религию для объяснения своего психологического состояния. Люди с психологическими проблемами в основном обращаются к магам, гадалкам, народным целителям. В социуме сформировано предубеждение против культуры психологического консультирования. Эта ситуация не позволяет людям с психологическими проблемами получить профессиональную поддержку. Возможно, одним из наиболее распространенных предрассудков является то, что психолог лечит психически больных людей.

У азербайджанцев в Грузии слабо развито чувство государственной идентичности. Большинство из них не интересуются процессами, происходящих в грузинском обществе. На то есть разные причины. Основная причина – это, конечно же, языковой барьер. Подавляющее большинство азербайджанцев, проживающих в густонаселенных районах, не владеют государственным языком. Другие проблемы: низкое участие в политической жизни, низкий уровень формального образования, дискриминация, социокультурная изоляция. В результате такого развития событий в обществе наблюдается интенсивное отчуждение, равнодушие или тревога по отношению к происходящему.

Литература

1. *Sanikidze G.* Muslim Communities of Georgia: Old Problems and New Challenges. *Islamophobia Studies Journal*, 2018. 288 с.
2. *Сухарулдзе А., Урушадзе М.* Ислам в Грузии: Политика и Интеграция. Пути к миру и безопасности. 2016, №2 (51). 75 с.
3. *Sanikidze G., Walker E.W.* Islam and Islamic Practices in Georgia. *Berkeley Program in Soviet and Post-Soviet Studies Working Paper Series*. 2004. 10-14 с.

К проблеме изучения феномена «стеклянного потолка» в социальной психологии

Якунин И.М., Сачкова М.Е.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия
yakunin1147@gmail.com, sachkova@list.ru*

Термин «стеклянный потолок» обозначает «предел в карьере, выше которого женщины и представители других меньшинств не могут

продвинуться, по причинам, никак не связанными с их профессиональными качествами» [1, с. 78]. Такая дискриминация объясняется социальной ролью, отведенной женщинам в обществе, и предрассудками по поводу их профессиональных характеристик. Впервые данное понятие появилось в 1970-х годах, однако до сих пор в научном сообществе нет единства мнения по поводу самого факта его существования. В США, например, «стеклянный потолок» считается доказанным и запрещен законодательно, в других странах этот феномен называют «мифом», объясняя, что женщины сами не видят себя на руководящих должностях, отдавая приоритет заботе о семье [4, с. 3]. Подобный диссонанс может быть связан с неразработанностью проблемы, а также практически с отсутствием выверенного валидного методического аппарата, позволяющего зафиксировать факт дискриминации, основанной на стереотипах.

Большинство современных исследований строится на изучении субъективного восприятия респондентами определенных социальных феноменов. В России, например, используется опросник «Барьеры построения карьеры женщинами» (Поворина, Камардина, 2017). Аналогичные методики применяются и в других странах, в них обычно предлагается оценить утверждения по 5-балльной шкале Лайкерта. На основании данных, полученных с помощью таких опросников, было доказано, что женщины склонны переоценивать влияние гендерных факторов, а мужчины недооценивать [2]. В результате появляются взаимоисключающие результаты разных исследований: например, индустрия производства одежды на Шри-Ланке якобы не замечает «стеклянный потолок» вообще, а банковский сектор Бангладеш фиксирует каждое его проявление [5]. При этом гипотезы в обоих случаях были идентичными, оба автора применяли одинаковые методы проверки результатов: регрессионный анализ, дисперсионный анализ (ANOVA), коэффициент альфа Кронбаха, меру адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина, критерий Бартлетта и др.

На этом фоне исследователи фиксируют острую нехватку валидных методик для фиксации помех в карьерном продвижении женщин. Инструменты, построенные на получении субъективных оценок, показали свою неточность, не хватает методических средств, основанных на наблюдении за поведением участников процесса взаимодействия [2].

Зачастую одним из признаков наличия «стеклянного потолка» считается значительный гендерный перевес в руководстве компании

или целой отрасли [1; 4; 5]. Однако, во-первых, такие показатели могут быть вызваны объективными факторами, никак не связанными с исследуемым феноменом: сотрудники мужского пола могут быть более квалифицированными, а женщины склонны добровольно делать выбор в пользу семьи [3]. Во-вторых, зафиксировать «стеклянный потолок» можно только в динамике, исследовав факт продвижения по службе или факт отсутствия такого продвижения. Д. Коттер приводит следующий наглядный пример: если взять пул сотрудников низшего звена, где 100 человек мужчины и 100 человек женщины, и допустить, что из них повышение получают 20 мужчин и 10 женщин, то спустя время, сохраняя подобную пропорцию (каждый пятый из мужчин и каждая десятая среди женщин), повышение получают 4 мужчин и одна женщина [3]. При условии одинаковых компетенций это в чистом виде «стеклянный потолок», который имеет свойство усугубляться по мере продвижения по карьерной лестнице: на низшей ступени половой состав 1:1, на средней – 2:1, на высшей – 4:1. Однако подобных исследований, даже на небольших выборках, в России обнаружить не удалось.

Таким образом, устранение нехватки научных знаний по данной проблеме возможно благодаря разработке новых психологических методов или адаптации распространенных иностранных методик на российских выборках, чтобы стало возможным сравнение результатов отечественных и зарубежных исследований. Работа в этом направлении представляется актуальной и перспективной.

Литература

1. *Берн Ш.* Гендерная психология. М., 2004.
2. *Гуриева С.Д., Гунделах О.Е.* Гендерные барьеры карьерного продвижения в организации // *Administrative Consulting*. Volume 7. Issue 2 (14).
3. *Cotter D., Hermsen J.; Ovadia S., Vanneman R.* The Glass Ceiling Effect // *Social Forces*. 80. 2001.
4. *Domínguez M.A., Rivo-López E., Villanueva-Villar M.* «The Glass Ceiling»: Myth or Reality? An Expatriation Perspective // *Organizational Dynamics*. Volume 48, Issue 4, 2019.
5. *Md. Shawfiqul I.* Interaction of Glass Ceiling and Workplace Commitment: Evidence from Banking Industry in Bangladesh // *Jagannath University Journal of Psychology*, 10 (1), 129-140, 2020.

Образовательная супервизия в психологической службе образования

Янова Н.Г., Маслова И.В.

*ФГБОУ ВО АлтГУ, МБУ ДО ГППЦ Потенциал, Барнаул, Россия
yanova.ng@yandex.ru, mbudo.potl@barناول-obr.ru*

В системе профессионального обеспечения деятельности практикующих психологов существуют как разные институты образования (adult education, life-long education, postdoctoral professional education), так и разные институты поддержки (личная терапия, балинтовские группы, супервизия). В современной практике образования предметом системы комплексного сопровождения педагогов-психологов становится не только профессиональная деятельность, но и личность самого профессионала – с целью повышения ответственности специалиста по отношению к стандартам оказания психологической помощи. В свете проектных разработок РПО новой системы таких стандартов все более актуальной становится практика развития института супервизии и внедрение ее моделей. Традиционно супервизия выполняет три главных функции:

- обеспечение профессионального развития психолога-практика,
- стимуляция развития специальных навыков и компетенций,
- экспертиза профессиональной деятельности

Кроме набора знаний, умений, навыков, компетентностей и компетенций для психолога необходима специальная рефлексия (профессионального сознания, мышления, идентичности, коммуникации, приобщения к профессиональной традиции), целям которой и служат модели супервизии. Следует отличать терапевтические и образовательные модели психологической помощи и поддержки для специалистов помогающих профессий [2].

Модель образовательной супервизии предполагает не трансляцию знаний, а обмен компетенциями, формирующих и изменяющих опыт. Супервизорский процесс относится не к педагогике, а к психологии образования, поскольку требует особой лично-ориентированной модели диалога во внутри-профессиональном пространстве. Образовательная супервизия не включает терапевтическое сопровождение профессиональной практики специалиста, а *встроена в общую систему научно-образовательного обеспечения деятельности службы психологической помощи*. Эффективной моделью становится супервизорский диалог науки и практики, в

результате которого практика становится умной и осмысленной, а теория живой, ненадуманной, воплощенной [1]. Методология такого взаимодействия теории и практики представлена в размышлениях М.Ю. Кондратьева о профессиональном психологическом сообществе [4]. Образовательная модель супервизии как технология обмена опытом сможет решать научные задачи психологии на материале исследования психологической практики, и наоборот, исследовать случаи практики с позиции ресурсов теории [3]. Опытность психолога-практика определяется не столько временем его работы и подготовки, сколько способностью накапливать, осмыслять и транслировать свой профессиональный опыт.

Образовательная супервизия – модель экспериенциальной практики обучения, основанной на опыте (“experiential learning”), что существенно отличает ее как от обучения, так и от терапии. Это циклический процесс развивающей ситуации, в котором обучающийся психолог, отталкиваясь от нового опыта, через рефлексию переходит к осмыслению, а затем овладению профессиональным навыком. Такая модель предполагает критическое исследование специалистом своей практики и приобретение нового опыта ее понимания.

Принципы образовательной супервизии лежат в андрогогике (androgogy), теории я-ориентированного (self-directed learning) и трансформационного (transformational learning) обучения.

Суть образовательной супервизии – формирование психотехнического и рефлексивного мышления как основы процесса профессионализации. Профессионализм состоит не в стаже, а в умении рефлексировать, осмыслять и транслировать свою практику. Сопровождение профессионального развития в образовательной модели супервизии включает теоретическую подготовку; профессиональный тренинг; супервизию; клиентский опыт; самопознание. Сегодня такой формат становится нормой профессиональной жизни и соответствует международным требованиям и образовательным стандартам профессии психолога.

Принципы организации и работы модели образовательной супервизии для сопровождения и поддержки психологов в системе образования описаны в руководствах к моделям ресурсных центров супервизорского сопровождения деятельности специалистов служб психологической помощи населению [5].

Одной из региональных практик внедрения таких моделей сопровождения профессионалов в системе психологической службы в образовании стал сетевой проект «Лаборатория супервизии»,

действующий в рамках сотрудничества учреждений общего и высшего образования г. Барнаула. Миссией проекта является профессиональная поддержка кадровых ресурсов в психологии образования в формате супервизорского сопровождения личностных и профессиональных изменений в профессиональной карьере. Проект предлагает инициативное участие педагогов-психологов в мероприятиях образовательной супервизии от ведущих практиков институтов психологии и педагогики муниципального округа. Выбрана модель образовательной супервизии с режимом технологий кейс-менеджмента, ориентированных на 2 часа активной групповой работы в неделю. Дизайн супервизорских кейсов включает:

- тематические кейсы (обзоры новых фокусировок психологической практики),
- кейсы диагностики и развития компетенций (тренинги профессиональных компетенций),
- кейсы профилактики личных и профессиональных деформаций (психологический анализ личностных и профессиональных деструкций),
- кейсы медиации конфликтов и споров (тренинг медиативной компетентности личности, процедуры медиации споров и конфликтов),
- кейсы психокоррекции (тренинги эмоционального выгорания, стрессовых состояний),
- кейсы анализа случая (групповая супервизия консультационного случая для специалистов-практиков),
- авторские психотехнические кейсы (мастер-классы с презентацией авторских технологий и профессионального инструментария).

5-летний опыт «Лаборатории образовательной супервизии» показал, что вопросы самоопределения профессионалов, повышения их роли, авторитета и влияния в обществе становятся все более актуальными и задают новые модели организации профессиональной помощи и развития.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
2. *Винер Дж., Майзен Р., Дакхем Дж.* Супервизия супервизора: практика в поиске теории. М.: Когито-Центр, 2006.

3. *Залевский Г.В.* Супервизия: практика в поисках теории // Сибирский психологический журнал, 2008. №30.
4. *Кондратьев М.Ю.* Отечественное профессиональное психологическое сообщество: штрихи к портрету поколения: персоналии, события, проблемы. М.: Генезис, 2015.
5. *Щукина Ю.В.* Актуальные проблемы супервизорской практики // Теоретические и прикладные аспекты деятельности Центра экстренной психологической помощи МГППУ/Под ред. Баева И.А. М.: МГППУ, 2011.

Взаимосвязь удовлетворенности браком и конфликтности супружеских отношений в молодых и зрелых семьях

Ясюкевич Е.Г., Смирнова Ю.С.

*Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
smiry@bsu.by*

Психологические исследования супружеских отношений, несмотря на их богатую и продолжительную историю, не утрачивают своей актуальности. Неутешительная статистика разводов ставит перед учеными задачи поиска эффективных средств сохранения семьи. Среди факторов, которые следует при этом учитывать – удовлетворенность браком и конфликтность супружеских отношений [1; 2], взаимосвязь которых и стала предметом анализа в данной работе. Рассматривая конфликты как неотъемлемую характеристику супружеских отношений, мы предполагаем, что прочность брака коррелирует не с количеством конфликтов, а с характером конфликтного взаимодействия супругов. Чем более конструктивным является конфликтное взаимодействие супругов, тем выше их удовлетворенность браком как основа устойчивости последнего. Так, исследование Т.В. Скутиной продемонстрировало, что в парах с высоким уровнем удовлетворенности браком относятся к конфликту как к явлению, у которого есть позитивные и негативные стороны; супруги «готовы ответственно включаться в конфликт, использовать его для разрешения противоречий и проблем» [3, с. 547]. Неудовлетворенность браком сопряжена с негативной оценкой конфликта, который супруги считают «средством для "разрядки" и "подогрева" отношений»; они не готовы учитывать позицию партнера и «больше сфокусированы на своих нуждах и переживаниях» [3, с.

547]. Конструктивный способ разрешения конфликтов характеризует партнерскую модель отношений в семье, реализация которой способствует стабилизации брачных отношений [2].

Для сбора данных использовались опросник удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко и методика «Характер взаимодействия супругов в конфликтных ситуациях» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана. В исследовании приняло участие 25 супружеских пар со стажем совместной жизни от 1 до 5 лет (молодые семьи) и 25 супружеских пар со стажем совместной жизни от 7 до 10 лет (зрелые семьи). Для статистической обработки данных использовались частотный анализ, U-критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена.

В молодых семьях наиболее конфликтными, связанными с несогласием партнеров друг с другом являются сферы расхождения в отношении к деньгам (62%), нарушения ролевых ожиданий (56%), проявление доминирования одним из супругов (48%) и проблемы отношений с родственниками и друзьями (40%). В зрелых семьях несогласие с партнером чаще встречается в случаях нарушения ролевых ожиданий (36%) и расхождения в отношении к деньгам (32%). В целом в зрелых семьях ориентация на согласие с партнером, его одобрение и поддержку более выражена, чем в молодых семьях. Наиболее заметен этот контраст в вопросах, связанных с расхождением отношения к деньгам: согласие с партнером в этих случаях демонстрируют 68% супругов в зрелых семьях, в то время как в молодых семьях 62% супругов, напротив, проявляют несогласие с партнером.

Уровень удовлетворенности браком в молодых и зрелых семьях является достаточно высоким. Большинство супругов в молодых и зрелых семьях практически полностью удовлетворены браком (22% и 6% соответственно) или испытывают значительную удовлетворенность (62% и 54%). Были обнаружены статистически значимые различия в уровне удовлетворенности браком в молодых и зрелых семьях ($p=0,003$): супруги в молодых семьях (58,16) более удовлетворены браком, чем в зрелых (42,84).

Результаты корреляционного анализа продемонстрировали наличие умеренной положительной связи удовлетворенности браком с показателями по шкале «Рассогласование норм поведения» ($r=0,292$; $p=0,039$) в молодых семьях: чем в большей степени супруги ориентированы на достижение согласия в случаях рассогласования норм поведения, тем выше удовлетворенность браком, и наоборот.

Дальнейший анализ позволил установить, что эта взаимосвязь характерна для женщин из молодых семей ($r=0,487$; $p=0,014$), у мужчин статистически значимой корреляции между названными показателями обнаружено не было. Статистически значимых корреляций удовлетворенности браком и характера конфликтного взаимодействия супругов в зрелых семьях обнаружено не было.

Таким образом, в зрелых семьях ориентация супругов на согласие с партнером, его одобрение и поддержку более выражена, чем в молодых семьях. Ориентация на согласие с супругом, свойственная зрелым семьям, характеризует партнерскую модель отношений в семье, сопряженную с большей стабильностью супружеских отношений. Можно было предположить, что и уровень удовлетворенности браком в таких семьях будет более высоким. Однако, вопреки ожиданиям, в молодых семьях, где супруги в конфликтных ситуациях в меньшей степени, чем в зрелых семьях, ориентированы на партнерские отношения, уровень удовлетворенности браком оказался выше. Причем, чем в большей степени женщины в молодых семьях ориентированы на достижение согласия с супругом в случаях рассогласования норм поведения, тем выше уровень их удовлетворенности браком, и наоборот.

Литература

1. *Адушкина К.В.* Детерминанты удовлетворенности браком в молодых семьях // Сборник тезисов VI Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» 30 сентября - 4 октября 2015 г. Секция 4. Психология супружеских отношений. URL: https://psyjournals.ru/psy_family/issue/77709.shtml
2. *Клецина И.С.* Ситуация развода как предмет отечественных социологических и социально-психологических исследований семейных отношений // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 3.
3. *Скутина Т.В.* Продуктивность представлений супругов о конфликте и удовлетворенность браком // Сборник тезисов VI-й Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» 30 сентября - 4 октября 2015 г. Секция 4. Психология супружеских отношений. URL: https://psyjournals.ru/psy_family/issue/77709.shtml

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Абдулина Юлия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Адилова Эльнура Темиркановна, PhD, старший преподаватель Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Аймаганбетова Ольга Хабижановна, доктор психологических наук, профессор. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Аксеновская Людмила Николаевна, декан факультета психологии, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, доктор психологических наук. ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия.

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Аликин Марк Игоревич, магистр психологии, психолог отделения психологической помощи по телефону Краевого центра семьи и детей Красноярского края, аспирант Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева.

Алферьев Кирилл Викторович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Архипова Алина Сергеевна, студент психологического факультета. ИОН РАНХиГС.

Архипова Марина Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

¹ Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

Афони́на Наталья Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ахламова Анастасия Владимировна, студент факультета клинической и специальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бабанин Петр Алексеевич, старший преподаватель кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бабкин Даниил Валерьевич, студент магистратуры. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар.

Балухта Александр Иванович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Барбосова Юлия Владиславовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры социальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка ПИ РАО.

Беловол Елена Владимировна, профессор кафедры психологии развития личности, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Белодед Диана Роландовна, аспирант факультета юридической психологии. КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга.

Бельков Михаил Михайлович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бекшиева Маида Седретдиновна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бехтер Анна Александровна, кандидат психологических наук, педагог-психолог, доцент. ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск.

Богачева Татьяна Игоревна, аспирант ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск.

Бочкова Маргарита Николаевна, магистр психологии, представитель АО Тинькофф Банк, Москва.

Браткина Мария Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Брызнев Юрий Валентинович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Бубнова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар.

Бурдукова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии, заместитель декана факультета клинической и специальной психологии по научной работе. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Буркова Валентина Николаевна, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. Институт этнологии и антропологии РАН. НИУ ВШЭ, Москва.

Бутовская Марина Львовна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник. Институт этнологии и антропологии РАН, НИУ ВШЭ, Москва.

Василенко Варвара Сергеевна, преподаватель. РАНХиГС при Президенте РФ, Москва.

Васин Николай Вячеславович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Волков Роман Сергеевич, аспирант кафедры общей психологии факультета психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Воробьева Ирина Владимировна, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета, кандидат

социологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва.

Воронина Раиса Николаевна, аспирант кафедры педагогики и психологии. МГИМО МИД России, Москва.

Вурзель Анна Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Газзаева Наталья Михайловна, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии. Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия.

Гайдар Карина Марленовна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Воронеж.

Гвоздкова Регина Игоревна, студент магистратуры кафедры социальной психологии. Санкт-Петербургский государственный университет.

Горелов Илья Олегович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гриднева Дарья Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Гриценко Валентина Васильевна, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, доктор психологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Грушевский Игорь Александрович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Давыдова Елена Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Даниленко Ольга Васильевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Даниленко Ольга Ивановна, доктор культурологии, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Данилова Елизавета Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дашко Ирина Владимировна, тренер. МАУ СШОР «Вымпел», Калуга.

Делибальт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Денисенкова Наталия Сергеевна, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дмитриева Ольга Павловна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Дробышева Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии. ФГБУН «Институт Психологии РАН».

Дубовских Юлия Владимировна, студент магистратуры кафедры социальной психологии. Санкт-Петербургский государственный университет.

Ершов Сергей Владимирович, преподаватель. Российский университет транспорта (МИИТ), Москва.

Жаринова Юлия Игоревна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Заболоцкая Светлана Владимировна, генеральный директор. Региональная общественная организация «Союз Безопасности Дорожного Движения» МО.

Зарецкая Надежда Евгеньевна, студент магистратуры факультета психологии. Московский Психолого-социальный университет.

Захарова Инна Владимировна, доцент кафедры педагогики и социальной работы, кандидат педагогических наук. ФГБОУ ВО УлГПУ имени И.Н. Ульянова, Ульяновск.

Захарова Лидия Станиславовна, исследователь, преподаватель-исследователь, зав. отделением социально-правовой помощи. Краевой центр семьи и детей Красноярского края, Красноярск.

Зими́на Альбина Александровна, педагог-психолог, аспирант. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Золина Вероника Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Зотова Лариса Эдуардовна, доцент кафедры социальной психологии, кандидат психологических наук. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Ильиных Юлия Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии семьи и детства. ФГБОУ ВО РГГУ, «Институт психологии им. Л.С. Выготского».

Истомин Владислав Викторович, заместитель директора по воспитательной работе, педагог-психолог. МОАУ СОШ № 17 с УИОП, г. Екатеринбург.

Камнев Александр Николаевич, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью, доктор психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Каракаш Александра Александровна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Карасев Александр Дмитриевич, студент магистратуры психологического факультета. ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара.

Карачун Мария Леонидовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Карпова Юлия Константиновна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная

психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Каташин Сергей Юрьевич, тренер. МАОУДОД «Детско-юношеская спортивная школа по видам единоборств», Красноярск.

Кауненко Ирина Ивановна, доктор психологии, доцент, старший научный сотрудник Центра Этнологии Института Культурного Наследия Министерства образования, культуры и исследований, Республика Молдова, Кишинёв.

Кенесбаев Асхат Махсултанович, студент магистратуры Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Ким Роберт Владимирович, тренер. МАУ СШОР «Вымпел», Калуга.

Киселева Екатерина Александровна, зав. кафедрой психологии семьи и детства, кандидат педагогических наук, доцент. ФГБОУ ВО РГГУ, «Институт психологии им. Л.С. Выготского».

Ковалева Татьяна Вячеславовна, доцент кафедры психологии управления факультета социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ковыльникова Екатерина Александровна, специалист по учебно-методической работе факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Когай Изольда Александровна, студент Высшей школы социально-гуманитарных наук. РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва.

Кожухарь Галина Сократовна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Козлова Марина Николаевна, студент магистратуры. НОУ ВПО «РосНОУ», Москва.

Кононыхина Василина Борисовна, аспирант кафедры общей психологии и психологии труда. Гуманитарный институт, АНО ВО «РосНОУ», Москва.

Конопельчева Наталья Александровна, тренер. МАУ СШОР «Вымпел», Калуга.

Конькова Наталья Владимировна, магистр психологии, специалист кадрового холдинга «АНКОР».

Корнеева Анна Николаевна, студент Высшей школы социально-гуманитарных наук. РЭУ им Г.В.Плеханова, Москва.

Корниенко Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и клинической психологии. ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь.

Кочетков Никита Владимирович, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кочетова Татьяна Викторовна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Красило Дарья Александровна, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Красило Татьяна Александровна, доцент кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Красмик Юлия Николаевна, докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Кривцова Анна Сергеевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кружкова Ольга Владимировна, зав. лабораторией перспективных социально-средовых исследований, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург.

Крушельницкая Ольга Борисовна, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ксенда Ольга Григорьевна, доцент, кандидат психологических наук, доцент. Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Кудряшов Дмитрий Павлович, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кузнецов Игорь Михайлович, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат социологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Кузнецова Анастасия Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Курилович Антонина Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Куфтяк Елена Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии. РАНХиГС, Москва.

Кушнир Ольга Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лазарева Юлия Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лалу Саади (Lahlou Saadi), профессор кафедры психологических и поведенческих наук, доктор психологических наук. Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания.

Лебедева Валерия Евгеньевна, студент факультета психологии. СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов.

Лебедева Светлана Юрьевна, педагог-организатор. АНО «Хорошевская школа», Москва.

Леонова Екатерина Николаевна, преподаватель кафедры педагогики, психологии и психосоматической медицины ФГБОУ ВО «Ижевская медицинская академия»; аспирант кафедры общей психологии ФГБОУ ВО Удмуртский государственный университет, Ижевск.

Лесин Александр Михайлович, доцент кафедры общей и специальной психологии с курсом педагогики, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО Рязанский государственный

медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Рязань. ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России

Литвинова Елена Юрьевна, доцент кафедры психологии управления, кандидат психологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Логвинова Маргарита Игоревна, ассистент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Лосинская Татьяна Станиславовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Лукьянченко Наталья Владимировна, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», Красноярск.

Лысанская Полина Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Майсак Надежда Васильевна, доцент кафедры конфликтологии и организационной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань.

Макарова С.А. Содружество организаторов детского отдыха, Москва.

Максимова Анастасия Михайловна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Максимова Мария Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Малахова Анастасия Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Маленова Арина Юрьевна, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат психологических наук, доцент. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск.

Манджиева Мария Леонидовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная

психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Маньшина Анна Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Маринова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат биологических наук, доцент. Декан факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Марченко Анна Эдуардовна, студент специальности «Социальная психология». Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Маслова Ирина Владимировна, директор. МБУ ДО Городской психолого-педагогический центр «Потенциал», Барнаул.

Матвеев Владислав Павлович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Матвеев Сергей Александрович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Матвеева Алена Игоревна, аналитик управления научных исследований, аспирант. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург.

Махмутова Елена Николаевна, доцент кафедры педагогики и психологии, кандидат психологических наук, доцент. МГИМО МИД России, Москва.

Мельникова Ольга Тимофеевна, профессор кафедры социальной психологии, доктор психологических наук. МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва.

Мельничук Андрей Степанович, доцент факультета психологии, кандидат психологических наук, доцент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Мешкова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. Факультет социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Миллер Эрика Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Моисеенко Ксения Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая Этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Молев Валерий Владимирович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Морозова Диана Николаевна, студент. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», Кострома.

Муковнина Дарья Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Мурзабек кызы Мээрим, студент. ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва.

Мухин Вадим Валентинович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Нажимидин Аминат Ибрахимқызы, студент магистратуры факультета философии и политологии. Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Казахстан, Алматы.

Назарова Людмила Дмитриевна, кандидат педагогических наук, педагог-психолог. Детский сад № 81, Орел.

Нацинцева Анастасия Викторовна, студент факультета психологии. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва.

Нестерова Альбина Александровна, профессор кафедры социальной психологии, доктор психологических наук. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Нигоренко Екатерина Николаевна, студент факультета психологии. СПбГУ, Санкт-Петербург.

Никитская Мария Геннадьевна, аспирант. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Николаева Людмила Викторовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология

дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Новак Наталья Георгиевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Носкова Любовь Алексеевна, студент факультета педагогики и психологии. Программа магистратуры «Научно-методическое обеспечение начального образования». ФГБОУ ВО УлГПУ имени И.Н. Ульянова, Ульяновск.

Огнев Александр Сергеевич, научный руководитель Института педагогики и психологии, доктор психологических наук. АНО ВО «РосНОУ», Москва.

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара.

Опекина Татьяна Петровна, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», Кострома.

Орлов Владимир Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлов Александр Вячеславович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлова Ксения Николаевна, ассистент кафедры ТиПП, аспирант психолого-педагогического факультета. ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита.

Павлова Ольга Сергеевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат педагогических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Павлова Юлия Борисовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пак Евгений Олегович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная

психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пащикова Яна Андреевна, преподаватель кафедры общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж.

Пащенко Александр Константинович, профессор кафедры спортивных дисциплин и методик их преподавания. Институт физической культуры, спорта и здоровья ФГБОУ ВО МПГУ.

Петрова Полина Николаевна, студент. ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва.

Петрушихина Елена Борисовна, декан факультета психологии образования, кандидат психологических наук. Института психологии им. Л.С. Выготского, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Погодина Алла Васильевна, заведующая кафедрой психологии управления, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Полежаева Любовь Вадимовна, независимый психолог-консультант, кандидат психологических наук. Днепр, Украина.

Пожарская Елена Леонидовна, доцент кафедры психологии, кандидат экономических наук. ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва.

Полякова Ольга Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Попович Юлия Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Пригожева Надежда Емилиановна, студент по программе «Клинико-психологическая помощь». КГУ им К.Э. Циолковского, Калуга.

Разумова Светлана Павловна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Расходчикова Марина Николаевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Рахманов Роман Павлович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Репенко Мария Сергеевна, студент магистратуры филологического факультета. ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк, Донецкая Народная Республика.

Репещук Ксения Юрьевна, аспирант факультета психологии образования. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Решетко Светлана Альбертовна, аспирант. ФГБУН Институт Психологии РАН, Москва.

Робин Сергей Дмитриевич, лаборант. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург.

Рожок Анатолий Васильевич, кандидат психологических наук, директор научно-образовательного центра оценки руководителей и управленческих команд. ФОиР ВШГУ РАНХиГС, Москва.

Ромашева Жаназуль Жумабековна, аспирант факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Рубан Елена Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Рубцова Елизавета Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Рягузова Елена Владимировна, заведующая кафедрой психологии личности, доктор психологических наук. СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов.

Саламанка Саламанка Сара Патрисия, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Самосюк Александра Андреевна, студент факультета философии и социальных наук. Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, Минск.

Самохвалова Анна Геннадьевна, директор института педагогики и психологии, доктор психологических наук, профессор. ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», Кострома.

Саргсян Ануш Артуровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сардарян Елизавета Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сачкова Марианна Евгеньевна, профессор кафедры общей психологии, доктор психологических наук, профессор. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Свечникова Юлия Александровна, художественный руководитель Центра эстетического развития, магистр психолого-педагогического образования, Эль-Кувейт, Кувейт.

Свириденко Инна Николаевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Седенкова Ирина Сергеевна, эксперт-психолог научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики, КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга.

Слезнева Елена Владимировна, эксперт научно-образовательного центра современных кадровых технологий ФОиР ВШГУ, доктор психологических наук. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС.

Семенова Лидия Эдуардовна, профессор кафедры общей и социальной психологии, доктор психологических наук. ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород.

Серегина Анна Александровна, кандидат психологических наук, доцент. Институт психотерапии и клинической психологии, Москва.

Сереченко Анна Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Серова Ольга Александровна, педагог-психолог. ЯФ ПГУПС, Ярославль.

Сидячева Наталья Владимировна, заведующая кафедрой социальной психологии, кандидат психологических наук. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Силантьева Светлана Владимировна, студент факультета социальной коммуникации. Программа магистратуры «Молодежные инициативы в социальной сфере». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Синицына Александра Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сиукаева Елена Гурамовна, заведующая кафедрой педагогики и психологии, кандидат педагогических наук. Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова, Цхинвал, Республика Южная Осетия

Смирнова Юлия Сергеевна, доцент, кандидат психологических наук. Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

Снисар Кристина Андреевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Собкин Владимир Самуилович, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, руководитель ЦСО ФГБНУ «ИУО РАО».

Соловьева Елена Леонидовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сорокина Татьяна Алексеевна, студент магистратуры факультета психологии, по направлению социальной психологии. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Стеценко Александра Геннадьевна, студент. Программа магистратуры «Возрастно-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Судакова Вера Дмитриевна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Суннатова Рано Иззатовна, ведущий научный сотрудник, доктор психологических наук. ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования».

Сутягина Анна Алексеевна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сушкова Александра Анатольевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Сысоева Алёна Владимировна, аспирант, магистр психологических наук. ГУО «Академия последиplomного образования», Минск, Республика Беларусь.

Тарасов Александр Сергеевич, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тарасов Семён Васильевич, аспирант, младший научный сотрудник Лаборатории социальной и экономической психологии. ФГБУН Институт Психологии РАН.

Таратухин Арсений Викторович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тарунтаев Павел Игоревич, аспирант. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тереценко Анна Алексеевна, студент факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Титовец Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики, кандидат педагогических наук. «Белорусский государственный педагогический университет» имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь.

Тихомирова Елена Викторовна, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат педагогических наук. ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет».

Ткаченко Наталья Владимировна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО

«Московский государственный психолого-педагогический университет».

Толстиков Виталий Владимирович, преподаватель кафедры общей и социальной психологии. ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж.

Толстых Наталия Николаевна, заведующая кафедрой «Социальная психология развития», доктор психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Троицкая Елена Авенировна, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии Института гуманитарных и прикладных наук, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет».

Трушкова Светлана Викторовна, профессор кафедры социально-психологической безопасности личности, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский социально-педагогический институт».

Туйчиева Мадина Дилиюдовна, студент факультета юридической психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Тычинина Мария Игоревна, аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Улитина Анастасия Алексеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Умнов Владимир Павлович, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания. ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

Устинова Наталия Валериевна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук. ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк, Донецкая Народная Республика.

Федяева Анастасия Юрьевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Феклисова Анастасия Александровна, аспирант. ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет».

Феоктистова Светлана Васильевна, профессор кафедры общей психологии и психологии труда, доктор психологических наук. АНО ВО «Российский новый университет» (АНО ВО «РосНОУ»).

Финашина Маргарита Евгеньевна, студент факультета психологии образования. Программа магистратуры «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Фисханова Гузьяль Рафисовна, студент факультета педагогики и психологии. ФГБОУ ВО УлГПУ имени И.Н. Ульянова, Ульяновск.

Фоке-Алехин Филипп (Fauquet-Alekhine Philippe), сотрудник Лаборатории субъективной доказательной этнографии психологических и поведенческих наук (SEBE-Lab). Кафедра психологических и поведенческих наук. Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания.

Хавыло Алексей Викторович, заведующий лабораторией информационно-психологической безопасности, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат психологических наук. КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга.

Хаймовская Наталия Ароновна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Халиуллина Динара Ришатовна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Харченко Максим Андреевич, доцент кафедры психологии управления, кандидат физико-математических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Хван Андриан Андрианович, доцент кафедры психологии и педагогики, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО Гжельский государственный университет, Москва.

Храמיцина Кристина Евгеньевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Хухлаев Олег Евгеньевич, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Цветкова Анастасия Васильевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Чернецова Мария Игоревна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Чикер Вера Александровна, доцент кафедры социальной психологии, старший научный сотрудник, кандидат психологических наук. СПбГУ, Санкт-Петербург.

Чмож А.А., студент магистратуры кафедры социально-психологической безопасности личности. МСПИ, Москва.

Шарапов Никита Александрович, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шаталова Ирина Ивановна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шевченко Евгения Владимировна, студент магистратуры. РосНОУ, Москва.

Шипова Наталья Сергеевна, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, кандидат психологических наук. Костромской государственный университет, Кострома.

Шишлова Наталья Сергеевна, специалист по учебно-методической работе факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Шнейдер Лидия Бернгардовна, профессор кафедры психологической антропологии, профессор кафедры воспитания и профилактики девиантного поведения, доктор психологических наук. ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет».

Шукина Людмила Викторовна, профессор кафедры психологии, доктор философских наук. ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва.

Щит Евгения Александровна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое

консультирование». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Эйфир Маргарита Михайловна, студент высшей школы социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Москва.

Ядигаров Эмин, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Якунин Иван Максимович, аспирант факультета психологии направления «Социальная психология». ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва.

Янова Наталья Геннадьевна, заведующая базовой кафедрой психометрики, кандидат социологических наук. ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул.

Ясюкевич Елизавета Геннадьевна, студент. Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

**Социальная психология:
вопросы теории и практики**

**Материалы VII Международной научно-
практической конференции
памяти М.Ю. Кондратьева
(12–13 мая 2022 г.)**

**Москва, ФГБОУ ВО МГППУ
Факультет социальной психологии**